Коммунистически

…т дать повод к беспорядкам со
…гочисленных кругов инакомысля-
Было совершенно ясно, что за
…цев помещения стояло прави-
…вшее воспрепятствовать со-
…льзя, так нельзя, что же де-
…ые собственники не хотят
…ние»,—так решила редакция.
…телефону: секретарь союза
…ическому освещению про-
…олько дюжин билетов. Ему
…сожалению, митинг не со-
…по и такой-то причине.
… секретарь, и немедленно
…енникам залы: «Вы не
…да, так и так, к сожа-
…е можете? В таком
… больше освещения».
…ечер в зале был
…тилась в
… за-

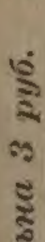
ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

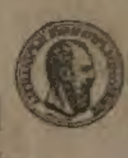
ВЫПУСКЪ X.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.



СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ
М. Д. НАУМОВА.



МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1894.

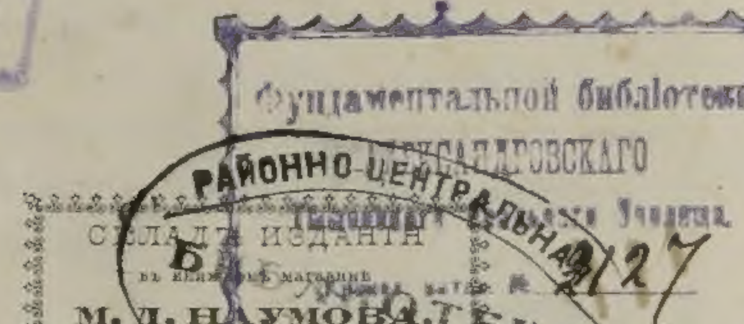
ИСТОРИЧЕСКАЯ
ХРЕСТОМАТІЯ

ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ВЫПУСКЪ X.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.



МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1894.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задавшись цѣлію представить, по возможности, полную и характерную картину древне-русскаго просвѣщенія, выясняющую какъ объемъ, такъ его направленіе и характеръ, составитель хрестоматіи далъ мѣсто въ настоящемъ выпускѣ статьямъ, трактующимъ о существованіи самыхъ училищъ, о лицахъ, обучавшихъ въ школахъ, о методахъ преподаванія, о внѣшнихъ и внутреннихъ распорядкахъ школы, о самообразованіи и источникахъ древне-русскаго просвѣщенія. Съ этимъ вмѣстѣ обращено должное вниманіе и на самые учебники, употреблявшіеся въ школахъ: объ нихъ сообщены настолько подробныя свѣдѣнія, что по нимъ легко составить понятіе о суммѣ и характерѣ знаній, сообщаемыхъ ученикамъ.

В. Покровскій.

Историческій очеркъ древнерусскаго просвѣщенія.

Древняя Русь имѣла у себя одно лишь элементарное школьное обученіе, практиковавшееся въ приходскихъ школахъ и состоявшее въ обученіи чтенію, пѣнію и письму. Преподавателями этихъ приходскихъ школъ были или члены мѣстнаго приходскаго клира, или особые, такъ называемые, мастера изъ мірянъ. И тѣ и другіе сами получали образованіе въ тѣхъ же школахъ, вслѣдствіе чего уровень школьнаго образованія постоянно оставался одинъ и тотъ же, нисколько не поднимаясь въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ. Школы эти были, разумѣется, открытыми для всѣхъ, желавшихъ учиться, безъ различія состояній и будущихъ занятій ихъ воспитанниковъ. Если въ нихъ и замѣчается преимущественно церковный характеръ курса, то это зависѣло отъ общаго религіознаго направленія жизни самого русскаго общества, и духовными, въ смыслѣ позднѣйшемъ, т.-е. имѣющими назначеніе воспитывать дѣтей „въ надежду священства“, назвать ихъ нельзя. Особаго спеціальнаго приготовленія къ духовному служенію такъ и не выработала древняя Русь до послѣдняго времени. Съ одной стороны, это обстоятельство имѣло хорошую сторону, поддерживая самую близкую связь между народомъ и его пастырями, но, съ другой стороны, невыгодно отражалось на состояніи самого пастырства и на развитіи религіознаго учительства духовенства. Священнослужитель стоялъ на одинаковомъ уровнѣ религіознаго знанія съ народомъ; это былъ не пастырь-руководитель своихъ пасомыхъ въ усвоеніи высокихъ истинъ вѣры, а скорѣе представитель того же религіознаго міросозерцанія, какое господствовало въ самой массѣ темнаго народа. Единственнымъ средствомъ возвыситься надъ этимъ общимъ уровнемъ народнаго религіознаго образованія для пастыря было самообразованіе, которое достигалось съ помощью усерднаго чтенія различныхъ божественныхъ писаній,

какъ тогда назывались всѣ религіозныя книги. Человѣкъ, воспользовавшійся этимъ средствомъ, получалъ дѣйствительно громадное превосходство надъ другими, слылъ премудрымъ философомъ, имѣлъ сильный авторитетъ, вслѣдствіе чего дѣлался обыкновенно безспорнымъ кандидатомъ на всѣ высшія церковныя должности и главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ; но на самомъ дѣлѣ онъ все-таки и при этомъ оставался только начетчикомъ, превосходившимъ другихъ не широтой и глубиной своего религіознаго міросозерцанія, а лишь тѣмъ, что одинъ усвоялъ себѣ то, что въ массѣ раздѣлено было между многими. Типъ этихъ начетчиковъ слишкомъ хорошо извѣстенъ и въ настоящее время, чтобы его описывать. Въ древней Руси несостоятельность образованія этихъ мудрыхъ философовъ вполнѣ обнаружилась во время сильнаго церковнаго движенія второй половины XVII вѣка, когда сонный застой религіозной жизни, бывшій неизбѣжнымъ слѣдствіемъ вѣковой монотонности и одинаковаго, неизмѣннаго уровня древняго религіознаго образованія, былъ въ первый разъ до дна взволнованъ напоромъ внѣшнихъ просвѣтительныхъ вліяній и тревожными запросами новаго времени. Можно безъ преувеличенія сказать, что большинство ихъ не только не поняло этого животворнаго движенія, долженствовавшаго обновить церковную жизнь, но встало противъ него съ прямымъ фанатическимъ отрицаніемъ и дошло до убѣжденія, что настало свѣтопреставленіе.

Неудовлетворительность стариннаго элементарнаго образованія приходскихъ школъ раньше всего была сознана въ Юго-Западной Россіи подъ вліяніемъ опасной для православія борьбы съ польскимъ католичествомъ. За возвышеніе его уровня взялись братства, корпораціи болѣе широкія и сильныя, чѣмъ приходы. Они имѣли всѣ средства завести болѣе обширныя и богатыя школы, чѣмъ прежнія приходскія, ввели въ нихъ изученіе новыхъ предметовъ и классическихъ языковъ и, что всего важнѣе, постарались поднять въ нихъ уровень образованія, поставивъ ихъ въ общеніе со школами другихъ народовъ, старѣйшихъ по образованію, посредствомъ вызова иностранныхъ учителей и посылки своихъ школяровъ для ученія за границу. Будучи вызваны къ своему существованію борьбой за православіе противъ латинства, братскія школы вступили сначала въ тѣсную связь съ Греціей, откуда и получили пер-

выхъ заправителей школьнаго дѣла, положившихъ въ южнорусскомъ образованіи начало преобладанія греческаго элемента. Плодомъ этой связи съ Греціей было развитіе плодотворнаго по обстоятельствамъ времени и весьма популярнаго въ Россіи эллино-славянскаго образованія, которое и господствовало въ братскихъ школахъ до реформы главной изъ этихъ школъ, Кіевской коллегіи, Петромъ Могилою. Могила, получившій западное европейское образованіе, остался недоволенъ эллино-славянскимъ направленіемъ русскихъ школъ, всталъ за другую, увлекавшую его образованность, — іезуитскую, съ ея всемірнымъ латинскимъ языкомъ и всеоружіемъ схоластики. Окруживъ себя дружиною молодыхъ ученыхъ, такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, онъ преобразовалъ кіевскую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента. Всѣ представители юго-западнаго образованія и даже казаки и кіевское посполъство возстали противъ него за это антинаціональное дѣло, произвели шумное и грозное волненіе, поставившее въ опасность самое существованіе новой коллегіи и жизнь ея реформаторовъ, но Могила твердо отстоялъ свою реформу, и мало-по-малу латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ юго-западѣ. Несмотря на сильное развитіе въ братскихъ школахъ религіознаго интереса, поддерживаемаго постоянною борьбою съ католичествомъ, школы эти, какъ и школы приходскія, все-таки не были школами духовными. Главною цѣлью ихъ, и до и послѣ реформы Кіевской коллегіи, постоянно оставалось образованіе общее, а не приготовленіе молодыхъ людей къ церковнымъ должностямъ. Это были школы всесословныя, поддерживавшіяся всѣмъ юго-западнымъ обществомъ и выпускавшія своихъ питомцевъ на всѣ возможные роды службы и жизни. Число свѣтскихъ учениковъ въ нихъ всегда было даже больше, чѣмъ духовныхъ, и не только въ XVII, но даже почти до конца XVIII столѣтія.

Въ половинѣ XVII в. просвѣтительное движеніе возбудилось и въ Московскомъ государствѣ. Старое приходское образованіе оказалось неудовлетворительнымъ и здѣсь; какъ раньше въ Южной Руси, такъ и здѣсь явилась потребность въ новыхъ высшихъ школахъ. На Югѣ заведеніе ихъ приняло на себя общество; въ Руси Московской, за отсутствіемъ сильныхъ общественныхъ корпорацій, которыя могли бы соотвѣтство-

вать юго-западнымъ братствамъ, за это дѣло взялось правительство и для выполненія его обратилось за помощью къ юго-западнымъ ученымъ. Въ Москву по этому приглашенію явилась первая дружина ученыхъ иноковъ, питомцевъ прежнихъ до-могилинскихъ школъ, и сдѣлалась здѣсь первою распространительницею своего эллино-славянскаго просвѣщенія. Но вслѣдъ за этими учеными прежняго братскаго типа явились другіе кіевскіе старцы новаго послѣ-могилинскаго типа съ ихъ латинско-схоластическимъ направленіемъ и возбудили противъ себя почти такое же волненіе въ средѣ православнаго общества, и преимущественно въ средѣ московскихъ начетчиковъ, съ какимъ нѣкогда встрѣчены были латинскія нововведенія Петра Могилы въ самомъ Кіевѣ. Въ теченіе послѣдней четверти XVII столѣтія вслѣдствіе этого шли непрерывныя столкновенія и споры московскихъ ученыхъ съ юго-западными пришельцами, среди которыхъ послѣдніе выказали себя съ самой невыгодной для нихъ стороны. Оказалось, что латинская образованность обошлась имъ не даромъ, что съ латинскимъ языкомъ они успѣли всосать въ себя и латинскую мысль, а съ Ѳомой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы.

Эллино-славянское направленіе образованія среди этихъ споровъ не потеряло своей репутаціи, сдѣлалось даже еще популярнѣе въ сравненіи съ латинскимъ; поэтому іерархія возложила на него всѣ свои надежды въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія и борьбы за православіе. При типографскомъ домѣ въ 1679 г. основана была школа, въ которой велѣно было обучать греческому языку. Такъ какъ юго-западные ученые были кругомъ заподозрѣны въ латинствѣ, и надежда на ихъ помощь въ поддержаніи эллино-славянской науки была очень плохая, то порѣшено было войти въ ближайшее, непосредственное сношеніе съ самой Греціей. Въ типографской школѣ учителями были назначены уже греки, а въ 1682 г. для предположенной къ открытію Московской академіи были вызваны изъ Греціи знаменитые братья Іоанникій и Софроній Лихуды. По пріѣздѣ въ Москву (въ 1685 г.) они начали свои курсы, и академія, съ которой была соединена теперь и типографская школа, сдѣлалась центромъ эллино-славянскаго просвѣщенія и сильнымъ противовѣсомъ противъ образованія латинскаго, шедшаго изъ Кіева. Послѣ извѣстнаго горячаго спора объ евхаристіи, взволновавшаго всю Москву, кіевскіе ученые были

окончательно завинены въ латинствѣ и одинъ за другимъ должны были оставить Москву и разойтись въ разныя стороны; латинско-кіевскій источникъ образованія былъ отвергнутъ, какъ нечистый и вредный для православія; остался только другой, который проистекалъ изъ православной Греціи и теперь обильно напоялъ струями Лихудовскихъ ученій юную Московскую академію, единственную надежду и государства и церкви.

Но несчастная подозрительность московскихъ начетчиковъ ко всему новому едва не закрыла и этого послѣдняго источника. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось и самихъ Лихудовъ и довело ихъ наконецъ до заточенія въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Послѣ этого академія начала быстро клониться къ упадку. Эллинское ученіе, введенное въ нее Лихудами, поддерживалось въ ней еще годовъ пять, благодаря ученикамъ Лихудовъ, въ родѣ Поликарпова, но въ 1699 году и Поликарповъ оставилъ академію, поступивъ въ типографскіе справщики. Въ такомъ положеніи застала дѣло русскаго школьнаго образованія реформа Петра и съ самаго же начала обратила на него свое особенное вниманіе.

Необходимо прибавить при этомъ, что и Московская академія, какъ Кіевская и другія юго-западныя школы, тоже явилась школой не духовной, а общей, чѣмъ-то въ родѣ древнерусскаго университета. Въ учредительной грамотѣ объ ней царя 1682 г. было сказано: „благоволимъ въ царствующемъ нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости храмы чиномъ академіи устроити, и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, т.-е. науки гражданскія и духовныя, постановити; притомъ же и ученію правосудія духовнаго и мірского, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется, быти". Далѣе въ п. 5 прямо сказано: „сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людемъ, точію православныя христіанскія восточныя вѣры, приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободному; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя благочестивыя науки да будутъ". Въ такомъ видѣ, какъ заведеніе открытое для всѣхъ, академія явилась и на самомъ дѣлѣ. Когда на нее обратилъ свое вниманіе царь Петръ, онъ тоже высказывался объ ней, какъ о царской школѣ съ общимъ образованіемъ, изъ которой должны были выходить люди „во всякія потребы, — въ церковную

службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство".

Слова эти были сказаны имъ въ извѣстномъ разговорѣ его съ п. Адріаномъ вскорѣ послѣ возвращенія изъ перваго путешествія по Европѣ. Тогда же патріархъ услыхалъ отъ него важныя рѣчи, касавшіяся уже не общаго образованія, а въ частности образованія духовенства, которое для царя тогда было особенно важно, такъ какъ онъ очень нуждался въ образованныхъ органахъ для проведенія предпринятыхъ имъ реформъ въ массу народа. „Священники ставятся, говорилъ онъ, грамотѣ мало умѣютъ; еже бы ихъ таинствъ научати и ставити въ тотъ чинъ. На сіе надобно человѣка и не единаго, кому сіе творити, и опредѣлити мѣсто, гдѣ быти тому. Чтобы возымѣть промыслъ о вразумленіи къ любви Божіей и къ знанію Его христіанъ православныхъ и зловѣрцевъ татаръ, мордвы и черемисы и иныхъ". Московская академія не удовлетворяла этимъ нуждамъ церкви; въ ней, говорилъ царь, „мало которые учатся, что никто школы, какъ подобаетъ, не надзираетъ, а надобно къ тому человѣкъ знатный въ чинѣ и во имени и въ довольствѣ потребъ ко утѣшенію пріятства учителей и учащихся; и сего не обрѣтается ни отъ какихъ людей". Какое же предпринять средство для образованія духовенства? Средство извѣстное: „и для того въ обученіе хотя бы послати колико десять человѣкъ въ Кіевъ въ школы, которые бы возмогли къ сему прилежать", т.-е. сдѣлаться учителями духовнаго юношества. Такъ высказана была въ первый разъ, хотя и не совсѣмъ ясно и рѣшительно, мысль объ устройствѣ особаго духовнаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложено снова обратиться за наукой и въ этомъ, уже спеціально церковномъ, образованіи къ тѣмъ же кіевлянамъ, которыхъ только лишь успѣли выжить изъ Москвы, какъ еретиковъ-латынщиковъ.

П. Адріанъ, впрочемъ, не дожилъ до осуществленія мысли царя. Пока онъ былъ живъ, латинскія ученія кіевлянъ были тщательно преслѣдуемы въ Москвѣ. Академія тоже не поднималась изъ своего упадка. Вскорѣ по кончинѣ патріарха прибыльщикъ Курбатовъ писалъ въ своемъ донесеніи царю: „школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія (Роговскаго), въ разстройствѣ; ученики, числомъ 150 человѣкъ, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться; потолки и печи обвалились".

Послѣ смерти Адріана мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола поставленъ былъ митрополитъ Рязанскій Стефанъ Яворскій, при чемъ ему поручено было протекторство надъ Московской академіей. Петръ наказалъ ему: 1) „дабы, не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи Закона Божія крайне прилежалъ: 2) дабы по прошествіи малаго времени не наученныхъ по крайней мѣрѣ катихизиса и 10 заповѣдей, не освидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ“. Какъ питомецъ Кіевской академіи, Стефанъ сталъ вводить въ Московской академіи кіевскіе порядки и „латинская ученія“, на что выпросилъ у государя даже особый дозволительный указъ. Между Кіевомъ и Москвой тотчасъ же завязались самыя тѣсныя связи; изъ Кіевской академіи одинъ за другимъ вызывались въ Московскую новые преподаватели наукъ, а москвичи, со своей стороны, стали ѣздить для науки въ Кіевъ, и самъ царь писалъ Кіевскому митрополиту Варлааму (въ 1701 г.), чтобы онъ не возбранялъ имъ доступа въ свою академію. Московская академія вскорѣ сдѣлалась настоящей колоніей Кіевской и точной копіей своей метрополіи. Напрасно разные ревнители православія и эллино-славянскаго ученія роптали на эти новые порядки и на разливъ латинскихъ ученій; ихъ не въ состояніи былъ поддержать въ этомъ случаѣ даже голосъ одного изъ восточныхъ патріарховъ, Досиѳея Іерусалимскаго, который горько укорялъ Яворскаго за то, что онъ „эллинское училище въ конецъ стерлъ и токмо о латинскихъ старается, поставивъ учителей въ догматѣхъ строптивыхъ“, писалъ противъ направленія кіевскихъ ученыхъ къ самому царю и горячо доказывалъ, что эллинское ученіе несравненно превосходнѣе латинскаго, и что „кто предпочтетъ латинскій языкъ, есть еретикъ и отступникъ, и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толикая ереси, толикая шпынства, паче же безбожества“. Мысли такого рода уже не принимались во вниманіе. Сама реформа всѣми силами своими поворачивала Россію отъ Востока къ Западу, отъ прежнихъ византійскихъ вліяній къ западной цивилизаціи, взросшей на латино-римской почвѣ. Борьба прежняго эллино-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась впрочемъ еще долгое время, и при Петрѣ и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія первой половины XVIII в.

Мысль Петра о заведеніи особыхъ школъ для духовенства

тоже начала осуществляться съ самаго начала XVIII столѣтія, благодаря особенно энергіи новыхъ іерарховъ изъ малоруссовъ, воспитанниковъ Кіевской академіи, которые пользовались большимъ вниманіемъ правительства и одинъ за другимъ занимали важнѣйшіе іерархическіе посты, повсюду разнося съ собою южнорусскія школьныя преданія и направленіе. Благодаря ихъ усердной дѣятельности, школьное образованіе духовенства успѣло крѣпко приняться на великорусской почвѣ въ одно почти царствованіе Петра. Первыя школы, основывавшіяся архіереями XVIII в., по старой памяти, были общими заведеніями, какими были всѣ прежнія приходскія и братскія школы, и не приспособлялись къ цѣлямъ духовной службы, но потомъ мало-по-малу при архіерейскихъ каѳедрахъ стали являться исключительно сословныя духовныя школы, назначавшіяся для обученія молодыхъ людей „въ надежду священства“ и закрытыя для постороннихъ лицъ.

Явленіе это было необходимымъ результатомъ возникшаго при Петрѣ строгаго распредѣленія всего государственнаго народонаселенія по сословіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ господствовавшаго въ первой половинѣ XVIII в. крайне утилитарнаго государственнаго взгляда на науку. Только во второй половинѣ XVIII в. заговорили о наукѣ, какъ о средствѣ къ общему гуманному развитію, къ созданію новой, совершеннѣйшей породы людей. До этого времени, при Петрѣ и послѣ него, образованіе понималось въ смыслѣ выучки чему-нибудь опредѣленному, годному въ узкопрактическомъ отношеніи, въ смыслѣ приготовленія людей къ извѣстному роду занятій и преимущественно государственной службѣ. Въ приведенномъ разговорѣ съ п. Адріаномъ, коснувшись академіи, цѣлью которой даже древняя Русь выставила вообще „мудрость, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруется“, Петръ выражалъ желаніе видѣть плоды ея именно въ этой исключительно ремесленной или, какъ говорятъ, профессіональной формѣ, чтобы ученики происходили изъ нея въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство. Образованіе общее, необходимое для нравственнаго развитія общества, не включалось въ разрядъ задачъ государственныхъ, и правительство заботилось объ основаніи и поддержаніи однихъ спеціальныхъ школъ, къ числу которыхъ относились и духовныя. Такая постановка школьнаго образованія, какъ выучки извѣстному

занятію, нужному для государства, доводилась даже до крайности, до совершеннаго пренебреженія даже общимъ элементарнымъ образованіемъ, вслѣдствіе котораго и тѣ общія школы, какія были въ приходахъ прежде, теперь должны были склониться къ упадку; при исключительномъ признаніи правительствомъ однихъ спеціальныхъ школъ, эти старыя общинныя школы поступили въ разрядъ школъ частныхъ, домашнихъ, которыя были только терпимы.

Не можемъ не привести теперь нѣсколько замѣчаній г. Владимирскаго-Буданова, которому принадлежитъ честь перваго почина въ разработкѣ вопроса о профессіональномъ направленіи образованія въ XVIII в. „Проблескъ сознанія о томъ, что государство должно заботиться о народномъ образованіи, независимо отъ непосредственнаго приложенія его къ государственной службѣ, проблескъ, отмѣченный нами въ концѣ XVII в., погасъ. Крайнее развитіе полицейскаго характера государства, характеризующее новый вѣкъ, когда государство становитъ себя источникомъ и цѣлью всякой человѣческой дѣятельности, вовсе не благопріятствовало развитію и укрѣпленію высказаннаго принципа. Государство не призвано служить интересамъ личности человѣка, а вся личность, со всею совокупностью моральныхъ силъ, есть покорный слуга государства. Уже съ самаго перваго года XVIII в. русское законодательство начинаетъ высказывать, что оно не признаетъ никакой другой цѣли въ образованіи, кромѣ значенія его пригодности для той или другой профессіи... Государство заботится о томъ, чтобы военная, гражданская и духовная служба отправлялась наилучшимъ образомъ. Все, что мы называемъ узаконеніями объ образованіи, въ точномъ смыслѣ составляютъ узаконенія о государственной службѣ. Понятія службы и образованія смѣшиваются". Отсюда на первомъ планѣ въ дѣлѣ образованія выучка, а не образованіе въ собственномъ смыслѣ; отсюда и цѣль образованія чисто внѣшняя — добываніе хлѣба и выслуга; отсюда и самая профессія въ рукахъ такимъ образомъ подготовленныхъ людей получаетъ характеръ чисто чиновническій, внѣшне-служебный и мертвый за отсутствіемъ внутренняго жизненнаго духа, каковою можетъ быть и профессія духовная. „То, что можетъ указать человѣку въ его профессіи высшую общечеловѣческую цѣль, повести его при исполненіи профессіи далѣе „добычи", дается не профессіональнымъ образованіемъ,

а общимъ. За утратою понятія объ этомъ послѣднемъ все образованіе должно было принять ремесленно-служебный характеръ".

При раздѣленіи профессій по сословіямъ, которыя выработались у насъ къ началѣ XVIII в., все образованіе стало сосредоточиваться именно въ сословныхъ школахъ; при этомъ послѣднія сначала забрали въ свои руки даже и первоначальное элементарное образованіе, отъ чего долгое время происходила большая путаница въ опредѣленіи ихъ курса. Онѣ должны были разрѣшить очень мудреную задачу, — соединить въ своемъ курсѣ совершенно разнородные предметы обученія, первоначальные общіе съ сословно-спеціальными. Общее образованіе естественно теряло при этомъ болѣе, чѣмъ спеціальное, будучи съ самой азбуки приноровляемо къ требованіямъ послѣдняго и лишаясь отъ этого всей своей силы. Человѣкъ съ раннихъ лѣтъ наклонялся лишь къ извѣстной, внѣшней цѣли образованія и готовился къ своему будущему служенію, какъ къ ремеслу, безъ предварительнаго общечеловѣческаго развитія, которое одно могло сдѣлать для него мертвое ремесло или судьбу возвышеннымъ дѣломъ жизни. Со временемъ, впрочемъ, школьныя и сословныя начальства сами сознавали непосильность принятаго ими труда и предоставили первоначальное обученіе дѣтей грамотѣ семьямъ и частнымъ школамъ, но дальше этой уступки все-таки не рѣшились пойти. Выучившись грамотѣ, въ извѣстный срокъ ребенокъ долженъ былъ потомъ непремѣнно поступить въ свою профессіональную школу.

Само спеціальное образованіе страдало крайней неопредѣленностью своего курсового состава и чрезвычайнымъ разнообразіемъ своей внѣшней матеріальной обстановки. Понятно, что при своемъ исключительно утилитарномъ взглядѣ на образованіе государство не имѣло никакихъ особенныхъ побужденій создать для управленія всѣми школами что-нибудь въ родѣ особаго и общаго административнаго органа, въ родѣ особаго министерства просвѣщенія. Каждый разрядъ школъ естественно подчинялся своему спеціальному вѣдомству, которое и обязано было заботиться, чтобы его школы давали своимъ воспитанникамъ подготовку какъ можно выгоднѣйшую для интересовъ его службы. Какъ пріемы воспитанія въ этихъ школахъ, такъ и составъ ихъ учебнаго курса вполнѣ зависѣли отъ требованій этого спеціальнаго ихъ вѣдомства, даже отъ вкусовъ

того или другого изъ ближайшаго начальства въ самомъ этомъ вѣдомствѣ. Такимъ же случайностямъ подвержено было и матеріальное ихъ обезпеченіе, будучи вполнѣ предоставлено тѣмъ же ихъ сословно-профессіональнымъ вѣдомствамъ, какъ повинность послѣднихъ, и завися отъ сословныхъ и мѣстныхъ средствъ, какими могли располагать ихъ ближайшія начальства. Однообразное обезпеченіе ихъ со стороны самого правительства чрезъ назначеніе на ихъ содержаніе опредѣленныхъ штатныхъ окладовъ имѣло мѣсто лишь по той мѣрѣ, насколько правительство считало извѣстную профессію важной для государства, при чемъ, разумѣется, всего болѣе выигрывало образованіе военное и едва ли не менѣе всего духовное.

Такъ продолжалось дѣло до второй половины XVIII столѣтія, когда правительство и общество сознали, что одного спеціальнаго образованія недостаточно, заговорили о необходимости образованія общаго, и мало-по-малу стали повсюду заводиться школы общеобразовательныя, гдѣ бы человѣкъ могъ получить общее развитіе, послѣ котораго могъ бы уже свободно избирать себѣ тотъ или другой родъ частной выучки и спеціальнаго служенія. Утилитарный взглядъ на образованіе сталъ сглаживаться, и въ исторіи русскаго образованія начался поворотъ къ новому, лучшему порядку, окончательное водвореніе котораго принадлежитъ, впрочемъ, уже настоящему столѣтію.

Всѣ эти общія замѣчанія вполнѣ прилагаются въ частности къ исторіи нашихъ духовныхъ школъ. Главныя эпохи этой исторіи идутъ почти чрезъ равные промежутки времени, раздѣляясь одна отъ другой періодами величиной около полустолѣтія. Первый періодъ отъ начала XVIII столѣтія, времени основанія духовныхъ школъ, до 1760-хъ годовъ представляетъ собою періодъ начальной жизни этихъ школъ, когда онѣ, сформировавшись въ своемъ спеціальномъ видѣ, представляли по своему строю и матеріальной обстановкѣ всѣ черты сословно-профессіональныхъ школъ и притомъ въ наиболѣе ясной, даже крайней формѣ, подъ вѣдѣніемъ даже не общей духовной администраціи, а ближайшихъ мѣстныхъ начальствъ, завѣдывавшихъ практикой духовной службы, начальствъ епархіальныхъ, и на содержаніи тоже исключительно изъ мѣстныхъ, епархіальныхъ источниковъ. Второй періодъ, отъ 1760-хъ годовъ до реформы ихъ въ царствованіе Александра I, носитъ

переходный характеръ, когда онѣ стали понемногу получать общегосударственный и общецерковный характеръ, не переставая, впрочемъ, какъ и прежде, оставаться школами архіерейскими и специально-сословными. Общее значеніе ихъ на первый разъ выразилось въ матеріальной ихъ обстановкѣ, въ обезпеченіи ихъ штатными окладами отъ высшей, а не мѣстной епархіальной власти, затѣмъ развивалось въ постепенномъ приложеніи къ нимъ общей учебной организаціи. Въ то же время, частью вслѣдствіе новыхъ взглядовъ на образованіе, частію оттого, что въ царствованіе Екатерины въ церковной жизни на первомъ планѣ явились новыя силы, дѣятели изъ великоруссовъ, прежде затертые преобладаніемъ малоруссовъ, воспитанниковъ Кіевской академіи, въ духовномъ образованіи повѣяло новой жизнью, которая сильно поколебала прежнее исключительное господство кіевской схоластики и латыни. Спеціально-сословное значеніе духовныхъ школъ не потерпѣло впрочемъ ни малѣйшаго ослабленія, даже успѣло еще болѣе развиться; всѣ современные толки объ общемъ образованіи отразились на ихъ жизни лишь въ томъ, что въ курсѣ ихъ усилено было преподаваніе общеобразовательныхъ наукъ. Съ такимъ спеціальнымъ и сословнымъ характеромъ онѣ оставались и въ слѣдующемъ періодѣ, въ началѣ котораго произведена была общая ихъ реформа, предначертанная высочайше утвержденнымъ комитетомъ 1808 года. Комитетъ этотъ завершилъ всѣ прежнія попытки къ ихъ организаціи, придалъ имъ окончательно общецерковный и общегосударственный характеръ чрезъ открытіе при Св. Синодѣ особаго отдѣленія для учебнаго управленія, обезпечилъ ихъ отдѣльными окладами и опредѣлилъ ихъ учебную и воспитательную дѣятельность общими уставами. По мыслямъ его предначертаній онѣ потомъ и жили до послѣдняго періода ихъ исторіи, который открывается духовно-учебною реформой 1860-хъ годовъ.

Знаменскій.

Духовное просвѣщеніе и училища въ древней Руси до XVII в.

Равноапостольный князь, какъ только крестились кіевляне, повелѣвая приводить на крещеніе людей по всѣмъ градамъ и селамъ и всюду устроять церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ

„поимати у нарочитое чади дѣти и даяти на ученье книжное". Здѣсь, какъ и въ просвѣщеніи своего народа св. вѣрою, онъ началъ съ собственнаго семейства, ибо извѣстно, что, напримѣръ, Ярославъ, Мстиславъ, Изяславъ и Борисъ были научены грамотѣ и сами любили читать книги. Главнымъ совѣтникомъ и содѣйствователемъ въ этомъ дѣлѣ для в. к. Владимира былъ первосвятитель Михаилъ. Онъ, если вѣрить Степенной книгѣ, призывалъ къ себѣ учителей и наставлялъ ихъ учить дѣтей не только грамотѣ, но и православной вѣрѣ и благонравію, дѣйствовать на нихъ не гнѣвомъ и не жестокостью, а ласковостью и страхомъ, растворенными любовью, и благоразумно приспособляться въ своихъ урокахъ къ силамъ и понятіямъ каждаго.

Сколько у насъ явилось тогда училищъ, т.-е. первоначальныхъ школъ, и гдѣ именно, препод. Несторъ не опредѣляетъ. Но несправедливо было бы выводить изъ словъ его, будто такія училища открыты тогда въ одномъ Кіевѣ. Напротивъ, по ходу Несторовой рѣчи видно, что наказъ великаго князя касательно обученія дѣтей относится вообще къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ повелѣлъ онъ приводить людей на крещеніе, а въ одной изъ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописей сказаніе Нестора читается такъ: „и пославъ (Владимиръ) по всѣмъ градомъ своего царства и по странамъ и повелѣ дѣти отъимати у нарочитыхъ людій и учити грамотѣ". Равно и другой нашъ писатель XI вѣка передаетъ это извѣстіе слѣдующимъ образомъ: „и повелѣ (Владимиръ) попомъ по градомъ и по селомъ люди ко крещенію приводити и дѣти учити грамотѣ". Значитъ, воля Владимира была та, чтобы въ каждомъ приходѣ при церкви находилась школа, въ которой мѣстное духовенство занималось бы обученіемъ дѣтей. Притомъ изъ свидѣтельства самого Нестора извѣстно, что въ Курскѣ (въ первой половинѣ XI в.) существовало нѣсколько учителей, изъ которыхъ каждый принималъ къ себѣ дѣтей на ученье, и что къ одному изъ этихъ людей, имѣвшему у себя немало учениковъ, отданъ былъ отрокъ Ѳеодосій, впослѣдствіи знаменитый игуменъ кіево-печерскій. Если же въ такомъ городѣ, какъ Курскъ, было уже тогда нѣсколько частныхъ, положимъ, даже весьма небольшихъ, домашнихъ школъ, то возможно ли, чтобы онѣ не существовали въ городахъ, болѣе важныхъ, напримѣръ, въ тѣхъ, гдѣ открыты были епископскія каѳедры или имѣли свое мѣстопребываніе

князья удѣльные, дѣти Владимира? А потому нельзя считать невѣроятными и слова послѣдующихъ лѣтописей, что тогда заведено у насъ *множество училищъ книжныхъ,* хотя, разумѣется, не вдругъ, а постепенно, и училищъ только приходскихъ, первоначальныхъ.

По примѣру равноапостольнаго Владимира, который „любилъ словеса книжная", и великій князь Ярославъ до того былъ преданъ книгамъ, что часто самъ читалъ ихъ днемъ и ночью, и не менѣе отца своего заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ. Съ этою цѣлью онъ, во-первыхъ, поставляя по градамъ и селамъ священнослужителей, нарочито опредѣлялъ имъ изъ имѣнія своего урокъ (жалованье), чтобы они чаще собирали народъ въ церкви и ревностнѣе учили его вѣрѣ, какъ поручено имъ отъ Бога. Во-вторыхъ, составилъ вокругъ себя цѣлое общество людей, довольно образованныхъ, которые перевели, по его порученію, многія книги съ греческаго языка на славянскій, а другія, вѣроятно, прежде въ Болгаріи или Россіи переведенныя, списали, и предлагалъ эти книги для чтенія всѣмъ вѣрнымъ. Въ-третьихъ, собравъ много книгъ, положилъ ихъ при Кіево-Софійскомъ соборѣ и такимъ образомъ основалъ первую въ нашемъ отечествѣ библіотеку. Въ-четвертыхъ, посѣтивши въ 1030 г. Новгородъ, самъ завелъ тамъ весьма значительное по тому времени училище, въ которомъ съ перваго разу начали обучаться триста дѣтей старостъ и пресвитеровъ, хотя этимъ отнюдь не отвергается, что и прежде въ Новгородѣ могли быть частныя небольшія училища, какъ въ Курскѣ. Судя по такимъ опытамъ, естественно думать, что Ярославъ старался и въ другихъ мѣстахъ заводить или, по крайней мѣрѣ, поддерживать школы для образованія народа и приготовленія пастырей церкви. Лѣтописецъ не сообщаетъ объ этомъ извѣстій, но зато дѣлаетъ общее замѣчаніе, что, тогда какъ Владимиръ только взоралъ и умягчилъ землю Русскую святымъ крещеніемъ, Ярославъ „насѣялъ книжными словесы сердца вѣрныхъ людей", и что даже къ концу XI и въ началѣ XII вѣка сыны Россіи только пожинали посѣянное этимъ достойнымъ княземъ.

Чему обучали въ нашихъ первоначальныхъ училищахъ? Безъ всякаго сомнѣнія, славянской грамотѣ и письму, какъ требовало самое назначеніе этихъ училищъ для образованія русскихъ. И препод. Несторъ пишетъ о преподобномъ Ѳеодосіи,

что когда въ дѣтствѣ онъ отданъ былъ родителями своими „на ученіе божественныхъ книгъ", то „вскорѣ извыче вся грамматики, якоже всѣмъ чудитися о премудрости и разумѣ дѣтища и о скоремъ его ученіи". Если допустить, что одной изъ главнѣйшихъ цѣлей при заведеніи у насъ училищъ было приготовлять въ нихъ, соотвѣтственно вопіющимъ потребностямъ того времени, священниковъ и причетниковъ для приходскихъ церквей, то необходимо согласиться, что въ нѣкоторыхъ школахъ обучали и церковному пѣнію. А въ нѣкоторыхъ могли обучать и языку греческому, который столько былъ нуженъ нашимъ пастырямъ по дѣламъ вѣры. По крайней мѣрѣ, польскіе лѣтописцы объ этомъ говорятъ ясно, и то неоспоримо, что во дни Ярослава у насъ находились уже люди, которые достаточно знали оба языка, греческій и русскій, переводя съ перваго на послѣдній разныя книги по волѣ великаго князя, хотя лица эти могли быть и изъ грековъ или изъ славянъ русскихъ. Какія же книги тогда переведены у насъ, какія списаны съ прежнихъ переводовъ и какія пріобрѣтены готовыя нашими великими князьями? Рѣшительнаго объ этомъ сказать почти ничего нельзя. Можно только по нѣкоторымъ даннымъ предполагать, что въ юной Церкви Русской существовали уже на славянскомъ языкѣ *книги священнаго Писанія*. Не упоминаемъ здѣсь о полномъ экземплярѣ книгъ ветхозавѣтныхъ, который будто бы былъ написанъ еще при самомъ великомъ князѣ Владимирѣ и въ концѣ XVI вѣка доставленъ царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ Острожскому князю Константину, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ предисловіи къ изданной имъ Библіи, потому что, при ближайшемъ разсмотрѣніи этого списка, оказывается, что онъ восходитъ отнюдь не далѣе XV вѣка. Но экземпляръ четвероевангелія, написанный въ 1056 г. для новгородскаго посадника Остромира и дошедшій въ цѣлости до настоящаго времени, конечно, списанъ былъ съ другого экземпляра временъ Ярослава I или даже св. Владимира. Пресвитеръ Иларіонъ въ одномъ изъ сочиненій своихъ, явившемся прежде половины XI вѣка, начерталъ слѣдующія замѣчательныя слова: „излагать въ семь писаніи проповѣдь *пророковъ* о Христѣ и ученіе *апостоловъ* о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію, ибо что *писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно*, о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія".

значитъ, книги пророковъ и апостоловъ, разумѣется, на славянскомъ языкѣ, были уже доступны слушателямъ или читателямъ Иларіона. Въ то же время самъ онъ привелъ въ своихъ небольшихъ сочиненіяхъ мѣста изъ книгъ ветхозавѣтныхъ: Бытія, Судей, Псалмовъ, Исаіи, Іереміи, Даніила, Осіи, Малахіи, *Іисуса, сына Сирахова,* и новозавѣтныхъ: Евангелій отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, и посланій Іакова и Павла: къ римлянамъ, перваго къ коринѳянамъ, галатамъ, ефесеямъ, второго къ Тимоѳею и къ Титу. Въ 1047 году для новгородскаго князя Владиміра Ярославовича написаны были книги шестнадцати пророковъ съ краткими толкованіями на нихъ изъ разныхъ отцовъ и учителей церкви, сохранившіяся въ копіяхъ XV вѣка. Переписывались ли тогда въ Россіи еще какія-либо библейскія книги, съ толкованіями на нихъ или безъ толкованій, только ли переписывались готовыя, переведенныя еще св. Меѳодіемъ въ Болгаріи, или нѣкоторыя переведены вновь въ самой Россіи при Ярославѣ, — ничего не знаемъ и не утверждаемъ.

Кромѣ книгъ священнаго Писанія существовали тогда у насъ на славянскомъ языкѣ и *житія святыхъ*. Преп. Несторъ говоритъ о святомъ Борисѣ, что онъ, будучи исполненъ благодати Божией, часто „взимаше книги и чтяше житья и мученья святыхъ“; а инокъ Іаковъ свидѣтельствуетъ, что св. Борисъ предъ своею кончиною вспоминалъ именно страданія св. Никиты, св. Вячеслава, князя чешскаго, и св. великомученицы Варвары, которыя, слѣдовательно, были ему извѣстны. О другихъ книгахъ славянскихъ, сохранившихся въ спискахъ XI вѣка, скажемъ въ слѣдующемъ отдѣлѣ нашей исторіи, потому что нельзя доказать, чтобы онѣ относились къ первой половинѣ этого столѣтія, а не къ послѣдней. Здѣсь же ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что благочестивыхъ книгъ тогда находилось у насъ уже довольно. Ярославъ, по словамъ лѣтописца, собралъ и списалъ „книгы многы“, такъ что изъ нихъ составилась Кіево-Софійская библіотека, и ими поучались не только князья или пастыри, но и вообще „вѣрніи людье“. И пресвитеръ Иларіонъ, который самъ получилъ образованіе въ то время, въ одномъ изъ своихъ словъ выразился: „мы пишемъ не для незнающихъ, а для *насыщающихся съ избыткомъ книжною мудростію*“. Вотъ какихъ людей можно уже было встрѣчать тогда между русскими.

Древняя наша лѣтопись не упоминаетъ нигдѣ объ учили-

щахъ въ Россіи при дѣтяхъ и внукахъ вел. кн. Ярослава, но, вѣроятно, училища продолжали существовать у насъ въ томъ видѣ, какъ они заведены равноапостольнымъ Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ. Если нельзя съ достовѣрностью принять, то нельзя и отвергать рѣшительно свидѣтельства сводной лѣтописи Татищева, что вел. кн. Всеволодъ († 1093) давалъ подаянія на *училища*, что дочь его, извѣстная Янка, основала училище при кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ для обученія дѣвицъ грамотѣ, письму, пѣнію и разнымъ рукодѣльямъ, и что нѣкто Василій, котораго разсказъ объ ослѣпленіи Василька вошелъ въ составъ лѣтописи Несторовой, былъ въ 1096 году во Владимірѣ Волынскомъ „смотрѣнія ради *училищъ* и постановленія учителей". Да и самъ препод. Несторъ замѣтилъ: „какъ случается, что одинъ взоретъ землю, другой посѣетъ, а третіи пожинаютъ и вкушаютъ нескудную пищу, — такъ и Владиміръ взоралъ и умягчилъ землю Русскую, просвѣтивъ ее крещеніемъ, Ярославъ посѣялъ книжными словесами сердца вѣрныхъ людей, а *мы* пожинаемъ, пріемля ученіе книжное". Знакъ, что къ концу XI и въ началѣ XII вѣка, когда писалъ Несторъ, просвѣщеніе было у насъ обильнѣе, нежели во дни св. Владиміра и Ярослава. Доказательствами этой мысли служатъ: 1) сочиненія русскихъ писателей, жившихъ во 2-й половинѣ XI и въ первой XII вѣка и, вѣроятно, получившихъ образованіе въ отечественныхъ школахъ; 2) сочиненія нѣкоторыхъ грековъ, занимавшихъ тогда нашу первосвятительскую каѳедру, и 3) многія произведенія письменности иноземной, существовавшія тогда у насъ въ славянскихъ переводахъ.

О просвѣщеніи въ Россіи отъ митрополита Климента Смолятича до митрополита Кирилла II (1147—1240) мы имѣемъ троякаго рода данныя. Это, прежде всего, отзывы современниковъ о нѣкоторыхъ нашихъ тогдашнихъ іерархахъ и инокахъ, правда, краткіе и весьма немногіе: митрополитъ Климентъ Смолятичъ былъ такой „книжникъ и философъ", какого въ Русской землѣ не бывало; митрополитъ Кириллъ I былъ „учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ". Одинъ изъ игумновъ Смоленскаго Богородицкаго монастыря, неизвѣстный по имени, гдѣ началъ свои подвиги преп. Авраамій, смоленскій, былъ „хитръ божественнымъ книгамъ и вся свѣдый и проходя", такъ что никто не смѣлъ предъ нимъ „отъ книгъ глаголати". Самъ Авраамій смоленскій любилъ съ величайшею

ревностью заниматься чтеніемъ священныхъ и отеческихъ книгъ, „отъ всѣхъ избирая и списая ова своею рукою, ова многими писцы", и дана была ему благодать Божія „не токмо почитати, но и протолковати, яже мнозѣмъ не свѣдущимъ, и отъ него наказаная всѣмъ разумѣти, и слышащимъ къ сему изъ устъ и памятію сказая, якоже ничтоже ся отъ него не утаитъ божественныхъ писаній, яко николиже умолкнуша уста его ко всѣмъ". Во-вторыхъ, это извѣстія о бывшихъ у насъ тогда училищахъ, хотя довольно подробныя, но, къ сожалѣнію, сохранившіяся только въ сводной лѣтописи Татищева. По словамъ его, смоленскій князь Романъ Ростиславичъ, будучи самъ весьма ученымъ, понуждалъ къ ученію многихъ и особенно, не желая имѣть необразованныхъ священниковъ, строилъ училища, содержалъ учителей, грековъ и латинянъ, и на все это до того истощалъ свои доходы, что по смерти его (1180) жители Смоленска должны были сдѣлать добровольный сборъ для погребенія своего любимаго князя. Галицкій князь Ярославъ Владимировичъ (ум. 1188), большой любитель книгъ и знатокъ языковъ, ревнуя о благоустроеніи церковнаго клира, искорененіи въ народѣ суевѣрій и распространеніи правыхъ понятій о вѣрѣ, вмѣнялъ чернорizцамъ въ обязанность обучать дѣтей грамотѣ и удѣлять на то часть монастырскихъ доходовъ. Еще болѣе замѣчательнымъ ревнителемъ просвѣщенія былъ вел. князь владимірскій Константинъ Всеволодовичъ. Наученный многимъ языкамъ, онъ не щадилъ ничего для пріобрѣтенія книгъ, держалъ при себѣ ученыхъ людей и заставлялъ ихъ переводить съ греческаго языка на славянскій; въ библіотекѣ его находилось однихъ греческихъ книгъ болѣе тысячи, которыя частью были куплены имъ самимъ, а частью получены въ даръ отъ патріарховъ, слышавшихъ о его любомудріи. Передъ своею кончиною (1218) онъ пожертвовалъ собственный домъ во Владимірѣ, всю свою библіотеку и разныя волости для училища, гдѣ иноки, русскіе и греки, обучали малолѣтнихъ дѣтей. Училище это продолжало существовать и по смерти князя, хотя въ 1227 г., во время страшнаго пожара владимірскаго, лишилось многихъ книгъ. Передавая сказаніе о Константинѣ Всеволодовичѣ, Татищевъ ссылается на какую-то лѣтопись св. Симона, епископа владимірскаго (ум. 1125); но такъ какъ эта лѣтопись до насъ не дошла, и нѣтъ возможности судить о степени ея подлинности, такъ какъ свидѣтельства Татищева и о

другихъ училищахъ неизвѣстно откуда имъ заимствованы, то, не отвергая ихъ совершенно, мы удерживаемся признать ихъ вполнѣ достовѣрными. Впрочемъ, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что какія-либо школы, по крайней мѣрѣ, для первоначальнаго обученія, у насъ существовали, потому что а) всегда были у насъ люди грамотные, цѣлый классъ пастырей церкви, которые у кого-нибудь да учились читать и писать; б) въ житіи преп. Авраамія смоленскаго говорится, что, когда онъ пришелъ въ возрастъ, родители его „даста и книгамъ учити“, и что онъ „не унываше, якоже прочая дѣти, но скорымъ прилежаніемъ извыче, сему же на игры со инѣми не исхождаше“,—значитъ, въ Смоленскѣ точно было училище; в) объ учителяхъ, занимавшихся въ Россіи приготовленіемъ людей для церковнаго служенія, упоминаетъ въ своемъ посланіи (1228) Константинопольскій патріархъ Германъ къ нашему митрополиту Кириллу. Наконецъ, третье и самое важное данное, по которому мы можемъ судить какъ о просвѣщеніи, такъ и объ ученіи въ нашей Церкви, представляютъ собою сохранившіеся остатки тогдашней нашей духовной литературы. Разумѣемъ I) довольно многочисленныя и разнообразныя соч. Кирилла, епископа туровскаго; II) посланія св. Симона, епископа владимирскаго, и Поликарпа, инока кіево-печерскаго, которыя по единству предмета и внутреннему характеру составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое; III) небольшія сочиненія другихъ нашихъ писателей менѣе извѣстныхъ, равно какъ немногіе уцѣлѣвшіе памятники тогдашней церковной письменности.

Владычество монголовъ надъ Россіей не оставалось безъ пагубнаго вліянія и на ея просвѣщеніе. Во время своихъ нашествій, такъ часто повторявшихся, они, истребляя города и села, церкви и монастыри, неизбѣжно истребляли и школы, какія гдѣ встрѣчались, и истребили безчисленное множество книгъ. Но въ мирное время монголы отнюдь не препятствовали русскимъ (по крайней мѣрѣ, о препятствіяхъ не сохранилось ни одного извѣстія) учиться грамотѣ и поддерживать или вновь открывать школы, какъ не препятствовали строить и возобновлять церкви и монастыри, какъ не вмѣшивались вообще во внутренніе порядки нашей общественной и особенно церковной жизни. А ограждая духовенство отъ всякихъ притѣсненій, подтверждая его права и льготы, предоставляли ему полную возможность попрежнему заниматься науками и распростра-

неніемъ грамотности въ народѣ. И мы не видимъ никакого основанія утверждать, будто просвѣщеніе угасло въ русской Церкви при монголахъ или даже ослабѣло; напротивъ, намъ кажется, что оно оставалось все на той же степени, правда, очень невысокой, на какой было и до монголовъ, — хотя, быть можетъ, находило менѣе сочувствія со стороны народа, постоянно бѣдствовавшаго подъ тяжелымъ игомъ.

И теперь, какъ прежде, въ Россіи существовали по мѣстамъ училища, разумѣется, первоначальныя. Напримѣръ, во второй половинѣ XIII вѣка была школа на Волыни, гдѣ обучался святитель Петръ, въ XIV вѣкѣ были школы: въ Кіевѣ, гдѣ обучался преп. Стефанъ Махрицкій; въ Москвѣ, гдѣ обучался святитель Алексій; въ Твери, гдѣ обучался св. Арсеній Тверской; въ Ростовѣ, или области Ростовской, гдѣ обучался преп. Сергій Радонежскій со своими братьями; въ Устюгѣ, гдѣ обучался св. Стефанъ Пермскій; въ первой половинѣ XV вѣка были школы въ Кашинѣ, гдѣ учился грамотѣ преп. Макарій Калязинскій, и въ Новгородѣ, гдѣ учились св. Евѳимій и Іона, впослѣдствіи новгородскіе архіепископы. Въ житіи послѣдняго сказано, что обученіемъ дѣтей занимался какой-то діаконъ, и что онъ имѣлъ у себя множество учениковъ. Въ Ростовѣ, какъ при соборной церкви Пресв. Богородицы, такъ и въ епископскомъ монастырѣ св. Георгія, существовали даже библіотеки, заключавшія въ себѣ много книгъ, изъ которыхъ первая сгорѣла въ страшный пожаръ 1408 года.

Обращаясь къ духовной литературѣ монгольскаго періода, мы находимъ ее отнюдь не бѣднѣе литературы предшествовавшаго времени. Если собственно по талантамъ, которые даются отъ Бога, едва ли можно указать теперь писателей, равныхъ митрополиту Иларіону или преп. Нестору, или св. Кириллу Туровскому, зато по образованію писатели настоящаго періода были вообще нисколько не ниже прежнихъ. Самые роды письменныхъ произведеній оставались въ употребленіи тѣ же, какіе господствовали и прежде, такъ что между литературою одного и другого періода не представляется никакого перерыва: это — проповѣди, посланія, житія, повѣсти и описанія путешествій, хотя въ сочиненіяхъ отражались уже иной духъ и событія иного времени. Что же касается до литературы переводной, то она оказывается теперь у насъ даже богаче, чѣмъ была прежде.

Первый взглядъ на духовное просвѣщеніе и литературу второй половины XV столѣтія въ нашемъ отечествѣ не встрѣчаетъ почти ничего утѣшительнаго: всѣ средства къ просвѣщенію находились у насъ въ жалкомъ состояніи.

Школы по мѣстамъ еще продолжали существовать; но что это были за школы? Въ Новгородской епархіи, по словамъ архіепископа Геннадія, обученіемъ грамотѣ занимались мужики-невѣжды, называвшіеся *мастерами*, которые только портили рѣчь дѣтей. Эти мастера брались научить ребенка сначала вечернѣ за условную плату, потомъ заутренѣ за новую плату, наконецъ часамъ еще за особую плату, и вели дѣло такъ, что дитя, по отходѣ отъ мастера, едва могло брести по книгѣ, а церковныхъ службъ вовсе не знало. Оттого прихожане разныхъ церквей часто приходили къ архіепископу для поставленія на священническія степени простыхъ мужиковъ, малограмотныхъ или даже совершенно безграмотныхъ, и оправдывались тѣмъ, будто во всемъ краѣ негдѣ было достать ставленниковъ, гораздыхъ грамотѣ. Это заставило Геннадія бить челомъ великому государю, чтобы онъ велѣлъ завести училища, и митрополиту Симону (около 1496—1504), чтобы онъ печаловался о томъ предъ государемъ. Немногаго желалъ Геннадій для новыхъ училищъ: онъ давалъ совѣтъ обучать въ нихъ сначала азбукѣ сполна и потомъ слѣдованной псалтири „накрѣпко", выражая мысль, что когда дѣти изучатъ это, то уже въ состояніи будутъ и канонархать, и читать всякія книги. Но были ли заведены даже хоть такія училища, достовѣрныхъ свидѣтельствъ нѣтъ. Одинъ только иностранецъ, писавшій со словъ русскихъ пословъ, возвращавшихся въ 1524 г. изъ Испаніи, говорилъ, что у насъ были тогда „гимназіи, впрочемъ, немногія, въ которыхъ обучались дѣти бояръ, добрымъ наукамъ, преимущественно священнымъ, на русскомъ языкѣ", хотя дальнѣйшія слова этого иностранца невольно возбуждаютъ къ нему недовѣріе. На Стоглавомъ соборѣ царь Іоаннъ Васильевичъ заявилъ, что „ученики учатся грамотѣ небрегомо", т.-е. что ихъ обучаютъ небрежно (гл. 5, вопр. 6). А отцы собора свидѣтельствовали: „ставленники, хотящіе ставиться въ діаконы и попы, грамотѣ мало умѣютъ, и святителямъ ставить ихъ — противно священнымъ правиламъ, а не ставить — святыя церкви будутъ безъ пѣнія, и православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія. Когда свя-

тители спрашиваютъ ставленниковъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, они даютъ отвѣтъ: мы учимся у своихъ отцовъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ негдѣ учиться: сколько они знаютъ, тому же учатъ и насъ. А отцы ихъ и мастера сами также мало умѣютъ и силы въ божественномъ Писаніи не знаютъ, а учиться имъ негдѣ. А прежде въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали (не разумѣются ли здѣсь тѣ, которыя въ началѣ XVI вѣка могли быть заведены вслѣдствіе ходатайства архіепископа Геннадія?), грамотѣ и писать, и пѣть, и читать учили, и потому много было тогда гораздыхъ грамотѣ и писать, и пѣть, и читать, и были пѣвцы, чтецы, и добрые писцы, которые славились по всей землѣ и доднесь" (гл. 25). Высказавъ такую мысль, соборъ постановилъ: а) чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ мѣстное духовенство, съ благословенія своего святителя, избрало достойныхъ священниковъ, діаконовъ и женатыхъ дьячковъ, способныхъ обучать грамотѣ и письму, и въ домахъ ихъ открыло училища; б) чтобы въ эти училища не только мѣстное духовенство, но и всѣ православные христіане въ каждомъ городѣ отдавали своихъ дѣтей для обученія грамотѣ, книжному письму, церковному пѣнію и чтенію налойному; в) чтобы избранные учители учили дѣтей страху Божію, соблюдали ихъ нравственную чистоту и цѣломудріе, пріучали ихъ въ церквахъ ко всякому пѣнію, чтенію и канонарханію, и вообще обучали ихъ грамотѣ, пѣнію и письму столько, сколько сами умѣютъ, ничего не скрывая и сказывая имъ силу Писанія (гл. 26). Невысокія, очевидно, училища думалъ завести и Стоглавый соборъ; но если на этотъ разъ они и были заведены, то едва ли поддерживались постоянно и какъ слѣдуетъ. По крайней мѣрѣ, одинъ иностранецъ, посѣтившій Россію въ 1576 г., говоря о нашихъ монастыряхъ, замѣчаетъ: „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ самихъ монастыряхъ; потому изъ тысячи людей едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать". А извѣстный Антоній Поссевинъ, бывшій у насъ въ 1581 г., свидѣтельствуетъ: „нѣтъ здѣсь ни коллегій, ни академій, а есть только кое-какія школы, въ которыхъ учатся дѣти читать и писать". Царь Иванъ Васильевичъ помышлялъ, еще прежде Стоглаваго собора, вызвать изъ-за-границы разныхъ ученыхъ, вмѣстѣ съ художниками и ремеслен-

никами, и посланный имъ для этого въ Европу саксонецъ Шлиттъ успѣлъ было собрать болѣе ста двадцати такихъ людей, въ томъ числѣ четырехъ богослововъ, и готовился отплыть съ ними изъ Любека въ Ливонію и Россію; но по проискамъ Ганзы и Ливонскаго ордена, опасавшихся просвѣщенія Россіи, былъ задержанъ въ Любекѣ и заключенъ въ темницу, а собранные имъ всѣ разсѣялись.

Сохранились свѣдѣнія и о нѣкоторыхъ нашихъ библіотекахъ. Но важнѣйшая изъ нихъ, великокняжеская, оставалась безъ всякаго употребленія. Въ Сказаніи о Максимѣ грекѣ повѣствуется, что когда великій князь Василій Іоанновичъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи своемъ на престолъ, „отверзе царская сокровища древнихъ великихъ князей, прародителей своихъ", то „обрѣте въ нѣкоторыхъ палатахъ безчисленное множество греческихъ книгъ", а когда библіотека эта была показана Максиму греку, прибывшему въ Россію, то онъ съ изумленіемъ сказалъ государю: „такого книжнаго богатства нѣтъ ни въ Греціи, ни въ Италіи". При царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ видѣлъ эту библіотеку (ок. 1565 г.) одинъ дерптскій пасторъ, Іоаннъ Веттерманъ. По его словамъ, она состояла изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ, которыя еще въ давнія времена получены были нашими князьями изъ Константинополя отъ патріарха и хранились подлѣ княжескихъ покоевъ подъ двумя каменными сводами, какъ драгоцѣнное сокровище. Государь приказалъ открыть эти своды, не открывавшіеся цѣлыя сто лѣтъ, взять изъ-подъ сводовъ нѣсколько книгъ и отдать для просмотра Веттерману, который встрѣтилъ въ нихъ нѣкоторыя творенія извѣстныхъ древнихъ писателей, не встрѣчавшіяся уже тогда на западѣ Европы. Затѣмъ книги опять были отнесены подъ своды и тщательно сокрыты. Очевидно, Веттерманъ, видѣвшій только нѣсколько книгъ княжеской библіотеки и помѣщеніе ея, могъ передавать о ней все прочее лишь на основаніи слышаннаго отъ другихъ. Гораздо вѣроятнѣе извѣстія о ней другого нѣмца, который около того же времени довольно подробно разсматривалъ ее и сдѣлалъ о ней свои замѣтки. Здѣсь онъ говоритъ, что у царя всѣхъ рукописей съ востока до 800, частью купленныхъ, частью полученныхъ въ даръ; что между ними большая часть греческія, но много и латинскихъ; что нѣкоторые манускрипты, написанные на тонкомъ пергаментѣ, въ золотыхъ переплетахъ, достались

царю отъ самого императора, и перечисляетъ по именамъ болѣе двадцати пяти рѣдкихъ рукописей, латинскихъ и греческихъ, относящихся къ древней литературѣ и юриспруденціи. Такая библіотека, если бы она находилась на Западѣ, гдѣ уже существовали тогда академіи и университеты, могла бы быть весьма полезною для ученыхъ; но у насъ она оставалась совершенно мертвымъ капиталомъ. Изъ нея взяты были только толковая псалтырь, переведенная Максимомъ грекомъ для русскихъ, и, вѣроятно, прочія двѣ-три книги, имъ же переведенныя: толкованіе на Дѣянія апостольскія и бесѣды Златоустовы на Евангеліе отъ Матѳея и отъ Іоанна. Были у насъ другія библіотеки, которыя не оставались безъ употребленія и приносили свою долю пользы; разумѣемъ библіотеки монастырскія. Напримѣръ, въ библіотекѣ Корельскаго Николаевскаго монастыря, одного изъ самыхъ малолюдныхъ и бѣднѣйшихъ, находилось, по описи 1551 года, до 57 книгъ, въ томъ числѣ 45 богослужебныхъ и 12, назначенныхъ для назидательнаго чтенія, каковы: толковое Евангеліе, Прологи, Лѣствица, Патерикъ Скитскій, книги аввы Дороѳея, Симеона новаго богослова, Петра Дамаскина, два сборника и проч. Нѣкоторыя рукописи XV и XVI в., принадлежавшія библіотекамъ Троицко-Сергіева и Кирилло-Бѣлозерскаго монастырей, сохранились доселѣ; въ первой изъ этихъ библіотекъ, между прочимъ, находились 29 рукописей, пожертвованныхъ митрополитомъ Іоасафомъ, и 12, пожертвованныхъ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ, бывшими постриженниками и игумнами Троицкаго монастыря и впослѣдствіи здѣсь скончавшимися. А о библіотекѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря можемъ судить по описи ея, составленной въ 1573 году. Всѣхъ книгъ библіотека заключала 1150 и между ними печатныхъ только 15-ть. Большая часть книгъ были церковно-богослужебныя, а не богослужебныхъ было лишь до 354. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находились: полная библія и нѣсколько отдѣльныхъ библейскихъ книгъ; толковыя — псалтыри, евангелія, апостолы; писанія многихъ св. отцовъ и учителей церкви: Кирилла Іерусалимскаго, Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Дамаскина и другихъ; многія житія святыхъ, въ томъ числѣ и русскихъ, и патерики: азбучный, синайскій, египетскій, скитскій, печерскій; многіе сборники безыменные, содержавшіе въ себѣ разныя статьи, переводныя и русскія,

и извѣстные подъ именами: Пчелы, Златой Чепи, Зерцала и проч. Нѣкоторыхъ книгъ, вѣроятно, наиболѣе употреблявшихся, библіотека заключала по нѣскольку экземпляровъ, напримѣръ: Григорія Богослова пять экземпляровъ, Лѣствицы — девять, Ефрема Сирина — десять, Исаака Сирина — тринадцать. Достойно замѣчанія, что почти до половины книгъ Іосифова монастыря были вклады разныхъ лицъ, преимущественно же постригшихся или подвизавшихся въ немъ: митрополита Даніила, архіепископовъ и епископовъ — Акакія тверского, Вассіана коломенскаго, Галактіона крутицкаго, Вассіана ростовскаго, Лаврентія казанскаго, многихъ архимандритовъ, игумновъ и простыхъ иноковъ. Нельзя не сознаться, что если и въ другихъ знатнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ монастыряхъ были такія же или подобныя библіотеки, какъ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ, то наши иноки не могли жаловаться на недостатокъ книгъ для чтенія и нравственнаго назиданія. Но монастырскія книгохранилища оставались недоступными для бѣлаго духовенства и міранъ; а о библіотекахъ при приходскихъ церквахъ нѣтъ никакихъ извѣстій.

Въ XV вѣкѣ изобрѣтено книгопечатаніе; къ концу того же вѣка явились славянскія типографіи въ Краковѣ, Венеціи, Цетиньѣ; въ 1525 г. открыта такая же типографія и въ Западной Россіи, въ Вильнѣ. Но въ Москвѣ не прежде какъ уже около половины XVI столѣтія начали помышлять о заведеніи книгопечатни. Саксонецъ Шлиттъ, по порученію царя Ивана Васильевича, собиравшій по Европѣ разныхъ ученыхъ художниковъ и ремесленниковъ для Россіи, приговорилъ было къ намъ, въ числѣ другихъ, и одного типографщика; но предпріятіе Шлитта, какъ мы уже замѣтили, не удалось. Въ 1550 г. царь Иванъ отнесся къ датскому королю Христіану III съ просьбою прислать въ Москву типографщиковъ. Но Христіанъ черезъ два года прислалъ только одного Ганса Мессингейма Бокбиндера (переплетчика) съ лютеранскою библіею и двумя другими книгами, содержавшими лютеранское исповѣданіе, и вмѣстѣ съ предложеніемъ, что если русскіе согласятся принять это исповѣданіе, то Гансъ переведетъ на ихъ языкъ и напечатаетъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ принесенныя имъ книги, а наконецъ просилъ, чтобы нашъ государь съ возможною скоростью отпустилъ Ганса въ отечество. И какъ въ Москвѣ лютеранства не приняли, и Гансъ, безъ сомнѣнія, былъ отпущенъ

изъ нея скоро, то нѣтъ никакого основанія предполагать, будто онъ участвовалъ въ заведеніи у насъ типографіи. Въ самой Россіи нашлись люди, которымъ можно было поручить это дѣло: въ 1553 г., по повелѣнію царя Ивана Васильевича и благословенію митрополита Макарія, оно поручено діакону церкви Николы Гостунскаго Ивану Ѳедорову да Петру Тимоѳееву *Мстиславцу* (можетъ быть прозванному такъ потому, что онъ или былъ родомъ, или былъ приглашенъ въ Москву изъ города *Мстиславля,* находившагося тогда въ предѣлахъ Польши). Царь велѣлъ построить на свой счетъ домъ для типографіи и не щадилъ своихъ сокровищъ, какъ „для составленія печатному дѣлу", такъ и для самихъ „дѣлателей". Составленіе дѣла, однакожъ, подвигалось очень медленно, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, и дѣлатели то подготовляли или пріискивали себѣ помощниковъ, каковъ былъ „мастеръ печатныхъ книгъ" Маруша Нефедьевъ, по указанію котораго вызванъ былъ въ 1556 г. изъ Новгорода въ Москву рѣзчикъ Васюкъ Никифоровъ, вѣроятно, для вырѣзки буквъ, то производили попытки печатать книги „малыми нѣкими и неискусными начертаньями". Наконецъ выписали печатный станокъ и буквы изъ Польши (всего вѣроятнѣе, изъ Вильны, которая находилась тогда подъ властію Польши и уже имѣла у себя типографію именно съ славянскими, а не съ римскими или польскими буквами) и въ 19 день апрѣля 1563 года начали печатать первую книгу — *Апостолъ,* которая 1 марта слѣдующаго года вышла изъ друкарни, уже при новомъ митрополитѣ, Аѳанасіи. Вслѣдъ за Апостоломъ напечатаны были еще *Часословъ* (оконч. 29 окт. 1565 г.) и, какъ нѣкоторые догадываются, *Евангеліе;* но затѣмъ дѣло остановилось. Какъ ни благоволилъ къ нашимъ первымъ типографщикамъ самъ государь, но они много терпѣли, по ихъ собственнымъ словамъ, „презѣльнаго озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель, которые, зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити". Вскорѣ печатный домъ подожженъ былъ ночью и станокъ съ буквами совершенно сгорѣлъ, о чемъ, какъ полагали, будто бы позаботилось духовенство. Діаконъ Иванъ Ѳедоровъ и его товарищъ нашлись вынужденными оставить Москву и удалились въ Вильну, гдѣ продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Черезъ два-три года, по волѣ государя, возобновилось

книгопечатаніе въ Москвѣ, а потомъ открылось въ Александровской слободѣ, но въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, сколько доселѣ извѣстно, до самаго конца настоящаго періода издана была только Псалтырь по одному разу. Вообще же книгопечатаніе, начавшееся у насъ такимъ образомъ, не могло оказать въ то время ни малѣйшаго вліянія на распространеніе просвѣщенія въ нашей Церкви.

Что же оставалось дѣлать русскимъ, желавшимъ дать своему уму хоть какое-либо образованіе и обогатить себя познаніями? Оставалось одно средство — списывать книги и читать. И русскіе пользовались этимъ средствомъ съ большимъ усердіемъ: отъ XV и особенно отъ XVI столѣтія дошло до насъ множество рукописей учительнаго, нравственнаго, историческаго и смѣшаннаго содержанія, даже больше, нежели отъ всѣхъ въ совокупности предшествовавшихъ вѣковъ (не говоримъ о книгахъ богослужебныхъ). Но средство это представляло и большія невыгоды. Наши рукописныя книги, заключавшія въ себѣ преимущественно переводы съ греческаго, черезъ частое переписываніе ихъ въ продолженіе вѣковъ людьми, большею частью, невѣжественными, переполнены были тогда разными погрѣшностями, ненамѣренными и намѣренными, и могли вести читателей какъ къ познаніямъ, такъ и къ заблужденіямъ. А исправлять эти погрѣшности, за незнаніемъ греческаго языка, у насъ не умѣли. И приходилось, при списываніи книгъ, дѣйствовать наугадъ даже такимъ лицамъ, каковъ былъ митрополитъ Іоасафъ, помѣстившій въ нѣкоторыхъ сборникахъ, имъ переписанныхъ, слѣдующее предисловіе: „писахъ съ разныхъ списковъ, тщася обрѣсти правы, и обрѣтохъ въ спискахъ онѣхъ многа неисправлена. И елико возможна моему худому разуму сія исправляхъ; а яже невозможна, сія оставляхъ, да имущіи разумъ больше насъ, тіи исправятъ неисправленная и наполнятъ недостаточная. Азъ же что написахъ, и аще кая обрящутся въ тѣхъ несъгласна разуму истины, и азъ о сихъ прощенія прошу“. Не менѣе важно и то, что въ наши рукописныя книги, на ряду съ подлинными сочиненіями древнихъ отцовъ и другихъ писателей, мало-по-малу и незамѣтно внесены были сочиненія подложныя и апокрифическія. И хотя наши архипастыри нерѣдко обнародывали списокъ этихъ ложныхъ книгъ и запрещали ихъ читать, но иногда и сами давались въ обманъ по незнакомству съ подлинною греческою

литературою и не умѣли избѣгнуть того, отъ чего предостерегали другихъ. Самъ Стоглавый соборъ пользовался подложными сочиненіями. Самъ митрополитъ Макарій помѣстилъ въ своей Четьи-минеи нѣкоторые апокрифы и счелъ нужнымъ замѣтить въ предисловіи къ ней: „да и гдѣ буду погрѣшилъ отъ своего неразумія, или будетъ гдѣ посредѣ тѣхъ св. книгъ написано ложное и отреченное слово св. отца, а мы того не возмогохомъ исправити и отставити, и о томъ отъ Господа Бога прошу прощенія“.

Выходитъ, что съ половины XV вѣка и въ теченіе всего XVI русскіе не имѣли другихъ средствъ къ своему просвѣщенію, кромѣ тѣхъ, которыми пользовались и въ прежнее время. Въ школахъ они могли научиться только чтенію и письму, но не получали никакого разсудочнаго образованія, никакого развитія мыслительныхъ силъ. Изъ рукописныхъ книгъ, правда, теперь весьма умножившихся по числу, но зато и болѣе повредившихся, могли пріобрѣтать разнородныя познанія, но смѣшанныя съ заблужденіями, къ которымъ не въ состояніи были относиться критически. Понятны послѣ этого свидѣтельства иностранцевъ, посѣщавшихъ тогда Россію, что не только между міряками, но и въ духовенствѣ господствовало у насъ крайнее невѣжество, что между русскими не было ни одного, который зналъ бы латинскій и греческій языки и былъ знакомъ съ какими-либо науками, что не только священники, но сами епископы не знали ничего, даже священнаго Писанія, а ограничивались умѣньемъ читать и пѣть при богослуженіи, и что они не имѣли ни обыкновенія, ни способности говорить въ церквахъ собственныя проповѣди и поученія народу, и только читали готовыя поученія древнихъ учителей и житія святыхъ. Могли тогда появиться у насъ, вслѣдствіе умноженія книгъ, люди болѣе начитанные и съ большимъ запасомъ свѣдѣній, чѣмъ въ прежнія времена, но характеръ всей этой начитанности и этихъ свѣдѣній неизбѣжно оставался прежній.

Митр. Макарій.

Грамотность въ древней Руси.

Креститель Руси, св. Владиміръ, принимая отъ грековъ христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ заимствовать отъ нихъ и всю ихъ культуру, имѣя намѣреніе сдѣлать свой народъ отно-

сительно сей послѣдней тѣмъ же, чѣмъ были они сами, и что просвѣщеніе при этомъ было у него на первомъ планѣ. Но увы! X вѣкъ былъ еще не пришедшимъ для насъ временемъ, и нашъ первый Петръ Великій потерпѣлъ со своими благими замышленіями совершенную неудачу. Ставъ народомъ христіанскимъ, мы вовсе не стали народомъ просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе было вводимо и введено къ намъ, но оно у насъ не принялось и не привилось и почти тотчасъ же послѣ введенія совершенно безслѣднымъ образомъ исчезло. Послѣ сего съ просвѣщеніемъ нашимъ въ періодъ до монгольскій было то же самое, что и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, именно — при совершенномъ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго просвѣщенія или научнаго образованія, одна простая грамотность, одно простое умѣнье читать.

Что въ періодъ до-монгольскій мы не имѣли дѣйствительнаго просвѣщенія, какъ то хотѣлъ думать Карамзинъ, это въ настоящее время для людей не съ исключительнымъ образомъ мыслей составляетъ предметъ безспорный, который напрасно было бы доказывать. Наоборотъ, въ настоящее время не примѣчается и не отмѣчается въ нашей исторіи тотъ ея эпизодъ, составляющій по отношенію къ Владиміру его великую заслугу, что онъ хотѣлъ было ввести къ намъ просвѣщеніе. Это послѣднее есть однако несомнѣнный фактъ. Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ, во что бы то ни стало, хочетъ заключить родственный союзъ съ императорами греческими и для достиженія своей цѣли прибѣгаетъ къ такому крайнему средству, какъ война. Для чего могъ быть ему нуженъ этотъ родственный союзъ? Просто для того, чтобы удовлетворить своему тщеславію — имѣть женой сестру императоровъ? Но представлять, чтобы для этого онъ рѣшился даже на войну, значитъ считать его сумасброднымъ безумцемъ и совершеннымъ Донъ-Кихотомъ, на что мы по всему, что знаемъ о немъ, не имѣемъ ни малѣйшаго права. Единственный разумный смыслъ, который можно придавать этому, во что бы то ни стало, желанію Владиміра вступить въ родственный союзъ съ императорами константинопольскими, есть тотъ, что онъ желалъ вступить въ возможно тѣсный союзъ съ греками и что въ родствѣ съ императорами онъ видѣлъ лучшее средство для достиженія этой своей цѣли. Но на что же ему могъ быть нуженъ возможно тѣсный союзъ съ греками? Предполагать, будто онъ

нуженъ былъ за тѣмъ, чтобы получить изъ Греціи крестовъ и иконъ и вообще церковной утвари, было бы, конечно, неосновательно и странно, ибо для этого не требовалось никакого союза, а стоило только послать въ Грецію деньги съ купцами и поручить имъ произвести закупки. Очевидно, необходимо предполагать, что Владиміръ желалъ достигнуть посредствомъ этого союза какихъ-нибудь весьма важныхъ и серіозныхъ цѣлей. Какихъ же именно? Цѣлей церковныхъ нѣтъ никакого основанія предполагать, ибо для полученія митрополита и епископовъ, въ чемъ онѣ могли состоять, Владиміръ вовсе не имѣлъ нужды быть просителемъ и искателемъ, а слѣдовательно вовсе не имѣлъ нужды добиваться и родственнаго союза, который бы обезпечилъ успѣхъ просьбы: здѣсь онъ долженъ былъ только не отказываться принять то, о чемъ, наоборотъ, просили бы его сами греки. Такимъ образомъ, необходимо предполагать цѣли государственныя. Чего же Владиміръ могъ искать для своего государства у грековъ? Крестивъ Русь, Владиміръ присоединилъ ее къ семейству государствъ, исповѣдующихъ христіанство, или къ семейству государствъ европейскихъ. Засимъ ему оставалось желать для своего государства, чтобы оно не только по вѣрѣ, но и во всемъ стало подобно тѣмъ государствамъ, которыя стояли во главѣ этого семейства и которыя представляли собою идеалъ для всѣхъ другихъ, т.-е. чтобы въ его страну перенесена была вся та гражданская культура, которая была у самихъ грековъ, чтобы эти послѣдніе перенесли на его Русь, передали ей и насадили въ ней все то, что въ дѣлѣ гражданскаго преуспѣянія имѣли сами. Для этой цѣли ему необходимы были весьма многіе люди, которыхъ бы дали ему греки, для этой цѣли ему болѣе всего и непремѣнно необходимо было, чтобы греки имѣли желаніе доброхотствовать Руси, и, слѣдовательно, для этой цѣли ему дѣйствительно необходимъ былъ тотъ тѣсный, родственный союзъ съ императорами греческими, котораго онъ такъ настоятельно добивался. Но если такимъ образомъ по поведенію Владиміра необходимо предполагать, что онъ желалъ и добивался перевести на Русь изъ Греціи все то, что имѣла послѣдняя, то при этомъ просвѣщеніе само собою и прежде всего предполагается. Гражданская культура грековъ, какъ и всякая культура, состояла изъ просвѣщенія и ремеслъ: желая и добиваясь ея перенесенія на Русь во всемъ ея объемѣ, Вла-

димиръ долженъ былъ желать и добиваться, чтобы перенесены были одно и другія. Само собою предполагается, что Владимиръ, какъ человѣкъ не только непросвѣщенный, но и совсѣмъ безграмотный, не могъ указывать грекамъ, чего именно онъ желалъ относительно просвѣщенія. Онъ могъ только вообще требовать, чтобы Руси дано было все то, что имѣли греки, а затѣмъ поставить дѣло такъ или иначе, дать тѣхъ или иныхъ людей уже зависѣло отъ доброжелательства грековъ, заручиться которымъ посредствомъ родственнаго союза поэтому онъ такъ и добивался. Такимъ образомъ, необходимо предполагать, что Владимиръ желалъ, чтобы изъ Греціи было перенесено на Русь просвѣщеніе.

Лѣтопись наша свидѣтельствуетъ, что это желаніе было осуществлено, было приведено въ исполненіе. Тотчасъ послѣ возвращенія изъ похода подъ Корсунь, когда съ женой, сестрой императоровъ греческихъ, онъ привелъ и всѣхъ тѣхъ грековъ, которые ему были нужны для предполагаемой и желаемой имъ культиваціи Руси, онъ, по свидѣтельству лѣтописи, „пославъ, нача поимати у нарочитые чади дѣти и даяти нача на ученье книжное". Нарочитая чадь означаетъ избранное сословіе общества, — бояръ и аристократію. Невозможно предполагать, будто дѣти бояръ набраны были для ученья книжнаго съ тою цѣлью, чтобы приготовить ихъ во священники. Не только невозможно, но и нелѣпо предполагать это. Во-первыхъ, для священства нисколько не были необходимы именно дѣти бояръ, а между тѣмъ они нужны были самому князю для его собственной службы: съ какой же бы стати онъ рѣшился пожертвовать ими? Во-вторыхъ, предполагать, чтобы бояре захотѣли отдать своихъ дѣтей во священники, значило бы то же, что предполагать, будто они имѣли охоту сдѣлать дѣтей своихъ изъ бояръ пролетаріями и паріями, ибо это именно были священники въ сравненіи съ боярами. Наконецъ, въ-третьихъ, и самое убѣдительное: въ данномъ мѣстѣ лѣтописи идетъ рѣчь о дѣтяхъ въ собственномъ смыслѣ или о мальчикахъ; но предполагать, чтобы для приготовленія во священники были набраны мальчики, а не взрослые, когда священники нужны были сейчасъ, а мальчиковъ пришлось бы весьма долго ждать, и когда набрать первыхъ вмѣсто послѣднихъ не было совершенно никакой особенной нужды, значило бы предполагать нѣчто совсѣмъ безсмысленное. Но если такимъ образомъ дѣти

бояръ отданы были въ ученье книжное не затѣмъ, чтобы готовиться во священники, то зачѣмъ же другимъ? Ясно и очевидно, что ни за чѣмъ другимъ, какъ за тѣмъ, чтобы они стали людьми образованными, чтобы съ этого перваго поколѣнія христіанскихъ дѣтей водворилось въ боярствѣ или въ аристократіи просвѣщеніе.

Лѣтописецъ не говоритъ намъ, на какое ученье книжное розданы были дѣти бояръ — на ученье ли просто грамотѣ, умѣнью читать, или на ученье настоящее, научное: съ какой же стати предполагать послѣднее, а не первую? Съ той именно стати, что предполагать послѣднее необходимо заставляетъ все сказанное нами выше о поведеніи Владимира. Онъ употреблялъ величайшія усилія на то, чтобы добиться возможно тѣснаго союза съ греками; этотъ союзъ необходимъ ему для того, чтобы получить отъ грековъ нужныхъ ему людей. Ясно, что тутъ идетъ дѣло о людяхъ весьма большой важности, отъ которыхъ ожидается что-то далеко не совсѣмъ обыкновенное: неужели же эти люди, изъ-за которыхъ столько хлопотъ и стараній, изъ-за которыхъ война и бракъ съ сестрой императоровъ, ни больше ни меньше, какъ просто учители грамоты? Если бы это было такъ, то это было бы истиннымъ parturiunt montes, nascitur ridiculus mus. Если Владимиру нужны были только учители грамоты, то съ какой стати онъ сталъ бы искать и добиваться ихъ отъ грековъ? Учителей славянской грамоты ему естественно было бы взять отъ болгаръ или отъ венгерскихъ русскихъ, а не отъ грековъ, ибо въ этомъ случаѣ настоящими учителями были бы первые, а нисколько не послѣдніе. Наконецъ для грамоты онъ не имѣлъ нужды добиваться учителей нигдѣ, — грамота у насъ была введена уже давно прежде... Послѣ похода подъ Корсунь Владимиръ спѣшитъ раздать дѣтей боярскихъ на ученье книжное. Если это ученье книжное было дѣйствительное просвѣщеніе, то поспѣшность къ такой раздачѣ дѣтей боярскихъ для насъ будетъ совершенно понятна. Владимиръ торопится ввести въ Россію просвѣщеніе, котораго въ ней дотолѣ не было, и которое должно было положить начало новому періоду ея жизни. Сословіе бояръ предназначалось быть образованнымъ или просвѣщеннымъ сословіемъ Руси, и вотъ Владимиръ и спѣшитъ набрать дѣтей боярскихъ. Но какой смыслъ будетъ имѣть эта поспѣшность, если разумѣть только обученіе грамотѣ? Къ чему Владимиръ

сталъ бы торопиться сдѣлать своихъ бояръ грамотными? Чтобы скорѣе сдѣлать изъ нихъ почитателей божественныхъ писаній? Но всякій пойметъ, что эта роль не по боярству. Приготовлялось сословіе духовенства; ему естественно имѣло быть предоставлено и отъ него естественно имѣло быть ожидаемо это почитаніе божественныхъ писаній, и крайне странно было бы Владиміру спѣшить тутъ съ боярствомъ.

Бывъ водворено у насъ весьма не надолго, бывъ водворено въ томъ высшемъ сословіи, принадлежащія къ которому лица даже и въ настоящее время нисходятъ въ разрядъ писателей въ видѣ только рѣдкаго исключенія, просвѣщеніе не оставило у насъ никакихъ ясныхъ слѣдовъ своего существованія, которыми бы мы могли несомнѣнно доказать это послѣднее. Тѣмъ не менѣе, однако, мы встрѣчаемъ въ нашей исторіи за то древнѣйшее время, которое разумѣемъ, нѣсколько такихъ явленій, предъ которыми, въ случаѣ если мы не допустимъ предполагаемый нами кратковременный эпизодъ существованія у насъ просвѣщенія, мы останемся въ совершенномъ и рѣшительномъ недоумѣніи, и которыя, слѣдовательно, говорятъ не за что другое, какъ за этотъ фактъ его существованія. Укажемъ на то, что пока знаемъ, надѣясь, что обращенное на дѣло вниманіе откроетъ и кое-что другое. Митрополитъ Иларіонъ, изъ природныхъ русскихъ, былъ поставленъ въ митрополиты Ярославомъ въ 1051 г. въ самой Россіи, безъ посыла для посвященія въ Грецію. Этотъ митрополитъ Иларіонъ оставилъ послѣ себя знаменитое сочиненіе, которое называется *Словомъ о законѣ и благодати.* Сочиненіе и слово Иларіона, знаменитое дѣйствительно вполнѣ заслуженнымъ образомъ и изъ всѣхъ памятниковъ письменности до-монгольскаго періода сравнимое по качествамъ и по достоинствамъ только со Словомъ о полку Игоря, хотя по существу и не имѣетъ съ нимъ ничего общаго, представляетъ собою именно такого рода явленіе, которое мы, не предполагая въ древней Владиміро-Ярославской Руси существованія настоящаго просвѣщенія, рѣшительно не въ состояніи будемъ объяснить. Слово Иларіона есть самое блестящее ораторское произведеніе, самая знаменитая и безукоризненная академическая рѣчь, съ которою изъ новыхъ рѣчей идутъ въ сравненіе только рѣчи Карамзина. Всякое ораторское произведеніе слагается изъ двухъ элементовъ, — изъ внутренней силы краснорѣчія, которая выражаетъ собою просто

прирожденную степень ораторскаго таланта и не пріобрѣтается ни посредствомъ ничего, и изъ внѣшняго воплощенія или внѣшней отдѣлки, которая есть слѣдствіе бо́льшаго или меньшаго знакомства съ наукой ораторства, умѣнье которой пріобрѣтается посредствомъ ученія. Мы не говоримъ о внутреннихъ ораторскихъ достоинствахъ Слова, которыя, показывая въ Иларіонѣ первоклассснаго урожденнаго оратора, насъ не касаются, но о достоинствахъ внѣшнихъ, которыя не даются природою, а пріобрѣтаются наукою и которыя предполагаютъ бо́льшую или меньшую степень знакомства съ сей послѣдней. По этимъ внѣшнимъ достоинствамъ Слово Иларіона совершенно безукоризненно: съ совершеннымъ ораторскимъ умѣньемъ и искусствомъ сдѣлано общее расположеніе слова, о совершенномъ знаніи ораторства, какъ школьной науки, свидѣтельствуетъ отдѣлка всѣхъ частностей, гдѣ все отдѣлано отлично, гдѣ нѣтъ ничего лишняго и гдѣ съ совершеннымъ ученымъ умѣньемъ употреблены въ дѣло всѣ внѣшніе ораторскіе ресурсы. Если бы перевести Слово на русскій языкъ и сказать вамъ, что оно есть новооткрытая лучшая рѣчь Карамзина, то вы, сколько по внутреннимъ, столько и по внѣшнимъ его качествамъ, ничего бы не нашли въ этомъ невѣроятнаго, и для васъ осталось бы не совсѣмъ понятнымъ только то, съ какой стати Карамзинъ взялъ на себя написать рѣчь духовнаго содержанія.

Итакъ, Слово Иларіона стоитъ передъ нами какъ загадочное явленіе. Какъ мы объяснимъ себѣ его возможность, если не предположимъ, что въ древней Руси было непродолжительное время, когда въ ней существовало настоящее просвѣщеніе, когда въ ней преподавалась и изучалась реторика, какъ наука? Рѣшительно никакъ. Но предположите, что Иларіонъ, по своему происхожденію, вѣроятно, не бояринъ, попалъ однако какимъ-то случайнымъ или неслучайнымъ, неизвѣстнымъ намъ, образомъ въ ученіе къ одному изъ тѣхъ, назначенныхъ собственно для бояръ, учителей, которые должны были преподавать настоящія науки, и для насъ дѣло станетъ яснымъ. Учитель Иларіона оказался очень хорошимъ учителемъ реторики, и онъ, преподавая ее ему, образовалъ внѣшнимъ образомъ его внутренній ораторскій талантъ.

Владиміръ, желавшій и самымъ дѣломъ пытавшійся ввести въ Россіи просвѣщеніе, и Ярославъ, еще поддерживавшій его попытку, конечно, прежде всего заботились о просвѣщеніи

своихъ собственныхъ дѣтей, т.-е. заботились о томъ, чтобы введеніе того настоящаго научнаго образованія, которое они хотѣли водворить въ боярствѣ, началось именно съ этихъ ихъ собственныхъ дѣтей. Отъ позднѣйшихъ писателей, представителей только грамотности, а не просвѣщенія, и разумѣющихъ послѣднее только подъ видомъ первой, мы ничего не можемъ ожидать, кромѣ того, чтобы они сказали, что де быша дѣти того и другого и грамотѣ научены, ибо сказать это было въ данномъ случаѣ все, что они могли сказать. Такъ именно и говоритъ преп. Несторъ объ образованіи, данномъ Борису. Но, къ счастію для насъ, одно совершенно достовѣрное лицо сдѣлало случайную замѣтку, которая представляетъ все дѣло совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Владимиръ Мономахъ въ своей извѣстной нравоучительной грамотѣ дѣтямъ, или въ своемъ Поученіи, говоритъ, что его отецъ Всеволодъ, сынъ Ярослава, зналъ пять языковъ, — „отецъ мой изумѣяше пять языкъ“.. Человѣкъ, знающій пять языковъ, это, конечно, совсѣмъ не то, что „бяше бо и грамотѣ наученъ“. Знаніе многихъ языковъ вовсе не такая хитрая вещь, какъ это иные предполагаютъ, — въ заграничныхъ городахъ, которые посѣщаютъ иностранцы, вы сплошь и рядомъ найдете чичероне или гидовъ, которые говорятъ на множествѣ языковъ; въ восточныхъ портовыхъ городахъ, куда приходятъ суда всѣхъ націй, простые хамалы, или носильщики, нерѣдко говорятъ не менѣе, какъ именно на пяти языкахъ. Но иное дѣло нужда, и иное дѣло отсутствіе нужды. На что нужно князю знаніе пяти языковъ? Положимъ, что два изъ нихъ — варяжскій и половецкій — онъ изучилъ практически и для практическихъ цѣлей, т.-е. потому и для того, что варяги находились у насъ на службѣ, а съ половцами мы имѣли непрестанныя войны и весьма частыя сношенія. Но остается еще три языка. Человѣкъ, безъ практическихъ цѣлей изучающій иностранные языки, или будетъ совершенно безсмыслица, или, чтобы сдѣлать его со смысломъ, необходимо предполагать какія-нибудь иныя цѣли. Но, кромѣ цѣлей практическихъ, какія еще иныя цѣли, какъ не цѣли научной любознательности? Слѣдовательно, человѣка, изучающаго иностранные языки не для цѣлей практическихъ, необходимо представлять себѣ какъ человѣка образованнаго, и слѣдовательно — таковъ передъ вами Всеволодъ, сынъ Ярослава. Заключая отъ него, мы получаемъ право думать, что образо-

ваніе и всѣхъ другихъ сыновей Ярослава, равно какъ и сыновей Владиміра, состояло не въ томъ только, что они „бяху и грамотѣ научени“.

Въ лѣтописи мы имѣемъ извѣстіе о книжности самого Ярослава. Читая это извѣстіе съ предзанятой мыслью не найти въ немъ ничего особеннаго, ничего особеннаго и не находятъ. Ярославъ весьма любилъ читать книги, по его приказанію было списано весьма много рукописей, и даже были дѣлаемы переводы съ греческаго языка. Такъ понимаютъ лѣтопись. Но вотъ подлинныя слова этой послѣдней: „Ярославъ же любимъ бѣ книгамъ..... и прилежа (имъ) и почитая е часто въ нощи и въ дне, и собра писцѣ многы и прекладаше отъ грекъ на Словѣньское писмо и списаша книгы многы“. Присмотритесь повнимательнѣе: говорится о писцахъ, но не говорится о переводчикахъ, писцы списаша книги многи, переводъ же прекладаше, но не прекладаша. Не ясно ли, что прямой и буквальный смыслъ лѣтописи есть тотъ, что переводомъ съ греческаго Ярославъ занимался самъ? Этимъ нисколько не устраняется, если угодно, возможность предположенія, что были дѣлаемы переводы и не имъ самимъ; но во всякомъ случаѣ едва ли остается подлежащимъ какому сомнѣнію то, что въ приведенномъ свидѣтельствѣ лѣтописи говорится о переводахъ, дѣланныхъ не по его приказанію, а именно имъ самимъ. Но если Ярославъ зналъ греческій языкъ, если онъ способенъ былъ переводить съ греческаго на славянскій, то ясно, что его образованіе состояло не только въ томъ, что онъ „бѣ и грамотѣ наученъ“.

Итакъ несомнѣнно, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ Владиміромъ. Но оно у насъ не привялось и не привилось, и весьма скоро отъ насъ исчезло. Какая же могла быть тому причина? Причиной этой необходимо полагать то, что къ намъ введенъ былъ отъ грековъ тотъ идеальный способъ поддержанія просвѣщенія, который намъ оказался не по силамъ.

Читатель, привыкшій видѣть, что просвѣщеніе поддерживается посредствомъ казенныхъ, содержимыхъ правительствами, училищъ, конечно, полагаетъ, что это есть единственный способъ его поддержанія и не представляетъ себѣ иного. На самомъ же дѣлѣ это есть способъ не единственный и вовсе не первоначальный, а явившійся только, говоря сравнительно, очень недавно. Прежде чѣмъ правительства дошли до мысли сдѣлать просвѣщеніе дѣломъ государственнымъ и взять заботы

о немъ на себя, что случилось на Западѣ только въ началѣ нашихъ новыхъ временъ, оно весьма долгое время существовало между людьми, какъ дѣло частное, предоставленное совершенно самому себѣ и исключительно ихъ собственнымъ заботамъ. Таковымъ частнымъ дѣломъ было просвѣщеніе во всей классической древности, которая совсѣмъ не знала казенныхъ училищъ; таковымъ оно оставалось у грековъ отъ временъ классическихъ и до той самой поры, какъ мы приняли отъ нихъ христіанство. Частные люди, имѣвшие охоту научать другихъ или преподавать другимъ то, что сами знали, по собственной инниціативѣ открывали у себя на домахъ или въ извѣстныхъ общественныхъ мѣстахъ, такъ сказать, публичныя чтенія; другіе частные люди, имѣвшіе собственную охоту учиться, собирались къ тѣмъ или другимъ изъ первыхъ, къ кому хотѣли, слушать ихъ курсы — въ такомъ видѣ существовало дѣло ученія во всей классической древности, въ такомъ видѣ оно сохранилось у грековъ и до позднѣйшаго времени. Къ намъ перенесена была отъ грековъ, естественно, та форма поддержанія просвѣщенія, какая существовала у нихъ, т.-е. сейчасъ нами указанная, и эта-то форма и оказалась намъ не по силамъ.

Послѣ похода корсунскаго Владиміръ привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ таковаго, а оставилъ каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ и свободнымъ или, такъ сказать, вольно практикующимъ профессоромъ и раздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и лѣтопись, набранныхъ имъ боярскихъ дѣтей. Эта-то форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло черезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето.

Если бы заведены были казенныя училища или — такъ какъ на первое время училищъ могло быть заведено только одно въ Кіевѣ — если бы заведено было казенное училище, то въ немъ былъ бы введенъ извѣстный опредѣленный курсъ или кругъ ученія, какой былъ бы признанъ наивозможно за лучшій. Въ казенномъ училищѣ этотъ курсъ ученія не подвергался бы опасности произвольныхъ сокращеній и постоянно оставался бы однимъ и тѣмъ же. Ученики, не будучи выпускаемы изъ такого училища до окончанія полнаго курса ученія, волей-неволей

изучали бы всѣ положенныя науки, и такимъ образомъ подобное училище невольно, такъ сказать, насаждало бы въ сословіи бояръ образованіе до тѣхъ поръ, пока бы оно не стало его добровольной потребностью. Совсѣмъ другое должно было случиться при заимствованномъ нами отъ грековъ способѣ частнаго обученія. Приведены были изъ Греціи ученые люди и открыли у себя на домахъ частные пансіоны, въ которые были розданы и имѣли быть отдаваемы дѣти бояръ для ученія. Намѣреніе и желаніе правительства было то, чтобы въ этихъ пансіонахъ дѣти бояръ получали возможно лучшее научное образованіе, какое могли дать приведенные учители, чтобы они изучали все то, что было въ Греціи. Но при системѣ частныхъ пансіоновъ не могло быть контроля правительства, чтобы учащіеся проходили возможно полные желаемые курсы ученія, и здѣсь все дѣло относительно сего имѣло быть предоставлено исключительно доброй волѣ ихъ родителей. Эти же послѣдніе не были наклонны къ образованію, не сознавали его нужды и по предоставленной имъ волѣ весьма скоро и сократили курсы ученія своихъ дѣтей такъ, что послѣднее сошло на одну простую грамотность.

Нѣтъ сомнѣнія, у многихъ невольно рождается вопросъ: да отчего же Владиміръ, если дѣйствительно хотѣлъ водворить въ Россіи образованіе, не сдѣлалъ такой простой вещи, какъ завести казенное училище въ родѣ нынѣшнихъ гимназій, университетовъ? Отвѣтъ именно тотъ, что примѣра и образца подобныхъ училищъ Владиміръ не видѣлъ у грековъ, а выдумать ихъ самому — это была далеко не такая простая вещь, какъ бы инымъ казалось. Выдумать подобныя училища значило изобрѣсти совершенно новый способъ поддержанія образованія, значило совершить въ этомъ отношеніи чрезвычайно важную реформу; нѣтъ ничего удивительнаго, что Владиміра, только помышлявшаго для своей страны объ образованіи, не хватило на то, чтобы быть и реформаторомъ въ способѣ его поддержанія. Казенныя нынѣшнія училища изобрѣлъ практическій Западъ, и изобрѣлъ, какъ должно думать, тоже не сразу, хотя и весьма рано.

Какъ долго продолжался у насъ, въ нашемъ боярствѣ, періодъ истиннаго просвѣщенія, положительно сказать мы, разумѣется, не можемъ. Но необходимо думать, что онъ продолжался чрезвычайно недолго, и что собственно онъ началъ

кончаться одновременно съ тѣмъ, какъ начался. Весьма вѣроятно или, лучше сказать, необходимо думать, что изъ перваго же набора дѣтей, сдѣланнаго Владиміромъ тотчасъ послѣ возвращенія изъ Корсуни, очень многіе, если не большая часть, не кончили полныхъ курсовъ ученія и что такимъ образомъ собственно не было ни одной генераціи, которая бы была просвѣщенною въ цѣломъ своемъ составѣ или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ большинствѣ. Съ какою быстротой происходило дальнѣйшее убавленіе охотниковъ просвѣщаться настоящимъ просвѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ быстро исчезло и сіе послѣднее, видно изъ того, что около конца XI вѣка, при внукахъ Ярослава, не было никакого и помину и никакой памяти о существованіи у насъ просвѣщенія: преп. Несторъ, говоря о просвѣщеніи Бориса, можетъ сказать только: „бяше бо и грамотѣ наученъ“.

Отвѣтивъ на вопросъ, почему не увѣнчалась попытка Владиміра ввести къ намъ просвѣщеніе, мы вмѣстѣ съ симъ нисколько еще не отвѣтили на вопросъ: почему мы вообще остались безъ просвѣщенія. Этотъ общій вопросъ есть вопросъ самъ по себѣ и требуетъ своего особеннаго отвѣта.

Послѣ неудачной попытки Владиміра могли быть сдѣланы сотни другихъ попытокъ, и однако мы не сдѣлали ни одной. Между тѣмъ мы представляли собою народъ, который бы долженъ былъ имѣть просвѣщеніе. По своей территоріи мы принадлежали къ народамъ европейскимъ; принявъ одно и то же съ ними христіанство, мы стали живымъ членомъ въ семействѣ этихъ народовъ. Но отличительною чертой и общею принадлежностію народовъ европейскихъ было то, что они имѣли просвѣщеніе. Почему же только мы одни въ ихъ семействѣ остались безъ сего просвѣщенія?

Вопросъ этотъ, какъ понимаетъ читатель, есть ни болѣе ни менѣе какъ вопросъ о насъ самихъ, ибо тутъ спрашивается: лежитъ ли наше невѣжество въ нашей отвѣтственности или нѣтъ?

Пріятно и желательно было бы отвѣчать съ спокойной совѣстью рѣшительнымъ нѣтъ; къ сожалѣнію, не кривя душой, отвѣчать такъ мы не найдемъ возможнымъ.

Оправдать насъ отъ упрековъ за наше невѣжество лежало на сердцѣ нашего почтеннаго историографа. Полагая, что просвѣщеніе не только было вводимо, но и дѣйствительно введено

къ намъ, онъ объяснялъ его исчезновеніе междоусобіями нашихъ князей, бывшими слѣдствіемъ удѣльной системы, и потомъ нашествіемъ монголовъ. Въ настоящее время составляетъ предметъ, требующій доказательствъ, то, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ, и уже нисколько не составляетъ предмета спорнаго то, что оно не было введено прочнымъ образомъ, что оно не было водворено такъ, чтобы имѣть болѣе или менѣе продолжительный періодъ настоящаго у насъ существованія. Но въ этихъ междоусобіяхъ князей хотятъ видѣть причину, которая воспрепятствовала явиться у насъ просвѣщенію. Увы, какъ совершенно неосновательно ссылался на нихъ Карамзинъ, думая объяснить ими исчезновеніе у насъ просвѣщенія, такъ совершенно неосновательно ссылаться на нихъ и какъ на причину, которая воспрепятствовала ему у насъ явиться. Междоусобныя войны составляютъ величайшее несчастіе для народовъ, но, къ счастію, онѣ вовсе не имѣютъ и не могутъ имѣть пагубнаго вліянія на просвѣщеніе, и напрасно было бы обвинять ихъ въ томъ, въ чемъ онѣ вовсе не виноваты. Потрудитесь только задать себѣ обстоятельнымъ образомъ вопросъ, какимъ образомъ междоусобныя войны могутъ быть препятствіемъ къ водворенію просвѣщенія, и вы увидите, что или ничего нельзя будетъ отвѣтить, или придется отвѣчать однѣми общими, ничего не содержащими и не выражающими, фразами, какъ это и дѣйствительно имѣетъ мѣсто у Карамзина. Конечно, мы не станемъ представлять по-дѣтски этихъ междоусобныхъ войнъ такъ, чтобы онѣ составляли одну непрерывную войну, въ которой заняты были бы безъ исключенія всѣ люди, и которая бы обнимала рѣшительно всю страну, такъ что жителямъ при подобной войнѣ не оставалось бы ни о чемъ болѣе подумать и ничего болѣе дѣлать. Князья могли вести весьма частыя междоусобныя войны, но во всякомъ случаѣ у нихъ оставалось совершенно достаточно времени на то, чтобы заботиться о просвѣщеніи, если бы они того хотѣли. Возьмите дѣло нагляднѣе: вотъ въ Кіевѣ любой великій князь до-монгольскаго періода; какъ ни много велъ междоусобныхъ войнъ этотъ взятый великій князь, во всякомъ случаѣ онъ не велъ ихъ непрерывно: что же бы могло воспрепятствовать его заботамъ о просвѣщеніи? Непрерывныя заботы о войнѣ? Но этотъ отвѣтъ не пустая фраза и не смѣшонъ только тогда, когда въ него не вдумаешься: человѣкъ не со-

зданъ такъ, чтобы одна забота исключала въ немъ возможность всякихъ другихъ заботъ. Кромѣ войнъ, князья заботятся обо всемъ другомъ, что подлежало ихъ заботамъ, какъ государей: отчего они не имѣютъ времени и возможности позаботится только о просвѣщеніи? Можетъ быть, инымъ думается, что заботы о войнахъ не совмѣстны съ заботами о просвѣщенія. Но исторія отвѣчаетъ вамъ, что думать такъ совершенно напрасно. Нѣмецкій Карлъ Великій и нашъ русскій Петръ Великій были государи самые воинственные, какихъ только можно представить, и однако именно они были вводителями просвѣщенія въ своихъ странахъ. Междоусобныя войны должны были избить множество воиновъ, наносить весьма много ущерба мирнымъ гражданамъ и причинять чрезвычайно большой вредъ государству: но какимъ образомъ онѣ могли мѣшать просвѣщенію? Отцы были заняты войнами или страдали отъ нихъ, но какъ это могло препятствовать учиться дѣтямъ? Представлять ли дѣло такъ, что дѣти были заняты глазѣніемъ на войны? Въ междоусобныхъ войнахъ непрестанно пылали города, такъ что нужно было спасать жизнь, заботиться о крови и не было возможности думать о томъ, чтобы учиться? Но когда говорится объ этихъ непрестанныхъ пожарищахъ городовъ, то всякій знаетъ и понимаетъ, что это говорится нисколько не буквально, а метафорически. Города пылали, но вовсе не непрестанно и не было ничего похожаго на то, чтобы всѣ города пылали каждый годъ Возьмите исторію Кіева и другихъ стольныхъ городовъ, и вы увидите, что не шутя говорить, будто въ этихъ городахъ въ періодъ домонгольскій нельзя было учиться, было бы въ высшей степени странно, чтобы не сказать болѣе.

Если междоусобныя войны пагубны для настоящаго просвѣщенія, то онѣ должны быть столько же пагубными и для простой грамотности: придетъ ли однако кому-нибудь въ голову дивиться тому, что междоусобныя войны не убили у насъ этой послѣдней? Междоусобныя войны и грамотность — всякій согласится, что предполагать вредное вліяніе однѣхъ на другую было бы весьма неожиданно и оригинально; но на самомъ дѣлѣ совершенно то же самое — предполагать вредное вліяніе этихъ войнъ и на дѣйствительное просвѣщеніе. Какъ исторія доказываетъ намъ, что войны ни малѣйше не мѣшаютъ государямъ заботиться о просвѣщеніи, если они того хотятъ.

такъ та же исторія доказываетъ намъ, что междоусобныя войны ни малѣйше не препятствуютъ и водворяться въ странахъ просвѣщенію. Въ западной Европѣ просвѣщеніе возрождалось развѣ не среди такого же множества междоусобныхъ войнъ, какъ это было у насъ? Кто не знаетъ тѣхъ страшныхъ междоусобій, которыя раздирали средневѣковую Италію, и однако просвѣщеніе воскресло въ ней именно среди этихъ междоусобій.

Междоусобія, если угодно, содѣйствуютъ просвѣщенію, потому что возбуждаютъ умы людей общественными бѣдствіями, но, тяжко обвиняемыя во многомъ, онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обвиняемы въ томъ, чтобы были какой-нибудь помѣхой просвѣщенію. Наконецъ, если угодно, междоусобія нашихъ князей могутъ быть оставлены совсѣмъ въ сторонѣ, и вопросъ останется все-таки вопросомъ. Когда мы спрашиваемъ: почему не ввелось въ Россіи просвѣщеніе то изъ числа подлежащихъ отвѣту мы нисколько не исключаемъ наше духовенство; но къ нему междоусобія князей уже, конечно, не имѣютъ никакого отношенія. Какія внѣшнія государственныя бѣдствія могли помѣшать водвориться просвѣщенію въ нашихъ монастыряхъ?

Что иго монгольское не могло воспрепятствовать намъ ввести къ себѣ просвѣщеніе, это совершенно ясно будетъ для всякаго, кто припомнитъ, что монголы, одинъ разъ опустошительнымъ образомъ прошедъ по Россіи, сѣли потомъ въ сторонѣ, нисколько не вмѣшивались въ наши внутреннія дѣла. Но мы не будемъ распространяться объ этомъ игѣ. Если въ продолженіе двухъ съ половиной вѣковъ, ему предшествовавшихъ, мы оставались безъ просвѣщенія, то для насъ станетъ понятно и безъ всякой причины, почему мы остались безъ просвѣщенія потомъ. Въ продолженіе двухъ съ половиною вѣковъ непросвѣщеніе или невѣжество уже успѣло пріобрѣсти у насъ право гражданства и давности, уже успѣло пріобрѣсти видъ нормальнаго положенія.

Такимъ образомъ попытка Карамзина спасти нашу національную честь должна быть признана совершенно неудовлетворительною.

Почему мы не пристали относительно просвѣщенія къ западной Европѣ, это, конечно, ясно: съ нею раздѣлила насъ религіозная вражда, вслѣдствіе которой между нею и нами

скоро воздвиглось весьма крѣпкое средостѣніе. Но передъ нами и постоянно къ нашимъ услугамъ были греки: отчего же мы не заимствовали просвѣщенія у нихъ?

Какихъ нибудь неодолимыхъ препятствій, которыя бы рѣшительно помѣшали намъ взять просвѣщеніе у грековъ, съ тѣмъ, чтобы въ параллель къ новому просвѣщенію западной Европы представить новое просвѣщеніе Европы восточной, и которыя бы совсѣмъ извиняли и оправдывали насъ, мы не найдемъ и не придумаемъ. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, насколько вина не исключительно на насъ самихъ. Сравнивая свое положеніе по отношенію къ грекамъ, отъ которыхъ мы должны были бы заимствовать просвѣщеніе, съ положеніемъ западной Европы по отношенію къ римлянамъ, отъ которыхъ она его заимствовала, мы находимъ значительное различіе, которое дѣйствительно можетъ служить къ нѣкоторому нашему извиненію и къ нѣкоторому изъясненію того, отчего не случилось, чтобы въ параллель къ этой Европѣ западной мы представили собою образованную Европу восточную. Мы по отношенію къ грекамъ были народъ совершенно новый, который сполна вновь долженъ бы былъ вводить у себя просвѣщеніе, напротивъ народы западной Европы по отношенію къ римлянамъ были, такъ сказать, живымъ и непрерывнымъ ихъ продолженіемъ, имѣвъ въ итальянцахъ, которые составляли ихъ средоточіе, тѣхъ же римлянъ, только подъ новымъ именемъ. На Западѣ просвѣщеніе и его духъ, строго говоря, никогда не умирали, а только значительно падали: живая традиція просвѣщенія тамъ совершенно никогда не прерывалась, но какъ ни близко доходило до опасности совершенно прерваться и угаснуть, все-таки продолжала сохраняться. Такимъ образомъ на Западѣ явиться просвѣщенію значило, такъ сказать, возродиться огню изъ-подъ пепла, у насъ же, напротивъ, явиться ему значило быть добыту огню посредствомъ совершенно новаго тренія. Имѣя задачею не совсѣмъ вновь вводить просвѣщеніе, а только возродить его, народы западной Европы представляли изъ себя одно цѣлое. Такимъ образомъ свой сравнительно гораздо болѣе легкій трудъ они совершили общими силами многихъ, мы же, напротивъ, были совершенно одни. Тамъ были общія усилія, взаимное содѣйствіе и соревнованіе, у насъ же ничего подобнаго. На дѣйствія людей могущественно вліяетъ сознаніе ими своихъ обязанностей, и Западъ дѣйств...

тельно былъ поставленъ въ такое положеніе, чтобы сознать свою миссію возродить у себя просвѣщеніе. Онъ остался преемникомъ западной Римской имперіи. Призванный и въ лицѣ Карла Великаго дѣйствительно принявъ на себя обязанность быть воскресителемъ и продолжателемъ этой имперіи, онъ долженъ былъ сознать всю обязанность позаботиться о томъ главнѣйшемъ, что завѣщалъ ему Римъ, т.-е. о просвѣщеніи. Это сознаніе обязанности, это сознаніе историческаго долга и призванія должно было сильно и благодѣтельно подѣйствовать на пробужденіе Запада: искра просвѣщенія, не угасшая тамъ совершенно, а только тлѣвшая подъ пепломъ, отъ притока этого нравственнаго воздуха, снова пробилась наружу и разгорѣлась... Мы въ своей исторіи не имѣли никакого подобнаго нравственнаго стимула. Если бы восточная имперія пала ранѣе, то весьма вѣроятно, что мы не были бы продолжателями ея просвѣщенія въ параллель къ Западу, ибо было или не было это намъ по силамъ, во всякомъ случаѣ мы не были къ этому приготовлены, какъ приготовленъ былъ къ своей роли Западъ, при томъ же и относительно этого послѣдняго мы вовсе не хотимъ сказать того, чтобы все дѣло было въ паденіи западной Римской имперіи. Но въ живой и существующей восточной имперіи мы не были такимъ живымъ ея членомъ, чтобы сознавать лежащею на себѣ часть ея историческихъ обязанностей. Восточная имперія была сама по себѣ, нисколько не обнимая насъ подъ собой, мы же были дополненіемъ къ ней совершенно внѣшнимъ и, такъ сказать, случайнымъ, были нѣчто только добавочное и не имѣющее въ ней историческаго смысла и значенія. Не сознавая себя причастными къ исторической обязанности быть просвѣщенными, сполна возлагая эту обязанность на тѣхъ, которые безъ насъ представляли собою просвѣщенный Востокъ, т.-е. на грековъ, мы и не позаботились о просвѣщеніи и нашли возможнымъ прожить и безъ него.

Сквозь туманъ многихъ вѣковъ, сквозь густую окраску позднѣйшаго времени неясно видится намъ образъ св. Владиміра и, смотря на Русь послѣ него, какъ-то съ трудомъ вѣримъ мы, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе сдѣлать ее тѣмъ, чѣмъ была въ его время Греція, т.-е. страною просвѣщенною. Но онъ имѣлъ это намѣреніе въ самомъ широкомъ смыслѣ, онъ хотѣлъ отъ Греціи не только просвѣщенія, но и художествъ, хотѣлъ отъ нея и того, чего она не могла дать въ видѣ современныхъ произве-

деній, а могла дать только въ видѣ оставшихся памятниковъ древности. Во все продолженіе періода до-монгольскаго за св. Богородицею Десятинною стояли въ Кіевѣ два мѣдные болвана и четыре мѣдныхъ коня, на которые „невѣгласи“ кіевскіе разѣвали ротъ, недоумѣвая — что они и для чего они. Эти шесть недоумѣнныхъ диковинъ были двѣ бронзовыхъ статуи и четыре бронзовыхъ коня, привезенные Владиміромъ изъ Корсуни, которая по подобію всѣхъ старыхъ греческихъ городовъ была украшена памятниками ваянія, оставшимися отъ временъ классическихъ. Послѣ Владиміра эти художественные трофеи, привезенные имъ изъ побѣжденнаго города, стали добычею воробьевъ и галокъ; но нѣтъ сомнѣнія, что онъ привозилъ ихъ не для этой цѣли. Нѣтъ сомнѣнія, онъ привозилъ ихъ для той цѣли, чтобы украсить Кіевъ произведеніями ваянія, если не совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени такъ, какъ, по разсказамъ ѣздившихъ въ Константинополь пословъ и купцовъ, былъ украшенъ ими послѣдній...

Итакъ, Владиміръ желалъ и пытался было ввести къ намъ просвѣщеніе, но его попытка осталась безуспѣшною. Послѣ него мы уже не дѣлали никакихъ попытокъ и остались безъ просвѣщенія, при одной грамотности, при одномъ умѣніи читать.

Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владиміра до Петра Великаго... Вмѣстѣ съ своеобразной исторіей государства, своеобразна исторія и нашей церкви: исключительная привязанность къ церковно-обрядовой внѣшности, наружное благочестіе на мѣсто внутренняго, за подозрѣніе грековъ въ уклоненіи отъ чистоты православія и, наконецъ, расколъ — вотъ ея особенности, бывшія по отношенію къ ней слѣдствіемъ того, что вмѣсто дѣйствительнаго просвѣщенія мы имѣли своимъ просвѣщеніемъ одну грамотность.

Прежде чѣмъ обращаться къ этой послѣдней, мы должны сдѣлать одну оговорку относительно просвѣщенія. Въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, у насъ его не было. Но въ то же время, по особымъ обстоятельствамъ этого періода, во все его продолженіе до самаго конца у насъ могли быть въ видѣ исключенія отдѣльные люди болѣе или менѣе просвѣщенные, отдѣльные люди съ настоящимъ большимъ или меньшимъ научнымъ

образованіемъ. Во все продолженіе этого періода у насъ находились греки, составлявшіе, во-первыхъ, свиту митрополитовъ, во-вторыхъ — бывшіе при епископахъ, между послѣдними изъ которыхъ принадлежавшіе къ нимъ — грекамъ почти никогда не переводились. Между этими греками могли встрѣчаться люди образованные, имѣвшіе охоту преподавать науки другимъ и у нихъ-то отдѣльные исключительные люди, надѣленные сверхъ-обычайною жаждою просвѣщенія, и могли получать лучшее или худшее научное образованіе. Ниже мы увидимъ, что мы на самомъ дѣлѣ за періодъ до-монгольскій имѣемъ примѣры такихъ исключительныхъ людей.

Обращаемся къ составлявшей наше просвѣщеніе грамотности.

Грамотность, что бы она ни была, все-таки предполагаетъ способы ея преподаванія, все-таки предполагаетъ ученіе. Какъ же совершалось это послѣднее?

И для грамотности, такъ же какъ для просвѣщенія или научнаго образованія, въ Греціи не было казенныхъ, содержимыхъ правительствомъ, школъ. Грамотность была тамъ главнымъ образомъ на частномъ попеченіи духовенства, именно — приходскіе священники, практикуя ученіе грамотности, какъ наиболѣе подходящее для нихъ и наиболѣе приличное имъ ремесло, содержали при церквахъ частныя школы грамотности, въ которыя отдавали дѣтей всѣ желающіе, платя учителямъ за ученіе по мѣрѣ усердія и средствъ. Помимо священниковъ, вѣроятно, содержали частныя школы грамотности и всѣ желающіе. И этотъ-то способъ частныхъ, а не казенныхъ, правительственныхъ, школъ водворился и у насъ въ Россіи.

Какъ извѣстно, большая часть нашихъ изслѣдователей того мнѣнія, что въ періодъ до-монгольскій у насъ существовали казенныя школы грамотности. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что ихъ не было у насъ и въ послѣдующее время, и необходимо думать, что ихъ также не было и въ періодъ до-монгольскій, или иначе — что ихъ не было съ самаго начала.

Если бы эти казенныя настоящія школы грамотности существовали у насъ въ продолженіе цѣлаго періода, то онѣ не могли бы исчезнуть въ позднѣйшее время, ибо мы не найдемъ никакихъ причинъ такого исчезновенія, а ссылаться на междоусобія князей и иго монгольское совершенно такъ же неоснова-

тельно и несостоятельно, какъ объяснять ими исчезновеніе или непоявленіе у насъ просвѣщенія.

Школы грамотности не то, что просвѣщеніе: но думать, чтобы, просуществовавъ два вѣка съ половиной, онѣ могли потомъ вдругъ безпричинно у насъ исчезнуть, это такъ же невозможно и немыслимо, какъ и то, чтобы подобная совсѣмъ не историческая оказія случилась съ просвѣщеніемъ.

Апріорическую необходимость заключать отъ несуществованія казенныхъ школъ въ послѣдующее время къ ихъ несуществованію въ періодъ до-монгольскій вполнѣ подкрѣпляютъ и памятники письменности этого періода. Въ сихъ памятникахъ мы не читаемъ положительныхъ свидѣтельствъ, которыя бы прямо говорили, что тогда казенныхъ школъ не было. Но, вопервыхъ, мы не находимъ тамъ ни малѣйшаго ихъ слѣда, вовторыхъ — мы имѣемъ такія косвенныя свидѣтельства относительно ихъ несуществованія, которыя почти равняются свидѣтельствамъ прямымъ.

Въ письменныхъ памятникахъ до-монгольскаго періода не только нѣтъ ни одного прямого упоминанія о казенныхъ школахъ, но и ни малѣйшаго на нихъ намека. Но этому невозможно было бы случиться, если бы такія школы существовали. Если бы онѣ существовали, то были бы открываемы, и объ открытіи хотя одной-двухъ изъ нихъ было бы записано въ лѣтописяхъ; если бы онѣ существовали, то имъ бы оказывали свое благоволеніе князья, и хотя разъ-два были бы отмѣчены у лѣтописцевъ случаи такого благоволенія князей вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они говорятъ объ ихъ благоволеніи къ духовенству, къ монашеству, къ нищимъ; вообще, если бы существовали казенныя школы, то не могло бы случиться, чтобы лѣтописцамъ не представилось ни одного случая упомянуть о нихъ. Наконецъ, въ памятникахъ письменности до-монгольскаго періода мы прямо имѣемъ извѣстія, въ которыхъ говорится объ ученіи дѣтей грамотѣ; если бы дѣти учились въ казенныхъ училищахъ, то, конечно, извѣстія и употребляли бы тотъ образъ выраженія, что они учились въ училищахъ; однако мы находимъ въ нихъ не училища, а только учителей, т.-е. не казенныя училища, а только частныхъ учителей. Въ Несторовомъ житіи преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго читаемъ, что онъ велѣлъ своимъ родителямъ дати себя на ученіе божественныхъ книгъ „единому отъ учитель“. Если бы Ѳеодосій былъ отданъ

въ училище, то почему прямо и не было бы такъ сказано,— то какой смыслъ имѣло бы и съ какой стати было бы употреблено выраженіе: „единому отъ учитель“? Не совершенно ли ясно даетъ знать употребленный способъ выраженія, что тутъ разумѣется одинъ изъ частныхъ учителей?

Признающіе существованіе казенныхъ училищъ въ періодъ до-монгольскій всѣ согласны съ тѣмъ, что училища эти, кѣмъ бы они ни были открыты и кѣмъ бы они ни были содержимы, находились подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ духовной власти, или епископовъ. Но мы имѣемъ рѣшительное доказательство, что подъ надзоромъ и вѣдѣніемъ епископовъ въ помянутое время никакихъ училищъ не находилось. Его представляетъ намъ такъ называемый уставъ Владимира. Въ этомъ уставѣ весьма подробно перечисляются заведенія и лица, будто бы отдаваемыя во власть епископамъ, но, какъ извѣстно, въ немъ нѣтъ училищъ и учителей...

Настаиваютъ на существованіи въ періодъ до-монгольскій казенныхъ училищъ потому, что не представляютъ себѣ возможною грамотность безъ этихъ училищъ. Но мы положительно и достовѣрно знаемъ, что у насъ не было казенныхъ училищъ въ XV и XVI вѣкахъ, хотя грамотность и была. Слѣдовательно, возможно существованіе грамотности и безъ казенныхъ училищъ.

Полагаемъ, что у читателей снова рождается недоумѣніе: какъ же это не изобрѣли казенныхъ училищъ грамотности? Простой отвѣтъ все тотъ же: не изобрѣли, не хотѣвъ или не бывъ въ состояніи пойти далѣе порядковъ, существовавшихъ въ Греціи. Какъ не легко изобрѣтеніе такихъ, повидимому, простыхъ вещей, какъ казенныя школы грамотности, это наглядно и убѣдительно показываетъ примѣръ изъ послѣдующей исторіи нашей Церкви. Въ XVI вѣкѣ на Стоглавомъ соборѣ было ясно сознано и высказано, что наши частныя школы грамотности до послѣдней степени плохи. Слѣдовало бы ожидать, что соборъ приговоритъ завести на будущее время казенныя школы, и однако онъ вовсе этого не дѣлаетъ: на будущее время — тѣ же частныя школы на домахъ у священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ, только съ нѣкоторыми попытками улучшенія дѣла.

Такимъ образомъ, повторяемъ, въ періодъ до-монгольскій, какъ и во все послѣдующее время допетровской Руси, гра-

мотность существовала и поддерживалась у насъ посредствомъ не казенныхъ, а частныхъ или домовыхъ училищъ.

Грамотность пошла у насъ двумя путями. Съ одной стороны, не увѣнчавшаяся успѣхомъ попытка Владимира водворить въ сословіи бояръ истинное просвѣщеніе имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ ввелъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, грамотность. Съ другой стороны, она пошла отъ духовенства, для котораго она составляла необходимость.

Приведенные изъ Греціи учители наукъ не достигли предположенной цѣли водворить эти послѣднія, но они все-таки стали учителями грамотности, и частныя училища, которыя они открыли, скоро переставъ быть училищами наукъ, остались училищами той единственной науки, которая имѣла составлять наше просвѣщеніе. Отъ этихъ первыхъ учителей грамотности въ боярствѣ должны были пойти дальнѣйшіе учители въ томъ же сословіи. Нѣтъ сомнѣнія, у дѣтей боярскихъ не было охоты посвящать себя званію учителей, такъ чтобы послѣдующіе учители явились изъ нихъ самихъ. Но у учителей были собственныя дѣти, которыхъ имъ естественно было готовить себѣ въ преемники и которымъ естественно было наслѣдовать ихъ ремесло или профессію. Такимъ образомъ сословіе учителей грамотности для боярства должно было возникнуть наслѣдственнымъ образомъ отъ учителей наукъ, приведенныхъ изъ Греціи. Съ теченіемъ времени, не ограничиваясь дѣтьми бояръ, они, конечно, начали принимать въ свои частныя, содержимыя на домахъ, училища, или въ свои какъ бы пансіоны, и всѣхъ желающихъ, и такимъ образомъ ихъ училища грамотности стали училищами для всѣхъ.

Эти учители грамотности, пошедшіе отъ приведенныхъ грековъ, были ея водворителями собственно въ Кіевѣ. Ея водворителями вездѣ и во всей Руси должны быть считаемы священники. Необходимо думать, что священники, тѣми или другими способами созданные правительствомъ по подобію того, какъ было въ Греціи, и вслѣдствіе ли прямыхъ предписаній правительства или по своей доброй волѣ, учительство грамотѣ взяли на себя какъ одну изъ своихъ обязанностей и начали открывать школы грамотности у себя на домахъ по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ пробуждалась охота къ ученію грамотѣ. Затѣмъ, на помощь священникамъ, положившимъ первое начало грамотности, скоро или нескоро явились міряне.

Отчасти, вѣроятно, потому, что для людей небогатыхъ учительство грамотѣ представляло ремесло выгодное, главнымъ же образомъ, вѣроятно, по побужденіямъ благочестія, изъ желанія посвятить себя такому богоугодному дѣлу, какъ ученіе грамотѣ, единственною цѣлію котораго въ древнее время было почитаніе божественныхъ книгъ, вслѣдъ за священниками явились міряне, которые также начали открывать у себя на домахъ частныя училища грамотности. Эти частныя домовыя училища, содержимыя отчасти священниками и вообще членами церковныхъ причтовъ, отчасти мірянами, которые получили впослѣдствіи техническое названіе мастеровъ, и составляли наши училища грамотности въ періодъ до-монгольскій, равно какъ и во все послѣдующее время старой Россіи до Петра Великаго.

Одинъ памятникъ до-монгольскаго періода представляетъ дѣло такимъ образомъ, что грамотность распространялась у насъ чрезвычайно быстро, что уже въ первую половину правленія Ярослава было по нѣскольку учителей для нея даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ Руси. Этотъ памятникъ есть упомянутое нами выше житіе преп. Ѳеодосія Печерскаго, написанное Несторомъ, который, какъ мы видѣли, говоритъ, что Ѳеодосій учился грамотѣ у единаго отъ учитель, — годы ученія послѣдняго приблизительно должны падать на середину княженія Ярослава, а мѣстомъ его ученія былъ одинъ изъ незначительныхъ тогдашнихъ городовъ — Курскъ. Но это свидѣтельство Нестора, сохраняя свою силу въ отношеніи къ отсутствію въ его время казенныхъ училищъ, весьма сомнительно въ своемъ показаніи относительно слишкомъ большой распространенности частныхъ училищъ уже въ указанное раннее время, ибо предполагать такой быстрый ходъ дѣла, чтобы уже къ концу первой половины правленія Ярослава грамотность успѣла распространиться вездѣ и стать вездѣ потребностью всѣхъ сословій общества, такъ чтобы вездѣ явилось достаточное количество учителей, совсѣмъ невѣроятно. Стремленіе къ грамотности предполагаетъ возможность ея приложенія, именно — возможность читать церковныя учительныя книги. Но серьезныя заботы о распространеніи этихъ книгъ въ обществѣ, какъ мы знаемъ, были приложены именно только Ярославомъ. Вообще необходимо думать, что грамотность начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между

всѣми не ранѣе какъ къ концу правленія Ярослава, а что касается до свидѣтельства преподобнаго Нестора, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ время дѣтства преп. Ѳеодосія по своему собственному времени.

Если признать справедливымъ то положеніе, что стремленіе къ грамотности могло распространяться только параллельно съ распространеніемъ и умноженіемъ въ обществѣ четіихъ книгъ, — ибо безъ книгъ, конечно, трудно предполагать стремленіе къ грамотности, — то нужно будетъ думать, что дѣло шло весьма не быстро, потому что книги въ то время, какъ мы обстоятельно говорили выше, могли распространяться только чрезвычайно медленно. Книги въ то время были такъ дороги, что ихъ могли пріобрѣтать въ собственность только люди богатые; чужими четіими книгами могли до нѣкоторой степени пользоваться только жители городовъ, въ которыхъ сосредоточены были эти люди богатые; слѣдовательно по этой зависимости грамотности отъ книгъ, нужно думать, что въ періодъ до-монгольскій она была болѣе или менѣе распространена — во-первыхъ, между людьми богатыми, во-вторыхъ — между горожанами. Что касается до жителей селъ, то объ нихъ нужно думать за періодъ до-монгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ училищахъ грамотности въ періодъ до-монгольскій могли нуждаться только города, но не села. Что касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ могли быть по мѣстамъ училища грамотности отчасти на домахъ у священниковъ, отчасти у мірянъ только спеціальнымъ образомъ для тѣхъ, которые желали поступить во священники.

Голубинскій.

Древнерусское просвѣщеніе.

Въ исторіи литературнаго развитія имѣетъ важность та или другая степень образованности, на которой стоятъ сами дѣятели литературы и на которую могутъ они опираться, если не въ народной, то въ болѣе тѣсной общественной средѣ. Успѣхи литературы часто отождествляются съ успѣхами образованія, и дѣйствительно, они тѣснѣйшимъ образомъ связаны; тѣмъ не менѣе они остаются въ большей мѣрѣ отдѣльными областями.

Литература въ своей высшей стадіи, какъ художественное изображеніе дѣйствительности и идеала, есть область личнаго творчества, трудно исчислимаго, которое въ своихъ наиболѣе глубокихъ выраженіяхъ является какъ бы таинственно возникающимъ созданіемъ національнаго духа (какъ всѣ геніальные писатели). Образованіе есть результатъ практически дѣйствующей школы; успѣхъ его можетъ быть и бываетъ дѣломъ сознательнаго намѣренія или круга людей, полагающихъ на него свои усилія, или просвѣщенной власти, употребляющей волю и средства государства на основаніе и распространеніе школы (какъ у насъ было при Владимирѣ святомъ, или при Петрѣ Великомъ), даже безъ всякихъ соображеній о могущемъ произойти отсюда будущемъ успѣхѣ націи и только съ мыслью о непосредственной пользѣ болѣе широко распространенныхъ знаній. Эти независимыя функціи національной мысли, какъ мы сказали, тѣсно однако связаны: писатель, сильный дарованіемъ, богатый содержаніемъ, можетъ остаться безъ вліянія на общество, не говоря о народной массѣ, если его содержаніе слишкомъ превышаетъ данную степень образованности въ обществѣ; съ другой стороны, развитіе образованности во всякомъ случаѣ расширяетъ умственный горизонтъ цѣлаго общества и, слѣдовательно, самой среды, воспитывающей писателя, усиливаетъ умственную производительность и неизмѣнно отражается въ литературѣ возрастаніемъ уровня самого художественнаго творчества и, въ концѣ концовъ, національнаго сознанія...

Даже въ эпохи, которыя бывали исполнены заблужденіями, поголовнымъ суевѣріемъ, переходившимъ въ систему (какъ нѣкоторыя отрасли средневѣковой схоластики), распространеніе школы ускоряло паденіе ложныхъ міровоззрѣній; когда средневѣковой ученый человѣкъ старался систематизировать данный кругъ понятій, онъ тѣмъ самымъ открывалъ путь къ ихъ пересмотру и къ запросамъ критики, которая, разъ возникнувъ, сначала медленными, а потомъ все болѣе увѣренными шагами шла къ созданію науки. Знакомство съ чужими литературами, въ средніе вѣка сначала съ латинской, потомъ съ греческой, было дѣломъ школы и съ теченіемъ времени произвело переворотъ въ цѣломъ міровоззрѣніи образованнаго круга, а затѣмъ во всей судьбѣ европейской литературы. И въ начальномъ періодѣ европейскихъ среднихъ вѣковъ школа оказала несо-

мѣнное вліяніе на расцвѣтъ литературъ народныхъ. Предметомъ школы была прежде всего церковная латынь; знаніе послѣдней само собою открывало какъ литературу церковную первыхъ христіанскихъ вѣковъ Запада, такъ и латинскую литературу классическую: возбуждаемая школой любознательность и вкусъ къ поэтическому направились на національное поэтическое преданіе, такъ что съ VIII—IX вѣка идутъ сохранившеся донынѣ памятники, какъ Беовульфъ, пѣсня о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ и проч., за которыми послѣдовало богатое развитіе національнаго эпоса, лирики, наконецъ драмы. У народовъ Запада изъ этихъ начатковъ и изъ распространившагося позднѣе гуманизма идетъ цѣлое развитіе новѣйшихъ литературъ. Въ южномъ и восточномъ славянскомъ мірѣ, несмотря на раннее появленіе народнаго языка въ церкви, этого явленія не произошло. Послѣ первоначальной эпохи языка старославянскаго, — племенная принадлежность котораго составляетъ доселѣ спорный вопросъ, — языкъ церкви не былъ, однако, вполнѣ народнымъ, повидимому у самихъ болгаръ, а еще менѣе у сербовъ и русскихъ. Церковное освященіе этого языка какъ бы дѣлало его исключительнымъ, единственно полноправнымъ языкомъ книги; люди книжные подъ вліяніемъ обстоятельствъ, о которыхъ мы говорили раньше, усвоили отрицательное отношеніе къ народно-поэтическому, какъ къ языческому; школа или отсутствовала, или существовала въ видѣ случайнаго, разъединеннаго и только элементарнаго обученія, а потому и не могла развить литературныхъ вкусовъ въ такой мѣрѣ, чтобы внушить интересъ къ народно-поэтическому преданію, какъ это было на Западѣ.

Новѣйшія изслѣдованія показали, однако, что въ древне-русскомъ періодѣ не было недостатка въ народно-поэтическомъ матеріалѣ, который могъ бы послужить для литературнаго воспроизведенія: отсутствіе послѣдняго должно быть отнесено къ условіямъ школы и образованія.

Подобнымъ образомъ новѣйшія сравнительно разысканія открыли большое сходство въ содержаніи народнаго міровоззрѣнія у насъ и въ народныхъ массахъ на Западѣ, какъ выражалось оно въ церковно-популярной литературѣ: тѣ же легендарныя представленія о созданіи міра и міроправленіи, взятыя не столько изъ Библіи, сколько изъ апокрифическаго сказанія, развитаго народной фантазіей и дополненнаго изъ своихъ мѣст-

выхъ матеріаловъ: тѣ же фантастическія сказанія о природѣ, животномъ мірѣ, человѣческомъ существѣ. Сходство источниковъ древняго народнаго преданія и книжно-пріобрѣтеннаго христіанскаго сказанія — создавало сходные, иногда тождественные результаты въ народной легендѣ средневѣкового Запада и Востока; но разница въ дальнѣйшемъ развитіи этой основы обнаружилась уже вскорѣ. Раньше и несравненно шире распространившаяся книжность, съ одной стороны, ввела этотъ матеріалъ въ поэтическое обращеніе; съ другой, раннее собственное знакомство съ классиками повело къ попыткамъ логическаго осмысленія и систематизаціи, которыя послужили исходнымъ пунктомъ научнаго движенія. Этого послѣдняго у насъ совершенно не было: то, что въ западной литературѣ возникало, въ этомъ отношеніи, еще въ XII—XIII вѣкѣ (какъ, напр., система Альберта Великаго, не говоря о болѣе раннихъ произведеніяхъ средневѣковой философіи), достигаетъ къ намъ, въ повтореніи, не раньше XVII-го вѣка, у кіевскихъ ученыхъ.

Вопросъ о древнемъ русскомъ просвѣщеніи еще не вышелъ изъ области споровъ. Нѣкогда это просвѣщеніе было высоко поставлено Шевыревымъ, въ его исторіи древней русской словесности: основой его сужденій были обиліе церковно-назидательной письменности и примѣры благочестія, которые находилъ онъ въ писаніяхъ церковныхъ учителей и въ дѣяніяхъ, сохраненныхъ лѣтописью и житіями. Но назидательныя писанія и факты благочестія, въ которыхъ онъ видѣлъ доказательства высокаго просвѣщенія, во-первыхъ, не представляли общаго порядка вещей, во-вторыхъ, не были однозначительны съ успѣхами образованности обычной, мірской, заключающей познанія научнаго характера и стоящей въ связи съ поэтическими интересами литературы. Подобнымъ образомъ древнее просвѣщеніе оцѣнивалось нѣкоторыми писателями славянофильской школы. Съ другой стороны, однако, бросались въ глаза скудость въ старой письменности научныхъ познаній, а также и прямыя свидѣтельства памятниковъ объ отсутствіи школы, о недостаткѣ даже первоначальнаго обученія, какъ напр. въ извѣстной грамотѣ новгородскаго архіепископа Геннадія въ концѣ XV-го вѣка, о которой скажемъ далѣе. Новѣйшій историкъ церкви, г. Голубинскій, изъ фактовъ древней жизни и письменности извлекъ заключеніе о весьма невысокомъ уровнѣ просвѣщенія и въ древнемъ и въ среднемъ періодѣ: лишь одно время

именно при Владимирѣ святомъ (и частію при Ярославѣ) была прилагаема забота къ установленію школы, но затѣмъ просвѣщеніе было вообще предоставлено произволу случая.

Первый изслѣдователь этого предмета Лавровскій собралъ изъ старыхъ и позднихъ лѣтописей, лѣтописныхъ сводовъ и житій упоминанія, которыя, по его заключенію, давали право заключать о существованіи училищъ преимущественно въ мѣстахъ пребыванія епископовъ, или называли города, гдѣ были училища, или утверждали только существованіе совокупнаго обученія, или вообще указывали на распространеніе первоначальнаго обученія. Справедливость этихъ заключеній поддерживалась характеромъ водворенія христіанства въ Россіи (обдуманною обще-государственною мѣрою), степенью образованности въ странѣ, сообщившей намъ христіанство, степенью древне-русскаго образованія вообще и исторіею водворенія христіанства въ другихъ славянскихъ земляхъ. Предметами обученія въ древне-русскихъ училищахъ были чтеніе, письмо и пѣніе; главными руководителями при обученіи чтенію были азбука и псалтирь; въ обученіе письму входила и забота объ его правильности, т.-е соблюденіи извѣстныхъ правилъ правописанія. Одна хронологическая статья XII-го вѣка давала поводъ заключать, что еще въ древнемъ періодѣ существовала у насъ особая нумерація и знаніе нѣкоторыхъ ариѳметическихъ дѣйствій.

Послѣдующая эпоха. времена татарскаго ига, по мнѣнію изслѣдователя, „могла только разрушительно дѣйствовать на установившійся уже порядокъ образованія: она способна была породить одно отчаяніе, способное въ свою очередь подавить всякую мысль о поддержаніи существовавшаго порядка, не только о его распространеніи и усовершенствованіи“.

Дальнѣйшія изслѣдованія, напр. въ трудахъ г. Сухомлинова и особливо въ церковной исторіи митр. Макарія, прибавили еще нѣсколько соображеній о состояніи древняго русскаго просвѣщенія — но мало увеличили количество данныхъ и не измѣнили впечатлѣнія крайней скудости этого просвѣщенія. Собранныя г. Лавровскимъ данныя (кромѣ единичнаго извѣстія Татищева „о грекахъ и латинистахъ“) говорили лишь о первоначальной школѣ; онъ думалъ однако, что „образованіе того времени не ограничивалось этими знаніями, а усвоивало себѣ *все*, что представлялъ значительно развитой

кругъ знаній, обращавшихся въ византійской имперіи и даже въ сопредѣльныхъ съ Русью государствахъ западныхъ" и пр., и ссылался на „множество лѣтописныхъ свидѣтельствъ". Но эти свидѣтельства указываютъ только на любовь къ божественнымъ книгамъ, начитанность или такую степень знаній, какая требовалась іерейскому чину. И въ томъ же изслѣдованіи, указывая, какъ въ самой Византіи творческій духъ старыхъ грековъ ослабѣвалъ, какъ истинно-христіанское начало стѣснялось одностороннею догмой, какъ наука потеряла жизненность и смѣнилась утонченной діалектикой въ богословіи и искусственными умозрѣніями въ философіи, — авторъ находилъ, что такая выродившаяся наука не могла утвердиться на древне-русской почвѣ. „Полные жизненной силы, свѣжей и юной, которая вся была направлена на общественную дѣятельность, наши предки не были способны понимать ея отвлеченныхъ умозрѣній... Если такія знанія и могли быть перенесены къ намъ въ древнѣйшее время, то они могли существовать у насъ только какъ пустыя формы... въ этихъ узкихъ, хитро-придуманныхъ рамахъ не могла умѣститься наша жизнь, полная силъ и дѣятельности, стремившаяся къ саморазвитію безъ всякаго стѣсненія внѣшними формами... И начальный періодъ нашего историческаго развитія, и наша народная личность служили неразрывно-крѣпкимъ оплотомъ противъ вторженія вредныхъ вліяній византійской образованности. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что ни древнѣйшая исторія, ни древнѣйшая словесность доселѣ не находитъ въ себѣ ни одного изъ указанныхъ выше недостатковъ послѣдней".

Эти слова весьма неопредѣленны: наша древняя образованность вообще никакъ не могла быть поставлена вровень съ образованностію византійской. Послѣдняя имѣла за собой вѣковое литературное развитіе, и между прочимъ античный эллинизмъ, которымъ при желаніи могла пользоваться и дѣйствительно пользовалась, потому что повторяла изъ него различныя научныя и философскія положенія; наша древность дѣлала только первые шаги, перенимая, что могла, изъ византійскаго источника, рядомъ съ христіанскимъ ученіемъ и первые опыты научнаго знанія, — и притомъ эти первые шаги были сдѣланы не въ нашей, а въ южно-славянской письменности, особливо въ расцвѣтъ болгарской письменности при Симеонѣ. Въ первыхъ основныхъ трудахъ новаго просвѣщенія, русскіе, на-

сколько доселѣ извѣстно, не принимали участія: таковъ былъ переводъ Писанія, когда была создана цѣлая новая область книжнаго языка для передачи терминовъ церкви, нравоученій, отвлеченныхъ понятій; таковы были первые переводы церковныхъ писателей, историческихъ сочиненій, какъ „Палея" и византійскіе хронисты; полагаютъ не безъ основанія, что изъ южно-славянскаго источника пришли и первые опыты свѣтской героической повѣсти, какъ Троянская исторія, „Девгеніево Дѣяніе", позднѣе „Александрія", несомнѣнно отсюда пришли первые начатки поэзіи церковной, какъ житія и апокрифическія сказанія. Правда, русская письменность выказала большую дѣятельность, какой не было на славянскомъ югѣ, произвела обширную лѣтопись, массу легендарныхъ сказаній, позднѣе обширные труды учительные и полемическіе, однажды выступила съ героическимъ эпосомъ, — но уровень міровоззрѣнія не повысился: между прочимъ, послѣ первыхъ южно-славянскихъ опытовъ усвоенія научныхъ произведеній византійской литературы, эта отрасль почти не двинулась позднѣе. Не было, напримѣръ, ничего прибавлено къ тому, что было съ самаго начала получено изъ византійскихъ хроникъ или иныхъ „научныхъ" сочиненій. Самое содержаніе старыхъ научныхъ переводовъ прибавилось мало.

Раньше мы имѣли случай касаться свойствъ этой древней переводной дѣятельности. Если былъ замѣчательнымъ фактомъ и въ чисто литературномъ отношеніи переводный трудъ Кирилла и Меѳодія, то послѣдующіе переводы изъ писателей византійскихъ нерѣдко свидѣтельствовали о несоизмѣримости двухъ литературъ. Для того, чтобы могъ состояться переводъ, необходимо, чтобы была возможность пониманія содержанія подлинника, чтобы языкъ давалъ средства для передачи чужихъ понятій, или, наконецъ, чтобы новыя образованія языка, произведенныя при первомъ переводѣ, вжились въ его составъ, поддержаны были дальнѣйшимъ усвоеніемъ и развитіемъ. Мы упоминали, какъ замѣчательныя усвоенія этого рода сдѣланы были при первомъ переводѣ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Не совсѣмъ то мы видимъ въ дальнѣйшихъ переводахъ собственно уже изъ византійской литературы. Первые болгарскіе переводчики, какъ знаменитый Іоаннъ Экзархъ, какъ переводчики Златоструя, Палеи, Симеонова (Святославова) Сборника, Амартола и т. д. имѣли видимо широкіе литературные

планы. хорошо знали составъ греческой литературы, старались усвоить изъ нея, что считали важнымъ, и заложить основаніе новой литературы. Переводились, между прочимъ, сочиненія научныя — по философіи, естествознанію, реторикѣ, грамматикѣ, исторіи. Въ этихъ переводахъ полагалась основа того церковно-славянскаго языка, который съ тѣхъ поръ обильной струей вошелъ въ русскую рѣчь, сталъ необходимой составной частью ея книжной формы, живетъ въ ней до сихъ поръ въ массѣ выраженій для отвлеченныхъ понятій — отчасти въ тѣхъ самыхъ словахъ, какія созданы въ X—XI вѣкѣ, отчасти въ новыхъ формаціяхъ по данному образцу. Но это движеніе, начало котораго было поистинѣ замѣчательно для своего вѣка, не нашло равномѣрнаго продолженія: дальнѣйшихъ трудовъ въ этомъ направленіи не послѣдовало, многіе изъ сдѣланныхъ тогда начатковъ остались почти единственными въ своемъ родѣ: то, что было естественно непривычнымъ на первый разъ, осталось таковымъ на весь старый періодъ нашей письменности — пока не явились новыя возбужденія изъ иного источника и не обновили старыхъ начатковъ или не поставили дѣла вновь. Причиной, почему эти начатки остались тогда неразвитыми, былъ именно недостатокъ школы — не той, первоначальной, которая поддерживала простую грамотность, а школы нѣсколько болѣе широкой, которая могла бы объяснить, что̀ такое грамматика, реторика, — если ужъ не философія. „Всего" наши книжники, очевидно, не пріобрѣли изъ Византіи. Мы замѣчали прежде, что усвоеніе и того, что было переведено съ греческаго въ первые вѣка славяно-русской письменности, совершалось туго и съ трудомъ; если во многихъ случаяхъ — какъ въ переводахъ св. Писанія и болѣе простыхъ учительныхъ и историческихъ памятниковъ, и особливо въ собственныхъ произведеніяхъ нашей письменности, — мы часто видимъ благоустроенную, даже сильную и характерную рѣчь, то въ переводахъ болѣе сложныхъ изложеній мы слишкомъ часто встрѣчаемъ рѣчь нескладную, мало вразумительную и понятную только при справкахъ съ подлинникомъ. Переводъ дѣлался буквально, слово за словомъ, гдѣ переводчикъ видимо не овладѣвалъ синтактическимъ построеніемъ греческой рѣчи и долженъ былъ ковать самыя слова для передачи понятій, еще не находившихся въ языкѣ. Въ первыхъ переводахъ нерѣдко прямо удерживались греческія слова, для

которыхъ только послѣ находимы были равнозначительныя славяно-русскія.

Первыхъ внимательныхъ изслѣдователей нашей старой письменности поражало обиліе памятниковъ главнымъ образомъ изъ переводовъ съ греческаго (и лишь очень рѣдко съ латинскаго). Описатели богатой Синодальной библіотеки, указывая заботы первоучителей славянской Церкви „утвердить духовное просвѣщеніе своего народа на прочныхъ основаніяхъ", — ради чего и были произведены многочисленные переводы съ греческаго, замѣчаютъ: „...такими и другими способами составился у насъ богатый запасъ переводовъ отеческихъ писаній, какого не предоставляетъ ни одна древняя литература новыхъ западныхъ народовъ, у которыхъ господствовали римская литургія и латинскій языкъ". „Но переводы, — читаемъ мы дальше, — сдѣланные въ разныя времена, то въ Болгаріи, то въ Сербіи, то въ Россіи, то на Аѳонѣ, то въ Константинополѣ, необходимо разнились между собою въ достоинствѣ, въ языкѣ, и много должны были потерпѣть и отъ переписчиковъ, и отъ перемѣны правописанія, при переходѣ отъ одного народа славянскаго къ другому, и отъ измѣненій въ языкѣ. *Отчетливое употребленіе* такихъ переводовъ и тѣмъ болѣе изданіе ихъ въ свѣтъ требовали предварительнаго *сличенія* ихъ съ греческимъ подлинникомъ, *исправленія*, иногда и *новаго перевода* книги, прежде извѣстной. Со времени патріарха Никона начинается рядъ этихъ работъ въ Москвѣ. Уже раньше замѣчена была та важная черта древней нашей письменности, что переводные памятники ея нерѣдко сохраняли или затерянныя, или доселѣ не открытыя произведенія византійской литературы. Упомянувъ о томъ, что наши рукописи нерѣдко указываютъ неточно или совсѣмъ не указываютъ именъ греческихъ писателей, Горскій и Новоструевъ писали: „.... Но трудности дѣла вознаграждаются своего рода пріобрѣтеніями. Сличеніе славянскихъ переводовъ съ греческимъ текстомъ открыло нѣкоторыя новыя, нынѣ неизвѣстныя, или еще неизданныя писанія отцовъ. Такъ, по нашимъ рукописямъ, къ писаніямъ св. Меѳодія Патарскаго должно причислить еще четыре слова, у западныхъ издателей не встрѣчающіяся; и сверхъ того значительно дополняются и приводятся въ правильный порядокъ другія сочиненія того же отца, извѣстныя нынѣ въ отрывкахъ. Открылась новая редакція христіанской пере-

дѣлки сочиненія стоика Епиктета, приписываемая св. Максиму Исповѣднику, въ 100 главахъ. Ему же присвояется въ нашихъ рукописяхъ еще сочиненіе духовно-нравственнаго содержанія, подъ названіемъ: Кормчій. Въ славянскомъ переводѣ сохранился древній Патерикъ, по главамъ описанный Фотіемъ, патріархомъ константинопольскимъ, и изданный только на латинскомъ языкѣ. Но и въ отношеніи къ изданнымъ твореніямъ св. отцовъ славянскіе переводы оказываютъ важную услугу, утвержденіемъ или исправленіемъ ихъ текста" и т. д.

Изслѣдователи этихъ памятниковъ нерѣдко должны были отмѣчать темноту перевода (т.-е. или неполное пониманіе оригинала, или неумѣнье и трудность передать его на своемъ языкѣ, недостаточно обработанномъ для этого содержанія) или возможное искаженіе текста переписчиками.

Извѣстно, что не одни отеческія писанія представляли упомянутый интересъ для возстановленія подлинныхъ памятниковъ самой греческой литературы: подобнымъ образомъ старыя повѣсти, сохранившіяся въ славяно-русской письменности, указывали на существованіе византійскихъ оригиналовъ, — частію открытыхъ только позднѣе (какъ „Девгеніево Дѣяніе), частію еще неизвѣстныхъ.

Это богатство древней русской письменности сравнительно съ литературами народовъ латинской церкви и языка есть, однако, только относительное. Въ извѣстномъ кругу книжныхъ людей, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, латинскіе памятники на западѣ были распространены и доступны едва ли менѣе, чѣмъ славянорусскіе на востокѣ, — съ тою разницею, что западныя школы, уже рано организовавшіяся, доставляли полное знаніе языка и полное разумѣніе содержанія. Со второй половины XV-го вѣка на западѣ книги этого рода становятся достояніемъ печати, а въ XVI и особливо въ XVII столѣтіи дѣлаются уже предметомъ ученыхъ изданій и критическихъ изслѣдованій, — когда у насъ продолжали еще смѣшивать отеческія писанія, приписывать Златоусту, что никакъ не могло ему принадлежать, и наконецъ искажать при вѣчной перепискѣ тексты до того, что наконецъ церковная власть сочла необходимымъ вмѣшаться. Въ половинѣ XVI-го вѣка Стоглавый соборъ, обсуждая недостатки, вкравшіеся въ церковную жизнь, между прочимъ, обратилъ вниманіе на дурное состояніе церковныхъ книгъ. Онъ предписываетъ наблюдать за тѣмъ, чтобы

писцы писали „съ добрыхъ переводовъ“ и, написавши, исправляли, и угрожаетъ наказанiемъ не только писцу, написавшему неисправную книгу, но и покупателю этой книги; но соборъ не указалъ, да и не могъ указать средствъ къ устраненiю этого недостатка: кому было слѣдить за писанiемъ книгъ во всей Россiи? Какъ увидимъ дальше, въ средѣ самого духовенства къ этому времени „просвѣщенiе“ было въ сильномъ упадкѣ.

Приведенное нами раньше заключенiе извѣстнаго церковнаго историка (г. Голубинскаго) о невысокомъ уровнѣ древняго просвѣщенiя, неоднократно вызывало возраженiя. Указывалась, напр., какъ бы цѣлая литературная школа, представляемая Кирилломъ Туровскимъ и которой предшественникомъ былъ Климентъ Смолятичъ или Климъ, о которомъ древняя лѣтопись говорила, какъ о небываломъ на Руси философѣ. Новѣйшiй бiографъ Климента дѣлаетъ предположенiя о знакомствѣ его съ подлинными или переводными сочиненiями Гомера, Аристотеля и Платона (что и могло бы ему дать славу „философа“), но достаточно извѣстно, что ни Гомера, ни Аристотеля и Платона не бывало въ старой русской письменности и нѣтъ никакихъ слѣдовъ, чтобы кто-нибудь изъ древнихъ русскихъ писателей знакомъ былъ съ ними прямо: всего вѣроятнѣе, что нашъ „философъ“ узналъ эти имена изъ вторыхъ или даже третьихъ рукъ; его собственное „посланiе“, единственный до сихъ поръ извѣстный его трудъ (гдѣ названы и эти имена), представляетъ обыкновенную компилятивную работу (изъ символическихъ толкованiй Писанiя), гдѣ незамѣтно никакихъ особыхъ философскихъ познанiй. Дальше мы увидимъ, что и позднѣе названiе „философа“ давалось довольно легко болѣе обыкновеннаго грамотнымъ книжникамъ, не мудрено, что подобнымъ образомъ получилъ его въ XII вѣкѣ и Климентъ.

Если для древняго перiода нѣтъ данныхъ заключать о существованiи какой-либо школы кромѣ элементарной, и памятники, позволяющiе думать о болѣе значительномъ уровнѣ литературнаго образованiя, представляются примѣрами исключительными, то въ послѣдующiе вѣка, несмотря на внѣшнiе успѣхи возникавшаго сильнаго государства, мы напрасно искали бы заботы о серiозной постановкѣ школы, и даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ необходимость ея становилась практически очевидной, не было никакого понятiя о томъ, какъ она могла

быть поставлена. Чтобы избѣжать возможнаго упрека въ исключительности нашего взгляда, воспользуемся словами знаменитаго историка Церкви, склоннаго къ оптимистической точкѣ зрѣнія. Въ своемъ общемъ заключеніи о состояніи нашего духовнаго просвѣщенія и литературы въ монгольскій періодъ преп. Макарій писалъ:

„Вообще мы приходимъ къ заключенію, которое намъ кажется справедливымъ, что если не бѣднѣе была наша духовная литература, не ниже было наше духовное просвѣщеніе въ періодъ монгольскій, чѣмъ въ предшествовавшій, то отнюдь и не богаче, отнюдь и не выше. Въ два новыя столѣтія ни наше просвѣщеніе, ни наша литература нисколько не подвинулись впередъ, а все оставались на прежней точкѣ, или вѣрнѣе, все вращались въ одномъ и томъ же, словно заколдованномъ, кругѣ. Какъ прежде значительную часть нашихъ духовныхъ писателей составляли наши митрополиты-греки, приходившіе къ намъ съ готовымъ образованіемъ изъ отечества, — такъ и теперь лучшіе или образованнѣйшіе изъ нашихъ писателей, которыхъ сочиненія представляютъ собою едва ли не половину всего нашего литературнаго наслѣдія отъ того времени, именно митрополиты — Кипріанъ, Фотій, Григорій Самвлакъ пришли къ намъ съ Востока, и слѣд. не у насъ получили образованіе. Собственно русскіе писатели, и прежде и теперь, воспитывали себя исключительно по сочиненіямъ древнихъ учителей церкви въ славянскомъ переводѣ, видѣли въ нихъ для себя единственные образцы, которымъ старались подражать, любили часто повторять ихъ мысли, приводить ихъ изреченія, какъ бы говорить ихъ словами. Если переводная литература является у насъ въ настоящій періодъ болѣе обширною и богатою, то еще спрашивается: на нашей ли почвѣ возникла эта литература, не пересажена ли она къ намъ также съ Востока? По крайней мѣрѣ, кромѣ нѣсколькихъ переводовъ митрополита Кипріана, мы съ трудомъ можемъ указать на одну-двѣ книги, переведенныя тогда въ Россіи, — между тѣмъ какъ достовѣрно знаемъ, что въ Сербіи, Константинополѣ и особенно на Аѳонѣ продолжали переводить книги на славянскій языкъ, и что русскіе старались списывать или покупать эти книги и приносили въ свое отечество. Предки наши, очевидно, по прежнему оставались учениками грековъ и южныхъ славянъ и находились подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ.

„Надобно присовокупить, что и то слабое образованіе, какое мы замѣчаемъ тогда въ Россіи, ограничивалось самымъ небольшимъ кругомъ даже въ духовенствѣ. Каковы были вообще наши архипастыри, за исключеніемъ извѣстныхъ, крайне немногихъ? „Епископы русскіе — люди не книжные", увѣрялъ папу Евгенія на флорентійскомъ соборѣ митрополитъ Исидоръ И если бы мы заподозрѣли этого свидѣтеля, то сборникъ поученій, переведенный на русскій языкъ (1343 или 1407 г.) въ руководство именно архіереямъ, чтобы они могли по нему, каждое воскресенье и каждый праздникъ, проповѣдывать во храмахъ, удостовѣрилъ бы насъ, что тогдашніе владыки наши не всѣ въ состояніи были сами отъ себя и поучать народъ истинамъ вѣры. Каково было наше низшее духовенство, особенно сельское? Объ этомъ случайно засвидѣтельствовалъ другъ нашъ, митрополитъ Кипріанъ, когда, перечисляя книги ложныя, упомянулъ о толстыхъ сельскихъ сборникахъ, которые „невѣжи-попы и дьяконы" наполняли разными баснями и суевѣрными сказаніями. Излишне и спрашивать, проникали ли тогда грамотность и какое-либо книжное образованіе въ массы нашего народа. Что сталось бы съ просвѣщеніемъ въ Россіи, если бы она слишкомъ на два вѣка не подпала владычеству монголовъ? Разумѣется, рѣшительно это опредѣлить никто не можетъ. Но судя по тому, какъ шло у насъ дѣло просвѣщенія въ два съ половиною столѣтія до монголовъ, думаемъ, что оно едва ли подвинулось бы впередъ и въ два послѣдовавшія столѣтія, при прежнихъ условіяхъ нашего отечества, хотя бы монголы къ намъ не приходили".

Приговоръ жестокій. Быть можетъ, есть основаніе къ инымъ предположеніямъ о характерѣ періода до-монгольскаго; но о послѣдующихъ вѣкахъ едвали возможно иное сужденіе. „Видно,— продолжалъ преп. Макарій,— русскіе еще не чувствовали потребности въ высшемъ образованіи. Они спокойно продолжали итти тѣмъ же путемъ, какимъ шли ихъ предки, довольствовались тѣми же первоначальными школами, какія существовали и прежде, и не простирали въ этомъ отношеніи своихъ желаній далѣе, какъ только чтобы умѣть свободно читать и понимать божественныя и свято-отеческія книги, на пользу собственныхъ душъ и для назиданія ближнихъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что это исключительное воспитаніе на свято-отеческихъ книгахъ составило важный факторъ въ складѣ

древнерусской жизни. Это было единственное умственное и нравственное содержаніе и руководство, которому надо приписать многое въ самомъ характерѣ русской народности, который опредѣлялся въ эти вѣка. Изъ разныхъ слоевъ народа, отъ боярскаго до самаго низшаго сословія, выдѣлились избранные люди, которые бывали, рядомъ съ внѣшнимъ авторитетомъ власти, единственнымъ нравственнымъ авторитетомъ въ глазахъ народа — въ лицѣ строгихъ подвижниковъ, которые дѣлались святыми, творили при жизни и по смерти чудеса, бывали въ народной средѣ непосредственными представителями божественной силы; извѣстно, что и во внѣшней жизни государства они играли свою роль, объединяя народное сознаніе и способствуя съ своей стороны укрѣпленію московскаго единодержавія. Народная память сохранила донынѣ благочестивую память объ ихъ подвигахъ... Но для сложныхъ отправленій жизни, для полноты внутренняго развитія, для разумнаго пониманія самыхъ истинъ вѣры требовалось образованіе мысли, требовались познанія, — но ихъ и не было. Вѣра подвергалась опасности обращаться въ суевѣріе, искажаться въ фанатизмъ, ограничиваться внѣшнею обрядностью, впадать въ слѣпую приверженность къ буквѣ, — между тѣмъ какъ за единичными религіозными увлеченіями оставался неизмѣннымъ грубый порядокъ быта, или даже ухудшался. Наконецъ, просвѣщенія требовалъ и самый интересъ государства — его внѣшняя защита, улучшеніе внутреннихъ отношеній, пользованіе матеріальными средствами страны. Къ сожалѣнію, этого просвѣщенія не было, и древняя жизнь московскаго періода представила всѣ тѣ недостатки, которые исходятъ изъ невѣжества и какіе мы указывали. Когда въ XVII вѣкѣ при Никонѣ былъ, наконецъ, рѣшительно поставленъ одинъ изъ вопросовъ настоятельно необходимой реформы, — въ сущности только тѣсный вопросъ исправленія церковныхъ книгъ, — онъ произвелъ настоящую всенародную бурю. Вопросъ вѣры превратился въ вопросъ о буквѣ, и орѳографическая ошибка (Ісусъ, вмѣсто: Іисусъ) вмѣстѣ съ двоеперстнымъ крестомъ стали символами „старой вѣры".

Было уже не однажды объясняемо, что „старая вѣра", которая въ концѣ XVII-го вѣка явилась расколомъ противъ Церкви и государства, для прежнихъ вѣковъ была бы дѣйствительно настоящей вѣрой, — почему староверы и остались, напр., вѣрны церковнымъ книгамъ дониконовской печати.

Оглянувшись назадъ, мы найдемъ объясненіе того, почему возможно было такое значеніе орѳографической ошибки и чисто внѣшней обрядовой подробности. Нужна была слишкомъ невысокая ступень знанія грамоты, чтобы возможно было для весьма начитанныхъ людей, какіе бывали между предводителями раскола, это непониманіе простой грамматической поправки, какъ вообще только при невысокомъ уровнѣ развитія возможна была крайняя приверженность къ буквѣ, отличавшая старообрядство. Въ историческомъ изображеніи старой русской школы неизбѣжно припоминается извѣстное классическое посланіе новгородскаго архіепископа Геннадія (1496—1504 г.) къ митрополиту Симону, гдѣ онъ излагалъ свои затрудненія при поставленіи священнослужителей и настаивалъ на необходимости училищъ. Нѣкоторымъ изслѣдователямъ казалось, что Геннадій преувеличивалъ, что церковное образованіе стояло вовсе не такъ низко; но его разсказъ исполненъ такими простыми жизненными подробностями, что его достовѣрность не можетъ подлежать сомнѣнію.

..."Да, какъ ты, господинъ отецъ нашъ, на что преложишь,— пишетъ Геннадій къ митрополиту,— и ты пожалуй и мнѣ вели о томъ вѣдомо учинить, чтобы еси пожаловалъ прислалъ грамоту за своею печатью. А пуще того беззаконіе во всей русской землѣ ведется, мужики озорные на крылосѣ поютъ, и паремью и апостолъ на амбонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ; ино бы то беззаконье вывести..... Да билъ есми челомъ государю великому князю, чтобы велѣлъ училища учинити; а вѣдь язъ своему государю вспоминаю на его же честь да и на спасеніе, а намъ бы просторъ былъ: занеже вѣдь только приведутъ кого грамотѣ гораздо, и мы ему велимъ одны октеніи учити, да поставивъ его да отпущаю боржае, и научивъ какъ ему божественная служба совершати; ино имъ на меня ропту нѣтъ. А се приведутъ ко мнѣ мужика, и язъ велю ему апостолъ дати чести и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати и онъ и по тому одва бредетъ, и язъ его оторку, и они извѣтъ творятъ: "земля, господине, такова, не можемъ добыти кто бы гораздъ грамотѣ"; ино де вѣдь-то всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрати на поповство. Да мнѣ бьютъ челомъ: "пожалуй, деи, господине, вели учити", и язъ прикажу учити ихъ октеніи, и онъ и къ слову не можетъ пристати, ты говоришь ему то,

а онъ иное говоритъ; и язъ велю имъ учити азбуку, и они поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотятъ ее учити"... „Да тѣмъ-то на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія, а моей силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити. А язъ того для бью челомъ государю, чтобы велѣлъ училища учинити, да его и грозою, а твоимъ благословеньемъ, то дѣло исправится; а ты бы, господинъ отецъ нашъ, государемъ нашимъ, а своимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, печаловался, чтобы велѣли училища учинити; а мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительные слова, да псалтыря съ исдѣдованіемъ накрѣпко; и коли то изучатъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги. А се мужики невѣжи учатъ робятъ да рѣчь ему испортитъ, да первое изучитъ ему вечерню, ино то мастеру привести каша да гривна денегъ, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да тѣ поминки опроче могорца, что рядилъ отъ него; а отъ мастера отъидетъ, и онъ ничего не умѣетъ, только то бредетъ по книгѣ, а церковнаго постатія ничего не знаетъ... А чтобы и поповъ ставленныхъ (государь) велѣлъ учити, занеже то нерадѣніе въ землю вошло, и только послышатъ то учащіися, и они съ усердіемъ пріймутъ ученіе".

Передъ нами эпизодъ изъ исторіи русской школы въ концѣ XV-го вѣка. Несомнѣнно, что подобные ему могли бы встрѣтиться и въ XIV и въ XVI вѣкѣ. Самъ Геннадій, повидимому, принялъ нѣкоторыя мѣры для улучшенія дѣла: по крайней мѣрѣ Степенная книга восхваляетъ его за то, что онъ ставилъ ученыхъ священниковъ, которые были „яко свѣтила міру", и отъ которыхъ люди получали большую пользу. Полвѣка спустя послѣ Геннадія, на соборѣ въ 1551 году, такъ называемомъ Стоглавомъ, снова былъ поднятъ тотъ же самый вопросъ о дьякахъ, желающихъ священства, а не умѣющихъ грамотѣ, и о необходимости училищъ. Соборъ приходилъ въ недоумѣніе: ставить такихъ священниковъ — противно священнымъ правиламъ, а не ставить — святыя церкви будутъ стоять безъ пѣнія, и постановлялъ, чтобы святители обращали вниманіе на грамотность ставленниковъ. „Да и о томъ ихъ святители истязаютъ (спрашиваютъ) съ великимъ запрещеніемъ (строгостью), почему мало умѣютъ грамотѣ, и они отвѣты чинятъ: мы-де учимся у своихъ отцовъ, или у своихъ мастеровъ, а индѣ-де

намъ *учитися негдѣ:* колько отцы наши и мастеры умѣютъ, по тому и насъ учатъ. А отцы ихъ и мастеры сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественномъ Писаніи не знають, да учиться имъ негдѣ. А прежде сего училища бывали въ россійскомъ царствіи на Москвѣ и въ великомъ Новѣградѣ, и по инымъ градомъ, многіе грамотѣ писати, и пѣти, и чести учили; потому тогда и грамотѣ гораздыхъ было много и писцы, и пѣвцы, и чтецы славны были по всей земли и до днесь" (гл. 25). Вслѣдствіе того соборъ постановилъ: въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ городамъ, протопопы и старѣйшіе священники должны были избрать добрыхъ священниковъ и діаконовъ, „гораздивыхъ" въ грамотѣ и пѣніи, и устроить въ ихъ домахъ училища,— „чтобы священницы и діаконы и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго писма и церковнаго пѣнія, и чтенія налойнаго, и тѣ бы священники и дьяконы и діаки избранные учили своихъ учениковъ страху Божію, и грамотѣ, и писати, и пѣти, и чести со всякимъ духовнымъ наказаніемъ".... „и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, коль сами умѣете, по данному отъ Бога *таланту,* ничто же скрывающе, чтобы ученицы ваши всѣ книги учили" (гл. 26).

Постановляемыя мѣры и самый способъ выраженія указываютъ, что у собравшихся святителей шелъ вопросъ только о выучкѣ священнослужителей и что о другомъ училищѣ они, повидимому, даже не имѣли представленія.

Въ общемъ итогѣ довольно трудно представить себѣ размѣры обученія за тѣ вѣка; но во всякомъ случаѣ оно ограничивалось только грамотностью. Болѣе широкое знаніе, напр. знаніе греческаго языка (которое засвидѣтельствовано переводами греческихъ книгъ) и гораздо рѣже знаніе латинскаго составляли рѣдкое исключеніе: въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, отъ начала монгольскаго ига, эти исключенія ограничиваются единицами.

Для дѣлъ дипломатическихъ, гдѣ требовалось знаніе иностранныхъ языковъ, очень часто служатъ заѣзжіе иноземцы. При Иванѣ III бывали послами два фрязина (итальянца) Иванъ и Антонъ; англичанинъ Елисей Бомелій былъ врачемъ и совѣтникомъ Грознаго, отъ котораго и погибъ; при томъ же царѣ былъ тотъ нѣмчинъ, „прелестникъ" и звѣздочетъ, противъ котораго писалъ обличенія Максимъ Грекъ; посольскія

дѣла исправлялъ англійскій купецъ Джеромъ Горсей (Еремѣй Ульяновичъ Горшіевъ, въ русскомъ переименованіи), нѣмецкіе купцы Кельдерманы, греки Траханіотъ, Николай Спаѳарій и т. д.

Если власть чувствовала надобность позаботиться, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторомъ обученіи духовенства, то остальные классы населенія были предоставлены только самимъ себѣ. Подобіе школъ существовало, вѣроятно, только при церквахъ и монастыряхъ, главнымъ образомъ, вѣроятно, для приготовленія будущихъ церковнослужителей и для цѣлей религіознаго „книжнаго почитанія“.

О монастырскихъ школахъ упоминаютъ и писатели иностранные. Въ 1570-хъ годахъ Кобенцель записываетъ: „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, что учатся въ монастыряхъ, а потому изъ тысячи едва найдется одинъ, умѣющій читать или писать“. Подобное замѣчаетъ въ 1580-хъ годахъ Одерборнъ. Но тѣ же иноземцы указываютъ большую скудость свѣдѣній у людей, проходившихъ такую школу. Житія святыхъ того времени обыкновенно упоминаютъ, что въ юности они учились чтенію и письму священныхъ книгъ, говорятъ даже о „множествѣ ученическомъ“ (книжная фраза для обозначенія толпы ребятишекъ); но здѣсь рѣчь идетъ опять о томъ, что называютъ теперь школой грамотности, и архіепископъ Геннадій безъ церемоніи говоритъ, что грамотники, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, были „робята глупые“. Преподаватели этой грамотности назывались обыкновенно „мастерами“: любопытно, что для обозначенія ихъ понадобилось иностранное слово, вошедшее въ русскій языкъ, вѣроятно, въ Новгородѣ отъ тамошнихъ нѣмцевъ.

Къ концу нашихъ среднихъ вѣковъ грамотность, повидимому, стала значительно распространяться: она все больше и больше требовалась для церковныхъ и приказныхъ нуждъ, для возраставшаго чтенія и писанія книгъ; но качество ея указывается жалобами на неисправность книгъ, которая повела наконецъ къ Никоновскому исправленію. Рукописи XVII-го вѣка свидѣтельствуютъ дѣйствительно о сильномъ распространеніи книжнаго дѣла, и писцами и владѣльцами книгъ нерѣдко являются посадскіе люди и крестьяне. Періодъ наибольшаго незнанія относится, повидимому, къ началу нашихъ среднихъ

вѣковъ, когда даже главы государства были мало учены грамотѣ: Дмитрій Донской не былъ хорошо изученъ книгамъ, Василій Темный былъ и вовсе неграмотенъ. Въ одной грамотѣ 1565 г. значится такая приписка: „А которые *князья* и дѣти боярскія въ сей записи написаны, а у записи рукъ ихъ нѣтъ, а тѣ князи и дѣти боярскія.... грамотѣ не умѣютъ“. Подобныхъ примѣровъ можно найти очень много; вмѣсто безграмотныхъ, даже богатыхъ „гостей“, расписываются ихъ духовные отцы и т. п. Майербергъ считаетъ безграмотство чуть не поголовнымъ.

Такимъ образомъ отсутствовала правильно поставленная школа, какая бываетъ основаніемъ прочной образованности. То обученіе, какое было, доставляло только элементарныя познанія — умѣнье читать и писать съ нѣкоторой привычкой къ правописанію.

При отсутствіи какого-либо высшаго училища, единственнымъ средствомъ пріобрѣтенія познаній оставалось чтеніе книгъ. Мы упоминали раньше, какая великая важность придавалась въ древнее время „книжному почитанію“: мы особенно оцѣнимъ это, если примемъ во вниманіе, что книжное почитаніе должно было замѣнять всякую высшую школу. Его содержаніе и приносимая имъ польза были двоякія: во-первыхъ, воспитаніе духовное и нравственное; во-вторыхъ, пріобрѣтеніе мірскихъ познаній, объясняющихъ жизнь человѣка и природы, дающихъ понятіе объ исторіи, географіи и вообще о тѣхъ предметахъ, которые составляютъ содержаніе науки. О первой сторонѣ этого образованія, почерпавшагося изъ книгъ, мы говорили; какія были познанія научныя?

Прежде всего въ древнемъ русскомъ просвѣщеніи, какъ вообще въ міровоззрѣніи христіанскихъ среднихъ вѣковъ, знаніе о человѣкѣ и природѣ окружено было религіознымъ освѣщеніемъ; всему придавалась церковная окраска, исходнымъ пунктомъ всякаго знанія была церковная точка зрѣнія. Это совершалось само собою, и въ особенности наглядно совершалось это въ средѣ древняго русскаго народа. Если на Западѣ христіанство встрѣчалось съ высоко-развитой греко-римской культурой, которая успѣла создать свое прочное міровоззрѣніе (и которой первое христіанство дало извѣстныя уступки, пользуясь отчасти плодами античной науки), то здѣсь христіанское

ученіе встрѣчало первобытную почву, которая имѣла, правда, свои миѳическія преданія, свои представленія о жизни, но во всякомъ случаѣ не была въ состояніи бороться съ положительнымъ ученіемъ христіанскимъ. Мы упоминали о томъ, какъ старое языческое міровоззрѣніе успѣло вторгнуться въ понятіе первыхъ христіанъ въ видѣ двоевѣрія; но это послѣднее не имѣло права гражданства, было сурово отвергаемо церковными учителями, которые усиливались утвердить церковное представленіе, казавшееся единымъ истиннымъ.

Въ первой церковной литературѣ заключались уже извѣстныя научныя знанія, — хотя связанныя съ вѣроученіемъ, но получавшія и самостоятельное значеніе. Первымъ источникомъ науки была Библія, и съ самаго начала славяно-русской письменности библейское содержаніе является въ сопровожденіи цѣлаго ряда толкованій на отдѣльныя книги Писанія, переведенныхъ съ греческаго.

Это были произведенія болѣе или менѣе знаменитыхъ отцовъ церкви, гдѣ были примѣнены разныя точки зрѣнія — и чистое нравоученіе, и символика, а также объясненіе научное (въ вопросахъ астрономіи, физики, физіологіи), въ которомъ между прочимъ церковные писатели пользовались и языческой мудростью. Имена древнихъ греческихъ философовъ были еще слишкомъ авторитетны, и писатели первыхъ христіанскихъ вѣковъ считали нужнымъ приводить въ толкованіе Библіи мнѣнія Ѳалеса, Платона, Аристотеля, — какъ въ другихъ случаяхъ не усомнились перерабатывать въ христіанскомъ духѣ стоическую философію Эпиктета, или какъ изреченія языческихъ мудрецовъ нашли мѣсто въ „Пчелѣ", предназначенной для благочестиваго христіанскаго чтенія. Къ этимъ христіанско-символическимъ толкованіямъ Библіи въ первыхъ же памятникахъ славяно-русской письменности присоединяется еще иной элементъ — апокрифическій. Несмотря на строгое церковное запрещеніе апокрифическихъ сочиненій, которыя появляются уже съ первыхъ вѣковъ христіанской литературы, они были сильно распространены въ письменности византійской, составляя какъ бы поэтическое дополненіе къ ветхозавѣтному и новозавѣтному разсказу, добавляя литературу житій святыхъ фантастическими эпизодами и доставляя вообще обильный запасъ чудеснаго. Перешедши изъ византійской письменности въ славяно-русскую, апокрифическія сказанія нашли и здѣсь благо-

пріятную почву, на которой распространились до того, что, повидимому, давно уже проникли въ самую народную среду; здѣсь они дали матеріалъ народному суевѣрію и народной поэзіи, въ которыхъ живутъ и до сихъ поръ.

Въ этомъ библейско-фантастическомъ тонѣ складывалось народное міровоззрѣніе древней Руси, — хотя съ теченіемъ времени и осложняясь новыми подробностями, но крѣпко сохраняя основной характеръ. Въ историко-литературной судьбѣ этого міровоззрѣнія должно отмѣтить два свойства.

Во-первыхъ. Вслѣдствіе того, что не было школы, кромѣ элементарной, та литература, какая была на лицо, была одинаково доступна всѣмъ грамотнымъ людямъ, и такъ какъ грамотность, за немногими исключеніями, была одинакова, то получалось весьма равномѣрное распредѣленіе этой литературы по всѣмъ классамъ читателей. Если болѣе знающіе церковные люди отвергали, напримѣръ, — по византійскимъ указаніямъ, — апокрифическія сказанія, какъ „ложныя“ и „отреченныя“, то случалось, что и сами они въ то же время читали и принимали ихъ по невѣдѣнію: апокрифическіе элементы не замѣчались въ самыхъ распространенныхъ книгахъ, какъ „Палея“, которая указывалась для чтенія какъ „книга истинная“, даже іерархъ, какъ архіепископъ новгородскій Василій, въ посланіи къ тверскому епископу, разсказывалъ апокрифическую и еретическую легенду о земномъ раѣ, подтверждая ее ссылками на „своихъ новгородцевъ“, которые будто бы этотъ рай видѣли; въ самыхъ истинныхъ и благочестивыхъ твореніяхъ и поучительныхъ сборникахъ встрѣчались апокрифическія ложныя книги. Если даже у святителей возможно было такое совпаденіе съ простецами въ предметахъ, которые положительно оговаривались церковными правилами, то тѣмъ болѣе происходило такое совпаденіе въ обыкновенныхъ предметахъ знанія, гдѣ уровень свѣдѣній у тѣхъ и другихъ былъ одинаковъ, потому что источникъ былъ одинъ и тотъ же у тѣхъ и другихъ: однѣ книги поучали и бояръ и посадскихъ людей, и крестьянъ и самихъ святителей. Отсюда получалось рѣдкое и даже невозможное въ другія эпохи „единство міровоззрѣнія“, которое для позднѣйшихъ приверженцевъ старины казалось завиднымъ преимуществомъ допетровскихъ временъ, національнымъ благомъ, утраченнымъ послѣ реформы, которая оторвала высшіе классы отъ народа. Но не должно заблу-

ждаться объ основаніяхъ этого единства: оно опиралось прежде всего на единствѣ незнанія у обѣихъ сторонъ. Когда въ XVII вѣкѣ иностранцы въ значительномъ числѣ стали посѣщать Россію и оставили довольно обстоятельные разсказы о своихъ встрѣчахъ и наблюденіяхъ, они, между прочимъ, не однажды указывали тотъ низменный уровень понятій о научныхъ предметахъ, какой они видѣли даже у высшаго боярства. Олеарій приводитъ примѣры этого наивнаго невѣжества. Майербергъ замѣчаетъ однажды: „такъ какъ москвитяне лишены всякой науки, то можно сказать, что они всѣ какъ будто одного возраста", т.-е. одной степени развитія: ихъ уравнивало „единство міровоззрѣнія".

Во вторыхъ. Съ этой общностью міровоззрѣнія соединялось другое свойство нашей древней письменности: однообразная по своему распространенію въ грамотной массѣ, не испытавъ никакой диференціаціи въ этомъ отношеніи, она не испытала ея и по историческому развитію. Древняя письменность какъ бы не знала хронологіи. Историкъ церкви, мнѣнія котораго мы не однажды приводили, говоритъ объ этой чертѣ старой нашей письменности:

„Мы не имѣли въ періодъ домонгольскій настоящаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе мы могли имѣть собственную письменность, — письменность не людей просвѣщенныхъ, а людей только грамотныхъ, письменность, такъ сказать, первичную или тотъ ея родъ, которымъ она обыкновенно начиналась.

„Другіе, начавъ съ этой письменности первичной, шли все далѣе и далѣе впередъ, достигали бо̀льшаго или меньшаго совершенства. Отличительная черта нашей письменности есть та, что она неподвижно оставалась на одной и той же степени, съ которой начиналась, что она *не имѣетъ исторіи* въ смыслѣ постепеннаго движенія впередъ или развитія и усовершенствованія. Наши писатели слѣдуютъ одинъ за другимъ въ преемствѣ времени или хронологическомъ порядкѣ, но не составляютъ между собою ни малѣйшаго преемства внутренняго и ни малѣйшаго порядка прогрессивно-историческаго. Какъ неподвижно было состояніе нашей умственной жизни, такъ неподвижно было состояніе и нашей письменности. Исторія нашей письменности домонгольскаго періода, какъ и послѣдующаго долгаго времени, есть не столько настоящая исторія, въ которой бы нельзя было измѣнять и не нарушить внутренней

связи, сколько механическая библіографія, въ которой по произволу можно начинать откуда угодно — съ начала, середины и конца. Наша письменность имѣла до нѣкоторой степени только внѣшнюю исторію, именно — исторію внѣшней формы и внѣшнихъ пріемовъ (не всѣ народы заимствовали просвѣщеніе отъ другихъ уже готовымъ, нѣкоторые создавали его сами, мы не заимствовали, не создавали)"...

Въ самомъ дѣлѣ, это отсутствіе историческаго развитія сказывается прежде всего на всемъ внѣшнемъ обликѣ старой литературы: отъ X или XI вѣка и до конца XVII и даже въ теченіе XVIII вѣка въ рукописяхъ произведенія литературы продолжаютъ неизмѣнно повторяться; новый вѣкъ приноситъ новыя произведенія, которыя не вытѣсняютъ старыхъ, — напротивъ, послѣднія продолжаютъ существовать рядомъ съ ними, такъ что въ концѣ концовъ рукописи позднѣйшія нерѣдко представляютъ сборники произведеній цѣлаго ряда вѣковъ. Памятникъ X—XI вѣка списывается въ XVII, сохраняя весь свой авторитетъ, не внушая какихъ-нибудь новыхъ запросовъ или сомнѣній; и если въ концѣ концовъ случалось разнорѣчіе, когда, напримѣръ, особливо со второй половины XVI вѣка, начинали появляться книги съ отголосками европейскаго знанія, которые вовсе не сходились со старымъ преданіемъ, два противорѣчивыя изложенія оставались рядомъ, не возбуждая критической потребности разобраться въ противорѣчіи. Такъ было напр., когда въ старой космогоніи Козьмы Индикоплова прибавлялись отголоски системы Птоломея, а наконецъ даже и Коперника; или когда къ древнимъ скуднымъ географическимъ познаніямъ присоединялись новѣйшія космографіи и т. д. Разнорѣчіе мало замѣчалось и въ другихъ случаяхъ. Въ цѣломъ отсутствіе школы, сопровождавшееся недостаткомъ знаній и критики, превращало литературу въ безразличную массу книжнаго матеріала, гдѣ не было историческихъ эпохъ, смѣны направленій и были только различные отдѣлы содержанія — книги богослужебныя, догматика, поученіе, лѣтопись, повѣсть и т. д. Старая литература не даетъ такимъ образомъ сама по себѣ ни матеріала, ни точекъ опоры для опредѣленія историческаго развитія ея содержанія. Нѣтъ граней, которыя дѣлили бы одинъ періодъ отъ другого; сама литература полагала себя какъ нѣчто однородное, и когда въ моментъ окончательнаго установленія московскаго царства какъ будто п-

чувствовалось великое національное значеніе этого момента, онъ отразился въ литературѣ характеристическимъ явленіемъ. Какъ будто возникла мысль создать это историческое явленіе, подвести итогъ добытому прошедшимъ содержанію, установить его для дальнѣйшаго времени. Исполненіе этой задачи относится въ особенности къ половинѣ XVI вѣка, ко временамъ Грознаго, который впервые почувствовалъ себя самодержавнымъ, всемогущимъ царемъ и, повидимому, не лишенъ былъ того представленія, о которомъ мы сейчасъ говорили. Совершается усиленный процессъ государственнаго объединенія; падаютъ татарскія царства; окончательно уничтожены всѣ слѣды новгородской независимости, и представленіе о русскомъ единствѣ въ Москвѣ осуществляется такими фактами, какъ канонизація русскихъ святыхъ, какіе до тѣхъ поръ были чтимы только мѣстно, какъ Стоглавый соборъ, какъ предпріятіе митрополита Макарія собрать все содержаніе русской церковной литературы въ одно цѣлое, для котораго формой объединенія послужила церковная форма святцевъ (Минеи-Четіи): литература была собрана по календарной памяти святыхъ — писатели были святые отцы и подвижники (въ переводахъ), и также русскіе святые и благочестивые люди, и подъ днемъ ихъ памяти собираемы были ихъ творенія и относящаяся къ нимъ литература. Такимъ образомъ объединеніе было, во-первыхъ, чисто внѣшнее, во-вторыхъ, понималось только въ смыслѣ церковной практики; русское не было выдѣлено отъ переводнаго или южно-славянскаго; о хронологической послѣдовательности не могло быть рѣчи.

Это послѣднее отвѣчало дѣйствительному характеру литературы, въ которой старое и новое шли рядомъ, при чемъ у читателя не возникало никакой мысли о движеніи литературы, о развитіи знаній: въ обычномъ порядкѣ понятій, направленныхъ прежде и выше всего на предметы душевнаго спасенія, самый высокій авторитетъ былъ авторитетъ старый, и старая книга продолжала цѣниться даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло шло не о душевномъ спасеніи, а о простомъ научномъ или практическомъ знаніи. Дѣйствительно, до самаго XVIII вѣка источникомъ познаній, напр. по исторіи, продолжалъ служить заматерѣлый византійскій хронографъ.

Пыпинъ.

Южно-русское просвѣщеніе XII в.

Состояніе южно-русскаго просвѣщенія XII вѣка остается до настоящаго времени предметомъ разногласія въ ученой средѣ. По мнѣнію однихъ, въ этомъ столѣтіи начинался расцвѣтъ нашей духовной и свѣтской литературы, впослѣдствіи несчастно остановленный татарскимъ погромомъ. По мнѣнію другихъ, предъ нашествіемъ Батыя, у насъ не было школъ, была только грамотность, а литературное образованіе являлось случайностью. Причина такого разногласія скрывается какъ въ недостаткѣ критическихъ монографій объ авторахъ того времени, такъ и въ маломъ числѣ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ домонгольской эпохи. Труды, связанные съ именемъ митрополита Климента, служатъ къ уясненію спорнаго вопроса. Они показываютъ, что наша старинная духовная словесность была богаче силами, разностороннѣе содержаніемъ и послѣдовательнѣе въ смѣнѣ своихъ направленій сравнительно съ тѣмъ, что полагали объ этомъ доселѣ. Сочиненія эти, оставшіяся до сихъ поръ малоизвѣстными и не обслѣдованными, свидѣтельствуютъ, что Климентъ, бывъ плодовитымъ писателемъ, пролагалъ путь къ тому литературному направленію, которое выразилось опредѣленно въ твореніяхъ св. Кирилла Туровскаго.

Митрополитъ Климентъ Смолятичъ (жившій въ XII вѣкѣ), знаменитый тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ защитниковъ автокефальности русской Церкви, въ исторіи литературы доселѣ не пользовался извѣстностью, какъ писатель. Съ его именемъ въ настоящее время извѣстны только: во-первыхъ, нѣсколько отвѣтовъ въ такъ называемыхъ „Вопросахъ Кирика"; во-вторыхъ, ему же приписываемое „Слово о любви Климово", находящееся въ рукописи Воскресенскаго („Новый Іерусалимъ") монастыря, и, наконецъ, слово въ субботу сыропустную (въ рукописномъ сборникѣ Румянцевскаго музеума № 406). Но и объ этихъ немногихъ произведеніяхъ вопросъ не рѣшенъ, былъ ли дѣйствительно м. Климентъ ихъ авторомъ. Отрывки съ именемъ „Клима" въ вопрошеніяхъ Кирика могутъ принадлежать митрополиту только со стороны содержанія, потому что сама редакція отвѣтовъ „Клима" была дѣломъ Кирика. „Слово о любви" находится въ какой-то поздней рукописи и не издано, почему

нельзя рѣшить, кто былъ его авторомъ. Слово въ субботу сыропустную считается за трудъ м. Климента по догадкѣ, болѣе или менѣе произвольной. Имени Климента на памятникѣ нѣтъ.

Между тѣмъ древне-русскія лѣтописи, которыя до того скупы на литературныя прозвища и характеристики, что молчатъ о трудахъ пресвитера Иларіона и епископа Кирилла Туровскаго, отзываются о митрополитѣ Климентѣ Смолятичѣ, какъ о книжникѣ и философѣ, какого въ русской землѣ не бывало. Никоновская лѣтопись къ этому прибавляетъ, что онъ „много писанія написавъ предаде". Очевидно, что для современниковъ митроп. Климентъ Смолятичъ былъ весьма крупною литературною величиною, но его философскія писанія не сохранились до нашего времени.

Случайно намъ удалось найти одинъ неизданный памятникъ XII вѣка, который можетъ нѣсколько разъяснить литературную дѣятельность м. Климента. Этотъ памятникъ носитъ заглавіе: „Посланіе написано Климентомъ митрополитомъ русскимъ Фомѣ прозвутеру, истолковано Афонасіемъ мнихомъ".

Какъ видно изъ этого надписанія, доля участія при составленіи этого произведенія безспорно принадлежала митрополиту. То же видно и изъ словъ самого автора, который называетъ себя „Климомъ" и изъ того, что составитель посланія былъ современникомъ князя Изяслава (что совпадаетъ съ обстоятельствами жизни м. Климента Смолятича), и изъ того, наконецъ, что митрополитъ Климентъ Смолятичъ въ лѣтописяхъ назывался философомъ, а, какъ видно изъ посланія, современникъ упрекалъ автора посланія за то, что тотъ „творилъ ся философомъ". Такимъ образомъ издаваемое нами посланіе должно имѣть значеніе для характеристики митр. Климента Смолятича, какъ писателя. Кромѣ того оно можетъ служить къ разъясненію исторіи той вопросоотвѣтной литературы, которая стояла въ связи съ русскими Бесѣдами трехъ святителей.

Обратимся теперь къ оцѣнкѣ историко-литературнаго значенія издаваемаго памятника.

Первая часть „посланія" дополняетъ свѣдѣнія о состояніи южно-русскаго просвѣщенія половины XII в. и знакомитъ съ именами его представителей.

Изъ данныхъ, содержащихся въ „посланіи", видно, что въ XII вѣкѣ на югѣ Россіи свят. Кириллъ Туровскій не былъ един-

ственнымъ представителемъ образованности. Подлѣ двора князя Изяслава (Мстиславича) и митр. Климента группировался кружокъ книжниковъ, занимавшихся научно-литературными (философскими) вопросами. Съ пресвитеромъ Ѳомою митрополитъ велъ переписку (1—15). Посланіе перваго Климентъ читалъ предъ княземъ Изяславомъ и предъ многими послухами (8), которые, такимъ образомъ, слѣдили за ихъ литературными сношеніями. Самъ митрополитъ Климентъ писалъ „посланіе" князю, къ которому былъ близокъ пресвитеръ Ѳома (21: „писахъ не къ тебѣ, но ко князю"; сравн. 447—448). У послѣдняго въ свою очередь былъ нѣкій „учитель" Григорій. Митрополитъ вспоминалъ, что нѣкогда съ нимъ шла бесѣда о душевномъ спасеніи и отзывался объ этомъ Григоріи, какъ о праведномъ и преподобномъ (27—28) и даже (если говорить съ дерзновеніемъ), какъ о святомъ (31, 535), хотя въ то же время полагалъ, что этотъ Григорій недостаточно научилъ пресвитера Ѳому (42—43 и 748—749). Кромѣ того, во второй части „посланія" митр. Климентъ (или его первоисточникъ?) упоминаетъ о достойныхъ удивленія мужахъ, которыхъ онъ былъ „самовидцемъ"; по словамъ „посланія", они могли „рещи алфу не реку на сто, или девѣстѣ, или триста, или четыреста, а виту такоже и т. д. (535—544). Наконецъ, быть можетъ, современникомъ и даже сотрудникомъ митрополита былъ и тотъ мнихъ Аѳанасій, о которомъ заглавіе говоритъ, что имъ истолковано „посланіе".

Издаваемый памятникъ знакомитъ насъ и съ существованіемъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, не сохранившихся до нашего времени. Здѣсь упоминаются: посланіе самого митроп. Климента „отъ Омира, Аристоля и Платона", которое пресв. Ѳома счелъ написаннымъ къ себѣ, а не къ князю (14—21); и отвѣтное посланіе пресвитера Ѳомы митр. Клименту. Въ послѣднемъ письмѣ пресвитеръ Ѳома излагалъ причину („вину"), ради которой онъ писалъ (10—11), обличалъ митрополита за то, что тотъ изъ тщеславія „творилъ ся философомъ" (13—14), совѣтовалъ (онъ ли?) „оставить почитаемыя писанія" (18), „сожалилъ" митрополита за то, что послѣдній его „вмѣнилъ" (22—23), и „приводилъ", т.-е. въ свидѣтели (?), или какъ авторитетъ, учителя своего Григорія, напоминая „о бесѣдѣ съ нимъ по вопросу о душевномъ спасеніи (26—28).

Если сопоставить съ приведенными фактами свидѣтельство

лѣтописей о письменныхъ трудахъ м. Климента и перепискѣ, вызванной постановленіемъ м. Климента соборомъ русскихъ іерарховъ, а съ другой стороны вѣроятную малочисленность народонаселенія въ древне-русскихъ городахъ, то намъ думается, что общее заключеніе о состояніи просвѣщенія на Руси въ XII в., о господствѣ одной грамотности и отсутствіи школъ не будетъ соотвѣтствовать истинѣ, потому что иначе къ фактамъ прошлаго будетъ несправедлива приложена современная мѣрка.

Но особенное значеніе издаваемое „посланіе" въ связи съ другими произведеніями той эпохи имѣетъ для характеристики *направленія духовной русской литературы въ XII в.* Большинство наличныхъ памятниковъ послѣдней свидѣтельствуетъ о тѣснотѣ общенія ихъ съ переводными твореніями греческой письменности и объ усиленіи греческаго вліянія на русской духовной литературѣ XII в. Вліяніе это обнаруживалось то въ компилятивномъ сочетаніи русскими книжниками отрывковъ изъ переводовъ, то въ связномъ подчиненіи группы ихъ одной господствующей мысли, то въ переработкѣ усвоеннаго разнороднаго матеріала въ одну общую картину. Если въ XI вѣкѣ труды пресвитера, впослѣдствіи митрополита Илариона, еп. Луки Жидяты (если поученіе, дошедшее до насъ, принадлежитъ ему) и пр. Ѳеодосія Печерскаго, а въ XII вѣкѣ труды сѣверно-русскаго владыки Іоанна Новгородскаго на ряду съ греческимъ вліяніемъ, повидимому, содержали элементы русскихъ народныхъ представленій, русскаго болѣе или менѣе безыскусственнаго способа мысли, то XII вѣкъ тѣснѣе скрѣпилъ міровоззрѣніе южно-русскихъ церковныхъ писателей съ начальными переводными памятниками, вращавшимися въ славянской письменности. Греческіе образы, эпитеты, метафоры въ русскихъ произведеніяхъ XII вѣка составляли необходимый результатъ заимствованія изъ греко-славянскихъ памятниковъ, сроднившихся съ русскимъ міровоззрѣніемъ и сдѣлавшихся цѣлью, идеаломъ для русскихъ авторовъ. Подъ тѣмъ же воздѣйствіемъ на Руси упрочивались символизмъ и отсутствіе оригинальности. Такія особенности были воспринимаемы въ усиленной мѣрѣ южно-русскою духовною литературою уже въ началѣ XII вѣка, когда преобладанію греческаго литературнаго вліянія далъ толчокъ наплывъ греческихъ іерарховъ на Русь. Труды митр. Никифора скомбинированы большею

частію изъ переводныхъ источниковъ его отечества. Похвала ангеламъ, помѣщенная въ Ипатской лѣтописи подъ 1111—6619 годомъ, есть переводъ изъ Амартола. Поученіе князя Владимира Мономаха есть отчасти подражаніе завѣтамъ XII патріарховъ, составленное изъ разныхъ поученій. Наконецъ, самый видный представитель духовной литературы XII вѣка, св. Кириллъ Туровскій, совмѣстилъ въ своихъ произведеніяхъ и наибольшее число греческихъ элементовъ.

„Посланіе" митрополита Климента не стоитъ одиноко отъ указаннаго направленія въ древне-русской письменности. Авторъ „посланія", какъ писатель, не былъ ни оригиналенъ, ни самобытенъ. Но, являясь, напротивъ, однимъ изъ новыхъ звеньевъ въ этомъ подражательномъ направленіи литературы, „посланіе" ближе знакомитъ съ нѣкоторыми источниками литературнаго воздѣйствія греческихъ произведеній на русскія. Въ первой части „посланія" м. Климентъ самъ ссылается на авторитетъ „великаго златоязычника" (Златоустаго?). „Посланіе ко князю", полученное пресвитеромъ Ѳомою, м. Климентъ писалъ „отъ Омира, и отъ Аристоля и отъ Платона, иже во эллинскихъ нырѣхъ славнѣ бѣша". Наконецъ, вторая часть „посланія" сгруппирована изъ разныхъ источниковъ.

Трудно рѣшить, какъ пользовался м. Климентъ твореніями Гомера, Аристотеля и Платона; въ подлинникахъ ли, переводахъ или извлеченіяхъ, и какое вліяніе оказывали они на сочиненія митрополита. О существованіи въ домонгольское время переводовъ цѣлыхъ сочиненій этихъ греческихъ авторовъ прямыхъ указаній не сохранилось. Въ „Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ" XVII в., изложено, правда содержаніе книги, составленной философомъ Аристотелемъ, но не извѣстно, когда была она переведена. Русскіе авторы или составители сборниковъ въ московскую эпоху обыкновенно пользовались изреченіями Аристотеля и Платона, извлекая ихъ изъ Пчелы. Нѣкоторые полагаютъ, что ею пользовался уже Даніилъ Заточникъ въ своемъ словѣ, и что, слѣдовательно, она могла быть извѣстною у насъ еще до нашествія татаръ. Но правдоподобнѣе противоположное мнѣніе А. В. Горскаго, что собиратель Пчелы въ ея передѣланномъ видѣ бралъ изъ Даніилова слова тѣ или другія выраженія, ибо изслѣдователи языка русскихъ Пчелъ Сухомлиновъ и Безсоновъ пришли къ заключенію, что переводъ Пчелы появился около XIV в. Краткія свѣдѣнія о Пла-

тонѣ и Аристотелѣ и ихъ изреченія встрѣчаются въ „лѣтовникѣ“ Георгія грѣшнаго инока, переведенномъ на славянскій языкъ уже въ X вѣкѣ извѣстнымъ болгарскимъ пресвитеромъ Григоріемъ, переводчикомъ хроники Манассіи (Малалы? „Четыре Бесѣды св. Кесарія или вопросы св. Сильвестра и въ хроникѣ Іоанна Малалы“). Но свѣдѣнія о Гомерѣ, Аристотелѣ и Платонѣ и ихъ изреченія въ указанныхъ и имъ подобныхъ памятникахъ настолько скудны, что едва ли м. Климентъ за извлеченія изъ нихъ могъ бы удостоиться прозванія философа. Не былъ ли знакомъ онъ съ подлиннымъ или переводнымъ текстомъ нѣкоторыхъ изъ сочиненій греческихъ философовъ и поэта? Какъ бы то ни было, но изъ первой части „посланія“ видно, что митр. Климентъ пользовался названными греческими авторами или ихъ мыслями для своихъ произведеній.

Вторая, почти неоригинальная, часть „посланія“ (если она относится къ XII вѣку) опредѣленнѣе знакомитъ и съ самыми литературными пріемами автора „посланія“ и, принадлежа непосредственно къ группѣ вопросо-отвѣтныхъ и экзегетическихъ произведеній, показываетъ, что послѣдняя группа была одной изъ предшественницъ притчнаго аллегоризма, богато выразившагося въ трудахъ Туровскаго епископа.

Появленіе и развитіе переводныхъ вопросо-отвѣтныхъ сочиненій и славянской письменности относятся къ раннему времени. Въ домонгольскую эпоху мы видимъ рядъ памятниковъ, которые были написаны въ этой формѣ. Таковы: Изборникъ Симеона Святослава (1073 г.); Вопросы и отвѣты Аѳанасія ко князю Антіоху; вопросы и отвѣты Анастасія Синаита; четыре бесѣды св. Кесарія; толкованія блаженнаго Ѳеодорита на пятокнижіе; Въпроси и отъвѣти Григора Богословьца и Василія. Къ этому же времени должны быть отнесены извлеченія изъ „Ῥήσεις καὶ Ἑρμηνεῖαι“ и элементы Изборника XIII в. Прежніе переводчики съ греческаго или переписчики не удовольствовались однако готовою вопросо-отвѣтною литературою. Дѣлая сокращенія изъ длинныхъ толкованій святого Іоанна Златоустаго и друг., упрощая ихъ и придавая имъ наибольшую краткость съ точною опредѣленностью выраженій, они вводили и этотъ новый матеріалъ въ вопросо-отвѣты. Примѣры подобной выборки изъ разныхъ толкованій мы находимъ, напр., въ Изборникѣ XIII в. Импер. П. Б. Q. п. № 18 и въ Сборникѣ П. С. Сречковича XIII в., отчасти въ толкованіи проро-

ковъ (1047 г.) и т. д. Какъ было уже показано выше, вопросо-отвѣты блаж. Ѳеодорита также были сокращены въ славянскомъ переводѣ. Начальная часть Изборника Имп. П. Б. Q. п. № 18, л. 4 об. и слѣд. наводитъ на мысль, что въ древности были въ ходу краткія толкованія на Новый Завѣтъ (источникъ ихъ въ настоящее время указать не можемъ), которыя или были сокращены, или измѣнены на славянской почвѣ, если только не возникли на ней. Послѣднія также превращались нерѣдко въ вопросо-отвѣты.

Для безхитростныхъ славянскихъ книжниковъ вопросо-отвѣтная форма была привлекательна уже по своей незатѣйливости, ибо при помощи ея даже неопытному писателю легко было располагать самый разнородный матеріалъ, механически слагая изъ него различныя комбинаціи. Не удивительно, поэтому, что и русскіе авторы употребляли ее уже въ XI в., и что ею воспользовался и составитель второй части „посланія".

Но въ вопросо-отвѣтной формѣ была привлекательною внутренняя сторона.

Хотя въ настоящее время трудно рѣшить, всѣ ли находящіеся въ „посланіи" „толки" безусловно неоригинальны или нѣтъ, но если обратить вниманіе только на ту половину ихъ, источники которыхъ нынѣ извѣстны, то и съ этой стороны „посланіе" опредѣленно намѣчаетъ въ вопросно-отвѣтной литературѣ одну изъ предшествующихъ ступеней, которыя подготовляли господство искусственности и аллегоризма въ русской литературѣ. Вопросо-отвѣтные памятники, содержа разгадку неяснаго, замѣняя одно представленіе другимъ, такъ или иначе соотвѣтствующимъ ему, вводили обыкновенно новыя представленія въ сознаніе читателя. Такимъ образомъ уже въ самой основѣ вопросо-отвѣтной формѣ лежала возможность извѣстнаго символизма. Но еще болѣе этотъ символизмъ (и аллегоризмъ) обусловливался свойствами того матеріала, изъ котораго русско-славянскіе книжники почерпали вопросо-отвѣты. Матеріалъ этотъ былъ, по преимуществу, если не исключительно, экзегетическимъ и часто былъ писанъ въ иносказательной формѣ. Таковы были, напр., 2 изъяснительныхъ труда на псалтырь, подписываемые именемъ св. Аѳанасія Александрійскаго и встрѣчающіеся уже въ рукописяхъ XI в. Особенностью этихъ толкованій была ихъ краткость вмѣстѣ съ своеобразнымъ иносказательнымъ смысломъ, вслѣдствіе чего въ то

или другое выраженіе псалма вставлялись иныя понятія и въ текстѣ для объясненій являлись представленія, болѣе или менѣе неизвѣстныя, неожиданныя для обычнаго мышленія. Сознаніе читателя пріучалось, такимъ образомъ, одинъ терминъ замѣнять другимъ. Кратко-иносказательныя изъясненія получали, слѣдовательно, смыслъ толковаго словаря, гдѣ за извѣстною фразою, звукомъ, мыслилось нѣчто совершенно иное. Мы и видимъ, что въ древности, на основаніи подобныхъ толкованій, составлялись даже (упрощенныя, краткія) глоссаріи, въ которыхъ не только фразѣ, но уже слову придавалось образное значеніе.

Процессъ превращенія какъ этихъ, такъ и другихъ однородныхъ краткихъ толкованій въ вопросо-отвѣтную форму не долженъ былъ затруднять прежнихъ книжниковъ, ибо въ экзегетическихъ трудахъ съ иносказательными краткими изъясненіями самый текстъ невольно представлялся въ смыслѣ вопроса, а изъясненіе его, „толкъ", въ смыслѣ отвѣта.

Подобными-то вопросо-отвѣтами, заимствованными изъ греко-славянской письменности, изобилуетъ и вторая часть „посланія" митрополита Климента. Правда, эти толкованія не носятъ на себѣ рѣзкихъ особенностей аллегоризма, какія, напримѣръ, выдѣляются у писателей экзегетовъ александрійской школы. Способъ изъясненій въ „посланіи" болѣе близокъ къ экзегетическому методу антіохійской школы, чѣмъ къ александрійскому аллегоризму, напоминая скорѣе *притчу*, чѣмъ аллегорію въ узкомъ смыслѣ этого слова. Но отъ XII вѣка мы и не знаемъ памятниковъ русской словесности, въ которыхъ аллегоризмъ александрійскаго типа имѣлъ бы широкое примѣненіе. Въ „словахъ" св. Кирилла Туровскаго аллегоризмъ въ пространномъ смыслѣ слова является лишь, какъ результатъ передачи библейскихъ повѣствованій въ поэтико-символическихъ образахъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ св. Кириллъ любилъ не столько доискиваться отдаленнаго таинственнаго (скрытаго) смысла, сколько пользоваться „приточнымъ" способомъ изъясненія. Сопоставляя это направленіе литературнаго таланта св. Кирилла Туровскаго съ характеромъ толкованій въ издаваемомъ трудѣ м. Климента, становится очевиднымъ, что образованность въ твореніяхъ Туровскаго святителя не была лишь однимъ изъ пріемовъ его витійства, которое онъ узналъ отъ какого либо пріѣзжаго грека, но вытекала, какъ

послѣдующее, изъ предшествовавшаго или современнаго ему состоянія южно-русской духовной словесности. Становится очевиднымъ, что св. Кириллъ Туровскій былъ лишь наиболѣе яркимъ выразителемъ того теченія, какое приняла древне-русская духовная литература въ XII вѣкѣ, и однимъ изъ представителей котораго былъ и м. Климентъ.

Получая, такимъ образомъ, важность въ вопросѣ объ исторической смѣнѣ направленій нашей духовной письменности, „посланіе" м. Климента въ то же время даетъ намъ и нѣкоторую путеводную нить къ разъясненію одного изъ частнѣйшихъ условій, при которомъ вырабатывалось указанное направленіе. Помимо перечисленныхъ выше памятниковъ вопросо-отвѣтной письменности и произведеній, послужившихъ источниками для второй части „посланія", здѣсь имѣетъ значеніе отдаленная связь послѣдняго съ исторіей русской Бесѣды трехъ святителей. Оно указываетъ отчасти на тотъ матеріалъ, который служилъ наносным слоемъ въ русскихъ Бесѣдахъ, и на время, къ которому можетъ быть приблизительно отнесено начало этого наслоенія, имѣвшаго вліяніе на домонгольскую письменность. Чтобы понять это значеніе „посланія" для исторіи русской Бесѣды, предварительно напомнимъ вкратцѣ о тѣхъ выводахъ, которые установила наука по вопросу объ этой Бесѣдѣ.

Въ послѣднее время русскіе списки Бесѣды трехъ святителей и краткіе вопросо-отвѣты вызвали на свѣтъ рядъ сочиненій, которыя, пытаясь разъяснить ихъ происхожденіе и судьбу, отыскивали и ихъ источники. Главные результаты, къ которымъ пришли изслѣдователи въ этомъ пунктѣ, сводятся къ слѣдующему. Проф. Архангельскій установилъ, что „источниками или прототипами разнообразныхъ древне-русскихъ „Вопросовъ и Отвѣтовъ" чаще всего служили различныя подобныя же произведенія византійской литературы, рано переходившія въ южно-славянскую и нашу письменность". „Особенная роль въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, принадлежала Вопросамъ и Отвѣтамъ Аѳанасія къ Антіоху", а также сочиненію „*Ῥήσεις καὶ ἑρμηνεῖαι τοῦ Εὐαγγελίου*" и Нѣкіимъ Вопросамъ (*Ἕτεραι τινὲς ἐρωτήσεις*). Кромѣ того, при анализѣ списковъ русскихъ Бесѣдъ и „Вопросо-отвѣтовъ", проф. Архангельскій видѣлъ заимствованія въ нихъ: „Палеи Толковой", изъ Палеи краткой", изъ Изборника 1073 г., изъ „Евангелія

Никодима", изъ „сказанія Меѳодія Патарскаго", Луцидаріуса и т. д. Но, какъ замѣтилъ проф. Красносельцевъ, указаніе проф. Архангельскаго на Отвѣты Аѳанасія, какъ на прототипъ древне-русскихъ Вопросовъ и Отвѣтовъ и въ частности Вопросы или Бесѣды трехъ святителей, оказывается далеко не убѣдительнымъ. При всемъ видимомъ желаніи, авторъ изъ 137 отвѣтовъ Аѳанасія только въ 20, или около того, могъ указать не прямой (притомъ) источникъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ Бесѣды. Приводимыя проф. Архангельскимъ выдержки иногда прямо указываютъ, что тотъ или иной памятникъ не могъ быть источникомъ ея вопроса. Напр. въ спискѣ Бесѣды на вопросъ: „колико стояла вода въ потопѣ на земли?" данъ отвѣтъ: „13 мѣсяцевъ", а въ сказаніи Меѳодія Патарскаго, которое г. Архангельскій считаетъ источникомъ отвѣта, указано, что она стояла 8 мѣсяцевъ и т. п.

Счастливѣе былъ въ отысканіи источниковъ Бесѣды профессоръ Красносельцевъ. Онъ нашелъ 3 списка греческихъ апокрифическихъ: „*Ἐρωτήσεις καὶ Ἀποκρίσεις*", которые позволяютъ умозаключать, что греческія сочиненія (будучи переведены на славянскій языкъ не позже XIII в.) и послужили оригиналомъ нашей Бесѣды и основою, изъ которой она начала развиваться и развилась до степени чего-то самостоятельнаго и оригинально-русскаго. Наконецъ, проф. Красносельцевымъ, и почти одновременно Ждановымъ, была установлена литературная связь „Бесѣдъ" съ „Joca monachorum". Но этими и подобными указаніями, конечно, вопросъ объ источникахъ русской Бесѣды и ея литературной судьбѣ нельзя назвать исчерпаннымъ. Остается въ ней множество наслоенія, неизвѣстно *когда и откуда* внесенныхъ.

Вторая часть „посланія" и помогаетъ нѣсколько разъясненію этого вопроса.

Выше мы видѣли, въ какомъ соотношеніи стоитъ эта часть „посланія" со „Словесами избранными" и Изборникомъ XIII вѣка. Имп. П. Библ. Q. п. № 18. Если же оригиналъ Изборника или его элементы (но не онъ самъ) былъ однимъ изъ вѣроятныхъ источниковъ для „посланія" и для „Словесъ избранныхъ", то оказывается, что онъ не послужилъ, вѣроятно, и однимъ изъ источниковъ для наслоеній русскихъ Бесѣдъ. На строкахъ „посланія" 735—742 составитель послѣдняго пользуется, напримѣръ, 31-мъ отвѣтомъ блаженнаго Ѳеодорита на

книгу Исходъ. Подобный отвѣтъ, хотя и съ другимъ вопросомъ находится и въ Изборникѣ XIII в., л. 160 об. (въ „Словесахъ“ же „избранныхъ“ отсутствуетъ). Но тотъ же вопросо-отвѣтъ, что и въ Изборникѣ, встрѣчается и въ русскихъ Бесѣдахъ и вопросо-отвѣтахъ, напр., въ составѣ памятника, изданнаго кн. Вяземскимъ при статьѣ „Бесѣда трехъ святителей“. Такимъ образомъ оказывается, что въ составъ русскихъ вопросо-отвѣтовъ вносились толкованія блаженнаго Ѳеодорита на пятокнижіе въ томъ же переводѣ, въ какомъ они извѣстны по Изборнику XIII вѣка.

Большинство добавочныхъ (къ греческой основѣ) вопросо-отвѣтовъ въ разныхъ редакціяхъ русской Бесѣды состояло изъ толкованій къ библейскимъ текстамъ (замѣняющихъ собою вопросо-отвѣты), а тѣ же самые „толки“ или „сказы“ очень часто содержатся и въ Изборникѣ. Сходство (буквальное) съ толкованіями Изборника можно подмѣтить почти въ каждомъ изъ болѣе пространныхъ списковъ славяно-русскихъ Бесѣдъ. Такъ какъ Изборникъ содержитъ лишь выборку изъ разныхъ сборниковъ толкованій свято-отеческихъ и другихъ, то вѣроятно, что наслоенія (не первичныя ли?) Бесѣды слѣдуетъ искать или въ Изборникѣ XIII в., или его элементахъ (въ ихъ болѣе полныхъ спискахъ). Замѣчательно, что въ начальной части его находится не мало сходныхъ мѣстъ съ сочиненіями „*Ῥήσεις καὶ Ἑρμηνεῖαι*, которое, какъ извѣстно, обогащало русскія Бесѣды, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же встрѣчается много и другихъ толкованій, однородныхъ съ „*Ῥήσεις καὶ Ἑρμηνεῖαι* и т. п. сочиненіями, въ греческомъ текстѣ не находящихся, но входившихъ иногда въ составъ славяно-русскихъ Бесѣдъ. Какъ бы то ни было, въ Изборникѣ или его элементахъ мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, который вошелъ, какъ наслоеніе, въ славяно-русскіе списки Бесѣды.

Но такъ какъ нѣкоторые изъ добавочныхъ вопросо-отвѣтовъ славяно-русской Бесѣды входятъ въ составъ не только Изборника, но и „посланія“, то это показываетъ, что еще въ XII в. они могли интересовать русское общество и повторяться русскими авторами. Но въ эту ли эпоху греческая основа Бесѣды вступила въ общеніе съ переводными вопросо-отвѣтами, относившимися къ уразумѣнію свящ. Писанія? Правда, греческіе списки ея, открытые проф. Красносельцевымъ, относятся сравнительно къ позднему времени, но часть матеріала, принесен-

наго въ славянскіе списки Бесѣды, была знакома нашимъ предкамъ еще до XII вѣка. Самыя составныя части Изборника (какъ уже отчасти было указано), проникавшія въ Бесѣду, очень древни, а толкованія блаж. Ѳеодорита въ подъ-монгольскій и послѣ-монгольскій періодъ были весьма мало распространены. Въ всякомъ случаѣ славяно-русскія комбинаціи изъ вопросо-отвѣтной литературы (какъ показываетъ вторая часть „посланія") получили свое начало не съ XIII в., съ какой поры становятся извѣстными списки Бесѣды трехъ святителей, а ранѣе, и по крайней мѣрѣ первые шаги къ такимъ комбинаціямъ, однороднымъ съ Бесѣдою, должны быть отнесены къ вѣку м. Климента и св. Кирилла Туровскаго. А если справедливо это, то очевидно, что въ распространеніи, если не Бесѣды, то ея наслоеній, заключался одинъ изъ тѣхъ факторовъ, которые воспитывали въ представителяхъ духовной литературы XII в. наклонность къ образности, къ притчѣ и особому (иносказательному) пониманію свящ. Писанія...

Итакъ, издаваемое ниже литературное произведеніе содержитъ не много точныхъ данныхъ для обрисовки митр. Климента, какъ самостоятельнаго автора, но позволяетъ болѣе правильно смотрѣть на состояніе русской духовной словесности въ XII в. „Посланіе" м. Климента показываетъ, что наша древняя литература была значительно богаче памятниками сравнительно съ тѣмъ, сколько ихъ сохранилось донынѣ; что въ рядахъ авторовъ тогда числились имена, о которыхъ доселѣ ничего не было извѣстно; что литературная работа не прерывалась на Руси въ половинѣ XII в., какъ полагали нерѣдко доселѣ; что русское общество того времени кромѣ экзегетики интересовалось свѣтскою греческою поэзіею и философіею. „Посланіе" даетъ возможность видѣть также, что притчно-иносказательное, витіеватое направленіе южно-русской литературы, какое связывается съ именемъ свят. Кирилла Туровскаго, создано не имъ всецѣло, а подготовлялось уже предшествующими писателями, складывалось постепенно, подъ вліяніемъ разныхъ условій, между которыми не малая доля участія принадлежала, вѣроятно, переводной вопросо-отвѣтной литературѣ и русскимъ изъ нея комбинаціямъ.

Никольскій.

Образованность Московской Руси XV—XVII ст.

Насколько была распространена грамотность въ московскомъ государствѣ въ XV, XVI, XVII вѣкахъ?

Мы привыкли думать, что среди русскихъ этого времени было очень немного грамотныхъ, что духовенство было отчасти малограмотно, отчасти безграмотно, что въ высшемъ свѣтскомъ сословіи грамотность была слабо распространена, что низшій классъ представлялъ безграмотную массу. Мы привыкли при этомъ ссылаться на грамоту новгородскаго архіепископа Геннадія (самаго конца XV вѣка), на постановленія Стоглаваго собора, на сочиненіе Посошкова и особенно на разсказы иностранцевъ. Но ближайшее знакомство съ московскою письменностью XV и особенно XVI—XVII вѣковъ заставляетъ насъ въ значительной степени измѣнить мнѣніе и признать, что жалобы Геннадія, отцовъ Стоглаваго собора и Посошкова должно принимать съ большими ограниченіями.

Взглянемъ на количество дошедшихъ до насъ всякаго рода книгъ и документовъ XV, XVI, XVII вѣковъ, сохраняющихся въ нашихъ библіотекахъ и архивахъ. Число ихъ (особенно за XVI и XVII вѣка) такъ велико, несмотря на пожары и разныя невзгоды, постигавшие наши города и села, — что мы затрудняемся даже приблизительно опредѣлить ихъ число въ тысячахъ. Они написаны въ разныхъ мѣстностяхъ московскаго государства, начиная съ его столицы Москвы и кончая пустынными окраинами нашего сѣвера и Сибири*). Надъ ними должны были трудиться цѣлыя тысячи писцовъ и подьячихъ; они предназначались еще большему количеству читателей. Нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ въ себѣ такія данныя, при помощи которыхъ можемъ составить нѣкоторое понятіе о числѣ

*) Мы имѣемъ книги, написанныя въ селахъ и деревняхъ, начиная съ начала XV в. Такъ, Тріодь постная (Арх. М. Ин. Д., пергаменная), написанная въ селѣ Петровскомъ (близъ Вологды), относится къ 1410 году; Евангеліе (Публ. Библ. Q. I. 21), написанное въ селѣ Новомъ (близъ Вязьмы), — къ 1527 году. До XV вѣка книги писались, сколько мы знаемъ, лишь въ большихъ городахъ и монастыряхъ. Интересный фактъ: въ сборникахъ XV—XVII вѣковъ очень часто встрѣчаются статьи о пользѣ чтенія книгъ.

грамотныхъ среди разныхъ классовъ московскаго общества*). Это — съ одной стороны — документы разнаго наименованія (челобитныя, поручныя, духовныя, обыски и т. п.), по преимуществу XVI и XVII вѣковъ, на которыхъ находятся рукоприкладства челобитчиковъ, поручителей, свидѣтелей; съ другой – житія русскихъ святыхъ, подвизавшихся въ московской Руси въ XV, XVI, XVII вѣкахъ.

Посмотримъ на степень грамотности среди духовенства.

Бѣлые священники въ московскомъ государствѣ XVI и XVII вѣковъ (о XV вѣкѣ у насъ нѣтъ свѣдѣній) были поголовно грамотны. Правительство постоянно приказываетъ посадскимъ и крестьянамъ, если они неграмотны, давать расписываться за себя своимъ „отцамъ духовнымъ"; слѣдовательно, считаетъ священниковъ, какія бы мѣстности ни имѣлись у него въ виду, всѣхъ безъ исключенія грамотными. Ни на одномъ изъ извѣстныхъ намъ документовъ мы не находимъ ни указанія на отказъ священника подписаться по безграмотству, ни какого-либо иного свидѣтельства объ его безграмотствѣ. Напротивъ того, даже документы, составленные въ отдаленнѣйшихъ концахъ московскихъ владѣній въ XVII в., въ Енисейскѣ (1640 года) и въ Селенгинскѣ (1697 года), снабжены подписями тамошнихъ священниковъ.

Относительно бѣлыхъ дьяконовъ и дьячковъ у насъ мало данныхъ. Но эти данныя, XVI и XVII вѣковъ, свидѣтельствуютъ исключительно о грамотности, такъ что мы не имѣемъ вовсе указаній на существованіе неграмотныхъ дьяконовъ и дьячковъ.

Черное духовенство представляло нѣкоторый процентъ неграмотныхъ, который, по скудости данныхъ, мы не въ состояніи сколько-нибудь точно опредѣлить.

---

*) Мы должны имѣть въ виду: 1) многіе грамотные, не желая выдѣляться изъ массы, могли довѣрять расписываться за себя на документахъ, вмѣстѣ съ неграмотными, — священникамъ; 2) многіе, хорошо умѣвшіе читать, могли плохо писать или совсѣмъ не умѣть писать; 3) нѣкоторые (особенно старики), умѣвшіе писать, могли не подписываться по слабости зрѣнія. Сверхъ того, могли быть разныя случайности, вслѣдствіе которыхъ на документахъ мы не находимъ подписей несомнѣнно грамотныхъ людей. Такъ, на одномъ документѣ 1613 г. (Доп. къ А. И. II, № 9) нѣтъ подписи кн. Кропоткина, а на другомъ (тамъ же, № 4) она есть. Вообще мы должны помнить, что собственноручная подпись въ древней Руси не имѣла того значенія какое она имѣетъ теперь у насъ. Но также должно имѣть въ виду, что въ свидѣтели, для скрѣпленія разнаго рода документовъ, приглашались по преимуществу грамотные.

Если мы обратимся къ высшему свѣтскому классу, къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ, то и въ немъ для XVI и XVII вѣковъ (для XV вѣка у насъ мало данныхъ) найдемъ грамотныхъ. Правительство постоянно полагаетъ, что между дѣтьми боярскими есть грамотные, и заботится о томъ, чтобы разныя выборныя должности занимались именно грамотными. Такъ, въ 1535 году оно требуетъ, чтобы въ Бѣлозерскѣ „учинили себѣ въ головахъ дѣтей боярскихъ, въ волости человѣки три или четыре, которые бы грамотѣ умѣли“. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи документы позволяютъ опредѣлить приблизительно даже процентъ грамотныхъ въ высшемъ свѣтскомъ классѣ.

Болѣе 50% крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ московской Руси въ XVI и XVII вѣкахъ были грамотны, безразлично, гдѣ бы они ни жили, въ самой ли Москвѣ, или на окраинахъ московскаго государства.

Теперь передъ нами купечество. Грамота объ избраніи на царство Бориса Годунова (1598 года) подписана, изъ 28 гостей, — 21-мъ, т.-е. 75%. Раздѣльная троихъ Строгановыхъ (1629—39 г.) подписана ими всѣми. Духовная московскаго купца 1635 года подписана завѣщателемъ и всѣми тремя свидѣтелями. Челобитная московскихъ торговыхъ людей 1646 года (о притѣсненіяхъ иноземцевъ) подписана, изъ 168 челобитчиковъ, —163-мя, т.-е. болѣе, чѣмъ 96%. Если мы примемъ во вниманіе, что знаменитый путешественникъ Аѳанасій Никитинъ (XV вѣкъ) и его современникъ, паломникъ гость Василій, были грамотны, что идеальный хозяинъ Домостроя — онъ изъ торговыхъ людей (XVI вѣкъ), — грамотенъ, что св. Елеазаръ Анзерскій, изъ козельскаго купеческаго рода, былъ въ дѣтствѣ обученъ грамотѣ (начало XVII вѣка), что неизвѣстный псковской купецъ позаботился даже объ обученіи грамотѣ своего работника, послѣ св. Никандра Псковскаго (XVII вѣкъ), то мы должны будемъ признать, что между московскими торговыми людьми XV—XVII вѣковъ грамотность была обычнымъ явленіемъ.

Среди посадскихъ и крестьянъ, низшаго свѣтскаго сословія, въ XV—XVII вѣкахъ также часть была грамотною. Правительство постоянно предполагаетъ между ними существованіе грамотныхъ, какая бы мѣстность ни имѣлась въ виду. Въ документѣ 1561 года оно велитъ въ извѣстныхъ случаяхъ „при-

кладывать руки" „лучшимъ" крестьянамъ, „которые грамотѣ умѣютъ". Въ документѣ 1606 года оно предписываетъ посадскимъ людямъ прислать въ Москву „выборы" „за своими и за отцовъ ихъ духовныхъ руками".

То количество грамотныхъ, какое было въ московскомъ государствѣ въ XV—XVII вѣкахъ, казалось людямъ того времени вполнѣ достаточнымъ, и мы совсѣмъ не слышимъ ни отъ правительства, ни отъ частныхъ лицъ жалобъ на недостатокъ въ нихъ. Равнымъ образомъ мы не слышимъ ни отъ кого никому никакихъ похвалъ за простую грамотность, не замѣчаемъ, чтобы простая грамотность сколько-нибудь высоко цѣнилась. Напротивъ того, мы имѣемъ рядъ указаній, что одно умѣнье читать и писать въ XVI и XVII вѣкахъ многихъ не удовлетворяло. Можно сказать, что въ Москвѣ этого времени не высоко цѣнили даже людей просто „грамотѣ горазд ыхъ", такихъ, которые отлично читали и писали; ихъ сочиненіями, даже важными по содержанію, но написанными „простою рѣчію", „безъ украшенія", открыто пренебрегали и ихъ самихъ называли „невѣждами". Значеніе придавалось тогда лишь людямъ, вполнѣ изучившимъ священное Писаніе и свято-отеческія творенія и проникшимъ въ ихъ смыслъ, а сверхъ того, свободно владѣвшимъ церковно-славянскимъ языкомъ. Такъ, изъ дѣятелей XVI вѣка Максимъ Грекъ былъ хвалимъ за то, что былъ „словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навыклъ"; одинъ его современникъ, митрополитъ Спиридонъ, — за то, что былъ „мудръ" въ литературномъ дѣлѣ и „добрѣ умѣлъ писанія ветхая и новая"; другой его современникъ, бояринъ Тучковъ, — за то, что „издѣтска навыкъ вельми божественнаго Писанія". Настоящій „книгочей" въ то время, говоря словами писателя XVI вѣка, долженъ былъ обладать „пространствомъ ума, еже мысльми разумными свѣдѣти глубины". Такіе ученые водились въ московскомъ государствѣ и въ началѣ XV вѣка (назовемъ „премудраго" Епифанія), но число ихъ особенно сильно начало расти съ конца этого столѣтія, съ эпохи св. Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго. Мы можемъ отмѣтить любопытное обстоятельство, что въ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣка, рядомъ съ учеными изъ духовныхъ, является не мало ученыхъ изъ свѣтскихъ, пользующихся большимъ уваженіемъ и славою у современниковъ. Это — царь Иванъ Грозный, его старшій сынъ Иванъ, князь

Курбскій, бояринъ Тучковъ, князь Токмаковъ (XVI вѣкъ), князь Шаховской, князь Катыревъ-Ростовскій, муромскій губной староста Дружина Осорьинъ (начало XVII вѣка).

Гдѣ учились московскіе люди XV—XVII вѣковъ, до водворенія въ Москвѣ кіевскихъ выходцевъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что Москва этого времени не имѣла никакихъ ни правительственныхъ, ни общественныхъ школъ. Но зато въ ней было много мелкихъ частныхъ „училищъ“ *), такъ много, что желавшему обучить своего сына грамотѣ не нужно было ихъ разыскивать. Въ XVI и XVII вѣкахъ, особенно послѣ предписаній Стоглаваго собора, число училищъ должно было значительно увеличиться **). Эти училища содержались „учителями“ (житія) или „мастерами“ (Геннадій), изъ среды духовенства; Стоглавъ предписываетъ открывать въ городахъ училища священникамъ, діаконамъ и дьячкамъ.

Несомнѣнно, значительное большинство училищъ были простыми школами грамотности, въ которыхъ учили только читать и писать. Въ нихъ сначала преподавалась азбука, потомъ читались Часословъ или Псалтырь, а иногда, сверхъ того, Апостолъ. Разумѣется, при этомъ въ XV—XVI вѣкахъ пользовались рукописными тетрадями и книгами, а въ XVII обыкновенно обращались уже къ печатнымъ изданіямъ. Какъ много экземпляровъ азбуки, часослова и псалтыря требовалось для училищъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Св. Гурій Казанскій, будучи еще въ мірѣ, во время своего заключенія (въ началѣ XVI вѣка) добывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что „писаше книжицы малыя, иже въ наученіе бываютъ малымъ дѣтемъ“ т. е. азбуки. Приходо-расходныя книги московскаго печатнаго двора показываютъ, что въ половинѣ XVII вѣка азбука — въ теченіе четырехъ лѣтъ — была отпечатана трижды (1647—1651 гг.) въ количествѣ 9600 экземпляровъ, учебный часословъ — въ теченіе семи лѣтъ — восемь разъ (1645—1652 гг.), учебная псалтырь — въ теченіе шести лѣтъ — девять разъ (1645—1651 гг.).

Со второй половины XVI вѣка, благодаря Максиму Греку и

---

*) Названіе «училище» употреблено Геннадіемъ и отцами Стоглаваго собора; сверхъ того, оно находится въ житіяхъ св. Антонія Сійскаго (крестьянина) и Филиппа митрополита (боярскаго рода).

**) Не лишнее отмѣтить, что Стоглавъ говоритъ объ открытіи училищъ лишь городскимъ духовенствомъ. Достоинство и способности духовенства сельскаго для отцовъ собора, въ данномъ случаѣ, очевидно, были подъ сомнѣніемъ.

его ученикамъ, въ нѣкоторыхъ училищахъ стала проходиться „книга философская", или общая грамматика (будто бы) Іоанна Дамаскина: ее учили „ученицы новоначальніи по азбукѣ, зане основаніе есть первое и подошва хитрости грамматичной, а грамматика — основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ", а съ половины XVII вѣка вошла въ употребленіе славянская грамматика Мелетія Смотрицкаго, перепечатанная въ Москвѣ въ 1648 году „въ наученіе православнымъ, паче же дѣтемъ сущимъ". Вмѣстѣ съ грамматикою стала изучаться ороографія, а также статьи разнаго рода (особенно историческія), помѣщавшіяся въ такъ называемыхъ азбуковникахъ и отчасти нашедшія себѣ мѣсто въ печатной азбукѣ Бурцева (1634 г.). Въ началѣ XVII вѣка незнакомство съ грамматикой считается уже признакомъ невѣжества, а знаніе ея — необходимымъ для человѣка образованнаго. Царская грамота 1616 года велитъ заниматься исправленіемъ Требника лишь тѣмъ старцамъ Троицкой лавры, которые не только „подлинно и достохвально извычни книжному ученію", но и „граматику и риторію умѣютъ". Антоній Подольскій, нападая на исправителей Требника, „хвалится о граматикіи и о діалектикѣ" и увѣряетъ, что „противъ него" никто въ Россіи „совершенно граматикіи и діалектики не знаетъ". Исправители Требника, въ свою очередь, отражая нападеніе, обвиняютъ своихъ противниковъ въ томъ, что они непричастны грамматической хитрости: они „не знаютъ, кои въ азбуцѣ письмена гласная и согласная и двоегласная, а еже осмь частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды и числа и времена и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало".

Кромѣ училищъ грамотности, вѣроятно, всегда въ соединеніи съ ними, московская Русь XV—XVII вѣковъ имѣла еще особыя училища, спеціальныя, для тѣхъ подростковъ, которые предназначались въ священники и въ діаконы. Ихъ имѣетъ въ виду архіепископъ Геннадій, жалуясь на незнаніе учителями „силы въ божественномъ Писаніи", на незнакомство учениковъ съ „церковнымъ порядкомъ". О нихъ же говоритъ Стоглавъ, требуя отъ учителей, чтобы они проходили съ учениками всѣ книги, которыя „святая церковь пріемлетъ", чтобъ они сказывали имъ „силу" въ писаніи и вообще учили ихъ столько, сколько „сами умѣютъ". Наконецъ, едва ли не ихъ

имѣютъ въ виду житіе св. Александра Ошевенскаго*) и одинъ позднѣйшій источникъ. Послѣдній говоритъ, какъ о древнемъ обычаѣ, что „возрастающихъ (учениковъ) препровождають ко чтенію священныя библіи и бесѣдъ евангельскихъ и апостольскихъ и къ разсужденію высокаго во оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія“**).

Наши свѣдѣнія объ этихъ спеціальныхъ училищахъ крайне скудны, и мы сомнѣваемся, чтобы въ большинствѣ ихъ ученики шли далѣе усовершенствованія въ грамотѣ и пѣніи и изученія богослужебнаго чина.

Другихъ школъ, которыя бы были высшими, московская Русь до второй половины XVII вѣка не знала. Одно прямое указаніе на ихъ отсутствіе находится въ царской грамотѣ 1616 года; она говоритъ: „по-русски философскихъ ученій много лѣтъ не было“. Другое, косвенное, указаніе состоитъ въ томъ, что русскій переводчикъ (XVII вѣка) Космографіи сохранилъ безъ всякихъ оговорокъ такія слова своего оригинала: въ Москвѣ „училищъ книжныхъ философскихъ разныхъ писемъ нѣтъ; философскаго ученія не искатели“. Сверхъ того, писатель начала XVIII вѣка, правда, нѣсколько преувеличивающій дѣло, говоритъ, что до Петра русскій народъ, „кромѣ единаго чтенія книгъ нѣкіихъ“, не вѣдалъ „ни единаго словеснаго ученія“***). Такимъ образомъ ученость могла быть пріобрѣтаема искателями ея исключительно при помощи ихъ личнаго самостоятельнаго труда, при помощи продолжительнаго и внимательнаго изученія книгъ какъ по содержанію, такъ и по изложенію.

Данныя, приведенныя нами, позволяютъ признать, что въ московской Руси XV—XVII вѣковъ образованность для всѣхъ сословій во всѣхъ отношеніяхъ была одна и та же. И княжескій сынъ, и поповскій, и крестьянскій учились въ одни и тѣ же годы одному и тому же по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, часто у однихъ и тѣхъ же учителей, и достигали въ школьномъ

*) Игуменъ Кириллова монастыря послалъ молодого монаха, уже нѣсколько грамотнаго, къ «дьяку нѣкоему, разумну и искусну, да накажетъ его добрѣ божественнымъ Писаніемъ и преданіемъ св. отецъ» (Синод. № 413).

**) Предисловіе къ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго въ изд. 1721 года. Вятскій священникъ, авторъ «Сатира», изъ «навозогребовъ», какъ онъ выражается (т. е. изъ крестьянъ), говоритъ о себѣ, что о грамматикѣ онъ не слыхалъ, какъ ей учатся, а, смотря въ нее, считалъ ее иноязычною (конецъ XVII вѣка).

***) Бужинскій въ посвященіи Петру перевода «Ѳеатрона», Стратемана (1720 г.).

образованія приблизительно одного и того же — умѣнья читать и писать. Точно также и княжескій сынъ, и поповичъ, и крестьянскій сынъ могли сами, каждый отдѣльно, набираться учености, изучая книги.

Это равенство образованія, соединявшее всѣ сословія до-Петровской Руси въ одно цѣлое, будучи нарушено впервые въ концѣ XVII вѣка, совсѣмъ исчезло въ XVIII в.

Духовенство къ половинѣ XVIII вѣка укрѣпило за собою одну новую школу, „бурсу", цѣликомъ перенесенную въ Москву изъ юго-западной Руси, со всѣми ея порядками, со всею ея жестокостью*). Его образованность возросла если не количественно, то качественно.

Высшее свѣтское сословіе (а отчасти и среднее — чиновничество) около того же времени пошло въ другую новую, прямо изъ западной Европы перенесенную къ намъ школу, то общеобразовательную, то спеціальную. Его образованность возросла и количественно, и качественно.

Лишь одно низшее свѣтское сословіе (особенно крестьянство) благодаря Петровской реформѣ проиграло. Оно должно было остаться при старыхъ училищахъ и продолжать учиться по Часослову и Псалтыри у діаконовъ и дьячковъ. Но число этихъ училищъ стало постепенно сокращаться, какъ потому, что стала уменьшаться ихъ доходность (наиболѣе богатые ученики перестали поступать въ нихъ), такъ и потому, что правительство съ угрозами начало требовать отъ учителей, чтобы они обучали по новымъ, едва ли нравившимся имъ, учебникамъ (вродѣ „Перваго ученія отрокомъ"). А сокращеніе числа училищъ, въ связи съ усиленіемъ крѣпостного права, вѣроятно, повело къ нѣкоторому уменьшенію числа грамотныхъ въ низшемъ сословіи, т.-е. образованность послѣдняго, не возвысившись качественно, понизилась количественно.

Соболевскій.

*) Извѣстный диѳирамбъ розгѣ («Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ»), вмѣстѣ съ другими стихами позднѣйшихъ азбуковниковъ — переводный. Его польскій оригиналъ печатался въ польскихъ азбукахъ даже въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ нашего столѣтія.

Другой, сходный диѳирамбъ («Хощеши, чадо, благъ разумъ стяжати»), находящійся въ азбукѣ 1679 года, — тоже сомнительной оригинальности. Нельзя сомнѣваться, что побои были въ употребленіи въ русскомъ училищѣ съ самаго его появленія (въ житіи преп. Сергія о нихъ упоминается), но мы не имѣемъ права думать, чтобы они были у насъ въ большомъ ходу: ни одно изъ житій святыхъ XV—XVII вѣковъ о нихъ не говоритъ.

Предметы первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ училищахъ.

Если были училища для первоначальнаго обученія, то, очевидно, были и предметы послѣдняго. Составъ ихъ вполнѣ опредѣляется и домашними извѣстіями, и соображеніями о византійскихъ и западныхъ школахъ. Впрочемъ, въ первыхъ, относящихся къ древнѣйшему времени, мы находимъ. большею частію, общія выраженія: „грамотѣ учиться, книгамъ учитися, учиться книжному писанію, отдавать на ученье книжное, отдавать учити книжному писанію, азбукамъ и всякому написанному святыхъ книгъ слову" и другія подобныя. Въ такомъ же смыслѣ лѣтописцы обыкновенно выражаютъ и книжную образованность людей взрослыхъ: „бѣ любя словеса книжная; мужь хытръ книгамъ и ученью; въ словесехъ книжныхъ веселуяся; кто книгы разумно умѣетъ; учителенъ и хытръ ученью божественныхъ книгъ; книжникъ и философъ; исполненъ книжнаго ученья"; и мн. др. Какіе же предметы заключали въ себѣ эта грамота, это книжное ученье, книжное писаніе? — Никто, конечно, не потребуетъ доказательствъ въ пользу той мысли, что подъ грамотой прежде всего должно разумѣть *чтеніе и письмо*. Такъ еще блаженный Борисъ „взимаше книгъ и чташе, бяше бо и грамотѣ наученъ; такъ св. Евфросинія, княжна полоцкая, научившись *книжному писанію, нача книги писати своима рукама"* и пр. Обученіе чтенію и письму было, разумѣется, первою потребностію въ дѣлѣ домашняго и школьнаго начальнаго образованія. Но кромѣ этихъ предметовъ, составляющихъ основаніе всякаго образованія, безъ сомнѣнія, было правильное и послѣдовательное обученіе *пѣнію* съ древнѣйшаго времени. Приведемъ здѣсь слѣд. два свидѣтельства лѣтописи: въ Софійской первой, подъ 1052 годомъ, читаемъ: „а въ Кіевъ пришли тріе пѣвцы изъ Грекъ съ роды своими"; въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1137 годомъ: поставленъ бысть скопецъ Мануйло епископомъ Смоленеску, *пѣвецъ гораздый*, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ самъ *третій* къ благолюбивому князю Мьстиславу". Классическое же мѣсто для опредѣленія предметовъ первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ училищахъ находится въ соборномъ дѣяніи 1551 года. «А прежде сего, говорили отцы Собора, въ Россійскомъ царствѣ на

Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по инымъ градомъ многія училища бывали, грамотѣ *и писать и пѣть и читать* учили". Вотъ прямое и исторически достовѣрное свидѣтельство, показывающее, чему учили въ древне-русскихъ училищахъ! Мы не имѣемъ права и было бы безразсудно не довѣрять ему: избранные, лучшіе члены русскаго духовенства XVI вѣка, безъ сомнѣнія, хорошо знакомые съ исторіею своего отечества, собравшіеся, по волѣ царя, между прочимъ, и для обсужденія мѣръ къ возстановленію упавшаго школьнаго образованія, положительно и единогласно утверждаетъ существованіе училищъ во многихъ городахъ и перечисляютъ самые предметы обученія, и притомъ утверждаютъ съ совершенною увѣренностію въ несомнѣнности своихъ словъ, какъ обстоятельство, всѣмъ и каждому извѣстное и въ которомъ никто никогда и не думалъ сомнѣваться. Послѣ этого свидѣтельства всякое другое мы почитаемъ излишнимъ и съ своей стороны положительно утверждаемъ, что предметы первоначальнаго обученія въ древне-русскихъ училищахъ составляли *чтеніе, письмо и пѣніе*. И нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ же предметамъ обучали и въ школахъ другихъ славянскихъ земель, въ которыхъ была введена православная вѣра, что въ нихъ обучали той же *Кирилловской грамотѣ*, какъ выражается Мацѣевскій; нѣтъ сомнѣнія тѣмъ болѣе, что тѣ же предметы: чтеніе, письмо и пѣніе, со включеніемъ счисленія, составляли обученіе во всѣхъ извѣстныхъ тогда элементарныхъ школахъ и въ Европѣ. Въ послѣднихъ, существовавшихъ въ средніе вѣка при монастыряхъ и другихъ церквахъ, обучали: чтенію, письму, пѣнію, счисленію и иногда даже грамматикѣ. То же самое должно замѣтить и о школахъ, учрежденныхъ Карломъ Великимъ. Вотъ его извѣстное распоряженіе: „scholae legentium puerorum fiant; *psalmos, notas, cantus, computum, grammaticam* per singula monasteria vel episcopia discant". Карломъ Великимъ устроены были еще особыя училища, назначенныя исключительно для пѣнія и церковной музыки, и прежде всего въ Мецѣ и Суассонѣ. Въ возникшихъ впослѣдствіи школахъ Францисканскаго и Доминиканскаго орденовъ были слѣдующіе предметы: кромѣ чтенія, письма и пѣнія, заучивали молитву Господню, Символъ вѣры, нѣсколько молитвъ, церковныхъ пѣсней и псалмовъ; сюда же входилъ и латинскій языкъ. Городскія школы были устроены по образцу монастырскихъ,

а потому не отличались отъ послѣднихъ относительно предметовъ обученія. Отсюда видно, что во всѣхъ показанныхъ школахъ полный составъ предметовъ состоялъ изъ чтенія, письма, пѣнія, счисленія, иногда грамматики и латинскаго языка; съ необходимостію же, вездѣ и постоянно въ элементарныхъ школахъ обучали первымъ четыремъ предметамъ. Сравнивая отечественныя древнія училища съ иностранными въ разсматриваемомъ отношеніи, мы находимъ, что въ нихъ не было только счисленія, что, какъ полагаемъ, должно понимать относительно. Весьма вѣроятно, что счисленіе, въ смыслѣ ариѳметики, не было введено въ наши школы, какъ его не было и въ европейскихъ школахъ того же времени и того же рода, потому что ариѳметика, какъ составная часть septem artium liberalium, была предметомъ обученія въ высшихъ школахъ; но оно могло входить какъ простое счисленіе въ собственномъ смыслѣ, какъ умѣнье вести правильно счетъ, предполагавшее знаніе нумераціи съ ея практическимъ примѣненіемъ. Такое же низшее и практическое значеніе имѣла, безъ сомнѣнія, и грамматика, какъ предметъ обученія въ элементарныхъ школахъ европейскихъ; къ ней могли относиться самыя необходимыя грамматическія опредѣленія, а прежде всего усвоеніе современнаго правописанія, правильнаго употребленія буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ; такія грамматическія свѣдѣнія могли входить въ составъ предметовъ обученія и въ древне-русскихъ училищахъ. Мы разсмотримъ предметы обученія въ нашихъ древнихъ училищахъ прежде всего и главнымъ образомъ тѣ, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано отечественными памятниками и, слѣдовательно, не подлежитъ никакому сомнѣнію, то-есть: *чтеніе, письмо и пѣніе*, а потомъ, въ краткомъ очеркѣ, укажемъ и на остальные предметы, то-есть на *счисленіе и грамматику*. Что касается до латинскаго языка, то понятно всякому, почему онъ долженъ былъ составлять важный предметъ обученія въ западныхъ школахъ и могъ проникнуть даже въ элементарныя. Припомнимъ, что и въ польскихъ школахъ, устроенныхъ подъ западно-римскимъ вліяніемъ, латинскій языкъ изучался съ особенною, предпочтительною тщательностію. У насъ не было поводовъ къ такому предпочтенію, а потому объ изученіи латинскаго языка не заботились въ нашихъ училищахъ, въ которыя скорѣе и легче могъ проникнуть греческій языкъ.

Лавровскій.

Обученіе чтенію и письму.

Древніе историческіе памятники крайне скудны извѣстіями, необходимыми для опредѣленія процесса обученія чтенію; прямыхъ указаній почти нѣтъ, а потому должно обращаться къ посредствующимъ соображеніямъ, чтобы хотя сколько-нибудь уяснить предметъ. Въ настоящемъ случаѣ мало поможетъ и сравненіе нашихъ школъ съ иностранными, потому что и о нихъ свѣдѣнія также весьма скудны: иноземные памятники болѣе сообщаютъ извѣстій о высшемъ образованіи, конечно, потому, что важность ихъ была очевиднѣе и болѣе обращала на себя вниманіе лѣтописцевъ; цѣня высоко свою обязанность слѣдить за ходомъ политическихъ и церковныхъ событій, лѣтописцы не могли низойти до описанія современнаго имъ первоначальнаго обученія вообще и обученія чтенію въ особенности. Болѣе можно бы было ожидать отъ постановленій касательно устройства школъ, но и они ограничиваются только опредѣленіемъ рода школъ, ихъ мѣста и другихъ, болѣе внѣшнихъ условій, вовсе не входя въ подробности о самыхъ способахъ обученія. Какъ ни скудны однако извѣстія о нашемъ предметѣ въ разсматриваемомъ періодѣ, мы постараемся, сколько позволяютъ средства, указать на нѣкоторыя черты обученія чтенію. При этомъ важное пособіе представляетъ современный общеупотребительный, простонародный способъ, какъ наслѣдіе отдаленной старины, — и мы думаемъ, что если нѣкоторыя черты обученія чтенію, извлеченныя посредствомъ соображеній изъ древнихъ памятниковъ, допускаютъ съ нимъ сравненіе, можно смѣло утверждать справедливость самыхъ соображеній.

Вѣроятно, наши предки, избравши благопріятный день, отправлялись съ своими дѣтьми въ церковь, служили молебенъ св. Космѣ и Даміану, или даже святому дня, и потомъ сажали ихъ за столъ, на которомъ лежала азбука. Вотъ какъ начали учить грамотѣ Петра Великаго: въ назначенный день пришли къ Натальѣ Кирилловнѣ государь, патріархъ и Зотовъ: патріархъ „*сотвори обычное моленіе,* окропи блаженнаго отроча святою водою и, благословивъ, вручи Зотову: Зотовъ, принявъ государя царевича, посади на мѣсто, сотвори государю царевичу земное поклоненіе, нача ученіе“. Такъ начиналось ученіе въ XVII вѣкѣ: такъ начинается оно нынѣ вездѣ, гдѣ старина

не успѣла еще потерять свое значеніе; такъ, или почти такъ, начиналось оно и въ древнѣйшее, разсматриваемое нами, время. До насъ не дошло никакихъ извѣстій о составѣ древнѣйшей азбуки; а что она была, въ этомъ странно было бы сомнѣваться, когда мы знаемъ положительно, что еще задолго до нашихъ училищъ азбука была въ употребленіи вездѣ, гдѣ только была въ употребленіи грамотность. Ученики западныхъ элементарныхъ школъ часто назывались даже abecedarii, по названію азбуки (abecedarium): „abecedarius, говоритъ Дюканжъ, qui prima literarum elementa docetur, puer literis elementariis et calculo imbutus". Древнѣйшія, дошедшія до насъ, азбуки принадлежатъ уже къ позднѣйшему времени. Доказательствомъ же, что славянская азбука, изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ, была у насъ въ употребленіи съ перваго появленія христіанства въ Россіи, можетъ служить свидѣтельство одного безыменнаго писателя, заключающееся въ отрывкѣ, найденномъ Бандури. Перечисливъ 35 славянскихъ буквъ, авторъ говоритъ: *ταῦτα μέν εἰσὶ τὰ λε' γράμματα τῶν Ῥώσων ἅπερ καὶ ἕως τοῦ νῦν μανθάνουσι πάντες καὶ καλῶς τὴν εὐσέβειαν γινώσκουσι.* Эти Кирилловскія буквы сообщались сначала, конечно, отдѣльно, а потомъ соединялись въ слоги; такъ, по крайней мѣрѣ, было въ иностранныхъ школахъ того же времени; припомнимъ, что въ западныхъ школахъ ученики раздѣлялись на отдѣленія для легчайшаго обученія и, смотря по отдѣленію, имѣли особыя названія: abecedarii, обучавшіеся отдѣльнымъ буквамъ, syllabarii, совокуплявшіе ихъ въ слоги, nominarii, обучавшіеся названіямъ предметовъ и т. д. На средневѣковомъ латинскомъ языкѣ было даже слово — *syllabizare,* что, по объясненію Дюканжа, означало: „elementa sigillatim appellare, quomodo faciunt, qui primas literas ediscant, nostris *epeller*". Есть основаніе думать, что въ западныхъ школахъ въ обученіи чтенію принимали участіе ученики слѣдующаго высшаго класса, сами еще занимавшіеся чтеніемъ псалтыря; обученіе ихъ, кажется, состояло въ томъ, что они предъ учениками низшаго класса произносили буквы и слоги, что означало *dictare.* Научившись этимъ способомъ чтенію, ребенокъ немедленно получалъ книгу религіозно-нравственнаго содержанія, надъ которою и производилось дальнѣйшее его упражненіе и совершенствованіе. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что такою книгою съ древнѣйшаго времени была *псалтырь,* какъ она остается ею доселѣ

въ простонародномъ обученіи, что одно уже служитъ важнымъ ручательствомъ справедливости нашего мнѣнія. Псалтырь, даже съ толкованіемъ, была у насъ въ переводѣ въ самое отдаленное время; пергаменные списки ея сохранились отъ XI и XII вѣковъ; псалтырь была любимою книгою князей и народа, сопровождавшею ихъ повсюду, къ которой они обращались особенно въ минуты горести и грусти, на что наши лѣтописи представляютъ множество доказательствъ. Вспомнимъ св. Бориса, который, будучи окруженъ убійцами, „вставъ, нача пѣти, глагола: Господи! что ся умножиша стужащіи мнѣ“ и т. д.; вспомнимъ и Владиміра Мономаха, который, будучи на пути, отказавшись участвовать въ войнѣ противъ Ростиславича, „*вземъ псалтырю въ печали*, раскрылъ ее и успокоилъ свое возмущенное сердце ея чтеніемъ и т. д. Иноки даже знали наизусть всю псалтырь; такъ о св. Спиридонѣ читаемъ: „и изучи весь псалтырь изусть“. Много можно привести подобныхъ примѣровъ, хотя мы имѣемъ очень мало такихъ, которые бы прямо подтверждали предположеніе, что первоначальное обученіе чтенію совершалось именно по псалтири. Приведемъ здѣсь свидѣтельство конца XV вѣка изъ извѣстнаго уже намъ Геннадіева посланія къ митрополиту Симону. Въ немъ прямо сказано, что прежде всего должно обучать *азбукѣ*, потомъ *подтительнымъ словамъ*, помѣщаемымъ также обыкновенно въ азбукѣ (что можно видѣть и въ нынѣшнихъ простонародныхъ азбукахъ), и вслѣдъ за тѣмъ *псалтыри*, по которой, очевидно, и происходило первоначальное упражненіе въ чтеніи: „а мой совѣтъ о томъ, что учити въ училищѣ, *первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да псалтиря съ слѣдованіемъ накрѣпко;* и коли то изучатъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякія книги... Толкожъ государь укажетъ псалтырю съ слѣдованіемъ изучити да и все, что выше писано, да что отъ того укажетъ имати, ино учащимся легко, а сякъ не смѣютъ огурятися“. Съ другой стороны положительно извѣстно, что псалтырь именно для этой цѣли употреблялась въ школахъ византійскихъ и западныхъ. Припомнимъ здѣсь приведенное выше перечисленіе предметовъ первоначальнаго обученія въ постановленіи Карла Великаго: „*psalmos*, notas, cantum, computum, grammaticam“: здѣсь выраженіе — psalmos, очевидно, означаетъ *чтеніе*, и именно *чтеніе по псалтыри*. Употребленіе этого слова въ такомъ смыслѣ въ пра-

вительственномъ постановленіи, дѣйствіе котораго должно бы распространиться на все обширное государство Карла Великаго, есть уже несомнѣнное доказательство того, что псалтырь въ IX вѣкѣ исключительно назначалась и была въ повсемѣстномъ и общемъ употребленіи при обученіи чтенію: если средство употреблено вмѣсто цѣли, то ясно, что это средство есть исключительное для достиженія цѣли. Такъ было и впослѣдствіи: кто умѣлъ читать, на западѣ назывался не иначе, какъ *psalteratus*: „psalteratus, говоритъ Дюканжъ, literatus, qui *scit legere, psalterium scilicet*“. Приведемъ здѣсь одно свидѣтельство, извлеченное Дюканжемъ изъ житія Теобальда: „monere coepit.... ut inter pauperes Christi sibi clericum quaereret, qui lum literas doceret.... quod collega festinare studuit, et magistrum, qui *septem psalmos,* quos poenitentiales sancta vocat simplicitas, doceret exhibuit. Omnibus plane brevi tempeto edoctis, *psalterio indiguit*“. То же самое было и въ византійскихъ школахъ. Въ какомъ преимущественномъ уваженіи находилась псалтырь, видно изъ того, что духовныя лица, особенно монахи, почитали обязанностью знать его на память; незнающаго не посвящали даже въ епископы, какъ на Западѣ, такъ и въ Византіи. Св. Іеронимъ, въ одномъ письмѣ къ желавшему постричься въ монахи, пишетъ: „nunquam de manu tua et oculis tuis recedat liber, *discatur psalterium ad verbum*“ etc. Замѣчательно, что, такъ же какъ и у насъ, псалтырь была необходимою книгою и во время путешествій. Думаемъ, что сказанное нами достаточно удостовѣряетъ въ справедливости мысли, что псалтырь была преимущественнымъ, если не исключительнымъ руководствомъ при обученіи чтенію въ древнерусскихъ училищахъ. Равнымъ образомъ не дошло до насъ извѣстій о подробностяхъ касательно самаго способа обученія чтенію. Есть однако нѣкоторый поводъ думать, что было въ употребленіи *совокупное чтеніе,* извѣстное еще древнимъ. Въ этомъ предположеніи утверждаютъ насъ, во-первыхъ, господство совокупнаго чтенія въ современномъ простонародномъ обученіи, во-вторыхъ, намеки, что оно существовало въ западныхъ элементарныхъ школахъ того же времени. На послѣднее указываетъ, кажется, слѣд. мѣсто, приведенное Дюканжемъ, подъ словомъ *psalterium:* „psalterio puerorum acclamante justi haeriditabunt terram.... et iterum eodem subsequuntur lectitantes et divitibus huius mundi significantes: nolite

sperare ininiquitate" etc. Должно также замѣтить, что въ средніе вѣка, и у насъ и на Западѣ, псалмы обыкновенно пѣли или читали нараспѣвъ. Такъ св. Борисъ, *ставъ, нача пѣти* псаломъ; такъ о св. Ѳеодосіи читаемъ: „инокъ, именемъ Иларіонъ, иже по вся дни и нощи писаше книги въ келіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа, *оному же псалтирь поющу усты тихо*, руками же прядущу волну, или ино что дѣлающу"; такъ св. Спиридонъ „труждашеся о спасеніи души своея крѣпко, безпрестанно *псалтирь поя*, и весь на кiйждо день скончавая". Такъ до сихъ поръ читаютъ нараспѣвъ псалтырь дѣти, обучающіеся у священниковъ и у причетниковъ. На Западѣ, при Карлѣ Великомъ, были устроены особыя школы, подъ названіемъ: scholae lectorum. Значеніе ихъ видно изъ слѣд. словъ въ письмѣ одного архіепископа къ Карлу Великому: „habeo *scholas lectorum*, non solum qui officiorum lectionibus exercentur, sed etiam in divinorum librorum meditationne spiritalis intelligentiae fructus consequantur.

———

Непосредственныхъ указаній на способъ обученія письму въ разсматриваемый періодъ въ нашихъ памятникахъ сохранилось весьма мало, потому что послѣдніе и въ этомъ случаѣ довольствуются общими выраженіями въ родѣ упомянутыхъ нами выше. Въ житіи Петра митрополита находится намекъ на способъ обученія письму, выраженный въ словахъ: елика написоваше ему учитель его, малѣмъ проученіемъ изучеваше"; на значеніе его мы уже имѣли случай указать. Извѣстно также, что съ древнѣйшаго времени въ письмѣ обращали вниманіе на то, чтобы писали прямо, красиво и правильно. Въ этомъ удостовѣряютъ насъ приписки въ древнѣйшихъ памятникахъ и послѣсловія. Приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Между разными приписками на поляхъ драгоцѣнной рукописи, заключающей въ себѣ слова Григорія Богослова (XI в.), находится и слѣдующая, на оборотѣ 101 листа, подъ страницею, написанная отличнымъ отъ текста, однако современнымъ послѣднему, почеркомъ XI вѣка: „*чьие кривак гаво пиши право*". Этими словами, вѣроятно, товарищъ, а можетъ быть и начальникъ писца, хотѣлъ напомнить послѣднему о его обязанности *писать прямо*. Не былъ ли написавшій эти слова особымъ должностнымъ лицемъ, надзиравшимъ надъ

писцами; не былъ ли онъ тѣмъ, кто въ западныхъ монастыряхъ обыкновенно назывался armarius? Весьма вѣроятно. Извѣстно, что въ западныхъ монастыряхъ, внутри стѣнъ монастырскихъ, находилось особое зданіе, называвшееся *scriptorium,* въ которомъ помѣщались писцы, занимавшіеся списываніемъ рукописей. Обязанность эта возлагалась на нихъ аббатомъ, а обязанность надзирать за ними и управлять ихъ работою возлагалась тѣмъ же аббатомъ на особое лицо, обыкновенно называвшееся armarius: „omnibus iis armarius providere debet, quid scribant, et quae ad scribendum necessaria sunt praebere, nec quisquam eorum aliud scribere, quam ille praeceperit“ etc. Настоятели монастырей даже хвалились обиліемъ искусныхъ писцовъ въ своихъ монастыряхъ. Самыя зданія, по своему помѣщенію и устройству, приспособлены были къ занятіямъ писцовъ, чтобы они „sine perturbatione et strepitu operi suo quietius intendere possint“. Такъ было и въ монастыряхъ греческихъ. Припомнимъ только монаховъ Аѳонской горы, откуда мы получили драгоцѣнныя рукописи, и гдѣ трудилось надъ списываніемъ книгъ много нашихъ иноковъ; припомнимъ и другіе монастыри, напр. Студійскій, откуда, по словамъ Стефана Новгородца, *посылали въ Русь много книгъ: уставъ, тріоди и иныя книги,* и гдѣ самъ Стефанъ, путешествовавшій въ половинѣ XIV вѣка, нашелъ своихъ земляковъ, новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ монастырѣ, „списаючи отъ книгъ св. Писанія, зане бо искусни зѣло книжному списанію“. Такъ, безъ сомнѣнія, было и въ нашихъ монастыряхъ, и настоятели, а еще болѣе епископы и митрополиты, старались распространять эту полезную дѣятельность; довольно того, что наибольшая часть нашихъ лѣтописей вышла изъ стѣнъ монастырскихъ. Намъ извѣстно, что еще въ XI вѣкѣ, въ кельѣ препод. Ѳеодосія, иноки занимались списываніемъ и сшиваніемъ книгъ. Вотъ прекрасная картина XI вѣка въ кельѣ игумена русскаго монастыря: инокъ Иларіонъ занимается списываніемъ книгъ, инокъ Никонъ сшиваетъ книги, а самъ игуменъ Ѳеодосій прядетъ вервіе и въ то же время поетъ псалтырь *усты тихо!* Замѣтимъ, что въ Патерикѣ упоминается только о занятіяхъ иноковъ, прославившихся своею святою жизнію и впослѣдствіи причтенныхъ церковію къ лику святыхъ; а были, конечно, и другіе иноки въ кельи Ѳеодосія, такъ же какъ Иларіонъ и Никонъ, занимавшіеся списываніемъ и сши-

ваніемъ книгъ; до нихъ только не доходила рѣчь. Не представляетъ ли келья игумена въ XI в. то же, что scriptorium въ западныхъ монастыряхъ? Самъ игуменъ, можетъ быть, исполнялъ обязанность и armarii. Все это такъ естественно, что сомнѣніе казалось бы неумѣстнымъ. Впослѣдствіи, при лучшемъ устройствѣ монастырей, для этой цѣли могло быть отдѣлено особое зданіе въ стѣнахъ монастырскихъ, и вообще эта отрасль занятій, которую такъ высоко цѣнили наши предки, могла быть болѣе усовершенствована. Дѣйствительно, можно и должно допустить и у насъ такое усовершенствованіе, особенно если сообразить, что наши монастыри во всѣхъ частяхъ своего внутренняго устройства представляли второобразъ греческихъ; можно и должно допустить, что и у насъ были въ монастыряхъ особыя помѣщенія для писцовъ, что были назначены особыя лица для надзора за ихъ занятіями, что и у насъ былъ свой armarius, который и могъ приведенными выше словами напомнить писцу, списывавшему слова Григорія Богослова, объ его обязанности. Такой порядокъ въ списываніи книгъ, если онъ дѣйствительно существовалъ въ русскихъ монастыряхъ, для насъ весьма важенъ: каждое собраніе такихъ писцовъ представляло бы какъ бы особую школу, находившуюся подъ общимъ надзоромъ, направляемую и руководимую одними общими и опредѣленными правилами. Я не говорю уже о томъ, что этимъ порядкомъ легко объяснить быстрое и въ обширныхъ размѣрахъ совершавшееся распространеніе памятниковъ письменности, особенно богослужебныхъ и другихъ книгъ религіознаго содержанія: помощь сосѣднихъ славянскихъ земель въ этомъ отношеніи едва ли вполнѣ удовлетворительно можетъ объяснить упомянутое распространеніе. Нельзя не замѣтить также и того явленія, что наши древніе памятники, относительно правописанія, могутъ быть раздѣлены на категоріи, на группы: писцы каждой изъ этихъ группъ, даже въ одно и то же время, руководствовались своими особыми правилами, хотя нельзя отрицать въ нихъ присутствія и общихъ правилъ. Упомянутый порядокъ легко объяснитъ это явленіе: лица, руководившія этими школами писцовъ, могли усвоить различныя правила для современнаго имъ правописанія, особенно смотря по тому, подъ вліяніемъ какихъ и откуда заимствованныхъ рукописей они находились. Такое занятіе неизмѣнно продолжалось до конца разсматриваемаго періода, хотя и въ этомъ

отношеніи иго монгольское, ослабившее грамотность вообще, не осталось безъ вліянія. Такъ во второй половинѣ XV вѣка, въ Житіи св. Іосифа Волоцкаго, объ инокѣ Герасимѣ Черномъ говорится, что однимъ изъ главныхъ его занятій было списываніе книгъ; въ числѣ келейныхъ занятій самого Іосифа было и списываніе книгъ. Случалось также, что монахи, поступившіе въ монастырь неграмотными, учились грамотѣ — читать и писать въ самомъ монастырѣ: такъ въ Житіи св. Спиридона читаемъ: „не вѣдый же писаніи, нача учитися книгамъ, аще и лѣты не младъ сый". Въ послѣсловіяхъ, какъ извѣстно, писцы постоянно извиняются предъ своими читателями во внѣшнихъ недостаткахъ письма: „аще кдѣ криво налѣзете, то исправивъше чьтѣте же а не кльнѣте; аще кдѣ буду изъгрубилъ, или у тузѣ, или въ печали, или въ бесѣдѣ коли съ другомъ, а вы Бога дѣля исправляюче чтѣте, зане грѣхъ кляти тружающаго Бога ради; еже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ, или недописалъ; аже боуду гдѣ ѡблазняся криво написалъ, или строку преступилъ въ своей грубости и въ молодѣ оумѣ". Хотя всѣ приведенныя и многія другія послѣсловія заключаютъ въ себѣ сходныя выраженія, тѣмъ не менѣе они доказываютъ, что всѣ писцы имѣли опредѣленныя понятія о достоинствахъ письма: *пиша* криво, переступая строку, допуская разнаго рода ошибки, или, по словамъ монаха Лаврентія, описки, переписки и недописки, они погрѣшали противъ этихъ достоинствъ. По всему видно, что письмо составляло особое искусство, которое усвоялось съ большимъ трудомъ; видно, какого труда и какихъ пожертвованій стоила писцамъ переписка книгъ, особенно, когда требовали отъ нихъ точности и тщательности; удивительно, что многіе изъ нихъ не могли воздержаться, чтобы не высказать въ послѣсловіи своей радости при видѣ послѣдняго листа: одинъ сравниваетъ себя въ эту минуту съ женихомъ, радующимся о своей невѣстѣ, другой съ зайцемъ, избывшимъ тенетъ, и т. д. Какъ занятіе богоугодное само по себѣ и какъ трудъ, переписка книгъ духовнаго содержанія имѣла обыкновенно и богоугодную цѣль: книги переписывались „собѣ на спасение и всѣмъ кртиꙗномъ на утѣху", какъ выразился Георгій, сынъ попа Лотыша съ городища; тотъ же трудъ предпринимался часто и по обѣту. Съ той же точки зрѣнія и съ такимъ же уваженіемъ смотрѣли на переписку книгъ духовнаго содержанія и во всей Европѣ.

„Hoc quodammodo opus immortale est, говоритъ одинъ пріоръ Картезіанскаго монастыря, opus, si dicere licet, non transiens, sed manens: opus itaque, ut sic dicamus, et non opus: opus denique, quod inter omnia alia opera magis decet viros religiosos literatos“; тамъ она почиталась какъ бы проповѣданіемъ слова Божія: „quod ore non possumus, Dei verbum manibus praedicemus. Quot enim libros scribimus, tot nobis veritatis praecones facere videmur“. Изъ сказаннаго доселѣ о письмѣ для насъ особенно важно, во-первыхъ, вполнѣ основательное предположеніе о болѣе чѣмъ вѣроятномъ существованіи въ монастыряхъ особыхъ отдѣленій, школъ для писцовъ, во-вторыхъ, что эта отрасль занятій почиталась душеспасительною и богоугодною, и, слѣдовательно, при религіозномъ настроеніи нашихъ предковъ, была сильно распространена, въ третьихъ, что искусство писцовъ направлялось и руководствовалось опредѣленными правилами, условіями, изъ совокупности которыхъ слагался взглядъ на достоинства и недостатки письма. Взглядъ этотъ, хотя и въ общихъ выраженіяхъ, высказывался невольно въ послѣсловіяхъ. Изъ нихъ мы видѣли, что отъ писцовъ древняго времени требовалось, чтобы они писали прямо, правильно, то-есть безъ ошибокъ (или безъ описокъ, переписокъ и недописокъ), и красиво. Если такія условія были непремѣнною потребностію для писцовъ взрослыхъ, занимавшихся списываніемъ книгъ въ монастыряхъ, или въ другихъ мѣстахъ, то они же, очевидно, были потребностію и для дѣтей, обучавшихся письму въ училищахъ. Другими словами, при обученіи письму въ послѣднихъ, наставники обязаны были передавать эти условія своимъ ученикамъ, сообщать ихъ письму тѣ же достоинства, какія требовались въ то время вообще отъ этого искусства, равнымъ образомъ предостерегать отъ упомянутыхъ въ послѣсловіяхъ недостатковъ, такъ что наставники въ этомъ отношеніи руководствовались опредѣленными правилами. Мы разсмотримъ ближе эти правила.

Первое и послѣднее условія, то-есть писать *прямо* и *красиво*, понятны. Но что означало, по понятіямъ древне-русскихъ писцовъ, писать *правильно*? — Мы сказали, что древнѣйшее наше письмо должно было основываться на общихъ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ правилахъ; а эти правила прежде всего, конечно, должны были относиться къ правильному употребленію буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, что уже

и предполагаетъ болѣе или менѣе опредѣленное правописаніе. Ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ древней нашей письменности съ этой точки зрѣнія совершенно убѣждаетъ въ справедливости такого заключенія: въ нихъ мы дѣйствительно находимъ правильное и послѣдовательное употребленіе буквъ, строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ, которое пріобрѣталось, безъ сомнѣнія, посредствомъ обученія. Здѣсь разумѣются не тѣ буквы, употребленіе которыхъ строго опредѣляется произношеніемъ, и которыя не допускаютъ замѣны, а тѣ, для которыхъ древній алфавитъ имѣлъ по два и даже по три начертанія, обозначавшихъ одинъ и тотъ же звукъ. Правильное употребленіе подобныхъ же начертаній въ современномъ письмѣ, со включеніемъ знаковъ препинанія, объемлетъ собою наибольшую часть правилъ современнаго правописанія. Къ такимъ буквамъ, допускавшимъ различныя начертанія, при одномъ и томъ же звукѣ, главнымъ образомъ относятся слѣдующія: *е*, є, ѥ и *ѣ*; *и*, *і*; о, ѡ, *у*, *оу*, ѹ; ѧ, ꙗ. При этомъ необходимо только знать, дѣйствительно ли произношеніе не различало начертаній, соотвѣтствующихъ каждому изъ приведенныхъ звуковъ. Относительно начертаній: и, і; о, ѡ; у, оу, ѹ, не можетъ быть, кажется, никакого сомнѣнія. Можно бы было говорить о различіи въ произношеніи между *е*. є, ѥ, и между ѧ и ꙗ, но и здѣсь встрѣчающееся иногда безразличіе въ употребленіи, какъ увидимъ ниже, можетъ служить доказательствомъ безразличія въ произношеніи, или, по крайней мѣрѣ, незначительнаго различенія. Если же несомнѣнно то обстоятельство, что каждая группа приведенныхъ начертаній соотвѣтствовала одному только звуку, и если существовали однообразіе, правильность и послѣдовательность въ ихъ употребленіи въ древнѣйшихъ памятникахъ, то столь же несомнѣнно, что въ древнѣйшее время существовали свои особыя правила правописанія. Если же существовали эти правила, то они необходимо должны были входить въ обученіе письму. Мы разсмотримъ только въ краткихъ чертахъ употребленіе вышеприведенныхъ начертаній, къ чему присовокупимъ также и замѣчанія касательно употребленія строчныхъ и надстрочныхъ знаковъ. Наша цѣль заключается не въ подробномъ разсмотреніи древне-русскаго правописанія, что одно можетъ составить обширный трудъ, а единственно въ подтвержденіи высказаннаго выше заключенія, что въ древнее время у насъ существовали болѣе или менѣе опредѣленныя

правила правописанія и что эти правила были предметомъ обученія въ тогдашнихъ школахъ при обученіи письму. Для такой цѣли почитаемъ совершенно достаточнымъ краткое разсмотрѣніе приведенныхъ начертаній.

є, ѥ, е, ѣ.

Мы уже сказали, что если иногда въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ встрѣчается безразличіе въ употребленіи разсматриваемыхъ буквъ, то это безразличіе служитъ доказательствомъ, что произношеніе ихъ или не различало, или различало весьма неопредѣленно. Послѣднее же обстоятельство для насъ важно: если произношеніе различало ихъ неопредѣленно, то опредѣленность и послѣдовательность ихъ употребленія въ письмѣ служатъ яснымъ доказательствомъ, что для упомянутыхъ буквъ въ древнѣйшемъ правописаніи существовали опредѣленныя правила. Въ послѣсловіи Остромирова Евангелія діаковъ Григорій вм. ѥ постоянно употребляетъ є: своѥго, къıєвѣ єѵ҄лиє, оутѣшєниє, ємоу, блииє єго єю пороучєниѥ своє и. т. д. Въ словахъ Григорія Богослова, принадлежащихъ XI вѣку, писанныхъ болгарскимъ правописаніемъ, съ правильнымъ употребленіемъ юсовъ, также ѥ и є мѣняются. Для большей точности мы приведемъ слова изъ вставокъ, не находящихся въ греческомъ подлинникѣ и, можетъ быть, прибавленныхъ славянскимъ переводчикомъ: ѥсть и єсмь, своєму, отъ нѥго, въ нѥи, нєбо, нєсмщимъ, даєть, раздражаєть, оубиѭть и т. д. Судя по языку, говоритъ Востоковъ, преложеніе сихъ словъ сдѣлано болгаромъ или другимъ какимъ южнымъ словениномъ; настоящая рукопись есть *копія, писанная, какъ кажется, въ Россіи.* Въ Сборникѣ 1073 иногда употребляется є́: въжделаниє́мъ, є́го, є́динъ, своє́, проливаєтъ и т. д.; иногда же ѥ: хоуждеѥ, о ѥ́диномъ пытаѥмо ѥсть, ѥже, въселѥниѥ́, нѣпокоѥмъ, ѥ, писаниѥ и т. д.; должно замѣтить, что удареніе поставлено равно надъ ѥ и є, что доказываетъ безразличіе въ произношеніи. Вспомнимъ, что говоритъ Востоковъ о правописаніи этого Сборника: „Іоаннъ дьякъ, вѣроятно, перемѣнялъ, при своихъ переправкахъ, и правописаніе болгарское на русское; однакоже не вездѣ изгладилъ слѣды сего правописанія, напротивъ того самъ подражалъ оному, сбиваясь между тѣмъ часто на русское правописаніе... Замѣченная

г. Калайдовичемъ разность правописанія въ предисловіи и послѣсловіи не отъ чего другого происходить можетъ, какъ отъ таковаго нерѣшительнаго подражанія писцова чуждому для него правописанію". Въ жалованной грамотѣ в. князя Мстислава, сохранившейся въ подлинникѣ 1128—1132 года, находимъ то же явленіе: своѥму и геѡргиєви, почьнєть, изоѡстанєть, оу нєго и довѥлеже, осьньѥѥ, въ нѥ; въ Мстиславовомъ Евангеліи то же: „безнѥго ничьтоже нє бысть"; то же самое видно и въ послѣдующихъ памятникахъ, и тѣмъ чаще, чѣмъ позднѣе памятникъ.

Тѣмъ не менѣе въ правописаніи эти начертанія различались несомнѣнно. Различіе это основывалось на слѣдующемъ общемъ правилѣ, которое съ замѣчательною строгостію было соблюдаемо въ правописаніи: ѥ *постоянно употребляется въ началѣ словъ, въ серединѣ и концѣ послѣ гласныхъ, при подъемѣ слѣдующего слова* ѥ — *въ серединѣ и концѣ словъ послѣ согласныхъ.* Въ Сборникѣ 1703 года, сколько можно судить по выпискамъ Востокова, почти всегда правильно употребляется ѥ; въ Житіи Бориса и Глѣба, хранящемся въ Рум. музеумѣ, въ спискѣ половины XVII вѣка, выписанномъ мѣстами сплошь изъ Временника Нестора и сохранившемъ столь же древній языкъ, приведенное правило постоянно соблюдается строго: ѥго, ѥже, ѥсть, ѥдиномь, ѥпистолию; своѥму, бываѥть, оубиваѥми, оукоряѥмъ; прошеннѥ, абиѥ, пропущеннѥ, сограженнѥ, довольноѥ, рчиѥ; въ грамотѣ Мстислава 1128—1132 года 20 разъ правильно употреблено ѥ и только въ одномъ словѣ Геѡргиєви два раза употреблено є; въ послѣсловіи Евангелія 1164 года: за бездождьѥ, радуѥться; въ переводѣ Шестоднева Іоанна екзарха Болгарскаго ѥ почти безъ исключенія употребляется согласно съ высказаннымъ правиломъ: ѥже, ѥму, ѥсть, ѥи, ѥлма; знаменѥи, твореніѥмъ, разоумѣваѥма, сиѥть сиѥ, кореніѥ, зданиѥ и т. д.; и чрезвычайно рѣдко встрѣчается є вмѣсто ѥ: никоєго же єстьствомъ, хотя чрезъ нѣсколько строкъ читаемъ ѥства (стр. 144); въ договорной Новгородской грамотѣ 1265 года ѥ и є употребляются съ неизмѣнною правильностію: блгословленнѥ, покланяниѥ, своѥи, ѥсте, соудьѥ, василиѥ и т. д.; въ послѣсловіи Евангелія 1270 года: знаменьѥ, стражаниѥмь, спсениѥ и т. д.; въ Евангеліи XII вѣка: Евангелиѥ вседньноѥ починаѥтся, разумѣѥть; въ Комчей XIII вѣка ѥ употребляется съ постоянною правильностію: ѥдинъ,

потврьжениѥ, довлеѥть строѥниѥ ѥпим и проч. — Въ XIV вѣкѣ уже замѣтно сильное колебаніе между ѥ и є, а къ концу этого вѣка и въ XV вѣкъ послѣднее беретъ рѣшителный перевѣсъ надъ первымъ. Такъ въ Новгородской грамотѣ конца XII вѣка или начала XIV находимъ: єсмь, котороє; въ Евангеліи также конца XIII или начала XIV вѣка: почитаємъ, єуагльє, перенесеніє перенесеньє, хотя есть перенесениѥ, оубьѥниѥ; въ мѣсяцесловѣ, приложенномъ къ Евангелію XIV вѣка, всѣ существительныя на ниѥ измѣнены на ьє: перенесеньє, чл̃колюбьє, нашествьє и проч. Притомъ должно замѣтить, что въ грамотахъ новгородскихъ ѥ держится крѣпче, конечно, потому, что офиціальные памятники, не только по содержанію, но и по правописанію, болѣе держатся старины: особенно важна была послѣдняя новгородцамъ, которые въ этихъ грамотахъ постоянно ссылаются на старину и пошлину: писецъ списывалъ прежнія грамоты и неизбѣжно стѣснялся правописаніемъ послѣднихъ. Въ другихъ же грамотахъ съ половины XIV вѣка ѥ почти совершенно вытѣсняется начертаніемъ є, обыкновенно съ точкою или съ удареніемъ. Такъ въ Духовной грамотѣ в. кн. Симеона Іоанновича 1353 года начертаніе ѥ вездѣ замѣнено начертаніемъ є: напоминаєть, своєго, оу моєє княгини, єсмь и проч.; то же постоянное употребленіе є находимъ въ Духовн. грам. Димитрія Іоанновича 1389 года: своєи, своєє, вѣдаєтъ, єго; то же во второй Договорн. грам. в. кн. Василія Димитріевича съ кн. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной около 1405 года при митр. Кипріанѣ: съ твоєю, съ своєѣ, твоє, великоє, княжєє и проч.; то же должно сказать и о грамотѣ того же содержанія, писанной въ 1424 году, о Духовной в. кн. Василія 1462 г., о грамотѣ Іоанна III 1497 г. и о многихъ другихъ. То же явленіе подтверждается и памятниками неофиціальными. Такъ въ лѣтописяхъ съ XIV в. почти постоянно употребляется, хотя изрѣдка встрѣчается и ѥ, что, конечно, объясняется привязанностью монаховъ къ древнѣйшему правописанію, и особенно къ правописанію подлинниковъ, съ которыхъ они списывали. Различіе, еще существовавшее между начертаніями є и є́, съ XVI вѣка начинаетъ исчезать, такъ что къ концу этого вѣка прежнее ѥ превратилось въ обыкновенное є, которое и вошло во всеобщее употребленіе. Изъ представленнаго обозрѣнія можно сдѣлать слѣдующее заключеніе: 1) въ древнѣйшемъ правописаніи, до половины XIV

вѣка, вообще постоянно и строго соблюдалось различіе между начертаніями є и ѥ, хотя произношеніе и не знало объ этомъ различіи; 2) съ половины XIV вѣка ѥ вытѣсняется начертаніемъ є, которое въ письмѣ различалось отъ обыкновеннаго є, употреблявшагося въ срединѣ и концѣ слова послѣ согласныхъ и отличавшагося величиною и наклоннымъ положеніемъ вправо, а иногда, кромѣ того, точкою или удареніемъ; 3) наконецъ произвольное, принятое однако и строго соблюдавшееся въ правописаніи, различіе между означенными начертаніями ослаблялось постепенно и только къ половинѣ XVI вѣка совершенно уничтожилось. — Замѣтимъ также, что въ древнѣйшемъ право писаніи, кромѣ упомянутыхъ случаевъ употребленія ѥ, былъ еще одинъ, не всегда и не вездѣ однако строго соблюдавшійся: послѣ н: оу нѥго, оу нѥи, донѥлѣже, осеньнѥѥ и проч., и даже послѣ л: благоволѥнію, доброизволѥнию и проч.

Что же касается до начертанія *ѣ*, то въ нашемъ очеркѣ мы почитаемъ излишнимъ о немъ распространяться. Употребленіе его можно разсматривать или въ грамматическихъ формахъ, или въ корнѣ: указывать на первыя значило бы повторять то, что въ главныхъ чертахъ сказано другими, перечислять второе значило бы выйти изъ предѣловъ краткаго очерка. Употребленіе начертаній и въ древнѣйшемъ правописаніи опредѣлялось тѣмъ же высказаннымъ выше общимъ правиломъ, а потому мы и укажемъ на него вслѣдъ за начертаніемъ ѥ и є.

ѩ, ѧ.

Такъ какъ самые древніе памятники нашей письменности не застаютъ юсовъ, какъ начертаній для особыхъ звуковъ, то въ началѣ письменности, при полномъ усвоеніи церковно-славянскихъ начертаній, ѧ вошло въ нашу азбуку, какъ означающее звукъ *я;* съ другой стороны и церковно-славянское ѩ не могло не найти себѣ мѣста въ русскихъ памятникахъ, а потому первоначально и существовали оба эти начертанія для обозначенія одного и того же звука. Но должно же было постановить различіе между ними, опредѣлить случаи ихъ употребленія. — и, въ соотвѣтствіе употребленію начертаній ѥ и є, указано было мѣсто начертанію ѩ въ началѣ словъ, въ срединѣ и концѣ послѣ гласныхъ, при подъемѣ слѣдующаго слога, между тѣмъ какъ ѧ удержало за собою мѣсто только въ срединѣ и концѣ словъ послѣ согласныхъ. Что такое различіе въ право-

писанiи не было слѣдствiемъ различiя въ произношенiи, доказываютъ встрѣчающiяся иногда погрѣшности противъ приведеннаго общаго правила: ꙗкоже и ѧкоже и проч.; что оно же не было опредѣлено употребленiемъ ꙗ и ѧ въ церковно-славянскомъ правописанiи, также доказываютъ частыя погрѣшности писцовъ противъ послѣдняго: мышлꙗше молѧшеся, болѧромъ вмѣсто мышлѧше молꙗшеся, болꙗромъ; ѿꙗти, ꙗтъ, приꙗти, вм. ѿѧти, ѧтъ, приѧти, в. послѣднѧꙗ дн҃и ѿ землꙗ сеꙗ, изъ области всеꙗ, твоꙗ церкве, на полунощныꙗ страны, припадаꙗ ꙋ ракы събра всѧ сушаꙗ подъ нимъ древодѣлѧ и т. д. Изъ послѣднихъ примѣровъ ясно видно, что употребленiе разсматриваемыхъ начертанiй опредѣлялось однимъ общепринятымъ правиломъ древнѣйшаго правописанiя, соблюдавшимся съ замѣчательною строгостiю и послѣдовательностiю. Такъ въ грамотѣ Мстислава нѣтъ противъ него ни одной погрѣшности: ѿꙗти, ꙗ, геѡргиꙗ, третiꙗго десѧте, пришествиꙗ, сѧ, кнѧжениѥ и т. д.; таже правильность въ послѣсловiяхъ Евангелiй: Остромирова, Мстислава, Евангелiй 1144, 1164 годовъ; то же должно сказать о переводѣ Шестоднева Iоанна екзарха Болгарскаго, о грамотахъ и о другихъ историческихъ памятникахъ, сохранившихся въ подлинникахъ до конца разсматриваемаго перiода. Погрѣшности противъ правильнаго употребленiя начертанiй ꙗ и ѧ весьма рѣдки. Только около половины XVI вѣка начинаетъ входить въ памятники начертанiя *я*, употребленiе котораго постепенно усиливается и въ XVII вѣкѣ становится господствующимъ.

и, i.

Въ древнѣйшемъ русскомъ правописанiи для этого звука существовало собственно одно первое начертанiе, второе было только его сокращенiемъ и помѣщалось обыкновенно въ концѣ строки, по недостатку мѣста. Такое назначенiе начертанiя *i* сохраняло весьма долго, хотя и довольно рано встрѣчаются отступленiя. Еще Калайдовичъ замѣтилъ, что переписчикъ второй половины Новгородскаго пергаминнаго лѣтописца и еще старшаго писецъ Синодальнаго 1144 года Евангелiя весьма часто употребляетъ десятеричное *i* вмѣсто осьмеричнаго *и* и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно никогда не писалось въ прочихъ рукописяхъ древняго словенскаго языка, исключая тѣсноты мѣста при переносѣ въ другую строку. Въ Договорной грамотѣ 1229 года

находимъ *и* и *і*, при чемъ нельзя не замѣтить нѣкоторой последовательности въ употребленіи того или другого начертанія: первое употребляется въ срединѣ и концѣ словъ послѣ согласной, второе — въ началѣ слова всегда, въ срединѣ и концѣ послѣ гласной: Ризкий, ѡбоймъ, Латинескый, на ней, дний, на вьйноу и т. д.; въ томъ же случаѣ *и* сопровождается надстрочнымъ знакомъ и въ спискѣ Русской Правды конца XIII вѣка: огнищнии, конюшии, поверьіны и т. д. Со второй же половины XIII вѣка начертаніе *і* встрѣчается чаще и въ срединѣ слова, а потому только въ это время могла явиться потребность общимъ правиломъ, опредѣлить случаи употребленія обоихъ начертаній. Разсматривая употребленіе *и* и *і* въ памятникахъ XIV и особенно XV вѣка, мы не могли не замѣтить сходства съ современнымъ его употребленіемъ: не имѣетъ ли историческаго основанія существующее теперь правило, полагающее различіе между этими начертаніями? Во всякомъ случаѣ такое сходство весьма замѣчательно, и мы на него укажемъ. Такъ еще въ ярлыкѣ 1313 года читаемъ: орудіи, Божіи, истязанію, на поліихъ, хотя тутъ же находимъ: смертию, всякие и т. д.; въ послѣсловіи книги Іоанна Лѣствичника, писанной полууставомъ въ 1419 году: по блвенію, гна, преѡсвщнаго фѡтиа митрополита кіевьскаго... рукою же послѣна въ діацѣхъ стефана". То же явленіе можно видѣть: въ послѣсловіи толкованія на евангелистовъ Іоанна и Луки, писанномъ діакономъ Печерскаго монастыря Іосифомъ въ 1434 году; въ грамотѣ 1428 года; въ грамотѣ 1434 года, гдѣ нѣтъ ни одной погрѣшности противъ современнаго правила касательно употребленія начертаній *и* и *і*; въ грамотѣ 1449 года и другихъ. Писецъ академич. списка первой Новгородской лѣтописи примѣнялъ правило и къ тому случаю, когда слѣд. слово начинается съ гласной буквы: „представися дмитръ завидовичь посадникъ новогородскіи іоуня ѳ... приведе володимиръ съ мьстиславомъ вся боіаре новогородскіа кыеву и заводі *а* къ чтному кр̃ту и пустї *а* домовь..... и заточї *а* вся".

О, ѡ.

Есть основаніе заключать, что и относительно этихъ начертаній въ древнемъ правописаніи существовало правило, состоящее въ томъ, что *о* употреблялось въ срединѣ и концѣ словъ, между тѣмъ какъ ѡ — въ началѣ словъ и иногда въ име-

нахъ собственныхъ. Такъ въ грамотѣ Мстислава ω находится постоянно въ началѣ слова: поωставегъ, ωбѣдаютъ; въ грамотѣ 1229 года въ наибольшей части случаевъ соблюдается то же правило. ωстанеться, ωбѣ, ωбоимъ; въ Новгородской грамотѣ 1265 года почти постоянно ω въ началѣ: ωц̃я, ωц̃ь, ωсень, ωзвадо, ωбонижаномъ; исключеніе составляетъ только оц̃ь, два раза употребленное; то же и въ Новгородской грамотѣ 1295 года, ωбида, ωлександрѣ, ωтьче, ωдинъ; исключеній нѣтъ. Доказательствомъ существованія высказаннаго правила служитъ и то, что въ Новгородской грамотѣ конца XIII вѣка, а ровно и въ другихъ, вмѣсто ω въ началѣ словъ пишется о̑ постоянно, между тѣмъ какъ въ срединѣ и въ концѣ словъ — обыкновенное о и безъ надстрочныхъ знаковъ; тоже ω въ началѣ находимъ и въ новгородскихъ грамотахъ 1305 и 1327 годовъ; въ Руской Правдѣ по синодальному списку XIII вѣка, напечатанному въ первой части Рускихъ Достопамятностей, ω постоянно въ началѣ словъ; то же должно замѣтить и объ Уставѣ св. Владимира о церковныхъ десятинахъ, сохранившемся въ Номоканонѣ исхода XIII вѣка; объ уставѣ новгородскаго князя Святослава, въ спискѣ конца XIII вѣка; о посланіи м. Іоанна къ Іакову черноризцу и о правилѣ м. Кирилла, напечатанныхъ также въ первой части Рускихъ Достопамятностей изъ рукописи конца XIII в.; о лѣтописи Переяславльской и многихъ другихъ. Изъ всѣхъ этихъ памятниковъ видно, что въ XII и XIII вѣкахъ вообще было принято за правило употреблять начертаніе ω въ началѣ словъ, хотя въ XIII вѣкѣ изрѣдка встрѣчаются отступленія. Впрочемъ, какъ видно, въ другихъ славянскихъ земляхъ, откуда могли заходить къ намъ рукописи, въ это время введены были различныя начертанія для разсматриваемаго звука и между ними полагалось подобное же различіе: по крайней мѣрѣ въ переводѣ Шестоднева Василія Великаго, переписанномъ Ѳеодоромъ Грамматикомъ, сербомъ, въ 1263 году, употреблено шесть начертаній для звука о. Приводя ихъ, Калайдовичъ замѣчаетъ: „послѣднія три начертанія (ω ꙍ ꚙ) преимущественно ставятся въ началѣ словъ, а три первыя въ срединѣ и концѣ оныхъ", что совершенно согласно съ приведеннымъ нами выше заключеніемъ. Рукопись Ѳеодора Грамматика, вмѣстѣ со многими другими, сербскими и болгарскими, вѣроятно, не замедлила появиться въ нашемъ отечествѣ. А что въ Болгарии

въ то же время соблюдалось то же различіе въ разсматриваемыхъ начертаніяхъ, доказываютъ отрывки изъ Богословія Іоанна Дамаскина и изъ предисловія къ нему Іоанна екзарха Болгарскаго, напечатанныхъ Калайдовичемъ по русскому списку начала XII вѣка, переписанному съ болгарскаго. въ этихъ отрывкахъ видно постоянное употребленіе ѡ въ началѣ словъ. Понятно, что правописаніе, принятое въ странахъ, снабжавшихъ насъ рукописями, неизбѣжно должно было отразиться и на русскомъ правописаніи, и потому появленіе въ послѣднемъ двухъ начертаній для звука *о* и указанное ихъ различіе для своего объясненія не представляютъ никакого затрудненія. Преслѣдуя тѣ же начертанія въ памятникахъ слѣдующихъ вѣковъ, мы видимъ, что еще въ XIV в., вмѣстѣ съ соблюденіемъ показаннаго правила, начертаніе ѡ уже измѣнилось въ Ѻ, которое однако, отличаясь своею величиною, шириною и надстрочнымъ знакомъ отъ обыкновеннаго *о*, помѣщавшагося въ срединѣ и концѣ словъ, постоянно продолжало сохранять свое мѣсто въ началѣ словъ. Такъ въ Духовной в. князя Симеона Іоанновича 1353 года постоянно пишется Ѻ; то же видимъ въ грамотѣ Новгородскаго архіепископа Алексѣя 1360—1387; то же — въ грамотѣ Василія Димитріевича 1405 года и другихъ. Въ памятникахъ же XV и XVI вѣковъ находимъ смѣшеніе трехъ начертаній, при чемъ однако ѡ и Ѻ долго еще, хотя и безразлично, продолжаютъ удерживать свое мѣсто въ началѣ словъ. Такъ въ грамотѣ 1428 г. оба начертанія употребляются безразлично въ началѣ словъ и проч. Со второй же половины XV вѣка и въ оффиціальныхъ памятникахъ ѡ проникаетъ въ средину слова, напр. въ грамотѣ 1468 г.: спиридѡвъ, врѡзметь, дворѡвъ, кормѡвъ, довѡдщики: а въ грамотѣ 1564 года почти постоянно ѡ въ срединѣ словъ. Вслѣдствіе такого смѣшенія, каждое изъ приведенныхъ начертаній продолжало существовать, кажется, только для сообщенія разнообразія правописанію. Впрочемъ, при послѣдовавшемъ вскорѣ возстановленіи школьнаго образованія, которому грамматика, конечно, не замедлила предъявить свои права, снова было опредѣлено различіе въ употребленіи начертаній для звука *о*; по крайней мѣрѣ извѣстно, что даже въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ школахъ, при обученіи правописанію, показывали случаи, когда должно употреблять *о* и когда ѡ. Такъ въ старинномъ сочиненіи: „Наука счастливымъ быть", переведенномъ съ нѣ-

мецкаго С. Волчковымъ, сказано: „за что спорить, *ономъ* ли іли ω глаголъ *объявляю* на писме изображать“.

оу, у,

Въ древнѣйшемъ ц.-славянскомъ правописаніи для этого звука существовало только одно начертаніе — *оу*. Его же исключительное употребленіе находимъ и въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ Мстислава, въ грамотѣ 1229 года, во всѣхъ новгородскихъ грамотахъ до половины XIV вѣка, за исключеніемъ одной грамоты 1286 года, въ которой постоянно употребляется *у*, и другихъ, особенно оффиціальныхъ, памятникахъ, въ которыхъ вообще однажды принятое правописаніе труднѣе измѣняется. Въ послѣдующихъ памятникахъ начертаніе *у* употребляется чаще. Такимъ образомъ съ древняго времени въ русскомъ правописаніи получило мѣсто начертаніе *у*, обозначавшее одинъ и тотъ же звукъ. Весьма понятно, что такъ же съ древняго времени явилась и потребность въ правилѣ, которое бы опредѣлило случаи употребленія того и другого начертанія. При этомъ наши древніе грамотеи съ одной стороны, не видя въ своемъ произношеніи оправданія такой двойственности, не могли не находить лишнимъ *о* передъ *у*, съ другой, безъ сомнѣнія, не хотѣли изгнать начертаніе *оу* и тѣмъ отдѣлиться отъ ц.-славянскаго правописанія во всякомъ случаѣ почитавшагося образцовымъ, а потому, удержавъ оба начертанія, одному изъ нихъ *(оу)* опредѣлили мѣсто въ началѣ словъ, а другому *(у)* въ срединѣ и концѣ словъ. Что именно это правило существовало относительно разсматриваемыхъ начертаній, въ этомъ вполнѣ удостовѣряютъ памятники древней нашей письменности, съ тѣмъ только различіемъ, что оффиціальные памятники позднѣе приняли къ себѣ *у*, долго ограничиваясь исключительно однимъ *оу*, между тѣмъ какъ въ неоффиціальныхъ упомянутое различіе существовало съ древнѣйшаго времени. Такъ приведенное правило соблюдается съ замѣчательною строгостію въ древнѣйшемъ житіи Бориса и Глѣба: оутвержаста, оумоленъ, оунъ, оумре, оувѣдѣвъ, оуне, оудерже, оуже и проч.; въ харатейномъ спискѣ судной Ярославской грамоты конца XIII вѣка, правописаніе котораго, по всей вѣроятности, принадлежитъ еще древнѣйшему времени: оубьетъ, оубьенье, оуставиша, оуброковъ, оу кого и проч.; въ древнѣйшемъ спискѣ лѣтописи Не-

стора: оугры, оустье, оученикомь, оумомъ, оумыкаху. оуводы, оу нихъ и проч. Что же касается до оффиціальныхъ памятниковъ, то въ нихъ одно *оу* удерживается до половины XIV ст.; съ этого же времени, и притомъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ, *оу* ставится въ началѣ словъ, а *у* въ срединѣ и концѣ словъ, что продолжается до половины XV ст.; съ половины XV в. *оу* постоянно удерживается въ началѣ словъ, между тѣмъ какъ въ срединѣ и концѣ, рядомъ съ *у*, находимъ ȣ, какъ сокращенное *оу;* съ XVI вѣка ȣ начинаетъ вытѣснять остальныя начертанія и встрѣчается равномѣрно въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ. Въ число начертаній для обозначенія того же звука не могъ не войти и ѫ, который въ эпоху древнѣйшихъ русскихъ памятниковъ уже не отличался особымъ произношеніемъ. Онъ, какъ и должно ожидать, встрѣчается преимущественно въ памятникахъ, списанныхъ съ болгарскихъ подлинниковъ. Не имѣя особаго назначенія въ древне-русскомъ правописаніи, ѫ могъ только затруднять нашихъ писцовъ, въ чемъ и удостовѣряютъ нѣкоторые памятники. Такъ въ харатейной рукописи перевода Іоанна Лѣствичника, принадлежащей XII вѣку и писанной русскимъ правописаніемъ, находимъ юсы, простые и іотированные, перемѣшанные, большею частію, безъ всякаго порядка и правила: иногда писецъ ставилъ его вмѣсто предлога *оу,* иногда замѣнялъ его начертаніемъ *ю:* имющи, сющаго и проч.

Изъ разсмотрѣнія всѣхъ вышеприведенныхъ начертаній можно сдѣлать то общее заключеніе, что XIV столѣтіе въ исторіи нашего языка составляетъ важную эпоху и относительно правописанія.

Лавровскій.

Обученіе грамматикѣ, счисленію и пѣнію.

Древнѣйшая грамматика на славянскомъ языкѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ X вѣку: это „Книга святаго Ивана Дамаскина философскаа о осмихъ частѣхъ словъ“, въ переводѣ Іоанна екзарха Болгарскаго. Какъ ни скудна по своему содержанію эта грамматика, какъ ни рабски держится она греческаго подлинника, тѣмъ не менѣе могла удовлетворять первымъ потребностямъ привести въ порядокъ рѣчь и разложить ее на составныя части. Важно уже то, что указанъ былъ путь

къ такому разложенію: начало сравненія славянскаго языка съ греческимъ не могло остаться безъ послѣдствій, безъ дальнѣйшаго развитія. Обиліе переводовъ съ греческаго языка на славянскій, сохранившихся отъ X и XI вѣковъ, необходимо требовало примѣненія правилъ греческаго языка къ славянскому и должно было обращать вниманіе на различіе того и другого, заставляло отступать отъ перваго въ пользу послѣдняго, при чемъ, конечно, не обошлось безъ распространенія грамматическихъ правилъ. То обстоятельство, что до насъ не дошло, кромѣ указаннаго, ни одного грамматическаго опыта, ничего не доказываетъ, потому что самый поверхностный взглядъ на состояніе просвѣщенія въ Болгаріи въ X вѣкѣ и на характеръ литературной дѣятельности въ ней оправдываетъ полную возможность подобныхъ опытовъ. Какъ объяснить точность и послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ? Объясненіе этого явленія одною смѣтливостію переводчика, или однимъ навыкомъ, безотчетнымъ переложеніемъ разговорнаго языка на письменный прежде всего противорѣчитъ здравому смыслу.

Если же въ Болгаріи была грамматика еще въ X вѣкѣ, если для нея были возможны даже болѣе совершенные опыты, чѣмъ въ какомъ она представляется въ переводѣ Іоанна екзарха Болгарскаго, то грамматика была и у насъ: за справедливость такого заключенія ручаются исторія и характеръ нашей древнѣйшей письменности. Впрочемъ, грамматика даже въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ означенномъ переводѣ, могла входить въ составъ обученія въ древне-русскихъ школахъ, ограничившагося, по всей вѣроятности, сообщеніемъ самыхъ элементарныхъ знаній. До насъ дошла отъ XVII вѣка весьма замѣчательная рукопись, въ которой ясно показано, какія части грамматики сообщали въ старину дѣтямъ, только что окончившимъ азбуку; изъ нея видно, что имъ сообщали только *первое основаніе и подошва хитрости граматичной*, которая въ свою очередь есть *основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ*. Вотъ полное заглавіе этой рукописи: „Книга, глаголемая Аданатосъ, въ ней же бесѣдуетъ о осми частѣхъ и вѣщанія, сирѣчь о имяни, о проимяни, о словѣ, о предлозѣ слова, о причастіи слова и имяни, о союзѣ, о представленіи и о различіи, *еже учатъ ученици новоначалныи*

послѣ азбукы: занеже то есть основаніе первое и подошва хитрости грамотичной, а грамотикія есть основаніе и подошва всѣмъ свободнымъ хитростемъ". Всякій видитъ, въ чемъ состояло основаніе грамотичной хитрости. Такое основаніе могло быть сообщаемо *новоначальнымъ* ученикамъ и въ древне-русскихъ училищахъ.

Счисленіе могло быть предметомъ обученія въ древнихъ русскихъ училищахъ въ элементарномъ его значеніи, какъ сообщеніе практическаго умѣнья вести счетъ. Доказательствомъ можетъ служить и то, что до сихъ поръ въ азбукахъ помѣщается нумерація, какъ она помѣщалась и въ азбукахъ первой половины XVII вѣка, какъ это видно изъ прописи 1643 года; такъ, безъ сомнѣнія, было и въ древнѣйшее время. Ариѳметика же, въ полномъ своемъ средневѣковомъ составѣ, какъ составная часть семи свободныхъ искуствъ, принадлежала высшимъ школамъ, и на нее-то, конечно, наши предки смотрѣли съ такимъ глубокимъ уваженіемъ. Такъ Кирикъ счисленіе часовъ отъ Адама до его времени (до 1136 года) почитаетъ до того труднымъ, что постиженіе его признаетъ доступнымъ только немногимъ: „да еще которіи *промыслы* хотять и сему навыкнути или *числолюбци* и *ритори*, да вѣдаетъ" и т. д.; такъ Кириллъ Туровскій *недовѣдомомъ числомъ съчтанья* почитаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній *душевнаго дома*, составляющихъ, по его выраженію, то *спасеное жито.... еже уготова Богъ любящимъ Его.* И это „съчтанье недовѣдомомъ числомъ", думаетъ Кириллъ, есть плодъ кротости, „еже есть всему добру мати"; этимъ онъ хотѣлъ, конечно, сказать, что столь высокое знаніе способно внушить самонадѣянность, гордость, *мать всякой злобы.* Счисленіе же, въ буквальномъ смыслѣ, на Западѣ составляло столь существенную часть первоначальнаго обученія, что самые учители назывались иногда calculones или calculatores: „calculones sunt grammatistae, говоритъ Дюканжъ, prima elementa docentes". Обязанность тщательнаго обученія счисленію въ византійскихъ и западныхъ школахъ предписывалась даже постановленіями соборовъ.

Въ доказательство же того, что и у насъ искуство счисленія, а можетъ быть и первыя ариѳметическія дѣйствія, были извѣстны и составляли предметъ особеннаго знанія, мы укажемъ на Кириково *ученіе, имже вѣдати человѣку числа*

всѣхъ лѣтъ, на основаніи котораго, по нашему мнѣнію, можно вывести нѣкоторыя заключенія относительно древнѣйшаго русскаго счисленія.

Во-первыхъ, оно показываетъ, что въ началѣ XII вѣка, а слѣдов. и ранѣе, у насъ была своя нумерація, были особыя наименованія для каждаго, извѣстнаго тогда, порядка цыфръ, въ употребленіи которыхъ (наименованій) Кирикъ, повидимому, нимало не затруднялся. Встрѣчающіяся ошибки въ его вычисленіяхъ, состоящія, большею частію, въ пропускѣ одной или двухъ численныхъ буквъ въ срединѣ, между тѣмъ какъ начальныя и конечныя буквы вѣрны, безъ сомнѣнія, принадлежатъ позднѣйшимъ переписчикамъ. Нумерація Кирика, насколько она ему была нужна для его вычисленій, простирается до десятковъ милліоновъ; должно полагать, что она простирается и болѣе, такъ же съ опредѣленными наименованіями. Приведемъ здѣсь *испытаніе часовное* Кирика, изъ котораго можно вывести термины древне-русской нумераціи: „испытаніе часовное да есть отъ Адама въ толицѣ же числѣ лѣтъ часовъ с (200) *невѣдіи* и ч (90) невѣдіи и *а* (1) (к) ҂ к҃ часа, кромѣ нощій". Если принять за вѣрное, что десятки тысячъ въ древнее время обозначались словомъ *тма*, то изъ приведенной статьи Кирика видно, что три цыфры, слѣдующія за десятками тысячъ съ лѣвой стороны, обозначались словомъ *невѣдіи*. Не означался ли послѣднимъ цѣлый порядокъ цыфръ, слѣдовавшій за *тмою*, до тысячи милліоновъ включительно, за которымъ слѣдовалъ другой такого же объема порядокъ, съ особымъ наименованіемъ, сохранившимся въ драгоцѣнномъ счисленіи Кирика, потому что до него не доходило дѣло? Если это справедливо, то наши свѣдѣнія относительно матеріала обученія, обращавшагося у насъ въ древнѣйшую пору, обогащаются убѣжденіемъ въ существованіи особаго, своеобразнаго счисленія, состоявшаго въ томъ, что за *тмою* слѣдовало до неизвѣстнаго намъ предѣла порядки цыфръ, числомъ по пяти, каждый съ особымъ наименованіемъ.

Во-вторыхъ, на основаніи той же статьи, можно, кажется, допустить предположеніе, что Кирикъ получалъ свои произведенія посредствомъ *умноженія*, а не простыми приложеніями, *безъ ариѳметики*, какъ утверждаетъ г. Хавскій. При всемъ вниманіи къ словамъ Кирика: „по малу бо съзидается градъ и велій бываетъ: тако и вѣданіе по малу на много приходитъ",

должно сказать, что счисленіе часовъ въ 6644 годахъ, отъ Адама до 1136 года, посредствомъ сложенія, трудъ неимовѣрный. То же должно сказать относительно *дѣленія*, на основаніи 6-й статьи счисленія Кирика: „егда же хощеши увѣдати которое лѣто индикта, разложи всѣ лѣта отъ зачала твари міра сего по еі, да что ти ся избудетъ послѣдняго круга, то-есть лѣто индиктка, аще первое, то первое"; посредствомъ этого *разложенія*, вѣроятно, равнаго *дѣленію*, Кирикъ вѣрно получилъ частное 442 и остатокъ (что ти ся избудетъ) 14. Еще яснѣе видно употребленіе дѣленія изъ 7-й статьи, въ которой вычисляется число круговъ солнечныхъ отъ с. м. до 1136 года: „разочти вся лѣта отъ зачала міру по кн, да которое избудетъ мене кй, то той дръжи": не говорится ли здѣсь объ остаткѣ менѣе 28, полученномъ отъ дѣленія? Вѣроятно, посредствомъ же дѣленія Кирикъ получилъ число круговъ лунныхъ, раздѣленіемъ 6644 на 19, періоды поновленія неба, раздѣленіемъ того же числа на 80, земли — на 40, моря — на 60, водъ на — 70, число високосныхъ лѣтъ — на 4, великихъ круговъ — на 532. Особенно затруднительно было дѣленіе при вычисленіи недѣль отъ Адама до 1136 года, потому что при этомъ должно было отдѣлить годы високосные отъ невисокосныхъ, получить сумму дней и тѣхъ и другихъ и, наконецъ, раздѣлить ее на 7. Хотя итогъ (346.674), подставленный м. Евгеніемъ, и опущенъ въ рукописи, однако нельзя сомнѣваться, что онъ былъ извѣстенъ Кирику.

Въ-третьихъ, изъ статьи Кирика видимъ, что въ его время *вѣкъ* заключалъ въ себѣ 1000 лѣтъ, а не сто: „отъ Адама до сего времени минуло есть вѣковъ ѕ҃, а седьмаго вѣка минуло лѣтъ хмд (644); *тысящь бо лѣтъ вѣкъ есть единъ*".

Такія свѣдѣнія, конечно, заимствованы были преимущественно изъ Византіи, гдѣ были издавна въ употребленіи церковныя таблицы и извѣстенъ былъ способъ ихъ составленія, хотя нельзя не замѣтить, что всѣ приведенныя выше наименованія русскаго происхожденія. Что значеніе счисленія въ XII вѣкѣ было точнѣе, чѣмъ въ періодѣ ига монгольскаго и позднѣе, видно изъ того, что въ XV вѣкѣ, при составленіи Геннадіемъ пасхальнаго круга, не знали объ извѣстномъ Кирику великомъ кругѣ, совершающемся въ 532 года.

Не подлежитъ сомнѣнію мысль, что со времени водворенія у насъ христіанства, установлено было болѣе или менѣе правильное обученіе церковному пѣнію, что послѣднее, по крайней мѣрѣ, преимущественно, должно было совершаться въ устроенныхъ тогда училищахъ. Въ этомъ удостовѣряетъ прежде всего приведенное выше свидѣтельство отцовъ Собора 1551 года, что въ древнѣйшихъ нашихъ училищахъ „грамотѣ и писать и пѣть и читать учили"; въ этомъ же удостовѣряютъ и другія извѣстія, кромѣ упомянутыхъ. Такъ еще въ XI вѣкѣ въ лѣтописи упоминается о званіи демественника, который, какъ извѣстно, былъ уставщикомъ пѣнія: преемникъ препод. Феодосія былъ *деместникъ;* Несторъ упоминаетъо дворѣ какого-то доместика: „бѣ внѣ града другій дворъ, идѣже есть дворъ доместиковъ, за святою Богородицею надъ горою, дворъ теремный"; извѣстно также, что Кирикъ „иже вопраша епископа Ноугородьскаго Нифонта и инѣхъ" и который написалъ „ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ", въ послѣсловіи послѣдняго сочиненія называетъ себя *грѣшнымъ и худымъ калугеромъ Антоновскимъ* (Новгородскаго Антоніева монастыря) *Кирикомъ діакономъ доместикомъ церкви святыя Богородица.* Въ древнѣйшемъ Житіи Бориса и Глѣба, по языку принадлежащемъ вѣку Нестора, сказано: „архіепископъ же... постави попы и діаконы (въ церкви св. Мучениковъ) и *повелѣ имъ пѣти... и постави имъ старѣйшину*". Дочь Всеволода Ярославича, Янка, постригшись въ монастырѣ при церкви св. Андрея, собрала къ себѣ дѣвицъ и нѣколико обучала ихъ писанію, тако жъ ремесламъ, *пѣнію,* швенію и инымъ полезнымъ ихъ ремесламъ". Такъ было и въ остальное время разсматриваемаго періода. При чтеніи памятниковъ древнѣйшей нашей письменности, нельзя не замѣтить особенной любви нашихъ предковъ къ церковному; авторъ „Замѣчаній для исторіи русскаго церковнаго пѣнія" даже утверждаетъ, что на эту отрасль занятій едва ли имѣло сильное вліяніе самое господство татаръ; по крайней мѣрѣ сохранившіяся въ большомъ количествѣ нотныя рукописи могутъ служить достаточнымъ тому подтвержденіемъ. Есть свидѣтельства, что иногда и народъ принималъ участіе въ пѣніи. Такъ, при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба въ 1072 году, когда остановилась рака, повелѣли народу пѣть: „Господи помилуй"; авторъ Степенной книги по этому случаю выра-

кается такъ: „аки изъ пчелъ исхожаше глась: „Господи милуй“. Можно съ увѣренностію полагать, что не только приготовлявшіеся къ духовному званію, но и лица свѣтскія, даже самые князья обучались церковному пѣнію; по крайней мѣрѣ лѣтописи часто говорятъ о пѣніи князей. Вспомнимъ о св. Глѣбѣ, который пѣлъ псалмы предъ кончиною; при описаніи похода 1111 года противъ половцевъ, лѣтописецъ говоритъ: „и князь Володимиръ приставп попы свои, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и кондаки хреста честнаго и канунъ святой Богородицы“; объ Игорѣ Ольговичѣ Татищевъ говоритъ: „читатель книгъ и *во пѣніи церковномъ ученъ*“; по случаю обращенія въ бѣгство половцевъ, м. Константинъ съ в. княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ „благодарственныя пѣсни велегласно воспѣвше съ великою радостію, глаголюще: поимъ Господеви“ и проч.; Михаилъ Ярославичъ, князь Тверской, мучимый татарами, пѣлъ псалмы; лѣтописецъ, описывая кончину князя Димитрія Краснаго (1440), говоритъ: „потомъ же наче пѣти демественомъ: Господа пойте..... а пояше, очи смеживъ, а тѣло на немъ якоже у живаго“. И эта любовь русскихъ князей къ церковному пѣнію сохранилась до послѣдняго времени. Такъ мы знаемъ, что царь Алексѣй Михайловичъ любилъ пѣніе, постоянно заботился объ устройствѣ хора и всегда имѣлъ при себѣ пѣвчихъ. Распространеніе пѣнія между людьми свѣтскими и самими князьями объясняется высокимъ положеніемъ духовенства, его обширнымъ нравственнымъ вліяніемъ и глубоко религіознымъ характеромъ, господствовавшимъ въ древнее время. Не только бѣлое духовенство, но и монахи связаны были тѣснѣйшими узами съ мирянами и находились въ постоянномъ взаимодѣйствіи. Нельзя не замѣтить и того, что наши князья, и, безъ сомнѣнія, по ихъ примѣру, и бояре, даже свои домашнія собранія старались украсить присутствіемъ лицъ духовныхъ. Это обстоятельство для насъ важно въ настоящемъ случаѣ: оно сильно говоритъ въ пользу того мнѣнія, что церковное пѣніе было въ употребленіи и въ собраніяхъ подобнаго рода. Лѣтописцы часто упоминаютъ о присутствіи духовныхъ лицъ на празднествахъ князей. Такъ преподобный Ѳеодосій былъ на пиршествѣ Святослава, хотя и не принималъ въ немъ участія; такъ послѣ перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба „обѣдаша братья на скупь, кождо съ бояры своими, съ любовію великою“;

князья даже призывали къ себѣ монаховъ на обѣдъ въ опредѣленные дни недѣли, что почиталось особенною добродѣтелью.

Такимъ образомъ было у насъ пѣніе, были свои пѣвчіе, были свои домественники, уставщики пѣнія, были даже свои пѣснотворцы, слагатели духовныхъ пѣсенъ еще въ XI вѣкѣ. Кто же обучалъ пѣнію, въ чемъ состояло и гдѣ совершалось самое обученіе? Касательно первой части вопроса можно вполнѣ положиться на авторитетъ нашего ученаго архипастыря, который утверждаетъ, что учителями пѣнія или демественниками въ древнѣйшую пору были у насъ болгарскіе пѣвцы; кромѣ прямыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, въ этомъ удостовѣряетъ и то, что доселѣ у насъ извѣстенъ напѣвъ болгарскій. Обучали *единогласному* пѣнію, безъ тактовъ, рѣдко восходившему далѣе трехъ нотъ; вскорѣ однако появилось *демественное* пѣніе, также единогласное, но съ припѣваніемъ другихъ пѣвчихъ въ одинъ тонъ; въ XI же вѣкѣ перешло къ намъ и *многогласное, симфоническое* пѣніе. Отсюда видно, что первоначальное пѣніе отличалось простотою и однообразіемъ и впослѣдствіи постепенно становилось труднѣе и многосложнѣе. Что же касается до вопроса, гдѣ происходило обученіе пѣнію, то должно полагать, что въ древнѣйшее время, когда заботливостію князей и митрополитовъ немедленно устроены были училища и когда былъ недостатокъ въ наставникахъ этого рода, обученіе пѣнію, безъ сомнѣнія, сосредоточивалось въ училищахъ: только здѣсь незначительное число наставниковъ могло въ непродолжительное время сообщить болѣе или менѣе обширные размѣры своей образовательной дѣятельности; только здѣсь они могли скоро приготовить значительное число учениковъ для занятія многихъ и различныхъ церковныхъ должностей, что и составляло въ первое время настоятельную потребность возникшей русской церкви. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ и приведенное выше свидѣтельство, что въ древнѣйшее время обученіе пѣнію совершалось именно въ училищахъ; въ этомъ же удостовѣряютъ и извѣстія о западныхъ школахъ вообще и славянскихъ въ особенности. На Западѣ были даже особыя школы для пѣнія, о которыхъ упоминается еще въ VI вѣкѣ. Пипинъ и Карлъ Великій особенно заботились объ установленіи правильнаго пѣнія въ своемъ государствѣ. Послѣдній, по совѣту папы, постоянно держалъ въ Римѣ двоихъ клириковъ для изученія римскаго на-

пѣва и для обученія ему во Франціи, но, не ограничиваясь частными распоряженіями въ этомъ отношеніи, онъ повелѣлъ каждому епископу въ своей епархіи учредить школы для пѣнія въ удобныхъ мѣстахъ. Въ славянскихъ же школахъ, какъ говоритъ Мацѣевскій, „наиболѣе *учили юношество пѣть псалмы и другія набожныя пѣсни*“; такъ св. Вячеславъ и Войтѣхъ, первый въ Будцѣ, другой въ Дѣвинѣ (Magdeburg), *учились пѣть псалмы Давида*, о чемъ свидѣтельствуютъ легенды, описывающія жизнь этихъ святыхъ мужей; впослѣдствіи, по словамъ Козьмы, были посылаемы въ монастыри королевскія дочери, чтобы научиться тамъ *пѣть псалмы*.

Иго монгольское, сильно поколебавшее наши училища, ослабившее все первоначальное обученіе, конечно, вредно дѣйствовало и на обученіе пѣнію, а потому и послѣднее, какъ и другіе предметы, въ періодъ господства монголовъ, могло перейти въ область частнаго обученія, сдѣлаться предметомъ занятій отдѣльныхъ лицъ. Такъ мы понимаемъ дошедшее до насъ извѣстіе сочинителя статьи: „откуда и отъ коего времени начася быти въ нашей Рустѣй земли осмогласное пѣніе, и отъ коего времени, и отъ кого пошло на оба лика пѣти въ церкви“. Изъ этой статьи мы видимъ, что въ XVI вѣкѣ обученіемъ пѣнію занимались особые мастера *пѣти зѣло горазные, распѣвщики* (т.-е. перелагавшіе на ноты уже готовыя пѣсни) и *творцы* (т.-е. сочинители самыхъ пѣсней съ нотами), которые смотрѣли на свое занятіе какъ на ремесло, ходили по городамъ, собирали къ себѣ и обучали пѣнію учениковъ. Послѣдніе, достаточно научившись тогдашнему церковному пѣнію, сами, въ свою очередь, становились учителями и передавали свое искусство слѣдующему поколѣнію. Такъ сохранялась преемственность занятій этого рода.

Лавровскій.

Способъ обученія и школьная дисциплина.

Не много сохранилось извѣстій, объясняющихъ и способъ древняго первоначальнаго обученія. Въ разсмотрѣнномъ выше со стороны дисциплины мѣстѣ Степен. книги въ настоящемъ случаѣ важно слѣд. выраженіе: „прилѣжно и часто послушивати и наказывати ихъ; предавати же комуждо ихъ урокъ ученія съ разсужденіемъ, противу коегождо силы со ослабле-

ніемъ". Изъ него видно, что митрополитъ предписывалъ a) частыя повторенія и b) умѣренные уроки, соотвѣтственно силамъ каждаго ученика. Первое обстоятельство не требуетъ поясненія, потому что частыя повторенія всегда и вездѣ составляли одно изъ главнѣйшихъ условій первоначальнаго обученія. Изъ втораго же правила можно, кажется заключить, что въ устроенныхъ въ концѣ X вѣка училищахъ не былъ назначаемъ одинъ общій урокъ для всѣхъ учениковъ безъ изъятія, но для каждаго отдѣльно, согласно съ его силами и способностями. Это извѣстіе для насъ важно какъ потому, что указываетъ хотя на одну черту, нѣсколько объясняющую самый процессъ обученія, чѣмъ такъ скудны всѣ наши историческіе памятники, такъ и потому, что оно, думаемъ, даетъ намъ право сдѣлать слѣдующія предположенія: или въ древнѣйшихъ русскихъ училищахъ вообще не было правильнаго раздѣленія на классы: въ противномъ случаѣ не могло бы быть препятствія уравнять учениковъ такъ, чтобы возможны были общіе уроки, что составляетъ необходимую потребность и для облегченія наставниковъ, и для скорѣйшаго и правильнѣйшаго сообщенія знаній; или причина такого правила заключается въ весьма незначительномъ числѣ учениковъ, при которомъ возможно было такое вникаліе въ силы и способности каждаго ученика, что, впрочемъ, невѣроятно, потому что одно Новгородское училище, при самомъ началѣ его устройства, имѣло 300 учениковъ; или, наконецъ, это правило относилось только къ первому времени, когда всѣ собранныя дѣти составляли одно только отдѣленіе. Чтобы не показалось кому-либо страннымъ, что мы говоримъ о раздѣленіи на классы въ нашихъ школахъ, мы напомнимъ, что есть положительныя свидѣтельства о существованіи такого раздѣленія на Западѣ и въ Византіи. Приведемъ здѣсь одно только мѣсто: „in literario ludo, ubi pueri prima articulatae vocis elementa suscipiunt, alii quidem *Abecedarii*, alii *Syllabarii*, quidam vero *Nominarii*, nonnulli etiam *calculatores* appellantur: et haec nomina cum audimus, ex ipsis continuo, qui sit in pueris profectus, agnoscimus". Отсюда ясно видно, что въ элементарныхъ школахъ ученики раздѣлялись на классы, смотря по успѣхамъ; самые классы имѣли такія названія, которыя опредѣляли занятія ученика и слѣдовательно его успѣхъ: въ одномъ изъ нихъ, конечно, обучали азбукѣ, то-есть отдѣльнымъ буквамъ, въ дру-

томъ — слогамъ, въ третьемъ — названіямъ предметовъ, и, наконецъ, нѣкоторые обучались счисленію, видно также, что дѣленіе было довольно мелкое, такъ что первый классъ нынѣшнихъ элементарныхъ школъ обнимаетъ, по крайней мѣрѣ, три первые отдѣла. Вообще распредѣленіе учащихся по успѣхамъ на отдѣлы такъ естественно, такъ необходимо въ каждой школѣ, что безъ особыхъ доказательствъ нельзя не допустить того же и въ древне-русскихъ училищахъ, по крайней мѣрѣ, въ то время, когда они, послѣ продолжительнаго существованія, получили болѣе правильное устройство. Въ житіи Петра митрополита находимъ извѣстіе, указывающее, повидимому, на способъ обученія письму, сходный съ нынѣшнимъ и состоящій въ томъ, что учитель писалъ буквы, а ученикъ копировалъ ихъ: „отъ того убо часа *елико написоваше ему учитель его, малымъ проученіемъ изучеваше*". Впрочемъ это мѣсто можетъ имѣть и другой смыслъ и тогда оно заключало бы въ себѣ еще большую важность: оно можетъ означать употребительный тогда способъ сообщенія знаній ученику и состоявшій въ томъ, что учитель предварительно записывалъ назначаемый урокъ и по этимъ запискамъ ученикъ его заучивалъ; при отсутствіи книгъ, такой способъ былъ единственно-возможнымъ, и онъ употреблялся во всей Европѣ не только въ первоначальномъ обученіи, но и въ дѣлѣ высшаго образованія. Все видоизмѣненіе его могло состоять въ томъ, что въ общественномъ обученіи, въ школахъ, наставникъ обыкновенно диктовалъ, а ученики записывали, въ частномъ обученіи учитель иногда могъ принимать на себя обязанность записывать предварительно, оставляя ученику одинъ трудъ заучиванья, что кажется, и должно разумѣть въ приведенномъ мѣстѣ житія; при этомъ, конечно, объяснялось учителемъ содержаніе урока. Такъ наставникъ Константина Багрянороднаго, архіепископъ болгарскій Ѳеофилактъ, говоритъ о своемъ ученикѣ: „cum tu videlicet recitate e libro actione sententiave memorabili cujuspiam veterum, praecurres me magistrum discipulus, *nec exspectata enarratione mea*, facinoris aut apophtegmatis vim intiman volatu mentis praevertens raperes. Вотъ все, что мы могли извлечь замѣчательнаго изъ всѣхъ извѣстій историческихъ касательно способа первоначальнаго обученія въ древней Руси.

Весьма мало сохранилось извѣстій о дисциплинѣ, господствовавшей въ древне-русскихъ училищахъ. Почти все, что намъ извѣстно въ этомъ отношеніи, заключается въ замѣчательномъ наставленіи, даннымъ митрополитомъ Михаиломъ наставникамъ первоустроенныхъ школъ. Приведемъ здѣсь его наставленіе, какъ оно выражено въ Степенной книгѣ: „Богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михалъ призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учити юныя дѣти, якоже словесемъ книжнаго разума, такожде и благонравію, и въ правдѣ и любви, и зачялу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиреномудрію: *учити жъ ихъ не яростію, ни жестокостью, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ проученіемъ, и ласковымъ разсужденіемъ, противу коегождо силы, и со ослабленіемъ, да не унывають*, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня на пользу души же и тѣлу; отъ безумныхъ же и неподобныхъ словесь всячески ошаятися". Въ Никоновой лѣтописи сокращенно упоминается о томъ же наставленіи митрополита; въ Переяславльской лѣтописи сказано только: „симъ же раздаяномъ на ученіе книжное и *навыкаху скоро по Божію строю*". Въ дѣйствительности разсказа Степенной книги, по крайней мѣрѣ, въ его главныхъ чертахъ, нѣтъ основанія сомнѣваться, то есть, въ томъ, что митрополитъ призывалъ себѣ учителей, чтобы указать имъ на ихъ обязанность и на общія правила, которыми они должны руководствоваться въ своемъ дѣлѣ: въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, а наоборотъ, выдумать такое событіе было бы крайнею и вовсе невѣроятною смѣлостью въ обращеніи съ историческими фактами. Что авторъ Степенной книги могъ нѣсколько распространить его, это возможно; къ такому распространенію могутъ относиться повторенія о кротости обращенія, о внушеніи нравственныхъ правилъ, между тѣмъ какъ самый фактъ, по нашему мнѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Изъ него мы позволяемъ себѣ извлечь слѣд. соображенія: 1) Вся училищная дисциплина была основана на евангельской кротости и любви съ положительнымъ запрещеніемъ дѣйствовать строгими мѣрами, *яростію*. Это обстоятельство для насъ имѣетъ важность не только потому, что показываетъ духъ, господствовавшій въ древнихъ русскихъ училищахъ, но и потому, что оно рѣзко отличаетъ послѣднія отъ

школъ монастырскихъ, существовавшихъ въ то же время на Западѣ, гдѣ самое слово дисциплина у монаховъ называлась flagellatio, interdum virgae ipsae, quibus flagellantur, гдѣ virga и scutica, перешедшія по преданію изъ римскихъ школъ, были неизмѣннымъ условіемъ обученія. Сколь важнымъ почиталъ митрополитъ такое обращеніе съ дѣтьми, видно изъ того, что онъ съ особенною силою останавливается на необходимости любви и кротости, для чего Степенная книга употребляетъ нѣсколько синонимическихъ выраженій; онъ понималъ, какъ тяжела должна быть строгая дисциплина для дѣтей, въ первый разъ подвергавшихся болѣе или менѣе методическому процессу школьнаго обученія, воспитывавшихся въ патріархальныхъ нравахъ, не допускавшихъ никакого стѣсненія свободы; онъ понималъ, что кротость и любовь въ обращеніи могли скорѣе всего ослабить тягостное впечатлѣніе, неизбѣжно испытываемое при началѣ обученія дѣтьми, не понимающими ни его значенія, ни цѣли, могли облегчить самый трудъ обученія и сообщить болѣе благопріятное понятіе о школахъ. Вотъ почему митрополитъ Михаилъ въ своихъ наставленіяхъ учителямъ всѣми силами старается облегчить учащихся, велитъ учить ихъ съ *ослабленіемъ* и два раза повторяетъ, чтобы они *не унывали*; вотъ почему ростовскій епископъ Леонтій также кротко обращался съ дѣтьми: „младенцы ко церкви призываше и сладостно кутіею кормляше". Наконецъ митрополитъ понималъ, что такая дисциплина, вполнѣ согласная съ евангельскимъ ученіемъ, могла примирить самихъ родителей со школами и побудить ихъ охотнѣе отдавать дѣтей въ обученіе. Это тѣмъ болѣе было необходимо, что родители столь же мало, повидимому, понимали значеніе и цѣль училищъ, какъ и ихъ дѣти: „матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, говоритъ лѣтописецъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, *но акы по мертвеци плакахуся*"; а въ Ростовѣ даже жизнь епископа Леонтія находилась въ опасности отъ родителей тѣхъ дѣтей, которыхъ, по его распоряженію, собирали къ церквамъ для обученія: „родителіе же ихъ, вземше различная оружія и устремишася не токмо изгнати св. Леонтія, но и убити хотяху". И безъ сомнѣнія, не скоро уничтожилось это предубѣжденіе противъ школъ у родителей, преимущественно въ низшемъ сословіи; безъ сомнѣнія, много нужно было времени и усилій со стороны духовенства, чтобы родители сами начали отдавать

дѣтей въ обученіе, чтобы они считали послѣднее непремѣнною потребностію для своихъ дѣтей: по крайней мѣрѣ много нужно было времени, чтобы въ историческихъ памятникахъ могли найти себѣ мѣсто выраженія въ родѣ слѣдующихъ: „седьмаго лѣта возраста достигшу, вданъ бываетъ родителема книгамъ учитися", или „таже времени приспѣвшу, и книжному ученію вданъ бываетъ" и проч. Впрочемъ, должно полагать, что такой благопріятный оборотъ совершался гораздо ранѣе, особенно въ высшемъ сословіи, не говоря уже о княжескихъ семействахъ где мы видѣли прекрасные примѣры добровольнаго и ревностнаго обученія грамотѣ еще въ XI вѣкѣ и гдѣ въ томъ же вѣкѣ явились люди съ весьма замѣчательнымъ образованіемъ для своего времени. 2) Изъ приведеннаго мѣста Степенной книги видно также, что первоначальныя наши училища, по всей вѣроятности, и возникавшія впослѣдствіи, не имѣли исключительною цѣлію образованіе умственныхъ способностей, обученіе одной грамотѣ, но вмѣстѣ внушеніе и установленіе началъ нравственности, на основаніи ученія вѣры: митрополитъ Михаилъ повелѣвалъ учить не только *словесемъ книжнаго ученія*, а и *благонравію, правдѣ и любви, и зачалу премудрости, страху Божію, чистотѣ и смиренномудрію*, повелѣвалъ предлагать имъ *ученіе отъ закона Господня на пользу души и тѣлу*. Отсюда, кажется, можно заключить, что училища наши имѣли не просто учебный, но *учебно-воспитательный* характеръ. Такая цѣль совершенно согласна съ высокою цѣлію духовенства — приготовить не столько людей, образованныхъ мірскими знаніями, сколько *образованныхъ христіанъ*, готовыхъ на служеніе Церкви и на дальнѣйшее распространеніе образованія въ томъ же духѣ: училища были устроены не столько въ видахъ свѣтскаго образованія, сколько въ видахъ христіанскаго просвѣщенія, такъ что они разсматривались какъ непосредственныя опоры Церкви; потому что митрополитъ указываетъ болѣе на необходимость внушенія нравственныхъ убѣжденій, чѣмъ на словеса книжнаго ученія. Эта мысль объ учебно-воспитательномъ характерѣ первоначальныхъ русскихъ училищъ могла бы, по нашему мнѣнію, вести къ другой мысли: не содержались ли дѣти во все время обученія неотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ, устроенныхъ при церквахъ? Такая мысль намъ кажется весьма достойною вѣроятія. Въ ея пользу говоритъ а) то обстоятельство, что только при такомъ содержаніи возможно

выполненіе условій, какія предписываетъ учителямъ митрополитъ Михаилъ. Если въ настоящее время, съ цѣлію предохранить отъ искушеній, къ которымъ такъ часто представляетъ поводъ обыкновенное домашнее воспитаніе и къ которымъ такъ склоненъ дѣтскій возрастъ, отдѣляютъ дѣтей отъ остальнаго общества на продолжительное время, конечно, не столько для образованія ума, сколько для сохраненія нравственной чистоты, то какъ необходимо должно быть такое распоряженіе въ эпоху первоначальнаго утвержденія христіанства. Какъ можно было поручиться за дѣйствительность и прочность внушеній и убѣжденій наставниковъ, когда дѣти, по окончаніи ученія, возвращались бы къ своимъ родителямъ, изъ которыхъ большая часть, вѣроятно, была предана еще язычеству, крещена только по формѣ и враждебно смотрѣла на школы: изъ двухъ враждебныхъ другъ другу и противоположныхъ вліяній можно было ожидать только перевѣса домашняго вліянія, что, конечно, не составляло цѣли нашего духовенства и что такъ прямо и рѣшительно противорѣчитъ быстрымъ успѣхамъ училищнаго образованія, засвидѣтельствованнымъ историческими памятниками: „и тако благодатію Божіею елицы научишася грамотѣ, *отъ нихъ же бысть множество премудрыхъ философовъ*". Да, если когда, то именно въ эпоху первоначальнаго утвержденія христіанства необходимо было „произвести сперва способомъ воспитанія, такъ сказать, *новую породу* или *новыхъ отцовъ и матерей*, которые бъ дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали бъ паки своимъ дѣтямъ, и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки". b) Въ пользу той же мысли говоритъ и сильное сопротивленіе родителей, не совсѣмъ естественное въ томъ случаѣ, когда бы они разлучались съ своими дѣтьми на нѣсколько часовъ; но они плакали по нихъ *аки по мертвецы*, безъ сомнѣнія, потому, что разлучались съ ними на долгое, неопредѣленное время, можетъ быть, безъ надежды на безпрепятственное свиданіе, потому, что они почитали ихъ оторванными отъ себя, погибшими, *умершими* для себя. c) То же подтверждаютъ и выраженія лѣтописи: „*поимати* у нарочитыхъ людей; *взимати* младыя дѣти", — выраженія сильныя, указывающія на рѣшительное отдѣленіе дѣтей отъ родителей. d) Наконецъ въ пользу той же мысли говоритъ и способъ, какимъ производилъ обученіе Леон-

тій, епископъ ростовскій, который собиралъ дѣтей къ церквамъ и сладостно кормилъ ихъ кутьею. Такое распоряженіе особенно необходимо было на первое время, и притомъ могло относиться только къ училищамъ въ теснѣйшемъ смыслѣ, такъ что совершавшееся, по всей вѣроятности, въ то же время частное обученіе, также при церквахъ и также подъ руководствомъ *священниковъ со причетники*, могло ограничиваться посѣщеніемъ дѣтей мѣстъ обученія въ опредѣленное время. Впослѣдствіи же, когда христіанство пустило уже глубоко корни на почвѣ русской и когда нравственность дѣтей въ семействѣ менѣе подвергалась опасности, и училищное обученіе могло ограничиваться тѣми же мѣрами. Если справедлива наша мысль, то мы пріобрѣтаемъ новый важный фактъ въ исторіи древне-русскаго школьнаго образованія. 3) Наконецъ замѣтимъ, что Степенная книга упоминаетъ только *о юныхъ дѣтяхъ*, которыхъ отбирали отъ родителей въ училища, и потому подтверждаетъ мысль, что послѣднія были устроены именно *для первоначальнаго обученія*, хотя таже мысль достаточно подтверждается и однимъ словомъ — дѣти, употребленнымъ лѣтописцемъ.

При всей справедливости заключенія, на основаніи приведеннаго мѣста Степенной книги, что дисциплина въ древне-русскихъ училищахъ основана была на началѣ любви и кротости, нельзя однако безусловно отрицать и употребленіе мѣръ строгихъ, когда и *любовный обычай*, и *сладкое поученіе*, и *ласковое утѣшеніе* не достигли своей цѣли, что вседа возможно и понятно каждому, знакомому съ труднымъ дѣломъ первоначальнаго обученія. Безусловное и исключительное примѣненіе началъ кротости невозможно и по рѣзкому различію способностей, прилежанія и нравственности учениковъ, и по различію въ характерѣ самихъ наставниковъ, и по духу того времени, не отличавшемуся господствомъ кротости какъ въ жизни, такъ и въ школѣ. Византійскія школы, въ эпоху водворенія у насъ христіанства, еще мало отличались въ дисциплинарномъ отношеніи отъ западныхъ, въ которыхъ вполнѣ одобрялись и примѣнялись къ дѣлу строгія мѣры, а изъ нихъ употребленіе послѣднихъ легко могло проникнуть и въ наши, хотя это обстоятельство, по существу своему, не нуждается въ такомъ посредствѣ византійскихъ школъ. Понятно, что въ первое время наставники въ точности слѣдовали правиламъ, предписан-

нымъ митрополитомъ, и общее значеніе этихъ правилъ, конечно, оставалось впослѣдствіи, но они не могли исключать строгости въ необходимыхъ случаяхъ, строгости, которая современемъ могла усилиться, по мѣрѣ возрастанія числа учениковъ и предметовъ обученія. Не забудемъ, что и въ наставленіи митрополита упоминается *о страхѣ*, хотя онъ и сопровождается эпитетомъ *равностновиный*; не забудемъ и характеристики самого митрополита Михаила, сообщаемой Никоновою лѣтописью: „бысть же сей митрополитъ учителенъ зѣло, и премудръ премного, и житіемъ великъ и крѣпокъ зѣло, родомъ сиринъ; тихъ убо бѣ, и кротокъ, и смиренъ, и милостивъ премного; *иногда же страшенъ и свирѣпъ, егда время требоваше*". Приведемъ здѣсь понятіе Максима Грека о грамматикѣ: „начало входа въ философію — учиться долго со многимъ трудомъ и *біеніемъ*". А что въ византійскихъ школахъ учительскій жезлъ не оставался въ бездѣйствіи, между прочимъ, видно и изъ слѣд. выраженія Стоглава или Стоглава Геннадіева: „боится оученикъ оучителева жезла паче самого оучителя"; безъ сомнѣнія, тотъ же *учителевъ жезлъ* не замедлилъ предъявить свои права и въ нашихъ училищахъ, — и это тѣмъ естественнѣе, что способъ первоначальнаго обученія простого народа у священниковъ или у причетниковъ, общеупотребительный доселѣ и удержавшій въ себѣ черты глубокой древности, вовсе не исключаетъ *многаго труда и біенія*, по выраженію Максима Грека; даже въ современныхъ намъ училищахъ этого рода только весьма недавнія мѣры стали вытѣснять господство учителева жезла, подъ грознымъ вліяніемъ котораго получило первоначальное обученіе даже наше поколѣніе. Учитель тѣмъ болѣе долженъ былъ употреблять съ своей стороны всевозможныя мѣры для успѣха обученія, что вина безуспѣшности падала, кажется, и на него. Митрополитъ Кипріанъ, въ Житіи св. Петра митрополита, говоритъ: „учителеви съ прилѣжаніемъ ему прилежащу, отроку же неспѣшно ученіе творяшеся, но косно и всячески не прилѣжно. И о семъ убо не мала печаль бяше родителемъ его, *и не малу тщету совмѣняше себѣ и учитель его*".

Лавровскій

Латинскій и греческій языки въ древней Руси.

Кромѣ языковъ, знакомыхъ предкамъ нашимъ по международнымъ сношеніямъ или изучаемыхъ дѣятельными миссіонерами, были языки, знаніе которыхъ служило признакомъ образованности, не будучи въ зависимости отъ какихъ-либо внѣшнихъ условій, способствовавшихъ узнавать чужой языкъ, такъ сказать, нечувствительно. Такое значеніе имѣли въ древнерусской образованности языки греческій, латинскій и отечественный — русскій.

Самое раннее извѣстіе, приписывающее нѣкоторымъ изъ русскихъ князей знаніе греческаго и латинскаго языковъ, относится къ XII вѣку. Это знаніе встрѣчалось преимущественно въ родѣ Владимира Мономаха. Такъ о внукѣ его великомъ князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ имѣемъ извѣстіе, что „онъ вельми изученъ былъ писанію, съ Греки и Латины говорилъ ихъ языкомъ, яко Рускимъ". Правнукъ Владимира Мономаха князь Романъ Ростиславичъ былъ „вельми ученъ всякихъ наукъ, и ко ученію многихъ людей понуждалъ, устроя на то училища, и учителей, Грековъ и Латинистовъ, своею казною содержалъ, и не хотѣлъ имѣть священниковъ неученыхъ, и такъ на оное имѣніе свое истощилъ, что на погребеніе его принуждены были Смольяне сребро и куны давать по изволенію каждаго, и какъ народъ всѣ его любили, то собрали такое множество, что болѣе было нежели въ годъ князю приходило". Изъ такого свидѣтельства можно заключить, что любовь къ просвѣщенію находила въ XII вѣкѣ общее сочувствіе, а заключеніе должно основываться на достовѣрности свидѣтельства. Эти и подобныя извѣстія находятся въ *сводной лѣтописи*, по названію самого автора, составленной Татищевымъ, который приводитъ, кромѣ того, и нѣсколько данныхъ для исторіи русской образованности, упоминая объ училищахъ и библіотекахъ въ древней Руси. Хотя свидѣтельство Татищева никоимъ образомъ не можетъ равняться по историческому значенію со свидѣтельствомъ Нестора, однако самый способъ составленія сводной лѣтописи Татищевымъ возбуждаетъ довѣріе къ новымъ указаніямъ, встрѣчающимся на ея страницахъ. При составленіи своего труда авторъ принялъ за правило „писать тѣмъ порядкомъ и нарѣчіемъ, каковыи въ *древнихъ* (рукописяхъ) на-

ходятся, собирая изъ всѣхъ полнѣйшее и обстоятельнѣйшее въ порядокъ лѣтъ, какъ они написали, *не перемѣняя, ни убавляя изъ нихъ ничего*, кромѣ надлежащаго къ свѣтской лѣтописи, яко житія Святыхъ, чудеса, явленія, и проч., которыя въ книгахъ церковныхъ обильнѣе находятся, но и тѣ по порядку нѣкоторыя на концѣ приложилъ: также *ничего не прибавливалъ, развѣ необходимо нужное для выразумѣнія слово положить, и то отличилъ вмѣстительною*". Въ XVIII вѣкѣ, когда, по выраженію Шлецера, сборникъ Татищева былъ оракуломъ всѣхъ читателей лѣтописей, и въ началѣ настоящаго столѣтія, до самаго Карамзина, не сомнѣвались въ истинѣ лѣтописныхъ извѣстій, сообщенныхъ Татищевымъ. Это видно, по отношенію къ занимающему насъ вопросу, и изъ мнѣнія Мусина-Пушкина о всеобщемъ употребленіи въ древней Руси латинскаго языка, и изъ указаній въ другихъ сочиненіяхъ, между которыми обращаетъ на себя вниманіе „Краткая Россійская Исторія, изданная въ пользу народныхъ училищъ Россійской Имперіи, 1799 года". Этотъ учебникъ замѣчателенъ по весьма выгодному о немъ мнѣнію Шлецера, который заимствовалъ изъ него и сдѣлалъ доступными западно-европейскимъ ученымъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ чертахъ древне-русской образованности. Переводя вкратцѣ содержаніе учебника въ Геттингенскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ, Шлецеръ замѣчаетъ, что авторъ дѣлаетъ извѣстнымъ многое, что доселѣ хранится еще въ рукописныхъ лѣтописяхъ, что его историческая метода вполнѣ современна; что каждый изъ пяти періодовъ разсматриваетъ онъ въ двухъ отдѣленіяхъ, изъ которыхъ одно посвящается обозрѣнію *внутренняго* состоянія государства. При очеркѣ содержанія второго періода, отъ Рюрика до нашествія татаръ, Шлецеръ говоритъ, что въ этомъ періодѣ образованность на Руси была на высшей степени, нежели можно было бы ожидать: были князья, знавшие греческій и другіе языки; было училище въ Смоленскѣ, въ которомъ преподавались греческій и латинскій языки; была библіотека, состоявшая болѣе нежели изъ тысячи греческихъ книгъ, и пр. Такимъ образомъ даже въ началѣ XIX вѣка критика, въ лицѣ Шлецера, не отвергала свидѣтельства позднѣйшихъ лѣтописей. Но Карамзинъ рѣшительно не признаетъ ихъ достовѣрными, и все то, чего нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи, называетъ просто выдумкою Татищева. Въ повѣствованіи о названномъ вами

князѣ Михаилѣ Юрьевичѣ Карамзинъ считаетъ прибавленіемъ Татищева, что этотъ „великій князь былъ малъ, сухъ, имѣлъ длинную бороду, кудрявые волосы, кривой носъ, говорилъ языкомъ *Латинскимъ и Греческимъ* и никогда не хотѣлъ спорить о вѣрѣ". Какому же изъ свидѣтельствъ двухъ историковъ принадлежитъ право истины, и какъ разрѣшить ихъ противорѣчіе? Путь къ этому рѣшенію и тою и другою стороною указанъ одинъ и тотъ же: и Татищевъ основываетъ справедливость своихъ показаній на „древнихъ манускриптахъ", и на древнія же лѣтописи опирается возраженіе Карамзина; слѣдовательно, къ нимъ необходимо обратиться. Въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописей нашихъ находимъ слѣдующія извѣстія, соотвѣтствующія Ипатіевской подъ 1180 годомъ: „преставижеся князь Романъ, сынъ Ростиславль, внукъ великаго князя Мстислава... сій же благовѣрный князь Романъ бѣ возрастомъ высокъ, плечима великъ, лицемъ красенъ и всею добродѣтелью украшенъ, смѣренъ, кротокъ, незлобивъ, правдивъ, любовь имѣяше ко всимъ и къ братьи своей истѣньную, нелицемѣрную, страха Божія наполненъ, нищая милуя, монастырѣ набдя; и созда церковь камену святаго Іоана, и украсивъ ю всякимъ строеньемъ церковнымъ и иконы, златомъ и финиптомъ украшены, память сдѣвая роду своему, паче же и души своей оставленіе грѣховъ прося; и приложися къ дѣдомъ своимъ и отцемъ своимъ, и отдавъ общій свой долгъ, его же нѣсть убѣжати всякому рожену". Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 1177 годомъ сказано только: „приставися благовѣрный и христолюбивый князь Михалко, сынъ Гюргевъ, внукъ Мономаха Володимера, въ суботу, заходящу солнцю, іюня мѣсяца въ 20 день, на память святаго отца Меѳодья; и положиша и у святое Богородици Золотоверхое въ Володимери, юже бѣ создалъ братъ его Андрѣй". Сравнивая эти извѣстія съ тѣми, которыя приведены у Татищева, легко замѣчаешь ихъ несходство и также легко склоняешься къ мысли, не есть ли все то, чего недостаетъ въ древней лѣтописи, произвольное дополненіе позднѣйшаго составителя? Но здѣсь рождается вопросъ: въ какой мѣрѣ можно руководствоваться авторитетомъ древней лѣтописи? Все сообщаемое ею принадлежитъ, безспорно, къ числу достовѣрнѣйшихъ сказаній, уцѣлѣвшихъ отъ древности; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что молчаніе ея о какомъ-либо событіи даетъ намъ право заключать, что этого событія не было на

самомъ дѣлѣ. Иначе, основываясь на томъ, что въ древней лѣтописи годы 998 и 999 оставлены безъ означенія событій, а подъ 1001 годомъ записано только: „преставися Изяславъ, сынъ Володимерь“, намъ пришлось бы заключить, что въ 1001 г. только и случилось, что умеръ Изяславъ Владиміровичъ, а въ 998 и 999 вовсе ничего не было въ Русской землѣ. Такой выводъ слишкомъ наивенъ; вѣрный же выводъ состоитъ въ томъ, что въ теченіе трехъ лѣтъ, кромѣ смерти князя Изяслава, не произошло ничего такого, что лѣтописецъ, по своему взгляду на вещи, считалъ бы особенно замѣчательнымъ и необходимымъ для помѣщенія въ лѣтописи сообразно съ ея общимъ характеромъ. Отсюда прямой переходъ и къ заключенію о разсматриваемомъ нами вопросѣ. Съ такимъ же правомъ мы можемъ заключить, что древній лѣтописецъ потому не упомянулъ о знаніи нашими князьями древнихъ языковъ, что не считалъ этого обстоятельства особенно замѣчательнымъ, а извѣстія о немъ вполнѣ сообразнымъ съ цѣлью своего труда. Не вдаваясь въ предположенія, почему подобное явленіе могло казаться незамѣчательнымъ, скажемъ только, что лѣтописецъ XII вѣка могъ руководствоваться совершенно тѣмъ же основаніемъ, какъ и преп. Несторъ, не упомянувшій о знаніи пяти языковъ Всеволодомъ при исчисленіи разнообразныхъ достоинствъ этого князя. Вотъ что говоритъ преп. Несторъ при извѣстіи о кончинѣ Всеволода Ярославича, подъ 1193 годомъ: „сій бо благовѣрный князь Всеволодъ бѣ издѣтьска боголюбивъ, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископомъ и презвутеромъ, излиха же любяше черноризци, подаяше требованье имъ: бѣ же и самъ въздержася отъ пьяньства и отъ похоти“. Отзызъ Нестора о Всеволодѣ напоминаетъ отзывъ позднѣйшаго лѣтописца о Романѣ Ростиславичѣ. Несмотря на то, что Несторъ пропустилъ весьма важное, съ современной намъ точки зрѣнія, извѣстіе объ образованности русскаго князя въ XI стотѣтіи, свидѣтельство о ней поученія Мономахова нисколько не теряетъ своей достовѣрности.

Такимъ образомъ авторитетъ древней лѣтописи имѣетъ въ настоящемъ случаѣ только отрицательное значеніе: не доказывая дѣйствительности, лѣтопись не отвергаетъ возможности знанія извѣстными князьями древнихъ языковъ. Но та же самая лѣтопись, не называя именъ, сообщаетъ извѣстія, доказывающія, что были въ древней Руси знатоки греческаго языка. Изученіе

его вызываемо было и требованіями религіозными, и характеромъ образованности, проникнутой религіознымъ началомъ, и безпрестанными сношеніями съ Греціею по причинамъ весьма разнообразнымъ. Знаніе же латинскаго языка было слѣдствіемъ сношеній съ западною Европою, въ которой онъ былъ языкомъ вѣры и становился мало-по-малу языкомъ образованности. Чѣмъ болѣе образованность русская сближалась съ западно-европейскою, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе становилось расположеніе къ языку латинскому: поэтому цвѣтущая пора для него настала у насъ въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи. Въ вѣкахъ же предшествовавшихъ число знатоковъ греческаго языка, по всей вѣроятности, значительно превышало число знатоковъ латинскаго. Еще въ первой половинѣ XI столѣтія совокупно трудились многіе изъ русскихъ надъ переводомъ книгъ съ греческаго языка. Князь Ярославъ, свидѣтельствуетъ лѣтопись, „собра письцѣ многы, и прекладаша отъ Грекъ на Словѣньское писмо, и списаша книгы многы“. Въ XII вѣкѣ еще сильнѣе обнаруживается вліяніе византійское на нашу письменную словесность, и это вліяніе естественно условливалось знаніемъ языка произведеній, переводимыхъ на Руси людьми любознательными. Мы имѣемъ цѣлый рядъ поученій Кирилла Туровскаго, доказывающаго въ авторѣ знакомство съ греческой литературой, именно съ твореніями греческихъ христіанскихъ ораторовъ. Вообще сочувствіе наше въ древнюю эпоху къ литературѣ христіанской Греціи имѣетъ за себя много доказательствъ и признано наукою еще со времени Шлецера.

Въ XIII вѣкѣ отношенія наши къ Греціи оставались тѣ же самыя. Представители духовенства, митрополиты русскіе, были или родомъ греки, какъ напр. Кириллъ I и Максимъ, перенесшій митрополію изъ Кіева во Владиміръ, или получали въ Греціи утвержденіе въ своемъ званіи, какъ Кириллъ II, утвержденный въ Никеѣ. Не только высшіе іерархи, но и другіе образованные люди того времени искали пищи для своей любознательности преимущественно въ произведеніяхъ греческой духовной литературы. Люди же образованные и любознательные были тогда въ Русской землѣ, и лѣтопись сохранила память о нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежавшихъ какъ къ духовному, такъ и къ свѣтскому сословію. О князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ усердно заботился о созданіи прекрасныхъ Божіихъ церквей, много ихъ создалъ по своей области, испол-

вая ихъ книгами и всякими украшеніями. Ясно, что потребно было значительное количество книгъ, чтобы надѣлить ими многія церкви. Татищевъ и Шлецеръ допускали, что ихъ было болѣе 1000; другіе же число книгъ считали преувеличеннымъ даже въ показаніяхъ лѣтописныхъ. Такъ Полевой говоритъ: „лѣтописцы явно преувеличиваютъ число книгъ, переведенныхъ на славянскій языкъ при Ярославѣ и его преемникахъ. Читая, что *книгами были клѣти исполнены*, вспомнимъ слѣдующее: кто изъ простолюдиновъ нынѣ не удивляется, видя на полкѣ десятка три, четыре книгъ. Такъ думали и на Западѣ въ X и XI вѣкахъ. Библіотека Кройландскаго аббатства въ Англіи славилась за чудо, а въ ней было всего 300 томовъ". Въ приговорѣ Полевого всего счастливѣе мысль о сближеніи явленій древне-русской жизни съ подобными явленіями въ жизни другихъ европейскихъ народовъ; но сравненіе лѣтописцевъ съ простолюдинами отзывается поверхностнымъ взглядомъ на значеніе лѣтописца, какъ извѣстнаго рода дѣятеля во внутренней жизни народа въ древнѣйшій періодъ ея развитія. Лѣтописецъ, во многомъ сочувствуя народу, старину котораго спасалъ отъ забвенія, умѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывать смыслъ въ событіяхъ, производившихъ на массы безотчетное впечатлѣніе. Довѣряя вмѣстѣ со всѣми таинственному преданію, онъ объяснялъ его сличеніемъ съ повѣствованіями историческими. Возвышаясь образованностію надъ простолюдинами и трудясь надъ книжнымъ дѣломъ часто совокупными силами, лѣтописцы легко могли привыкнуть къ виду большой массы книгъ, чтобы не удивляться, замѣтивъ ихъ три или четыре десятка. Что въ настоящемъ случаѣ было ихъ несравненно болѣе, очевидно изъ прямого свидѣтельства лѣтописи, сомнѣваться въ которомъ было бы и неосновательно и несовременно. „Великій князь Костянтинъ, правнукъ Володимера Мономаха — говоритъ лѣтопись — многы церкви созда по своей власти, въображая чюдными въображении святыхъ иконъ, исполняя книгами и всякыми украшении". Если ограничить число книгъ необходимыми для богослуженія, то для нѣкоторыхъ церквей окажется ихъ довольно много; но будетъ еще болѣе, если присоединить къ нимъ переводы св. отцовъ, основываясь на томъ, что они сохранились въ большомъ количествѣ списковъ. Масса книгъ всего скорѣе могла увеличиваться новыми переводами съ греческаго. Самое же назначеніе ихъ — въ храмы указываетъ на ихъ

содержаніе и языкъ: по содержанію онѣ должны были быть произведенія религіозныя, а по языку—славянскія, чтобы могли употребляться для богослуженія, общественной молитвы и назиданія

Въ томъ же вѣкѣ славился просвѣщенною ревностью къ храмамъ Божіимъ князь Владиміръ Васильковичъ. Онъ и сооружалъ новыя церкви, и обогащалъ прежнія драгоцѣнными вкладами, состоявшими преимущественно изъ книгъ. Въ епископію Перемышльскую онъ далъ Евангеліе, имъ самимъ списанное; въ монастырь свой онъ далъ Апостолъ, списанный также собственноручно, и кромѣ того положилъ туда молитвенникъ и сборникъ великій отца своего. Въ Бѣльскѣ онъ „устрои церковь иконами и книгами", а новосозданному храму въ Любомлѣ принесъ въ даръ: Евангеліе, Апостолъ, прологи, житія святыхъ отцовъ и дѣянія вѣнчавшихся кровію мучениковъ, 12 миней, тріоди, октоихъ, ирмологіонъ, служебникъ св. Георгію, молитвы вечерніи и утреннія и т. д. И все это вновь списано по его распоряженію, а не взято изъ древнихъ книгохранилищъ. Сборникъ, отданный монастырю, такъ же, какъ и другой сборникъ, положенный въ церковь новаго города Каменца, заключалъ въ себѣ, какъ полагаетъ современный намъ историкъ русской Церкви, отеческія сочиненія, которыя продолжали *переводить* и при монголахъ.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія была также богатая библіотека въ Ростовѣ, у тамошняго епископа. Лѣтописецъ повѣствуетъ, что въ 1229 году епископъ ростовскій Кириллъ оставилъ свою епископію, будучи изнуренъ внутреннею болѣзнью; къ этому присоединилось несчастное для него окончаніе одного тяжебнаго дѣла: его присудили по суду къ лишенію всего состоянія. А онъ былъ „богатъ зѣло, кунами и селы, и всѣмъ товаромъ, и *книгами*, и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, такъ ни единъ епископъ бывъ въ Суждальстѣй области". Слѣдовательно, изобиліе книгъ, библіотеки, было одной изъ принадлежностей быта русскихъ богачей въ XIII столѣтіи. Кромѣ книгъ русскихъ, въ составъ библіотекъ, какъ открылось въ XVI вѣкѣ, входили и книги греческія, а чтобы пользоваться ими, необходимо было знаніе греческаго языка. Если же большинство читателей довольствовалось переводами, то знаніе греческаго языка остается прямою потребностью для переводчиковъ, и хотя при этомъ условіи уменьшается количество знавшихъ по-гречески, зато возвышается качество самаго

знанія: ибо для перевода съ иностраннаго языка потребно гораздо болѣе предварительнаго изученія, нежели просто для чтенія на этомъ языкѣ.

Хотя не въ такой степени, какъ греческій, однако же былъ извѣстенъ въ XIII-мъ столѣтіи и латинскій языкъ. Если папскіе легаты вели переговоры съ русскими князьями, бесѣдовали съ русскими епископами, незная ни слова по-русски, то разговоръ всего скорѣе могъ итти по-латыни, ибо латинскій языкъ скорѣе могъ быть понимаемъ на Руси, нежели родной легатамъ – итальянскій. А такіе переговоры бывали въ XIII в. Плано Карпини разсказываетъ, что во время пребыванія ихъ посольства у Василька, князя Владимирскаго-Волынскаго, этотъ князь собралъ, по ихъ просьбѣ, своихъ епископовъ, которымъ прочли они папскую грамоту, увѣщевавшую ихъ соединиться съ римскою Церковью. „Мы съ своей стороны также — прибавляетъ Плано-Карпини —убѣждали къ тому какъ князя (Ducem), такъ епископовъ и прочихъ. Но такъ какъ тутъ не было Даніила, брата Василькова, который поѣхалъ къ Батыю, то они не могли дать намъ рѣшительнаго отвѣта". Этотъ же путешественникъ сознается въ незнаніи русскаго языка людьми, подвластными папѣ. На вопросъ хана: „есть ли у папы люди, кои разумѣли бы русскую грамоту?" послы отвѣчали положительно: „у насъ такихъ людей нѣтъ".

XIV вѣкъ по своему историческому значенію не представляетъ рѣзкаго отличія отъ вѣковъ предшествовавшихъ. Всѣ условія быта остались тѣ же самыя, и потому тѣ же черты сохраняла и народная образованность. Только продолжительное иго замѣтно стѣснило ее и препятствовало приносить тѣ плоды, коихъ должно было ожидать по прекрасной зарѣ ея въ XI и XII вѣкахъ, какъ признаютъ даже иностранные ученые. Литература наша по-прежнему обогащалась переводами съ греческаго, и русскіе изучали греческій языкъ и въ самой Россіи, и внѣ предѣловъ отечества. Въ Греціи образовалось какъ бы небольшое общество для перевода книгъ на русскій языкъ. Русскій путешественникъ XIV вѣка передаетъ свою радость при встрѣчѣ „своихъ Новгородцевъ", которые пропали было безъ вѣсти, и съ которыми не думалъ никогда уже встрѣтиться: они сказали ему, что „живутъ туто, списаючи въ монастырѣ Студійскомъ отъ книгъ священнаго писанія". Степенная книга свидѣтельствуетъ, что митрополитъ Кипріанъ время пребы-

ванія въ своемъ подмосковномъ селѣ посвящалъ занятіямъ литературою. Плодомъ этихъ занятій были и собственныя его сочиненія и многіе переводы съ греческаго. Другой писатель нашъ, митрополитъ Алексѣй въ бытность свою въ Константинополѣ *перевелъ съ Греческаго* снова все Евангеліе, и переводъ его чрезвычайно близокъ къ подлиннику.

Начало XV столѣтія въ отношеніи къ литературной дѣятельности было продолженіемъ XIV-го. Многіе писатели стоятъ на рубежѣ этихъ двухъ столѣтій, связывая ихъ рядомъ произведеній, въ которыхъ постоянно обнаруживается вліяніе Византіи. Творенія духовныя, труды отцовъ церкви составляютъ наибольшую долю тогдашней переводной словесности. Кромѣ того, переводились и произведенія другого рода. Въ началѣ XV, а можетъ быть и въ XIV в., переведена прозою съ греческаго поэма Георгія Писиды: „О миротвореніи". Вѣроятно стихотворный размѣръ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, былъ причиною, что эта поэма такъ не скоро нашла себѣ переводчика въ Россіи: она написана въ VII вѣкѣ. Обыкновенно же переводы наши не отдѣлялись отъ своихъ подлинниковъ такимъ продолжительнымъ временемъ. Поэма произвела при появленіи своемъ въ русскомъ переводѣ весьма пріятное впечатлѣніе на читателей, какъ можно судить по тому, что о ней упомянуто даже въ лѣтописи. Любопытенъ способъ упоминанія, показывающій, какое значеніе лѣтописцы придавали литературнымъ трудамъ въ кругу другихъ явленій народной жизни. „Тоя же зимы (1385) — сказано въ сводной лѣтописи Татищева — посадники Новогородскіе учиниша вече по старому обычаю... Тоя же зимы князь Михайло Александровичъ Тверскій женилъ сына своего князя Василья... Того же лѣта переведено бысть слово святаго и премудраго Георгія Писида, еже есть похвала къ Богу о сотвореніи всея твари". Подобнымъ же образомъ, въ ряду самыхъ разнохарактерныхъ происшествій, отмѣчали и западные лѣтописцы появленіе литературныхъ произведеній. Въ лѣтописяхъ Фульдскихъ читаемъ: Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum, Gotzomuzli, terramque illorum et populum sibi divinctus subjugatum per duces ordinavit. Rhabanus quoque, sophista et sui temporis poetarum nulli secundus, librum, quem de laude sanctae crucis Christi, figurarum varietate distinctum, dificile et mirando poemate composuit". и т.

Въ XV вѣкѣ возникаетъ новая и живая связь съ Византiею; къ намъ переселяются многие изъ ея жителей и приносятъ нѣкоторые греческие обычаи: уже не одни только религiозные интересы сближаютъ Россiю съ Грецiей. Пока существовало только духовное единство, писатели наши съ полнымъ сочувствiемъ вписывали въ свои лѣтописи событiя византiйскiя: но какъ скоро чужое влiянiе коснулось другихъ сторонъ жизни, лѣтописцы замѣтили, что „земля наша замѣшалася и старые обычаи переставились". Сближенiе наше съ Византiею, усилившееся по взятiи Константинополя турками, переселенiе къ намъ грековъ повлекли за собою, вѣроятно, и распространенiе, въ извѣстной мѣрѣ, греческаго языка. Онъ не сдѣлался у насъ господствующимъ ни въ какомъ классѣ общества; но познакомиться съ нимъ представлялось весьма много средствъ, коими, безъ сомнѣнiя, и пользовались въ большей или меньшей степени.

Что же касается до латинскаго языка, то знатоковъ его было, повидимому, немного; особенную нужду чувствовали въ нихъ для сношенiй съ иностранными державами, ибо латинскiй языкъ былъ тогда дипломатическимъ, и въ дѣлахъ дипломатическихъ употреблялись довольно часто новоприбывшiе греки. Лѣтописи упоминаютъ неоднократно о назначенiи грековъ въ посольство къ иностраннымъ державамъ, а историографъ признаетъ, что прибытие грековъ съ царевною Софiею было особенно полезно для Россiи по ихъ знанiямъ въ латинскомъ языкѣ, необходимомъ для внѣшнихъ государственныхъ дѣлъ. Но въ самомъ началѣ слѣдующаго столѣтiя упоминаются уже, какъ увидимъ, природные русскiе, говорящие по-латыни съ иностранными монархами.

Въ XVI вѣкѣ повторяется отчасти то же самое явленiе, которымъ такъ памятенъ XI вѣкъ въ исторiи русской образованности. Литературное движенiе, начавшееся въ XI столѣтiи въ Кiевѣ, обнаруживается теперь въ Москвѣ; предпринимаются новые переводы съ греческаго, а прежние подвергнуты строгому пересмотру и исправленiю. Душою литературной дѣятельности былъ Максимъ Грекъ, извѣстный какъ своими знанiями и трудами, такъ и своими несчастiями. Онъ приступилъ къ своему дѣлу съ превосходнымъ по тому времени филологическимъ приготовленiемъ; не только переводъ, самый текстъ былъ во многихъ мѣстахъ исправляемъ основательнымъ зна-

токомъ греческаго языка. Сочувствіе къ важному труду нашелъ Максимъ Грекъ въ людяхъ образованныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Между послѣдними нельзя было забыть князя Курбскаго, русскаго писателя, знавшаго греческій языкъ, что доказывается его переводами съ греческаго, изъ твореній Іоанна Златоуста и историка Евсевія. Курбскій, по собственному его свидѣтельству, участвовалъ въ переводѣ книгъ отеческихъ, предпринятомъ Максимомъ Грекомъ. Явленіемъ этого перевода придается новая черта древнерусской образованности, опредѣляющая взглядъ предковъ нашихъ на изложеніе истинъ вѣры языкомъ общепонятнымъ. Давно уже, говоритъ Курбскій, паписты желали имѣть греческія книги и просили ихъ „на преписъ“: даже предлагали за нихъ большую сумму: иные говорятъ, что за каждый листъ назначали они по „червоному златому“, другіе — по „корунѣ, яжъ по три златыхъ червоныхъ важитъ“. Теперь же, продолжаетъ Курбскій, „безъ всякіе цѣны даромъ преведенна не малая часть отъ нихъ, на нашъ языкъ Словенскій, ово Максимомъ Философомъ и Селиваномъ, ученикомъ его, ово *мною многогрѣшнымъ* съ помощники моими, учеными мужами, искусными толковники въ Римской бесѣдѣ“. Готовясь къ переводамъ съ греческаго языка, говоритъ Курбскій, „склоняхъ спадки (казузы), и роды и образцы и часы, и иные громатическіе чины неотмѣнне и истинне; такъ и разума нигдѣжъ разтлѣхъ, бо престерехся того со великимъ трудомъ и прележенiемъ. Также и знаки книжнымъ обычаемъ поставляхъ“.

О знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ сохранилось нѣсколько указаній въ статейныхъ спискахъ. Изъ нихъ извѣстно, что въ 1518 году отправлены къ императору Максимиліану посолъ Владимиръ Племянниковъ и толмачъ Истома малый, и императоръ лично объяснялся съ ними по-латыни. Въ статейномъ спискѣ говорится: „Максимиліанъ, избранный Цесарь, въсталъ и съ мѣста ступилъ и призвалъ къ себѣ Володимера и Истому, говорилъ самъ *полатынски,* снявъ шапку“. Здѣсь же приводятся слова собесѣдниковъ. Должно полагать, что число знавшихъ по-латыни увеличилось въ XVI столѣтіи въ сравненіи съ вѣками предыдущими по причинѣ постоянно усиливавшихся сношеній нашихъ съ западными государствами Европы. Самая потребность изученія латинскаго языка чувствовалась довольно сильно, что можно заключить, между прочимъ, изъ того, что

Іоаннъ IV признавалъ необходимымъ учредить въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ училища, въ коихъ преподавался бы латинскій языкъ. Намѣреніе свое высказалъ Іоаннъ IV въ замѣчательной рѣчи, обращенной къ двумъ плѣннымъ ливонцамъ, взысканнымъ его милостями и довѣріемъ. „Императоръ римскій Фердинандъ, — говорилъ Іоаннъ, — предлагая мнѣ свою любовь и братское расположеніе, требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ я возвратилъ Ливонію рыцарямъ Тевтонскаго ордена. Я съ своей стороны не отказываюсь рѣшительно отъ переговоровъ по этому дѣлу; ибо происходя изъ славнаго рода Баварскихъ герцоговъ, легко могу склониться на убѣжденія уступить Ливонію, на извѣстныхъ условіяхъ, одному изъ моихъ родственниковъ. Когда же это случится, то всячески буду настаивать на томъ, чтобы въ городахъ моихъ, Псковѣ и Новгородѣ, открыты были училища, и въ нихъ учили бы русское юношество латинскому и нѣмецкому языкамъ". Въ XVI-мъ же столѣтіи одинъ изъ извѣстнѣйшихъ полководцевъ нашихъ, князь Курбскій, отличался, кромѣ воинскихъ дарованій, и способностью и охотою къ изученію иностранныхъ языковъ. Курбскій владѣлъ, какъ извѣстно, четырьмя языками: русскимъ, польскимъ, греческимъ и латинскимъ. Это изученіе было однимъ изъ любимыхъ занятій, которому онъ предавался съ особеннымъ усердіемъ, какъ видно изъ его собственнаго свидѣтельства о занятіяхъ языкомъ латинскимъ. „Я не мало лѣтъ — пишетъ Курбскій — изнурихъ по силѣ моей уже въ сѣдинахъ, со многими труды пріучахся языку римскому".

XVII столѣтіе соединяетъ древнюю Россію съ новою. Сближаясь во многомъ съ вѣками предшествовавшими, XVII вѣкъ нѣкоторыми чертами обнаруживаетъ иной характеръ, начало того умственнаго движенія, которое развилось въ послѣдующемъ столѣтіи. Постепенный переходъ изъ древняго быта въ новый ясно выразился въ постепенно измѣнившемся направленіи образованности. Въ разсматриваемый нами періодъ южное вліяніе иноземное соединяется съ западнымъ, дѣйствующимъ все сильнѣе и сильнѣе. Связь съ югомъ Европы, съ Греціею, ограничивается цѣлями религіозными, какъ было до исхода почти XV вѣка. Литература наша обогащается переводами, принадлежащими къ одной категоріи съ прежними по духу и выбору предметовъ: одинъ Епифаній Славинецкій (ум. 1676) оставилъ много переводовъ съ греческаго, изъ коихъ особенно

замѣчателенъ переводъ св. Писанія, и т. п. Греческій языкъ считался въ XVII столѣтіи условіемъ образованности и необходимымъ предметомъ преподаванія въ русскихъ училищахъ, открываемыхъ въ значительномъ количествѣ и по благословенію православныхъ греческихъ императоровъ. Вмѣстѣ съ греческимъ быстро распространяется языкъ латинскій: онъ становится даже языкомъ образованности, хотя не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ было то на Западѣ. Въ Славяно-Греко-Латинской академіи, учрежденной въ Москвѣ, преподаваніе происходило на греческомъ и латинскомъ языкахъ: грамматика и піитика преподавались по-гречески, а логика, реторика и физика по-гречески и по-латыни. Курсъ древнихъ языковъ былъ преимущественно практическій,—воспитанниковъ постоянно упражняли въ разговорѣ на этихъ языкахъ, и черезъ три года по открытіи заведенія ученики могли уже *говорить* по-гречески и по-латыни и перевели нѣсколько книгъ съ греческаго и съ латинскаго.

Такъ было въ Москвѣ во второй половинѣ XVII столѣтія: но въ началѣ его изученіе древнихъ языковъ далеко не въ одинаковой степени распространялось въ сѣверной и южной половинѣ Россіи. Извѣстный путешественникъ, Олеарій, придворный математикъ и библіотекарь герцога Голштейнъ-Готторпскаго, посѣщавшій сѣверную Россію въ 1633 и 1636 годахъ, упоминаетъ въ своемъ путешествіи о совершенномъ незнаніи русскими греческаго и латинскаго языковъ. „Уже по тому одному, говоритъ онъ, что русскіе въ своихъ школахъ учатся только русскому языку, да много что славянскому, никто изъ нихъ, будь онъ духовнаго или свѣтскаго званія, высшаго или низшаго сословія, не понимаетъ ни слова ни по-гречески, ни по-латыни". Хотя слова Олеарія нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, однако самая возможность такого рѣшительнаго, но не вѣрнаго, приговора у писателя, подобнаго Олеарію, показываетъ, что знаніе древнихъ языковъ вовсе не процвѣтало въ той части Россіи, которую удалось видѣть нѣмецкому путешественнику. Какъ писатель, Олеарій отличается вообще безпристрастіемъ. Безпристрастіе его выражается въ той откровенности, съ какою онъ говоритъ, какъ о дурныхъ, такъ и о хорошихъ свойствахъ русскаго народа. Отрицая знаніе древнихъ языковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ у русскихъ даръ къ изученію иностранныхъ языковъ и вообще способность и расположеніе ко вся-

каго рода умственной дѣятельности. „Изъ русскихъ, продолжаетъ онъ, многіе способны заниматься науками: между ними есть люди съ острыми дарованіями, соединяющіе свѣтлый умъ съ счастливою памятью. Теперешній думный дьякъ посольскаго приказа, Алмазъ Ивановичъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ былъ однажды въ Персіи и въ Турціи, и въ короткое время до того усвоилъ языки персидскій и турецкій, что можетъ объясняться на нихъ безъ помощи переводчика". Свидѣтельства Олеарія имѣютъ преимущество достовѣрности въ сравненіи съ извѣстіями многихъ другихъ путешественниковъ. Онъ былъ человѣкъ съ большими свѣдѣніями, матеріалы для труда своего собиралъ съ неутомимымъ усердіемъ и величайшею осторожностью въ выборѣ источниковъ, а потому трудъ его признается учеными весьма цѣннымъ пособіемъ при изученіи русской старины. При счастливой способности къ изученію языковъ, русскимъ легко было избѣжать замѣченнаго Олеаріемъ недостатка въ образованіи. Дѣйствительно, въ томъ же вѣкѣ занятіе древними языками стало распространяться все болѣе и болѣе. Другой иностранецъ, бывшій въ Россіи во второй половинѣ XVII столѣтія, Генрихъ Лудольфъ, встрѣчалъ уже между русскими людей, знавшихъ по-латыни. Лудольфъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ русскихъ занимаются латинскимъ и нѣмецкимъ языками, и при томъ въ Москвѣ открыто училище, въ которомъ преподаются языки греческій и латинскій. Написавши русскую грамматику, Лудольфъ посвятилъ ее князю Борису Алексѣевичу Голицыну, которому, по словамъ автора, знаніе латинскаго языка открыло путь къ объясненію съ иностранцами. Извѣстно, что кн. Б. А. Голицынъ, (1641—1713), бывшій дядькою Петра Великаго, говорилъ и по-латыни и по-гречески. Дѣти царя Алексѣя Михайловича учились по-латыни у Симеона Полоцкаго.

Между тѣмъ какъ въ сѣверной половинѣ Россіи незнаніе древнихъ языковъ обратило на себя вниманіе иностранца, въ южной изумляло не иностранцевъ, а природныхъ русскихъ употребленіе ихъ соотечественниками чужого, непонятнаго языка. Я говорю о латинскомъ языкѣ и его общемъ употребленіи въ училищахъ южнаго края Россіи. Тамъ онъ сдѣлался въ полномъ смыслѣ слова языкомъ воспитанія, и это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что убѣдительно доказываетъ близкую связь нашу съ европейскимъ Западомъ

еще въ теченіе XVII вѣка. Преобладаніе латинскаго языка, обнаружившееся въ русскихъ училищахъ, есть общая черта европейской образованности того времени. Люди, стоявшіе во главѣ образованнаго общества, представители современнаго имъ просвѣщенія воспитывались сами и утверждали необходимость воспитанія при сильномъ вліяніи латинскаго языка, на коемъ передавались всѣ познанія, различныхъ родовъ и съ различными цѣлями, отъ элементарныхъ до самыхъ высокихъ и отвлеченныхъ. Изъ множества свидѣтельствъ о взглядѣ на воспитаніе и ученость, господствовавшемъ нѣкогда во всей Европѣ, укажу на два, принадлежащихъ лицамъ весьма замѣчательнымъ въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Сравненіе этихъ свидѣтельствъ съ современнымъ имъ образомъ воспитанія у насъ покажетъ, что многія черты его въ Россіи и въ другихъ странахъ Европы представляютъ между собою разительное сходство. Монтень, извѣстный французскій писатель XVI вѣка, самъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи въ своихъ „Essais", которые до сихъ поръ считаются учеными Франціи классическимъ произведеніемъ ихъ литературы въ родѣ нравственно-философскомъ. Монтень говоритъ, что отецъ его употреблялъ всѣ усилія, чтобы дать ему самое лучшее, по понятіямъ того времени, воспитаніе. Съ этою цѣлью онъ обращался къ совѣту людей просвѣщенныхъ и глубокомысленныхъ, и общее мнѣніе было то, что если европейцы XVI вѣка не могутъ достигнуть величія духа и глубины познаній древнихъ грековъ и римлянъ, то единственная причина заключается въ медленности и усиліяхъ при изученіи языковъ, знаніе которыхъ не стоило древнимъ ни малѣйшаго труда. Не желая отстать отъ вѣка, отецъ Монтеня послѣдовалъ общему мнѣнію: отдалъ сына еще груднымъ ребенкомъ на руки гувернеру, нѣмцу, не знавшему ни слова по-французски, но отлично говорившему по-латыни; при гувернерѣ было еще два помощника, которымъ вмѣнено въ обязанность говорить съ молодымъ Монтенемъ не иначе, какъ по-латыни. Первыя слова, слышимыя имъ въ колыбели, были латинскія, первыя слова, произнесенныя имъ самимъ, были также латинскія. На седьмомъ году возраста онъ такъ же точно ничего не слыхивалъ о своемъ родномъ языкѣ, какъ и о какомъ-нибудь арабскомъ. Не только воспитатели, но все семейство Монтеня, отецъ, мать, даже слуги, говорили по-латыни. Отецъ и мать, благодаря воспитанію сына, сами пріобрѣли

нѣкоторыя свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ, а лакеямъ и горничнымъ отданъ былъ строгій приказъ произносить въ присутствіи воспитанника только тѣ слова и фразы, которыя заставляли ихъ заучивать по-латыни каждый разъ передъ бесѣдою съ ихъ будущимъ владѣльцемъ.

Ученый XVII столѣтія, Даніилъ Моргофъ, въ сочиненіи своемъ „Polyhistor“, любопытномъ памятникѣ тогдашнихъ понятій объ исторіи литературы, какъ наукѣ, посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію методы преподаванія древнихъ языковъ — De methodo in linguis, latina praecipue et graeca, discendis tenenda. Въ ней онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ удивительныхъ успѣховъ въ разговорномъ употребленіи языка латинскаго. Между прочимъ разсказываетъ, что въ Парижъ привозили четырехлѣтнее дитя, превосходно говорившее по-латыни и до того возбудившее общее вниманіе, что его, какъ диковинку, представили даже королю. Это дитя не только быстро объяснялось по-латыни, но и при самомъ бѣгломъ разговорѣ соблюдало всѣ грамматическія правила до малѣйшихъ тонкостей, никогда не дѣлая ошибокъ ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ, ни въ синтаксисѣ. Если говорили при дитяти: ubi ibis a prandio? или coscendere in equo, оно сейчасъ же поправляло: quo ibis, conscendere in equum и т. п. Основываясь на подобныхъ примѣрахъ, показывающихъ, какъ полагали, что разговорная метода и легче и полнѣе знакомитъ съ чужимъ языкомъ, Моргофъ, какъ и его современники, признавалъ ее наиболѣе полезною и существенно необходимою. Онъ говоритъ положительно, что многіе раздѣляютъ убѣжденіе, что латинскій языкъ несравненно лучше изучать изъ живого разговора, нежели изъ книгъ и грамматическихъ учебниковъ. Въ сочиненіи Моргофа упоминается о любопытномъ предложеніи одного писателя французскому королю учредить цѣлое общество латинское (civitas latina), въ коемъ бы всѣ безъ исключенія говорили по-латыни. Моргофъ съ своей стороны находитъ существованіе подобнаго общества весьма возможнымъ и полагаетъ, что не болѣе 20 лѣтъ нужно для того, чтобы всѣ члены его, даже ремесленники, объяснялись между собою совершенно свободно по-латыни.

Тѣ же вопросы о воспитаніи, которые занимали собою лучшіе умы въ Европѣ XVI и XVII в., были предметомъ разсужденія и въ Россіи. При открытіи училищъ опредѣляли, какую

науку преподавать на какомъ языкѣ, и, подобно тому, какъ въ западной Европѣ, общее мнѣніе людей образованныхъ отдало преимущество языку латинскому, въ изученіи коего принято также исключительно практическое направленіе. Въ подтвержденіе этого довольно вспомнить объ учебномъ заведеніи, имѣющемъ такое важное значеніе въ исторіи русской образованности XVII вѣка, объ академіи Кіевской. Въ ней, особенно въ періодъ съ 1631 по 1701 годъ, знаніе латинскаго языка было въ высшей степени распространено. Онъ былъ и языкомъ науки и языкомъ разговорнымъ. На немъ преподавались всѣ учебные предметы, кромѣ катехизиса и славянской грамматики. По-латыни же обязаны были говорить воспитанники въ классахъ и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ только приходилось имъ встрѣчаться. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался самому строгому взысканію. „Можно представить себѣ, говоритъ историкъ Кіевской академіи, чѣмъ могло казаться сословіе учащихся, коихъ число нерѣдко простиралось отъ 800 до 1000 и болѣе, съ своимъ незнакомымъ языкомъ, для простыхъ гражданъ кіевскихъ. Въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ это былъ, можно сказать, какой-то особенный народъ посреди народа русскаго, русскій по духу и по всему, но не русскій по слову". Многіе духовные наши писатели, образовавшіеся въ XVII столѣтіи, писали свои сочиненія на латинскомъ языкѣ. Его вліяніе простиралось всюду, на всѣ роды и виды литературы; оно проникало и въ обыкновенную переписку, не назначаемую для печати, по дѣламъ общественнымъ и даже домашнимъ. Люди образованные любили красить слогъ своихъ писемъ словами и выраженіями латинскими, которыя, отъ смѣси ихъ съ русско-польскими словами и оборотами, придавали слогу самую нехудожественную пестроту. Она и по своему источнику и способу проявленія весьма близка къ позднѣйшему искаженію русской рѣчи, происшедшему, по выраженію извѣстнаго писателя, отъ смѣси „французскаго съ нижегородскимъ". Одинъ изъ ученыхъ XVII вѣка въ подобныхъ выраженіяхъ переписывался съ гетманомъ Мазепою: „Не маетъ быти той соборъ pro legitima Synodo... Старалемся тыи письма переслати вельможности вашей, але не могли смо на скоромъ часѣ достати. De forma vero consecrationis sacrosanctae eucharistiae не было въ тамъ-томъ (Польск. tamten)

листѣ жадной измѣнки и по сей часъ не машъ. Заслышали смо почасти, же коло того мудрствуютъ оные Греческія, чили Греко-латинскіи учителѣ на Москвѣ; алѣ до насъ servio haec questio non pervenit, а мы якоже научихомся отъ отецъ нашихъ, тако исповѣдуемъ". Такая страсть къ латинскому языку всего вѣрнѣе объясняется сочувствіемъ предковъ нашихъ къ западно-европейской образованности. Метода преподаванія въ Кіевской академіи и характеръ учебниковъ не остались безъ слѣда въ исторіи нашей теоретической литературы. Литературныя понятія, высказываемыя отъ времени до времени извѣстными писателями XVIII вѣка, напоминаютъ во многомъ теорію, принимаемую учеными Кіевской академіи. Самая форма — языкъ преподаванія упорно держался въ нѣкоторыхъ училищахъ, стремившихся подражать своему первообразу. Вѣроятно это же процвѣтаніе латинскаго языка въ *духовномъ* училищѣ Кіева послужило источникомъ одному изъ общественныхъ предразсудковъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, состоявшему въ томъ, что учиться латинскому языку считали необходимымъ только для того, кто назначалъ себя въ духовное званіе. Предразсудокъ этотъ самъ по себѣ можетъ казаться страннымъ для народа, который никогда не принималъ католичества, и у котораго духовенство вовсе не нуждалось въ латинскомъ языкѣ для богослуженія.

Сухомлиновъ.

Отечественный языкъ въ древней Руси.

Отъ языковъ древняго міра обращаемся къ языку отечественному, знаніе коего составляло, какъ мы сказали, прямую потребность древне-русской образованности. Здѣсь прежде всего привлекаетъ вниманіе непрерывная послѣдовательность въ употребленіи, устномъ и письменномъ, предками нашими своего родного языка. Всѣ оригинальныя произведенія писались исключительно по-русски до XVI и XVII в., когда русскіе авторы писали по-русски, и по-латыни, и по-польски. Въ древній же періодъ литературнымъ языкомъ постоянно оставался русскій; даже иностранцы, жившіе и писавшіе въ Россіи, выбирали русскій языкъ орудіемъ своей литературной дѣятельности, начиная отъ митрополита Никифора въ XII вѣкѣ и до Максима Грека. Самые переводы, столь многочисленные въ древней

нашей литературѣ, подтверждая знакомство съ языкомъ подлинника, доказываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ общее стремленіе читать на своемъ языкѣ произведенія, наиболѣе удовлетворявшія вкусу того времени. Переводы ходили во множествѣ списковъ, а это одно говоритъ уже о большомъ числѣ читателей, и всѣ идеи, получаемыя ими при чтеніи, являлись въ формѣ знакомой имъ рѣчи, были выражены языкомъ понятнымъ. То же самое извѣстіе лѣтописи, которое мы привели выше (П. с. р. лѣтописей I. 65) о переводѣ книгъ съ греческаго языка, показываетъ что большинство читателей пользовались ими въ русскомъ переводѣ: „и списаша книгы многы, и списка имиже *поучащеся* вѣрніи людие, *наслажаются* ученья божественнаго". Слѣдовательно, и урокъ, и наслажденіе находили въ чтеніи преимущественно на русскомъ языкѣ; на немъ же подавали благой успѣхъ и утѣшеніе, возбуждали надежду, сообщали познанія. Любовь къ родному слову поддерживалась расположеніемъ къ умственному труду, къ „ученью книжному", по выраженію лѣтописи. Тѣмъ сильнѣе была взаимная связь мысли и слова, что пріобрѣтенныя кѣмъ-либо свѣдѣнія не оставались въ немъ безплодными, а составляли, такъ сказать, общее достояніе его современниковъ, прибѣгавшихъ къ совѣту людей, извѣстныхъ по начитанности и готовыхъ дѣлиться своими знаніями и опытностію. Въ концѣ X столѣтія сдѣлана у насъ первая и рѣшительная попытка водворить ученіе книжное, и, несмотря на то, что ее встрѣтили со слезами люди стараго поколѣнія, въ поколѣніи новомъ она нашла живое и дѣятельное сочувствіе. Въ томъ удостовѣряетъ насъ свидѣтельство русскаго писателя XI вѣка, митрополита Иларіона, воспитанника, по всей вѣроятности, того училища, которое открыто въ Кіевѣ при св. Владимирѣ. Въ высшей степени замѣчательно слѣдующее обращеніе Иларіона къ своимъ слушателямъ или читателямъ: „излагать въ семъ писаніи проповѣдь пророковъ о Христѣ и ученіе апостоловъ о будущемъ вѣкѣ было бы излишне и клонилось бы къ тщеславію. Ибо, что *писано въ другихъ книгахъ и вамъ уже извѣстно,* о томъ предлагать здѣсь было бы признакомъ дерзости и славолюбія. *Мы пишемъ не для незнающихъ, а для насытившихся съ избыткомъ книжною сладостію*". Если уже въ XI вѣкѣ были между русскими людьми до того начитанные, что для бесѣды съ ними требовался строгій выборъ предметовъ, которые могли бы дѣйствовать на нихъ

и новостью, и убѣдительностью, то еще большихъ успѣховъ можно было ожидать отъ вѣковъ послѣдующихъ, когда ученіе книжное входило все болѣе и болѣе въ потребность народнаго быта. Прочитавъ Иларіова, невольно вѣришь задушевности словъ другого древняго писателя русскаго, Кирилла Туровскаго: „сладко медвенъ сотъ и добро есть сахаръ, обоего же добрѣе книжный разумъ“. Какъ Иларіонъ и Кириллъ передавали соотечественникамъ свои убѣжденія на родномъ языкѣ, такъ поступали и всѣ послѣдующіе писатели и вообще люди образованные. Но какъ понимать эту образованность, орудіемъ которой былъ нашъ языкъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и которая неизбѣжно должна была положить печать свою на его историческую судьбу? Къ чему она стремилась и въ чемъ сосредоточивались ея интересы? Источникомъ ея служило св. Писаніе, изъ него заимствовала и имъ подкрѣпляла она свои убѣжденія; представители ея смотрѣли на жизнь и людей преимущественно съ религіозной точки зрѣнія. Какое же значеніе имѣетъ подобная образованность?... Не считая себя въ правѣ произнести рѣшительный приговоръ въ столь важномъ вопросѣ, мы ограничимся замѣчаніемъ, что характеръ древнерусской образованности соотвѣтствуетъ характеру общеевропейской образованности въ средніе вѣка. Значеніе послѣдней въ нравственномъ развитіи народовъ опредѣлительно указано Гизо въ его Исторіи европейской цивилизаціи. „Умственное и нравственное развитіе Европы, говоритъ этотъ писатель, есть, въ сущности, богословское (théologique). Пробѣгите исторію съ V и до XVI вѣка: богословіе (théologie) правитъ мыслію человѣческою, всѣ мнѣнія носятъ печать богословія; вопросы философскіе, политическіе, историческіе разсматриваются постоянно съ точки зрѣнія богословской. Богословскій духъ былъ, такъ сказать, кровію, которая текла въ жилахъ европейскаго міра. И это вліяніе было благодѣтельно. Оно не только поддержало и оплодотворило умственное движеніе въ Европѣ: но система ученія и началъ, во имя коихъ оно дѣйствовало, неизмѣримо превышало то, что когда либо извѣстно было древнему міру. Въ немъ, въ этомъ вліяніи, былъ залогъ движенія и успѣховъ“. То, что сознано и объяснено современною наукою, таилось, какъ безотчетное предчувствіе истины, въ убѣжденіи средневѣковыхъ европейцевъ. Еще въ XII в. говорили въ Европѣ: „насколько люди вообще превосходятъ безсловесныхъ,

настолько люди книжные — свѣтскихъ". Слѣдовательно, понятія люди книжные (les lettrés) и люди духовнаго званія были тожественны. Въ этомъ всего яснѣе выражаются и духъ средневѣковой литературы, и понятіе о призваніи исключительно духовнаго сословія къ занятіямъ литературнымъ. Различіе, хотя не столь рѣзкое, духовныхъ отъ міранъ по степени образованности замѣчается и у насъ, какъ можно судить по названію *вѣжа*, усвоиваемому духовнымъ въ отличіе отъ людей некнижныхъ, называемыхъ *невѣжами*. Въ одномъ изъ поученій, помѣщенныхъ въ „Златой Цѣпи", говорится о страшной отвѣтственности приступающихъ къ св. причащенію держа гнѣвъ на кого-либо: „Аще ли есть *вѣжа* али невѣжа, рекше діакъ или чтець, или чернець, или ерѣи, ѡ горе и горе таковымъ и прагорѣе всѣ грѣшныхъ" (л. 76 об. — 77 об.). Въ другомъ спискѣ поученія это мѣсто читается такъ: „аще ли невѣжа есть, или попъ, или епкпъ, или чернецъ, или діакъ — ѡ горе таковымъ". Здѣсь понятіе *невѣжи* противополагается понятіямъ: попъ, епископъ, чернецъ, дьякъ; въ первомъ случаѣ *рекше* очевидно относится къ *вѣжа*, а слово *невѣжа* оставлено безъ поясненія, имѣя одинаковый смыслъ со словомъ *простецъ*, *простая чадь*, и т. п. Въ той же рукописи, въ словѣ Христолюбца, указывается положительно, кому принадлежитъ названіе *вѣжа*: „не токмо же то творять невѣжи, но и *вѣжи*: *попове и книжници*". Что касается до призванія духовныхъ лицъ къ дѣлу книжному, къ просвѣщенію, то мысль объ этомъ была у насъ въ древности господствовавшею. Книга была необходимою принадлежностью быта духовнаго лица. Даже строгія аскетическія правила, предписывавшія совершенную нищету, не только дозволяли, но даже ставили въ обязанность инокамъ имѣть книги. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ требованіе нищеты простиралось до такой степени, что никто изъ монаховъ не имѣлъ права держать въ келіи ничего, ни даже хлѣба и воды; но книги были и должны были быть у всѣхъ и каждаго. Въ жизнеописаніи св. Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что онъ „в келіи ничто же не веляше имѣти, ниже своимъ звати... хлѣб же или вода или пиво что каково в келіи никако же обрѣташа, кромѣ еже руки умыти. *Аще ли кто к кому пріиди случишеся, ничтоже бяше въ келіи видѣти, развѣ иконы и книги*". Если обратить вниманіе на подобные факты и принять въ соображеніе общую судьбу европейской образованности, то въ надлежащемъ свѣтѣ

явится вопросъ о направленіи древнерусской письменной словесности и о томъ, что представители ея были преимущественно лица духовныя.

Впрочемъ, мы коснулись вопроса объ образованности только по связи его съ выраженіемъ усвоенныхъ ею идей на извѣстномъ, *общедоступномъ* языкѣ. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что при извѣстіи о человѣкѣ *образованномъ*, въ лѣтописи обыкновенно упоминается о его поучительныхъ *бесѣдахъ* въ кругу людей, дорожившихъ разумнымъ словомъ. О митрополитѣ Іоаннѣ говорится: „бысть мужъ *хытръ книгамъ и ученью, ласковъ* же ко всякому богату и убогу, книгами святыми *утьшая печальныя*". О Ростовскомъ епископѣ Пахоміи: „бѣ избранникъ Божій, *ласковъ* ко всякому убогому, *исполненъ книжнаго ученья,* всѣми дѣлы *утѣшая* печальныя", и т. д., и т. д. Подобныя извѣстія указываютъ на образъ пониманія предками нашими достоинства и назначенія знаній. Едва ли мы подвергнемъ себя упреку въ произвольномъ примѣненіи, если скажемъ, что во взглядѣ на нравственно-религіозное образованіе, господствовавшемъ въ древней Руси, представляется сходство съ воззрѣніемъ одного изъ великихъ христіанскихъ мыслителей, на творенія коего не ссылался рѣдкій изъ древнихъ писателей нашихъ. „Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, говорилъ онъ, то хотя духъ мой и молится, но умъ остается безъ плода. Лучше хочу сказать пять словъ, чтобъ и *другихъ наставить,* нежели тьму словъ на *незнакомомъ языкѣ*". Характеръ знаній въ древній періодъ нашего быта былъ одинъ и тотъ же и для духовнаго сословія, и для свѣтскаго, и для высшаго и низшаго классовъ, и для обоихъ половъ. Повсюду равно употреблялся одинъ и тотъ же языкъ, бывшій единственнымъ выразителемъ мысли для всѣхъ и каждаго. О просвѣщеніи и дарованіяхъ свѣтскихъ людей лѣтописцы отзываются почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о лицахъ духовныхъ. Всѣ отзывы ихъ въ родѣ слѣдующаго о князѣ Василькѣ: „*бѣ же сердцемъ легокъ,* до бояръ *ласковъ;* мужьство и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста; бѣ бо *всему хытръ* и *горазло умья*" и проч. Люди высшаго класса, сильные міра сего „прилежно требуютъ книжнаго почитаніа", говоритъ Кириллъ Туровскій, и онъ же занятіе книжнымъ дѣломъ вмѣняетъ въ обязанность всѣмъ сословіямъ безъ исключенія: „молю вы, потщитеся прилежно почитати святыя книгы". Какъ ни скудны извѣстія объ участіи

женщинъ въ общественномъ развитіи древней Руси, но и по нѣкоторымъ замѣткамъ, сообщеннымъ вскользь, видно, что условія образованности были одинаковыя для женщинъ, какъ и для мужчинъ. О княжнѣ Евфросиніи полоцкой сохранилось преданіе, что она нѣсколько времени жила при церкви и занималась списываніемъ книгъ, какъ занимались имъ и многіе епископы и князья. Княгиня Верхуслава, дочь Всеволода III, принимала самое живое участіе въ судьбѣ двухъ современныхъ ей писателей, Симеона и Поликарпа, а это показываетъ сочувствіе княгини къ ихъ литературной дѣятельности. Женщина воспитывала князя Михаила Ярославича тверского, и въ данномъ ему образованіи естественно выразился вкусъ воспитательницы. Михаилъ Ярославичъ былъ сынъ великой княгини Ксеніи, и премудрая мать, говоритъ лѣтописецъ, воспитала его въ страхѣ Господнемъ, „и научи святымъ книгамъ и всякой премудрости“. Святыя книги являются у насъ на общепонятномъ языкѣ еще со времени св. Владимира, а потому на этомъ языкѣ преподавалась и „всякая книжная премудрость“. Не только исторія, даже поэзія народная сохранила воспоминаніе о томъ, что когда-то всѣ русскіе дѣлились мыслью и чувствомъ только на родномъ языкѣ. Въ одной изъ былинъ про времена Владимира разсказывается о его желаніи найти себѣ невѣсту. Владимиръ былъ идеаломъ народной поэзіи, и выборъ его долженъ былъ отвѣчать его высокимъ достоинствамъ, по понятію о нихъ народа. Требованія свои Владимиръ выражаетъ въ былинѣ такъ:

вы ищите мнѣ невѣстушку хорошую,
вы хорошую и пригожую,
што бъ лицомъ красна и умомъ сверстна,
што бъ *умѣла Русскую грамату*
и четью — пѣтью церковному,
што бы было ково назвать вамъ матушкой,
звеличать бы государыней.

И князю нашли невѣсту, „что и Русскую умѣетъ больно грамоту, и четью-пѣтью горазда церковному“. Въ этихъ словахъ, удержанныхъ памятью народа, мы въ правѣ видѣть черту минувшаго быта, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой, напримѣръ, можемъ судить о требованіяхъ свѣтской образованности въ началѣ XIX вѣка по отзыву Пушкина о

своемъ героѣ: „онъ *по-французски* совершенно могъ изъясняться и писалъ“, и т. п.

Всѣ приведенные мною факты указываютъ на употребленіе людьми образованными общепонятнаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ указывается нѣкоторая связь его, какъ орудія знаній, съ чтеніемъ святыхъ книгъ, а какъ св. Писаніе переведено на церковно-славянскій языкъ, то возникаетъ вопросъ объ отношеніи этого языка къ русскому. Рѣшеніемъ его объяснится и то, какое участіе имѣлъ собственно русскій языкъ въ судьбахъ нашей древней образованности. Мнѣнія о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, существующія и существовавшія въ нашей литературѣ, довольно разнообразны. Нѣкоторые считали славянскій языкъ единственнымъ языкомъ нашей древней литературы, употреблявшимся на счетъ русскаго, не только книжнаго, но даже и разговорнаго. Другое, не столь рѣшительное, мнѣніе ставило эти языки въ отношеніе не подчиненности, а взаимнаго дѣйствія, оставляя за церковнымъ преимущество языка письменнаго и полагая, что русскій хранился только въ разговорѣ и пѣснѣ. Наконецъ, русскому языку возвращены его права, хотя и не отвергнуто его близкое соотношеніе съ церковно-славянскимъ. Было нѣкогда въ ходу такого рода мнѣніе: греки, переводя священныя книги на русскій языкъ, образовали его по грамматикѣ и синтаксису своего древняго классическаго языка и составили книжный или церковный языкъ. Духовенство и высшій классъ народа употребляли книжно-славянскій языкъ не только въ письмѣ, но и въ разговорахъ, по крайней мѣрѣ до вѣры относящихся; простолюдины подражали симъ двумъ высшимъ государственнымъ сословіямъ. Въ другомъ свѣтѣ долженъ былъ явиться вопросъ, когда древній языкъ нашъ подвергли основательному изученію, въ особенности когда утвердилось историческое направленіе, такъ превосходно начатое Востоковымъ, и изученіе славянскихъ нарѣчій положило твердую основу русской филологіи. Самостоятельность двухъ родственныхъ языковъ перестала возбуждать сомнѣніе. Впрочемъ, нѣкоторые изъ филологовъ остаются при мысли, что памятники русскаго языка являются никакъ не ранѣе XIII столѣтія; всѣ же предшествовавшія произведенія русской литературы писаны по церковно-славянски. Почти въ одно время съ этимъ мнѣніемъ высказано другое, совершенно-противоположное, по которому не только наши лѣтописи, или Русская

Правда, или Слово о Полку Игоревѣ, но и творенія Кирилла Туровскаго входятъ не только въ исторію русской словесности, но и въ исторію русскаго языка. Въ филологическомъ изслѣдованіи, излагающемъ историческій ходъ русскаго языка въ связи съ нарѣчіями соплеменными, признается несомнѣннымъ, что до XIII вѣка языкъ произведеній духовныхъ, языкъ лѣтописей и языкъ администраціи былъ одинъ и тотъ же, и уже въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей современной филологіи, посвятившій свою дѣятельность преимущественно изслѣдованію церковно-славянскаго языка, высказалъ слѣдующее убѣжденіе: „Несправедливо было бы утверждать, что каждая старая форма есть форма церковно-славянская, потому именно, что она не находится въ русскомъ языкѣ. Понятіе, слѣдственно, о вліяніи церковно-славянскаго языка на русскій смѣшиваетъ два начала — древне-славянскій и древній русскій, и едва ли не будетъ справедливѣе признать въ развитіи языка нашего, вмѣсто вліянія церковно — славянскаго языка, постепенное исчезаніе старыхъ и возникновеніе новыхъ формъ“. Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе о связи церковно-славянскаго языка съ судьбами нашей образованности. „Въ исторіи нашего просвѣщенія — говоритъ онъ — не столько важенъ вопросъ о вліяніи церковно-славянскаго языка на русскій, сколько обратно вліяніе русскаго на церковно-славянскій; внесенный вмѣстѣ съ св. книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но не принимая въ себя ничего, что рознитъ русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много русскаго, но ничего малороссійскаго, ничего великорусскаго, ничего бѣлорусскаго. Онъ былъ связью племенъ, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи“.

Не входя въ неумѣстное въ настоящемъ случаѣ разсмотрѣніе съ точки зрѣнія современной филологіи вопроса о взаимномъ вліяніи церковно-славянскаго и русскаго языковъ, мы желали бы указать, какъ сами древніе писатели наши понимали свойства литературнаго языка. По всѣмъ соображеніямъ, *русскій* языкъ и *славянскій* не представлялись въ сознаніи предковъ нашихъ двумя различными языками. Еще Несторъ говоритъ, что „*Славянскій* народъ и Русскій одинъ и тотъ же, и прозванъ *Русскимъ* отъ Варяговъ: Поляне получили особое названіе, потому

что жили въ поляхъ, рѣчь же, *языкъ ихъ тотъ же Славянскій*". Слѣдовательно, онъ признаетъ, что слова *славянскій* и *рускій* значатъ тоже самое, только первое слово — наше туземное, послѣднее — пришлое, варяжское. Есть извѣстіе, что св. Константинъ, первоучитель славянскій, нашелъ въ городѣ Корсуни Евангеліе и Псалтирь „*росьскы писменъ* писано" и человѣка, говорившаго по-русски. Несторъ же говоритъ, что при Ярославѣ переводили „отъ Грекъ *на словѣньское писмо*": по всей вѣроятности, языкъ обоихъ переводовъ принадлежалъ одному и тому же славянскому племени. Со временъ Нестора и въ послѣдующіе вѣка слова *русскій* и *славянскій* употреблялись одно вмѣсто другого. Максимъ Грекъ, дѣлая замѣчанія о правильнѣйшемъ переводѣ св. Писанія и обвиняя позднѣйшихъ книжниковъ, отдаетъ справедливость древнѣйшимъ „приснопамятнымъ преводникомъ святыхъ писаніи отъ Греческаго языка на *Рускыи*". Въ старинныхъ „азбуковникахъ" читаемъ: „въ нашихъ *Словенскаго языка* книгахъ многи рѣчи *намъ Славяномъ* неудобь разумни обрѣтаются, ихъ же не удоволишася или не потщашася на *Руски языкъ* преложити". Редакція этихъ словарей относится къ XVI и XVII в.; въ употребленіи словъ *русскія* и *славянскій* нѣтъ разницы отъ памятниковъ XI вѣка. Тожество языковъ славянскаго и русскаго признавалось не только русскими, но и другими славянами. Въ Сербіи было въ XV столѣтіи мнѣніе, что св. Писаніе первоначально переведено на „Русскій тончайшій" языкъ. Но если не было разницы въ названіи, то, быть-можетъ, въ самомъ употребленіи люди книжные *съ намѣреніемъ* избирали языкъ церковный, писали по церковно-славянски, между тѣмъ какъ массы говорили по-русски. Такое мнѣніе, какъ извѣстно, не новость въ нашей литературѣ. Что между русскими авторами были писавшіе по церковно-славянски, это не подлежитъ сомнѣнію. Исторія церковнаго языка тѣсно связана съ исторіею русской письменности; различные періоды церковно-славянскаго языка имѣли въ Россіи представителей. Но мы имѣемъ здѣсь въ виду большинство писателей и ихъ личный взглядъ на языкъ, которымъ они писали. Насколько можно уловить этотъ взглядъ въ древнихъ памятникахъ, онъ показываетъ намъ, что исключительное употребленіе церковнаго языка на счетъ русскаго вовсе не входило въ намѣреніе нашихъ древнихъ писателей. Занимаясь трудомъ литературнымъ, они далеко были отъ мысли

придать языку изысканную форму, непохожую на ту, которая являлась невольно, по самому духу языка, въ живомъ говорѣ народа. Самое направленіе литературы, преимущественно *поучительное*, и связанная съ нимъ необходимость быть общепонятнымъ предохраняли писателей отъ исключительности. Желаніе объяснить какую-либо истину или событіе составляло одно изъ условій, а весьма часто и главную цѣль литературнаго труда. При этой цѣли нельзя было не стараться передать мысль въ формѣ наиболѣе общедоступной, и стремленіе къ общедоступности выраженія замѣчаемъ дѣйствительно у многихъ изъ нашихъ писателей. Если слово, употребленное въ поученіи, считали не для всѣхъ понятнымъ, то вслѣдъ за нимъ предлагали и объясненіе. Въ словѣ о страхѣ Божіемъ за увѣщаніемъ: „потщимся вѣчныхъ избыти мукъ *нелицемѣрною* любовію" слѣдуетъ объясненіе: „Сиеже *лицемѣрство* нарицается, иже богатых дѣля стыдятся, аще неправду дѣют, а сироты озлобляти". Въ поученіи, помѣщенномъ въ Златой Цѣпи (л. 43 об.—45), такъ объясняется слово *врагъ*: „Миръ держите не только съ любовникы, но и со *враги* своими: вѣдомо же свои *врази* намъ то сут, аще ли кто кому сна (=сына) или брат зарѣзалъ" и т. п. Тѣмъ не менѣе, такъ называемые, книжный и разговорный языки представляли между собою явственное различіе. Оно зависѣло отъ характера современной образованности и ея выразительницы — литературы. Сосредоточиваясь на предметахъ религіозныхъ, мысль писателя оставалась въ высшей сферѣ умственной дѣятельности, была иначе настроена, нежели мысль человѣка, думавшаго о житейскомъ благосостояніи, или о борьбѣ и добычѣ, о пирахъ, и т. п. Различіе въ настроеніи мысли не могло не обнаружиться въ различіи слова, и, дѣйствительно, выразилось, но только не употребленіемъ двухъ различныхъ, хотя и соплеменныхъ языковъ, а въ образованіи двоякаго слога одного и того же языка. Что такое явленіе было рѣшительно неизбѣжно въ исторіи нашего языка, всего лучше доказывается многими новѣйшими попытками сдѣлать народныя нарѣчія литературными. Чѣмъ болѣе авторы переходили въ область предметовъ отвлеченныхъ, тѣмъ болѣе ихъ книжный слогъ отходилъ отъ разговорнаго. Что касается до древнихъ нашихъ писателей, то они имѣли свои понятія о красотѣ и приличіи слога, и, руководствуясь ими, заботились

о достоинствѣ образовъ и выраженій, не допуская ничего плоскаго и тривіальнаго. Выборъ ихъ, часто довольно строгій, имѣлъ одну цѣль — сохранить въ выраженіи достоинство выражаемой идеи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ доказательства, представляемыя произведеніями древнихъ нашихъ писателей. Изъ нихъ одинъ принадлежитъ почти къ началу нашей древней словесности, другой завершаетъ ее своими твореніями. Съ намѣреніемъ выбираемъ два крайніе предѣла, чтобъ очевиднѣе было сходство во взглядѣ на разсматриваемый предметъ до самаго исхода древняго періода. Достопамятный витія нашъ XII вѣка, Кириллъ Туровскій, бесѣдуя о взаимномъ соотношеніи души и тѣла, видимо стремится такой высокій предметъ объяснить самымъ доступнымъ образомъ. Но здѣсь встрѣтилось ему затрудненіе. Высокость идеи требовала избѣгать напоминанія о предметахъ ежедневнаго быта, между коими есть и тривіальные. Существенная же цѣль бесѣды, сообщеніе идеи слушателямъ, заставляла прибѣгать именно къ этимъ предметамъ. Нашъ авторъ уступилъ послѣднему требованію, провелъ по всему слову образъ, взятый изъ ежедневной жизни, и только просилъ простить ему этотъ образъ, чѣмъ и выразилось его уваженіе къ идеѣ. Его литературные пріемы весьма любопытны, какъ черта вѣка. Онъ сравниваетъ душу и тѣло, различнымъ образомъ подвигающіе человѣка на грѣхъ, съ хромымъ и слѣпымъ, приставленными къ саду для сбереженія плодовъ и склоняющими другъ друга къ нарушенію данной имъ обязанности. „Однажды, говоритъ онъ, слѣпой спросилъ у хромого: что за пріятный запахъ долетаетъ ко мнѣ? Хромой отвѣчалъ: много прекрасныхъ плодовъ у господина нашего: сладость вкуса ихъ нельзя и разсказать словами. Но онъ себѣ на умѣ: приставилъ тебя слѣпого, а меня хромого, чтобы мы не могли пойти насытиться „благынь" его. Слѣпой ему въ отвѣтъ: зачѣмъ же ты прежде не сказалъ мнѣ объ этомъ, и мы похитили бы данное въ наше распоряженіе. Хоть я и слѣпъ, но имѣю ноги и силу, могу понести тебя и другую ношу... Если меня спроситъ господинъ о покражѣ, я скажу: ты же знаешь, что я слѣпъ; если тебя, скажи: я хромой и не могу туда дойти. И такъ перехитримъ своего господина и получимъ свою плату. Хромой сѣлъ на слѣпого, пришли и обокрали все, что было внутри". Сказавши это, авторъ счелъ нужнымъ обратиться къ слушателямъ съ слѣдующимъ извиненіемъ: „не обвиняйте меня, братія,

въ грубомъ способѣ, какимъ объясняю я св. Писаніе. Какъ птица, когда ноги ея завязли, не можетъ взлетѣть на высоту воздушную, такъ и мнѣ, увязшему въ тѣлесныхъ похотяхъ, невозможно бесѣдовать о духовномъ: не слагаются слова грѣшника, не имѣя влаги Св. Духа". Эта оговорка доказываетъ, что ораторъ былъ самъ нѣсколько озадаченъ употребленнымъ имъ сравненіемъ. Его смутила, видимо, не тривіальность словъ, а тривіальность самой картины: воображенію представился видъ калѣки, сѣвшаго верхомъ на слѣпца. Слѣдовательно, не слово, а предметъ казался неприличнымъ, и предметами-то собственно, а не словами оскорблялся вкусъ и позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ предметъ и его названіе тѣсно связаны между собою, то мало-по-малу замѣненіе словъ общенародныхъ церковно-славянскими входило въ обычай, усилившійся къ концу древняго періода. Что этотъ обычай не скоро вытѣснилъ древнее употребленіе, доказываетъ примѣръ писателя, заключающаго, какъ мы сказали, рядъ древнихъ писателей нашихъ. Я говорю о св. Димитріи (1651—1709). Въ Розыскѣ о Брынскомъ раскодѣ онъ высказываетъ въ предисловіи свои понятія о различіи слога по разности предметовъ. Авторъ проситъ читателей не удивлятися въ его книгѣ *просторѣчію* и *некрасному сочиненію*, оправдывая себя тѣмъ, что писалъ для *самыхъ препростыхъ* людей. При этомъ указываетъ на примѣръ Златоуста и самого Спасителя. Одинъ разъ, говоритъ онъ, когда Златоустъ училъ въ церкви, женщина воззвала къ нему: учитель духовный! глубокъ колодезь твоего ученія, а верви ума моего слишкомъ коротки, чтобъ почерпнуть изъ такого глубокаго колодезя. Съ тѣхъ поръ ораторъ отложилъ *риторствованіе* и держался *просторѣчія*. Самъ Христосъ, бесѣдуя съ людьми книжными, простиралъ къ нимъ словеса, исполненныя божественной *премудрости, приводя свидѣтельство отъ книгъ пророческихъ;* простому же народу говорилъ простыми притчами: царство небесное уподоблялъ человѣку, сѣявшему на селѣ, и купцу, и зерну горчичному, и квасу, который женщина скрыла въ трехъ мѣрахъ муки, и т. п. (Матѳ. XIII, 3—50). Слѣдовательно, по мнѣнію св. Димитрія, достоинство слога состоитъ въ заимствованіи образовъ изъ св. Писанія; въ простомъ же слогѣ образы берутся изъ ежедневнаго быта, отъ предметовъ самыхъ обыкновенныхъ и незначительныхъ. Итакъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ почти

одинаково понимались условія литературнаго языка. Разница только та, что Кириллъ Туровскій употребляемый имъ образъ выраженія признавалъ обычнымъ, лично ему принадлежащимъ, а св. Димитрій допускаетъ его только для людей непросвѣщенныхъ. Св. Димитрій составляетъ во многомъ исключеніе изъ круга современныхъ ему авторовъ, сближаясь въ своихъ произведеніяхъ съ духомъ древней русской словесности. Другіе же писатели XVII вѣка слѣдовали иному направленію. Литература становилась все болѣе искусственною, а вмѣстѣ измѣнялся и слогъ. То, что было прежде простою потребностью приличія слога, какъ бы ни понимали его авторы, перешло въ XVII в. въ вычурность и претензію на щегольство. Могло случиться, что иные книжники, и въ письмѣ и, отчасти, даже въ живомъ разговорѣ, стали гнушаться не тривіальнымъ образомъ, а самимъ словомъ, если оно ходило въ общемъ употребленіи народа. Тогда-то оттѣнки слова одного и того же языка перерodились въ сознаніи употреблявшихъ его какъ бы въ два особенные языка. По крайней мѣрѣ къ такому заключенію ведетъ свидѣтельство филолога Лудольфа, автора Русской грамматики. Онъ утверждаетъ положительно, что русскіе отличаютъ собственно русскій языкъ (lingua Russica) отъ языка славянскаго (lingua Slavonica). Лудольфъ говоритъ, что у русскихъ славянскій языкъ есть языкъ богослуженія и церковныхъ книгъ, кромѣ того, безъ помощи его нельзя ни писать, ни разсуждать о предметахъ учености и познаній, и чѣмъ ученѣе кто хочетъ прослыть, тѣмъ больше славянизмовъ употребляетъ и въ рѣчи и въ письмѣ. Въ обыкновенномъ же разговорѣ никто не употребляетъ славянскаго языка, да и названій многихъ вещей, необходимыхъ въ ежедневномъ быту, нѣтъ въ славянскихъ книгахъ. Даже подсмѣиваются надъ тѣмъ, кто через-чуръ любитъ красить обыкновенную рѣчь славянизмами, такъ что у русскихъ есть поговорка: „говорить должно по-русски, а писать по-славянски" — loquendum est russice et scribendum est Slavonice. Свидѣтельство Лудольфа относится къ концу XVII вѣка и подтверждается свидѣтельствомъ русскаго писателя, образовавшагося въ самомъ началѣ XVIII в., именно Тредьяковскаго (род. 1703). Въ „Ѣздѣ на островъ Любви", переведенный имъ, когда онъ былъ еще студентомъ, Тредьяковскій говоритъ, обращаясь къ читателю: „На меня, прошу васъ покорно, не извольте погнѣваться (буде вы еще глубоко-

словныя держитесь славенщизны), что я оную не Славенскимъ языкомъ перевелъ, но почти самымъ простымъ Рускимъ словомъ, то-есть каковымъ мы межъ собой говоримъ". Самая важная причина этому состояла въ томъ, что „языкъ Словенской, продолжаетъ авторъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего *не толко я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми*: но за то у всѣхъ я прошу прощенія, при которыхъ я съ глупословіемъ моимъ Славенскимъ особымъ *рѣчеточцемъ* хотѣлъ себя показывать". Слова Тредьяковскаго показываютъ, что и самъ онъ говорилъ по-славянски, и также, судя по выраженію: „если вы еще держитесь славенщизны", что въ его время были еще люди, для которыхъ имѣла значеніе приведенная Лудольфомъ поговорка о языкахъ славянскомъ и русскомъ. Такое разъединеніе двухъ элементовъ русскаго языка является уже въ позднѣйшую, переходную эпоху, но оно было чуждо древнему періоду.

Даже въ XVII столѣтіи произведенія писателей просвѣщенныхъ отличались отъ произведеній авторовъ, неполучившихъ образованія, не столько особенностями языка, сколько высотою и направленіемъ мысли, не вполнѣ доступными для людей необразованныхъ. Въ этомъ отношеніи весьма любопытнымъ памятникомъ служитъ опытъ нашего литератора самоучки писать простымъ и общедоступнымъ языкомъ въ противоположность цвѣтистому краснорѣчію извѣстнѣйшаго стилиста того времени — Симеона Полоцкаго. Взявъ въ образецъ „Обѣдъ душевный" и „Вечерю душевную" этого оратора, одинъ священникъ „на Орлѣ городкѣ", Пермской губерніи, составилъ (около 1684 г.) рядъ поученій подъ названіемъ *Статиръ*. Кромѣ идеи и плана сочиненія, авторъ заимствовалъ у С. Полоцкаго много отдѣльныхъ мѣстъ въ „словахъ", и способъ передачи этихъ мѣстъ тѣмъ любопытнѣе, что, по свидѣтельству автора, *слогъ* С. Полоцкаго былъ невразумителенъ простымъ людямъ: „Обѣдъ же и Вечерю отца Симеона П. слогъ, тая простѣйшимъ людямъ за высоту словесъ тяжка быстъ слышати". Поэтому въ Статирѣ можно бы ожидать совершенно другихъ словъ и оборотовъ при выраженіи мысли, заимствованной изъ сочиненій Полоцкаго. Но на дѣлѣ выходитъ иное: представимъ фактическія доказательства. Въ Словѣ въ недѣлю 3-ю по Пасхѣ читаемъ въ Статирѣ: „Нѣсть живаго с мртными (= мертвыми), нѣсть во гробѣ истощившаго гробы, нѣсть во тли нетлѣннаго,

воста животъ отъ гроба; но престаните отъ слезъ и примите радость, и возвратитеся вспять и рцыте оученикомъ и Петрови, да идутъ въ Галилею и тамо Его оузрятъ, якоже прежде рече имъ". У Симеона Полоцкаго въ „Обѣдѣ душевномъ" то же самое выражено слѣдующимъ образомъ: „Нѣсть живый съ мертвыми. Нѣсть во гробѣ испраздивый гробы. Нѣсть во тли нетлѣнный, воста животъ отъ гроба... Радуйтеся, и идите возвѣстите братіи моей, да идутъ въ Галилею, и тамо мя видятъ". Приведенныя слова начинаютъ и оканчиваютъ повѣствованіе, занимающее три страницы. Выраженія въ проповѣди С. Полоцкаго, опущенныя нашимъ пермскимъ авторомъ, составляютъ распространеніе той же самой мысли, т.-е. что Спаситель воскресъ. Распространенія имѣютъ видъ реторическихъ фигуръ: единоначатія, обращенія и т. п.: „*Воста* первенецъ изъ мертвыхъ, яко женихъ отъ чертога. *Воста* яко спя Господь и воскресе, спасая родъ человѣческій. *Воста*, да и мы востанемъ отъ грѣха во спасеніе, и во животъ отъ смерти" и т. д., или: „плачютъ и мирно приносятъ; плачютъ не цѣны мира тщеты" и проч. Въ Словѣ въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ въ Статирѣ: „Можаше и сей помыслити в себѣ сице: кто есть сей, вопрошаяй мя: хощеши ли целъ быти, вѣсть, яко больный ничтоже желаетъ паче здравія, ничтоже любитъ паче цѣлости тѣлесныя, видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща никого же помогающа, и толико лѣтъ присѣжу здѣ не иныя ради вины, точию здравіе получу отъ воды, обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти? Не оутѣшити мою бѣдность сей пріиде, но токмо поругатимися окаянному. Но ничтоже сего помысли, ниже что мало показа въ себѣ нетерпѣнія". Въ словѣ въ ту же недѣлю у Симеона Полоцкаго: „Можаше бо в себѣ помыслити сице: кто сей есть, вопрошаяй мя: хощеши ли цѣлъ быти; вѣсть, яко больнымъ ничтоже есть желательнѣе здравія, ничтоже любительнѣе цѣлости: видитъ мя бѣдна, разслабленна, неимуща доброты и движенія, прилежаща купѣли не иныя вины ради, точию да цѣлость получу воды возмущеніемъ. обаче вопрошаетъ мя: хощеши ли цѣлъ быти; не оутѣшити мя бѣднаго сей пріиде, но поругатися окаянному. Сице же мысля, можаше поне возроптати на вопросивша: обаче ничтоже онъ сицево помысли, и ни мала знаменія показа по себѣ нетерпѣнія". Въ свою очередь, авторъ позволялъ себѣ иногда прибавить два-три выраженія къ оригиналу. Такъ, въ 1-мъ Словѣ въ день

Вознесенія Симеонъ Полоцкій говоритъ отъ лица „оставленныхъ:“ „Отче, учителю и Господи вскую ны тако сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волкъ безъ пастыря, и яко корабль посредѣ моря безъ кормчія“. Соотвѣтствующее мѣсто въ Статирѣ: „О оучителю нашъ и Господи, вскую ны сиры оставляеши, яко овцы посредѣ волковъ бес пастыря; яко голуби посредѣ растерзательныхъ ястребовъ, и яко корабль посредѣ свирѣпаго моря на разбитіе волнамъ горoподобнымъ безкормчія, и яко виноградъ зеленый бес стража на потоптаніе онагромъ и осломъ дивіимъ“. Такого же рода, какъ приведенныя нами, и всѣ другія заимствованія автора Статира изъ твореній Симеона Полоцкаго Изъ сличенія мѣстъ заимствованныхъ съ другими мѣстами оригинала оказывается, что позднѣйшій составитель поученій выбиралъ изъ своего образца только то, что считалъ понятнымъ всѣмъ и каждому, оставляя нетронутыми мысли отвлеченныя и положенія замысловатыя. Видно, что не слова и даже не сочетаніе словъ у С. Полоцкаго были чужды его подражателю, а предметы, выраженные этими словами. Различіе въ предметахъ, доступныхъ сознанію и сочувствію обоихъ писателей, опредѣлялось различіемъ ихъ въ степени образованія. Житель малоизвѣстнаго уголка въ Россіи, человѣкъ, который, по собственному призванію, и не слышалъ какъ учатся грамматикѣ, а философію и въ глаза не видѣлъ, не могъ соперничать съ ораторомъ столицы, питомцемъ академіи и воспитателемъ наслѣдника престола, ученымъ, обладавшимъ обширными свѣдѣніями и любившимъ приводить своимъ слушателямъ не только слова св. Писанія и отцовъ церкви, но и мнѣнія Демосѳена, Гераклита и другихъ представителей образованности древняго міра.

Примѣръ замѣчательнаго пермскаго литератора показываетъ, что и въ концѣ древняго періода нашей словесности, какъ и въ его началѣ, литературныя произведенія различались между собою, въ понятіи ихъ современниковъ, болѣе предметами и цѣлью, нежели языкомъ въ собственномъ смыслѣ. Языкъ же, по своему составу, по словамъ и ихъ соединенію въ ходѣ рѣчи, оставался всегда общедоступнымъ, не препятствуя разумѣнію мысли, если мысль была такого рода, что для усвоенія ея требовалось одного только знанія языка.

Все сказанное приводитъ къ заключенію, что литературный языкъ въ древней Руси находился въ прямомъ соотвѣтствіи съ характеромъ самой литературы и съ образованностію народа, и служилъ залогомъ его народности. Ни одинъ классъ народа, ни одинъ кругъ класса не измѣнялъ родному слову. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что говоря вообще, русскіе были довольно знакомы съ языками иностранными. Званіе языковъ условливалось четырьмя обстоятельствами: международными сношеніями, путешествіями, распространеніемъ вѣры и требованіемъ образованности. Сносясь со многими народами, близкими и отдаленными, русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе нежели другіе европейцы. Это знакомство принадлежало всѣмъ классамъ безъ исключенія, и пріобрѣталось навыкомъ, безъ опредѣленной наукою методы. Хотя простое знакомство съ иностранными языками никакъ не можетъ итти въ сравненіе съ основательнымъ, систематическимъ изученіемъ языковъ, однако и оно не почитается современными филологами за фактъ совершенно ничтожный въ умственной жизни народа. Значительно менѣе было число узнававшихъ чужіе языки въ путешествіяхъ. Этотъ недостатокъ замѣнялся изученіемъ языковъ нашими миссіонерами, которымъ нельзя не отдать полной справедливости: свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя ими, были положительныя, извѣстія о чужихъ языкахъ точныя. Озаряя свѣтомъ народы невѣрные, русскіе въ свою очередь принимали просвѣщеніе, развившееся на югѣ Европы гораздо ранѣе, нежели на востокѣ и западѣ ея. Сочувствуя южно-европейской образованности, они изучали языкъ греческій; свойства его были предметомъ особеннаго вниманія, какимъ пользовались и произведенія, писанныя на этомъ языкѣ. Зная греческій языкъ, предки наши не были равнодушны и къ его обычному спутнику въ исторіи просвѣщенія европейскихъ народовъ — языку латинскому. Но всѣхъ выше цѣнимъ и постоянно употребляемъ былъ народный языкъ. На немъ раздавалась пѣсня и повторялось преданіе старины: отъ колыбели и до могилы родные звуки окружали русскаго человѣка. Понятный же, общедоступный языкъ оставался неизмѣннымъ орудіемъ и выраженіемъ образованности.

Сухомлиновъ.

Лица, занимавшіяся обученіемъ.

Обученіемъ, по крайней мѣрѣ преимущественно, завѣдывало духовенство. Хотя такое заключеніе не опирается на многихъ непосредственныхъ свидѣтельствахъ древнѣйшихъ лѣтописей и офиціальныхъ актовъ, однако оно вполнѣ оправдывается слѣдующими соображеніями: 1) не только въ Византійской имперіи, но и во всей Европѣ, въ разсматриваемое время, образованіе юношества находилось въ вѣдѣніи духовенства; въ Болгаріи, Чехіи и Польшѣ устройствомъ училищъ и образованіемъ дѣтей распоряжалось исключительно духовенство; 2) первоначальное устройство училищъ непосредственно слѣдовало за введеніемъ христіанства. Какъ бы ни было велико число духовныхъ лицъ, сопровождавшихъ Владимира изъ Корсуня въ Кіевъ, все же размѣщеніе священниковъ и причетниковъ по городамъ и селамъ, въ первую пору, безъ сомнѣнія, должно было встрѣтить величайшія затрудненія, если даже допустить, какъ допускаетъ преосв. Макарій, что у насъ, еще со времени Аскольда и Дира, или, по крайней мѣрѣ, со времени Игоря, могли мало по-малу возникать храмы, а вмѣстѣ съ ними появляться священники, для рукоположенія которыхъ должны быть и свои епископы. Не должны ли были наши пастыри прежде всего озаботиться пріисканіемъ средствъ для сохраненія полнаго состава духовенства и на будущее время, тѣмъ, чтобы духовенство и впредь могло наполнять себя лицами, достойными своего званія? Такимъ образомъ, независимо отъ интересовъ народнаго образованія вообще, была настоятельная потребность въ училищахъ для образованія лицъ, приготовлявшихъ себя къ духовному званію; послѣдняя цѣль, если бы и не подтверждалась приведеннымъ выше свидѣтельствомъ Іоакимовой лѣтописи, съ необходимостью вытекаетъ изъ положенія Русской Церкви въ эпоху ея первоначальнаго учрежденія; если же училища имѣли такую преимущественную цѣль, то и наставники въ нихъ естественно должны быть лица духовныя; 3) духовенство само смотрѣло на себя какъ на главное орудіе распространенія образованія: оно почитало первою и священною своею обязанностію внушать истинныя понятія о христіанской вѣрѣ и нравственности, а выполненіе этой обязанности не могло обойтись безъ распространенія грамот-

ности, такъ что послѣднее является какъ необходимое слѣдствіе назначенія духовенства. Оно понимало, что одни поученія, повѣряемыя одной памяти, не могли быть вполнѣ дѣйствительны, что впечатлѣнія, производимыя ими на сердца необразованныхъ слушателей, не могли быть продолжительны, что прежде всего необходимо дать имъ средства самимъ читать св. Писаніе и понимать, подъ его руководствомъ, истинный смыслъ евангельскаго ученія, что тогда только народное образованіе могло получить прочное основаніе и правильное дальнѣйшее развитіе. И духовенство дѣйствовало по этимъ естественнымъ побужденіямъ, неутомимо стремилось къ предположенной цѣли и достигло ея съ блистательнымъ успѣхомъ, сообщивъ древне-русской образованности тотъ религіозно-нравственный характеръ, который необходимо вытекалъ изъ изъ ея основанія. 4) Доселѣ сохраняющійся способъ первоначальнаго обученія, сообщаемаго священниками и причетниками, также доказываетъ, что образованіе въ древнюю пору находилось въ вѣдѣніи духовенства. Наконецъ, высказанное нами заключеніе оправдывается и общественнымъ положеніемъ духовенства, и нравственнымъ его вліяніемъ, и превосходствомъ образованія.

По своему назначенію и по характеру всей своей дѣятельности, оно имѣло ближайшее отношеніе къ занятіямъ этого рода, сравнительно съ другими сословіями. Его непосредственному вѣдѣнію ввѣрена была вся нравственная сторона жизни народа, служащая основаніемъ для всѣхъ остальныхъ явленій жизни; а истинное народное образованіе есть краеугольный камень народной нравственности, потому что послѣдняя не слагается изъ положеній, законовъ, извнѣ данныхъ, а восходитъ на степень истинно-человѣческой нравственности, только подъ условіемъ признанія необходимости этихъ положеній разумомъ; а такое признаніе есть уже прекрасный плодъ образованія. Въ этомъ состоитъ неразрывная связь нравственности съ образованіемъ, а потому если область первой ввѣрена была преимущественному вѣдѣнію духовенства, то и область второго, съ необходимостію логическаго слѣдствія, принадлежала вѣдѣнію того же духовенства. Остальныя условія древней Руси имѣли строго опредѣленный кругъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью или внѣшнюю опасность страны, или охраненіе внутренняго порядка и спокойствія на основаніи суще-

ствовавшаго законодательства, или матеріальное благосостояніе: и воины, и судебные, и административные чины, и торговые люди, и земледѣльцы, — всѣ, вращаясь въ однажды очерченномъ для нихъ правительственномъ кругѣ, имѣли только посредственное отношеніе къ той высшей, нравственной области, или возбуждая своею дѣятельностію ея развитіе, или предотвращая всѣ возмущенія, которыя могли бы остановить ихъ или задержать послѣднее.

Такое непосредственное дѣйствіе духовенства на высшие интересы общества служитъ вмѣстѣ и объясненіемъ его нравственнаго вліянія. Если всѣ явленія жизни вытекаютъ изъ нравственныхъ побужденій, а эти послѣднія, при посредствѣ вѣры и образованія, возникали, укрѣплялись и развивались подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ духовенства, то, очевидно, его вліяніе должно было проникать во всѣ стихіи общественной и частной жизни. И духовенство не могло не сознавать, а правительство и народъ не могли не признавать за нимъ этого обширнаго и могущественнаго вліянія. Въ этомъ сознаніи и въ этомъ признаніи кроются причины, почему наши пастыри Церкви, какъ власть имѣющіе являлись и на политическомъ, и на военномъ, и на гражданскомъ поприщахъ. Проникнутый этимъ сознаніемъ, митрополитъ Никифоръ, убѣждая Всеволода Юрьевича на миръ съ княземъ кіевскимъ, такъ положительно высказалъ свое назначеніе: „княже, *мы есмы приставлены въ Руской земли отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья*"; въ томъ же смыслѣ говорилъ епископъ Евфимій Изяславу Мстиславичу во время его вражды съ Юріемъ Владиміровичемъ: „княже, смирися съ строемъ своимъ: много спасенія пріимеши отъ Бога, и землю свою избавиши отъ великыя бѣды". Такихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ очень много. Духовенство, въ интересахъ мира, иногда даже убѣждало нарушить крестное цѣлованіе, гдѣ оно влекло за собою кровопролитіе. Когда въ 1127 году Ярославъ, князь муромскій, изгнанный изъ Чернигова Всеволодомъ Ольговичемъ, просилъ помощи у Мстислава Владиміровича, *іерейскій соборъ* объявилъ послѣднему: на ны буди то грѣхъ: створи миръ": а игуменъ Григорій сказалъ: „то есть льжѣе, неже пролъяти кровь крестьянску". — и Мстиславъ *преступилъ хрестъ къ Ярославу, хотя и плакася того вся она живота своего.*

Столь важное и преимущественное значеніе духовенства,

возможное и благотворительное для того времени, вполнѣ опредѣляется превосходствомъ его образованія предъ всѣми другими сословіями. Весьма естественно, что лица, усвоившія себѣ цвѣтъ византійской образованности, появившись въ странѣ, еще только начавшей свою гражданскую жизнь, должны были смотрѣть на себя, какъ на орудіе распространенія образованія, а потому обязанность наставниковъ прежде всего должна была занять ихъ дѣятельность. Кому же было и принять на себя эту обязанность, какъ не тѣмъ, кого уже самое назначеніе опредѣлило къ ней, назначеніе поучать народъ вѣрѣ и нравственности, съ чѣмъ неразлучно и умственное образованіе. Въ особенности духовенство имѣло важное образовательное значеніе въ періодъ монгольскаго ига, когда прежнія училища падали, а о новыхъ нельзя было и думать. „Приходскимъ священникамъ, говоритъ епископъ Филаретъ, поставлялось въ обязанность почерпать знаніе вѣры и обязанностей изъ полезныхъ книгъ и изъ бесѣдъ съ опытными, учить малыхъ дѣтей въ домѣ, а всѣхъ—въ храмѣ". Тотъ же авторъ приводитъ замѣчательныя слова изъ извѣстнаго *Поученія къ попомъ* митрополита Кирилла: „блюдите же и родимыхъ дѣтей" и слова св. Петра: „упражняйтеся дѣти въ чтеніи книгъ и въ ученіи день и нощь". Въ одномъ Сборникѣ XVII вѣка недостатокъ обученія прямо приписывается уклоненію священниковъ отъ своего назначенія: „пишетъ учитель нѣкии в наказании учительномъ, *отгиде законъ отъ священниковъ*, наказание отъ учащихся". Въ Правилѣ же митрополита Кирилла, на соборѣ 1274 года, между прочими условіями постановленія священниковъ, сказано: „аще грамотоу добрѣ свѣдять". Впрочемъ, не только въ Россіи, но и во всей Европѣ въ то время, какъ мы замѣтили выше, духовенство, выполняя повелѣнія апостола передавать другимъ то, что слышало отъ него, съ первыхъ временъ христіанства, приняло на себя священную обязанность образованія юношества. Черноризецъ Дукеъ говорилъ Іоанну экзарху болгарскому: „веля и моля его приложити учительская сказанія: „*попови чьто есть ино дѣло, развѣ ученья!* до ельма же еси службу ту пріялъ, то и се ти пужда есть дѣлати". Изъ этого видно что черноризецъ Дукеъ не понималъ другого занятія для духовнаго лица, кромѣ ученія. На Западѣ эта обязанность скрѣплена была даже церковнымъ постановленіемъ, опредѣленнымъ на соборѣ. „ut omnes pres-

byteri, qui sunt in parochiis constituti, *secundum consuetudinem, quam per totam Italiam satis salubriter teneri cognorimus*, juniores lectores secum in domo recipiant, et eos psalmos parare, divinis lectionibus insistere et in lege domini erudire contendant: ut sibi dignos successores provideant". Почитаемъ излишнимъ распространяться объ этомъ предметѣ, понятномъ для каждаго, тѣмъ болѣе, что ни въ лѣтописяхъ, ни въ другихъ историческихъ источникахъ мы не находимъ указанія на занятія того же рода лицъ, принадлежавшихъ къ другимъ сословіямъ.

Лавровскій.

Источники древнерусскаго просвѣщенія.

Древнѣйшимъ памятникомъ, который доставлялъ, кромѣ религіознаго поученія, также извѣстную долю научныхъ знаній, былъ знаменитый „Шестодневъ" или „Шестоденье" Іоанна экзарха Болгарскаго, представлявшій изложеніе шести дней съ объясненіями богословскими, нравоучительными, а также частію естественно-научными. Послѣ вступленія, обращеннаго къ князю Симеону, въ заглавіи Шестоденья указаны его источники: „Василій" (т.-е. Шестодневъ Василія Великаго), Іоаннъ (т.-е. Іоаннъ Дамаскинъ), „Севріянъ" (т.-е. Северіанъ Гевальскій), „Аристотель философъ" и иные. Въ разныхъ мѣстахъ книги Іоаннъ экзархъ дѣйствительно ссылается также на греческихъ философовъ: Парменида, Ѳалеса („Таллъ)", Платона и пр., между прочимъ съ прямыми обращеніями къ нимъ и опроверженіемъ ихъ заблужденій; онъ обличаетъ также „астроложскую прелесть" и сопровождаетъ свой разсказъ о міротвореніи постояннымъ комментаріемъ, построеннымъ на его византійскихъ образцахъ. Трудъ Іоанна экзарха всѣмъ своимъ характеромъ напоминаетъ эти византійскіе образцы: для новообращенныхъ было, разумѣется, необходимо первое ученіе о міротвореніи, но трудъ экзарха уже заключалъ въ себѣ тотъ недостатокъ, который впослѣдствіи былъ сильно распространенъ въ славяно-русской письменности: книга далеко не отвѣчала уровню тѣхъ читателей, къ которымъ была обращена. Новые христіане, южные славяне и русскіе, далеко не были приготовлены къ подобному изложенію: имъ, конечно, мало

были понятны богословскія тонкости, реторическія украшенія, обличенія невѣдомыхъ греческихъ философовъ, „астроложской прелести". Этимъ читателямъ предлагалась книга, скопированная съ византійскихъ оригиналовъ, гдѣ поученія назначались для язычниковъ, грековъ первыхъ временъ христіанства, обличали Ѳалеса, ссылались на Платона и Аристотеля. До сихъ поръ еще не дослѣдовано, но едва ли вѣроятно, чтобы экзархъ прямо зналъ Аристотеля или Платона. И не мудрено, что книга, какъ и другія, не послужила зерномъ для самостоятельнаго развитія понятій; она принималась на вѣру, полупонятая. Этотъ Шестодневъ, вмѣстѣ съ другими, прямо или косвенно византійскими произведеніями, былъ тѣмъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго старые наши книжники узнали о древнихъ греческихъ философахъ именно только по слуху, а не по самымъ ихъ твореніямъ. Въ Шестодневѣ экзарха въ первый разъ упомянутъ въ неопредѣленной фразѣ, на ряду съ Платономъ, „Физіологъ", вѣроятно, тотъ „Физіологъ"-писатель, подъ которымъ подразумѣваютъ Аристотеля и по имени котораго прославилась въ средніе вѣка книга „Физіологъ", заключавшая разсказы о животныхъ, между прочимъ баснословные, и извѣстная въ переводѣ и въ нашей древности.

Другой памятникъ, гдѣ рядомъ съ вѣроученіемъ сообщались свѣдѣнія историческія и естественно научныя, на этотъ разъ чисто византійскій переводный памятникъ, была „Палея". Изученіе этого памятника, давно уже обратившаго на себя вниманіе нашихъ изслѣдователей, еще донынѣ не закончено; не закончено пока и самое изданіе этого памятника. „Палея" есть собственно сокращенное названіе Ветхаго Завѣта, и въ старой нашей письменности случалось даже, что Палеей именно и назывался Ветхій Завѣтъ; но собственно говоря, памятникъ, носящій это имя, есть особое изложеніе ветхозавѣтной исторіи болѣе „полное", чѣмъ въ Библіи, именно дополненное цѣлымъ рядомъ ветхозавѣтныхъ апокрифическихъ книгъ и, кромѣ того, заключающее въ себѣ полемику противъ іудеевъ и частію магометанъ. Происхожденіе памятника еще не выяснено: въ изданныхъ памятникахъ византійской литературы оригинала его не нашлось, но по всѣмъ особенностямъ своимъ Палея считается памятникомъ византійскимъ. Палея несомнѣнно служила однимъ изъ источниковъ нашей начальной

лѣтописи въ изложенія ветхозавѣтной исторіи, и это указываетъ уже на ея древность. Срезневскій полагалъ, что она переведена была на славянскій языкъ въ очень древнее время, вѣроятно, въ Болгаріи. Перешедши въ русскую письменность, Палея получила большое распространеніе, и между прочимъ испытала значительныя переработки; указано, напримѣръ, большое сходство въ описаніи дней творенія съ Шестодневомъ Іоанна экзарха, что объясняютъ тѣмъ, что въ собственно Толковой Палеѣ это описаніе было короче и позднѣе уже было дополнено изъ болѣе подробнаго изложенія Іоанна экзарха; указывалось также, что только позднѣе, уже на русской почвѣ, внесены въ Палею сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ (съ XV-го вѣка?); полагаютъ даже, что всѣ цѣльные (а не въ отрывкахъ) апокрифы могли быть вставками, сдѣланными уже при русской переработкѣ (кромѣ развѣ Завѣтовъ двѣнадцати патріарховъ) и т. д. Кромѣ Палеи Толковой обращалась также другая, такъ называемая историческая Палея: „Книга бытія небеси и земли" (изданная А. Поповымъ, 1881), которая не имѣетъ экзегетическихъ толкованій и полемики, но столько же исполнена апокрифическими элементами. Для этой краткой, исторической Палеи отыскивался греческій подлинникъ. Была еще краткая редакція Палеи собственно русскаго состава и т. д.

Основнымъ, наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе общимъ изложеніемъ ветхозавѣтной, наполовину апокрифической исторіи оставалась Палея Толковая. Слѣды ея находятъ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, какъ напримѣръ въ „Словѣ о законѣ и благодати", приписываемомъ митрополиту Иларіону, въ поученіи Владиміра Мономаха, до позднѣйшихъ хронографовъ и азбуковниковъ, которые обильно изъ нея черпали; послѣднія отраженія ея баснословныхъ апокрифическихъ элементовъ доходятъ до народной поэзіи — въ духовныхъ стихахъ..... Литературная судьба Палеи очень характерна. По старому обычаю книга, казавшаяся авторитетною и назидательною, при отсутствіи имени автора приписывалась обыкновенно какому нибудь знаменитому учителю Церкви; такъ, Палея была приписана Іоанну Златоусту или Іоанну Дамаскину, и на этомъ основаніи въ самодѣльномъ спискѣ „книгъ истинныхъ и ложныхъ" она безъ всякихъ сомнѣній ставилась въ ряду первыхъ, между тѣмъ, какъ мы замѣчали и именно переписаны л... самыми, т. е. апокрифическими ка-

гами, помѣщенными въ ней въ полномъ составѣ и въ отрывкахъ. Это весьма нерѣдкая черта стариннаго книжнаго простодушія, т.-е. отсутствіе критики. Статья „О книгахъ истинныхъ и ложныхъ" встрѣчается въ старыхъ сборникахъ во множествѣ списковъ; заимствованная первоначально, вѣроятно, еще въ очень старое время, изъ византійскихъ индексовъ, запрещавшихъ чтеніе подложныхъ книгъ, она на русской почвѣ была дополнена, кромѣ того, по наличному составу русской письменности (во многихъ случаяхъ дополнена очень страннымъ образомъ), и частое повтореніе ея въ рукописяхъ показываетъ, что ревнители правовѣрія старались оградить читателя отъ заблужденій, — а между тѣмъ мы не знаемъ примѣра, чтобы у кого-нибудь изъ этихъ ревнителей явилась мысль, что въ Палеѣ, рекомендуемой въ качествѣ истинной книги, заключалась цѣлая масса книгъ, которыя здѣсь же рядомъ были осуждены, какъ ложныя.

Излагая ветхозавѣтную исторію, Палея съ ея апокрифическими элементами передавала такимъ образомъ эту исторію въ нѣсколько фантастическомъ видѣ. Она, кромѣ упомянутой полемики противъ іудеевъ и магометанъ, постоянно указываетъ параллели между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ въ смыслѣ преобразованія и, какъ въ Шестодневѣ Іоанна экзарха или въ его византійскихъ источникахъ, къ библейскому разсказу присоединяетъ съ одной стороны апокрифическія подробности (напр., съ самаго начала о паденіи Сатанаила и т. д.), съ другой естественно-историческіе разсказы изъ старыхъ греческихъ источниковъ, съ прибавленіемъ нравоучительныхъ толкованій. Творенію міра предшествуетъ твореніе духовъ, ангеловъ, и перечисляются по „Небесной іерархіи" Діонисія Ареопагита девять чиновъ ангельскихъ съ ихъ старѣйшинами, „воеводами" и начальниками. Первоначально было десять чиновъ, но десятый чинъ „преложился въ демоновъ". Присоединяя сюда начальныя слова въ евангеліи отъ Іоанна, Палея опредѣляетъ ученіе о св. Троицѣ. При каждомъ днѣ творенія Палея присоединяетъ естественно-историческія толкованія. Первымъ источникомъ этихъ толкованій былъ Василій Великій, св. Епифаній, Северіанъ Гевальскій. Отсюда заимствовано, напр., представленіе объ ангелахъ, посылаемыхъ Богомъ на службу по вселенной: есть ангелы облакамъ, мракамъ, льдамъ, мгламъ, морозу, росамъ, молніямъ, грому, зною, зимѣ и лѣту, веснѣ

и осени и т. д. Отсюда взято представленіе объ устройствѣ земли: она не повѣшена ни на чемъ. подъ нею нѣтъ ни планетъ. ни стихій. она держится повелѣніемъ Божіимъ на своей тверди; нѣкоторые баснословцы говорятъ, будто солнце и луна съ прочими звѣздами проходятъ (ночью) подъ землею. — это древніе люди соблазнились въ суетѣ ума своего. вообразивши, что небо кругло; но Писаніе учитъ насъ не такъ: небо вовсе не движется отъ востока къ западу, и твердь не кругла; божественный Давидъ и великій Павелъ говорятъ, что звѣзды и свѣтильники движутся по воздуху служебными ангелами, которые творятъ эту службу ради человѣка; св. Павелъ въ видѣніи восхищенъ былъ до третьяго неба и самъ видѣлъ, какъ тѣ небесныя силы непрестанно движутъ звѣздами день и ночь, а когда къ скончанію міра Богъ освободитъ небесныя силы отъ этой работы, то звѣзды упадутъ на землю. Далѣе, при слѣдующихъ дняхъ творенія Палея объясняетъ составъ тверди, водъ и земли, морей, рѣкъ, горъ; далѣе движеніе свѣтилъ, смѣну дня и ночи, при чемъ иногда буквально сходится съ объясненіями Козьмы Индикоплова, о которомъ скажемъ далѣе; цѣлый отдѣлъ посвященъ объясненію солнечныхъ и лунныхъ круговъ, согласно съ церковной пасхаліей; по Іоанну Дамаскину Палея исчисляетъ семъ планетъ, расположенныхъ на семи небесныхъ поясахъ, и т. д., сливая такимъ образомъ отрывки древнихъ астрономическихъ свѣдѣній и понятій о природѣ съ измышленіями первыхъ вѣковъ христіанства, которыя хотѣли опровергать древнюю науку, когда она не сходилась съ ученіями Библіи. Подобнымъ образомъ здѣсь, какъ и въ Шестодневѣ Іоанна экзарха, повторяются отрывки стараго греческаго знанія въ подробностяхъ о физіологической жизни человѣка, въ описаніяхъ разнаго рода животныхъ и ихъ свойствъ, и при этомъ, рядомъ съ дѣйствительными фактами, сообщается не мало баснословнаго, что потомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ повторялось въ старинномъ русскомъ чтеніи, не только въ составѣ Палеи, но и въ отдѣльныхъ извлеченіяхъ изъ нея, въ сборникахъ и азбуковникахъ. Таковы, напр., сказанія о птицѣ алконостѣ, о малой рыбицѣ ехиніи, имѣющей то изумительное свойство, что, прилѣпившись къ кораблю, она можетъ остановить его движеніе, пока „норцы“ не отрѣжутъ ее отъ дна корабля, о птицѣ фениксѣ („фениксъ“), о змѣѣ аспидѣ и т. д.

Въ образчикъ того, какъ подобныя баснословныя сказанія

были примѣняемы къ христіанскому вѣроученію, приводимъ сказанія о фениксѣ („феникcъ“, „фюникcъ“). „Есть птица въ великой Индіи — разсказываетъ Палея, — называемая фюниксь, о которой Давидъ-пророкъ въ 19-мъ псалмѣ сказалъ: „праведникъ яко фюниксъ процвѣтетъ“. И та птица есть единогнѣздница, не имѣетъ ни подружья, ни чадъ, но сама только пребываетъ на своемъ гнѣздѣ; пищу же свою добываетъ, летая въ кедры Ливана, и, летая тамь, наполняетъ крылья свои ароматомъ, и оттого благовонна; но когда эта птица старѣется, то взлетитъ на высоту и беретъ отъ небеснаго огня и, спустившись, зажигаетъ гнѣздо свое, и тутъ же и сама сгораетъ, но потомъ въ пеплѣ гнѣзда своего нарождается червемъ, и изъ того червя бываетъ птица, съ тѣмь же нравомъ и съ тѣмъ же естествомъ. И эта птица фюниксь является образомъ истинно вѣрующихъ въ Бога, потому что хотя они и приняли мученія за Христа, но нашли бòльшую пищу рая и въ благоуханіи водворились. Смотри же, — какъ человѣку нельзя получить славы, если не будетъ искушенъ въ брани; такъ и тѣ мученики, боровшись съ мучителемъ, получили славу и вѣнецъ“ и т. д. Первый источникъ сказаній о фениксѣ, возрождающемся изъ собственнаго пепла черезъ каждыя 500 лѣтъ, заключается, кажется, въ разсказѣ Геродота и относится къ Египту; потомъ фениксъ былъ перенесенъ въ Индію, а въ первые вѣка христіанства легенда, имѣвшая первоначально астрономическій смыслъ, получила толкованіе богословское и нравоучительное, одинъ изъ образчиковъ котораго даетъ приведенный разсказъ Палеи. У св. Епифанія возрожденіе феникса примѣнено къ воскресенію Христа: какъ іудеи, — говоритъ онъ въ своемъ толкованіи этого разсказа, — не повѣрили воскресенію Іисуса Христа изъ мертвыхъ, когда птица (о которой сказалъ Давидъ: праведникъ яко фениксъ процвѣтаетъ) черезъ три дня дѣлалась живой?“

Еще одно произведеніе, повидимому уже средняго періода, говорившее о мiротвореніи и космографіи, было сочиненіе Козьмы Индикоплевста (плавателя въ Индію), названнаго въ славянскомъ переводѣ Индикопловомъ. Это — „Христіанская топографія“, какъ называется она въ греческомъ подлинникѣ; въ русскихъ рукописяхъ книга носитъ такія заглавія: „Книга о Христѣ обиемлюща весь миръ“, и далѣе: „Книга Козмы нарицаемаго Индикоплова, избраны отъ божественныхъ писаній

благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козмою". Это былъ купецъ, принявшій потомъ монашество; самъ онъ упоминаетъ, что путешествовалъ въ началѣ царствованія императора Юстина (518—527), а книгу свою писалъ лѣтъ двадцать спустя. Когда и гдѣ переведена была его книга на славянскій или славяно-русскій языкъ, еще не дослѣдовано; списки перевода раньше XVI вѣка не встрѣчались; но одинъ отрывокъ книги Срезневскій нашелъ въ сборникѣ XIV—XV вѣка бывшей Софійской библіотеки и заключалъ изъ этого, что въ то время былъ и цѣлый списокъ; затѣмъ и въ болѣе позднихъ копіяхъ Срезневскій усмотрѣлъ вообще нѣкоторые признаки древности.

Двѣ великолѣпныя и древнія греческія рукописи Козьмы находятся — одна (IX – X вѣка) въ Ватиканской библіотекѣ въ Римѣ, другая въ Лаврентьевской библіотекѣ во Флоренціи (нѣсколько рукописей болѣе новыхъ есть въ другихъ библіотекахъ). Часть книги явилась еще въ 1663 г. во французскомъ переводѣ въ собраніи Тевено (Thévenot, Rélation des divers voyages curieux); подлинникъ и латинскій переводъ изданы Монфокономъ въ 1706 г. (Collectio nova partum et scriptorum Graecorum), и еще разъ послѣ. Срезневскій произвелъ сличеніе славянскаго перевода съ подлинникомъ и нашелъ, что первый представляетъ иногда недостатки, а иногда излишки противъ оригинала и потому необходимъ для изучающихъ греческій памятникъ.

Для насъ Козьма Индикопловъ въ переводѣ любопытенъ какъ литературный памятникъ стараго времени и какъ свидѣтельство о древнемъ русскомъ просвѣщеніи. Въ то время какъ въ западной литературѣ книга Козьмы была уже предметомъ историко-литературной археологіи, у насъ она продолжала еще переписываться какъ непосредственный источникъ космографическаго поученія.

Старый переводъ Козьмы Индиклопова только недавно явился въ великолѣпномъ факсимилированномъ изданіи Общества любителей древней письменности. Въ предисловіи къ этому изданію читаемъ, что Козьма, посѣтивъ Индію, зналъ также о Тапробанѣ (Цейлонѣ) и Синѣ (Китаѣ). „Въ исторіи человѣческихъ знаній и средневѣковой науки сочиненіе это важно чрезвычайно цѣнными и точными свѣдѣніями объ Индіи и Ефіопіи... Космографическія представленія Козьмы Индикоплова

вообще имѣли широкое распространеніе и признаніе въ теченіе среднихъ вѣковъ, а у насъ на Руси его трудъ, какъ это можно судить по многочисленнымъ спискамъ его перевода, былъ любимымъ чтеніемъ, начиная съ XIV вѣка, а можетъ быть, и съ болѣе ранняго времени". Для нашихъ предковъ книга Индикоплова имѣла, конечно, значеніе не тѣми археологическими данными, какія представляетъ она для современной науки, а своимъ цѣлымъ представленіемъ объ устройствѣ міра. „Признаніе" его представленій въ средніе вѣка не было продолжительно: они должны были уже рано уступить представленіямъ о шарообразности земли (что Козьма отвергалъ), которыя повели къ кругосвѣтнымъ плаваніямъ и открытію Америки. Основная мысль космографіи Индикоплова заключается въ желаніи опровергнуть Птоломееву систему и доказать изъ св. Писанія другую систему, по которой земля не есть шаръ, а возвышенная плоскость, и антиподы не существуютъ. Съ этого начинается его книга, въ которой излагаются дальше предположенія о фигурѣ земли, доказываются показанія Моисея и вообще св. Писанія, говорится о солнцѣ, о теченіи звѣздъ; при этомъ сообщается о шести дняхъ творенія, приводятся географическія и историческія свѣдѣнія, дается особо описаніе Индіи и Цейлона, и т. д. Фигуру земли Индикопловъ представляетъ какъ плоскій, продолговатый отъ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небомъ, какъ сводомъ; обитаемая людьми земля окружена океаномъ, а по краямъ возвышается стѣна, и край земли сходится съ краемъ небесъ; земля основана на тверди, и подъ нею ничего нѣтъ: антиподы (о нихъ предполагали древніе греки, признававшіе шаровидность земли) не существуютъ; ночное захожденіе солнца и свѣтилъ совершается за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ. Все это подтверждается постоянными ссылками на св. Писаніе.

Мы не разъ указывали, какъ славяно-русской письменности постоянно приходилось встрѣчаться въ ея византійскихъ образцахъ съ опроверженіями „еллинскаго" язычества или „еллинской" мудрости; это было естественно у греческихъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства, когда еще былъ античный міръ съ его литературой и образованностью, но наши предки не имѣли объ этомъ античномъ мірѣ никакого понятія, — они прямо встрѣчались съ опроверженіемъ и проклятіемъ чего-то

имъ совсѣмъ невѣдомаго. Если они могли кое-какъ уразумѣть обличеніе язычества, какъ поклоненія идоламъ, то имъ должны были быть крайне неразумительны обличенія понятій научныхъ: они не знали ничего объ ученіяхъ Птоломея или Гиппарха и встрѣчались прямо съ опроверженіями Индикоплова, которыя обиловали ссылками на Писаніе, но не имѣли ничего научнаго. Понятно опять, что здѣсь не полагалось никакой основы для научныхъ понятій, и когда потомъ явились отрывки другого рода знаній, напр. отголоски Птоломеевой системы, они присоединялись механически къ Индикоплову, и старый русскій книжникъ, лишенный прочныхъ знаній, встрѣчалъ ихъ опять безъ всякой критики и оставался въ томъ же сумракѣ. Произведеніе VI-го вѣка еще пользовалось у насъ авторитетомъ въ XVI и XVII вѣкѣ.

Первое „слово" Индикоплова открывается увѣщаніемъ. Люди, имѣющіе разумъ, рачители истиннаго свѣта, старающіеся быть въ будущемъ вѣкѣ согражданами святыхъ, считающіе божественнымъ Ветхій и Новый Завѣтъ, повинующіеся Христу и Моисею, вѣрующіе, что будетъ воскресеніе человѣковъ и судъ, и что праведные наслѣдуютъ царствіе небесное; люди, внимающіе всему божественному Писанію, которое было написано Моисеемъ, описавшимъ твореніе, или иными пророками, у которыхъ указано и мѣсто, гдѣ есть царство небесное, о которомъ Христосъ обѣщалъ, что Богъ даруетъ его праведнымъ людямъ; люди, находящіе, что Ветхій и Новый Завѣтъ согласны въ этомъ утвержденіи, неподвижны и не побѣждены ни однимъ изъ противниковъ, красящихся мудростью сего міра и принимающихъ божественное Писаніе за богохульство и прозывающихъ Моисея и пророковъ, владыку Христа и апостоловъ мечтателями, — противниковъ, которые, „возводя брови", мудрствуютъ, какъ нѣчто великое, и даютъ небу круговносное движеніе и землемѣрнымъ раздѣленіемъ, и звѣзднымъ теченіемъ, суесловіемъ и мерзостью мірскою опредѣляютъ положеніе міра, прельщая и прельщаясь солнечнымъ и луннымъ исчезновеніемъ (съ такими людьми и говорить безполезно); люди, „хотящіе христіанствовать", а въ то же время желающіе краситься словами и мудростью, мечтаніями и мірскимъ прельщеніемъ и любящіе принимать и то и это, — эти люди должны уразумѣть тѣ доказательства, которыя въ изобиліи собираетъ Козьма Индикопловъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ подтвержденіе

представленій его о сотвореніи міра... О томъ, какимъ уваженіемъ пользовалось его твореніе у нашихъ предковъ въ XVI вѣкѣ, можетъ свидѣтельствовать рукопись, изданная Обществомъ любителей древней письменности: она украшена многочисленными рисунками въ извѣстномъ архаическомъ стилѣ, гдѣ изображены между прочимъ: потопъ, вавилонское столпотвореніе и раздѣленіе языковъ, восхожденіе и захожденіе солнца „по божественному Писанію“ (за горой, находящейся по ту сторону океана); царство небесное; обличительная картинка, изображающая нелѣпость ученія объ антиподахъ; трапеза въ Моисеевой скиніи, представляющая образъ земли; ангелы, движущіе звѣзды и т. д.

Другого рода византійское произведеніе, опять относившееся къ міротворенію, переведено было на русскій или, вѣрнѣе, на книжный славяно-русскій языкъ въ 1385 году нѣкимъ Дмитріемъ Зографомъ, — о чемъ занесено было потомъ даже въ лѣтопись. Это было твореніе Георгія Писидійскаго, византійскаго писателя VII вѣка, стихотворная поэма, греческое заглавіе которой значитъ Шестодневъ или Міротвореніе, а по-русски оно переведено такъ: „Премудраго Георгія Писида похвала къ Богу о сотвореніи всея твари“. Авторъ былъ священнослужитель въ „великой церкви“, т.-е. св. Софіи въ Константинополѣ, близкій къ императору Гераклію, ученый человѣкъ, обладавшій и поэтическимъ дарованіемъ. Поэма написана въ 1910 ямбахъ, около половины VII столѣтія. Сочиненія Георгія пользовались у позднѣйшихъ греческихъ писателей большою славою; нѣкоторые изъ нихъ ставили его стиль наравнѣ со стилемъ Софокла и Эврипида; „новѣйшіе критики (говоритъ издатель древняго русскаго перевода, ссылаясь на Николаи) находятъ Георгія надутымъ и расплывающимся, а рѣчь его — жесткою и наполненною гиперболами и словами собственнаго изобрѣтенія; пониманіе и критика его текста считаются дѣломъ весьма труднымъ, хотя его стихъ (ямбическій пентаметръ) признается замѣчательнымъ по чистотѣ“. Это отразилось и на славянскомъ переводѣ: „переводчикъ переводитъ почти буквально, жертвуя точности ясностью выраженія; отъ этого многія мѣста крайнѣ темны и становятся понятными только при помощи греческаго текста“; въ одномъ мѣстѣ переводчикъ совсѣмъ пропустилъ темное изложеніе мистическаго богословія, — какъ сдѣлалъ и нѣкоторые другіе про-

пуски, можетъ быть, по отсутствію въ этихъ подробностяхъ особаго интереса для славяно-русскаго читателя.

Поэма Георгія распадается на двѣ части: одна посвящена въ особенности богословскому содержанію, другая — описанію произведеній и явленій природы, свидѣтельствующихъ о всемогуществѣ и величіи Творца. Въ первомъ отдѣлѣ для Георгія служили обычные источники въ св. Писаніи и твореніяхъ отцовъ церкви; во-второмъ — Аристотель, Эліанъ, Плутархъ въ ихъ подлинныхъ сочиненіяхъ или въ выборкахъ. Многія картины дѣйствительно не лишены поэзіи; къ сожалѣнію, свойства перевода, гдѣ переводчикъ не овладѣвалъ достаточно ни содержаніемъ, ни своимъ языкомъ и гдѣ, по признанію современнаго ученаго критика, смыслъ можетъ быть иногда возстановленъ только при помощи оригинала, — должны были очень ограничить значеніе труда Зографа.

Останавливаясь на мнѣніи Тихонравова, что переводчикъ Зографа былъ именно иконописецъ (по значенію греческаго слова) и взялся за переводъ потому, что поэма представляла богатый матеріалъ для христіанской символики, новый комментаторъ не находитъ основаній къ этому заключенію, тѣмъ болѣе, что въ старыхъ иконописныхъ подлинникахъ нѣтъ слѣда подобнаго вліянія Писида. Самъ критикъ думаетъ, что переводъ не имѣлъ этого повода, и какъ самое имя Зографа не извѣстно по русскимъ документамъ XIV вѣка, такъ и трудъ его долженъ быть отнесенъ къ области тѣхъ южно-славянскихъ вліяній, которыя отличаютъ въ исторіи нашей письменности конецъ XIV-го и первую половину XV-го вѣка.

Мы имѣли раньше случай касаться этого періода южно-славянской литературы въ его связяхъ съ нашею старой письменностью. Это было время особеннаго оживленія болгарской и сербской книжной дѣятельности передъ ихъ полнымъ упадкомъ въ послѣдующіе вѣка. Надвигавшаяся гроза турецкаго нашествія какъ будто возбудила нравственныя силы южнаго славянства; многіе изъ лучшихъ людей уходили на Аѳонъ и занимались книжной дѣятельностью здѣсь и въ Константинополѣ, куда приходили и русскіе книжники. Такимъ образомъ устанавливалось и подкрѣплялось прежнее книжное общеніе, при чемъ для русскихъ открывалось многое, что было имъ недоступно въ далекой родинѣ, а для южнаго славянства уже возникала возможность надеждъ на сѣверныхъ единовѣрцевъ

и единомышленниковъ. Въ самой Россіи чувствовалась потребность въ этой помощи южно-славянскаго книжнаго знанія, и фактическимъ выраженіемъ этого былъ призывъ или пріѣздъ въ Россію болгаръ и сербовъ, какъ митрополитъ Кипріанъ, Григорій Цамблакъ, Пахомій Логоѳетъ и др. Съ ними пришли новые литературные вкусы, между прочимъ отражавшіе стиль греческой книжности, а также и новое расширеніе литературнаго содержанія; въ самомъ складѣ рѣчи явились южно-славянскіе оттѣнки, и въ письмѣ—южно-славянское правописаніе, которое одно время стало модой и у русскихъ книжниковъ.

Къ этой литературной дѣятельности критикъ относитъ и славянскій переводъ поэмы Георгія. Неизвѣстное у насъ имя Зографа онъ находитъ у сербовъ и болгаръ тѣхъ вѣковъ; названіе перевода „русскимъ" объясняется тогдашнимъ смутнымъ различеніемъ нарѣчій въ общей церковной литературѣ; наблюденіе рукописей указываетъ въ старѣйшихъ спискахъ XV вѣка большое обиліе южно-славянскихъ, именно средне-болгарскихъ, особенностей. По всѣмъ этимъ основаніямъ критикъ (съ большою вѣроятностью) полагаетъ, что переводъ былъ не русскій, а именно средне-болгарскій, и переводчикъ былъ болгаринъ, можетъ быть изъ подчиненныхъ митрополита Кипріана. Отсутствіе южно-славянскихъ списковъ памятника можетъ объясняться тѣмъ, что переводъ былъ прямо вывезенъ въ Россію, или даже сдѣланъ болгариномъ въ Россіи. Въ XV вѣкѣ русскіе списки поэмы еще рѣдки; въ XVI книга расходится больше, правописаніе ея теряетъ средне-болгарскія черты: она попадаетъ въ Макарьевскія Четіи-Минеи; наибольшее число списковъ относится къ XVII вѣку и они переходятъ, наконецъ, въ XVIII. Малую распространенность книги въ первое время критикъ объясняетъ мрачнымъ характеромъ эпохи, татарскимъ игомъ, ожиданіями кончины міра: тогда немногихъ могла заинтересовать темная, непонятно написанная поэма, воспѣвавшая премудрость устройства и красоту сего міра; потомъ обстоятельства перемѣнились; въ XVI, XVII вѣкахъ повѣяло новымъ духомъ. Появились слабыя, но все же научныя стремленія; усилилась переводная дѣятельность съ польскаго, латинскаго, нѣмецкаго; переводились и передѣлывались сочиненія и чисто повѣствовательныя и драматическія, и лексическія, и космографическія, и медицинскія, даже философскія. И старыя вещи не забывались: число спи-

сковъ увеличивается, тексты ихъ подновляются, является потребность чтенія... Проводится новый взглядъ на міръ, не какъ на зло, а какъ на нѣчто очень хорошее и достойное изученія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и переводы космографій, и раскольничьи стихи (о красотѣ пустынной природы), и автобіографія Аввакума, и отчеты о поѣздкахъ Арсенія Суханова, и уменьшенія числа затворниковъ. Тогда распространяется и наша поэма. Своею картинностью, своимъ свѣтлымъ взглядомъ на природу она привлекла къ себѣ вниманіе русскихъ людей, а своими сказочными свѣдѣніями заманивала ихъ воображеніе. Конечно, въ ней нечего искать научныхъ свѣдѣній: она, какъ и вся европейская средневѣковая литература физіологовъ, обращала вниманіе только на исключенія изъ общаго хода природы, на „раритеты", но въ основѣ этого стремленія ко всему рѣдкостному, курьезному, кроются уже задатки болѣе серьезныхъ требованій. Простое любопытство переходило въ любознательность, а любознательность, хоть и медленно, но неотступно вела къ серьезному знакомству съ природой. Съ этой точки зрѣнія и наша поэма, даръ славянскаго юга, заслуживаетъ вниманія всякаго изучающаго исторію русской литературы и образованности".

Быть можетъ, здѣсь нѣсколько преувеличено значеніе историческихъ условій, съ которыми критикъ соединяетъ позднѣйшее распространеніе поэмы Георгія. Характеръ памятника, воспѣвавшаго красоту міра, могъ и не участвовать въ этомъ распространеніи. Рукописи XV-го вѣка, передающія старые памятники, вообще рѣже, чѣмъ рукописи XVI и особливо XVII-го: для послѣднихъ сохранность вообще подлежала меньшему риску, а съ другой стороны возрастала потребность чтенія: старинный читатель былъ вообще не особенно разборчивъ и поэма Георгія распространялась наравнѣ съ другими памятниками; быть можетъ, позднѣйшіе списки (они еще не были разобраны) стали и болѣе вразумительны по языку. Во всякомъ случаѣ поэма Георгія занимала не послѣднее мѣсто въ старинномъ чтеніи и отдѣльныя подробности ея были занесены въ азбуковникъ.

Намъ остается сказать еще немногое, чтобы исчерпать приблизительно весь кругъ старинчаго чтенія, изъ котораго почерпалось извѣстное научное, по-старинному, знаніе. Таковъ былъ далѣе такъ-называемый „Физіологъ", собраніе свѣдѣній о жи-

вотныхъ, птицахъ, рыбахъ, камняхъ, чрезвычайно популярное въ средніе вѣка, отдѣльные эпизоды котораго занимали важное мѣсто въ средневѣковой народной миѳологіи и христіанской символикѣ. Мы упоминали выше, что намекъ на „Физіолога“ встрѣчается уже въ Шестодневѣ Іоанна экзарха. Отдѣльныя сказанія о чудесныхъ животныхъ мы встрѣчали уже въ Шестодневѣ, Палеяхъ и т. д.; но самый памятникъ, спеціально посвященный этимъ предметамъ и извѣстный подъ названіемъ „Физіолога“, повидимому, явился у насъ только позднѣе, по обыкновенію, переведенный съ греческаго. Подробное изслѣдованіе, посвященное недавно этому памятнику, дѣлаетъ обзоръ всей его литературной исторіи, а затѣмъ и соображеній объ его славянскомъ переводѣ. Общій выводъ г. Карнѣева заключается въ слѣдующемъ:

„Родиной Физіолога, съ большимъ вѣроятіемъ, можетъ быть признана Александрія, а временемъ его составленія — эпоха отъ II-го до III-го вѣка по Р. Х. Физіологъ есть памятникъ коллективнаго творчества. Источники физіологической саги слѣдуетъ искать у античныхъ писателей, въ памятникахъ египетской старины, въ библейскихъ представленіяхъ, въ отзывахъ талмудическихъ преданій и т. п...

Славянскіе переводы греческаго Физіолога сохранились лишь въ русскихъ спискахъ. Языкъ древнѣйшей рецензіи указываетъ на болгарское происхожденіе перевода (ранѣе XIII-го вѣка“). Какъ мы видѣли, вставки „физіологическаго“ характера встрѣчаются уже въ Толковой Палеѣ; по объясненію г. Карнѣева, эти вставки хотя и были самостоятельнымъ изложеніемъ византійскаго составителя Палеи, но по своей основѣ восходятъ къ древнѣйшей редакціи Физіолога. „Наличность отдѣльныхъ физіологическихъ сказаній различныхъ рецензій въ древнерусскихъ сборникахъ свидѣтельствуетъ о сравнительной популярности Физіолога на Руси... Особой литературной разработки физіологическая сага на Руси не получила“. Позднѣе, тотъ символическій элементъ, который представлялъ собою Физіологъ и его развѣтвленія, получилъ большое развитіе у южно-русскихъ писателей съ XVI-го до XVII-го вѣка: г. Карнѣевъ объясняетъ, что они опирались уже не на собственномъ, и не старомъ русскомъ, Физіологѣ, а на сборникахъ подобнаго матеріала, восходящихъ къ западнымъ фантастическимъ энциклопедіямъ среднихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ „Физіологъ“ является опять фактомъ литературнаго общенія древней Руси съ южнымъ славянствомъ. Впослѣдствіи содержаніе „Физіолога“ прямо или косвенно заносилось въ азбуковникъ...

По свѣдѣніямъ географическимъ и историческимъ, древнее просвѣщеніе опять было весьма скудно. Относительно географическихъ познаній надо различать практическое расширеніе знаній о своей ближайшей странѣ, путемъ завоеванія и колонизаціи, и знанія научныя. Промышленники, военные люди, а затѣмъ „гулящіе“ и даже „воровскіе“ люди пускались въ самыя трудныя странствія и уже въ XVII вѣкѣ были заняты громадныя пространства Сибири, и развѣдки достигли до Ледовитаго океана и Камчатки. Но въ географическое научное знаніе входили изъ этого только тѣ извѣстія, какія добывали иностранные путешественники изъ разспросовъ и личнымъ посѣщеніемъ, и нужны были новые труды путешественниковъ XVIII-го и XIX вѣка, чтобы разработать сырой топографическій матеріалъ старыхъ открытій. Старые русскіе странники бывали въ отдаленныхъ краяхъ, описывали Царьградъ, Палестину, бывали даже въ Индіи, какъ Аѳанасій Никитинъ; но матеріалъ ихъ наблюденій только теперь, вновь открытый, находитъ мѣсто въ исторической географіи. Европейскимъ путешественникамъ приходилось „открывать“ сѣверныя земли самой Россіи — въ путешествіи Ченслера въ 1555 г.; между тѣмъ русскій дьякъ Истома, а потомъ Власовъ еще до Ченслера совершали морской путь около береговъ Норвегіи, какъ Аѳанасій Никитинъ былъ въ Индіи до португальцевъ, а казакъ Дежневъ открылъ проливъ между Азіей и Америкой до Беринга. Тѣмъ не менѣе за португальцами, Ченслеромъ и Берингомъ остается заслуга открытія, потому что ихъ путешествія были результатомъ сознательно веденныхъ поисковъ, а не практической случайности, и что чрезъ нихъ новыя свѣдѣнія въ первый разъ вошли въ научное обращеніе. Бѣломорскій путь сталъ служить русскимъ для международныхъ сношеній лишь съ тѣхъ поръ, когда этимъ путемъ, независимо отъ нихъ, явились сами англичане.

Своя домашняя географія появилась только къ концу средняго періода нашей исторіи въ „Книгѣ Большому Чертежу“.

Свѣдѣнія историческія были опять случайны и недостаточны. Въ собственно русской исторіографіи, въ теченіе всего стараго

періода нашей исторіи, не явилось уже ни одного писателя, который бы по широтѣ взгляда и цѣльности представленія о русскомъ народѣ могъ бы (относительно) сравняться съ начальнымъ лѣтописцемъ. Иноземная исторія была крайне скудная и случайная. Источниками ея были опять византійскіе хронисты (Амартолъ, Малала, патр. Никифоръ, Манассія, Зонара) и также лѣтописи и житія южно-славянскія, откуда заимствованы были краткія свѣдѣнія о царствахъ сербскомъ и болгарскомъ. Главнѣйшимъ руководствомъ для библейской исторіи служила „Палея"... Наконецъ, появляются съ XV-го или XVI-го столѣтія цѣльные „хронографы", историческія компиляціи изъ упомянутыхъ византійцевъ, южно-славянскихъ и русскихъ лѣтописей, къ которымъ подъ конецъ прибавлены еще латино-польскіе хронисты. Въ хронографы заносимы были и отдѣльныя историческія повѣсти о русскихъ и иноземныхъ лицахъ и событіяхъ. Послѣднія, впрочемъ, немногочисленны. Особенно любопытны между ними небольшой разсказъ о завоеваніи Константинополя крестоносцами (въ 1204), помѣщенный въ лѣтописи, и подробный разсказъ о взятіи Константинополя турками — событіе, въ свое время сильно подѣйствовавшее на умы и отразившееся многоразличными слѣдствіями для русской исторіи. По большею частію эти историческіе разсказы преисполнены баснословіемъ и представляли больше литературно-сказочнаго, нежели историческаго интереса, — какъ, напр., сказанія объ Александрѣ Македонскомъ, объ иверской царицѣ Динарѣ, о мутьянскомъ (молдавскомъ) воеводѣ Дракулѣ, сказаніе Ивана Пересвѣтова о турскомъ царѣ Махметѣ и пр. пр. Западная европейская исторія, кажется, впервые стала извѣстна только съ XVI-го вѣка, изъ переводовъ латино-польскихъ хроникъ и космографій и отчасти изъ ходившихъ по рукамъ „статейныхъ списковъ", т.-е. отчетовъ русскихъ пословъ.

Повидимому, крайне ограничены были размѣры и совсѣмъ въ другой области знанія — въ счисленіи. Историкъ древнерусскихъ училищъ полагалъ, что если „до сихъ поръ въ азбукахъ помѣщается нумерація, какъ она помѣщалась и въ азбукахъ первой половины XVII-го вѣка, какъ это видно изъ прописи 1643 года, такъ, безъ сомнѣнія, было и въ древнѣйшее время": но изъ древнѣйшаго времени нѣтъ на это никакихъ доказательствъ. Въ древней письменности сохранилось, впрочемъ, нѣсколько примѣровъ довольно сложнаго вычисленія.

происхожденіе пріемовъ котораго однако не выяснено. Таковы расчеты книжника XII-го вѣка, извѣстнаго Кирика, который разрѣшалъ задачи о числѣ лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до его времени и т. д. Въ „Русской Правдѣ“ приведены примѣрные расчеты приплода отъ домашняго скота, прибытка зернового хлѣба въ теченіе извѣстнаго времени, и опредѣляется стоимость найденнаго числа этихъ предметовъ. Въ концѣ XV-го вѣка сдѣланы были вычисленія пасхаліи митрополитомъ Зосимою и новгородскимъ архіепископомъ Геннадіемъ, и. т. д.

Способъ счета, при написаніи чиселъ буквами, былъ конечно, очень затруднителенъ; у грековъ употреблялись при этомъ значки для отличія тысячъ и десятковъ тысячъ; подобныя обозначенія употреблялись и въ нашемъ письмѣ. За отсутствіемъ нынѣшняго ариѳметическаго счета, облегчаемаго десятичною арабскою системой цыфръ, вычисленія были очень медленны и сложны. Для того, чтобы произвести простое нынѣшнее ариѳметическое дѣйствіе, приходилось разлагать данное число на его составныя части, именно, отдѣлять, напримѣръ, десятки тысячъ, тысячи, сотни, десятки и единицы, и высчитывать круглыя числа порознь, приставляя одно къ другому и затѣмъ выводя ихъ общую сумму. Такимъ образомъ производились всѣ ариѳметическія дѣйствія; при нѣсколько сложныхъ числахъ это вычисленіе становилось чрезвычайно медленно и кропотливо...

Карамзинъ сообщаетъ, что у него имѣлась рукопись второй половины XVII вѣка подъ названіемъ: „Книга именуема геометріа или землемѣріе радиксомъ и циркулемъ“, за которой слѣдуетъ книга о сошномъ и вытномъ письмѣ, и ссылается на показаніе Татищева, что въ писцовомъ наказѣ Ивана Грознаго въ 1555 году были приложены землемѣрныя начертанія, „которыя видимо нѣкто знающій геометрію съ вычетами плоскостей сочинилъ“. Самъ Карамзинъ думалъ, что измѣреніе и перепись земель въ Двинской области, а вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ, отъ 1587 до 1594 года могли послужить поводомъ къ сочиненію первой русской геометріи, и къ тому же времени относилъ онъ и первую русскую ариѳметику. Но въ теченіе нашего средняго періода эта „мудрость“ была еще, повидимому, совершенно неизвѣстна, и на практикѣ счисленіе производилось способомъ крайне первобытнымъ: когда въ сош-

номъ письмѣ нужно было выразить добрыя части земельныхъ мѣръ, это производилось не ариѳметическими дробями, которыхъ не знали, а мудренымъ словеснымъ счетомъ.

Въ XVI столѣтіи, когда вообще возникали книжныя западныя вліянія, являются переводныя математическія статьи западнаго происхожденія, но которыя на первый разъ свидѣтельствовали опять о крайней отсталости знаній. Такъ сочли тогда нужнымъ переводить статью Исидора Севильскаго, писателя VII столѣтія, представлявшую не много поучительнаго. Когда явилась первая рукописная ариѳметика, она должна была рекомендовать себя какъ дѣло полезное и „сладчайшее меду“, а также и не богопротивное.

Запасъ свѣдѣній, которыя представляла древняя письменность, былъ объединенъ въ такъ называемыхъ азбуковникахъ. Это была старинная энциклопедія, единственная, какую имѣли тѣ времена. Первымъ началомъ Азбуковника былъ древній (извѣстный съ XIII вѣка) списокъ „иностранныхъ рѣчей“, которыя находились въ славяно-русскихъ книгахъ и требовали объясненія; впослѣдствіи этотъ списокъ все болѣе расширялся, представляя, кромѣ объясненія словъ, и объясненіе цѣлаго круга понятій и предметовъ, такъ что наконецъ Азбуковникъ представлялъ собою, конечно въ разныхъ варіантахъ, цѣлые обширные сборники, составлявшіе сводъ познаній стариннаго книжника. „Мы бы назвали Азбуковникъ, — говорилъ Тихонравовъ, — реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной“... „Вниманіе составителя (или составителей) Азбуковника сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшаго времени до половины XVI вѣка; Азбуковникъ вращается въ кругу *домашняго* русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ. Источниками для него служатъ оригинальныя и переводныя произведенія древне-русской литературы до половины XVI вѣка; ни къ византійскимъ, ни къ польскимъ, ни къ латинскимъ источникамъ прямо онъ не обращается. Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, будутъ ли то варваризмы или архаизмы, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI вѣка. Онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать

„помешатавшуюся“ русскую старину, которымъ проникнуты Стоглавъ и Домострой. Онъ старается устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины, онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ такъ же, какъ Стоглавъ и Домострой, вооружается противъ отреченныхъ „свѣтскихъ“ книгъ, онъ не рѣшается предложить „имена и отреченныхъ книгъ, да не како, отъ неразумія кто, прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога“... Онъ привязанъ къ русской церковной старинѣ и считаетъ необходимымъ предложить толкованія собственныхъ именъ святыхъ, чтобы будущіе составители похвалъ новоявленнымъ русскимъ святымъ (какъ слышится здѣсь близость къ соборамъ 1547 и 1549 г., канонизовавшимъ русскихъ святыхъ!) имѣли возможность пользоваться этими толкованіями... Преслѣдуя любящихъ „гіомитрію и *прочая таковая*“, Азбуковникъ остается вѣренъ древне-русской наукѣ; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна экзарха, Козьмы Индикоплова, Георгія Писида, хронографовъ, скитскаго Патерика, священнаго Писанія, Кринины, Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопагита, житій святыхъ, прологовъ, синаксарей. Вотъ его авторитеты. Онъ воспитанъ древнею русскою литературою; онъ ея толкователь и защитникъ“.

Таковъ былъ приблизительно объемъ стариннаго образованія. Къ нему присоединяется еще тотъ матеріалъ, который доставляла литература легендарная и апокрифическая. Съ одной стороны она составляла область религіозной поэзіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ она принималась съ полною вѣрою, такъ что событія и понятія, какія находилъ въ ней старинный книжникъ, а отъ него шли они въ народную массу, — становились для него не подлежащимъ сомнѣнію фактомъ, положительнымъ знаніемъ.

Мы встрѣчались и еще встрѣтимся со многими чертами средневѣковаго полуфантастическаго знанія и повѣрья, которыя повторялись и на средневѣковомъ Западѣ. Наши изслѣдователи по этому поводу впадали иногда въ нѣкоторое недоразумѣніе: „такъ было и на Западѣ“, замѣчали они въ подобныхъ случаяхъ, какъ бы предполагая полную параллельность явленій, — но этой параллельности вовсе не было. Дѣло въ томъ, что когда у насъ существовала одна грамотность, и въ этомъ отношеніи всѣ слои населенія были равны, — когда, по выраженію Майерберга, „всѣ москвитяне были какъ будто одного

возраста", — въ западномъ обществѣ надъ популярной грамотностью создавалась уже грандіозная наука: конецъ XV-го вѣка *на Западѣ* былъ эпохой открытія Америки; XVI вѣкъ былъ расцвѣтомъ гуманизма (подобнаго которому русская наука не испытала и донынѣ), вѣкомъ Коперника. Когда нашъ книжникъ XVI-го столѣтія съ полною вѣрою читалъ Козьму Индикоплова, онъ возвращался въ VI-му вѣку, и всѣ многовѣковые труды европейской науки оставались ему невѣдомы.

Пыпинъ.

Очеркъ древнихъ славяно-русскихъ словарей.

Зачатки словарныхъ трудовъ появились у насъ довольно рано. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ опытовъ толкованія непонятныхъ словъ дошелъ до насъ въ спискѣ Кормчей 1282 г., писанномъ для новгородскаго архіепископа Климента, и озаглавливается: „Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ и въ Евангеліяхъ и Апостолахъ и въ Псалтыри и Пареміи и въ прочихъ книгахъ". Несмотря на столько источниковъ, изъ коихъ составитель заимствовалъ слова, ихъ однакожъ очень немного: всего 174 слова. Всѣ они причисляются авторомъ, какъ значится въ рукописяхъ, къ словамъ еврейскаго языка, хотя между ними находятся и славянскія,— таковы: бисеръ, бритва, зѣло, ковъ, ликъ, рогъ, степень, тина, череща. Въ составъ его вошли главнымъ образомъ собственныя библейскія имена, какъ напр.: *Авессаломъ, Агаръ, Марія, Михаилъ, Раавъ, Филиппъ, Іегова* и т. п. Число словъ впослѣдствіи дополнено было переписчиками до 344.

Легко объяснить такой составъ этого древнѣйшаго изъ извѣстныхъ намъ словарей. Очевидно, онъ былъ слѣдствіемъ первой потребности нашихъ любознательныхъ предковъ, которая представлялась прежде всего при чтеніи книгъ церковныхъ, потребности соединять смыслъ съ словами, чуждыми отечественному языку; ясно также, почему въ него вошли собственныя имена, — это названія, которыя чаще всего останавливали пониманіе читателями церковныхъ книгъ и потому прежде всего и затрогивали ихъ филологическую любознательность. Но одни собственныя еврейскія или случайно оставшіяся немногія греческія не много представляютъ собою данныхъ для исторіи тогдашняго языка даже со стороны орѳографіи. Впро-

чемъ, въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ особенностей, принадлежащихъ объяснительнымъ словамъ и представляющихъ слѣды правописанія старославянскаго, — это а) употребленіе глухихъ звуковъ вмѣсто ясныхъ: *земля въплощена, село кръви, дъщи сильнаго, правьдныи князь, насовьць, воздържаніе, въздвиши, дързъ;* б) употребленіе ѫ, который въ позднѣйшихъ спискахъ замѣняется чрезъ оу: стѫдъ; в) послѣ свистящихъ встрѣчается употребленіе ь, *отець, гласъ*.

Такою же скудостію отличается и другой новгородскій словарь, дошедшій до насъ при книгѣ Іоаннъ Лѣствичникъ, подъ заглавіемъ: „Тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писанныхъ речемь, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводнихъ ово словенскы, и ино сръбскы, и другая блъгарскы и гръчъскы, ихже неудоволишася преложити на Рускыи“. По новгородскому списку словарь этотъ заключаетъ въ себѣ 61 рѣчь. Позднѣйшіе переписчики умножили и этотъ словарь до 200 словъ. Первообразъ его, по всей вѣроятности, составляетъ тотъ словарь, который приложенъ къ книгѣ Іоаннъ Лѣствичникъ по сербскому переводу подъ заглавіемъ: „Пртклъ лѣствци ѡ рѣчех покръвенихъ“. (Рукопись Импер. Публ. Библіотеки, написанная полууставомъ XIV в.). Этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ только около 30 словъ почти исключительно сербскихъ, взятыхъ, конечно, изъ той же книги. Такимъ образомъ и второй новгородскій словарь, какъ и первый, объясняетъ слова непонятныя, но не „жидовскія“, а, большею частію сербскія съ прибавкою нѣсколькихъ болгарскихъ и греческихъ, сдѣланною позднѣйшими переписчиками. При этомъ составѣ, словарь этотъ, несмотря на свою скудость, уже можетъ быть разсматриваемъ, какъ пособіе при изученіи древняго славянскаго и русскаго языка, представляя объясненіе древнихъ славянскихъ словъ, уже вышедшихъ изъ употребленія, — таковы напр. *бальство* — нечестіе, *бъхма* — весьма, *еша* — еще, *кромство* — освѣнство, *прокыхъ* = прочихъ, *пъвание* — дръзновение, *свьне* — кромѣ. *спроста* — стыждь, *тезъ* — едино. *художьство* — хытрость, *хухнаніе* — ръптаніе хульное и др. Но уже и изъ этихъ словъ можно замѣтить, что въ немъ строго не отличаются стихіи русскаго языка отъ другихъ: посему-то мы и находимъ здѣсь объясненіе словъ славянскихъ русскими и послѣднихъ первыми, т.-е. слова одного и того же нарѣчія входятъ и въ разрядъ объясняемыхъ и объясняющихъ. — *кромство*

объясняется чрезъ осв'вство, *исвѣнс* чрезъ кромѣ. Орѳографія въ тѣхъ и другихъ одна и та же. Употребленіе ж и глухихъ звуковъ вмѣсто ясныхъ одинаково какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ, напр., между первыми встрѣчаемъ *хъхнание, ноуоръзение, пъвание, бъхма*, и между послѣдними: *отнждъ, съкрьвенъ, съставъ* и др.; тоже нужно сказать и относительно употребленія гласныхъ широкихъ послѣ гортанныхъ, — и въ первыхъ находимъ *прокылъ*, которое однако объясняется чрезъ *прочихъ*, и во вторыхъ — *хытрость*.

Вотъ два древнѣйшіе словаря, принадлежащіе новгородской письменности. Къ сожалѣнію, по своей скудости, по случайности набора словъ, оба они не представляютъ того, чего можно было бы ожидать отъ нихъ для исторіи языка, а тѣмъ болѣе для исторіи образованности. Одна заслуга ихъ, какъ мы уже замѣтили, состоитъ въ объясненіи нѣкоторыхъ непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ, и въ отличеніи русскихъ словъ отъ словъ, принадлежащихъ уже издавна другимъ нарѣчіямъ славянскимъ.

Гораздо отчетливѣе разсмотрѣнныхъ нами словарей: „Лексисъ сирѣчь реченія, въкратъцѣ събраны и из словенскаго языка на простый русскій діялектъ истолкованы", составленный Лаврентіемъ Зизаніемъ и напечатанный въ 1596 году. Составитель его, Лаврентій Зизаній, православный протопопъ въ городѣ Корцѣ, извѣстенъ еще другимъ филологическимъ трудомъ — славянскою грамматикою: поэтому естественно и отъ словаря его ожидать болѣе отчетливости, какъ отъ труда человѣка, опытнаго въ этомъ дѣлѣ.

За отсутствіемъ цитатъ въ его словарѣ, нельзя положительно сказать, изъ какихъ именно источниковъ онъ заимствовалъ слова. Правда, въ немъ встрѣчается нѣсколько словъ, находящихся въ новгородскомъ словарѣ 1431 года: но это не даетъ еще права считать ихъ заимствованными изъ него. Судя по составу его, должно заключить, что главнымъ источникомъ его служили книги св. Писанія и книги богослужебныя и только немногія слова попали въ него изъ другихъ источниковъ, что и видно, напр., изъ нѣсколькихъ ссылокъ на Кирилла Іерусалимскаго. Но взамѣнъ того онъ самъ послужилъ источникомъ для другихъ словарей, именно для азбуковниковъ и для лексикона П. Берынды, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Словарь Л. Зизанія принадлежитъ грамотности литовской.

Въ немъ слова славянскія, иностранныя объясняются рѣчью литовскою, потому что и самъ составитель былъ родомъ изъ Литвы. Это послѣднее обстоятельство, конечно, служило причиною того, что Зизаній придалъ ему характеръ чисто славянскаго лексикона, — конечно, въ такомъ словарѣ болѣе другихъ и нуждались жители Литвы. Не входя въ разсмотрѣніе объясняющихъ литовскихъ словъ, которыя тоже, въ свою очередь, могутъ представлять данныя для исторіи литовской рѣчи того времени, скажемъ только о словахъ, стоящихъ въ ряду объясняемыхъ. По отношенію къ симъ послѣднимъ, словарь Зизанія представляетъ уже значительное превосходство въ сравненіи съ прежними словарями: а) Зизаній держался азбучнаго порядка въ размѣщеніи словъ, б) количество словъ гораздо значительнѣе противъ прежнихъ, в) въ немъ не мало есть объясненій и энциклопедическихъ и г) что всего важнѣе, онъ представляетъ слова славянскія, за исключеніемъ очень немногихъ иностранныхъ. Обратимъ вниманіе на двѣ послѣднія особенности этого словаря. Энциклопедическій отдѣлъ въ немъ ограничивается нѣсколькими предметами изъ естественной исторіи, напр.: *драчіе, зеленичие, мгрта, неясыть, онокентавръ, онокроталь, препруда, рамна, уена, иссопъ* и нѣкоторые другіе. Всѣ объясненія ихъ запечатлѣны миѳологическимъ характеромъ. Словъ иностранныхъ въ этомъ словарѣ очень мало, и почти только тѣ, которыя чаще встрѣчаются въ церковныхъ книгахъ, таковы напр.: *акаѳистъ, архистратигъ, Ассарій, аллилуія, Еммануилъ, каѳоликъ* и т. п. Л. Зизаній имѣлъ въ виду почти исключительно слова славянскія. Нельзя думать, чтобы онъ хотѣлъ составить полный сборникъ славянскихъ словъ, даже тѣхъ, которыя встрѣчаются въ Библіи, потому что его лексиконъ слишкомъ для этого ограниченъ и далеко не исчерпывалъ бы своего матеріала. Съ другой стороны, нельзя думать и того, чтобы Зизанія включалъ въ свой лексиконъ только случайно попадающіяся слова, потому что его лексиконъ носитъ ясные слѣды тщательной и разумной работы. По всей вѣроятности, Зизаній, какъ и прежніе составители словарей, ограничивался только словами непонятными или могущими показаться такими. Это видно и изъ объясненій, которыя суть только сословы и почти нигдѣ не являются перифразами, показывающими, что объясняемое слово употребительно въ народѣ и потому не находится соотвѣтствующаго

для него сослова. Та же цѣль, которую имѣли прежніе лексикографы, объяснять только слова непонятныя, есть цѣль и словаря Зизанія.

Словарь этотъ представляетъ много устарѣлыхъ славянскихъ словъ. Безполезно было бы приводить ихъ: они почти всѣ вошли въ лексиконъ Берынды и въ значительномъ количествѣ занесены въ словари Академіи Наукъ и Востокова. Остается за словаремъ Зизанія значеніе памятника, необходимаго для изучающаго литовско-русскую письменность.

Весьма замѣчательное явленіе представляютъ два словаря, относящіеся къ велико-русской письменности. Первый изъ нихъ озаглавливается: „Сказаніе о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ, иже обрѣтаются во святыхъ книгахъ русскаго языка, ихъ же древніе преводницы не удоволишася на русскій языкъ преложити, понеже ова обрѣтаются еврейски, оваже сирски, инаже римски, ина латынски, ина еллински, ина сербски, ина гречески и иныхъ многихъ языкъ, яже здѣ положены по буквамъ скораго ради обрѣтенія, паче же рѣщи яко истинно на русскій языкъ преложены". Другой имѣетъ разныя заглавія: 1) „Книга, глаголемая азбуковникъ или буквы", 2) „Книга, глаголемая алфавитъ", 3) „Лексисъ неудобь разумѣваемымъ рѣчемъ". Списки этихъ словарей многочисленны и относятся къ XIV и XVII стол. Оба эти словаря, весьма сходные между собою, подобно прежнимъ, также имѣютъ цѣлью объяснять непонятныя слова; но при этомъ представляютъ въ своемъ составѣ весьма значительныя отличія отъ нихъ. Обращая вниманіе на составъ ихъ, съ перваго взгляда приходишь въ недоумѣніе, для какого языка составлены эти сборники. Количество славянскихъ словъ въ нихъ весьма незначительно: они занимаютъ не болѣе десятой ихъ части, прочія же относятся составителями ко многимъ различнымъ языкамъ. „Вѣдомо буди, — говорится въ припискѣ второго словаря, — еже что ради каяждо рѣчь въ семъ буквицѣ имать надъ собою красную букву, внимай: аще надъ коею рѣчью азъ красенъ, то есть сице: арабски, арменски, еллински, еѳіопски, еврейски, египетски, гречески, евхаитски, жидовски, иверски, латински, литовски, македонски, мидовски, пермски, римски, сербски, сирски, татарски, чешски". Такое огромное количество иностранныхъ словъ сравнительно съ русскими и разнообразія ихъ наводятъ на мысль: не хотѣли ли авторы этихъ словарей составить

всеязычные сборники. Странно, конечно, предположить подобную попытку въ русскомъ человѣкѣ XVI стол., тѣмъ не менѣе это явленіе заслуживаетъ вниманія. Нѣтъ сомнѣнія, оно имѣетъ связь съ состояніемъ тогдашней письменности и отношеніемъ ея къ читателямъ. Это было такое время, когда письменность, состоящая преимущественно изъ переводовъ, уже значительно распространилась среди общества, когда предки наши хотѣли поглубже вникнуть въ смыслъ церк. писаній, когда уже явилась потребность въ критическомъ объясненіи непонятнаго въ нихъ; а между тѣмъ церковныя книги того времени представляли множество ошибокъ, происшедшихъ отъ невѣжества или подлога переписчиковъ, — писали наприм. въ нихъ, какъ говоритъ составитель азбуковника, вмѣсто *илектръ—алектотъ*, вмѣсто кедръ—*китръ*, вмѣсто ересь—*ересива*, и т. п., что конечно, не могло не возбуждать опасеній въ ревнителяхъ чистоты церковнаго ученія. Эти искаженія въ церковныхъ книгахъ настоятельно требовали исправленія ихъ. Оно, какъ извѣстно, и сдѣлалось предметомъ серьезныхъ трудовъ въ XVII ст. при патріархахъ Іосифѣ и Никонѣ; но, съ другой стороны, и любознательные читатели церковныхъ книгъ не могли равнодушно смотрѣть на эти искаженія въ нихъ и считали для себя христіанскимъ долгомъ дать средства для разъясненія ихъ. Этими-то средствами между прочимъ считали и словари, объясняющіе слова непонятныя, которыя чаще подвергались искаженіямъ со стороны переписчиковъ и подавали поводъ къ извращенію смысла Писанія, „да никто проходя святое Писаніе, — говоритъ авторъ азбуковника, — и обрѣте что неудобь разумѣваемо, паче же иноязычнымъ глаголаніемъ положено, и на свой разумъ уповавъ, та о себѣ разсуждавъ криво толкуетъ". А такъ какъ эти искаженія особенно часто встрѣчались въ иностранныхъ словахъ, то и понятно, что составители словарей обратили на нихъ преимущественное свое вниманіе и старались, по возможности, объяснить ихъ. Вотъ въ чемъ заключается главная причина внесенія въ велико-русскіе словари такого огромнаго количества иностранныхъ словъ сравнительно съ славянскими.

Чтобы ближе познакомиться съ составомъ этихъ словарей, обратимъ вниманіе на тѣ источники, изъ которыхъ заимствованы слова. Припоминая сказанное составителемъ перваго словаря, что онъ взялся объяснить слова еврейскія, сирскія.

египетскія и др., невѣроятно предположить, чтобы онъ зналъ всѣ эти языки: мы теперь не можемъ понять его различіе языковъ: еврейскаго и жидовскаго, латинскаго и римскаго, греческаго и эллинскаго, — не говоримъ уже объ языкахъ македонскихъ, евхаитскомъ, сирскомъ, скиѳскомъ и др. Всему этому виною, какъ справедливо замѣтилъ Сахаровъ, наши толковники, любившіе дѣлать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ сочиненія Ефрема Сирина, писанныя на сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на греческій, съ греческаго на болгарскій. Русскіе переписчики обновили болгарскій переводъ по-своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненій Ефрема Сирина, называетъ ихъ сирскими. Вотъ источникъ знаній его въ сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылку и къ другимъ словарямъ. Тѣмъ не менѣе, задавшись мыслію составить сборники, объясняющіе невразумительныя слова, преимущественно изъ другихъ языковъ, составители дали себѣ полную свободу и набирали всякія изъ нихъ и отовсюду, гдѣ только случалось найти ихъ. Источниками имъ служили и прежніе словари: новгородскіе и Зизанія, и „Толкованіе именъ“ Максима Грека, и греческіе и латинскіе словари, на что указываютъ въ рукописяхъ частыя выписки преимущественно греческихъ словъ сподрядъ, а можетъ быть, сербскіе и чешскіе. Но какіе именно? Пока еще нельзя сказать. Греческій источникъ нашихъ словарей, по всей вѣроятности, заключался въ трудахъ византійцевъ, — таковъ, наприм., греческій словарь Гезихія, относящійся къ XII — XIII вв., къ которому русскій придѣлалъ славянскіе глоссы; таковы и древне-чешскіе словари, о которыхъ однакожъ также нельзя сказать, чтобы они послужили источниками для великорусскихъ лексикографовъ. Но, кромѣ указанныхъ нами и, такъ сказать, прямыхъ источниковъ, изъ которыхъ преимущественно заимствованы объясненія словъ, въ рукописяхъ находимъ много ссылокъ на разныя другого рода письменныя произведенія, съ обозначеніемъ ихъ названія. Объясненія, заимствованныя отсюда, касаются большею частію самихъ предметовъ и представляютъ свѣдѣнія энциклопедическія. Кругъ этихъ источниковъ довольно обширенъ. Это суть, большею частію, писатели греческіе въ славянскихъ переводахъ. Между ними есть не только духовные писатели, но и свѣтскіе; притомъ одни изъ нихъ относятся къ древнѣйшему періоду славянской литературы.

другіе почти современны лексикографамъ. Писатели и сочиненія, на которыхъ указываетъ лексикографъ, суть: Діонисій Ареопагитъ, Григорій Богословъ, Лѣствичникъ, Максимъ Грекъ, Грамматика, вѣроятно, Лавр. Зизанія, Уставъ Геннадія, Патерикъ Египетскій, Скитскій и Азбучный, Кроника царей греческихъ и римскихъ, Козьма Индикопловъ, предисловіе къ Юдифи, Іоаннъ Богословъ, Уставъ, Симеонъ Юродивый, Цѣпь Златая, Кириллъ Александрійскій, Кириллъ Бѣлозерскій, Похвала царю Константину, Геннадія житіе Феодосія Великаго, авва Дорофей, Ефремъ Сиринъ, Слово на Успеніе Богородицы, Варсонофій Великій, Златоустъ, Епифаній Кипрскій, Кормчая, Григорій, пресвитеръ обители Пантократорскія, Толкованіе Григорія, папы римскаго, Іоаннъ Дамаскинъ, Греческіе хронографы, житіе Аверкія, Даніилъ Столпникъ, житіе Іоанна Дамаскина, житіе Епифанія Кипрскаго, Петръ митрополитъ, житія: Онуфрія Великаго, Іоанна Милостиваго, Сергія Радонежскаго, Пахомія Великаго, Афанасія Афонскаго, Арсенія Великаго, Іоанна Златоуста, Савы Освященнаго, Повѣсть о Святогорскихъ монастыряхъ, Хожденіе Александра, царя македонскаго, Палея, Правила соборныя, Прологъ, Пареміи, книги Ветхаго и Новаго Завѣта, Похвала царю Константину. Свѣдѣнія, заимствованныя изъ нихъ, относятся къ разнымъ отраслямъ знаній и представляютъ весьма интересныя данныя для исторіи просвѣщенія. Любознательные составители этихъ словарей брали изъ названныхъ сочиненій все, что только казалось имъ новымъ и любопытнымъ изъ области географіи и этнографіи, изъ всеобщей и естественной исторіи, изъ миѳологіи, астрономіи, метеорологіи, и если не даютъ намъ полной тогдашней энциклопедіи свѣдѣній по означеннымъ отраслямъ знаній, зато свидѣтельствуютъ объ ихъ характерѣ, о степени образованности и міросозерцаніи передовыхъ людей того времени.

Богатство энциклопедическихъ свѣдѣній составляетъ отличительную черту велико-русскихъ словарей и важное преимущество ихъ предъ другими словарями: въ другихъ отношеніяхъ, для исторіи языка, они имѣютъ одинаковое значеніе съ послѣдними, отличаясь отъ нихъ большимъ числомъ и разнообразіемъ словъ, но зато и большею случайностію ихъ подбора.

Эта случайность выбора словъ составляетъ общую черту и всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами словарей. Только одна мысль выставляется въ этихъ трудахъ, какъ главная и руководи-

тельная, — это мысль выбирать слова „неудобь разумѣваемыя", употребляющіяся преимущественно въ кругу церковной письменности. Но исполненіе ея совершенно случайное: составители этихъ словарей, исключая Л. Зизанія, не заботились о томъ, къ какому языку или нарѣчію принадлежатъ тѣ или другія слова, — всякое попавшееся слово казалось имъ годнымъ, лишь только оно было непонятно. Не таковъ трудъ Памвы Берынды, хотя и онъ также имѣетъ характеръ древнихъ словарей.

Словарь Памвы Берынды въ первый разъ напечатанъ въ Кіевѣ въ 1627 г. подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Лексиконъ славено-росскій и именъ тлъкованіе, прьвое типомъ изобразися въ киновіи св. великія чудотворныя лавры Печерскіа Кіевскіа ставропигіа П. Р. Константинопольскіа патріархіи вселенскіа. лѣта бытія міра 7135, отъ Рождества же Христова 1627. Куріопасха индикта 10, августа 11". Въ началѣ его находится посвященіе отъ Берынды Димитрію и Даніилу Ѳеодоровичамъ Балобанамъ, на оборотѣ заглавнаго листа стихи Тарасія Земки, а въ концѣ послѣсловіе. Черезъ 26 лѣтъ онъ напечатанъ былъ во второй разъ, 1653 г., въ монастырѣ Кутеинскомъ, „тщаніемъ тояжде обители иноковъ". Это изданіе имѣетъ особое предисловіе отъ издателя его іеромонаха и игумена Іоиля Труцевича. Изданія эти представляютъ только очень незначительныя разности. Іеромонахъ Труцевичъ старался, конечно, объ улучшеніи своего изданія, но не сдѣлалъ въ немъ никакихъ измѣненій кромѣ того, что выбросилъ всѣ греческія и латинскія слова, стоящія въ изданіи Берынды въ числѣ объясняющихъ и, конечно, показавшіяся ему ненужными. Вотъ единственная разность этихъ изданій; во всемъ прочемъ они совершенно тождественны. Гораздо болѣе отличій отъ подлинника, а столько же и отъ второго изданія представляетъ изданіе Сахарова. Сахаровъ мало обращалъ вниманія на палеографическую сторону памятника: выпустилъ много изъ объясненій, показавшееся ему, неизвѣстно почему, лишнимъ, а также и ссылки на источники, изъ которыхъ заимствованы слова, на томъ основаніи, какъ онъ самъ объяснилъ, что „за неимѣніемъ подъ руками тѣхъ рукописей, которыя служили источникомъ для Лексикона Берынды, эти ссылки были бы совершенно безполезны". Нечего и доказывать невѣрность этого взгляда. При разсмотрѣніи словаря Берынды, мы преимущественно пользуемся его первымъ изданіемъ.

Для того, чтобы ближе ознакомиться съ этимъ филологическимъ памятникомъ, не безполезно обратить вниманіе и на самую личность составителя, на нѣкоторыя обстоятельства его жизни. П. Берында родился въ Молдавіи отъ православныхъ родителей въ XVI ст. Путешествуя съ юныхъ лѣтъ по св. мѣстамъ, онъ постригся въ Іерусалимѣ и занималъ тамъ разныя должности до тѣхъ поръ, какъ львовскій епископъ Гедеонъ Балобанъ вызвалъ его къ себѣ и поручилъ исправленіе книгъ и надзоръ за печатаніемъ ихъ въ Стрятинской и Крылосской типографіяхъ. Здѣсь среди занятій такого рода Берында началъ составлять свой лексиконъ. Послѣ смерти Гедеона Балобана, когда типографія, заведенная Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балобаномъ, продана была въ Кіевопечерскую лавру, и онъ вызванъ былъ туда же Елисеемъ Плетенецкимъ. Здѣсь онъ, получивъ отъ іерусалимскаго патріаршаго престола званіе протосингела и архитипографа россійской церкви, занимался тѣми же трудами, какими и въ Львовѣ, т.-е. завѣдывая типографіею, исправлялъ и издавалъ церковныя книги; но въ то же время не забывалъ своего лексикона, который издалъ послѣ 30 ти-лѣтнихъ трудовъ надъ нимъ. Это-то обстоятельство, а равно и то, что составитель, завѣдывая долго типографіями, имѣлъ, конечно, подъ руками много разныхъ книгъ, и сообщило его лексикону ту отчетливость и полноту, которымъ далеко уступаютъ всѣ прежніе труды по этой части.

Какую цѣль Берында имѣлъ въ виду и какими побужденіями руководствовался при составленіи своего словаря? Объ этомъ онъ самъ говоритъ въ посвящени къ Балобанамъ. „Широкій и великославный языкъ славенскій, милостивыи панове Балобанове, маючи оквитое залеценье не только отъ писмъ богословскихъ и гимновъ церковныхъ съ еллинскаго нимъ претлумаченныхъ, але и съ божественныя литургіи и иныхъ таемницъ, которыя ся тымъ языкомъ въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи и по инымъ сторонамъ отправуютъ, пжъ трудности тѣхъ словъ до выразуменя темныхъ многіи въ собѣ маетъ, зачимъ и самая церковь россійская многимъ влаенымъ сыномъ въ огиду приходитъ... Тымъ разревнѣныи будучы, — прибавляетъ Труцевичъ, — мужъ побожный, духовной мудрости полный, блаженной памяти куръ Памво Берында, протосиггелъ Ѳрону Іерусалимскаго многимъ трудомъ и працею (которая се сама отъ себѣ окажетъ).. назвиска рѣчій и имена власныи

людей, гиръ, пагорковъ, лѣсовъ, рѣкъ, и разныхъ урочищъ, розмолтыхъ діалектовъ, сирскаго, халдейскаго, еврейскаго, латинскаго и властнаго нашего славенскаго, вкоротцѣ вкупу зграмоздивши, рѣчивисто, нашимъ языкомъ русскимъ, объяснилъ и каждое трудное слово выложилъ". Такимъ образомъ и Берында имѣлъ ту же цѣль, къ которой направляли свои труды и прежніе лексикографы, — объяснять трудныя для вразумѣнія слова — иностранныя и славянскія, находящіяся въ „святыхъ письмахъ". Однакожъ при этой цѣли онъ не ограничивался только словами непонятными: онъ вносилъ на страницы своего лексикона каждое слово книжное, которое представляло хоть какое-нибудь отличіе отъ соотвѣтствующаго ему народнаго не только въ лексическомъ, даже въ фонетическомъ отношеніи; такъ напр. въ лексиконѣ находится очень много объясненій подобныхъ слѣдующимъ: *златарь,*— золотарь; *волна,* - вовна; *врата,* — ворота; *духовнъ,* — духовное; *веселіе,* — веселье и т. д. Эти и подобныя имъ слова, столь мало отличающіяся отъ народныхъ, конечно, были понятны и для составителя и для тѣхъ, кому назначался лексиконъ, и если получали въ немъ мѣсто, то, конечно, потому, что рамки для лексикона были предположены болѣе обширныя, не исключающія и словъ извѣстныхъ, лишь только онѣ отзывались хоть чѣмъ-нибудь чуждымъ для народнаго говора. Тѣмъ не менѣе составитель строго держится своей цѣли, — потому что считаетъ долгомъ включать въ свой лексиконъ даже такія слова, на которыя не могъ найти объясненій, и, какъ онъ самъ говоритъ, „вписывалъ нѣкія изъ нихъ не толкованны".

Имѣя одну цѣль съ прежними составителями словарей, Берында представляетъ трудъ совершенно отличный отъ прежнихъ; то, что въ прежнихъ словаряхъ, было лишнимъ, напр. внесеніе греческихъ и латинскихъ и другихъ иностранныхъ словъ, которыхъ такое огромное количество находимъ въ азбуковникахъ, Берында не помѣстилъ въ своемъ лексиконѣ, и замѣнилъ хотя тоже иностранными, но только такими, которыя составляютъ или названія предметовъ иностранныхъ, или термины наукъ, искусствъ, не лишенные употребленія въ народѣ или, по крайней мѣрѣ, въ книжномъ языкѣ; съ другой стороны, все то, къ чему стремились прежніе составители словарей, у Берынды выполнено несравненно основательнѣе и отчетливѣе.

Тщательно занимаясь составленіемъ словаря въ продолженіе 30 лѣтъ, Берында собралъ словъ около четырехъ тысячъ, расположилъ ихъ въ правильномъ азбучномъ порядкѣ и, понимая разницу между славянскими и иностранными, раздѣлилъ свой лексиконъ на двѣ части: въ первой изложилъ слова славянскія со включеніемъ немногихъ иностранныхъ, освоившихся съ славянскими, во-второй — собственныя имена, взятыя изъ другихъ языковъ, а также названія горъ, пагорковъ, рѣкъ и т. п. Сравнивая словарь по различнымъ книгамъ славянскимъ и въ помощь къ уразумѣнію книгъ, онъ счелъ нужнымъ выставлять указанія на тѣ источники, изъ которыхъ заимствовалъ слова, дѣлаетъ это съ большею правильностію и постоянствомъ. Объясненія у Берынды несравненно отчетливѣе и полнѣе, нежели у прежнихъ составителей: онъ не только старался найти для каждаго слова соотвѣтствующія и вполнѣ объясняющія его сословы, но при словахъ непонятныхъ или имѣющихъ различныя значенія, онъ приводитъ цѣлыя фразы, въ которыхъ они употреблены и въ которыхъ ясно опредѣляется ихъ смыслъ. При этомъ онъ доходитъ даже до роскоши по тому времени, нерѣдко поставляя въ объясненіяхъ слова греческія и латинскія, напр., при словѣ: дръжава, — *κράτος*, robur, potentia, *κραταίωμα*, firmamentum, и т. п., а при нѣкоторыхъ даже сирскія.

Вообще нужно сказать о лексиконѣ Берынды, что какъ въ наборѣ словъ, такъ и въ объясненіи ихъ нѣтъ уже той случайности, которую находимъ въ прежнихъ словаряхъ: онъ далеко превосходитъ ихъ по своей полнотѣ и отчетливости.

Всѣ внѣшніе пріемы, коими отличается Берында отъ прежнихъ составителей словарей. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ, какъ болѣе важные для объясненія словаря его, и прежде всего обратимъ вниманіе на источники, которыми онъ пользовался. Они двухъ родовъ: а) словари и б) другого рода сочиненія, которыя давали матеріалъ для его словаря.

Въ числѣ первыхъ Берында самъ указываетъ только на одинъ словарь Л. Зизанія; но, по сличеніи его лексикона съ разсмотрѣнными нами словарями, оказывается, что и всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ послужили для него матеріаломъ. Скажемъ, какъ Берында пользовался ими, — этимъ отчасти объяснится и характеръ его словаря.

Словарь Лаврентія Зизанія почти весь цѣликомъ съ нѣкоторыми исправленіями вошелъ въ словарь Берынды; не вошла

въ него только десятая часть „Лексикона". Измѣненія состоятъ или въ замѣнѣ нѣкоторыхъ объясненій литовской рѣчи словами малороссійскими, или въ различномъ написаніи словъ объяснительныхъ.

Какъ бы ни произошло это различіе въ ороографіи, нельзя не замѣтить въ Берындѣ особеннаго чутья къ ц.-славянскому нарѣчію: въ словахъ, передѣланныхъ Зизаніемъ съ ц.-славянскаго языка, онъ замѣтно старается возстановить его ороографію, и, большею частію, вѣрно, напр. Зизаніевы: *скверна, скверный* — измѣнены имъ въ *скврна, скврный, черленица,* въ *чрвленица, черничіе* — въ *чрничіе, чертогъ* — въ *чртогъ; упражняю, упражненье* — въ *упражняю, упражненье, сладкосъ* — *сладкость.* Равнымъ образомъ и выпустилъ Берында изъ лексиса Зизанія именно или тѣ слова, которыя отзываются мѣстнымъ говоромъ Зизанія, напр. *склащенія, склащенный, мнафутикъ, рукомыкъ* (ручникъ), или тѣ, кои по формамъ образованія своего менѣе подходятъ къ ц.-славянскому нарѣчію, напр. *рекло, онужом, скоторойся, смотрию* и т. п. При этомъ однакожъ въ нѣкоторыхъ словахъ и самъ, въ свою очередь, положилъ печать своего нарѣчія въ ороографіи, напр. вмѣсто Зизаніева *протору* онъ поставилъ *протуру.*

Кромѣ словаря Зизанія, Берында пользовался еще и словарями новгородскими, на которые, впрочемъ, онъ не дѣлаетъ ссылокъ. Изъ перваго новгородскаго словаря, наполненнаго словами еврейскими, онъ взялъ очень немного, почти только одни славянскія, которыя попались туда случайно, такъ напр. въ новгородскомъ словарѣ стоитъ: бритва, стригольникъ; Берында прибавилъ: *бричъ,* бритва, стригольникъ; у Берынды также встрѣчаются: *зѣло, рогъ, степень, пафиръ, Соломонъ* — совершенно съ такими же объясненіями, какъ и въ 1-мъ новгородскомъ. Второй же новгородскій словарь, состоящій почти изъ однихъ славянскихъ словъ, почти весь вошелъ въ словарь Берынды съ нѣкоторыми, впрочемъ, исправленіями и дополненіями, которыхъ требовало его мѣстное употребленіе.

Замѣчательно также, что Берында и здѣсь, подобно какъ и при заимствованныхъ изъ Зизанія, опускаетъ слова, казавшіяся ему несообразными съ характеромъ ц.-слав. языка, а именно: *повѣсь* — вещь, *гензе* — лишился, *кръ* — произволеніе, *тритиза* — подвязанье и нѣкот. др., а также тѣ слова, которыя поставлены не въ примитивныхъ формахъ, напр. *построю,*

прокыхъ — прочихъ, которыя онъ, конечно, считалъ излишнимъ вносить въ свой словарь. Но, соблюдая большею частію ороографію подлинника, Берында и здѣсь дѣлаетъ нѣкоторыя отступленія въ пользу своего нарѣчія: старо-славянское ѫ переходитъ у него въ *о* (бѫхма у него бохма) ь — въ *е* (качьство, количьство = качество, количество), а также въ *ъ* (милотарь = милотаръ, отверзь = отверзъ), форма прош. врем. глаголовъ на *аахъ* измѣняется на аяхъ: начаахъ, надѣахся = начаяхъ, надѣяхся), наѳѳа = нафта, кычевіе = кичевіе. Подобнымъ образомъ онъ пользовался и азбуковниками, изъ которыхъ, впрочемъ, болѣе заимствовалъ объясненія энциклопедическія. „Толкованіе же именъ" Максима Грека почти цѣликомъ вошло во 2-ю часть его лексикона. Такимъ образомъ, какъ оказывается, Берында имѣлъ подъ руками всѣ прежніе извѣстные намъ словари.

Въ самомъ же лексиконѣ находимъ еще частыя указанія на книги библейскія, Бесѣды Лѣствичника, Бесѣды Апостольскія, Григорія Богослова, Максима Грека, Кирилла Іерусалимскаго, Іоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Никона Черныя Горы, Василія Великаго (О дѣвствѣ), Златоустаго, Григорія Богослова, Іоанна пресвитера болгарскаго (предисловіе толк. Еванг.), Іоанна Кипрскаго, Патерикъ соловецкихъ чудотворцевъ, Никона, Кирилла Александрійскаго (О 3-хъ отроцѣхъ).

Нѣтъ сомнѣнія, что у Берынды означены не всѣ источники, изъ которыхъ онъ бралъ слова: эти источники очень немногочисленны въ сравненіи, напр., съ источниками великорусскихъ гораздо кратчайшихъ словарей, а равнымъ образомъ не при всѣхъ словахъ, заимствованныхъ изъ означенныхъ источниковъ, дѣлалъ цитаты: гораздо большая часть словъ остается не цитованными. Принимая во вниманіе тщательность и отчетливость труда Берынды, нельзя, кажется, объяснить это чѣмъ-нибудь инымъ, какъ не тѣмъ, что онъ означалъ цитатами только или слова непонятныя, или употребляющіяся въ разныхъ значеніяхъ, что дѣйствительно и замѣтно изъ объясненій такихъ словъ. Но уже и изъ указанныхъ нами источниковъ лексикона Берынды и изъ способа набора изъ нихъ словъ достаточно открывается, что Берында преимущественно пользовался книгами духовнаго содержанія и имѣлъ въ виду составить сборникъ словъ ц.-славянскихъ, отличая ихъ отъ словъ другихъ нарѣчій и языковъ и относя послѣднія ко 2-й части своего лексикона.

Это-то отличіе словъ ц.-слав. языка того времени отъ словъ другихъ нарѣчій, сколько оно возможно было у Берынды, вмѣстѣ съ полнотою и отчетливостью труда составляетъ главное преимущество его предъ прежними лексикографами, которые набирали слова совершенно случайно, не заботясь о томъ, къ какому языку принадлежатъ они. До какой степени можно приписать Берындѣ знаніе тѣхъ нарѣчій и языковъ, изъ которыхъ взяты у него слова, для того, чтобы умѣть отличить одни отъ другихъ? Не говоря о языкахъ сирскомъ, еврейскомъ, которые онъ могъ хорошо знать по обстоятельствамъ своей жизни, а также о латинскомъ и греческомъ, нельзя отказать ему и въ знаніи нѣкоторыхъ слав. нарѣчій, какъ человѣку, въ продолженіе всей почти жизни, занимавшемуся исправленіемъ ц.-славянскихъ книгъ, и постоянно, по самой обязанности архитипографа, обращавшемуся съ многочисленными книгами, между которыми, нѣтъ сомнѣнія, были и книги различныхъ нарѣчій славянскихъ, которыя въ то время особенно распространялись въ Россіи. Подобную начитанность трудно найти въ человѣкѣ того времени, и если мы встрѣчаемъ у него на ряду съ словами ц.-славянскими и слова изъ другихъ нарѣчій, то это или слова, чаще встрѣчавшіяся въ тогдашнихъ церковныхъ книгахъ, или слова, попавшія туда случайно, подобно тому, какъ въ прежніе словари въ рядъ славянскихъ вносили безъ всякой надобности слова латинскія и греческія.

Что же новаго, сравнительно съ прежними, представляетъ намъ словарь Берынды съ точки зрѣнія историко-филологической? Словарь Берынды, какъ и другіе, предшествовавшіе ему, можно разсматривать съ двухъ сторонъ: со стороны энциклопедической и собственно лексической. Энциклопедическая часть этого словаря, подобно какъ въ „Лексисѣ“ Зизанія и азбуковникахъ, состоитъ изъ описанія различныхъ предметовъ религіи, миѳологіи, естествознанія, общежитія и проч.; но при этомъ имѣетъ и свои особенности. Пользуясь преимущественно книгами церковными и вообще книгами духовнаго содержанія, онъ и выбиралъ изъ нихъ такіе предметы, которые имѣютъ отношеніе къ религіи или только упоминаются въ духовныхъ книгахъ. Такъ почти всѣ энциклопедическія объясненія его имѣютъ ссылки на эти книги, даже объясненія такихъ словъ, которыя заимствованы изъ азбуковниковъ и Лексиса Зизанія и которыя тамъ поставлены безъ цитатъ, такъ, напр., въ азбу-

ковникѣ объясняется: „Драчіе есть хойна, которая въ винѣ возварена уврачуетъ ухо удареное и очи битыя“. Берында прибавилъ ссылку „Ис. 55 при концѣ“, точно такъ же поступилъ онъ при объясненіи слова: Артемида, прибавивъ къ сказанному въ азбуковникѣ ссылку на „Дѣян. 19 гл., 7 ст.“ и при словѣ орелъ „Пс. 101“. Заботясь о близости объясненныхъ предметовъ къ области духовной письменности, онъ, естественно, въ своемъ лексиконѣ не давалъ мѣста всякому случайно попадающемуся слову, какъ это видимъ въ азбуковникахъ. Онъ преимущественно распространяется въ объясненіяхъ духовныхъ предметовъ, — таковы, напр., его объясненія на слова: Церковь, Св. Духъ и проч., и только немногія слова, относящіяся къ другимъ предметамъ, вошли въ него. Въ числѣ послѣднихъ находимъ описанія миѳологическія, географическія, этнографическія, описанія предметовъ естествознанія и проч. По части миѳологіи, напр., находимъ слѣдующія объясненія.

Арметида, пріятна жертва, Діана, отъ дня названа есть, для того маетъ ясность подобную дневи, и мѣсяцъ тымъ именемъ зовутъ, имя богинѣ и идола въ Ефесѣ; Лука. Дѣян. 19. 7.

Ира, Лат. Юно, богиня, жона Діева, и дочка, имя идолу.

Сирены — дивъ морскій, до пояса станъ панянскій, а далѣй рыбѣй, Ис. 13. 21.

Ипнокентавръ — полъчеловѣка и полконъ.

Фениксъ — финиковое дерево и ягода его; або зактиловое и овоцъ его, также кровавая фарба, або масть; часть Сиріи, гдѣ Сидонъ и Тиръ; есть и птахъ въ Аравіи близь Индіи, тотъ на кедрахъ Ливанскихъ жіетъ; нечого не ядачи, не пьючи, духомъ жіетъ, або въ 50 л., въ Иліуполи на святомъ жертовнику гды попъ до церкве зазвонитъ, самъ ся спалитъ, а съ попелу своего снова ся родитъ, и зазнову въ 500 л. тако чинитъ. Св. Епифаній такъ пишетъ.

Наузы — узлоношеніе или узоношеніе, обвѣшеные на выи чаровное ношенье. Вѣроятно, извѣстно было во время Берынды чарованіе наузами, о которомъ говорилъ еще Кириллъ Туровскій. Эти паузы, или повязки, дѣлались, вѣроятно, изъ зелья, т.-е. травы и вѣтвей, и были надѣваемы на дѣтей волхвами (припомнимъ Всеслава Полоцкаго).

Вотъ весь кругъ миѳологическихъ предметовъ въ составѣ лексикона Берынды. Они далеко уже не такъ многочисленны, какъ въ азбуковникахъ; объясненія ихъ также далеко не пред-

ставляютъ тѣхъ суевѣрныхъ воззрѣній, соединенныхъ съ личностію писателя, которыми такъ увлекалось воображеніе составителей азбуковниковъ. Берында не раздѣляетъ уже тѣхъ суевѣрныхъ понятій, которыя онъ высказываетъ; онъ представляетъ ихъ отдѣльно отъ своей личности, какъ мнѣнія чуждыя ему. Даже тѣ объясненія миѳологическихъ предметовъ которыя онъ заимствовалъ изъ азбуковниковъ, у него теряютъ суевѣрный характеръ и подвергаются анализу его разсудка. — такъ напр. онъ измѣнилъ и сократилъ объясненія въ азбуковникѣ словъ: уэна, василискъ, орелъ, фениксъ, изъ коихъ объясненіе послѣдняго онъ считаетъ нужнымъ приписать св. Епифанію, хотя на него нѣтъ ссылки въ азбуковникѣ: „св. Епиф. такъ пишетъ", замѣчаетъ онъ.

Также не многочисленны у него и описанія другихъ предметовъ. Они суть слѣд.: Амаликъ, Верника, Иллиринъ, Асіа, Академіа, ипподромъ, онагръ, Аппіевъ торгъ, акриды, ночной вранъ, Левіаѳанъ, драчіе, желвъ, илектронъ, мирта, стихіа, Псинъ, Саламандра, талантъ, иссопъ, Іорданъ, поприще. О всѣхъ этихъ предметахъ Берында представляетъ свѣдѣнія, конечно, не лишенныя интереса для тогдашняго времени.

Энциклопедическая часть этого лексикона, по своей малочисленности, составляетъ явленіе какъ бы случайное: она и занимаетъ въ немъ самое незначительное мѣсто. Характеръ лексикона Берынды есть характеръ лексикона въ собственномъ смыслѣ словарнаго.

Мы уже выше замѣтили, что Берындѣ первому принадлежитъ честь тщательнаго и искуснаго собиранія собственно ц.-славянскихъ словъ и сознательнаго отличенія ихъ отъ другихъ нарѣчій и языковъ, сколько возможно было для человѣка того времени. Это единственный у насъ филологическій памятникъ языка нашей древней ц.-славянской письменности, представляющій довольно полный сборникъ словъ славянскихъ, изъ которыхъ многія, нѣтъ сомнѣнія, оставили въ немъ послѣдніе слѣды своего существованія. Эти уцѣлѣвшія въ немъ слова тѣмъ большую еще должны имѣть для насъ цѣну, чѣмъ древнѣе тѣ источники, изъ которыхъ они взяты. И не только рѣдкость, но также и особенности формъ ихъ образованія заставляютъ обратить на нихъ вниманіе. По этимъ-то качествамъ словарь Берынды останется незамѣнимъ для изучающаго нашъ ц.-славянскій языкъ и его письменность.

Вторая часть Лексикона Берынды заключаетъ въ себѣ до полуторы тысячи словъ, взятыхъ изъ „еврейскаго, греческаго и латинскаго и иныхъ языковъ“; между ними большая часть собственныхъ именъ лицъ, преимущественно святыхъ, празднуемыхъ церковію, съ означеніемъ лица и дня ихъ празднованія; не мало также названій историческихъ, географическихъ и вообще словъ иностранныхъ. Сюда же включены и нѣкоторыя славянскія слова, которыя употребляются въ видѣ собственныхъ, напр. Богословъ, скиины, почти всѣ слова, вошедшія во вторую часть Лексикона Берынды, снабжены ссылками. Эти ссылки показываютъ, что они также заимствованы изъ книгъ церковныхъ и суть названія лицъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ церковныхъ книгахъ. Только не много находимъ здѣсь словъ иностранныхъ выходящихъ изъ круга духовной письменности, какъ напр. *авторъ, анръ, дукесъ, ефектъ, натеръ*, и ихъ, конечно, нужно отнести къ явленіямъ того времени, когда юго-западный книжный языкъ началъ подвергаться различнымъ чужероднымъ внесеніямъ. Такимъ образомъ и эта часть лексикона представляетъ довольно полный сборникъ иностранныхъ словъ, издавна получившихъ право гражданства въ нашей ц.-славянской письменности.

Остается еще показать фонетическія особенности словъ, вошедшихъ въ составъ его, и ихъ объясненій, т.-е. показать особенности языка Берынды сравнительно съ языкомъ словъ объясняемыхъ.

Разсматривая объясняемыя у Берынды слова съ фонетической стороны, находимъ въ нихъ слѣд. особенности, принадлежащія старо-славянскому нарѣчію:

а) Почти вездѣ правильное употребленіе *глухихъ* звуковъ, напр.: *кръвь, мръзость, мрътвый, врътоградъ, връста, съзрьцаніе, поврьзеніе, сътрьшаю, възъ и т. д.*

в) Отсутствіе полногласія, которое господствуетъ въ объясненіяхъ Берынды; такъ напр. встрѣчаемъ: *крава* — корова, *платно* — полотно, *мракъ* — морокъ, *славій* — соловей, *срамъ* — соромъ, *стремглавъ* — стромголовъ и проч.

с) *Жд* всюду, гдѣ въ объясненіяхъ *ж*, — *тужду* — *тужу*, *разсуждаю* — разсужаю, *рожденіе* — роженье, *межда* — межа и пр.

Эти черты проходятъ по всему лексикону. Но кромѣ ихъ встрѣчаемъ еще слѣд. фонетическія особенности въ объясняе-

мыхъ словахъ: *аа* въ именахъ и глаголахъ замѣняются Берындою, большею частію, въ *ая*: *настоательство* — настоятельство, *піаницъ* — пiяница, *зіаю* — зiяю, *изваанъ* — изваянъ. Послѣ *р* въ окончаніи *ъ*, а не *ь*, какъ въ объясненіяхъ Берынды, — *рыбаръ, злотаръ* (золотарь), *пастыръ* (пастухъ), *ниваръ* (селянинъ). Послѣ *з* часто встрѣчается *д* предъ *р*, напр. *раздрушаю, раздрышенье*.

Окончаніе *іе* Берында почти всюду измѣняетъ въ *ье*, — *рожденіе* — у него роженье, *уничижденіе* — уничиженье, *коленіе* — колѣнье.

Въ окончаніяхъ глаголовъ въ 1-мъ лицѣ на *аю*, вмѣсто гортанныхъ *г, к* встрѣчаются *з—ц* — *достизаю, постизаю, присязаю* (посягаю), *мизаю* (мигаю), *приницаю*.

Кромѣ того, находимъ еще слѣдующія замѣчательныя въ этимологическомъ отношеніи формы: *кто* у Берынды — *хто*, *наялъ*, — нанялъ, *нинь* — нынѣ, *папа* — попъ, *пепелъ* — попелъ, *позднь* — позно, *вашестранъ* — съ вашей стороны, *нашестранъ* — съ нашей стороны, *онъсица* — оный, *обонъ* — *полъ* — на той и на сей сторонѣ, также: пекло, било, рекло, рало, обязало, черпало, почерпало и т. п.

Не входя въ разборъ языка и объясненій Берынды, сдѣлаемъ однакожъ въ заключеніе нѣкоторыя касательно его замѣчанія. Прежде всего поражаетъ въ немъ удивительная смѣсь словъ изъ различныхъ языковъ: въ числѣ сослововъ встрѣчаемъ и слова чисто ц.-славянскія, которыя въ свою очередь часто входятъ и въ 'составъ объясняемыхъ, и малорусскія, и польскія, и собственно русскія, и латинскія, а равно какъ и слова собственно малороссійскія, но образовавшіяся по образцу словъ польскихъ. Иногда даже одно и тоже слово имѣетъ объясняющія слова изъ всѣхъ этихъ языковъ. Это разительное явленіе смѣси юго-западнаго русскаго языка того времени, когда онъ, во дни возстанія уніи, подвергался различнымъ чужероднымъ наплывамъ, преимущественно польскимъ.

Обозрѣвъ составъ Лексикона Берынды, мы приходимъ къ тому заключенію, что:

а) этотъ Лексиконъ есть, по преимуществу, сборникъ словъ книжнаго языка, — словъ ц.-славянскихъ и иностранныхъ, освоившихся съ ц.-славянскими;

б) что онъ есть сборникъ полнѣйшій предыдущихъ, совмѣщающій въ себѣ всѣ слова этого рода, находящіяся въ прежнихъ словаряхъ;

в) что онъ представляетъ много древнихъ словъ ц.-славянскихъ (изъ которыхъ большая часть уже вошла въ словарь Востокова, а другія представляютъ матеріалъ для дополненія его);

и 2) наконецъ въ немъ находимъ и энциклопедическія свѣдѣнія, заключающіяся въ прежнихъ словаряхъ, въ исправленномъ видѣ, сообразно со взглядомъ автора. Вотъ его достоинства и преимущества предъ прежними словарями.

Ширскій.

Краткіе толковые словари.

Наряду съ словарями, пріобрѣтшими литературную извѣстность, въ древнихъ памятникахъ встрѣчаются и другія слово-толкованія (вошедшія послѣ въ азбуковники), представляющія новыя стороны. Вотъ эти словотолкованія.

1) „*Словеса отъ греческаго языка і ѿ сирскаго,* и ѿ *еврыскаго, и ѿ латыньскаго, и ѿ словеньскаго*" [1]). Этотъ коротенькій словарь начинается съ объясненія словъ: І҃съ, *аданай, еллои, еммануилъ, наріилъ, саваофъ, осанна..,* оканчивается словами: *мамона;* **сл҃млна** (рыба), **никкоусъ** (гробъ), *кумитара* (гробница), *каландъ* (дньь) *сагъ* (вретище). Ему предшествуютъ подъ заглавіемъ „царскіе сановники" объясненія названій чиновъ: *стратилатъ, инархъ, синклитъ, патрикій* и т. д.

2) „*Толкованіе о неразумныхъ словесѣхъ первое начнется ѱалтырь красенъ сгусльмы*" [2]). Толкованіе это въ другихъ памятникахъ называется, какъ и должно называться по началу, приточникомъ. Въ немъ даются такія объясненія: *Ѱалтирь*—умъ, *гусли* — мысли, *струны* — персты, *органъ* — дума добрая еже къ бг҃у, *тимпанъ*—гласъ, *труба*—горло, *рогъ*—крѣпость, *исполинъ* — силенъ, *сионъ* — позорище, *степенная* — пѣснь высокая къ бг҃у... *тарси* — царство римское; **ієрлимъ** — обѣтованіе.

3) „*Се же приточнь речеся*" [3]). Приточникъ этотъ не что иное, какъ распространенный списокъ толкованія „о неразум-

---

[1]) Іосифа Волоцкаго Уставъ и выписки л. 196—200. Рукоп. Солов. биб. № 329.

[2]) Іоаннъ Лествичникъ, рукоп. Солов. библ. № 296.

[3]) Сборникъ № 907, рукоп. Солов. биб. л. 464 об. — 464.

ныхъ словесѣхъ". Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія новыя слова: *катепетазма*—завѣса цркокнла, *исторія*—лѣтописецъ отъ лѣтъ цркыхъ, *бисеръ*—камень честенъ.., *мурра*—горесть, *гричъ*—песъ, *спортанъ*—собака, *зивъ*—журавль, *кувикуларіе* — сановникъ царскій, *спекулаторъ* — усѣкатель, *равви*—учитель, *стрыя*—дядя, *оуй* или *оуецъ*—тожъ, *статиръ*—камень честенъ, *власфимія*—хула, *власфимисатъ*—хулить, *архимагоігъ*—начальный поваръ, *сихиль*—чернъ. *схоластикъ*—философъ, и нѣсколько объясненій названій чиновъ и званій свѣтскихъ сановъ и должностей духовныхъ. Приточникъ заканчивается объясненіемъ словъ: *зоографъ*—иконописецъ, калиграфъ — доброписецъ, графіа — писало.

4) „*Толкованіе неудобьнознаваемымъ въ писаніи рѣчемъ, понеже положены суть рѣчи* к *книгахъ* ѿ *начальныхъ преводник, ова* слкейски, *ина* серъски, *и другия* болгарски, *ина гречески, и по прочихъ языкъ, ихже неудоволишася преложити на руский*" ¹). Толкованіе это, по внѣшнему своему виду, представляетъ какъ бы соединеніе двухъ словарей, изъ коихъ въ одномъ слова расположены безъ соблюденія алфавитнаго порядка, по предметамъ, а въ другомъ въ алфавитномъ порядкѣ. вездѣ сохраненномъ, кромѣ мѣста, когда авторъ, послѣ объясненія слова *адаръ* — мартъ, передаетъ подъ-рядъ названія остальныхъ мѣсяцевъ на русскомъ, греческомъ, еврейскомъ. македонскомъ и египетскомъ языкахъ. Толкованіе начинается объясненіемъ именъ Божіихъ, Богородицы, ангеловъ, святыхъ: *адонай*—гь, *агиосъ*—стый. *саваофъ*—сила...., ісъ спсъ. *еммануилъ* — съ нами Бгъ..., названій книгъ священныхъ и церковныхъ: *деоутономі* (δευτερονόμιον) второзаконіе, *апокалипсисъ*,—явленіе или откровеніе, *патерикъ, диоптра*..., наименованій сановъ и чиновъ: *архистратигъ, василіаеъ, арханіелъ*..., южичества: *авва*—отецъ, *варъ*—сынъ. Послѣ объясненія словъ, касающихся южичества, словарь идетъ въ алфавитномъ порядкѣ, безъ группировки словъ по предметамъ, но „купно о различныхъ вещахъ". Начало: *актимонъ* — нестяжатель, *аравія, филоктимонъ*—любостяжатель.... Конецъ: *яфа, яригъ, язнаръ*. Толкованія обыкновенно кратки и большею частью ограничиваются передачей одного только русскаго значенія. На поляхъ нерѣдко дѣлаются указанія, гдѣ встрѣчается то

¹) Іоаннъ Лѣствичникъ, рукоп. Солов. биб. № 302.

или другое слово, или откуда взято толкованіе. Такъ дѣлаются ссылки: на кн. свящ. Писанія, соч. Максима Грека, Греческій царь (еллинскій лѣтописецъ), Прологъ, житіе Златоуста, соч. Григорія Двоеслова, житіе Саввы Освященнаго, Святогорскую Повѣсть о Святой горѣ, Патерикъ Скитскій, на соч. Ефрема Сирина, Синоѯарь, Уставъ Скитскій, твор. Григорія Богослова, на Грамматику, Святцы, Палею, Лѣствицу, Златую Чепь, Іоанна эксарха болгарскаго, соч. Діонисія Ареопагита, Хронику и друг. литературные памятники.

5) „*Толкованіе имянъ греческихъ, и еврейскихъ и римскихъ по алфавиту*“ [1]) Максима Грека. Главное, что имѣлъ въ виду препод. Максимъ Грекъ при составленіи толкованія, это объясненіе именъ человѣческихъ. Видно, что онъ стремился представить толкованіе всѣхъ именъ общеупотребительныхъ и даже счелъ нужнымъ помѣстить имя Несторъ, отказавшись отъ его толкованія: „толка нѣсть“, говоритъ Максимъ Грекъ. Между толкованіями именъ человѣческихъ встрѣчаются у преп. Максима объясненія именъ: аггл҃ъ — вѣстникъ, ап҃лъ — посланникъ, *архистратигъ* — начальный воевода, *профромосъ* — пророкъ, *сатана* — отступникъ и противникъ; толкованіе названій различныхъ сановъ въ церковной іерархіи и духовныхъ должностей: *архимандритъ* — начальникъ монастырю, *анагносъ* — чтецъ, *діаконъ* — слуга, *діакониса* — служительница, *эклисиархъ* — уставщикъ, — *игуменъ вожъ приводяй* к̓ бг҃у, *іерей* — свщ҃енникъ или чиститель, *патріархъ* — ѿцем оц҃ъ...; названій чиновъ свѣтскихъ: *архисинагогъ* — князь божницы, *архондосъ* — болярипъ, *диктаторъ* — единовластитель, *магистръ* — посолъ..., названій книгъ и литературныхъ памятниковъ: *алфавитъ* — азбуковникъ, *минеи* — книги мѣсячны, занеж̓ коеждо ихъ содержатся и каноны, и стихиры ст҃ыхъ единаго м҃ца, соутьже ихъ ѕ҃і..., городовъ: *вавилонъ* — мятежъ, *іераполь* — градъ есть во фригіи, емоу же єп҃пъ былъ Аверскій, а толкуется свщ҃енныи градъ, *никополь* — городъ есть, а толкуется побѣдительный градъ; названія праздниковъ: *пядикостіа* — пятдесятница, *пасха* — преведеніе или свобода; названія растеній и камней: *алмья* — капуста, *виссонъ* — трава въ Генисаретскомъ озерѣ, ею же красятъ црк҃іа багряницы, *иакинѳъ* — камень есть единъ

---

[1]) Сочиненія преп. Максима Грека. Гл 52 л 359 об — 355. Рукоп. Соловецкой библ. № 495.

ѿ многоцѣнныхъ, глемый по роуски яхонтъ; *бисеръ* – камень утенъ, или жемчугъ драгій, или какая оутварь составленная ѿ жемчуговъ драгихъ и камней честныхъ, сіа вся бисеръ имевуется... Здѣсь же даются толкованія названіямъ: *аданай* — Господь, *аллилуіа*—хвала бгу, *аминь*—воистину, *ваіа*—вѣтвь, *геронъ* — старикъ, *диорима* — дань, *дидаскаль* — учитель, *епимахъ*—ратникъ, *эпистиміи*—художеству вѣдѣніе, *еоудъ*—риза жреческа, *зуграфъ*—иконописецъ, *исполинъ*—сильный, *окіянъ*—море все еже течетъ быстрѣ окртъ всеа земли..., *статиръ*—камень, *философъ* — мудролюбецъ, *хризма* — помазаніе, *бдѣніе*—бодрствованіе или трезвеніе. Толкованія именъ человѣческихъ и объясненія многихъ изъ представленныхъ словъ буквально вошли въ азбуковники.

6) „*Скудныхъ языкъ произволеніе*“[1]), заключающее въ себѣ въ алфавитномъ порядкѣ краткое толкованіе отдѣльныхъ словъ, между коими первое мѣсто занимаютъ имена Божіи, Богородицы, святыхъ и имена человѣческія.

Къ этимъ словотолкованіямъ, лично намъ извѣстнымъ по рукописямъ Соловец. библіотеки, присоединимъ:

7) „*Толкованіе неудобьпознаваемо вписанымъ рѣчемъ понеже положены соуть рѣчи въ книгахъ ѿ начальныхъ преводникъ ово словѣнскыи ино* сербскыи, *и дроугая* болгарски, *и гречески, ихже неудоволишася преложити на русскы*“, помѣщенное на 34 — 39 лл. рукописи Румянцевскаго музея (№ 1257): „Сборникъ старца Васьяна Кошки“. Словарь Вассіана имѣетъ, по своему составу, нѣкоторое сходство, съ древними азбуковниками или алфавитами иностранныхъ рѣчей. Его можно раздѣлить на двѣ части: первую составляетъ Новгородскій Словарь 1431 г., вторую—статьи, невошедшія въ Новгор. Словарь, а заимствованныя изъ другихъ источниковъ: a) „а се имена Господня, еже обрѣтаемы въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка, и отъ еврейскаго, и отъ сирскаго, и отъ словенскаго, b) „а се имена бгу“..., c) „а се имена тріемъ царемъ“..., d) „другомъ Іеовымъ“..., e) имена „разбойникомъ“..., f) „сіе же приточникъ речеся“..., g) „имена волхвовъ и иныя рѣчи“. Словарь заканчивается статьею, спеціально содержащею въ себѣ объясненія нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, взятыхъ изъ перваго Новгородскаго Словаря 1282 г.

[1]) Сборникъ, рукоп. Солов. библ. № 907 л. 484—497.

5) „*Сказаніе невѣдомымъ рѣчемъ, еже обрѣтаемъ въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка и отъ еврейскаго отъ сирскаго и отъ словенскаго*" [1]), краткій словарь въ двухъ редакціяхъ почти тождественныхъ между собою. Въ первой редакціи онъ занимаетъ 9½ листовъ, отъ 4 листовъ об.—13. Здѣсь съ самаго начала до 6 л. идетъ толкованіе собственныхъ именъ греческихъ и еврейскихъ, потомъ толкованіе иностранныхъ словъ и названій, встрѣчающихся въ св. Писаніи: Еммануилъ, осанна и др. Съ 7 л. об. слѣдуетъ статья: „сіе же притчне речеся", и затѣмъ смѣшанное толкованіе собственныхъ именъ, названій рѣкъ, городовъ. Съ 12 л. до конца идутъ тѣ же статьи, какія помѣщены и въ словарѣ Вассіана. Словарь второй редакціи занимаетъ 1—5 л. и по содержанію своему менѣе пространенъ, чѣмъ словарь первой редакціи.

Словари и отдѣльныя толкованія, употреблявшіеся на Руси до второй половины XVI вѣка, удовлетворяли исключительно одной только возникшей потребности понимать въ старыхъ книгахъ то, что было бы безъ словаря непонятнымъ; „читать, а не разумѣть, глупая рѣчь", говорится во второмъ Кутейнскомъ изданіи Словаря Памвы Берынды. Это была главная и единственная цѣль. Но со второй половины XVI вѣка предѣлы словарей начали постепенно расширяться; появился цѣлый, замѣчательный и полный интереса, по своему составу, отдѣлъ древне-русской письменности — азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей. Это тѣ же словари, но не ограничивающіеся уже одними только толкованіями непонятныхъ словъ и выраженій, а представляющіе собою своего рода энциклопедію, куда вносились, вмѣстѣ съ объясненіями тѣхъ или другихъ словъ, разнаго рода свѣдѣнія, выборъ которыхъ обусловливался возбуждаемымъ ими интересомъ. Они составили особую энциклопедическую литературу, которая не останавливалась на извѣстной точкѣ, не ограничивалась какимъ-либо тѣснымъ кругомъ, но видоизмѣнялась, распространялась, отвѣчая насущнымъ потребностямъ и состоянію древне-русской литературы. Неизвѣстные намъ составители азбуковниковъ, расширивъ предѣлы древнихъ словарей и помѣстивъ въ самыхъ толкованіяхъ отрывочныя свѣдѣнія, не ограничивались и этимъ: они вносили въ азбуковники, въ видѣ при-

---

[1]) Москов. Синод. биб. рукоп. XVI в. №№ 707 и 421.

ложеній къ толкованіямъ, цѣлые отдѣльные трактаты, статьи и выдержки изъ сочиненій переводной и отчасти оригинальной письменности.

Карповъ.

Характеръ, общее содержаніе и источники азбуковниковъ.

Древне-русскіе толковые словари, или такъ называемые *азбуковники,* составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ нашей древне-русской письменности. Ихъ общеупотребительность въ средѣ книжнаго грамотнаго люда вызвала множество списковъ и редакцій, которыми такъ богатъ XVII вѣкъ. Азбуковники составили особую энциклопедическую литературу, которая совмѣщала въ себѣ всѣ отрасли знаній того времени, литературу, которая видоизмѣнялась, распространялась, смотря по требованію и состоянію литературы въ то время. Но это уже позднѣйшій характеръ азбуковниковъ. XVII вѣкъ лишь только далъ имъ новое направленіе, лишь только заставилъ ихъ служить новымъ интересамъ, новымъ потребностямъ, заставилъ ихъ перемѣнить свою прежнюю форму, расширить свою задачу, но самъ не создалъ этого литературнаго отдѣла. Его зародыши были положены еще за нѣсколько вѣковъ раньше и были вызваны особыми потребностями, въ удовлетвореніи которыхъ нуждалась русская письменность.

Древне-русская письменность долгое время не имѣла самостоятельности и находилась подъ вліяніемъ литературы византійской. Это вліяніе касалось какъ характера и направленія литературныхъ произведеній, такъ и языка, который служилъ ихъ внѣшнимъ выраженіемъ. Большая часть дошедшихъ до нашего времени произведеній X и XI вв. свидѣтельствуетъ о силѣ того вліянія, которому долженъ подчиниться нашъ литературный языкъ. Не говоря уже о томъ, что переводчики въ своихъ переводахъ сохраняли всю греческую конструкцію словъ, они весьма часто оставляли и самыя греческія слова, не имѣя возможности передать ихъ русскимъ значеніемъ. Слѣдствіемъ такого насильственнаго внесенія греческихъ словъ въ русскій языкъ было то, что для читателей, незнакомыхъ съ греческимъ языкомъ, было трудно понимать смыслъ многихъ выраженій перевода. Главными проводниками грецизмовъ въ нашъ языкъ

послужили переводы св. Писанія и богослужебныхъ книгъ. Но, кромѣ вліянія византійскаго, эти же переводы заключали въ себѣ не мало латинизмовъ, которые, какъ менѣе вразумительные для переводчиковъ, или же какъ термины техническіе и условные, оставались въ большей неприкосновенности, чѣмъ грецизмы. Такимъ образомъ еще при самомъ зарожденіи своемъ древне-русскій литературный языкъ долженъ былъ испытать на себѣ иноземныя вліянія. Благодаря тому, что греческій языкъ имѣлъ предъ другими то преимущество, что онъ былъ языкомъ религіи, грецизмы особенно долго сохранялись въ языкѣ богослужебныхъ книгъ и вообще сочиненій духовнаго характера; необходимость замѣнить ихъ русскими не была еще въ то время вполнѣ сознаваема: между тѣмъ такое вліяніе могло принести языку только одинъ вредъ, такъ какъ оно держало въ оковахъ и не давало возможности развиваться. Одинъ изъ сербскихъ писателей XVII в., переѣхавшій въ Россію и тутъ издавшій свою критическую грамматику, такъ отзывается о языкѣ переводовъ св. Писанія и богослужебныхъ книгъ: „А про превод светих божьих и цирковних кньиг, које нам преведоше Греки, что речем? Нист нам 'триби на се отвещат: дило само говорит. Не смотрим ми того, јеже сут преводники никоје Греческије и Нимечскије ричи, а Латинских и довольно число, без нуджи въ кньиги вписали, него се обличит повудно морајем, како сут Греки нашу беспду на свое копито набили, се јест: вес состав и обличје нашего језика (по обзору на свој језик) изо дна изpатили и претворили, тако да ни он јест Гречески, ни он Руски језик" (Калайдовичъ. Іоаннъ. экз. болг. стр. 121).

Но не одни только переводы богослужебныхъ книгъ были проводниками иностранныхъ словъ въ русскій языкъ. Рядомъ съ нимъ шла и свѣтская литература, т.-е. литература, не занимавшаяся исключительно богословскими вопросами, энциклопедическая, представителемъ которой въ нашей литературѣ въ XI вѣкѣ является такъ называемый Изборникъ Святослава 1073 г. Переведенный съ греческаго, онъ удержалъ въ себѣ множество варваризмовъ, устранить которые переводчикъ не имѣлъ никакой возможности, такъ какъ на языкѣ того времени не было словъ, которыми бы можно было выразить извѣстныя понятія, заключающіяся въ подлинникѣ. Не находя соотвѣтствующаго выраженія на славянскомъ языкѣ, перевод-

чикъ или оставлялъ вполнѣ греческую форму, какъ напр., онъ поступалъ съ выраженіями техническими, или же придавалъ греческой формѣ усѣченное окончаніе и, такимъ образомъ, какъ бы обрусовалъ ее. На ряду съ техническими словами, передать которыя на древне-русскій языкъ было даже невозможно, мы встрѣчаемся съ такими, которыя весьма удобно могли бы быть переведены, но, несмотря на это, все-таки оставлены въ своей греческой формѣ, какъ напр., *νόμος* (законъ) — номосъ, *καρκῖνος* (ракъ) — карькинъ и др. Изъ этого можно видѣть, что не одна только необходимость заставляла переводчиковъ употреблять иностранныя слова, но также и недостаточное знакомство съ языкомъ, на который они переводили. Этотъ же самый памятникъ XI вѣка не мало также способствовалъ вторженію и латинизмовъ, которые непосредственно не могли бы войти въ книжную рѣчь, такъ какъ наша литература въ XI вѣкѣ не имѣла соприкосновенія съ латинской. Въ этомъ памятникѣ впервые встрѣчаются латинскія названія мѣсяцевъ, которые впослѣдствіи вошли даже въ нашу народную рѣчь, такъ что совершенно вытѣснили соотвѣтствующія имъ національныя названія.

Вторженію въ русскій книжный языкъ варваризмовъ помогла отчасти неразвитость самого языка. Переводчики чувствовали трудность передать то или другое слово значеніемъ общеупотребительнымъ и понятнымъ для всѣхъ. Къ этому присоединилась и трудность грамматическихъ сочетаній словъ, такъ какъ славянскій языкъ долго не могъ выработать своей національной грамматики. Съ этими трудностями встрѣчался еще Іоаннъ, экзархъ болгарскій. Приступая къ переводу сочиненій Іоанна Дамаскина, онъ считаетъ нужнымъ предупредить читателей относительно недостатковъ своего перевода, ссылаясь на ту трудность, которую онъ встрѣтилъ при передачѣ греческихъ словъ славянскими значеніями: „молю же вы, почитающая книга сія, молити Бога за мя грѣшнаго съ добромысліемъ и вниманія почитанія творити и прощати мя, идѣже мняще мя различь глаголы преложьша: не бо равнѣ ся можеть присно полагати Еливьскъ языкъ въ инъ прѣлагаемь, и всякому языку, въ инъ прѣлагаему, тоже бываетъ. Небонъ иже глаголъ въ иномь языцѣ красьнъ, то въ друзѣмъ некрасьнъ; иже въ иномь страшьнъ, то въ друзѣмъ не страшьнъ; иже въ иномъ чьстьнъ, то въ друзѣмъ нечьстьнъ. И еже имя мужьско.

то въ иномь женьско, яко же се греческыи: ватрахос и потамосъ, словѣньскы: жаба и рѣка; и пакы: таласа, имера, анатоли греческыи женьская имена, а словѣньскы мужьская" и проч. (Калайдовичъ, стр. 131). Хотя въ этомъ обращеніи къ читателю переводчикъ Іоанна Дамаскина смотрѣлъ на трудности перевода нѣсколько и односторонне, тѣмъ не менѣе выраженное имъ сознаніе ясно свидѣтельствуетъ о неразвитости языка, съ какою приходилось бороться еще въ самомъ началѣ нашей письменности.

Вѣроятно, вслѣдствіе того, что необходимость объясненія иностранныхъ словъ стала сознаваться сильнѣе, въ концѣ XIII вѣка явилась попытка составить объяснительный словарь непонятныхъ словъ, вошедшихъ въ нашу книжную рѣчь. На первый разъ эта попытка приняла спеціальный характеръ: объясненія касались однихъ только *жидовскихъ* словъ. Полное заглавіе этого словаря, вошедшаго въ Новгородскую Кормчую 1282 года, читается такъ: „*Рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ и въ Евангелихъ и въ Апостольхъ и въ Псалтыри и въ Паримѣ и въ прочихъ книгахъ*". Большую часть словъ, вошедшихъ въ этотъ словарь, составляютъ собственныя имена, изъ которыхъ нѣкоторыя объясняются въ самой Библіи. Но составитель не могъ удержаться, чтобы не внести сюда же нѣкоторыхъ греческихъ словъ и даже славянскихъ: такъ, напр., онъ объясняетъ имя *Андрей*, слова: *гризма, игъ;* изъ славянскихъ же мы встрѣчаемъ объясненіе словъ: *зѣло, ковъ, степень, тина* и др. Такъ какъ словарь не могъ, конечно, совмѣстить въ себѣ толкованіе всѣхъ тѣхъ еврейскихъ словъ, которые дѣйствительно вошли въ переводы священныхъ книгъ, то прямая цѣль его далеко не была достигнута. Появленіе его имѣетъ значеніе лишь въ томъ отношеніи, что это была первая попытка для удовлетворенія всѣми сознанной потребности въ объясненіи иностранныхъ словъ, попытка, послужившая основою цѣлаго литературнаго отдѣла въ нашей древне-русской письменности.

По мѣрѣ того, какъ русскій языкъ болѣе и болѣе сталъ вступать въ свои литературныя права, явилась нужда очистить его не только отъ варваризмовъ, но и отъ архаизмовъ, которыхъ значеніе дѣлалось непонятнымъ, и которые поэтому становились на одну доску съ варваризмами. Помочь этому обстоятельству вдругъ было невозможно — для этого нужны были

вѣка, но лучшею подготовкою для осуществленія этой цѣли могло служить объясненіе непонятныхъ словъ и замѣна ихъ общепонятными и общеупотребительными. Въ XV вѣкѣ мы встрѣчаемся съ новою попыткою, которая имѣла еще болѣе широкую задачу, чѣмъ вышеупомянутый словарь 1282 года. Мы разумѣемъ здѣсь новгородскій словарь 1431 года. Онъ носитъ слѣдующее заглавіе: „*Толкованіе неудобопознаваемымъ въ писаніяхъ рѣчемъ, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальныхъ преводникъ ово словенски и ина сербски, и други болгарски и гречески, ихже неудоволишася преложити на русскій*“. Такимъ образомъ русскій языкъ въ XV вѣкѣ уже настолько отдалился отъ родственныхъ ему славянскихъ нарѣчій, что вошедшія изъ послѣднихъ въ русскій языкъ слова стали непонятны и требовали объясненія. Но составитель далеко не выполняетъ взятой имъ на себя задачи — объяснить внесенныя древними переводчиками иностранныя слова. Не говоря уже о томъ, что объемъ, въ какомъ дошелъ до нашего времени его трудъ, слишкомъ незначителенъ для этого, — большая часть предлагаемыхъ имъ сочиненій касается, главнымъ образомъ, русскихъ словъ, которыя если и были непонятны, то по своему лишь отвлеченному значенію. Такъ онъ толкуетъ и объясняетъ понятія: качество, количество, свойство, художество, доблесть, суетно, самолюбіе, великодушенъ есть и другія. Такимъ образомъ разсматриваемый словарь принимаетъ значеніе какъ бы толковника и притомъ не однихъ только иностранныхъ словъ, но и русскихъ. Несмотря, впрочемъ, на свою краткость, новгородскій словарь XV послужилъ основою дошедшихъ до нашего времени азбуковниковъ пространныхъ, заимствовавшихъ нѣкоторыя изъ своихъ объясненій изъ упомянутаго словаря.

Однимъ изъ ближайшихъ лицъ, которое воспользовалось новгородскимъ словаремъ XV вѣка, былъ Вассіанъ Возмицкій, жившій въ XVI вѣкѣ. Въ числѣ рукописей, принадлежащихъ Московскому Румянцевскому Музею, есть сборникъ, собственноручно писанный Вассіаномъ, въ которомъ среди другихъ статей на лл. 34 – 39 помѣщенъ краткій азбуковникъ, съ тѣмъ же самымъ заглавіемъ, какое имѣетъ и словарь новгородскій 1431 года. Помѣщенный Вассіаномъ азбуковникъ можно раздѣлить на двѣ части: первую составляетъ словарь новгородскій, который Вассіанъ помѣщаетъ цѣликомъ; вторую — статьи,

въ новгородскій словарь не вошедшія и заимствованныя изъ другихъ источниковъ. За новгородскимъ словаремъ Вассіанъ помѣщаетъ статью подъ заглавіемъ: „А се имена Господня, еже обрѣтаемы въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка и отъ еврейскаго и отъ сирскаго и отъ словенскаго“. Здѣсь передается значеніе словъ: Іисусъ, Адонаи, Еммануилъ, Маріамъ, одигитріе, аминь, лампада, потомъ значеніе названій различныхъ сановъ въ церковной іерархіи: патріархъ, митрополитъ и проч., названій литературныхъ памятниковъ (патерикъ, алфавитъ), богослужебныхъ книгъ и проч. Затѣмъ слѣдуютъ статьи: „а се имена Богу... а се имена тріемъ царемъ .. другомъ Іевовымъ... емена разбойникамъ,... а прободый Господа копьемъ... раба дверница, еяже ради отвержеся Петръ .. Семіоновы дѣти Богопріимца... а дѣлалъ кресть Господень“... Далѣе слѣдуетъ особый приточникъ подъ заглавіемъ: „*сіе же приточникъ речеся*“, заимствованный изъ новгородскаго словаря XIII вѣка. Въ этомъ приточникѣ даются такія объясненія: „псалтырь — умъ; гусли — языкъ; тимпанъ — гласъ; ликъ — мысли, кимвалъ — образъ, степенная пѣснь — высокая, гусли — мысли, струны — персты, труба — горло.“. За приточникомъ — имена волхвовъ, и потомъ подъ заглавіемъ: „иныя рѣчи“ передается значеніе словъ: хризма, катапетазма, краніево мѣсто, пасха, скаида; затѣмъ объясняется значеніе названій городовъ: Капернаумъ, Іерихонъ, Виѳлеемъ и др. Оканчивается азбуковникъ статьею, спеціально содержащею въ себѣ объясненіе нѣкоторыхъ еврейскихъ словъ, заимствованныхъ изъ словаря 1282 года. Азбуковникъ Вассіана уже замѣтно отличается отъ двухъ вышеупомянутыхъ редакцій. Вассіанъ не удовлетворился тѣми толкованіями, которыя были предложены въ новгородскихъ словаряхъ, но значительно расширилъ ихъ кругъ и внесъ объясненія новыхъ словъ, какъ бы желая этимъ удовлетворить возникавшей потребности. Нѣкоторыя статьи, внесенныя имъ въ свой словарь, встрѣчаются въ пространныхъ азбуковникахъ, и почти въ той же самой формѣ, какъ напр. статьи „а се имена Богу, тремъ разбойникамъ, волхвамъ“ и др.

Сходныя съ Вассіановымъ словаремъ краткія редакціи встрѣчаются въ двухъ рукописяхъ Моск. Син. Библ. XVI в. №№: 717 и 421. Въ первой изъ нихъ азбуковникъ носитъ такое заглавіе: „Сказаніе невѣдомымъ рѣчемъ, еже обрѣтаемъ въ святыхъ книгахъ отъ греческаго языка и отъ еврейскаго и отъ

сирскаго и отъ словенскаго". Въ рукописи in 4 онъ занимаетъ 9½ листовъ, съ 4-го об. по 13 включительно. Здѣсь съ самаго начала до 6 л. идетъ толкованіе собственныхъ именъ греческихъ и еврейскихъ, потомъ толкованіе иностранныхъ словъ и названій, встрѣчающихся въ св. Писаніи, какъ напр.: Еммануилъ, осанна, лампада, амвнь, пасха, и проч. Съ 7 листа, на об., идетъ статья: „сіе же приточне речеся", — та самая, которую Вассіанъ заимствовалъ изъ новгородскаго словаря XIII вѣка, и затѣмъ смѣшанное толкованіе собственныхъ именъ, названій рѣкъ, городовъ, преимущественно библейскихъ. На об. л. 12 — статьи: „а се имена Богу, волхвамъ персидскимъ, имена разбойникомъ", статьи, встрѣчающіяся и въ азбуковникѣ Вассіана. Подобная же редакція встрѣчается, какъ мы сказали, и въ рукописи подъ №№ 421 на лл. 1–8. Трудно опредѣлить, какая изъ означенныхъ редакцій древнѣе. По содержанію своему азбуковникъ № 421 менѣе пространенъ, но все различіе состоитъ лишь въ нѣсколькихъ толкованіяхъ, вошедшихъ въ № 717. Источниками они пользовались одними и тѣми же. Если Вассіанъ, какъ мы видѣли, вполнѣ воспользовался новгородскимъ словаремъ XV в., а словаремъ 1282 г. только отчасти, то редакціи № 421 и 717 вполнѣ воспользовались обоими новгородскими словарями. Все отличіе ихъ отъ Вассіановой редакціи состоитъ въ толкованіи собственныхъ именъ и помѣщеніи всѣхъ объясненій словаря 1282 г., изъ котораго Вассіанъ дѣлалъ только выдержки.

Кромѣ краткихъ словарей, появленію азбуковниковъ пространныхъ предшествовали еще такъ называемые *алфавиты*. При особенно-усилившейся въ XVII в. страсти къ переписыванію рукописей, явилось не мало личностей, которыя брались за это дѣло, не имѣя къ тому надлежащей подготовки. Ошибки, которыми наполнялись рукописи, вредили ясному пониманію текста и бывали причиною произвольныхъ толкованій. Съ цѣлію устранить эти недостатки и стали составляться упомянутые алфавиты. Они содержали въ себѣ орѳографическія правила, раздѣленныя на особыя статьи по числу буквъ. Дошедшій до нашего времени по рукописи гр. Толстого (Калайдовичъ, № XIV) алфавитъ начала XVII вѣка подъ заглавіемъ: „Алфавитъ, како которая рѣчь говорити или писати", такъ объясняетъ цѣль своего составленія: „сего ради списахъ алфавитъ сей, говоритъ его составитель, да невѣдующіи увѣдатъ, что есть

единственно, и что двойственно, и что множественно, и что святость, и что посредне, и что отпадше. Ты же не отвращай отъ сихъ главы своея, полагая сія ни во что, но яко отъ сна, отъ небреженія воспрянувъ, и слѣпоту лѣности отрясши, и отъ глубокія пропасти невѣдѣнія отскочивъ... вонми прилежно о сихъ, и разсмотряя пиши божественныя словеса, писанныя въ вѣру и во истину, и не муради о сихъ: понеже малое небреженіе, яко же речеся, великихъ бѣдъ ходатайственно бываетъ. Кій бо болій сего грѣхъ есть, еже творити горькое сладко и сладкое горько, свѣтъ тьму и тьму свѣтъ, развращеніемъ чтущихъ. Горе творящему сія, полагаетъ бо соблазнъ душамъ (Калайд. стр. 205)". Главное вниманіе составитель алфавита обращаетъ на орѳографію и, въ частности, на употребленіе титлъ при письменной передачѣ извѣстнаго слова. Предлагая довольно обширныя правила, какія слова должно писать *покрыто* и *подъ взметомъ*, какія *складомъ*, авторъ руководствуется довольно оригинальными основаніями, не имѣющими ничего общаго съ отдѣломъ грамматики, извѣстнымъ подъ названіемъ орѳографіи. Съ точки зрѣнія автора, писать сокращенно, *подъ взметомъ*, слѣдуетъ только тѣ слова, которыя служатъ выраженіемъ высокихъ, духовныхъ понятій, или, по его выраженію, что есть святость, а тѣ, которыя выражаютъ понятія чувственныя, грѣховныя, или по его выраженію, что есть отпадше, слѣдуетъ писать безъ сокращеній, „складомъ". Убѣждая и умоляя каллиграфа писать святыхъ ангеловъ и апостолъ подъ взметомъ, покрыто, онъ въ видѣ объясненія своего требованія прибавляетъ: „понеже, что покрыто пишется, то свято: ангеловъ же сопротивника и апостоловъ небогодухновенныхъ и архіепископъ несвященныхъ отнюдь непокрывай, но складомъ пиши: понеже враждебно Божеству и человѣческому естеству". Въ другомъ мѣстѣ, убѣждая писать тоже складомъ *идольскихъ боговъ и владыкъ едомскихъ*, онъ въ оправданіе перваго требованія выставляетъ суетность и ничтожность идоловъ, а второго то, что владыки едомскіе тутъ враги Божіи и христіанскіе гонители. Вообще алфавитъ, обращая вниманіе писцовъ на правильную грамматическую передачу словъ, предлагаетъ для этого совершенно иныя основанія, чѣмъ тѣ, которыхъ требуетъ логика и исторія языка. Эти правила дѣйствительно служили для писцовъ руководствомъ къ орѳографіи и впослѣдствіи вошли въ наши пространные азбуковники.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ общей характеристикѣ древне-русскихъ азбуковниковъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ спискахъ, которыми мы будемъ пользоваться для этой цѣли.

Списки азбуковниковъ весьма многочисленны. Большая часть ихъ относится ко второй половинѣ XVII вѣка, когда грамотность развилась уже настолько, что въ литературѣ рукописной стала чувствоваться необходимость въ произведеніяхъ нѣсколько научнаго характера. Изъ рукописей, принадлежащихъ нашимъ книгохранилищамъ, мы будемъ пользоваться слѣдующими: 1) спискомъ азбуковника Москов. Синодальной библіотеки за № 353, относящимся къ 1654 году, изъ котораго выдержки вошли въ составъ исторической хрестоматіи проф. Ѳ. И. Буслаева; 2) изъ рукописей Румянцевскаго музея №№ 1 и 2; 3) изъ коллекціи Ундольскаго №№ 974 и 975, изъ которыхъ послѣдній относится къ 1667 году. Изъ частныхъ рукописей мы имѣли возможность пользоваться двумя превосходными списками, изъ которыхъ одинъ XVII вѣка принадлежитъ проф. Н. С. Тихонравову, другой, тоже XVII в. (1653 г.), Е. В. Барсову.

Самая краткая редакція азбуковниковъ XVII в. находится въ рукописи Ундольскаго № 974. Рукописи Ундольскаго № 975 и Син. библ. № 353 содержатъ редакціи значительно распространенныя какъ по содержанію каждой отдѣльной статьи, такъ и вообще по ихъ количеству. За ними слѣдуетъ азбуковникъ по списку, принадлежащему проф. Тихонравову, отличающійся еще большею распространенностію, и, наконецъ, азбуковникъ г. Барсова, который несмотря на свое довольно раннее происхожденіе сравнительно съ вышеупомянутыми списками, превосходитъ послѣдніе своею обширностью и полнотою.

Появленіе азбуковниковъ въ нашей литературѣ, какъ мы уже сказали, было вызвано глубоко сознанною необходимостью объяснить непонятныя слова, вошедшія въ нашу книжную рѣчь съ иностранныхъ языковъ. Къ убѣжденію въ этой необходимости грамотные люди приходили слѣдующимъ путемъ: „проходя святыя писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, говоритъ одинъ изъ составителей азбуковника, обрѣтохъ въ нихъ многи рѣчи иностранными глаголаніи положены и того ради намъ славяномъ неудобьразумѣваемы, ины же отъ нихъ и конечнѣ намъ не вѣдомы, ихъ же древніи преводницы ля неудоволишася на рус-

скій преложити языкъ, или и могуще, оставиша ихъ въ нѣкихъ мѣстехъ тако быти: повеже ово суть отъ нихъ сирска, ова же еврейска, ина же римска и ина же египетска и иныхъ многихъ языкъ. Сія же азъ грубый обрѣтая въ писаніяхъ, помыслихъ въ себѣ, еже како кто не навыкъ сирску или еврейску, или Еллинску языку возможетъ тѣхъ языкъ рѣчи разумѣвати непогрѣшнѣ, яко же се: еже что есть *аластор*ъ, или что *веліаръ,* что же ли *Гаввава* или что *кидаръ* и *каволикія* и прочая таковая. Тоя ради вины понудихся отъ многихъ разныхъ книгъ, согласныхъ же въ святыхъ писаніяхъ, сія едину ко единѣй нѣкако изобрѣсти на русскій языкъ преложены, и елика тѣхъ съ Божіею помощію изобрѣтохъ, умыслихъ тыя по буквамъ здѣ писати". (Азб. Спн. библ. л. 14). Вотъ что заставляло грамотниковъ приниматься за составленіе азбуковниковъ. Составители вполнѣ понимали важность тѣхъ послѣдствій, которыя могли произойти вслѣдствіе произвольнаго толкованія словъ. Большей неправильности въ толкованіяхъ подвергались по преимуществу слова сходныя между собою по созвучію и произношенію, такъ что значеніе одного слова придавалось другому и наоборотъ. Въ предисловіи къ азбуковнику приводится нѣсколько примѣровъ подобнаго смѣшенія созвучныхъ словъ, вошедшихъ въ наши рукописи съ иностранныхъ языковъ. „Во святыхъ книгахъ словенскаго языка, говорится въ этомъ предисловіи, многи рѣчи неудобь разумѣваемы обрѣтаются, якоже се есть въ кононѣ Покрову Пр. Богородицы: свѣтящеся, Владычице, омофоръ твой *паче илектра,* а невѣдущіи силы слова ту рѣчь пишутъ сице: *паче алектора*, и не хотятъ разумѣти, яко ино есть илектръ, и ино алекторъ: алекторъ бо есть пѣтелъ (на поляхъ: куръ), и кая суть похвала Богородицѣ, еже прилагати и уподобляти свѣтлость омофора ея ко блистанію пѣтуха. Но достоитъ писати сице. свѣтящеся, омофоръ твой, Владычице, *паче илектрона* (илектра): илектронъ бо есть камень зѣло честенъ, единъ изъ драгихъ каменій, тако именуемъ, златовиденъ: златовиднымъ блистаніемъ прообразуетъ божество Христово, а сребровиднымъ человѣчество и т. д. И паки въ Лѣствицѣ въ 25 главѣ сице глаголемыхъ китръ вѣія писати достоинъ, а отъ неискусныхъ въ словенскомъ ученіи писцевъ въ переводѣхъ пишется вмѣсто *китръ — кедръ,* не разумѣютъ бо, яко ино есть древо кедръ, и ино суть древо китръ". Еще примѣръ: „и паки во многихъ

преводехъ обрѣтохъ писано въ Лѣствицѣ еже къ псалтырю въ словѣ повелѣвающа блюстися отъ тщеславія, аки отъ нѣкія *ереси,* а въ добрыхъ преводехъ пишется: *аки отъ нѣкія ересиве;* ино бо есть ересь и ино ересива: *ересива* бо есть трава, ея же въ толкованіихъ евангельскихъ наричетъ *ерою*" (Азб. Син. л. 15). Къ такимъ недоразумѣніямъ приводило непониманіе иностранныхъ словъ.

Кромѣ этой главной цѣли, составители азбуковниковъ имѣли также въ виду предостеречь переписчиковъ отъ грубыхъ ошибокъ, вносившихъ въ рѣчь смыслъ совершенно извращенный. Невѣжество лицъ, бравшихся за переписку рукописей, было однимъ изъ главныхъ золъ, съ которымъ предстояло бороться грамотнымъ людямъ XVII вѣка. Иногда одно и то же слово въ одной и той же рукописи имѣло совершенно различную ореографію, что нерѣдко ставило читателей въ затрудненіе. Безразличное употребленіе писцами славянскихъ формъ на ряду съ русскими также обращало на себя вниманіе составителей азбуковниковъ. „Ко всѣмъ же иностраннымъ рѣчемъ, разсмотрихомъ, якобы прилично быти мало что и отъ грамматики приложити, говоритъ одинъ изъ составителей азбуковника, понеже мы, славяне, много погрѣшаемъ, мнози и пишуще и глаголюще, невѣдуще истиннословія своего словенскаго языка во глаголаніихъ различія тонкости: еже кое есть различіе еже рещи или написати Апостолы или ученики Христовы, или ученицы Христовы; и паки кое различіе, еже писати или глаголати *руцѣ твои* и *руки твоя,* или *руцѣ твоей* и *руки твоей* и *руки твоея* и ина таковая многая, яже въ сей книзѣ въ нѣкіихъ буквахъ въ скончаніи иностранныхъ рѣчей вписахомъ ради рачителей разумнаго остроумія" (по сп. проф. Тихонравова, л. 2). Такъ сами составители мотивируютъ причины, побудившія ихъ заняться своимъ трудомъ.

Какъ показываетъ самое названіе азбуковниковъ, находящіяся въ нихъ статьи расположены въ алфавитномъ порядкѣ для большаго удобства пользующимся ими лицамъ. „Многи рѣчи во святыхъ книгахъ обрѣтая написаны неискусно, говоритъ составитель Синодальнаго азбуковника о процессѣ составленія своего труда, вельми о семъ сжалихся и елико мощно ми бысть, понудихся таковыя рѣчи во святыхъ книгахъ обрѣтая толкованы изобрѣсти отъ многихъ различныхъ повѣстей и главъ толковыхъ едину по единѣй собирая, и собравъ, во

едино совокупивъ, и въ сей книгѣ по алфавиту написахъ, яко же да желающіи та навыкнути, удобно имутъ здѣ толкованы обрѣсти (л. 16)". Толкованія и объясненія, встрѣчаемыя въ азбуковникахъ, не ограничиваются только словами, которыя дѣйствительно были непонятны читателямъ, но касаются и такихъ, смыслъ которыхъ для читающихъ былъ совершенно понятенъ и ясенъ. Азбуковники приняли характаръ энциклопедическій и вмѣстѣ съ объясненіемъ словъ имѣли въ виду научить читателей, дать имъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ предметахъ, выборъ которыхъ опредѣлялся возбуждаемымъ ими интересомъ. Все, что только можно было найти въ рукописныхъ памятникахъ по всѣмъ отраслямъ знаній: языковѣдѣнію, исторіи, географіи, миѳологіи, естествовѣдѣнію, нашло себѣ мѣсто въ азбуковникахъ. Составители азбуковниковъ ничѣмъ не пренебрегали: по мѣрѣ распространенія въ народной средѣ рукописей, переводовъ, они вносили изъ послѣднихъ все, что болѣе или менѣе было интересно для читателей. Составители позднѣйшіе пользовались трудами своихъ предшественниковъ и къ тому, что было сдѣлано до нихъ, прибавляли отъ себя новыя статьи. Вслѣдствіе этого азбуковники болѣе и болѣе увеличивались въ своемъ объемѣ. Каждый составитель вносилъ въ нихъ по своему усмотрѣнію статьи, которыя давали его компиляціи особенный характеръ. Нѣкоторые составители, внося новыя статьи, въ то же время дѣлали различныя сокращенія и выпуски противъ редакцій предшествующихъ. Слѣдствіемъ этого является то, что почти каждый списокъ азбуковника представляетъ собою особенную, отличную отъ другихъ, редакцію.

Начинаются азбуковники обыкновенно оглавленіемъ статей, въ нихъ помѣщенныхъ, съ указаніемъ главъ, въ которыхъ онѣ находятся. Если статья обширна, то она составляетъ одну цѣлую главу; если же статьи кратки, то глава составляется изъ нѣсколькихъ статей. Число главъ бываетъ въ азбуковникахъ, конечно, неодинаково: въ азбуковникѣ самой обширной редакціи по списку, принадлежащему г. Барсову, оно доходитъ до 665. За оглавленіемъ статей слѣдуетъ *предисловіе алфавиту иностранныхъ рѣчей*, или, какъ озаглавливаетъ составитель Синодальнаго азбуковника, *предисловіе лексикона, сирѣчь собраннымъ рѣчемъ по азбуцѣ*. Въ этихъ предисловіяхъ авторы обыкновенно высказываютъ побужденія, въ силу ко-

торыхъ они принимались за составленіе азбуковниковъ, выдержки изъ нихъ приведены нами выше. Въ азбуковникѣ по Синодальному списку предисловіе это нѣсколько разнится по своей формѣ отъ предисловія, находящагося въ рукописяхъ, принадлежащихъ проф. Тихонравову и г. Барсову, хотя содержитъ однѣ и тѣ же мысли. Въ Синодальномъ азбуковникѣ есть еще другое предисловіе, слѣдующее за этимъ: *предисловіе алфавита толковаго*, въ которомъ авторъ показываетъ всю важность предлагаемаго труда и перечисляетъ ошибки и заблужденія, которыя происходили отъ неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ. Изложеніе статей слѣдуетъ въ алфавитномъ порядкѣ, при чемъ въ основу ихъ размѣщенія нѣкоторые азбуковники принимаютъ сосѣдство гласныхъ буквъ напр. сперва начинается статья, имѣющая въ оглавлени рядомъ двѣ гласныхъ *а*: адамантъ, анаѳема, алмазъ. агатесъ и т. д.; потомъ слѣдуютъ слова, имѣющія послѣ гласной *а* гласную *е*: амеѳусій, Артемида и т. д.; въ Синод. и Румянцевскомъ спискахъ (№ 975) этотъ порядокъ не соблюдается. Въ концѣ каждаго ряда статей на извѣстную букву находится толкованіе названій мѣсяцевъ и собственныхъ именъ, вошедшихъ въ нашу рѣчь съ иностранныхъ языковъ. При объясненіи названій мѣсяцевъ приводятся обыкновенно, какъ названія иностранныя: греческія, еврейскія и др., такъ и славянскія. принятыя въ народномъ языкѣ. Въ краткомъ азбуковникѣ Ундольскаго № 974 толкованія собственныхъ именъ составляютъ особый отдѣлъ, который помѣщенъ въ концѣ азбуковника. Въ нѣкоторыхъ спискахъ толкованіямъ именъ предпосылается особая статья подъ заглавіемъ: *предисловіе именъ человѣческихъ*, гдѣ говорится о происхожденіи человѣческихъ именъ у евреевъ, грековъ и славянъ (Нач. Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущіи въ законѣ и въ благодати до нѣкоего времени даяху дѣтемъ своимъ имена)... Одно изъ главныхъ мѣстъ въ составѣ азбуковниковъ занимаютъ статьи *физіологическія*, т.-е. о животныхъ, упоминаемыхъ въ св. Писаніи, съ приложеніемъ къ каждому изъ нихъ тѣхъ объясненій, которыя находятся у греческихъ и русскихъ духовныхъ писателей. Статьи о *растеніяхъ* въ большей части списковъ занимаютъ незначительное мѣсто, но встрѣчаются въ довольно значительномъ объемѣ въ спискѣ принадлежащемъ г. Барсову. Свѣдѣнія *о камняхъ* заимствуются изъ

извѣстной статьи св. Епифанія Кипрскаго *о 12 камыку,* встрѣчающейся подъ этимъ заглавіемъ еще въ Изборникѣ Святослава 1073 года; статья Епифавія составляетъ неотъемлемую принадлежность каждаго азбуковника. Въ нѣкоторыхъ азбуковникахъ, преимущественно по сп. г. Барсова, попадаются статьи о камняхъ, заимствованныя изъ хроникъ и космографій. Азбуковники сообщаютъ также свѣдѣнія миѳологическія, преимущественно по сочиненіямъ Григорія Богослова; библіографическія — о писателяхъ и литературныхъ памятникахъ (напр., что такое хронографъ, хроники, космографія, синоксарь и проч.); географическія — о частяхъ свѣта, мѣстностяхъ, городахъ, преимущественно по описаніямъ хронографовъ и космографій; грамматическія, философскія и др. Въ концѣ азбуковниковъ приписываются особыя статьи, какъ напр.: имена волхвамъ персидскимъ, кровоточивой, слѣпца, друзей Іова, разбойниковъ, распятыхъ со Спасителемъ на крестѣ, — заимствованныя изъ азбуковниковъ краткихъ. Въ азбуковникѣ, принадлежащемъ г. Барсову, помѣщены, кромѣ того, довольно обширныя статьи, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ. Статьи эти слѣдующія:

1) *О сребренникахъ.* Нач. Глаголютъ быти единъ сребренникъ 12 литръ... Кон. а вѣсомъ сребра 6 пудъ три четверти, ино и то много. Заимствована изъ 2-й редакціи хронографа гл. 53. Обзоръ хронографовъ, Попова, 1866—1869, т. II, 80.

2) *Описаніе же божественныя плоти Христовы и совершеннаго возраста Его сицево бытъ.* Нач. Бяше же лицемъ красенъ зѣло... Кон. Сіе написа Максимъ Грекъ святыя горы инокъ обители Ватопедскія. Изъ 53 гл. 2-й ред. хронографа. Обз. хрон. II, 83.

3) *О возрастѣ Пречистыя Богородицы.* Нач. Обычай же ея бяше тако: чиста по всему и малоглаголива... Кон. Удивлену же бывшу мудрости ея и разуму, паче всѣхъ дѣвицъ въ родѣ томъ.

4) *О преставленіи Св. Богородицы.* Нач. Въ лѣто 5542, въ царство Клавдія кесаря римскаго, въ 1-е лѣто царства его преставися Святая Богородица... Кон. и царствуетъ въ вѣкъ вѣка.

5) *О возвышеніи хлѣба.* Нач. По воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа, егда начинаху святіи Апостоли ясти хлѣбъ... Кон. разыдошася кождо по своимъ странамъ, идѣже имъ поручено бысть. 3, 4 и 5-я статьи заимствованы изъ

Епифанія Кипрскаго чрезъ хронографы. Попова, Обз. хрон. I, 85, 139.

6) *Толкованіе: како явися Богъ Аврааму въ Троицѣ.* Нач. Мнози убо отъ святыхъ въ новой благодати писаша, яко явися Аврааму Св. Троица.

7) *Объ образѣ Св. Троицы.* Нач. Единъ убо есть образъ о святѣй Троицѣ, яко же глаголютъ богословцы, а не три... Кон. А въ Ниловѣ книзѣ Кавасила написано, латыни бо единому Сыну образа даютъ имя.

8) *Символъ преосвященнаго Аѳанасія патріарха Александрійскаго.* Нач. Иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати каѳолическую вѣру.

9) *Анастасія блаженнаго патріарха великія Антіохіи и Кирилла Александрійскаго изложеніе вкратцѣ о вѣрѣ и вопросы и отвѣты о богословіи.* Нач. Вопр. Коея вѣры еси? Отв. Христіанинъ есмь...

10) *Святаго Максима изложеніе о вѣрѣ* вкратцѣ впрошати и отвѣщавати всякому христіанину православному. Нач. Вопр. Колико естествъ исповѣдуеши о святѣй и единосущнѣй и нераздѣлимѣй Троицѣ? Отв. Едино естество исповѣдую.

11) *О крестѣ:* чесо ради знаменуемъ лице свое крестообразно. Нач. Во истину не презрѣ насъ Господь своимъ милосердіемъ... Кон. Такова убо есть сила сложенія перстъ и крестнаго знаменія...

12) *О томъ же крестномъ знаменіи,* еже кладемъ на лица своя. Максимъ Грекъ пишетъ въ своей книзѣ сице: Вѣдомо убо да есть тебѣ, что въ божественномъ крещеніи треми въ воду погруженіи... Кон. и тому маханію бѣси радуются.

13) *Максима Грека богословіе* о святѣй и живоначальнѣй и единосущнѣй Троицѣ, предисловіе. Нач. Сый есмь вездѣ и вся совершаю любящимъ Мя присно.

14) *Максима Грека* отъ слова 30 о ядeніи свиныхъ мясъ.

15) *О отложеніи инокомъ мяса ясти.* Статья вышедшая изъ хронографа. Поповъ, I, 161—162.

16) *Объясненіе молитвы Господней* по прошеніямъ — православное и католическое.

17) *О субботномъ постѣ.* Нач. Субботный постъ въ божественномъ писаніи не точію бы похваленъ былъ, но и повсемъ есть апостольскимъ 65 правиломъ.

18) *О тѣлесныхъ иконахъ, еже писати красками*

19) *О киноварь, о киноварномъ творенiи.*

20) *О составленiи чернилъ*, какъ его держати бережно и чредно.

Въ концѣ азбуковника *лунникъ*.

Изъ этого перечня статей, вошедшихъ въ одну изъ редакцiй разсматриваемыхъ нами памятниковъ, видно, какъ азбуковники мало-по-малу забывали свою первоначальную задачу, болѣе и болѣе принимали характеръ энциклопедическихъ сборниковъ, представлявшихъ читателю статьи самаго разнообразнаго содержанiя.

Одну изъ характеристическихъ чертъ азбуковниковъ составляютъ указанiя на источники, изъ которыхъ заимствовались статьи. Рѣдкая статья азбуковника не имѣетъ предъ собою подобнаго указанiя. Составители серьезно смотрѣли на свой трудъ, ожидали къ нему довѣрiя со стороны читателей и указанiемъ на источники представляли имъ полную возможность провѣрять себя. Такъ какъ нѣкоторыя статьи составлены по нѣсколькимъ источникамъ, то нерѣдко при извѣстной статьѣ встрѣчается довольно много подобныхъ указанiй*). Аккуратность составителей азбуковниковъ доходитъ часто до того, что они ссылаются на источники даже при простомъ переводѣ какого-нибудь иностраннаго слова, напр. *еѳеръ* — воздухъ (ссылка на *Небеса* I. Дамаскина, слово 18) *iзекръ* — пестръ (Iоан. экз. Болг. сл. 4) и т. под. Источники большею частiю показываются совершенно вѣрно и если случаются иногда указанiя ошибочныя, то это скорѣе вина переписчиковъ, не прилагавшихъ должнаго вниманiя къ своему труду. Въ самыхъ пространныхъ азбуковникахъ (по сп. проф. Тихонравова и г. Барсова) весьма часто встрѣчаются повторенiя нѣкоторыхъ словъ (заглавiй), преимущественно иностранныхъ, и въ такомъ случаѣ составители или приводятъ вторично ихъ толкованiя, или же ссылаются на предшествующiя статьи, указывая главу, въ которой они помѣщены. Объясненiемъ того, почему именно заглавiе одной и той же статьи встрѣчается нѣсколько разъ и подъ разными начальными буквами, могутъ служить слѣдующiя слова одного изъ составителей азбуковниковъ: „еще же ни сiе да утаится отъ удобныхъ зазирателей, еже что ради нѣкiя

*) Преимущественно въ азб. г. Барсова; въ статьѣ этого азбуковника подъ заглавiемъ: *О еже како по образу Божiю и по подобiю созданъ нарицается человѣкъ*, находится 43 такихъ ссылки.

рѣчи иностранныя едина ихъ въ двою буквахъ писаны, яко же сія: во азѣ *авилео* и во онѣ *овилео:* она бо во овѣхъ книгахъ и преводехъ предчинное письмо имать *о*, а во овѣхъ предчинное имать *азъ*, и того ради она во обою письмену введена, да не како кто предчинному ея ону, во онѣ не нашедъ ея, зазритъ неполности книзѣ сей, аще бы не писана она сугубо. Тако и о прочихъ рѣчехъ сугубое ихъ разумѣвай" (Азб. г. Барсова)*).

Баталинъ.

Значеніе азбуковниковъ для исторіи русской словесности и исторіи языка.

1. Для исторіи изящной словесности наши словари тѣмъ замѣчательны, что, сохраняя въ себѣ источники многихъ поэтическихъ представленій, усвоенныхъ народной словесностью, могутъ служить немаловажнымъ пособіемъ при опредѣленіи вліянія, какое оказывали въ старину грамотность и литература книжная на произведенія чисто народныя. Азбуковники свидѣтельствуютъ намъ, что повѣрія и басни о чудныхъ звѣряхъ, исцѣляющихъ камняхъ, о зельяхъ, были распространены и между грамотными. Многія сказанія общи всѣмъ народамъ среднихъ вѣковъ, и, вѣроятно, заимствованы изъ чужеземныхъ источниковъ, что съ перваго разу бросается въ глаза уже по самымъ названіямъ животныхъ, камней, растеній, по большей части, чужеземнымъ. Наша старина, столь твердо державшаяся преданія, и здѣсь осталась вѣрна самой себѣ. Въ азбуковникахъ позднѣйшей эпохи, XV, XVI и XVII в., находимъ нѣкоторыя статьи изъ Изборника Святославова 1073 г., какъ напр., изъ сказанія о камняхъ. Сличеніе приведемъ ниже.

* Рукопись г. Барсова даетъ отличное понятіе о томъ, какимъ образомъ составлялись и распространялись въ своемъ объемѣ азбуковники. Эта рукопись представляетъ не бѣловой списокъ, а черновой. Въ бѣловомъ всѣ статьи пишутся сплошь: одна за другой безъ всякихъ промежутковъ; статьи, опущенныя по недосмотру, выписываются на поляхъ; въ черновыхъ же, какъ у г. Барсова, между статьями оставляются весьма значительные пробѣлы. Въ этихъ пробѣлахъ другими чернилами, а иногда и позднѣйшимъ почеркомъ подписаны статьи, которыхъ, какъ видно, не зналъ первый составитель, но которыя могли быть извѣстны его продолжателямъ. Такимъ образомъ, содержаніе азбуковниковъ, кромѣ своего научнаго значенія, въ то же время имѣло и интересъ современный, обращало вниманіе читателей на явленія въ современной литературѣ. Эти позднѣйшія выдержки заимствуются, главнымъ образомъ, изъ космографій.

Такимъ образомъ азбуковники являются намъ сокровищницею, въ которой до позднѣйшихъ временъ сохранялись всѣ любопытныя и чудныя сказанія. собираніе которыхъ началось еще въ XI вѣкѣ.

Какъ народная космогонія составляетъ предметъ миѳологическихъ преданій, такъ и народная естественная исторія преисполнена баснословія, которое становится чудеснѣе. по мѣрѣ отдаленности описываемаго предмета: потому изображенія звѣрей и другихъ естественныхъ произведеній странъ чуждыхъ и далекихъ преимущественно украшены фантастическими вымыслами. Народная поэзія, увлекаясь чудесами, заимствовала эти сказанія. а такимъ образомъ подчинялась чуждому вліянію и письменной литературѣ. Именно на отношеніе народной поэзіи къ нашей письменности я хочу обратить вниманіе, какъ на предметъ весьма мало обработанный, но очень важный для исторія литературы.

Народная басня стоитъ въ связи съ зоологическими описаніями азбуковниковъ. Такъ. о дивьемъ волѣ сообщается сказаніе, подобное извѣстной баснѣ о лисѣ, потерявшей свой хвостъ у проруби: когда дивій волъ зацѣпитъ за дерево либо за камень. станетъ недвижимъ, жалѣя потерять даже одинъ волосокъ изъ своего хвоста; а туземцы, заставъ его, отсѣкаютъ и весь хвостъ. „И сей-бо разумъ имать — прибавляетъ азбуковникъ — власы беречи, наипаче безумныхъ брадобрийцевъ Арменъ, и прочихъ подобныхъ имъ". Мѣстное примѣненіе басни высказываетъ бородолюбіе автора.

Съ перваго взгляда на чудесныя описанія азбуковника можно замѣтить. что они проникнуты тѣмъ же суевѣрнымъ воззрѣніемъ на природу, какимъ и народныя пѣсни. Кто знаетъ, какъ обильны разпорѣчіями народныя преданія, тотъ не усумнится въ сходствѣ сказаній. изъ которыхъ одно можетъ-быть пріурочено одному предмету, а другое другому: оказываются варіанты только въ собственныхъ именахъ. но духъ сказаній и даже всѣ обстоятельства согласуются. Такъ въ древнемъ русскомъ стихотвореніи „Дюкъ Степановичъ" свѣтящій ночью камень называется тиронъ; вотъ каковы были стрѣлы Дюковы: „въ ушахъ поставлено по тирону. по камню. по дорогу самоцвѣтному: потому онъ днемъ стрѣляетъ, въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ. а въ ночь тѣ стрѣлки что свѣчи горятъ — свѣчи теплются воску ярого: потому онѣ

стрѣлки дороги". Въ азбуковникѣ этотъ камень названъ Анфраксомъ. (ἄνθραξ) и ему приписываются тѣ же свойства и почти въ тѣхъ-же выраженіяхъ: „Анфраксъ, камень зѣло черменъ образомъ, блещася, обрѣтается въ Халкидонѣ Ливийстемъ, иже нарицается Африкія, *нощію обрѣтаютъ его, издалече-бо видѣти ся, аки свѣща свѣтящеся*, или яко угль искрами меща, и *по свѣту его шедше обрѣтаютъ*". Древнее русское стихотвореніе, черезъ азбуковникъ, стоитъ въ связи съ Изборникомъ Святослава 1073 года, откуда заимствовано это сказаніе объ Анфраксѣ: вотъ оно слово-въ-слово, какъ значится въ Изборникѣ: „анфракъсъ (камыкъ) зѣло чрьвенъ есть образъмь, бываетъ же въ Кархидонѣ Ливоунсцѣмь иже парицеться африкии. глють-же нѣ дьнью нъ нощтью ся обрѣтаетъ. Издалеча-бо акы доупляница, или аки угль, искрами мѣчьште и единъ часъ прѣстане". Итакъ, вотъ древнѣйшій слѣдъ того преданія, на которомъ основано чудесное повѣствованіе о тиронѣ въ древнемъ русскомъ стихотвореніи.

Знаменитый стихъ о Голубиной книгѣ, содержащій въ себѣ нѣсколько странныхъ намековъ на чудесныя повѣрія о звѣряхъ и птицахъ, очевидно, почерпалъ свои сказанія изъ общаго съ азбуковникомъ источника. Такія же, какъ и въ азбуковникѣ, странныя, исковерканныя иностранныя слова; чуждымъ произведеніямъ природы съ иностранными названіями приписываются столь же чудесныя сверхъестественныя дѣйствія. Даже то же воззрѣніе на природу, въ которой какъ азбуковникъ, такъ и стихъ о Голубиной книгѣ останавливаются на замѣчательнѣйшихъ, первѣйшихъ предметахъ и произведеніяхъ природы, именуя ихъ господами, отцами, матерьми и царями прочихъ однородныхъ съ ними. Какъ въ азбуковникѣ читаемъ. „Карфумуколосъ, камень есть тако нарицаемъ, зѣло драгъ, *нжъ всѣмъ камнямъ господинъ*; такъ и въ стихѣ о Голубиной книгѣ: „который царь надъ царями *царъ?* который городъ всѣмъ городамъ *отецъ?* Которая церковь всѣмъ церьвамъ *мати?* Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ *мати?*"

Прежде, нежели покажу связь азбуковниковъ съ стихомъ о Голубиной книгѣ, обращу вниманіе на отношеніе его къ другимъ древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ, для того чтобы во всей полнотѣ видѣть вліяніе письменности на нашу народную поэзію. У В. И. Григоровича есть рукопись XV в., болгарскаго письма сборникъ разнообразнаго содержанія, преимущественно

преданій, вѣрованій и суевѣрій: въ ней помѣщено также и сказаніе о сотвореніи міра и человѣка, очевидно имѣющее тѣсную связь съ стихомъ о Голубиной книгѣ. Позволяемъ помѣстить изъ нея слѣдующія строки, столь важныя для исторіи народной русской поэзіи: „Въпрос: да скажими что дрьжить землю. рече: вода высока. Да что дрьжить воду. Отвѣт. камень плосень вельми. Да что дрьжить камень, рече: камень дрьжить 4. китове златы. Да что дрьжить китове златы, рече: рѣка огньная. Да что дрьжить того огня. рече: други огнь еже есть пожечь. того огня 2. части. Да что дрьжить того огня. рече: дубь желѣзны, еже есть прьвопосаждень, отвъсего же кореніе на силѣ божіеи стоить — — что сътвори богь адама. Отвѣт: 8. чести. 1. честь тѣло его отземле, 2. честь отморе. 3. честь откаменя. 4. честь отвѣтра. 5. честь отоблакъ, 6. честь отслнца и отроси, 7. честь отпомысла отбрьзости ангельскихъ. 8. честь от святаго духа. От того събра богь и сътвори вь едину честь и рече: аще есть семѣ от члка того, от мора. то лакомь. аще есть от слнца семѣ то будеть мудрь умень. аще ли есть от облака сѣме. то прѣльстиво, аще отвѣтра семѣ то срьдито, аще-ли откамѣніе сѣме-то будеть милостиво, аще-ли от духа свята сѣме то смѣрено и доброволно кь въсемь“ Въ какомъ видѣ эти преданія сохранялись въ древней Руси, свидѣтельствуетъ превосходное сказаніе, записанное въ рукописномъ сборникѣ, принадлежащемъ Ешевскому, и уже вышеупомянутомъ. Какъ болгарское сказаніе болѣе приближается къ чужеземнымъ, о которыхъ было говорено въ другомъ мѣстѣ, такъ древнерусское служитъ переходомъ отъ болгарскаго сказанія къ стиху о Голубиной книгѣ. Вотъ оно: „Іоаннъ рече что суть риза господня. Толкъ. Григорій рече восходь и исходъ. Василій рече что есть стихарь. Толкъ. Григорій рече седьмь небесъ. Іоаннъ рече что суть патрахель. Т. Василій рече патрахель есть желѣзные столпіе на немже земля плаваетъ а подъ столпіемъ есть три киты великіе на томъ земля стоить а тритцать китовъ малыхъ тритцать оконецъ морскихъ запегли (sic) а душа вниихъ райскія воня идуть рыбы изо всѣхъ рѣкъ ту тѣмъ суть сыти. Григорій рече что есть поясъ божій. Т. Іоаннъ рече поясъ есть Черьмное море около всѣхъ дванадесятъ морь шло. Василій рече отъ чего суть луна и небо сотворено. Григорій рече отъ тоиѣра воздуха Григорій рече отъ чего солнце сотворено. Іоаннъ рече отъ

рясны, ризы господни иже урвали жидове ведущи Христа на распятіе — Вопросъ: отъ коликихъ частей Адамъ сотворенъ бысть. Толкъ.: отъ осьми частей, первое отъ земли, второе отъ моря, третіе отъ солнца, четвертое отъ облак, пятое отъ камени, шестое отъ вѣтра, седмое отъ огня, осмое отъ духа. Толкъ.: отъ земли тѣло, отъ моря кровь, отъ солнца очи, отъ облакъ мысли, отъ камени кости, отъ вѣтра дыхание, отъ огня плоть, а Самъ Господь душу вдохнулъ". Въ этой рукописи находимъ источникъ даже символическому окончанію стиха о Голуб. кн., именно символу правды и кривды: „Іоаннъ рече бѣлъ щитъ а на бѣлѣ щитѣ бѣлъ заецъ прилетѣвъ сова взяла бѣла зайца и понесла прочь а сама здѣ осталась. Толкъ. Василій рече бѣлъ щитъ бѣлъ свѣтъ а на бѣлѣ щитѣ заецъ-то есть кривда взяла правду понесла прочь а сама здѣ осталася". Вотъ ближайшіе источники, откуда народный стихъ о Голуб. кн. могъ заимствовать свои образы: „солнце красное отъ лица Божьяго — младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей звѣзды отъ ризъ — зори отъ очей; наши помыслы отъ облакъ — кости отъ камени — тѣлеса отъ земли — кровь отъ черна моря". Окончаніе стиха: „а не два звѣря сходилися, и не бѣлъ заяцъ и не сѣръ заяцъ, сходилася правда съ кривдою; правда кривду переспорила; кривда осталась на сырой землѣ, а правда, пошла поднебесью" и проч. Преданіе о китѣ, записанное какъ въ болгарскомъ, такъ и въ русскомъ сборникѣ, сохранилось и въ стихѣ: китъ рыба всѣмъ рыбамъ мать, на ней основана земля: китъ рыба потровется, вся земля всколеблется.

Теперь обратимся къ прочимъ преданіямъ о животныхъ въ стихѣ о Гол. кн. Они объясняются уже азбуковникомъ.

„У насъ *индрикъ* звѣрь всѣмъ звѣрямъ отецъ" поется въ стихѣ. Азбук. сохранилъ слово *индрикъ* безъ нароста — къ, въ ближайшей къ оригиналу формѣ, именно *индрія*. Какъ въ стихѣ индрикъ, ходя въ подземельѣ, *пропущаетъ рѣки, кладези студеные;* такъ и въ азбук. „Индрія звѣрь есть *водный*". Почему же звѣрю индрику или индріи дается въ обоихъ памятникахъ нашей литературы водяная стихія? Кажется, весьма легко отвѣтить на этотъ вопросъ, указавъ на оригиналъ этихъ испорченныхъ словъ въ греч. ὕδρα гидра, водяной змѣй, безъ придыханія, какъ читали въ старину: идра, откуда индрія (слич. этотъ — энтотъ).

„*Стратим* птица всѣмъ птицамъ мати“ поется въ стихѣ, а иногда и съ варіантомъ: вмѣсто стратимъ — *истрофиль*. Греческую θ наши предки читали какъ ф, напр., въ азбук. „анфропосъ, человѣкъ“. Слѣдовательно *истрофиль* есть греч. ἡ στρουθος (по старинному чтенію: и струфосъ), означающее не только воробья, но и страуса. Эта птица, по стиху о Голуб. кн., живетъ на океанѣ-морѣ и выводитъ на немъ своихъ дѣтей. То же самое говоритъ азбук. объ алконостѣ (гр. ἀλκυών, род. ἀλκυόνος, гальцюва): „*алконостъ*, птица есть, имѣетъ гнѣздо на брезѣ песка, вскрай моря — — взимаетъ въ яицахъ чада своя и носитъ на среду моря и пущаетъ въ глубину — — сноситъ яица на едино мѣсто и насядетъ на нихъ верху моря въ глубинѣ сущимъ“, и проч. Алконостъ азбуковника хотя и оказываетъ дѣйствіе на море, утишая его; но не топитъ кораблей, тогда какъ истрофиль въ стихѣ о Голуб. кн., „топитъ корабли гостиные со товарами драгоцѣнными“. Азбук. такую силу предоставляетъ рыбѣ цецѣ. „цеца, рыба морская, егда учнетъ играть, то кричитъ голосомъ аки лютъ звѣрь, а на носу у ней вверху, что двѣ трубы дымныя, и какъ прыснетъ въ тѣ трубы и отъ того прыску корабля потопаютъ“.

2. Обращаясь къ сличенію азбук. съ произведеніями литературы письменной, нельзя не указать на замѣчательную связь ученія о душѣ и чувствахъ, помѣщеннаго въ азбук., съ посланіемъ митрополита Никифора къ Владимиру Мономаху, по случаю поста. Митрополитъ Никифоръ развиваетъ слѣдующее основное положеніе: „та душа отъ тріи частіи есть, рекше силы имать 3, словесное, и яростное, и желанное“. Такъ какъ г. Сахаровъ не напечаталъ въ своемъ изданіи изъ азбук. замѣчательнаго мѣста, объясняющаго это ученіе, еще въ XII вѣкѣ вошедшее въ нашу литературу, то почитаю полезнымъ для исторіи литературы привесть его по моей рукописи. „суть-же самовластны части двѣ, яростное желательное. Яростное подаде Богъ, яко да тои частію противится и ненавидитъ невидимаго врага, желательное-же есть, яко да тою частію возревнуетъ въ горняя и возлюбитъ отъ всего сердца содѣтеля Бога и послушаетъ его во всемъ, да тѣмъ причастна душа разумѣвается, въ ней-бо зрятся сія части словесное, яростное, желательное. Словесная убо существенная часть души или паки самое существо, яростное-же и желательное случайныя части яко и орудіе души имаже убо уловляется въ добро и зло. Зан-

по разлучени душа отъ тѣла нѣсть самовластва во словива точію еже есть разумна". Это мѣсто, между прочимъ, подтверждаетъ какъ нельзя болѣе объясненіе *словеснаго разумнымъ*, предложенное Шевыревымъ, въ Исторіи Русской Словесности, при разборѣ посланія Никифора.

Весьма жаль, что г. Сахаровъ не напечаталъ подробныхъ описаній, приложенныхъ въ азбук. къ географическимъ именамъ: нѣкоторыя изъ нихъ заимствованы изъ древнѣйшихъ путешествій къ святымъ мѣстамъ. Какъ у Даніила Паломника разстояніе не опредѣляется математически, но обыкновенно описывается поэтически, такъ и въ описаніяхъ азбук. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ того и другого памятника, для опредѣленія согласія ихъ въ отношеніи поэтическаго воззрѣнія: у Дан. Паломника „и есть ту мѣсто близъ Іерусалима, на востокъ лицъ, яко отъ столпа Давыдова *мужъ достреллитъ* — а Тиверіада градъ есть вдалѣе отъ Іерусалима 4 *дни пѣшему человѣку идти* — — Высота еяжъ (Ѳаворской горы) яко можетъ *съ нея* на полдень лицъ одны *добрый стрѣлецъ четырежды острѣлить, а на земли стоя горѣ осмижды встрѣлитъ, коли добрый стрѣлецъ*"; въ моемъ азбук. къ описанію дома Давидова, сверхъ напечатаннаго г. Сахаровымъ, прибавлено: „а величествомъ домъ яко-бы *дващи изъ лука стрѣлити*"; въ описаніи Іордана, тоже въ писан. азбук.: „а широта ея *яко-бы человѣку дважды камнемъ вергнути*". Такія мѣста придаютъ азбуковнику колоритъ свѣжей народной фантазіи и потому должны быть внесены въ изданіе.

Для исторіи науки въ Россіи, или для ученой литературы, наши словари предлагаютъ безцѣнные матеріалы. Въ азбук. вошли древнѣйшія понятія нашихъ предковъ о всѣхъ наукахъ и искусствахъ, начиная съ азбуки и грамматики до классической миѳологіи, философіи и богословія. Такъ какъ образованность была внесена къ намъ извнѣ, то весьма любопытно указать на источники иностранные, откуда азбуковникъ черпалъ свою ученость. Нѣкоторые изъ нихъ показаны въ изданіи г. Сахарова. Они большею частію византійскіе, откуда видимъ, что Византія въ средніе вѣка была для насъ проводникомъ и представителемъ европейскаго образованія. Впрочемъ, впослѣдствіи и латинскими пользовались наши азбук. и словари, о чемъ свидѣтельствуютъ латинизмы, въ нихъ встрѣчаемые.

Исторію ученыхъ извѣстій въ нашихъ словаряхъ можно вести отъ времени Іоанна Екзарха Болгарскаго, Изборниковъ Святославовыхъ и Черноризца Храбра, т.-е. отъ X и XI в. Не только ссылки на эти произведенія находимъ въ нашихъ словаряхъ, но даже извлеченія и выписки изъ нихъ. Для того, чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о старинныхъ азбук. и словаряхъ, необходимо объяснять ихъ въ связи съ тѣми произведеніями, откуда брались въ нихъ цитаты, потому что всякій историческій фактъ тогда только можетъ быть основательно понятъ, когда намъ извѣстны всѣ обстоятельства, при которыхъ онъ возникъ; а обстоятельства, окружающія словарь — его литературные и ученые источники. Потому-то надобно крайне сожалѣть, что г. Сахаровъ опускалъ ссылки и выписки въ своемъ изданіи словарей, руководствуясь слѣдующею мыслію, высказанною имъ въ предисловіи о составленіи русскихъ словарей: „всѣ эти ссылки явно показываютъ, что составитель словаря имѣлъ подъ рукою рукописныя книги, и что повѣрять его по рукописямъ XVII вѣка, какія онъ имѣлъ тогда, въ наше время есть дѣло невозможное“.

Самыя любопытныя и подробныя замѣчанія и изслѣдованія предлагаетъ азбук. для грамматики. Большая часть ихъ въ изданіи г. Сахарова опущена, такъ что для этого предмета слѣдуетъ предпринять новое изданіе, которое должно обнимать исторію этой науки отъ древнѣйшихъ временъ, отъ самаго Іоанна Екзарха Болгарскаго, и стоять въ связи съ исторіею нашего церковнаго языка какъ съ переводомъ, такъ и исправленіемъ церковныхъ книгъ. Тогда мы увидимъ высокое значеніе грамматики въ исторіи нашей литературы. Теперь же обратимся къ нѣкоторымъ подробностямъ, помѣщеннымъ въ изданіи г. Сахарова. Опредѣленіе грамматики въ нашихъ азбук. предлагаетъ новое значеніе для слова „пословица“: мы знаемъ значеніе его литературное, юридическое, собственно же грамматическое, какъ терминъ грамматическій, оставалось безъ вниманія: „*Грамматикія*, тонкое разумѣніе книжныхъ *пословицъ*, тонкогласныхъ, дебелогласныхъ, противу осмичастія“. Въ другомъ мѣстѣ: „*скимни рыкающе*, еллинская *пословица*.“ — Памв. Бер. предлагаетъ нѣсколько любопытныхъ грамматическихъ производствъ: *богъ* отъ богатства: *кольно* отъ еже клонится речено: папа, папежъ сближено съ формою папасъ; церковь есть циркля.

Такъ же смотрѣли они и на науки математическія, въ противоположность грамматикѣ, высокое служеніе которой для церковныхъ книгъ постоянно имѣли они въ виду; *маѳематѳійскія-же книги*, какъ говоритъ азбук., отреченныя книги. ихъ же есть четыре. ариѳметикія, мусикія, геометрія, астрономія." Причисленіе музыки или гудьбы къ книгамъ отреченнымъ, или проклятымъ, объясняется глубокимъ убѣжденіемъ нашихъ предковъ въ дьявольскомъ происхожденіи этого искусства. Стоглавъ такъ же смотритъ на математику: „въ Аристотелевы врата и въ рафли смотрятъ. и по звѣздамъ и по планетамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ, и тѣми дьявольскими дѣйствы міръ прельщаютъ и отъ Бога отлучаютъ". Средневѣковое ученіе о планетахъ соединялось въ суевѣріи нашихъ предковъ съ понятіемъ о рожаницахъ

Миѳологія классическая съ давнихъ временъ входила уже въ составъ образованности нашихъ предковъ, которымъ при чтеніи отцевъ церкви необходимо было имѣть нѣкоторое понятіе о греческой и римской миѳологіи, на которую намеки такъ часто встрѣчаются въ произведеніяхъ византійской литературы Излишне было бы говорить въ подробности о томъ, какими мрачными красками и съ какимъ негодованіемъ описываетъ азбук. классическія божества. въ коихъ видѣли наши предки только демоновъ. Сообразно ли съ воззрѣніями старины Ломоносовъ далъ олимпійцамъ право гражданства въ нашей поэзіи — рѣшать не будемъ: замѣтимъ только, что и въ старину грамотные люди уже могли украшать свой слогъ миѳологическими прикрасами, которыя были извѣстны и доступны всѣмъ грамотеямъ, какъ свидѣтельствуетъ азбук. Потому и не удивительно, что начитанный сочинитель Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ могъ знать Урана: „сія повѣдай, Урань, како случися брань на Дону". Въ нашихъ словаряхъ очевидно западное вліяніе, которое и могло примирять грамотниковъ съ миѳологическими украшеніями слога.

Философское ученіе, значительно распространенное въ старинныхъ словаряхъ, въ связи съ ученіемъ богословскимъ, ведетъ свое начало отъ Іоанна Екз. Болгарскаго и Святославовыхъ изборниковъ. Отвлеченные философскіе термины съ древнѣйшихъ временъ начали уже установляться въ нашемъ языкѣ: будучи чужды разговорному языку, они объяснялись въ словаряхъ. Напримѣръ: въ толкованіи неудобь познаваемымъ рѣ-

чамъ 1431 г.. „*качьство*, естество, каковому есть; *количьство*, мѣра есть колика; *свойство*, кто имать что особо“. У Памвы Беренды: „*естество*, прироженье, се наречется отъ еже есть; *истина*, правда“. При этомъ случаѣ позволяю себѣ слѣдующее замѣчаніе: когда стали образовываться отвлеченныя слова для философскихъ понятій, тогда приняли дѣятельное участіе въ образованіи этихъ словъ мѣстоименія, глаголъ вспомогательный, предлогъ, союзъ, то-есть части рѣчи служебныя (formwörter). При объясненіи словъ: качество, свойство, количество, наши словари постоянно имѣютъ въ виду тѣ мѣстоименія, отъ которыхъ эти слова происходятъ. Что же касается истины, то это понятіе выражается то мѣстоименіемъ, то вспомогательнымъ глаголомъ. въ санскритѣ истина называется — отъ указательнаго мѣстоименія *тат* (тотъ, этотъ) — *татва*, и отъ вспомогательнаго глагола *ас* (esse) черезъ форму *сат* (qui est, bonus, probus) — *сатья*, означающее и истинный и истина; а *сатва*, умъ, духъ. Наше *истина*, уже въ Остром. Ев. для греч. *ἀλήθεια*, имѣетъ при себѣ ближайшій корень въ мѣстоим. *истый*, *истъ*, сербск. *исти* (selbst, ipse). Но польск. iestnosc. или istnosc (сущность), чеш. gestnost (существо) смѣшиваютъ уже корень *ист* съ *ест*, потому въ словѣ истина нѣкоторые, напр. Шимкевичъ въ своемъ корнесловѣ, видятъ корень *есть*. По крайней мѣрѣ постоянный эпитетъ правды — *сущая* правда свидѣтельсвуетъ ясно, что съ понятіемъ истины соединялось понятіе о *бытіи*, такъ что санскр. *сатья* сохранилась у насъ въ постоянномъ эпитетѣ *сущій*. Истинѣ, какъ слову отвлеченному, соотвѣтствуетъ болѣе конкретное и общеупотребительное *правда*, которымъ и толкуется въ словаряхъ слово истина. Въ противоположность философскому смыслу истины, правда имѣетъ юридич. значеніе: въ древнѣйшихъ чешскихъ глоссахъ Mater Verborum Вацерада правда объясняется такъ: fas, lex divina est: божественнымъ происхожденіемъ своимъ и отличена правда отъ права, которое тамъ же объясняется: ius est humanum. Таковое понятіе о правдѣ объясняется первобытнымъ образомъ мыслей нашихъ предковъ. Даже въ древнѣйшую эпоху народъ не помнитъ, откуда, какъ и кто далъ ему тѣхъ боговъ, которымъ онъ поклоняется. Все существенное въ своемъ нравственномъ быту народъ уже имѣетъ съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ себя Законъ и поэзія, нравоученіе и знаніе для народа не случайныя изобрѣтенія, не дѣло рукъ

человѣческихъ. Память о ихъ происхожденіи коренится на чудесномъ и вѣрованіи. Чудесное и увеличивается по мѣрѣ той отдаленности въ глубокую древность, куда переселяетъ народъ начала какъ права, такъ и поэзіи и знанія: потому-то все это для него и священно. Вѣрою связывается народъ съ чудеснымъ: вѣруя въ чудесное происхожденіе закона, поэзіи, врачеванія и проч., народъ убѣжденъ, что вся высшая нравственная его дѣятельность принадлежитъ ему, какъ его наслѣдственная собственность, въ незапамятныя времена изъ отдаленныхъ чудесныхъ странъ принесенная его предками, и свято сохраняемая для передачи потомству: „у насъ", говорятъ славяне въ Судѣ Любушиномъ, „у насъ правда по закону святу „юже принесеху отци наши". Обязательная сила суда и правды была въ томъ, что они идутъ „по старинѣ и пошливѣ". Того же образа мыслей и составитель сборника Саксонской правды: dies recht hab ich nicht erdacht es habens von alter uf uns bracht unsere gute vorfahren.

Таково высокое значеніе правды, современемъ перешедшей въ истину для означенія философскихъ отвлеченностей. У Ульфилы истина еще не потеряла своего конкретнаго, юридическаго значенія: для *ἀλήθεια* (истина, въ Остром. Ев.) употребляетъ онъ sunja, имѣющее смыслъ юридическій, что видно изъ др.-нѣм. sunnis, одного съ нимъ происхожденія: sunnis въ франкск. законахъ объясняется глоссою: legalis necessitas, правда, судебное оправданіе. Готское sunis — посредствомъ гуны или вставки *a* передъ *u*, образовало saun *λύτρον*, Мр. 10. 45, въ Остром. Еванг. избавленіе; а такъ какъ *au* переходитъ въ *o*, то въ древненѣм. происходятъ suona, sôna (sühne) въ значеніи judicium, sententia; въ нѣмец. произведеніи IX вѣка подъ названіемъ Muspilli, страшный судъ называется suona или sôna.

Наши старинные словари составляютъ одно изъ важнѣйшихъ пособій при опредѣленіи составныхъ частей языка и слога нашей древней литературы. Такъ какъ назначеніе словаря полагалось въ объясненіи непонятнаго нашимъ предкамъ въ письменныхъ памятникахъ, то намъ легко будетъ опредѣлить по этому отношеніе языка письменнаго къ народному, разговорному.

1. Древнѣйшіе составители азбуковниковъ имѣли уже ясное понятіе объ отличіи языка церковнославянскаго отъ русскаго

и видѣли чужеземныя стихіи въ языкѣ перевода св. Писанія, что явствуетъ изъ самаго заглавія Новгородскаго словаря 1431 года: „тлъкованіе неудобь познаваемомъ въ писаныхъ речемь, понеже положены суть рѣчи въ книгахъ отъ начальны ихъ преводникъ ово *словенскы,* и ино *сръбскы,* и другая *блъгарскы и гръчьскы, ихже неудоволишася преложити* варускыи“. Древнѣйшій Новгородскій словарь 1282 года всѣ слова непонятныя не только языка греческаго, но и нарѣчій болгарскаго, сербскаго, относитъ къ варваризмамъ, называя ихъ жидовскими и ставя ихъ на ряду съ еврейскими именами; самое заглавіе словаря выражаетъ его мысль: „рѣчь жидовскаго языка преложена на русскую, неразумно на разумъ“. Замѣчательно, что наши предки въ простотѣ своего образа мыслей уразумѣли отличіе своего языка народнаго отъ церковно-славянскаго, чего никакъ не могли понять даже въ новѣйшее время люди столь образованные, какъ Шишковъ.

Не входя въ подробный разборъ словъ иностранныхъ, скажемъ только, что еще задолго до Петра Великаго языкъ нашъ подвергся вліянію чужеземному, не только греческому при переводѣ св. Писанія, но и латинскому, и даже нѣмецкому и друг., какъ свидѣтельствуютъ наши словари. У Памвы Бер. упоминается даже варяжскій языкъ: „*капитонъ,* сирѣчь князь, варяжскимъ языкомъ“.

Гораздо любопытнѣе обратить вниманіе на то, съ какимъ тонкимъ чутьемъ отличали наши предки формы церковнославянскія отъ русскихъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ азбук. *вѣ вѣсѣ,* мы два есма; *весьма,* отнюдь, всяко; *вскую,* что ради, почто: *вѣждь,* зри, смотри; *женому,* гониму. У Пам. Бер.: *болѣзнь, болѣсть; вонь,* въ него; *да будетъ,* нехай-бы такъ было: *изящный,* знаменитый, зауный; *кто,* хто; *пастырь,* пастухъ; *непелъ,* попелъ; *плъвы,* половы; *ради,* для или дѣля; *рожденье,* роженье, *хощу бытн,* имамъ быти. У Лавр. Зиз.: *бразда,* борозна: *бремя,* беремя: *внѣ,* на дворѣ; *изящныи,* выборныи. Сложныя слова съ благо- и веле-, напр. благодать, велерѣчіе тоже объясняются, какъ непонятныя.

Знаніе славянскихъ нарѣчій, котораго пользу для языка русскаго сознали только въ настоящее время, было нечуждо нашимъ предкамъ, о чемъ свидѣтельствуютъ мѣста: у Памвы Бер. *кобль* или *кобелъ,* корецъ, мѣра 3 словацка; *лукъ,* далматски: чеснокъ лѣсный, польск.: цебуля, чешски: лукъ чер-

влевый; *пѣтель*, чески когутъ, волынски пѣвень, литовски пѣтухъ; *разлой*, долина, чески удолъ, долматски лука. Въ азбук. *испраши*, сербское слово, пзныша.

Весьма поучительно обратить вниманіе на логическія опредѣленія, которыми старались объяснить себѣ наши грамотные предки непонятныя для нихъ слова и формы. Вспомогательный глаголъ потерялъ уже въ ихъ сознаніи свое первоначальное значеніе: Памва Бер. объясняетъ: „*есмь*, настоящее время"; азбук. же: „*еси*, ты". Отсюда мы удостовѣряемся, что для нашихъ предковъ этотъ глаголъ былъ указателемъ или времени, или же лица. Мѣстоим. *иже* былое только указателемъ числа, рода и падежа: у Памвы Бер.: „*иже*, различаетъ, которые множественнаго числа мужескаго рода". Въ союзѣ виновсловномъ видѣли они понятіе о знаніи или вѣдѣніи; что знаю, тому полагаю причину или основу: потому у Памвы Бер. „Ибо, або вѣмъ". Точно также Лавр. Зиз. объясняетъ союзъ *зане*. Въ способности разсудительной видѣли они силу ума, разнимающую по частямъ, раздѣляющую, аналитическую: у Памвы Бер. „разсуждаю, раздѣляю". *Совѣсть* Лавр. Зиз. объясняетъ сомнѣніемъ. Вообще должно сказать, что при объясненіи чуждыхъ словъ составители нашихъ словарей руководствовались немудрствующимъ, простымъ здравымъ смысломъ и глубокимъ сочувствіемъ къ формамъ своего родного языка. Какъ прекрасно, напр., слѣд. объясненіе Памвы Бер. „*океанъ*, всесвѣтнее море". Или еще, при объясненіи слова *Кронидъ*, онъ не ограничивается описаніемъ этого слова, т. е. Сатурновъ сынъ, но переводитъ греч. отечественное окончаніе —Идъ славянскимъ равносильнымъ ему — Окъ: Кронокъ. Такой смѣлости не позволяли себѣ позднѣйшіе переводчики Иліады. Здѣсь мимоходомъ замѣчу, что окончаніе —окъ (другія формы его: — икъ, — ецъ, — ицъ, — ичь) точно такъ какъ — ище, иско, соединяя въ себѣ понятія какъ о малости предмета, такъ и о происхожденіи отъ отца, можетъ быть объяснено тѣмъ, что слово съ отечественнымъ окончаніемъ есть какъ-бы уменьшительное отъ названія отца: Кронокъ не только сынъ Крона, но, по граммат. значенію, и маленькій Кронъ: отечественными окончаніями наши предки хотѣли выразить ту мысль, что въ дѣтяхъ повторяется отецъ и въ потомкахъ прадѣдъ, какъ отъ сѣмени произрастаетъ растеніе.

2. Столь же важное пособіе предлагаютъ наши словари и

для исторіи провинціализмовъ или областныхъ нарѣчій языка русскаго, на что съ перваго разу указываетъ западно-русская рѣчь Памвы Бер. Этотъ почтенный филологъ не могъ не замѣтить отличія своего языка отъ великорусскаго, и предложилъ нѣсколько любопытныхъ замѣчаній по сему предмету; напр. „*клянина*, всякое дерево нагнетое, *по-московски* нарицается; *кудесъ*, кудесникъ, чортъ, чаровникъ, по нѣкихъ повѣсти въ Москвѣ нарічется; *повгяремникъ*, помѣстною бесѣдою *московски*, меринъ". Въ азбук. объясняется слѣд. областная частица, столь часто встрѣчаемая въ старинныхъ памятникахъ: „*цы*, еда любо". Такъ какъ народный языкъ распространенъ по областямъ, то и нельзя его понять иначе, какъ совокупностью всѣхъ провинціализмовъ. Въ этой мысли наши предки и не сомнѣвались, тогда какъ теперь она требуетъ если не доказательства, то, по крайней мѣрѣ, объясненія.

3. Для исторіи какъ варваризмовъ и областныхъ реченій, такъ и архаизмовъ или формъ устарѣлыхъ наши словари служатъ не малымъ пособіемъ: многія слова въ нашихъ старинныхъ памятникахъ, вышедшія изъ употребленія теперь, были непонятны уже и нашимъ предкамъ, потому-то и объясняются въ словаряхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ лѣтописяхъ неоднократно встрѣчается слово *рамяно*, которое въ азб. толкуется словомъ высоко. Шестую супругу Іоанна Грознаго лѣтописцы звали *женищемъ*: въ азб. читаемъ, „*женища*, замужняя женщина, смущающая другихъ". У Памвы Бер. находимъ одно старинное слово, которымъ объясняется прекрасное уподобленіе въ Словѣ о Полку Игоревѣ. Такъ какъ это мѣсто изъ Памвы Бер. въ изданіи г. Сахарова не полно, то мы приведемъ его по своему старопечатному 2-му изданію: бойще: боевиско, мѣстце, где збоже молотятъ токъ". Такъ какъ въ старину въ народной поэзіи перенесеніе слова отъ одного значенія къ другому часто подавало поводъ къ поэтическимъ уподобленіямъ, то бойще и токъ и мѣсто битвы — всего лучше объясняетъ, какъ изобразительное воззрѣніе, въ самомъ языкѣ содержащееся, могло вести къ слѣдующему уподобленію въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла". Весьма любопытно у Памвы Бер. толкуется устарѣлое мифологическое значеніе слова дѣдъ: такъ какъ и это мѣсто въ изданіи г. Сахарова недостаточно, выписываемъ его

изъ старопечатнаго экземпляра: дѣдъ: старецъ, умалительнѣ же *дядко* — старчикъ, а не *дѣдко*. Сице бо нѣцыи обыкоша діавола именовати". Этимъ мѣстомъ удовлетворительно объясняется смыслъ выраженій въ Словѣ о Полку Игоревѣ: стри-божи и дождь-божи внуци. Чтобы читатель ясно видѣлъ, можно ли непогрѣшительно пользоваться словарями, по изданію г. Сахарова, приведу изъ него слово въ слово обѣ предложенныя нами цитаты: „*боище,* боевиско, токъ, мѣсто, гдѣ молотятъ", а въ другомъ мѣстѣ вовсе недостаетъ конца, т.-е. самаго важнаго: дѣдъ, старецъ, дядко, старчикъ". Напрасно г. Сахаровъ не воспользовался обоими старопечатными изданіями Памвы Берынды.

Мой азбуковникъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ старину многія слова въ языкѣ письменномъ понимались не въ настоящемъ ихъ смыслѣ, такъ что самое происхожденіе азбуковниковъ должно объяснять себѣ тѣмъ, что люди грамотные, видя превратныя толкованія и ложныя понятія, желали своими словарями возстановить истинное значеніе темныхъ словъ, встрѣчаемыхъ въ книгахъ. Такъ какъ г. Сахаровъ на эти исправленія ложно понятыхъ словъ мало обращалъ вниманія, то почитаю не лишнимъ помѣстить ихъ по своему азбуковнику. Все, что касается образа мыслей нашихъ предковъ, имѣетъ интересъ и для современности; даже заблужденія ихъ, подобныя слѣдующимъ, могутъ повести къ любопытнымъ выводамъ: „*гроздіе*" — ягоды винныя, глаголемы по-татарски изюмъ. Нѣцы же слышавше писаніе гроздіе мнятъ то быти яблока, но нѣсть тако. Гроздъ бо вино источаетъ, а яблоко вина не источаетъ: отъ сего разумѣемъ, яко ино есть гроздіе, ино яблоко". Это мѣсто есть и у г. Сахарова, но слѣдующія изъ моего Азбуковника: „*купина* — кустъ мелкихъ древесъ; нѣцы же, не вѣдуща силы слова, купину камень наричутъ; яви же Богъ въ купинѣ Моисею сирѣчь въ кустѣ, а не на великомъ древѣ, да не како евреи обоготворятъ древо то и сотворятъ отъ него идолы". — *тезъ* — едино; *тезоименитъ* — единоимянитъ; нѣцы же не вѣдуще тонкости иностранныхъ рѣчей и того ради тезоимянитъ толкуютъ великоимянить, но тако не добрѣ толкуютъ, се бо слышимъ Андрѣя мужеству тезоименита рекше соименна, а гречески андреносъ, и паки Ѳеодора слышимъ въ писаніи божію дару тезоименита, по-русски бо божій даръ а по-гречески Ѳеодоросъ; и злочестивыхъ же тако же въ писаніи слы-

шимъ ового гнѣву тезоименита, еже есть аріи еретикъ. и злочестиваго царя Констянтина Гностеза, тѣмъ же кое есть величество въ семъ тезоименитствѣ *(ъ?)* еже быти гнѣву или гною тезоименну? но что много глаголати, разумъ бо имущему довлѣетъ и малое сіе писаніеце къ прочихъ разумѣнію". Таковое недоразумѣніе вело къ ложнымъ толкованіямъ, которыя, вмѣстѣ съ ложными книгами и суевѣріями, осуждаются въ уставѣ церковномъ 1608 года, нах. въ Румянц. муз. (описаніе стр. 716) и называются ересью. Въ дополненіе къ азб. можно заимствовать изъ этого устава слѣдующее толкованіе кустодіи: „что нарекутъ кустодію Пилатову дѣвицу ключницу, т.-е. ересь, все тоне было: кустодія есть воиновъ полкъ, рекше рать". Какъ изъ ложно понятаго слова или изъ недоразумѣнія можетъ возникнуть цѣлое преданіе или сказаніе, видно изъ слѣдующаго факта — Милоть, милотарь были слова непонятныя нашимъ предкамъ, почему въ азбук. они и объясняются овчиною, одеждою овчинною, между тѣмъ какъ грамотники менѣе добросовѣстные, не зная происхожденія слова „милоть", осмыслили его для себя въ формѣ „милость" въ значеніи овчины: этимъ объясняется слѣдующее мѣсто въ одной рукописи XVII или XVI в., преимущественно баснословнаго содержанія: „Вопросъ: что есть *милость* Иліина. Толкъ: не пощадѣ Авраамъ сына своего Исака на жертву Богу и за овенъ и хотящи его заклати измѣни Богъ вда ему овенъ Исака мѣсто и того овна есть овчина милость Иліина".

Въ объясненіи и исправленіи недоразумѣній старинныхъ грамотниковъ полагали главную цѣль наши составители словарей, что явствуетъ изъ предисловія къ азбуковникамъ. Въ моемъ азбуковникѣ есть любопытныя для исторіи грамотности указанія, которыхъ въ изданіи г. Сахарова не имѣется. Говоря о пользѣ ученія для надлежащаго уразумѣнія книгъ. предисловіе приводитъ въ примѣръ нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ книги отъ невѣжества писцовъ: „свѣтящеся Владычицѣ омоѳоръ твой паче илектра или іелектора — невѣдущѣ силѣ слова тую рѣчь пишутъ сицѣ: паче алектора, а не хотятъ разумѣти яко ино есть илектръ ино алекторъ, — алекторъ бо есть пѣтелъ, и кая суть похвала Богородицы, еже прилагать и уподобляти свѣтлость омоѳора Богородична къ блистанію пѣтелу сирѣчь пѣтуху. Но достоитъ писати сицѣ: святящеся омоѳоръ твой Владычицѣ паче илектрона, илектронъ бо есть камень

зѣло честенъ, единъ отъ драгихъ камней тако имянуемъ, златовиденъ вкупѣ и сребровиденъ. Златовиднымъ блистаніемъ прообразуетъ божество и сребровиднымъ человѣчество".—Далѣе: „Китръ вѣя писати достоитъ, а отъ неискусныхъ въ словенскомъ ученіи сицѣ въ переводѣхъ пишется вмѣсто китръ кедръ, не разумѣютъ бо яко ино есть древо кедръ ино суть древо китръ". Наконецъ еще поправка: „паки во многихъ переводехъ обрѣтохъ писано въ лѣствицѣ еже и пастырю въ словѣ повелѣвающи блюстися отъ щеславія (sic) аки и отъ нѣкія ересіи, а въ добрыхъ переводехъ пишется аки отъ нѣкія ересивѣ ино бо есть ересь си ино ересива, ересива бо есть трава".

Согласно съ предложенною себѣ задачею, древніе словари, не довольствуясь грамматическимъ толкованіемъ, касались объясненія самыхъ понятій и предметовъ. Для примѣра приведу изъ моего азб. толкованіе на слово точило: „точило у еврей бяху подобны руслу устроены въ нихъ же топтаху винныя ягоды источащеся ими красное вино въ подточилія, рекше въ желобы или въ корыта, ино убо списатель приточніе наричетъ олтаря точиломъ, понеже убо яко въ предреченыхъ точилѣхъ источается вино, сицѣ и нынѣ во святыхъ олтарѣхъ пожираему и закалаему агнецу Божію за мірскій животъ и спасеніе". У г. Сахарова это мѣсто и испорчено и неполно: для указанія на достоинства вышеприведеннаго текста любопытно сличить его съ напечатаннымъ у г. Сахарова: „точило евреи пмяху подобно *рву* (руслу устроены, въ нихъ же топтаху винныя *мьды* (ягоды) источаше *има* (ими) красное вино *подъ точилы* (въ подточилія) рекше жолобы или корыта". Окончаніе въ моемъ азбук., не имѣющееся у г. Сахарова, необходимо для объясненія краткаго намека въ толкованіи П. Берынды: „точило, праса, винная кадь, и тыжъолтарь: точитъ бо кръвь Христову".

Многія объясненія основаны на символическомъ толкованія столь распространенномъ и общеупотребительномъ въ средніе вѣка. Мой азбук. предлагаетъ ихъ весьма много: въ изданіи г. Сахарова едва замѣтны слѣды ихъ, что, по моему мнѣнію, отнимаетъ настоящій колоритъ у нашихъ старинныхъ словарей. Оставляя въ сторонѣ символы при объясненіи христіанскихъ понятій, обращу вниманіе на символическое сближеніе народовъ съ животными. Описавъ свойства птицы *езгули* или *езгуи* (въ Словѣ о Полк. Игор. зегзица — кукушка), почти

въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ напечатано у г. Сахарова, писанный азбук. прибавляетъ: „той птицы уподобишася жидовѣ пріемши яко отъ родныхъ святыхъ книгъ ученія отвергошася и предаша языкомъ“. Другое толкованіе тоже по писанному азбук.: „Мурома есть рыба вельми скверная, егда-бо настанетъ наростъ ея; тогда ищетъ ядовитыхъ змій на смѣшеніе свое и тако смѣшается съ ними. И того ради нечиста есть отъ всѣхъ рыбъ та, понеже сужичество свое оставльши смѣшается съ ядовитымъ гадомъ. Сей рыбѣ подобни бесермени, тѣмъ-же нечистъ есть бесерминскій законъ въ человѣцехъ, понеже ересію бахметя своего объяти суще оставляютъ убо подружія своя и сами ся содомски смѣшаютъ“. Уподобленіе армянъ дивьему волу есть и у г. Сахарова. Символическое представленіе народовъ въ образѣ животныхъ ведетъ свою исторію издалека, и сколь оно важно для древностей, показано Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ; въ приложеніяхъ къ этой книгѣ помѣщено сочиненіе XII или XIII в., подъ названіемъ: „части языкомь“, въ которомъ каждому народу придается символъ какого-нибудь животнаго. Народы, упоминаемые въ азбук., характеризованы въ этомъ древнѣйшемъ сочинении у Шафарика такъ: „турчинь зьмія; ярменинь кущерь; евреинь язвець“.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть, что наши словари предлагаютъ богатый источникъ при грамматическомъ объясненіи языка церковнаго. Въ примѣръ привожу изъ Памвы Бер. для объясненія Остром. Еван.: „пакости дѣетъ: пошійкуетъ вь шію біетъ“ толкуетъ Памва Бер., откуда мы видимъ, что наши предки правильно разумѣли слѣд. мѣсто въ Остром. Еванг.: и пакости ему дѣяша, καὶ ἐκολάφισαν αὐτόν, Мат. 26, 67. — Весьма любопытно въ исторіи церковнаго языка слово *комкати* (communicare), встрѣчающееся еще въ вопросахъ Кирика XII. в.: „оже нельзѣ ся будеть причащати лѣто, или полълѣта, то ополоснутися вечерѣ, а на-утріе *комъкать*“. Пам. Рос. Слов. XII в стр. 182. У Памвы Бер.: „Комкаю, поживаю, причащаюся; *комканье*, причащеніе, причастье“. Толкуется также у Лавр. Зиз. и въ азбук.

Буслаевъ.

Языкознаніе и грамматика въ азбуковникахъ.

Языкознаніе. Самая главная и существенная часть азбуковниковъ — языкознаніе. Первоначальная задача алфавитовъ состояла въ истолкованіи непонятныхъ словъ, могущихъ быть для нѣкоторой части читателей непонятными; только впослѣдствіи задача была расширена, и азбуковники приняли характеръ энциклопедіи. Поэтому даже тамъ, гдѣ предлагаются энциклопедическія свѣдѣнія о томъ или другомъ предметѣ, лексикографія полагается въ основу: ею начинается передача свѣдѣній. Весь матеріалъ, вошедшій въ составъ азбуковниковъ, былъ разработанъ не самими составителями азбуковниковъ, а взятъ ими изъ тѣхъ литературныхъ памятниковъ, которые существовали ранѣе появленія азбуковниковъ, такъ что составители, принося своимъ трудомъ несомнѣнно громадную пользу, по отношенію къ внутреннему содержанію своего труда, играли совершенно пассивную роль. Вся дѣятельность ихъ сосредоточена была исключительно на группировкѣ имѣющагося подъ руками матеріала. Такъ, авторъ азбуковника № 19[1]) въ предисловіи къ алфавиту, послѣ разъясненій сокращенныхъ знаковъ, указывающихъ на происхожденіе словъ, говоритъ: „Есть же нѣкія рѣчи въ семъ буквицы безъ написанія, яко же се: равви толкуется учителю, а еже по коему языку глаголется равви, не вездѣ обрѣтается; и паки: алекторъ толкуется петелъ, а еже которымъ языкомъ глаголется алекторъ, сего не обрѣтохъ. Тѣмъ же, яко же кою рѣчь протолковану обрѣтохъ, тако ея здѣ и написахъ, не смѣя ни мало что собою прибавити, могій же кто аще что къ сему приложити, той насъ о Господѣ да просвѣтитъ"[2]). Составитель азбуковника № 14 въ толкованіи „О дикихъ людѣхъ" говоритъ: „Аще истинно есть или ложно, невѣде, но убо въ книгахъ сія обрѣте, понудихся и та здѣ написати, тако же и о звѣрехъ, и о птицехъ, и древесехъ, и травахъ, и рыбахъ, и каменехъ, яже здѣ написаны по буквамъ"[3]). Такъ и поступали всѣ составители. Они помѣщали даже такія выписки, какъ напр. „въ той же

---

[1]) Авторъ пользовался въ своемъ изслѣдованіи списками Соловецкой библіотеки.

[2]) Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 19 б. 17 об.

[3]) Алфавитъ иностранныхъ рѣчей № 14 л. 125 об.—125.

Америкѣ на Яповѣ островѣ есть древо едину токмо вѣтвь испущаетъ, имяни не знаемо"[1]). Это сознаніе въ незнаніи вообще имени какого-нибудь предмета и особенно не русскаго названія корней и цвѣтовъ, при извѣстности названій латинскихъ, греческихъ и нѣмецкихъ, особенно часты въ алфавитѣ № 18[2]). Тамъ, гдѣ нѣтъ цитатъ при объясненіи словъ, все взято изъ разсмотрѣнныхъ нами словарей, если не буквально, то съ небольшими измѣненіями; въ остальныхъ же случаяхъ обозначены всюду цитаты, указывающія на буквальное заимствованіе толкованій и свѣдѣній изъ литературныхъ памятниковъ древняго періода.

Главная и основная задача алфавитовъ иностранныхъ рѣчей выполнена вообще удовлетворительно: книжные люди XVII и послѣдующихъ вѣковъ легко и удобно могли найти въ азбуковникахъ толкованія всѣхъ непонятныхъ иностранныхъ словъ, какія только могли встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчались въ литературныхъ памятникахъ древней письменности, и толкованія довольно обстоятельныя, каковы напр. слѣдующія. „*Каланоъ* — день; *каландарь* (кн. о вѣрѣ и Кир. іерус. толковав.) — день жертвеной. Царь римскій егда скончавъ стѣны (Кривица гл. ѳ выше ст. с҃ѳ) и украсивъ градъ Римъ и марсови капища создавъ, и мартия м҃ца обновивъ, и нарече и м҃цъ мартъ, прежде глаголемый примовъ, иже есть аріевъ м҃цъ, его же празднуютъ римляне по вся лѣта на поли, нарицающи день той ржтко марта"[3]) *Олимпій* — мѣсто во Ахаіи (Злат. о свящ., кн. друк. москов. сл. л҃). Олимпія у еллинъ или у грековъ запускъ конской или позорище нарицается. И то бывало у еллинъ въ четыре лѣта. и тотъ день яко честнѣйшій: и свято дієво съ великимъ веселіемъ и радованіемъ празднуютъ"[4]). Ангелосъ — аггл҃ъ. А҆ггл҃ъ толкуется гречески всякъ вѣстникъ, глаголется аггл҃ъ (Маѳ. толк. зач. друк. моск. л. и҃к), по-гречески бо ангелейтивъ, а по-русски возвѣстятъ. Се бо и Х҃ра Б҃га въ писаніяхъ агг҃ломъ

---

[1]) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 463.

[2]) Ibid, лл. 68 об., 73, 88, 89, 91, 96, 98, 107 об., 112, 118 об., 124, 125 об., 143 об. 147, 148, 149, 152, об., 154, 172 об., 186, 195, 238 об., 240 об., 252 об., 255, 260, 269 об., 277 об., 293, 298, 301, 307, 316, 353, 350, 357 об., 363 об., 385, 389 об., 390 об., 402, 407, 408, 417 об., 435, 458, 461, 463 об.

[3]) Ibid. л. 249.

[4]) Ibid. л. 336.

нарицаетъ, глаголетъ бо пророкъ Исаія, вопія: и нарицается имя его великаго совѣта ангелъ (Исаія ѳ) возвѣсти бо намъ отчее хотѣніе, по реченному: возвѣстихъ имя твое братіи моей (Ѱал. ка)[1]). Большая часть объясненій выпадаетъ на долю греческаго языка, вліянію котораго прежде и больше всего подвергся нашъ языкъ. Второе мѣсто занимаетъ еврейскій языкъ, затѣмъ латинскій и наконецъ западно-европейскіе, вошедшіе въ нашу рѣчь въ болѣе позднее время. Предъ объясненіемъ словъ, составители азбуковниковъ считаютъ нужнымъ перечислить тѣ языки и нарѣчія, слова и термины которыхъ имъ приходится объяснять. Въ алфавитѣ № 19 вотъ въ какомъ порядкѣ перечисляются языки и нарѣчія объясняемыхъ словъ: арапскій, арменскій, греческій, еврейскій, египетскій, жидовскій, еллинскій, евѳіопскій, евхаптскій, иверскій, латинскій, литовскій, македонскій, мидонскій, пермскій, римскій, сербскій, сирскій, скиѳскій, татарскій, чешскій[2]). Въ алфавитѣ № 18, кромѣ перечисленныхъ языковъ, упоминаются: перскій, болгарскій, польскій, русскій, лятскій, турскій. Число языковъ и нарѣчій въ самыхъ словотолкованіяхъ значительно увеличивается. Въ словотолкованіи алфавита № 18, кромѣ латинскаго (римскаго), греческаго (еллинскаго), встрѣчаются надписи языковъ *арабскаго* при словѣ ама, *арменскаго* при словѣ арства, *жидовскаго* — аравъ, *турецкаго* — анадолъ, *египетскаго* — астарта, *чешскаго* — авехъ, *гишпанскаго* — адмепъ дерокка, *польскаго* — але, *нѣмецкаго* — амферваверъ, *критскаго* — амира, *сирскаго* — адаръ, *кипрьскаго* — архиперисъ, *индійскаго* — балшема, *хорватскаго* — бисеръ, *татарскаго* — бичатъ, *сербскаго* — близнецъ, *халдейскаго* — вамоѳъ, *болгарскаго* — возмерчетъ, *перскаго* — геовъ, *русскаго* — грудень, *фряжскаго* — зенералъ, *фивейскаго* — колаво, *финикійскаго* — повеада, *персидскаго* — череварь. Подобныхъ указаній на языки и нарѣчія, изъ коихъ вошли объясняемыя слова въ нашу книжную рѣчь, очень много, но всякій разъ полагаться на нихъ никакъ нельзя, потому что, среди многочисленныхъ правильныхъ указаній, встрѣчается много показаній и ложныхъ. Греческое выраженіе: *апехфиа дисмениа* — застарѣлая гнѣвливость, показано взятымъ съ латинскаго языка; такое же неправильное указаніе встрѣчается при объясненіи *базисъ* (βάσις) съ значе-

[1]) Ibid. л. 57.

[2]) Алфавитъ № 19 л. 15 об.

ніемъ „мѣсто, иже подъ столбомъ"; *бротъ* — хлѣбъ, взято, по указанію алфавита, съ латинскаго, тогда какъ такого слова въ указанномъ языкѣ и не существуетъ. Въ греческомъ языкѣ есть созвучное съ словомъ бротъ — *βροτὸς*; *τὰ βροτά* — съѣстные припасы вообще, но не хлѣбъ въ частности. Очевидно, нѣмецкое слово Brod — хлѣбъ, стало, по азбуковнику, латинскимъ. Латинское слово *вентеръ* — „животъ, еже около сердца внутренняя", показано еллинскимъ; латинское слово *инсули* — островъ, показано нѣмецкимъ; латинское *монсъ* — гора, обозначено нѣмецкимъ; *дивидитуръ* — дѣлится, показано греческимъ, между тѣмъ какъ самое слово, такъ и окончаніе глагола латинское; латинское *флосъ* — цвѣтъ — еллинскимъ. Замѣчательнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ неправильнѣе всѣхъ обозначено указаніе при объясненіи чисто славянскаго слова *зѣло*. Слово это съ значеніемъ *велми* показано жидовскимъ, тогда какъ въ еврейскомъ языкѣ такого слова не существуетъ. Громадное количество указаній на неизвѣстные въ наше время языки, и неправильность указаній, справедливо заставили усумниться Сахарова не только въ знаніи, но и въ знакомствѣ составителей алфавитовъ съ перечисленными языками и нарѣчіями. „Всему этому, говоритъ Сахаровъ, виною наши толковники, любившіе отмѣчать на поляхъ рукописей свои замѣчанія. Такъ, сочиненія Ефрема Сирина, писанныя на сирскомъ языкѣ, были переведены прежде на греческій, съ греческаго на болгарскій. Русскіе переписчики обновили болгарскій переводъ по-своему. Составитель словаря, выбирая слова изъ сочиненія Ефрема Сирина, называетъ ихъ сирскими. Вотъ источникъ знанія его на сирскомъ языкѣ. Отсюда можно дѣлать посылки и къ другимъ языкамъ"[1]). Указывая языкъ, или нарѣчіе, съ котораго заимствовано извѣстное слово, составители весьма часто предлагаютъ довольно обширныя толкованія на него, всякій разъ заимствованныя изъ одного или нѣсколькихъ древнихъ памятниковъ русской письменности. Въ образецъ подобнаго рода толкованія изъ иностранныхъ словъ возьмемъ „*олимпіяда*" и изъ славянскаго „*звѣрь*". „*Олимпіяда* (Хрон. гл. ѱл. Крин. гл. ѯ.). Толкованіе. Олимпіяда содержить въ себѣ и лѣтъ: тѣми бо римляне лѣта чтяху. Олимпіяда же наречется пять удоленій на борбѣ бываемая: а — а мѣстными битися, в — є боротися, г — є

[1]) Сказанія русскаго народа. Т. II, стр. XI.

теци пѣши и на колесницахъ, д — є скакати, є є камень метати: и сія яко праздникъ имуще. На пятонадесятое лѣто собирахуся отъ всѣхъ странъ множество и творяху сія игры: иже побѣждаше, вѣнецъ побѣдѣ пріимаше; овъ же масличенъ, овъ же инаковъ, овъ же ино что прямо побѣдѣ"[1]. — „Твердь утверженье или кругъ всего неба (Козма индик. сл. ӡ. Вас. вел. шестодн сл. д выше стихъ ӡӡ). Великій же Василій и вси богословцы твердь нарицають второе небо видимое, сгустившееся отъ воды, яко хрусталь (Вас. вел. Шестодн. сл. в. Нѳсл сл. ӡı. Іоан. Екл. Шестод. сл. д. к. г.). Богословъ же Григорій въ г҃ словѣ въ ı стихѣ превышнее небо, безводный кругъ нарицаеть, его же отъ человѣкъ никто же видѣ когда. Великій же Василій въ своемъ Шестодневѣ въ д словѣ исповѣдуеть его родомъ свѣтло, и безъ солнца свѣтло. Въ тремъ убо днехъ разсыповающуся и скутовающуся свѣту Бж҃іимъ повелѣніемъ" (Нѳсл слово ш҃ı)[2]. Въ концѣ объясняемыхъ словъ на извѣстную букву составители алфавитовъ всегда помѣщаютъ, какъ мы замѣтили выше, въ отдѣльной статьѣ толкование именъ человѣческихъ. Къ этимъ толкованіямъ составители были побуждаемы особыми соображеніями, которыя они считали нужнымъ сообщить и читателямъ. Въ предисловіи, предпосылаемомъ этимъ толкованіямъ, составители излагаютъ свою теорію происхожденія именъ человѣческихъ и доказываютъ важность пониманія ихъ значенія. „Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущіи въ законѣ и въ благодати, говорится въ *„предисловіи именъ человѣческихъ"*, до нѣкоего времени даяху дѣтемъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволитъ, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времене, или отъ вещи, или отъ притчи. Отъ взора имя се есть: разумѣвъ отецъ отъ взора и естества мужественно быти отроча, нарече имя ему *Андрей*, по-еллински *андреосъ*, а по-словенски *мужество*. А отъ времяни имя есть: по потопѣ раздѣляющимъ человѣкомъ между собою землю, и въ то время родися Еверу сынъ и нарече имя ему *Фалекъ*, Фалекъ бо еврейски *раздѣленіе* глаголется. Отъ притчи же се есть: мати во чревѣ нося отроча, спомъ неодержима бѣ и, рождшуся отрочати, нарече имя ему *Григоросъ*, еже есть *бо-*

[1] Алфавитъ № 18. л. 335.

[2] Алфавитъ 18. л. 429.

рый, по-еллински бо бодрость *григоріосъ* (ἐγρήγορσις) глаголется. Отъ вещи же се есть: въ Римѣ есть древце вельми благоуханно и отъ нихъ нарицаемо *лауренціосъ*, и отъ того древца римляне даяху дѣтемъ своимъ имена *Лаврентій*. Тако и прочая имена дѣтемъ даяхуся. Такожде и словяне прежде крещенія ихъ даяху имена дѣтемъ своимъ сице: Богданъ, Баженъ, Первой, Второй, Любимъ и ина такова, добра же суть и та. Но убо сѣни законнѣй прешедши и нощи невѣдѣнія истины мимошедши, свѣту бо богоразума всю вселенную освѣтившу“. Впослѣдствіи, по словамъ предисловія, преп. Өеодоръ Студитъ и Іосифъ, братъ его, „духомъ святымъ движими“, собрали имена апостоловъ, пророковъ, мучениковъ и всѣхъ святыхъ, назначили дни для ихъ празднованія и помѣстили все это въ книгѣ, называемой Уставъ, и „оттолѣ вси вѣрующіи во Христа пріемлютъ имена отъ іерея по имени святаго, на него же память прилучится осьмому дни по рожденіи младенца“. Но убо намъ славяномъ, продолжаетъ составитель алфавита, неудобь вѣдома нынѣшняя наша имена, понеже она ова еврейска, ина же египетска и ина римска и прочихъ языкъ. Протолкована же вся та быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же послѣде и отъ Максима Грека ради разумѣнія тезоименитствъ хотящимъ въ словянехъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ святымъ въ Руси“[1]). Безъ знанія значенія смысла именъ человѣческихъ невозможно восхваленіе святыхъ въ канонахъ, тропаряхъ и кондакахъ. Затѣмъ выясняется смыслъ и значеніе толкованія именъ злочестивыхъ людей и именъ бѣсовскихъ. Толкованія именъ человѣческихъ и бѣсовскихъ въ азбуковникахъ ограничиваются простою передачею ихъ буквальнаго значенія, какъ напр.: „Авраамій — богатъ, Агапія — благая, Бонифацій — добротворецъ, Борисъ — вѣтръ съ полнощи, Дарія — взыскаючая“ и т. д. Часто не дается никакого толкованія имени, а просто указывается на его состояніе, званіе, кончину. Такъ, по азбуковнику № 18, „Ахій — пророкъ (нояб. 12), Ахаикъ — имя апостолу (іюн. 15), Ахазь — имя святому (апр. 1), Аркадій — имя преподобному (апр. 1), Ахилій — епископъ ларикійскій (мар. 15), Аскитріа — имя женско (апр. 13), Диcидерiй — имя чтецу (апр. 21)“ и т. п. Между простыми упоминаніями только именъ

1) Ibid. л. 80.

и буквальной передачей значенія человѣческихъ именъ встрѣчаются, хотя, нужно сознаться, рѣдко, и толкованія очень обширныя. Такимъ пространнымъ объясненіемъ начинается толкованіе перваго имени въ буквѣ *А* *Адамъ*. „Адамъ (жидовски), говорится въ алфавитѣ, человѣкъ, или земскій, рудый, а словами азбучными знаменуетъ весь свѣтъ: гречески *А* анатоли — востокъ, *Д* дисисъ — западъ, *А* арктосъ — сѣверъ, *М* месимвріа — полудне[1]). Быт. 2 гл. 15 ст. Человѣкъ еврейскою бесѣдою огнь глаголется. Се имя дастся Адаму непраздно, но четыре стихіи во утвари суть, паки естествословлю, аще и не хотятъ земля, вода, воздухъ, огнь и ины стихіи, якоже се: аще возмеши груду отъ земли, то приложити къ ней не можеши и отъ того держимаго, но якова же есть, такова и пребываетъ. Воду аще влиеши мѣрою нѣкакою, то пребываетъ такожде вода; прибытка не пріемлетъ. Воздуха аще наймеши мѣхъ, мѣра пребываетъ, и отъ иного мѣха отъ того наполнити не можеши. А огнь не пребываетъ, яко же сый: мала свѣща возжется и тму свѣщъ отъ нея возжеши. Многая пещь вся пламенемъ многимъ горящая въ своемъ устіи, но елико же аще пріемлетъ дрова, то умножится огнь. Ельма же прежде вѣдяше Богъ, яко отъ единаго тѣлесе человѣческа исполнится вселенныя край и едина свѣща толико возжетъ свѣщъ, и запады, и востоки, и полудние и полунощіе, положи имя достойно дѣла того. Сего ради имя то Адамово званіе бяше вселеннѣй, понеже хотяху ся и четыре страны отъ него исполнитися, положи *Азъ* востокъ, *Добро* западъ, *Азъ* полунощіе, Мыслете *полуднина*. Се же по еллинску языку ся ключаетъ тако имя Адамъ. И имя и дѣлеса свидѣтельствуютъ человѣку ему же исполнити бяше вселенную. Зоветъ же ся убо еврейскимъ

[1]) Такое воззрѣніе на составленіе имени Адама (*Ἀδάμ*) встрѣчается въ греческихъ христіанскихъ сказаніяхъ. Тоже находимъ и въ славянскомъ апокрифѣ: „Вопросы отъ сколькихъ частей созданъ былъ Адамъ“. На вопросъ: „Кто обрѣте имени его (Адама)?“ здѣсь помѣщенъ такой отвѣтъ: „Д ангели. Архангелъ Михаилъ изыде на востокъ и видѣ звѣзду, име ей *Анатоли*, и уземъ слово отъ нее *Азъ* и принесе предъ Господа. Архангелъ Гавриилъ изыде на западъ и видѣ звѣзду, име ей *Дисисъ*, и уземь слово отъ нее *Добро*, и принесе предъ Господа. Рафаилъ изыдѣ отъ полудне (должно быть отъ полунощія) и видѣ звѣзду, име ей *Арктосъ*, и въземь слово отъ нее *Азъ* и принесе предъ Господа. Оуриль изыде на полунощь (должно быть: на полудне) и видѣ звѣзду, име ей *Мсеврія*. И уземь слово отъ нее *Мыслете* и принесе предъ Господа. И рече Господь: чти Оуриле, и рече Оуриль: Адамъ“. См. Памятники Отреч. Рус. Литер. Т. II, стр. 441.

гласомъ человѣкъ огнь"[1]). Случается, что при объясненіяхъ именъ указывается на положеніе лица, время его жизни, описывается внѣшній видъ его. Такъ при объясненіи имени Авдій — рабъ Господень, прибавляется: „строитель дому царя Ахава, иже сто пророкъ кры и пита хлѣбомъ и водою. 3 цар. 18 гл. 3 ст. Пророкъ тоже Авдій (гл. 1. Нояб. 19). Съ подлинника: сѣдъ, брада не велика, круглы, власы растрепалися, риза вохра, исподъ прозелень, въ руцѣ свитокъ"[2]):

На ряду съ объясненіями словъ, вошедшихъ въ русскую книжную рѣчь, въ азбуковникахъ весьма часто встрѣчаются и такія, которыя можно назвать роскошью нашихъ алфавитовъ и которыя едва ли встрѣчаются въ какихъ-либо литературныхъ памятникахъ въ такомъ видѣ, какъ записаны они здѣсь. Они скорѣе только увеличиваютъ объемъ книги и нисколько не способствуютъ выполненію положенной составителями азбуковниковъ цѣли; мѣсто имъ скорѣе въ спеціальныхъ, относящихся къ извѣстному языку, словаряхъ. Мы имѣемъ въ виду по преимуществу многочисленныя слова и выраженія, взятыя съ греческаго языка, изъ коихъ составители азбуковниковъ хотѣли какъ будто составить самоучитель греческаго языка съ русскою транскрипціею словъ. Въ этомъ отношеніи изъ нашихъ азбуковниковъ особенно замѣчательны №№ 18 и 19, въ коихъ цѣлыя страницы заняты исключительно переводомъ греческихъ словъ и выраженій. Такъ въ нихъ встрѣчаются объясненія: *ескотосанъ* — убила, *ескотосенъ* — убилъ, *екинонъ* — тѣхъ, *епеѳане* — умерлъ, *миденъ аписисъ* — не пускай, *мафене ергонъ* — учися дѣлу, *миденъ ергасу* — не дѣлай, *миденъ ергасисъ* — не дѣлаешь, *магиреви (μαγειρεύειν)* — варити, *магиревсе* — свари, *магирево* — варю, *мерисе* — раздѣли, *икуса еси мананъ* — слышалъ звонили. Встрѣчаются часто неправильности, доказывающія плохое знаніе составителями азбуковниковъ греческаго языка. Изъ многочисленныхъ ошибокъ укажемъ на нѣкоторыя: *агапая* — любитъ, *исхоламанисъ* — гнѣвается, *астенія* — болитъ.

[1]) Алфавитъ № 18 л. 18. Все это толкованіе цѣликомъ выписано изъ 6-го слова Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго. См. Шестодневъ Іоанна экзарха болгар., рукопись Солов. Библ. № 321 л. 124—125. Іоаннъ, экзархъ болгарскій, указанное мѣсто въ свою очередь взялъ изъ Шестоднева Северіана Гавальскаго. См. у Migne, Patrol. curs. compl. Tom. LVI Ser. graeca. Severiani De mundi creatione Orat. V. pag. 473—474.

[2]) Алфавитъ № 18. л. 81

василисъ — царь (*βασίλειος* значитъ царскій, принадлежащій царю), *василюсъ* — воцарюся, *китонс* — (изуродованный греческій глаголъ *κεῖμαι*), *стаксимате кинонъ* — говорилъ самъ съ нимъ. Это послѣднее выраженіе крайне изуродовано, такъ что не выходитъ никакого смысла. Алфавитъ № 18 предлагаетъ въ приложеніи предъ словотолкованіемъ греческую азбуку. Азбука написана большими и малыми буквами съ обозначеніемъ подъ каждой изъ нихъ ея названія. За азбукою слѣдуютъ склады и склоненіе нѣкоторыхъ греческихъ словъ. Въ томъ же азбуковникѣ, какъ мы видѣли изъ описанія, помѣщены, кромѣ того, многія молитвы на греческомъ языкѣ съ славянскимъ подстрочнымъ переводомъ. Въ концѣ каждаго азбуковника Солов. библ. счетъ по гречески и названіе дней въ недѣлѣ.

При объясненіи значенія словъ приводятся часто соотвѣтствующіе термины и слова другихъ языковъ, какъ напр. „Божественное нареченіе: еврейски илъ, гречески о θеосъ, араньски алла, арменски арьстка, пермьски ень, татарски тенгри, по русски Богъ"[1]. — „Перецъ греческимъ языкомъ пеперъ, латинскимъ языкомъ пиперъ, арапскимъ фулфелъ, или фулоулъ (филь-филь), нѣмцы пеθелъ, гишпанские пимиеста, французские повере"[2]. — „Аспра гречески, а турки называютъ агча, а татарове ахча"[3] и т. д.

Вмѣстѣ съ иностранными словами въ нашихъ азбуковникахъ предлагаются объясненія и русскихъ, какъ напр.: безсловесно, величество, качество, молитва, моленіе, чарованіе, лицемѣріе и др. Въ объясненіяхъ этихъ предлагается иногда различный смыслъ, какой соединяется съ извѣстнымъ словомъ. Славянскія формы почти всегда объясняются русскими и даже народными формами, указывая при этомъ, что первыя употребляются вмѣсто послѣднихъ, напр. апрето вм. того ради, аще — если, аки — якобы, абіе — уже, заразъ, скоро, велій — великій, высокій, знаменитый, даже — нѣжли, ажъ, елма — поелику, еда — аль, или егда — когда, егда — гдѣ, коли, аще — еще же и проч.

Грамматика. При общей характеристикѣ алфавитовъ мы замѣтили, что внесеніе грамматическихъ правилъ вызвано

[1]) Алфавитъ № 19 л. 34.

[2]) Алфавитъ № 18 л. 352.

[3]) Ibid. л. 54.

было потребностію устранить тѣ грубыя грамматическія погрѣшности, какія на каждомъ шагу можно было встрѣтить въ литературныхъ памятникахъ, переписанныхъ невѣждами писцами. Впрочемъ алфавиты касались не всѣхъ правилъ существовавшихъ тогда грамматикъ Дамаскина о осьми частяхъ рѣчи въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго, и Лаврентія Зизанія, а только тѣхъ ея правилъ, нарушенія коихъ чаще всего встрѣчались въ рукописныхъ памятникахъ. Такъ какъ переписчики особенно погрѣшали противъ орѳографіи, то на эту часть грамматики и обращено особенное вниманіе азбуковниковъ. Оттого въ азбуковникахъ, на ряду съ другими грамматическими правилами, особенно много встрѣчается правилъ, касающихся орѳографіи. Грамматичество, по словамъ Азбуковника, состоитъ въ томъ „еже разумѣти, како и коими словьми азбучными, каяждо рѣчь писати и кая сила (удареніе) надъ каеюждо рѣчію поставляти, и како каяждо рѣчь глаголати, и еже разумѣти добрѣ, и потонку, еже коими письмены азбучными рѣчи множественныя и единственныя писати и како глаголати, и еже кая письмена въ мужескихъ реченияхъ прилична, кая же ли въ женскихъ, и еже разумѣти, наколико потребъ азбучная письмена раздѣляются и еже колико отъ нихъ согласныхъ письменъ, и колико отъ нихъ двогласныхъ, и паки разумѣніе кая суть во азбуцѣ нарицаются краткія слоги и кая ли долгія слоги, и еже которое просодіе пріемлютъ долгій слогъ, кое же ли краткій. И паки грамматичество есть, еже разумѣти орѳографіе, и просодіе, и соединительная, и раздѣлительная, воображенія и полаганія ихъ“[1]). Въ этомъ опредѣленіи высказано все содержаніе существовавшихъ грамматикъ Дамаскина, Лавр. Зизанія и „Алфавита, како рѣчь которая говорити или писати“[2]), принадлежащаго неизвѣстному составителю, жившему въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Самое изложеніе грамматическихъ правилъ имѣетъ то форму катихизическую съ вопросами и отвѣтами, то акроаматическую. Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности сокращенной грамматики, помѣщенной въ словотолкованіи алфавита № 18. Послѣ представленной на вопросъ: что такое грамматичество,

[1]) Алфавитъ № 18 л. 131.

[2]) Алфавитъ этотъ напечатанъ у Калайдовича въ его Іоаннѣ, экзархѣ болгарскомъ стр. 198—203.

схемы грамматики, азбуковникъ начинаетъ изложеніе самой грамматики съ начертанія и количества буквъ, раздѣленія буквъ на гласныя, согласныя, на гласныя долгія и гласныя короткія, и опредѣленія слога. Это, можно сказать, предисловіе къ самому изложенію грамматическихъ правилъ заканчивается рѣшеніемъ вопроса съ философскимъ характеромъ: „Что ради ова суть письмена согласна, ова же гласна?“ —„Согласная имена говорятся въ отвѣтѣ, яко же плоть есть, немощно ими рещи что безъ прикладу къ нимъ письмене гласнаго, яко же се: стоятъ два согласныхъ гл, или будетъ согласныхъ четыре, яко же пршт, и безъ гласнаго они рещися не могутъ, но стоятъ якоже безъ души. Егда же ко глаголю и людямъ писмя гласное приложиши кое хощеши, тогда уже возможно рещи ихъ“[1]) Далѣе слѣдуетъ самое изложеніе указанныхъ въ опредѣленіи грамматики частей: орѳографіи, просодіи, синтаксиса. Не пускаясь въ мелкія подробности грамматическихъ правилъ, представимъ только опредѣленія указанныхъ частей грамматики „Что есть орѳографія? Орѳографія есть, еже разумѣти всякую рѣчь писати право, еже бы не поставити остраго она, вмѣсто трое рогаго въ сицевыхъ: богомъ, сноmъ, но да пишеши: бг҃омъ и сн҃омъ, и не да поставиши ферта вмѣсто ѳиты въ сицевыхъ: Федоръ, Феофанъ, но да пишеши сице: Ѳеодоръ, Ѳеофанъ, Ѳеофилактъ, Ѳотѣй, Ѳома, Ѳока, Ѳоманда, Ѳотинія, Ѳеодора: во всѣхъ бо именехъ и рѣчехъ, фертъ подлежитъ долгому слогу, а ѳита краткому; и да не поставиши како вмѣсто ѯ въ сицевыхъ: Ксенофонтъ, Ксенія, Алексѣй, но да пишеши сице: Ѯенофонтъ, Ѯенія, Алеѯѣй; и да не пишеши различія мужеска женскимъ сице: мужъ, яже любитъ тя; и да не пишеши женска различія мужескимъ сице: жена, иже знаетъ тя, но пиши: жена, яже знаетъ тя; и да не пишеши средняго мѣстоименія мужескимъ или женскимъ реченіемъ сице: сребро, иже дахъ, но пиши: сребро, еже дахъ“[1]). Опредѣленіе второй части грамматики — просодіи слишкомъ кратко. „Просодія по гречески а по русски припѣло есть, ихъ же суть лицъ, яже нарицаются сице гречески и русски; оѯія, иже есть острая, варія, еже есть тяжкая“ и т. д. Послѣдняя часть грамматики, синтаксисъ „являетъ соединеніе рѣчи прилучившейся раздѣлене быти на полы, егда

[1]) Алфавитъ № 18 л. 131 об.
[1]) Ibid. л. 132.

случится полуречи на стронѣ яко же се въ человѣческое и якоже се: долготерпѣливое: тако соединяетъ и совокупляетъ синтаксисъ. Но убо славяне не имутъ обычая полагати синтаксиса ни въ письменныхъ книгахъ, ни въ печатныхъ, но оставляютъ его, яко излишное мудрованіе, якоже и діотоніи"[1]). Грамматика заканчивается обращеніемъ: „Се, возлюбленнe братіе, весь грамматическій разумъ объявленъ есть. Грамматика бо собою мала есть, точію распространяется сказанiемъ о осми частехъ слова, ихъ же здѣ объявимъ въ графахъ скорѣйшаго ради обрѣтенія и удобнаго ради разумѣнія"[2]). На слѣдующихъ листахъ дѣйствительно слѣдуютъ три таблицы: одна для осьми частей рѣчи, другая для трехъ именъ и третья для склоненія. Кромѣ этихъ специальныхъ отдѣловъ, сплоченныхъ въ одно, въ разныхъ мѣстахъ алфавитовъ встрѣчаются отдѣльныя объясненія грамматическихъ терминовъ, формъ, склоненій, спряженій. Нѣкоторыя объясненія имѣютъ оригинальныя и замѣчательныя стороны. Такъ, числа глаголовъ объясняются иногда не названіемъ ихъ единственнымъ, множественнымъ, двойственнымъ, но указаніемъ на соотвѣтствующія имъ имена числительныя, какъ напр. „быхъ — единъ, быховѣ — два бѣ, быхомъ — мнози мы, вѣ есвѣ — мы два есме". Времена глаголовъ характеризуются по ихъ внутреннему значенію и употребленію въ различныхъ выраженіяхъ, какъ это можно видѣть изъ разсмотрѣнныхъ формъ бѣхъ и быхъ. „Ино же есть бѣхъ, говорится въ алфавитѣ, и ино быхъ. По изгнаніи изъ рая рекъ себѣ Адамъ: увы мнѣ, что бѣхъ и что быхъ: бѣхъ бо царь всѣмъ сущимъ на земли и быхъ рабъ грѣху, — бѣхъ прежде и быхъ послѣ".

Карповъ.

Философія въ азбуковникахъ.

Что касается исторіи философіи, то и въ этомъ отношеніи азбуковники предлагали слишкомъ ограниченныя свѣдѣнія для грамотныхъ людей XVII вѣка. Это обстоятельство можетъ при-

---

[1]) Ibid. л. 132 об.

[2]) Ibid. л. 133.

водить насъ къ тому заключенію, что наши предки, читая большею частію одни богословскія сочиненія греческой литературы, увлекаясь православно-религіознымъ направленіемъ последнихъ, избѣгали сочиненій содержанія философскаго, которыя не согласовались во многомъ съ текстами св. Писанія и вообще съ направленіемъ религіознымъ, съ точки зрѣнія котораго смотрѣли въ то время на всѣ литературныя произведенія. Начало такому взгляду на философію положилъ еще Іоаннъ, экзархъ болгарскій, въ своемъ Шестодневѣ. Объясняя слова книги Бытія о сотвореніи міра, Іоаннъ возстаетъ противъ несогласныхъ съ богословскимъ ученіемъ мнѣній Парменида, Демокрита, Діогена, Аристотеля, философскія разсужденія котораго онъ уподобляетъ морскимъ пѣнамъ. Судя по тѣмъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ о греческихъ философахъ, которыя находятся въ азбуковникахъ, можно сказать, что составители ихъ знали философовъ только по именамъ. Въ Син. азб. упоминается о трехъ философахъ: Эпикурѣ, Гераклитѣ, Пиѳагорѣ и, кромѣ того, о стоикахъ; въ азб. Унд. № 975 упоминается объ Аристотелѣ; въ азб. принадлежащемъ пр. Тихонравову, кромѣ того, о Платонѣ. Свѣдѣнія, предлагаемыя азбуковниками объ этихъ философахъ, такъ кратки, что не могли давать опредѣленнаго понятія о ихъ дѣятельности. Говоря напр. о Пиѳагорѣ и Гераклитѣ, азбуковники ограничиваются слѣдующими словами: „Пиѳагоръ бѣ философъ еллинскій въ древнихъ родѣхъ въ лѣта 5307; Праклитъ, еллинскій философъ въ Еллинѣхъ бѣ въ лѣто 5307“. Тѣ же самыя слова приводятся при имени Аристотеля, съ присовокупленіемъ, что онъ былъ учителемъ Александра Македонскаго, а о Платонѣ говорится только, что онъ жилъ за 1400 л. до Р. Х. Хронологическія данныя въ этихъ свѣдѣніяхъ показываются весьма ошибочно и время жизни почти всѣхъ философовъ относится къ одному 5307 году. Подобную же скудость свѣдѣній мы видимъ и въ остальныхъ статьяхъ: „Эпикуръ бѣ нѣкто философъ еллинскій, иже честенъ бѣ въ нихъ, того ради и исходящіи отъ училища его нарицахуся эпикуры философы“. Въ статьѣ *стоики* — философы: „во Аѳинѣхъ баше комыра, рекше притворъ, наричема стоя, иже и никлія нарицашеся, училище было философское и пресловуто, и вси, иже въ томъ училищѣ философіи научившіеся, стоики философы именовахуся“. (Син. азб. л. 131 об.). До чего смутны и неопредѣленны были у составителей азбуковниковъ свѣдѣнія

по исторіи философіи, можно видѣть изъ того, что къ философамъ причислялись какъ ораторы: Демосѳенъ, Исократъ, такъ и поэты: Еврипидъ, Виргилій, которые называются *философами въ Еллинѣхъ*.

Баталинъ.

Свѣдѣнія, предлагаемыя алфавитами по философіи, очень кратки и рѣдки. Они касаются опредѣленія самаго наименованія философіи, объясненія нѣкоторыхъ философскихъ понятій. Изъ философскихъ понятій въ азбуковникахъ объясняются: существо, естество, свойство, качество. На вопросъ: „что есть существо?“ дается отвѣтъ: „вещь самодѣятельная, никого же иного требуя на свое составленіе“. „Естество, якоже по истинѣ глаголется, еже есть отъ него же естествованіе приемлютъ составы, спрѣчь составленія и сотворенія, и сотвореніе твари всея, естество и существо и образъ тоже есть[1])“. „Свойство, еже кто имать особно[2])“. „Качество — естество каково. Аще бо речеши: видѣхъ человѣка, и вопрошу тя о качествѣ его, еже какова человѣка видѣлъ, стара ли, или млада, бѣла ли, или черна, то есть качество[3])“. Съ этимъ опредѣленіемъ и объясненіемъ, посредствомъ примѣра, слова „качество“ имѣетъ самую близкую связь „имѣтво“, какъ „качество прибывательно, еже каковъ кто имать разумъ, и каковъ имать возрастъ, и образъ лица, или каковъ имать гласъ, — то суть качество[4])“. Кромѣ этихъ опредѣленій понятій, въ азбуковникахъ встрѣчается толкованіе прилагательнаго „истъ“. „Истое — праведное или сущее[5])“. Такимъ образомъ понятие истиннаго и сущаго сближены между собою и понятіе истины требовало бытія и бытіе — истины. Всѣ эти свѣдѣнія ведутъ свое начало отъ діалектики Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго, и изборниковъ Святослава. Въ нихъ они прежде всего появились на славянскомъ языкѣ и чрезъ нихъ распространены были въ другихъ литературныхъ памятникахъ древняго періода. Отвлеченные философскіе термины, будучи чуж-

---

[1]) Ibid.

[2]) Алфавитъ № 18 л. 411.

[3]) Ibid. л. 247.

[4]) Ibid. л. 236.

[5]) Ibid. л. 234, об. Алфавитъ иностр. рѣчей № 19 л. 79 об.

дыми разговорному языку, объяснялись въ словаряхъ и оттуда перешли въ азбуковники въ распространенной формѣ. Всѣ представленныя нами объясненія словъ: качество, естество и проч. заимствованы изъ Новгородскаго словаря 1431 г. Объясненіе понятія *„существо“* почти буквально совпадаетъ съ объясненіемъ его въ статьѣ Ѳеодора Раиѳскаго *о различіи существа и естества*, вошедшій въ изборникъ Святослава. Свѣдѣнія по исторіи философіи въ алфавитахъ чрезвычайно скудны. Они касаются только именъ греческихъ философовъ и времени ихъ дѣятельности. Говоря о томъ или другомъ философѣ, азбуковники ограничиваются слѣдующими словами: „*Анаксаноръ* учитель бѣ во елинѣхъ нѣкій тако именуемъ; *Димокритъ* — бѣ во елинѣхъ древле философъ нѣкій Димокротъ именуемь: *Ираклитъ* (Гераклитъ) философъ еллинскій бѣ въ лѣта 5307; *Пиѳагоръ* еллинскій мудрецъ въ лѣта 5307; *Аркезилай* имя философа: *Ипократъ* еллинскій философъ бѣ въ лѣто 5307“. Объ *Аристотелѣ* сказано, что онъ былъ учителемъ Александра Македонскаго, а о Платонѣ говорится только, что онъ жилъ за 1400 лѣтъ до Р. Х. Хронологическія данныя, какъ видѣли, за исключеніемъ указанія о Платонѣ, о жизни философовъ относятся вездѣ къ 5307 году и въ этомъ отношеніи слишкомъ ошибочны. Статьи объ *Эпикурѣ* и *стоикахъ* нѣсколько пространнѣе, тѣмъ не менѣе все-таки даютъ слишкомъ мало свѣдѣній. „Епикуръ, говорится въ азбуковникахъ, бѣ философъ еллинскій вельми честенъ, и того ради исходящеи ученицы отъ училища его нарицахуся епикуры философы: *стоики* философы: во аѳинѣхъ комара, рекше притворъ, именуема стоя, иже и пикилія нарицашеся, и та бѣяше училище философіи преловуто и вси учащеися въ немъ нарицахуся стоики философы[1])“. Къ этимъ свѣдѣніямъ о греческихъ философахъ древняго періода присоединяются свѣдѣнія о *Папасіѣ* и *Зонарѣ*. О первомъ изъ нихъ говорится: „13 лѣта Іоакима архіерея іюдейска, сына Ісусова, бысть во еллинѣхъ философъ Папасій, гречески же Пуѳа, иже кругъ небесный изобрѣте во образъ 12 животныхъ, еже есть зодѣй. По нимъ же сказоваше комуждо хотящая быти, себѣ же не разумѣ хотящая быти, но въ корабли пловый

[1]) Всѣ свѣдѣнія взяты изъ алфавита № 18. Объ Анаксагорѣ см. 51 л., Демокритѣ — 161 л., Гераклитѣ — 222 л., Пиѳагорѣ — 359 л., Аркезилаѣ — 59 л., Ипократѣ — 237 л., Аристотелѣ — 67 л., Платонѣ — 345 л., Епикурѣ — 193 л., Стоикахъ — 409 л.

утопе[1])". О Зонарѣ говорится: „Зонара же бѣ въ Царьградѣ философъ славный, иже истолковалъ стихъ апл҃ъ и стихъ оц҃ъ правила [2])". До чего смутны и неопредѣленны были у составителей азбуковниковъ свѣдѣнія по исторіи философіи, можно видѣть изъ того, что къ философамъ причислялись, какъ ораторы Демосѳенъ, Исократъ, такъ и поэты: Виргилій, Еврипидъ, Овидій. Впрочемъ нельзя строго относиться къ этимъ свѣдѣніямъ и понимать слово философъ въ томъ смыслѣ, какой можетъ быть приложенъ къ Демокриту, Анаксагору, Платону, Аристотелю и др. Наши предки не находили строгаго различія между философомъ, риторомъ, ораторомъ, потому что какъ тѣ, такъ и другіе отличались отъ обыкновенныхъ смертныхъ людей своими занятіями. На это какъ нельзя лучше указываетъ слѣдующее мѣсто азбуковника: „Вѣтій — риторъ, мудрецъ, философъ, рѣчеточецъ, прокураторъ, рѣчникъ, хитрословецъ".

Но если предки наши видѣли изъ Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго, какъ ошибочны мнѣнія философовъ о строѣ вселенной, то изъ другого сочиненія, Діалектики Іоанна Дамаскина, они узнавали, что „философія есть любомудріе, Божіе дѣло есть и мысль непрестанная къ Богу, что она есть разумъ сущихъ, разумъ божественныхъ и человѣческихъ вещей; видимыхъ и невидимыхъ, поученіе смерти, уподобленіе Богу, хитрость хитростемъ и художество художествомъ...; она есть любленіе премудрости, премудрость же духовная истинная Богъ есть и убо любовь яже къ Богу, сія есть истинная философія[3])". Читая это, наши предки, конечно, не могли оставлять безъ вниманія философскихъ сочиненій. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только взглянуть въ „Палею", „Пчелу" и другіе сборники[4]), листы коихъ испещрены выписками и именами древнихъ философовъ, наряду съ выписками изъ книгъ священнаго Писанія и твореній отеческихъ.

Карповъ.

---

[1]) Ibid. 217 л. Мѣсто это буквально взято изъ хронографа. См. Хронографъ, рук. Солов. библ. № 1510, гл. 95 л. 209 об. — 210.

[2]) Ibid. 217 л.

[3]) См. Migne Patrolog. curs. complet. Tom. XCIV. S. Ioannis Damasceni Dialectica Cap. III, pag. 533.

[4]) См. Сборникъ № 869, рук. Соловец. библ. л. 92—146.

Библіографія въ азбуковникахъ.

Переходя къ библіографической части азбуковниковъ, замѣтимъ, что основу свою она получила еще въ краткихъ редакціяхъ. У Вассіана есть, хотя и краткое, указаніе на Дамаскиново сочиненіе о философіи, которое у него называется *хукуманоралогой*. Библіографическая часть позднѣйшихъ азбуковниковъ ограничивается также краткими объясненіями названій нѣкоторыхъ литературныхъ памятниковъ преимущественно византійскаго происхожденія. Эти объясненія могли давать только весьма поверхностное знакомство съ тѣмъ или другимъ памятникомъ. Вѣроятно, составители азбуковниковъ потому считали лишнимъ о нихъ распространяться, что упоминаемые ими памятники были общеизвѣстны, да и сами они въ своихъ трудахъ не разъ дѣлали изъ нихъ довольно обширныя выдержки, по которымъ можно было судить о характерѣ памятника. Подобными объясненіями болѣе всѣхъ другихъ богатъ списокъ, принадлежащій пр. Тихонравову. Въ немъ находятся слѣдующія, сюда относящіяся, статьи: *Бисеріе Златоустаго* (Маргаритъ, книга тако нарицается). *Златоструя* (книга Златоустаго, нарицаема Златоструй), *Исхилатъ* (книжка есть баснословная), *Криница* (книга, повѣдающая бывшая дѣянія въ первыхъ временехъ), *Космографія* (книжка нова, отъ латинскаго языка на русскій преложена, содержитъ же въ себѣ повѣсти, подобны кроникамъ, толкуется же космографія міра описаніе), *Кроники* (хроника) (книги, повѣдающія о державахъ разныхъ царствъ и людѣхъ и о правѣхъ и о промыслахъ и о птицахъ и о звѣрехъ и о прочихъ вещехъ), *Лавсаикъ* (патерикъ египетскій), *Маргаритъ* (жемчугъ, есть же и книга Златоустаго, нарицаема Маргаритъ, еже есть Бисеріе Златоустаго), *Метафрастъ* (книга торжественныхъ святыхъ, содержащая житія). *Пандекта* (преп. Никонъ, отъ всѣхъ книгъ примая помалу состави книгу и нарече ее Пандекта, сирѣчь всѣхъ пріятныя), *Паренесисъ* (нарицается книга Ефрема Сирина, понеже она содержитъ въ себѣ слова учительна и молебна и приточна, якоже и пареміи), *Полія* (Палея) — бытія книга, *Синоксарь* (собраніе вещей повѣдательныхъ; Грецы же святцы синоксаремъ нарицаютъ), *Тактіонъ* (книга Никонскихъ правилъ). Въ азбуковникѣ по

сп. г. Барсова упоминаются еще слѣдующіе древніе памятники: *Кормчая* (книга правилъ святыхъ седми соборъ вселенскихъ). *Лимонарь* (цвѣтникъ духовный, еже есть патерикъ Синайской). *Діоптра* (зерцало — книга; описуемо письмены осьмію имя составльшаго ея, въ число же слагаеми содержитъ счетомъ цп (980), пишемыми сими письмены: *філіппос*). Въ Синодальномъ азбуковникѣ кромѣ того находится слѣдующее добавленіе къ этой статьѣ: „сію книгу Діоптру написалъ старецъ Филиппъ Философъ во градѣ Смоленскѣ въ лѣта 6603 (1095)", — сдѣланное, вѣроятно, на основаніи указанія, встрѣчающагося въ переводѣ этого памятника (Описаніе рук. Синод. Библ. № 170, стр. 455—456).

Составителямъ азбуковниковъ были весьма хорошо извѣстны и отреченныя книги нашей литературы. При объясненіи, что должно разумѣть подъ *маѳиматійскими* книгами („маѳиматійскія книги, ихже суть четыре: ариѳматикій, мусикій, геометрій, астрономій, — черныя книги, отреченныя. Рук. Ундольскаго № 975, л. 125), нѣкоторые составители ссылаются на указатель отреченныхъ книгъ. Въ другомъ мѣстѣ, въ *предисловіи именъ человѣческихъ*, составители азбуковниковъ считаютъ нужнымъ предупредить читателей, чтобы они не читали отреченныхъ книгъ. „такожде въ семъ алфавитѣ объявихомъ имена и отреченныхъ книгъ, да не како отъ неразумія кто прочитая ихъ, или вѣруяй имъ, прогнѣвлетъ Господа Бога, зѣло бо мерзостенъ предъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхованію и чародѣйству и звѣздочетцамъ и планитникамъ и шестокрылу, и любяй гіометрію и прочая таковая". Указатель ложныхъ книгъ намъ случилось встрѣтить въ одномъ только спискѣ азбуковника (Унд. № 974), въ которомъ онъ помѣщенъ подъ конецъ въ видѣ особой статьи. Въ статьѣ *мусикія* находимъ такое объясненіе: „*мусикія*, въ ней же пишутъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, и яже латины припѣваютъ въ мусикійскихъ органъ согласію, сирѣчь къ гудебнымъ сосудъ звряцію и играмъ; но вся сія четыре книги предреченныя прокляти суть святыми отцы и отречены, не звѣзднымъ бо движеніемъ, рекше, не планитами, ни зодѣями правится житіе человѣческое на земли, ниже счастнымъ полемъ, но промысломъ Вседержителя Бога" (л. 98 об. рук. Син. Библ.) Азбуковникъ по сп. пр. Тихонравова, заимствуя свое объясненіе у Максима Грека, излагаетъ его въ такой формѣ:

„муспкія — счастваго колеса блядославная книга, еже латины нарицаютъ фавту и фортуну" (л. 219). Азбуковники иногда сами пользовались апокрифами. такъ, напр., въ нѣкоторыхъ изъ нихъ упоминается объ островѣ Афулисѣ. „въ немже Адамъ вселися первѣе по изгнаніи изъ рая".

Къ статьямъ, относящимся къ классической литературѣ, можно отнести краткія свѣдѣнія, сообщаемыя азбуковниками о греческихъ и римскихъ писателяхъ и поэтахъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ находятся правильныя указанія на дѣятельность того или другого лица, въ нѣкоторыхъ же они большею частію причисляются къ философамъ. Изъ поэтовъ упоминаются: Гомеръ (еллинскій мудрецъ, по объясненію азбуковниковъ), Аристофанъ (пѣснотворецъ еллинскій), Эврипидъ (въ одномъ спискѣ философъ, въ другомъ — творецъ баснемъ еллинскимъ) и Виргилій (философъ во Еллинѣхъ).

Баталинъ.

Географія, этнографія, исторія, миѳологія и статьи по древне-христіанскому искусству въ азбуковникахъ.

Географическія свѣдѣнія занимаютъ довольно значительное мѣсто въ азбуковникахъ. Статьи, сюда относящіяся, имѣютъ своимъ предметомъ преимущественно описанія тѣхъ странъ, мѣстностей, городовъ и проч., о которыхъ упоминается въ книгахъ св. Писанія. Вниманіе на географическія свѣдѣнія и, главнымъ образомъ, на объясненіе мѣстностей библейскихъ, было обращено еще въ XVI вѣкѣ въ нашихъ краткихъ азбуковникахъ: Вассіана и Син. Библ. №№ 421 и 717. Но послѣдніе предлагали только объясненія самыхъ названій, не присоединяя къ этому никакихъ реальныхъ объясненій. позднѣйшіе же азбуковники, имѣя своею задачею, кромѣ объясненія, и сообщеніе свѣдѣній, обращали главное вниманіе на объясненія реальныя.

Въ нашей древней литературѣ географическія свѣдѣнія ведутъ свое начало отъ XII вѣка. Іоаннъ, экзархъ болгарскій, переводомъ богословія Дамаскина впервые познакомилъ нашихъ предковъ съ нѣкоторыми географическими свѣдѣніями. Въ статьѣ *о водахъ* онъ изложилъ понятіе объ океанѣ и тѣхъ водныхъ системахъ, знаніе которыхъ необходимо было для

пониманія первыхъ главъ книги Бытія. Благочестивая ревность, съ какою въ древности предпринимались путешествія на Востокъ, имѣла своимъ слѣдствіемъ появленіе довольно обширныхъ описаній святыхъ мѣстъ, чрезъ которыя грамотные люди мало-по-малу знакомились географіей той или другой мѣстности. До насъ дошло описаніе путешествія Даніила Паломника, которое съ большими подробностями знакомило нашихъ предковъ съ тѣми мѣстами, „идѣже, по выраженію Даніила, Христосъ Богъ нашъ походи ногама своима“. Въ XIV вѣкѣ съ появленіемъ „*Странника*“ Стефана Новгородца начали распространяться свѣдѣнія о Царѣградѣ. Кромѣ того до насъ дошли описанія путешествій въ Италію, Индію, Китай которыя впервые дали знакомство съ этими странами. Географическими свѣдѣніями были богаты и другіе памятники нашей древней литературы: палеи, хроники и хронографы, начавшие появляться въ нашей литературѣ съ XV вѣка и содержавшие въ себѣ, кромѣ историческихъ свѣдѣній, географическія описанія различныхъ мѣстностей. Особенно важное значеніе относительно распространенія географическихъ свѣдѣній имѣли хронографы. Кромѣ вліянія византійскаго, которое испытали на себѣ эти замѣчательные памятники нашей древней письменности, въ XVII в. хронографы начинают испытывать вліяніе западной, латино-польской литературы. Въ 1550 году въ первый разъ вышло замѣчательное сочиненіе по географіи и этнографіи — *Всемірная хроника* Мартина Бѣльскаго, извѣстная болѣе подъ именемъ *Космографіи*. Это сочиненіе въ самое короткое время выдержало нѣсколько изданій и сдѣлалось извѣстнымъ у насъ на Руси. О степени того интереса, какой возбуждала эта космографія въ грамотникахъ XVI в., можно судить потому, что въ 1584 году она уже была переведена на русскій языкъ. Хроникою Бѣльскаго, какъ однимъ изъ главныхъ источниковъ, пользовались также и составители нашихъ хронографовъ. Послѣ Всемірной хроники Бѣльскаго первое мѣсто принадлежитъ сочиненіямъ Конрада Ликостена и Герарда Меркатора. Изданное первымъ въ 1557 году сочиненіе Prodigiorum Chronicon было у насъ переведено въ 1599 году и вошло въ составъ какъ хронографовъ, такъ и сборниковъ (Опис. рук. Царскаго № 459). Сочиненіе Герарда Меркатора (1512—1594), переводъ котораго относился къ 1630 году, также имѣло вліяніе на наши письменные памятники XVII в. и по-

служило однимъ изъ источниковъ для позднѣйшихъ редакцій хронографовъ. Изъ другихъ космографій, которыя могли служить источниками географическихъ свѣдѣній, извѣстны: космографія, краткое описание которой составилъ намъ Сильвестръ Медвѣдевъ, и переводъ космографіи, составленной изъ различныхъ сочиненій, преимущественно же сочиненій Герарда Меркатора (Попова, Обз. хрон. I, 217—219); обѣ они вошли въ хронографы XVII вѣка.

Переходя къ азбуковникамъ, мы обратимъ сперва вниманіе на свѣдѣнія, заимствованныя изъ болѣе древнихъ источниковъ. Мы уже сказали, что составители азбуковниковъ преимущественно обращали вниманіе на описание мѣстностей библейскихъ. Главнымъ источникомъ въ этомъ отношеніи служили для составителей священныя книги, на которыя они большею частію и ссылаются. Рядомъ съ Библіей они пользовались и тѣми описаніями путешествій, которыя уже были составлены въ то время и списки которыхъ расходились въ средѣ грамотныхъ людей. Въ доказательство этого можно указать на нѣкоторыя объясненія, очевидно заимствованныя составителями азбуковниковъ изъ подобныхъ описаній. Такъ, описание Сіона взято изъ *Хожденія* Даніила Паломника: „Сіонъ (говорится въ азбуковникахъ) есть гора внутрь стараго града Іерусалима на полуденную страну, а и внѣшняго града Іерусалима за стѣною: около бо стараго града Іерусалима 6 верстъ. На той горѣ стоитъ церковь великая святый Сіонъ. На сей горѣ Сіонѣ домъ бѣ Зеведеовъ, отца Іоанна Богослова, въ немже по Христовѣ распятіи жила Св. Богородица" (Рум. муз. № 1, л. 107 об.). Въ *Хожденіи* Даніила о Сіонѣ говорится: „Сіонъ гора есть высока и велика на югъ отъ Іерусалима... На той горѣ Сіонстѣ прежъ былъ Іерусалимъ ветхій... Нынѣ же гора Сіонъ внѣ стѣны градныя, на югъ лицъ отъ Іерусалима. Ту бысть домъ св. Ивана Богослова. На той горѣ Сіонстѣй и на томъ мѣстѣ создана была церковь велика... На другой же сторонѣ тоя церкви къ западу лицъ есть хоромина низка... и ту въ той хороминѣ преставилась св. Богородица" (Сахаровъ, т. II, 21). — Описаніе Дамаска заимствовано изъ путешествія Трифона Коробейникова: „Турки Шамою именуютъ Дамаскъ градъ. а дѣлаютъ въ немъ тафту Шамскую, а отстоитъ той градъ отъ Іерусалима сухимъ путемъ ходу мужа пѣшеходца 9 дней" (Азб. Син. библ. л. 154). Въ путешествіи Трифона опи

предлагается почти въ подобной же формѣ: „Дамаскъ турки называютъ Шама, а дѣлаютъ въ немъ тафту Шамскую; а отъ Дамаска пти до горы Өаворскія 6 дней ходу, а отъ Өаворскія горы идти до святаго града Іерусалима сухимъ путемъ 3 дни" (Сахаровъ II. кн. 8, 137). Одинъ изъ списковъ азбуковника (Рум. муз. № 2), помѣщая статью *о струѳокамилѣ и яйцѣ его,* почти буквально заимствуетъ ее изъ путешествія Трифона Коробейникова и даже упоминаетъ о немъ на поляхъ, какъ о своемъ источникѣ. Доказательствомъ вліянія Хожденій на азбуковники можетъ служить и тотъ поэтическій способъ опредѣленія пространства и разстоянія одного мѣста отъ другого, какой одинаково встрѣчается и въ Хожденіяхъ. Широта рѣки Іордана, по словамъ Син. азб., такова, „якобы человѣку дващи каменемъ вергнути" (л. 58); въ спискѣ азб., принадлежащемъ пр. Тихонравову, широта этой рѣки опредѣляется въ такой формѣ „ширина ея, якобы человѣку изъ лука стрѣлить единожды" (л. 172); въ азб. г. Барсова: „якобы человѣку изъ лука стрѣлити единова".

Сообщая свѣдѣнія о древнѣйшей географіи Палестины, составители азбуковниковъ пользовались также и тѣми сказаніями, которыя существовали объ этомъ предметѣ въ другихъ памятникахъ нашей древней литературы. Въ этомъ отношеніи замѣчательно сказаніе о райскихъ рѣкахъ. На основаніи извѣстнаго мѣста книги Бытія, гдѣ говорится объ одной большой рѣкѣ, выходящей изъ Эдема и напаяющей рай, давно уже составилось представленіе о 4-хъ главныхъ рѣкахъ, омывающихъ землю. Это представленіе перешло въ нашу литературу изъ Греціи. Въ богословіи Іоанна Дамаскина, писателя VIII вѣка, переведенномъ у насъ еще въ раннюю эпоху славянской письменности экзархомъ болгарскимъ, Іоанномъ, мѣсто библейской рѣки заступаетъ океанъ, окружающій всю землю: этотъ океанъ-рѣка раздѣляется на 4 главныя рѣки: Фисонъ, Геонъ, Тигръ и Евфратъ. „Есть убо океанъ, якоже и рѣка, обходя всю землю... Таже и въ четыріи рѣкы разидеться. Имя единой Фисонъ, еи есть Гангисъ Индичьская, и имя друзѣй Гуонъ, та есть Нилъ, яже отъ Еѳіопія въ Египьтъ приходитъ; имя третей Тигръ, имя 4-й Ефратъ". Затѣмъ въ такъ называемыхъ Паремейникахъ представленіе о 4-хъ райскихъ рѣкахъ удержалось въ полномъ видѣ. На нихъ основывался новгородскій архіепископъ Василій, когда въ посланіи своемъ къ епископу тверскому Өеодору предлагалъ послѣднему опи-

саніе земного рая. Обращаясь къ азбуковникамъ, мы видимъ, что представленіе объ одной большой рѣкѣ, вышедшей изъ рая, и 4-хъ меньшихъ удерживалось еще и въ XVII вѣкѣ, такъ какъ оно вполнѣ вошло въ азбуковники и повторяется во всѣхъ ихъ редакціяхъ. То обстоятельство, что азбуковники не указываютъ, откуда именно заимствуютъ они это представленіе, служитъ доказательствомъ его общеизвѣстности и распространенности При описаніи горы Голгоѳы мы встрѣчаемся съ другимъ представленіемъ, тоже довольно распространеннымъ въ нашей древней литературѣ, — о погребеніи на этой горѣ Адамовой главы: „Голгоѳа — лобное мѣсто, аба ради Адамля наречется, понеже гу погребена глава Адамля" (Син. азб. л. 43 об.).

Кромѣ библейскихъ мѣстностей, азбуковники предлагаютъ описанія и другихъ, сколько-нибудь замѣчательныхъ въ отношеніи историческомъ или географическомъ. Но такими описаніями богаты не всѣ списки азбуковниковъ: въ нѣкоторыхъ изъ нихъ они предлагаются въ несравненно меньшемъ числѣ, чѣмъ, напримѣръ, въ азбуковникѣ по сп. г. Барсова. Къ позднѣйшимъ источникамъ географическихъ свѣдѣній для азбуковниковъ относятся космографіи и хронографы. Такъ какъ космографіи въ довольно почтенныхъ размѣрахъ входили въ составъ нашихъ хронографовъ, а послѣдніе для составителей азбуковниковъ были доступнѣе, чѣмъ переводные списки космографій, то составители пользовались космографіями чрезъ посредство хронографовъ. Перечислять всѣ статьи, вошедшія изъ космографій и хронографовъ въ разсматриваемые нами памятники, было бы весьма трудно по ихъ многочисленности, а потому мы отмѣтимъ одни лишь обширныя статьи, вошедшія въ азбуковникъ г. Барсова. Таковы статьи объ Азіи и Африкѣ, заимствованныя изъ космографіи, вошедшей въ составъ хронографовъ подъ заглавіемъ: *Козмографія,* сирѣчь всемирное описаніе земль въ едино пребываніе и назнаменованіе степенемъ во округахъ небесныхъ (Изб. Попова, стр. 459); статьи о Венеціи, Индіи Восточной, Кипрѣ, Гельвеціи, Критѣ, Турскомъ царствѣ, Италіи, Персидскомъ царствѣ, Пруссіи и другія. Изъ хроники Мартина Бѣльскаго въ этотъ азбуковникъ вошла въ полномъ составѣ статья: „*о Вританіи или Англійской земли*", встрѣчаемая въ 25 главѣ хронографовъ, откуда она и была заимствована. (Нач. Салвеусову сыну, внуку Асканіеву, правнуку Энсонову, родился сынъ, именемъ Бритасъ) .. Изъ

космографіи Герарда Меркатора вошла въ азбуковникъ г. Барсова. чрезъ посредство также хронографовъ, статья *о указныхъ часѣхъ* (Обз. хрон. Попова, II; 192).

Кромѣ матеріала географическаго, хронографы и космографіи давали азбуковникамъ и этнографическій. Эти два отдѣла находятся въ тѣсной связи между собою, такъ какъ весьма часто случается, что при описаніи какой-либо мѣстности сообщаются свѣдѣнія о жителяхъ ея. Но хронографы, на ряду съ свѣдѣніями истинными, въ то же время были для азбуковниковъ источникомъ различныхъ баснословныхъ сказаній. Первоначальный источникъ этихъ сказаній — Александрія. Нашедши себѣ мѣсто въ одномъ изъ главныхъ источниковъ хронографовъ — хроникѣ Малалы, съ которою повѣсть эта, по предположенію изслѣдователей (Обз. хрон. I, 29), была соединена, Александрія перешла и въ ихъ славянскія редакціи. Въ азбуковники она вошла несомнѣнно черезъ хронографы, на что указываютъ какъ ссылки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ и самая форма изложенія, буквально сходная съ хронографами. Послѣдніе пользовались Александріею, какъ сказаніемъ, знакомящимъ съ одною изъ эпохъ древней исторіи, и помѣщали ее почти цѣликомъ; азбуковники же, имѣя въ виду иную цѣль, раздробляютъ ее на нѣсколько статей, смотря по тому, какое слово требуетъ объясненія. Такъ образовались совершенно отдѣльныя статьи: *Висаоія*, *Врахмани*, *Пробанъ* островъ и мн. др.

Другимъ источникомъ баснословныхъ этнографическихъ сказаній были западныя хроники. содержавшія въ себѣ не мало этнографическихъ статей. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе на азбуковники имѣла хроника Мартина Бѣльскаго, котораго, какъ однимъ изъ лучшихъ источниковъ новѣйшихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній, воспользовались въ началѣ XVII вѣка (1617 г.) хронографы. Первоначальные источники этихъ сказаній восходятъ ко временамъ древнѣйшимъ: они встрѣчаются у греческихъ и римскихъ поэтовъ (Гомера, Геродота, Виргилія), у древнихъ естествоиспытателей (Плинія), и потомъ, какъ было уже сказано, нашли себѣ мѣсто въ Александріи, появившейся первоначально на греческомъ языкѣ. Ими пользовались христіанскіе отцы Церкви, и въ особенности блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи: De civitate Dei. На Западѣ составлялись даже особые сборники съ статьями баснословнаго содержанія, и одинъ изъ нихъ, подъ заглавіемъ De mon-

stris et bellus дошелъ до насъ въ рукописи X вѣка. Подобныя сказанія встрѣчаются также въ западныхъ хроникахъ, а въ хроникѣ Бѣльскаго составляютъ особую главу подъ заглавіемъ: *О розстни людей дивныхъ* (по русск. переводу). Хронографы такъ называемой 2-й редакціи заимствовали изъ нея 14 статей, помѣщенныхъ въ XI главѣ *о размышени языкъ*. Что касается до азбуковниковъ, то трудно опредѣлить, какимъ путемъ вошли въ нихъ эти баснословныя сказанія, т.-е. чрезъ русскій переводъ хроники, или чрезъ хронографы. Одинъ изъ составителей азбуковниковъ въ такихъ словахъ выражаетъ свое личное мнѣніе о заимствованныхъ имъ статьяхъ, не указывая, впрочемъ, опредѣленно на источникъ: „аще истинно есть, или ложно, не вѣдѣ, но убо въ книгахъ сія обрѣтъ, понудихся и та здѣ написати". (Син. азб. л. 89 об.). Изъ 14 статей хроники Бѣльскаго, вошедшихъ въ хронографы азбуковниковъ, встрѣчаются слѣдующія 11-ть: Ганты (въ хронографахъ Катаины). Пилмеи, Андроги (въ хр. Андроиии), Астромове. Итавесіе (въ хр. Атавасии). Иподесы (въ хр Ноподеси). Исатыри (въ хр. Сатыре), Мантикоры. Моноккули (въ хр. Мономери), Чиритове (въ хр. Щиритове), Неуры (въ хр. Неурили). Кромѣ того заключаются статьи, не встрѣчаемыя въ хронографахъ: Охлати. Тигриси. Тѣлорози, Корнутіи.

Къ статьямъ не баснословнаго характера, источниками которыхъ служили тоже хронографы и космографіи, относятся слѣдующія: о скиѳахъ, германахъ, цыганахъ, козарахъ и нѣкотор. др.[1]).

Историческія и миѳологическія статьи азбуковниковъ раздѣляются на греческія и славянскія. Главнѣйшимъ источникомъ статей по греческой миѳологіи служили для азбуковниковъ сочиненія Григорія Богослова. Отсюда заимствованы объясненія: Алкамеовъ, Артемида, Делфія, Діонисъ, Димитра, Екати, Корувантя, Лаконьская брань, Оріонъ, Орфеовы требы, Пелопсъ и пр. Для исторіи и миѳологіи греческой не мало матеріала доставили хронографы: изъ нихъ вошли между прочимъ статьи: о Зевсѣ (Нач. Зевесъ есть звѣзда отъ 7 планитъ небесныхъ)... Кронѣ (Нач. Родишажеся отъ перваго сына Ноева человѣкъ гигантеска рода, именемъ Кронъ, ... всола-

[1]) Въ Син. азб. о цыганахъ говорится: „Цыганѣ — люди [illegible] вѣмецъ; сіи цыганы на всяко зло хитры" (л. 151).

заимствованная изъ первой редакціи Еллинскаго лѣтописца со вставкою изъ Григорія Богослова). Изъ другихъ статей, вошедшихъ тѣмъ же путемъ, замѣчательны: *о взятіи Царяграда отъ Латинъ* (заимств. изъ 193, 194 и 196 гл. хронографа. Поповъ. I. 190—197), *о Цари Кесари* (изъ 109 главы хронографа 1-й редакціи. Ibid. 127), *о Месремѣ* (изъ хрон. 1-й редакціи. Ibid. 104). Изъ хроники Мартина Бѣльскаго: 1) *о златомъ рунѣ волшебнаго овна*; 2) *о восхищеніи златого руна и о градѣ Мидіа*; обѣ статьи вошли въ азбуковники чрезъ хронографы (Обз. хрон. II, 100—101).

Къ статьямъ, касающимся исторіи славянъ, относятся: 1) краткая статья о болгарахъ (Нач. Михаилъ съ Вардою кесаремъ идоша Болгаръ воевати)..., заимствованная изъ хронографа, куда она вошла въ передѣлкѣ изъ Временника Амартола (Обз. хрон. I, 167); 2) статья *о словенскомъ языцѣ и о русскомъ* (Нач. Въ столпотвореніе, егда раздѣли Богъ человѣки на семьдесятъ на два языка... Кон. тѣмже и грамота прозвася Словеньская), принадлежащая Нестору и также заимствованная изъ хронографовъ (Ibid. I, 164), и 3) статья, заключающая въ себѣ историческое свидѣтельство объ основаніи Кіева тремя братьями, тоже изъ Нестора (Изб. Попова, 2).[1]).

Для знакомства со взглядомъ нашихъ азбуковниковъ на исторію характеристично встрѣчающееся въ нихъ объясненіе словъ *исторія и историкъ*. Нѣкоторые списки, какъ напр. Синодальныи, отождествляютъ исторію съ лѣтописью; другіе, какъ напр. Унд. № 979, находятъ между ними различіе, какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. По объясненію послѣдняго, исторія есть „книга, содержащая въ себѣ иже въ древнихъ временехъ бывшихъ дѣяній исповѣданіе, подобно хронографу, кромѣ лѣтняго числа времени: хронографъ бо наречется, повеже не токмо дѣянія, бывшая въ древнихъ родѣхъ, повѣдуетъ, но и числа лѣтъ тѣхъ временъ въ себѣ объявляетъ, еже въ кое отъ Адама лѣто бысть вещь та или та; исторія же не тако, но точію въ древнихъ родѣхъ бывшая повѣдаетъ, лѣтъ же и еже въ кое лѣто число, сего не содержитъ. Тѣмже разумно всѣмъ отъ сего да будетъ, яко ино есть лѣтописецъ, и ино исторія; аще и нарицаютъ нѣціи, или пишутъ исторію лѣтописцемъ, но не-

[1]) [illegible] въ азб. г. Барсова, а [illegible] въ азб. Устюжскаго № 974.

вѣдѣніемь: аще и мало ихъ посреднее, но убо есть, якоже се, еже ино законъ и ино исповѣдь, или паки, ино духъ и ино душа, и паки, ино дѣла и ино дѣянія, якоже о семь въ писаніи обрѣтается". (л. 38).

Хотя и въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, въ азбуковникахъ встрѣчаются также статьи, относящіяся къ славянской миѳологіи, вѣрованіямъ и обрядамъ. Въ *предисловіи именъ человѣческихъ* мы находимъ свидѣтельство, что въ XVII вѣкѣ еще вполнѣ сохранялось вѣрованіе въ чародѣевъ и волхвовъ, къ которымъ суевѣрные люди ходили для полученія бѣсовскихъ обаяній и наузовъ; что волхвы и чародѣи призывались для заклинаній надъ яствами и питьемъ, которыя давали вкушать больнымъ для выздоровленія; что суевѣры носили при себѣ хартіи съ записью *бѣсовскихъ именъ*, которыми волхвы производили свои заклинанія. Въ объясненіи слова *балій* повторяется то же самое свидѣтельство о волхвахъ и чародѣяхъ: „балій же нарицается, иже бѣсовъ призываніемъ заклинаетъ и звѣри, и скоты, и человѣки, и наговоры творитъ бѣсовскія надъ ѣствою и надъ питіемъ на прельщеніе человѣкамъ, еже нарицается ворожея и чаровникъ, и прочая заговоры творитъ, то есть баліи и чародѣи" (по сп. пр. Тихонравова л. 57). Въ другомъ мѣстѣ *обаяніе* объясняется какъ „наговоръ бѣсовскихъ призываній надъ питіемъ, или надъ ядію, или надъ инѣмъ чимъ". Замѣчательно также указаніе на характеристическую черту древнерусскаго быта при объясненіи слова *вѣно:* вѣно — запись обручительная жениха съ невѣстою, еже залогъ обручительный (Ibid. л. 85).

Новымъ доказательствомъ энциклопедическаго характера азбуковниковъ служатъ статьи по древнехристіанской символикѣ, вошедшія въ ихъ пространные списки. Въ нашей литературѣ статьи съ подобнымъ содержаніемъ входили въ такъ называемыя Толковыя Псалтыри, появленіе которыхъ относится къ XI вѣку. Символическія объясненія были для послѣднихъ необходимы для пониманія какъ самаго текста, такъ и тѣхъ миніатюръ, которыя слѣдовали параллельно съ текстомъ. Если составители азбуковниковъ смотрѣли на свой трудъ, какъ на энциклопедію знаній по всѣмъ отраслямъ наукъ, то они, конечно должны были внести и такія объясненія, которыя относились къ книжной символикѣ. Съ другой стороны, самая задача азбуковниковъ требовала внесенія такого рода статей.

такъ какъ ни одинъ предметъ не представлялъ столько трудностей для понимания и не допускалъ такъ много произвольныхъ толкований, какъ древнерусская символика. Чрезъ свои символическія объясненія азбуковники имѣли не мало вліянія на древнерусскіе подлинники, извѣстные въ нашей литературѣ съ XVI в. Послѣдніе своимъ осложненіемъ въ XVII и XVIII вв. обязаны въ нѣкоторой степени азбуковникамъ, изъ которыхъ они заимствовали символическія объясненія изображеній. Кромѣ встрѣчающейся въ большей части редакцій статьи, подъ заглавіемъ: *Софія, Премудрость Божія* (Нач. Софія церковь Божія, Пречистая Дѣва Богородица. Сирѣчь дѣвственныхъ душа...), содержащей объясненіе образа св. Софіи и вошедшей въ наши иконописные подлинники (Ibid. II, 297), въ азбуковникахъ мы находимъ слѣдующія статьи, предлагаемыя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ:

1) Воп. Что ради у креста Христова пишутъ подножіе правую страну подъемшуся горѣ, а лѣвую понизшу долѣ? Отв. За еже на крестѣ стоя Господь, главу преклони на десно... Эта статья вошла въ иконописный подлинникъ (Ibid. II, 289).

2) Воп. Что ради пишутъ на иконахъ сшествіе Св. Духа: сѣдитъ человѣкъ, старостію одержимъ, въ мѣстѣ темнѣ: риза на немъ черлена и вѣнецъ царскій на главѣ его, въ рукахъ же своихъ имѣя убрусъ бѣлъ и въ немъ 12 свитковъ? Отв. Человѣкъ убо по образу весь міръ... Заимствована изъ бесѣды Николая Любченина и вошла также въ иконописные подлинники Ibid. II, 292).

3) Воп. Что ради св. Іоаннъ Богословъ пишется во образѣ львовѣ? Отв. Понеже царско есть левъ и владычественно...

4) Воп. Что есть на Христовѣ образѣ вообраменъ крестъ и три писмене: Ѿ. О. Н.?

5) Воп. Что есть на образѣ Господа Саваоѳа осьмоуголенъ вѣнецъ?

6) Воп. Что есть три звѣзды на образѣ Пречистыя Богородицы?

7) Воп. Что есть о главахъ святымъ вѣнцы вчинены быша писатися? — Источникъ показанъ такъ: Отъ книги Діонисія Ареопагита изящнаго въ философѣхъ киръ Ѳеодора Педіа Сима. О еже коея ради вины о главахъ и т. д.

Къ этому же отдѣлу слѣдуетъ отвести встрѣчающуюся въ сл. пр. Тихонравова статью: Что ради Маркъ евангелистъ во образѣ орли пишется? *Баталинъ.*

Статьи физіологическаго содержанія въ азбуковникахъ.

Въ азбуковникахъ физіологическія сказанія появились не въ первый разъ: азбуковники только собрали все то, что было сдѣлано до нихъ, составили сводъ различныхъ физіологическихъ свѣдѣній, до тѣхъ поръ разсѣянныхъ въ различныхъ памятникахъ нашей древней литературы. Попытка внести въ азбуковники статьи физіологическаго содержанія была еще въ XVI вѣкѣ у составителей краткихъ азбуковниковъ. Вассіанъ внесъ въ свой азбуковникъ краткія статьи о *статирѣ, бисерѣ*, травѣ *висонѣ* и *крогуѣ* (ястребѣ). Другой краткій азбуковникъ (Син. библ. № 717) упоминаетъ о *гриппногѣ*, каркинѣ (ракѣ), козѣ. Позднѣйшіе азбуковники значительно расширили кругъ физіологическихъ статей, такъ что, сравнительно съ другими, онѣ по своему числу занимаютъ первое мѣсто. Составители азбуковниковъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, совершенно не обращали вниманія на то, достовѣрны ли тѣ естественно-историческіе эпизоды, которые они помѣщаютъ въ своихъ сборникахъ. Ихъ трудъ имѣлъ не научное значеніе, а скорѣе историко-литературное, потому что они сообщали только то, какъ извѣстное лицо понимало то или другое естественно-историческое явленіе, а не то, какъ это явленіе должно быть понимаемо и объясняемо. Вообще физіологическая часть азбуковниковъ не носитъ на себѣ характера той обязательности, какую мы напр. видимъ въ объясненіяхъ грамматическихъ.

При обзорѣ источниковъ, какими пользовались азбуковники въ статьяхъ естественно-историческаго содержанія, слѣдуетъ отличать источники древнѣйшіе — до XVII вѣка — отъ позднѣйшихъ — съ XVII вѣка. Источники древнѣйшіе содержатъ въ себѣ элементъ по преимуществу баснословный; источники же позднѣйшіе, испытавшіе на себѣ вліяніе западной литературы, имѣютъ нѣкоторыя научныя основанія. Точнѣе, естественно-историческіе источники азбуковниковъ можно раздѣлить на византійскіе и западные. Сперва обратимъ вниманіе на первые.

Первоначальные источники физіологическихъ сказаній восходятъ ко временамъ древнѣйшимъ. Еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х. въ сочиненіяхъ греческихъ писателей и поэтовъ мы находимъ различныя баснословныя сказанія о животныхъ, со-

ставленныя не столько на основаніи опыта, сколько подъ вліяніемъ поэтическаго настроенія. Въ поэмахъ Гомера есть мѣста, гдѣ онъ касается нѣкоторыхъ баснословныхъ животныхъ, какъ-то: химеры, скиллы, сиренъ, и др. Гезіодъ также въ своей Теогоніи упоминаетъ о крылатыхъ гарпіяхъ, треглавой химерѣ, церберѣ съ 50-ю головами, лернейской гидрѣ. У Эсхила встрѣчаются баснословныя сказанія о животныхъ: горгонахъ, грифахъ и другихъ. Римскіе поэты Виргилій и Овидій также не обошлись безъ баснословныхъ животныхъ. Сообщаемыя Виргиліемъ описанія нѣкоторыхъ чудовищъ послужили однимъ изъ главныхъ источниковъ для сказаній позднѣйшихъ. Изданный у Berger — de Xivrey[1]) физіологическій трактатъ de monstris et belluis при описаніи нѣкоторыхъ чудовищъ и животныхъ пользуется описаніями Виргилія и въ одномъ мѣстѣ самъ ссылается на этотъ источникъ. Овидій сознается, что онъ сперва вѣрилъ въ существованіе различныхъ чудовищъ: химеры, сфинкса, гарпій, великановъ съ змѣиными головами, сторукаго гиганта, чудовища получеловѣка и полубыка и проч.

Своимъ развитіемъ физіологическія сказанія обязаны преимущественно Греціи. На нихъ было обращено вниманіе еще въ началѣ IV вѣка до Р. Х. писателемъ Ктезіемъ, который въ свое сочиненіе Indica внесъ много описаній баснословныхъ животныхъ. Его описанія послужили главнымъ источникомъ, изъ котораго впослѣдствіи развился цѣлый рядъ физіологическихъ сказаній. Въ Греціи же составилось, а затѣмъ перешло и въ другія литературы, сказаніе о походахъ Александра Македонскаго въ Индію, или такъ называемая *Александрія*. Храбрая и воинственная личность македонскаго царя возбуждала сильный интересъ въ умахъ какъ современниковъ его, такъ и потомковъ. Разсказы о его подвигахъ, путешествіе въ Индію, страну до тѣхъ поръ почти совершенно неизвѣстную, дали обильный матеріалъ для различныхъ баснословныхъ сказаній. „Александрія" воспользовалась этими сказаніями и предложила ихъ въ литературной формѣ. Въ ней разсказывается о путешествіи Александра въ далекія страны, о встрѣчѣ его съ различными чудовищами, звѣрями, животными, съ которыми онъ вступалъ въ борьбу. Описаніе животныхъ, чудовищъ носитъ на себѣ баснословный характеръ, который такъ приходился по вкусу

---

[1]) Traditions teratologiques.

въ то время. На Западѣ псевдо-Каллисѳенова повѣсть нашла себѣ большое сочувствіе въ средніе вѣка: ею интересовались и энциклопедисты. Викентій Бове внесъ въ свою энциклопедію Speculum Majus много выдержекъ, заимствованныхъ изъ этой повѣсти. Въ нашей литературѣ „Александрія" была также одною изъ наиболѣе распространенныхъ повѣстей. Еще въ XVI вѣкѣ архіепископъ новгородскій Василій упоминалъ въ своемъ посланіи о Рахманахъ, о которыхъ говорится также и въ повѣсти объ Александрѣ, а списки истинныхъ и ложныхъ книгъ запрещали даже читать разсказъ о Рахманахъ, составляющій содержаніе Хожденія Зосимы. Кромѣ множества списковъ, которые распространяли „Александрію" въ средѣ грамотныхъ людей, она, то по частямъ, то въ полномъ видѣ, входила въ хронографы, а изъ послѣднихъ отрывками въ азбуковники.

Физіологическія сказанія имѣли большое вліяніе на византійскую письменность первыхъ вѣковъ христіанства. Баснословный характеръ описаній животныхъ обратилъ на себя вниманіе христіанскихъ писателей и отцовъ церкви. Для послѣднихъ важны были не только описанія, имѣющія въ своей основѣ нѣкоторыя научныя данныя, какъ это мы видимъ у Аристотеля, сколько именно баснословныя сказанія физіологовъ. Къ этимъ сказаніямъ они прибѣгали какъ къ доказательствамъ извѣстныхъ истинъ христіанской вѣры. Та или другая черта, подмѣченная ими въ извѣстномъ животномъ, примѣнялась къ объясненію того или другого христіанскаго догмата. Такимъ образомъ описанія животныхъ были важны для нихъ не сами по себѣ, а по тому символическому значенію, какое въ нихъ можно было найти. Въ проповѣдяхъ, или просто при изложеніи религіозныхъ истинъ, отцы Церкви весьма часто прибѣгали къ такимъ символическимъ толкованіямъ. Физіологи, напр., приписывали льву слѣдующія свойства: 1) когда онъ бѣжитъ отъ ловца, то хвостомъ заметаетъ свой слѣдъ, 2) когда спитъ, то глаза его открыты, и онъ чуетъ приближеніе охотника; 3) когда львица рождаетъ дѣтей, то они три дня лежатъ мертвыми, и мать въ это время стережетъ ихъ: приходитъ левъ и своимъ дуновеніемъ вдыхаетъ въ нихъ жизнь. Для отцовъ Церкви вопросъ о томъ, подтверждаются ли такія свойства животнаго опытомъ, былъ не важенъ: они пользовались сказаніями безъ всякаго критическаго къ нимъ отношенія. Для нихъ важно было то, что упомянутыя свой-

ства льва давали отличный матеріалъ для символизаціи, и что въ нихъ можно было найти сходство съ Іисусомъ Христомъ, и потому объясняли ихъ такъ: 1) подобнымъ же образомъ Іисусъ Христосъ утаилъ отъ діавола Свое божественное происхожденіе, 2) Іисусъ Христосъ плотію пострадалъ и былъ распятъ, а божествомъ былъ одесную Отца; 3) три дня и три ночи былъ во гробѣ, а потомъ, божественною силою Отца, воскресъ изъ мертвыхъ. Подобная же символизація прилагалась и къ орлу. По описаніямъ физіологовъ, у орла, когда онъ старѣется, темнѣютъ глаза и онъ дѣлается слѣпымъ; найдя источникъ чистой воды, онъ взлетаетъ на воздухъ и, когда солнце опалитъ его крылья и просвѣтитъ его глаза, онъ падаетъ въ источникъ и трижды погружается въ воду. Такъ, объясняютъ отцы церкви, и Іисусъ Христосъ сошелъ съ небесъ и воплотился отъ Св. Духа, родился отъ Дѣвы Маріи и принялъ крещеніе во Іорданѣ. Почти каждое свойство животнаго находило себѣ примѣненіе или къ догмату, или къ извѣстному церковно-историческому факту, или, наконецъ, къ какой-либо нравственной истинѣ. Вообще символическія объясненія были однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ литературныхъ пріемовъ христіанскихъ писателей и долгое время удерживались какъ на Западѣ, такъ и у насъ на Руси, особенно проповѣдниками южно-русскими.

Широкое примѣненіе нашли себѣ физіологическія сказанія въ такъ называемыхъ *Шестодневахъ*, т.-е. объясненіяхъ на извѣстное мѣсто Библіи, гдѣ говорится о шести дняхъ творенія. Христіанскіе писатели, занимаясь объясненіемъ этого мѣста, находили себѣ въ древнихъ физіологахъ обширный матеріалъ, который почти безъ всякихъ измѣненій вносили въ свои труды. Шестодневы появились въ византійской литературѣ съ IV вѣка и принадлежатъ перу извѣстныхъ учителей Церкви: Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Северіана Гевальскаго. Въ VI вѣкѣ кругъ физіологическихъ сказаній расширился присоединеніемъ новыхъ описаній животныхъ. Писатель этого вѣка, византіецъ, *Козьма Индикопловъ* оставилъ описаніе своего путешествія въ Индію, въ которомъ онъ говоритъ о различныхъ животныхъ, видѣнныхъ имъ въ Индіи и Египтѣ. Это описаніе входитъ, какъ отдѣльная часть, въ его *космографію* — написанную съ предвзятыми религіозными тенденціями. Затѣмъ въ VII вѣкѣ діаконъ константинопольскій,

Георгій Писидъ, написалъ поэму, въ которой онъ, путемъ подробнаго анализа свойствъ животныхъ, доказываетъ всемогущество и благость Бога. Въ своей поэмѣ онъ сперва воспѣваетъ дивное устройство природы: неба, свѣтилъ, земли, воздушныхъ явленій, потомъ устройство человѣка, и наконецъ переходитъ къ животнымъ. Это былъ почти тотъ же шестодневъ, только въ стихотворной формѣ.

На Западѣ подобныя сказанія тоже имѣютъ свою исторію, благодаря тому интересу, какой они возбуждали въ воображеніи грамотныхъ людей. Въ своихъ комментаріяхъ на поэму Виргилія Сервій оставилъ описанія многихъ упоминаемыхъ въ ней животныхъ и чудовищъ. Его комментаріями воспользовался Исидоръ, епископъ севильскій, жившій въ первой половинѣ VII вѣка, въ своемъ сочиненіи Origines. Въ XIII в. знаменитые мудрецъ *Альбертъ Великій* и философъ *Раймундъ Люллій,* первый въ своемъ трактатѣ De animalibus, второй — въ Ars magna, оставили намъ описанія баснословныхъ животныхъ и чудовищъ, источниками для которыхъ послужили вышеупомянутыя греческія сказанія.

Въ нашей русской литературѣ физіологическія сказанія ведутъ свое начало отъ XI вѣка. Древнѣйшій памятникъ русской письменности, Святославовъ Изборникъ 1073 г., содержитъ въ себѣ статью св. Епифанія Кипрскаго о 12 камняхъ, составленную по существовавшимъ на Востокѣ сказаніямъ. Въ этой статьѣ, носящей заглавіе: *Святого Епифанія о двунадесяти камыку, иже бѣаху на оплѣчи святителевѣ насажени,* описываются слѣдующіе камни: сардіонъ, пазіонъ, смарагдъ, анфраксъ, сапфиръ, іасписъ, уакинфъ, ахатисъ, амеѳусакій, хрусолиѳъ, вирулионъ, онухіонъ. Поводъ къ составленію этой статьи подало извѣстное мѣсто изъ кн. Исходъ, гдѣ перечисляются камни, украшавшіе ризы первосвященниковъ. Къ простому описанію камней статья присоединяетъ сказанія о ихъ чудодѣйственной силѣ. Это самая древнѣйшая статья, встрѣчающаяся въ нашей литературѣ по естественнымъ наукамъ.

Въ XII в. мы встрѣчаемся съ сочиненіями Іоанна, экзарха болгарскаго. Въ числѣ дошедшихъ до насъ его переводовъ и твореній находится Шестодневъ, составленный имъ по сочиненіямъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Северіана Гевальскаго, Аристотеля и другихъ. Здѣсь, при объясненіи

словъ кн. Бытія о твореніи, находится не мало различныхъ физіологическихъ сказаній, заимствованныхъ изъ вышеупомянутыхъ источниковъ. Въ пятомъ словѣ этого Шестоднева мы встрѣчаемъ краткія описанія животныхъ: дельфина, фоки, ночныхъ нетопырей, крокодила, многоножицы, мурены, морского ехина, змія ехидны, морскихъ псовъ, вельбуда, морского зайца, ластовицы и другихъ (См. рук. Син. Библ. № 345 (1263 л.) л. 172 и слѣд.). Въ прологѣ, предпосланномъ Шестодневу, экзархъ болгарскій такъ говоритъ объ источникахъ, которыми онъ пользовался для своего труда: „Си же словеса шесть, господи мои, не о себѣ мы есмь съставили, нъ ово отъ Ексамера светаго Василя истовая словеса, ово же и разумы отъ него въземлюще, такожде и отъ Іоанна, а другое отъ другыихъ, аще есмь къждо что почитали иногда, такоже есмь съвлатилисе". Признаніе экзарха въ заимствованіи для своего труда матеріала *отъ другихъ*, а также краткое описаніе тѣхъ же животныхъ, которыми занимались и физіологи, могутъ наводить на предположеніе, что въ рукахъ у него былъ физіологъ. Въ переводѣ Богословія Дамаскина, принадлежащемъ этому же писателю, находится глава *Приклади о возстаніи*, т.-е. примѣры, объясняющіе воскресеніе мертвыхъ, заимствованная изъ сочиненія св. Епифанія Кипрскаго (Опис. рук. Син. Библ. отд. II, 293). Въ ней Епифаній для подтвержденія своихъ мыслей пользуется различными свойствами животныхъ и птицъ и даетъ имъ символическое объясненіе. Эта статья въ отрывкахъ вошла и въ наши древнерусскіе азбуковники.

Кромѣ Шестоднева Іоанна болгарскаго въ нашей литературѣ существовали шестодневы и переводные. Неизвѣстно, существовали ли означенные переводы въ древнемъ періодѣ русской письменности, но въ болѣе позднее время (XVII—XVIII вѣковъ) они являются въ довольно значительномъ числѣ списковъ. Шестодневы знакомили нашихъ предковъ не только съ естественною исторіею, но и сообщали вообще свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ, при объясненіи, напр., первыхъ дней творенія. Здѣсь описаніе извѣстнаго физическаго явленія или животнаго сопровождается различными богословскими и философскими толкованіями. Въ одной изъ рукописей Московской Син. библіотеки XVII вѣка (№ 377) находится Шестодневъ, довольно краткій (лл. 174—182), приписываемый Василію Великому. Онъ не содержитъ въ себѣ никакихъ толкованій.

обыкновенно встрѣчаемыхъ въ подобнаго рода произведеніяхъ, а просто описываетъ животныхъ, удѣляя каждому описанію особую небольшую статью.

Переходя къ XIV вѣку, мы встрѣчаемся съ славянскимъ переводомъ вышеупомянутой поэмы Георгія Писида, носящей въ рукописяхъ такое заглавіе: *Премудраго Георгія Писида похвала къ Богу о сотвореніи всея твари. Яко возвеличашася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси.* Хотя списка этого перевода и не дошло до насъ, но въ позднѣйшихъ рукописяхъ находятся точныя свидѣтельства о времени его появленія. Въ рукописи Син. Библ. № 558 указывается на 6893 (1385) годъ и переводъ приписывается Димитрію Зоографу, или Зографу. Названіе переводчика *Зографомъ*, т.-е. живописцемъ, даетъ основаніе предполагать, что означенный переводъ былъ сдѣланъ въ виду его важности для иконописи. Для иконописцевъ важно было знакомство съ нѣкоторыми свойствами животныхъ, изображаемыхъ на иконахъ при извѣстныхъ событіяхъ, евангелистахъ, святыхъ и проч.; это знакомство, хотя и поверхностное, они могли получить изъ поэмы Писида. Поэма раздѣляется на множество статей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое спеціальное содержаніе. Въ началѣ поэмы воспѣваются небо, эѳиръ, ангелы, звѣзды, воздухъ, солнце, луна, стихіи, времена года, жатва, градъ, море; затѣмъ слѣдуютъ статьи: о утвержденіи земленѣмъ, о вѣтрѣхъ, громѣхъ, облацѣхъ, градѣ, снѣзѣ, молніи, бытіи человѣческомъ, естествѣ человѣчи, чувствахъ: осяженіи, слышаніи, вкусѣ, обоняніи, видѣніи, умѣ, дьявольской брани, еже съ человѣкомъ; далѣе эпизоды естественно-историческаго содержанія: о садѣхъ и древесѣхъ, звѣрѣхъ, птицахъ, о ноговичи, долъзряи, вельбудѣ, козлѣ, ястребѣ, трохилѣ, китѣхъ, рыбѣ корабледержи, желви, свѣтлыхъ червяхъ, саламандрѣ, гипахъ, неясыти, скалкахъ, курѣ, финикѣ птицѣ, воронѣ, лвѣ; кротѣ, ехинѣ, пчелѣ, паучѣхъ, комарѣ, мравіи, ластовицѣ, павѣ, прузѣхъ, черви шелковнемъ, пшеницѣ, змарагдѣ. Такимъ образомъ въ составъ этого послѣдняго отдѣла вошли статьи о растеніяхъ (плантарій), о животныхъ (бестіарій) и о камняхъ (лапидарій). Большая часть этихъ естественно-историческихъ эпизодовъ вошла въ азбуковники или цѣликомъ, или въ связи съ сказаніями, заимствованными изъ другихъ источниковъ. Переходимъ къ XV вѣку.

XV вѣкъ особенно замѣчателенъ по богатству филологиче-

скихъ сказаній, разсѣянныхъ въ различныхъ памятникахъ нашей письменности. Особенно важное значеніе въ распространеніи подобнаго рода сказаній имѣли сборники. Въ нихъ иногда, среди статей богословскаго содержанія, помѣщались статьи о природѣ вообще, какъ напр. Румянцевскій сборникъ № 358, или же къ послѣднимъ присоединялись и описанія животныхъ, какъ это мы видимъ въ Златой Матицѣ. Статьи Румянцевскаго сборника содержатъ разсужденія „о широтѣ и долготѣ земли, трусѣ, четырехъ стихіяхъ, четырехъ моряхъ, громномъ устроеніи и молніи, о денницахъ, главныхъ знаменіяхъ“ и проч. Статьи Матицы Златой раздѣляются на космографическія и физіологическія: первыя, по всей вѣроятности, заимствованы изъ шестодневовъ, вторыя — изъ славянскаго перевода физіолога. Наши сборники, особенно болѣе древніе, весьма часто заимствовали описанія прямо изъ физіологовъ, иногда указывая источникъ, иногда нѣтъ. Что славянскій переводъ физіолога существовалъ въ XVI вѣкѣ (до этого времени онъ несомнѣнно существовалъ), доказываютъ ссылки на него нѣкоторыхъ сборниковъ. Въ одномъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежавшемъ Царскому, находится статья *Слово и сказаніе о звѣрѣхъ и птагахъ*, которая начинается указаніемъ на физіологъ: „фисилогъ о львѣ: три естества имать левъ...“ (Опис. рук. Царск. № 371). Въ физіологическихъ статьяхъ Златой Матицы описываются животныя: птица алконостъ, рыба многоножица, желгуля, мюрона, фюниксъ, харадръ и орелъ. По всей вѣроятности, сюда вошли не всѣ статьи физіолога.

Толковыя Палеи едва ли не болѣе другихъ памятниковъ способствовали распространенію физіологическихъ сказаній въ древне-русской письменности. Появленіе ихъ относится къ XV вѣку. Изъ дошедшихъ до насъ списковъ этихъ памятниковъ замѣчательны два: одинъ по рук. Моск. Син. Библ., писанный въ 1477 году дьякомъ Нестеромъ въ Новгородѣ; другой по рук. Рум. музея, писанный въ 1494 г. въ Псковѣ дьякомъ съ Дубкова. Содержаніе толковой Палеи обыкновенно состояло, какъ показываетъ и самое ея названіе, въ изложеніи ветхозавѣтныхъ событій, начиная съ сотворенія міра. Кромѣ своего главнаго источника — Библіи — Палея пользовалась апокрифами, византійскими хронистами и содержала въ себѣ также русскія историческія статьи. При описаніи и объясненіи дней творенія Палея приводитъ и баснословныя сказа-

нія о животныхъ, заимствуя ихъ или изъ шестодневовъ, или, что вѣрнѣе, прямо изъ физіологовъ. Наше предположеніе основывается на томъ обстоятельствѣ, что физіологическихъ сказаній въ той формѣ, въ какой они встрѣчаются въ Палеяхъ, въ шестодневахъ не существуетъ. Въ Шестодневѣ напр. экзарха болгарскаго описанія отличаются краткостью, въ Палеяхъ же они довольно пространны. Описанія Палеи буквально сходны съ описаніями вышеупомянутаго сборника — Златой Матицы, изъ чего можно заключить, что они пользовались однимъ и тѣмъ же источникомъ. Разница между ними въ томъ, что Палеи присоединяютъ къ описаніямъ различныя толкованія и объясненія, сопоставляютъ ихъ съ новозавѣтными событіями, тогда какъ Матица, какъ выше было замѣчено, ограничивается однимъ описаніемъ. Предметомъ естественно-историческихъ эпизодовъ Палеи служатъ слѣдующія животныя: алконостъ (Син. Библ. № 210, л. 21), многоножица, желгуля, мурома, фоки (л. 22), финиксъ (л. 23); о нихъ упоминается при объясненіи словъ кн. Бытія о твореніи міра; затѣмъ, при объясненіи предсмертной рѣчи Іакова къ сыновьямъ, внесены описанія: харадра (л. 139), орла (л. 139—140), льва (л. 141).

Кромѣ Георгія Писида, къ греческимъ писателямъ, имѣвшимъ вліяніе на наши физіологическія сказанія, принадлежитъ также писатель VI вѣка *Козьма Индикопловъ*. Его космографія, написанная въ религіозномъ духѣ, возбуждала большой интересъ въ средѣ грамотныхъ людей XV—XVI вв. Въ концѣ XV в. она уже была переведена на славянскій языкъ (въ 1495 г. Оп. рук. Царск. № 210), а въ слѣдующемъ затѣмъ XVI столѣтіи вошла въ составъ знаменитой энциклопедіи этого вѣка — Макарьевскія Четьи-Минеи. Вмѣстѣ съ свѣдѣніями космографическими, Козьма Индикопловъ помѣстилъ въ своемъ сочиненіи цѣлую главу о животныхъ, видѣнныхъ имъ во время путешествія по Индіи и Египту.[1]) Эти эпизоды обращали на себя особенное вниманіе: Макарьевская Минея сопровождаетъ ихъ цѣлымъ рядомъ довольно художественно исполненныхъ иллюстрацій, составленныхъ на основаніи текста. Подобныя иллюстраціи находятся также въ переводѣ 1495 г. и повторяются въ позднѣйшихъ спискахъ XVII в. (Рук. Унд. №№ 190, 191). Въ этомъ нельзя не видѣть особеннаго уваженія, какое ока-

[1]) Сравн. Слав. русск. рук. Ундольскаго, М. 1870, № 190, слово 11-е.

зывалось византійскому писателю со стороны его русскихъ читателей. Быть-можетъ, этому довѣрію отчасти способствовалъ и самый характеръ его описаній. Въ нихъ уже почти исчезаетъ тотъ баснословный элементъ, который такъ замѣтенъ въ описаніяхъ физиологовъ. Козьма Индикопловъ описываетъ животныхъ какъ очевидецъ, или же пользуется при этомъ разсказами другихъ. Въ его эпизодахъ часто встрѣчаются выраженія: сія видѣвше написахомъ; рѣша же о немъ; глаголютъ же о немъ и проч., которыя въ глазахъ читателей придавали описаніямъ большую или меньшую степень достовѣрности. Въ своей космографіи Козьма Индикопловъ предлагаетъ описанія: ноздророга, (арупѣ — арпеи), телчеслона, верблюду пардуса, мскуса, дивьяго вола, единорога, дельфина, хелона. Всѣ эти описанія вошли и въ Макарьевскія Четьи-Минеи.

Къ отдѣлу памятниковъ физіологическаго содержанія относится также и появившійся въ XVII вѣкѣ физиологъ Дамаскина архіерея Студита, такъ авторъ его называется въ рукописяхъ. Физиологъ Дамаскина носитъ названіе: *Собраніе отъ древнихъ философовъ о нѣкихъ свойствахъ естества животныхъ*. Въ этомъ новѣйшемъ физіологѣ, весьма обширномъ, какъ по числу статей, такъ и по объему ихъ, предлагаются довольно подробныя описанія животныхъ, заимствованныя изъ шестодневовъ, древнихъ физиологовъ, Аристотеля, Плинія и другихъ[1]. Переводчикъ, какъ видно, затруднялся передать нѣкоторыя греческія названія русскими, вслѣдствіе чего при нѣкоторыхъ животныхъ оставлены ихъ греческія имена. Въ концѣ описаній иногда встрѣчаются указанія на лѣчебное значеніе животнаго

[1] Рук. Син. библ. XVII в. № 642, л. 1—6—157. Физиологъ состоитъ изъ 91 статьи, въ которыхъ говорится о слѣдующихъ животныхъ: орлѣ, пѣтелѣ, слонѣ, [illegible], [illegible], паукѣ, аспидѣ, [illegible], лисицѣ, волѣ, жабѣ, [illegible], журавлѣ, [illegible] 2 статьи, дельфинѣ, драконѣ, [illegible], еродіи, сирѣчь о чайкѣ, ежѣ земномъ, ежѣ морскомъ, ехиднѣ, еленѣ, [illegible], ихневмонѣ, [illegible], лебедѣ, кокушкѣ, [illegible], [illegible], [illegible], крокодилѣ, скорпіѣ морскомъ, китѣ морскомъ, [illegible], лисицѣ морской, [illegible], [illegible], [illegible], волкѣ, [illegible], [illegible], [illegible], мышѣ, [illegible], [illegible], [illegible] земной, [illegible] морской, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], хамелеонѣ, черепахѣ морской, херсидрѣ, лисѣ, онокентаврѣ.

тъ извѣстной болѣзни, или на то практическое примѣненіе, какое можно извлекать изъ него въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Описаніе лисицы заключается напр. слѣдующими словами: „есть же и исцѣлительныя ногоболѣзненнымъ, аще имають ю живую и полагають въ котлѣ; полагають же и елей многій и оставляють ю, и кипить, дондеже растопится конечно въ ономъ елеи, и тако, теплу сущу, влагаетъ нозѣ свои имѣяй ногоболѣзніе и исцѣляется" (Син. библ. № 642, л. 130). Въ описаніи ежа встрѣчаемся съ такимъ же указаніемъ на его лѣчебное значеніе: „кожа его егда сожгуть и творятъ пепелъ тако, якова же есть съ терніями, и смѣшають ю со смолою; егда падутъ власи главни, помазовати ихъ укрѣпляются и аще отпадоша перви власи, растутъ инии". Еще: „аще піеть человѣкъ той пепелъ съ бѣлымъ виномъ лознымъ, исцѣляется отъ болѣзни почечныя". То же встрѣчаемъ въ статьяхъ о вранѣ, иппокампѣ, лисицѣ морской, каркинѣ, инорогѣ и другихъ. Такимъ образомъ физіологическія статьи Дамаскина Студита имѣютъ то различіе отъ статей Шестоднева, Палеи, Георгія Писида, что въ нихъ нѣтъ мѣста отвлеченнымъ толкованіямъ, и самыя сказанія стоятъ на болѣе реальной почвѣ; встрѣчающіеся въ нихъ суевѣрные медицинскіе совѣты сближають ихъ съ народными лѣчебниками. Но, замѣчательно, что физіологическія сказанія въ той формѣ, въ какой они являются въ физіологѣ Дамаскина, не вошли въ наши древнерусскіе азбуковники, несмотря на разнообразіе свѣдѣній о животномъ мірѣ, какое они предлагали. Это, можетъ-быть, объясняется тѣмъ, что физіологъ Дамаскина явился слишкомъ поздно — въ концѣ XVII вѣка, когда азбуковники уже успѣли получить свою литературную форму.

Въ рукописяхъ этого же вѣка встрѣчаются еще другіе сборники физіологическихъ статей. Всѣхъ статей, вошедшихъ въ составъ этого рода сборниковъ, считается 32; описанія животныхъ весьма кратки и составлены по шестодневамъ и физіологамъ. Говоря объ орлѣ, авторъ статей считаетъ нужнымъ оговориться, что приводитъ описаніе его *по словеси нѣкихъ естествословцевъ*. Здѣсь описываются животныя, не встрѣчающіяся въ другихъ физіологическихъ статьяхъ, какъ напр. овцы, ни-[illegible], зубръ, конь[1]). По своему содержанію, т.-е. по выбору

[1]) Рук. Син. библ. № 377, л. 84—92. Описывается [illegible] въ слѣдующемъ

характеристическихъ чертъ животныхъ, описанія близко подходятъ къ статьямъ Дамаскина, Студита и другихъ, но по формѣ изложенія значительно отличаются отъ всѣхъ статей подобнаго рода. Кромѣ того, въ статьяхъ о псѣ, пинкѣ, волкѣ и другихъ, упоминаются такія характеристическія черты, которыя ясно говорятъ, что авторъ, кромѣ книжныхъ источниковъ, пользовался и своими личными наблюденіями надъ жизнью животныхъ. Иногда животныя выставляются образцами добродѣтелей и описанія ихъ сопровождаются нравоученіями.

Интересъ, какой возбуждали въ грамотныхъ людяхъ разсѣянныя въ нашихъ древнихъ памятникахъ физіологическія сказанія, заставилъ обратить на нихъ вниманіе и составителей азбуковниковъ. Матеріала было достаточно; слѣдовало только сдѣлать выборъ между животными: какія изъ нихъ заслуживали описанія и какія нѣтъ. Рѣшенію этого вопроса помогла Библія. Азбуковники обратили главнымъ образомъ вниманіе на животныхъ, упоминаемыхъ въ книгахъ св. Писанія. Къ библейскимъ животнымъ были присоединены и тѣ, которыя давали возможность примѣнить къ себѣ какое-либо символическое объясненіе. Для своей цѣли азбуковники воспользовались Шестодневомъ Іоанна, экзарха болгарскаго, Палеями и поэмой Георгія Писида. Для полноты описанія нѣкоторыя статьи составлялись по нѣсколькимъ источникамъ, которые и указывались на поляхъ. На основаніи сличенія статей по вышеупомянутымъ спискамъ азбуковниковъ можно сдѣлать слѣдующій выводъ относительно источниковъ, изъ которыхъ азбуковники заимствовали физіологическія статьи:

1) Изъ Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго, заимствованы описанія: а) ехидны, б) ехина, в) вельбуда; кромѣ того въ болѣе пространныхъ спискахъ: а) горлицы, б) ехпай в) каркава.

2) Изъ переведенной экзархомъ статьи Епифанія Кипрскаго *приклади о естинін*: а) слуки, б) ластовицы, в) фасы.

3) Изъ Палеи: алконоста, езгуи, льва, муромы, многоножицы, орла, феникса, рокъ, харадра. Относительно способа заимствованія слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые списки, какъ

[illegible] о неясыти, [illegible], орлѣ, псѣ, журавляхъ, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible] [illegible], [illegible], скрипѣ, мухѣ, [illegible] или [illegible], перепелицѣ, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], волкѣ, [illegible], [illegible], коркодилѣ, струфокамилѣ, еленѣхъ, [illegible], [illegible], [illegible], хамелеонѣ, голубѣ, [illegible] и [illegible], [illegible]

напр. Син. и Унд. № 975. брали иногда одно только описаніе животнаго, опуская предлагаемыя Палеей объясненія, списки же болѣе пространные заимствовали и объясненія.

4) Статьи Георгія Писида не удовлетворяли составителей по своей краткости, и потому онѣ предлагаются большею частію въ связи съ другими источниками. Такъ, при описаніи *вельбуда*, составители обращались къ Георгію Писиду и Шестодневу экзарха болгарскаго, ластовицы — къ Писиду и переводу статьи Епифанія Кипрскаго, елифанта — Писиду и Козьмѣ Индикоплову, вигрипса — Александріи и Георгію Писиду.

Къ главнымъ источникамъ можно отнести и Козьму Индикоплова. Изъ XI главы его космографіи заимствованы описанія всѣхъ вышеупомянутыхъ животныхъ, вошедшихъ въ Макарьевскія Четьи-Минеи. Встрѣчаются также ссылки на Александрію и сказаніе объ Индѣйскомъ царствѣ при описаніи вигрипса, каламандръ и онтотуранона. Ссылки на Григорія Богослова встрѣчаются при статьяхъ: левіафанъ, дельфинъ, химера.

Сочиненія Максима Грека имѣли вліяніе и на физіологическій отдѣлъ азбуковниковъ. Максимъ Грекъ весьма часто пользовался физіологами и заимствовалъ изъ нихъ различные эпизоды для объясненія псалмовъ. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются статьи: 1) Толкованіе отъ псалма 102: обновится, якоже орлу, юность твоя; 2) Сказаніе о струфокамилѣ и яйцѣ его; 3) Сказаніе о птици неясыти (Оп. рук. Син. Библ. Отд. 2. стр 522—536). Означенныя статьи вполнѣ вошли въ составъ азбуковниковъ.

Рядомъ съ эпизодами зоологическаго содержанія, азбуковники помѣщаютъ статьи, относящіяся къ царству минеральному, или такъ называемый *лапидарій*. Самая первая физіологическая статья въ нашей литературѣ имѣла, какъ мы видѣли, своимъ содержаніемъ описаніе камней. Какой интересъ возбуждала она въ грамотныхъ людяхъ, видно изъ того, что она вполнѣ входила въ Толковыя Палеи и изъ нихъ уже была заимствована азбуковниками. Этой статьѣ придавалась особенная важность, потому что представлялась возможность упоминаемые въ ней 12 камней сопоставить съ такимъ же числомъ колѣнъ израильскихъ. Древнѣйшая редакція статьи о камняхъ — Святославовъ Изборникъ — подобнаго сопоставленія не содержитъ: оно въ первый разъ встрѣчается въ Толковой

Палеѣ по сп. 1477 г., которая первый камень *сардіонъ* прилагаетъ къ 1-му сыну Іакова — Рувиму, второй *топазіонъ* — къ Симеону и т. д. Азбуковники въ своемъ символическомъ толкованіи камней пошли еще далѣе. На основаніи одного мѣста въ Апокалипсисѣ, гдѣ говорится объ украшеніи основаній стѣны новаго Іерусалима 12-ю драгоцѣнными камнями, каждый изъ упоминаемыхъ у Епифанія камней примѣняется азбуковниками къ извѣстному апостолу: камень *іасписъ* къ ап. Петру, сапфиръ — Павлу, халкидонъ — Андрею и т. д.

Кромѣ лапидарія Епифаніева, заимствованнаго вполнѣ изъ Изборника, въ азбуковникахъ встрѣчаются отдѣльныя статьи, посвященныя описанію камней: адаманта, іоакинѳа (изъ Епиѳ.), илектрона, манюла (магнита), статира (изъ кратк. азб.), карѳамуколоса (изъ сказ. о Инд. цар.), смарагда (изъ Епиѳ.), сапфира (тоже) сардіона (тоже), алмаза (съ приб. изъ космогр.), агатеса, аменусія (изъ Епиѳ. съ приб. изъ косм.), аспида (изъ космогр. съ упомин. о Альбертѣ), ардониса, балагуса, белира (изъ космогр.), бечеты, безаара, берюзы или ѳерюзы, лала, и кромѣ того встрѣчается статья *о орловомъ камени*, составляющая сокращеніе помѣщенной въ Син. сборникѣ № 850, л. 458—459. Въ одномъ изъ списковъ азбуковника конца XVII вѣка (Пискарева № 197—632) находится, не встрѣчающаяся въ другихъ спискахъ, статья, *имена каменію, како которой зовутъ*. Она содержитъ перечень камней, безъ всякаго описанія, въ такомъ порядкѣ: яхонтъ черчатъ, яхонтъ лазорь, лалъ, изомрудъ, бечета, баусъ, заберзатъ, самфиръ, виниса, наждакъ, достоканъ, сердоликъ, червецъ, перелѣтъ, бирюза, алмазъ, маввикъ, королекъ, аспидъ, хрусталь, серовикъ, лимонъ, янтарь, спзы, кармакулъ, змазевъ, галка, одекуй, мулчакъ (л. 78). Мысль составить такой перечень камней, вѣроятно, подала составителю азбуковника подобная же статья, встрѣчающаяся въ Палеяхъ подъ заглавіемъ: *а се имена камыкъ многоцѣнныхъ* (Син. Палея, л. 560). Въ ней перечисляются, также безъ всякаго описанія, 10 камней, по названіямъ сходнымъ со статьей Епифанія: сардіонъ, напзіонъ, измарагдинъ, акунтонъ, анѳраксъ, капфиронъ, асписъ, лупиріонъ, хаяти, метуса.

Къ растеніямъ, описываемымъ въ азбуковникахъ, относятся слѣдующія: перикомъ (изъ Шестоднева экз. болг.), трава аспидисъ, виссонъ трава, гроздіе (изъ соч. Макс. Грека),

дерево петири, китры (изъ Лѣствицы Іоанна Синайскаго), крины (изъ Макс. Грека), трава смилаксъ, финикъ (изъ Шест. Іоанна болг.), гонестра трава, караадинъ или карадіа, орѣхи (изъ Козьмы Индикоплова), лиліи и др.

При началѣ очерка физіологическихъ источниковъ мы раздѣлили ихъ на древнѣйшіе и позднѣйшіе. Къ древнѣйшимъ принадлежатъ: Изборникъ Святослава, Шестодневы, Палея, Георгій Писидъ, Козьма Индикопловъ и Александрія. Къ нимъ же можно отнести и Максима Грека, такъ какъ имъ пользовались даже самые ранніе списки азбуковниковъ. Къ позднѣйшимъ относятся хроники и космографіи, перешедшія въ нашу литературу съ Запада. Въ свѣдѣніяхъ, заимствованныхъ азбуковниками изъ этихъ источниковъ, хотя и есть элементъ баснословный, но въ нихъ можно найти и нѣкоторую долю достовѣрности. Отсюда заимствованы статьи: о птицѣ ардеи, корнѣ алимѣ, гвоздикѣ, деревѣ дафни, травѣ дракондіи, камнѣ змарагдѣ[1]), о звѣряхъ Флориды, египетскомъ звѣрѣ дчеринѣ, о крокодилахъ Флориды и Испаніи, о каменномъ углѣ, о индѣйскихъ птицахъ (Нач.: Во Индѣи, на островахъ Малюкѣ, являются птицы, которыхъ тамошніе жители манукодіата называютъ), о испанскомъ камнѣ ониксѣ, перцѣ (изъ хронографа (Поповъ, I, 32), но только въ болѣе обширномъ видѣ, и изъ космографіи), о песку, иже въ стекло претворяется, о птицахъ Ирландіи, рыбѣ рыноцерунъ, звѣрѣ уенѣ, финиковомъ деревѣ (изъ Шест. Іоанна болг. и космографіи), хрусталѣ, янтарѣ, ягненкахъ, яйцахъ куречьихъ, яхонтахъ. Поименованныя статьи относятся преимущественно къ азбуковнику по рукописи г. Барсова.

Слѣдуетъ замѣтить, что физіологическія сказанія не ограничились одною письменною литературою, но и вошли въ нашу народную словесность — былины и духовные стихи. Азбуковники были въ этомъ случаѣ посредниками, проводниками физіологическихъ книжныхъ сказаній въ народную среду, и вліяніе ихъ весьма замѣтно сказалось во многихъ произведеніяхъ народной фантазіи. Въ этомъ отношеніи важны два стиха о Голубиной книгѣ и Егоріи Храбромъ. Та поэтическая обѣта-

---

[1]) Къ сказанію о добываніи этого камня въ Индѣйскихъ странахъ прибавляется обширнѣе изъ космографіи — о добываніи его въ Шкотскихъ странахъ у золотыхъ кладязей и сладкихъ водъ.

новка, въ которой являются въ стихѣ о Голубиной книгѣ птица Стратимъ и звѣрь Индрикъ, имѣетъ много сходныхъ чертъ съ животными азбуковника. Птица *Стратимъ*, или *Страфиль*, есть не что иное, какъ греч. *στρουθός* — страусъ или, какъ она называется въ азбуковникахъ, *струшъ*. По описанію духовныхъ стиховъ, Стратимъ птица.

Живетъ на синемъ мори....
Плодъ плодитъ на синемъ морѣ,
Въ морѣ яйца несетъ,
Изъ моря дѣтей ведетъ ... Безсоновъ I, 369.

Такъ какъ о струшѣ въ азбуковникахъ ничего подобнаго не говорится, то можно предполагать, что черты Стратимъ-птицы взяты духовными стихами изъ описанія птицы алконоста. Алконостъ въ азбуковникахъ описывается такъ: „алконостъ имѣетъ гнѣздо на брезѣ песка въ краю моря и ту кладетъ яица своя.... егда почутитъ изытіе чадомъ ея, взимаетъ въ яицахъ чада своя и носитъ на среду моря и пущаетъ во глубину, тогда убо море многими бурями ко брегу приражается; но егда сноситъ алконостъ яица своя на едино мѣсто и насядетъ на нихъ верху моря, а яицамъ ея во глубинѣ сущимъ, тогда море непоколебимо бываетъ за седмь дній, дондеже алконостова яица излупятся" (Син. азб. л. 24). Такимъ образомъ алконостъ азбуковниковъ и Стратимъ духовныхъ стиховъ одинаково живутъ и плодятъ дѣтей на морѣ; какъ алконостъ, такъ и Стратимъ дѣтей ведутъ *изъ моря;* та и другая птица имѣютъ вліяніе на тишину моря. Когда

Страфиль птица вострепенется,
Все синее море всколебается,
Потопляетъ море корабли гостиные,
Съ товарыми драгоцѣнными,
И топитъ гостей, гостей торговыихъ,
Побиваетъ судна, судна поморскія...
Безсоновъ. I, 273.

Эта черта, очевидно, заимствована изъ описанія азбуковниками рыбы *балены,* которая, „егда учнетъ играти, тогда гласомъ кричитъ, что лютый звѣрь, а на носу у нее вверхъ, что двѣ трубы дымные велики, а какъ прыснетъ, и отъ того прыску корабль потопитъ, какъ близко тое рыбы корабли плы-

вутъ" (Спи. аз. л. 33). По другимъ варіантамъ, всѣмъ птицамъ мать — Финиксъ-птица:

Лице у ней какъ у дѣвицы;
И когда поетъ гласомъ,
И человѣкъ услышитъ ея пѣсни,
Забудетъ отца и мать.

Въ азбуковникахъ также есть описаніе птицы феникса, но не сходное съ описаніемъ стиха. Очень можетъ быть, что пѣвцы смѣшали птицу феникса съ *сириномъ*, и черты послѣдняго приписали первому. Въ азбуковникахъ встрѣчаемъ такое описаніе сирина: отъ головы до пояса человѣкъ, отъ пояса — птица, кто услышитъ ея голосъ, тотъ забываетъ всю жизнь свою, уходитъ въ пустыню и, заблудившись въ горахъ, умираетъ (Увд. № 975, л. 167). Упоминаемый въ этомъ же стихѣ звѣрь Индрикъ, въ азбуковникахъ называется *Инрогъ, Единорогъ,* и главная черта этого животнаго — необыкновенная сила его рога (...рогъ имать на главѣ велій и крѣпокъ вельми, страшенъ и непобѣдимъ.... безъ рога же бываетъ не силенъ...) — получила поэтическое развитіе въ духовномъ стихѣ:

Іонъ копалъ рогомъ сыру мать-землю,
Выкопалъ ключи все глубокіи.....
И онъ ходитъ рогомъ по подземелью,
Прочищаетъ ручьи и проточины,
Пропущаетъ рѣки, кладязи студеные, и проч.
Безсоновъ. I, 371.

Въ другомъ стихѣ — о Егоріи Храбромъ — говорится, что

Егорій наѣзжалъ на врата на Сибирскія.
На вратахъ сидитъ люта Ногá-птица,

которая не даетъ Егорью ни пройти, ни проѣхати. Азбуковники тоже знаютъ эту птицу; они называютъ ее также *ни гринсъ* и *грифонесъ*. По ихъ описанію, заимствованному у Георгія Писида, „*ногъ* птица такъ сильна, яко вола готовымъ ухищреніемъ восторгнути могій, и четвероногъ по землѣ ходитъ и крилатъ по воздуху летаетъ".

Такое же вліяніе на нашу народную поэзію имѣла и статья Епифаніева о 12-ти камняхъ. Камень анфраксъ, по словамъ этой статьи, „нощію обрѣтаютъ, издалече бо видится, аки

свѣща свѣтящися, или аки угль, искрами меща, и по свѣту его шедше, обрѣтають и; во сим же воцѣми ризами обвитъ, блескъ его внѣ ризъ сіяетъ". Заключающееся въ этомъ описаніи представленіе о самоцвѣтныхъ, или, лучше, о самосвѣтныхъ камняхъ, вполнѣ отразилось и въ нашихъ былинахъ. Такъ, по словамъ былинъ, „у царевича Константина Левандовича вставлено въ заднюю и переднюю луку сѣдла *по мирону*, по камню, по дорогу, по самосвѣтному... для ради пути-дороженьки, для ради темной ночи осенней".... Отправляясь въ путь ко св. граду Іерусалиму, калѣки перехожіе шьютъ себѣ лапотки изъ семи шелковъ Шемаханскихъ.

У нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ — носкѣ
По ясному по камешку, по самоцвѣтному...
Оны день идутъ по красному по солнышку,
А въ ночь идутъ по самосвѣтному по камешку.

Безсоновъ. I, 8 — 9.

Въ онежскомъ пересказѣ былины объ Ильѣ Муромцѣ послѣдній, пересчитывая встрѣтившимся ему разбойникамъ свои богатства, упоминаетъ о драгоцѣнномъ самоцвѣтномъ камнѣ между глазъ и подъ ушами своего коня:

У коня-то межь глазмы́ да подъ ушмы́
Самочвѣтноё насáжено кáменьё,
Не для́ — ради красы да молодецкія,
Для́-ради осеннихъ темныхъ ноцевёкъ:
Оно за тридчеть верстъ какъ свѣтелъ мѣсéць пекеть:
Чѣной чѣнить, дакъ рублёвъ тышаця,
А другой чѣной чѣнить, дакъ и смѣту нѣтъ.

Кирѣевскій. I, 87.

Такіе же самоцвѣтные камни вставлены въ стрѣлахъ и въ обуви Дюка Степановича. Въ былинахъ такъ описывается моментъ его обуванія.

А какъ молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ
Обувалъ лапотцы семи шелковъ;
Въ носы-то вплетено по золотому дорогому гвоздочку шеломчатому,
А въ пяты-тѣ вплетено по камешку самоцвѣтному:
Днемъ итти — какъ по красному солнышку,
Ночью итти — какъ по свѣтлому мѣсяцу.

Рыбниковъ. II, 179.

Слѣдующій пріемъ, общій азбуковникамъ съ народными стихами, еще разъ доказываетъ ихъ тѣсную связь между собою. Какъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ каждое царство имѣетъ своего господина, такъ азбуковники еще ранѣе того указывали на представителя царства минеральнаго. Въ стихѣ представителемъ этого царства является камень *латырь, алатырь;* въ азбуковникахъ, хотя также находится описаніе этого камня (электронъ), но онъ есть только *единъ отъ драгихъ камней*, первенство же приписывается камню *карфамуколосу:* „карфамуколосъ — камень есть тако нарицаемъ, иже всѣмъ каменемъ господинъ“. Въ этомъ мѣстѣ азбуковники очевидно воспользовались довольно распространеннымъ въ древне-русской письменности сказаніемъ объ Индѣйскомъ царствѣ, въ которомъ упоминается о камнѣ *кармакаулъ* и прибавляется, что онъ „*господинъ всѣмъ каменіямъ*“... Такимъ образомъ азбуковники при описаніи камней и животныхъ заключаютъ въ себѣ не мало чертъ, которыя впослѣдствіи были подмѣчены и такъ художественно воспроизведены нашею народною поэзіею.

Баталинъ.

Подъ именемъ физіолога въ средніе вѣка было извѣстно сочиненіе, въ которомъ помѣщались сказанія, относящіяся къ естественной исторіи, т.-е. къ исторіи о царствахъ минеральномъ, растительномъ и животномъ. Такъ какъ естественная исторія, подчиняясь условіямъ постепеннаго развитія, долгое время находилась на низкой ступени своего развитія, то физіологическія сказанія вообще за недостаткомъ научныхъ данныхъ, отличались по преимуществу характеромъ баснословнымъ. Постоянно, какъ увидимъ ниже, реальныя дѣйствительныя свѣдѣнія о предметахъ перемѣшивались съ разными суевѣрными сказаніями. Съ такимъ же характеромъ встрѣтимъ мы физіологическія свѣдѣнія и въ азбуковникахъ. Эти свѣдѣнія въ азбуковникахъ появились не въ первый разъ: на долю составителей алфавитовъ досталось собрать по выбору все то, что было сдѣлано ранѣе, представить сводъ физіологическихъ свѣдѣній, разсѣянныхъ въ письменныхъ памятникахъ нашей древней литературы.

Первоначальныя баснословныя физіологическія сказанія мы находимъ въ сочиненіяхъ греческихъ и римскихъ писателей и поэтовъ. У Гомера есть разсказы о *химерѣ*, родившейся отъ Тифона, и *эхиднѣ* съ львиною головою, тѣломъ козы и хвостомъ змѣи[1]), *скиллѣ* и *харибдѣ*[2]), *сиренахъ* — дочеряхъ Ахелоя и музы Каллiопы, полурыбахъ и полудѣвахъ[3]). Въ Теогоніи Гезіода также упоминается о крылатыхъ *гарпіяхъ*, богиняхъ бурь, чудовищахъ съ женскимъ лицомъ, туловищемъ грифа, съ крыльями и когтями на рукахъ и ногахъ, *трехглавой химерѣ*, *церберѣ* съ 50 головами, *лернейской гидрѣ*. У Эсхила встрѣчаются баснословныя сказанія о животныхъ: *горгонахъ*, имѣющихъ на головахъ своихъ вмѣсто волосъ змѣй; *грифахъ*, коимъ приписывали тѣло, ноги и когти львиные, головы и крылья орлиныя, уши лошадиныя, гриву изъ рыбьихъ плесовъ, спину покрытую черными, грудь красными и крылья бѣлыми перьями. Затѣмъ изъ сочиненій, въ которыхъ помѣщались физіологическія сказанія, особенно замѣчательны: сочиненія *Indica* греческаго писателя (IV в.) Ктезія, *Исторія животныхъ* Эліана Клавдія, *Естественная исторія* Плинія старшаго; средневѣковое сочиненіе *Александрія* или сказаніе о походахъ Александра Македонскаго; сочиненіе *De animalibus* Альберта Великаго; *Ars magna* философа Раймунда Луллія; *Buch der Natur* Конрада Мегенберга. Изъ церковныхъ писателей физіологическія сказанія встрѣчаются въ сочиненіяхъ Климента Александрійскаго, св. Епифанія Кипрскаго (извѣстный его физіологъ), Евстафія епископа Севастійскаго, Амвросія Медіоланскаго, которому приписывается *Bestiarium*, послужившій образцомъ для другихъ Бестіаріевъ, въ Шестодневѣ Василія В., Іоанна Златоуста и Северіана Гавальскаго, въ Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова (VI вѣка) и въ поэмѣ, изображающей въ стихахъ шестидневное твореніе міра, Георгія Писиды (VII в.). Въ славянской письменности первымъ памятникомъ, содержащимъ въ себѣ физіологическія свѣдѣнія, былъ Изборникъ Святослава 1073 г. Въ него вошла

[1]) Иліада, пѣснь VI. Беллерофонтъ, говорится въ этой пѣсни, поразилъ химеру

„Лютую, коей порода была отъ боговъ, но не отъ смертныхъ;
„Левъ головою, задомъ драконъ и коза серединой,
„Страшно дыхала она пожирающимъ пламенемъ бурнымъ".

[2]) Одиссея пѣснь V.

[3]) Ibid. пѣснь XII.

статья Епифанія Кипрскаго о 12 камняхъ, составленная по существовавшимъ на Востокѣ сказаніямъ. Въ XII в. мы встрѣчаемся съ сочиненіями Іоанна, экзарха болгарскаго, между коими важенъ для насъ Шестодневъ, заключающій въ себѣ объясненіе на первыя главы книги Бытія, составленныя на основаніи бесѣдъ Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Северіана Гавальскаго, Аристотеля и другихъ писателей. Въ Шестодневѣ, при объясненіи словъ кн. Бытія о твореніи, находится немало различныхъ физіологическихъ сказаній, заимствованныхъ изъ вышеупомянутыхъ источниковъ. Въ XIV в. была переведена на славянскій языкъ поэма Георгія Писиды, носящая въ рукописяхъ заглавіе: „Премудраго Георгія Писиды похвала къ Богу о сотвореніи всея твари: Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси". Хотя списка этого вѣка не дошло до насъ, но въ позднѣйшихъ рукописяхъ находятся точныя свидѣтельства о времени его появленія. Въ рукоп. Син. библ. № 558 указывается на 6993 (1385) годъ и переводъ приписывается Димитрію Зоографу, или Зографу. Тоже самое найдемъ мы и въ русскихъ лѣтописяхъ[1]). Поэма Писиды, наполненная множествомъ восточныхъ сказаній о мірѣ и всѣхъ царствахъ природы, раздѣляется на множество статей, изъ коихъ каждая имѣетъ свое спеціальное содержаніе. Къ XV в. относится распространеніе *Палеи*, которая въ значительной степени способствовала распространенію физіологическихъ свѣдѣній въ древней русской письменности, и сборника *Златой Матицы*, въ которомъ къ космографическимъ статьямъ присоединялось и описаніе разныхъ животныхъ. Въ XV же вѣкѣ переведена на славянскій языкъ Христіанская Топографія Козьмы Индикоплова, который посвятилъ отдѣльную 11 главу описанію животныхъ, видѣнныхъ имъ во время путешествія по Индіи и Египту. Въ XVI и особенно въ XVII вв. являются новые источники для физіологическихъ свѣдѣній. Сюда принадлежатъ: сочиненія препод. Максима Грека, хронографы (XVI в.) и космографіи начала XVII в. Всѣми этими сочиненіями пользовались составители азбуковниковъ при передачѣ разныхъ физіологическихъ свѣдѣній.

Изъ статей азбуковниковъ, содержащихъ въ себѣ минералогическія сказанія, первое мѣсто должна занимать статья

[1]) Татищевъ, IV, 313.

„Святаго Епифанія архіепископа Кипрскаго о двунадесяти каменехъ, иже бѣху на ефудѣ. по числу двунадесяти колѣнъ израилевъ", въ коей собраны свѣдѣнія о двѣнадцати камняхъ Статья эта вошла въ азбуковники не изъ Сборника Святослава, а изъ Толковой Палеи. Въ Сборникѣ Святослава сопоставленія двѣнадцати камней съ двѣнадцатью колѣнами израилевыми нѣтъ, какъ это мы находимъ въ Толковой Палеѣ и въ азбуковникахъ. Нѣкоторые алфавиты[1]) въ своемъ символическомъ толкованіи пошли далѣе. Въ нихъ сопоставленія сдѣланы еще на основаніи одного мѣста въ Апокалипсисѣ, гдѣ говорится объ украшеніи основаній стѣны Новаго Іерусалима, и съ двѣнадцатью апостолами, происшедшими отъ 12 колѣнъ израилевыхъ. Самый текстъ этихъ послѣднихъ редакцій азбуковниковъ нисколько не похожъ на статью Епифанія Кипрскаго Слѣдуетъ замѣтить далѣе, что въ азбуковникахъ обыкновенно свѣдѣнія о двѣнадцати камняхъ повторяются; они являются вмѣстѣ въ статьѣ Епифанія Кипрскаго и каждыя порознь въ опредѣленныхъ буквахъ. Въ послѣднемъ случаѣ свѣдѣнія обширнѣе и взяты только отчасти изъ хронографовъ и космографій. Первый камень, свѣдѣнія о коемъ находимъ мы въ Изборникѣ Святослава 1073 г. и у Епифанія Кипрскаго, есть *Сардіонъ вавилонскій (σάρδιος ὁ Βαβυλώνιος)*, по своему виду красный, какъ кровь. Камень этотъ обрѣтается въ Вавилонѣ, по направленію къ Ассиріи. Сардіонъ полезенъ при опухоляхъ и ранахъ, нанесенныхъ желѣзомъ. Второй камень *топазій (τοπάζιον)* красенъ по внѣшнему своему виду[2]). Топазъ родится въ Паизѣ (въ Топазѣ — *ἐν Τοπάζῃ*), индійскомъ городѣ. Камень этотъ имѣетъ цѣлебное свойство. Топазъ трутъ медицинскимъ брускомъ *(ἐν ἰατρικῇ ἀκόνῃ)* и получаютъ такимъ образомъ молочнаго цвѣта сокъ. Послѣдній полезенъ при глазныхъ болѣзняхъ: поятъ имъ отъ водяной болѣзни страдающихъ *(τοῖς ἀπὸ σταφυλῆς θαλασσίας μαραινομένοις)*. Третій камень *змарагдъ (σμάραγδος*, смарагдъ, изумрудъ), именуемый также яхонтомъ, изумрудомъ, имѣетъ свѣтло-зеленый цвѣтъ. Его находятъ въ горахъ индійскихъ. Смарагдъ такъ блеститъ, что можно

[1]) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 248—249. Свѣдѣнія въ томъ видѣ буквально взяты въ Толкованія Андрея Кесарійскаго на Апокалипсисъ. См. св. Андрея, арх. Кесаріи Каппадокійскія Толкованіе на Апокалипсисъ св. ап. и св. Іоанна Богослова. Сл. 23 гл. 21 зач. 67, стр. 237—241. Москва, 1709 г.

[2]) Пропускъ: *ἐρυθρὸς τῷ εἴδει ὑπὲρ τὸν ἄνθρακα.*

видѣть въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Добываютъ его, по однимъ, въ мѣдныхъ рудахъ, по другимъ, въ дебряхъ золотой руды, откуда истекаютъ источники. Смарагдъ охраняютъ орлы (по нѣмец. лапидарію Конрада Мегенберга, грифы). Находятъ его въ орловыхъ гнѣздахъ. Иные смарагды не гладки, но шероховаты — „исполнены прыщевъ“, подобно камню халкидону, привозимому изъ Англіи. Смарагдъ исцѣляетъ смертоносную язву, избавляетъ отъ смерти окормленнаго человѣка, очищаетъ засоренный желудокъ, укрѣпляетъ зрѣніе того, кто часто смотритъ на него: посящему смарагдъ „веселье наводитъ“. Четвертый камень *анфраксъ* (*ἄνθραξ*, carbunculus) такъ же красенъ, какъ горячій уголь. Находятъ анфраксъ въ Халкидонѣ Ливійскомъ, именуемомъ также Африкой. Разсказываютъ, что камень этотъ находятъ не днемъ, а ночью, потому что онъ издалека свѣтится, какъ уголь, сверкая искрами. Блескъ анфракса пробивается наружу даже тогда, когда онъ завернутъ бываетъ въ одеждѣ. Пятый камень *сапфиръ* (*σάπφειρος*), пурпуроваго цвѣта, находится въ Индіи и Еѳіопіи. Истертый и смѣшанный съ молокомъ, сапфиръ лѣчитъ опухоли. Въ кн. Исходъ говорится, что данный Моисею на горѣ Синаѣ законъ написанъ на сапфирѣ; изъ сапфира было и подножіе Божіе[1]). Шестой камень *іасписъ* (*ἴασπις*, алмазъ), зеленаго цвѣта, находится на устьи рѣки Ѳермодонты и на Аманійскомъ Кипрѣ[2]). Седьмой камень, краснаго цвѣта, *іоакинфъ* (гіацинтъ, яхонтъ называемый и лигиріаномъ (*λιγύριον*, ligurius), обрѣтается во внутренней Варваріи Сирійской, или Скиѳіи. Внутри пустыни Великой Скиѳіи находится пропасть, проникнуть въ которую человѣку совершенно невозможно, потому что она чрезвычайно глубока и со всѣхъ сторонъ окружена каменными стѣнами. Сюда ссылаются царями преступники или для того, чтобы погибнуть имъ здѣсь, или же добыть нѣсколько кусочковъ іоакинфа и получить прощеніе. При этомъ прибѣгаютъ къ слѣдующей хитрости. Закалаютъ овцу, снимаютъ кожу и бросаютъ эту кожу въ пропасть. Находящіеся на днѣ пропасти іоакинфы прилипаютъ къ кожѣ. Орлы, услышавъ запахъ мяса, влетаютъ

[1]) Алфавитъ № 15 л. 396 № 19 л. 96 об. — 97. Хронографъ л. 220.

[2]) Свѣдѣнія, имѣющіяся объ іасписѣ въ Алфавитахъ, Сборникѣ Святослава, Палеяхъ, Хронографахъ, составляютъ только начало статьи Епифанія Кипрскаго. См. Алфавитъ № 18 л. 231 у Епифанія Cap. VII pag. 297.

въ пропасть, вытаскиваютъ изъ нея кожу съ прилипшими камнями. Преступники наблюдаютъ, гдѣ спустятся орлы съ кожей, и послѣ собираютъ оставшіеся камни. Камень іоакинѳъ имѣетъ такое дѣйствіе, что если положить его на горящіе угли, то онъ погашаетъ ихъ, самъ же остается невредимымъ. Затѣмъ, если кто завернетъ іоакинѳъ въ какую-нибудь матерію и будетъ держать надъ огнемъ, то матерія не сгоритъ. Іоакинѳъ помогаетъ женщинамъ при разрѣшеніи отъ бремени[1]). Свѣдѣнія азбуковника о камнѣ іоакинѳѣ буквально сходны съ статьей Изборника Святослава, Палеей, хронографомъ и значительно отличаются отъ греческаго подлинника Епифанія. Сходство греческаго подлинника съ текстомъ алфавитовъ состоитъ только въ указаніи мѣста нахожденія іоакинѳа и тѣхъ дѣйствій, какія производитъ онъ на горящіе угли и на разрѣшающуюся отъ бремени, о способѣ же пріобрѣтенія камня ничего не сказано. Осьмой драгоцѣнный камень *агатесъ (ἀχάτης, агатъ)*, по алфавиту № 19, находится въ Скиѳіи. Цѣлебное свойство его состоитъ въ томъ, что сокомъ агатеса, добываемымъ чрезъ треніе, излѣчиваются раны, причиненныя змѣей, скорпіономъ и другими ядовитыми животными[2]). По азбуковнику же № 18, агатесъ, агагатокъ и ахатисъ онъ же, „черн и свѣтелъ“. Если зажечь агатесъ, то будетъ горѣть и въ водѣ; затушить его можно только масломъ. Агатесъ помогаетъ въ падучей болѣзни, отгоняетъ нечистыхъ духовъ, противодѣйствуетъ чарамъ волхвовъ, охраняетъ отъ ужей. Добываютъ агатесъ въ англійскомъ королевствѣ и въ Скиѳіи или внутренней Варваріи, именуемой сѣверной странѣ, гдѣ живутъ Готѳы[3]). Девятый драгоцѣнный камень *амеѳусій (ἀμέθυστος, аметистъ)*, имѣющій цвѣтъ пламени, добывается въ горахъ ливійскихъ, близъ морскихъ береговъ[4]) и въ чешскомъ королевствѣ. Помогаетъ амеѳусій во всѣхъ немощахъ, особенно же въ пьянствѣ и больной склонности къ смѣху[5]). Десятый драгоцѣнный камень *хризолиѳъ (χρυσόλιθος,*

[1]) Алфавитъ № 18 л. 97, алфавитъ № 15 л. 231, Хронографъ гл. 98 л. 221, Палея № 653, рук. Солов. библ. л. 186, Извлеченіе изъ Изборника Святослава, см. въ истор. христоматіи Буслаева л. 264.

[2]) Алфавитъ № 19 л. 97 об. Свѣдѣнія нѣсколько короче, чѣмъ въ греч. текстѣ у Епифанія. См. Cap. VIII pag. 300.

[3]) Алфавитъ № 18 л. 54. Космографія гл. 42 л. 138 об.

[4]) Буквальное сходство съ Изборникомъ Святослава.

[5]) Алфавитъ № 18 л. 57 об. Космографъ гл. 8.

хризолитъ), напоминающій [1]) своимъ цвѣтомъ золото, добывается въ колодцѣ раздвоившейся скалы, близъ Ахимениды, Вавилонской рѣки[2]). Если тереть хризолитомъ по больному желудку, то получается облегченіе[3]). Одиннадцатый камень *вириллъ* (*βηρύλλιον*, бериллъ), свѣтло-зеленаго цвѣта, добывается около Тавра[4]). Двѣнадцатый драгоцѣнный камень *онухіонъ* (*ὀνύχιον*, onyx) имѣетъ золотистый цвѣтъ — „русъ“; добывается около Тавра. Кромѣ того въ алфавитахъ встрѣчается не мало описаній и другихъ камней. Изъ нихъ замѣчательны: *адамантъ*, діамѣнтъ, по-московски алмазъ, по внѣшнему своему виду похожъ на цвѣтъ нашатыря; внутри темнѣе камня хрусталя. По природѣ своей адамантъ „студенъ и сухъ“ и настолько твердъ, что не подвергается никакимъ разрушительнымъ дѣйствіямъ. Адамантъ можетъ нѣсколько смягчиться только въ одномъ случаѣ, если положить его въ мясо и кровь козла, напоеннаго предварительно виномъ и накормленнаго петросиліевой травой. Величина камня небольше лѣсного орѣха. Адамантъ добывается въ арабскихъ и кипрскихъ странахъ, на Моллукскихъ островахъ и въ чешскомъ королевствѣ. Адамантъ кипрской страны имѣетъ то особенное свойство, что, будучи положенъ подъ магнитъ, уничтожаетъ силу послѣдняго. Кромѣ того, если воинъ носитъ адамантъ на лѣвой сторонѣ, то ему предстоитъ опасность отъ непріятеля, ссоры и нечистыхъ духовъ[5]). *Аспидъ*, по словамъ Альберта Великаго, бываетъ десяти цвѣтовъ, изъ коихъ самый лучшій свѣтлозеленый съ пурпуровыми жилками внутри. Аспидъ полезенъ въ лихорадкѣ, при разрѣшеніи отъ бремени; „отъ потопленія избавляетъ, стѣни ночныя отгоняетъ, веселіе наводитъ и все уздравливаетъ“. Въ Испаніи, въ Кефалонскомъ княжествѣ, есть цѣлая гора изъ чистаго аспида. Гора эта высится какъ квадратный столбъ, имѣя въ окружности 11,000 саженъ[6]). *Яхонтъ*. Азбуковники предлагаютъ свѣдѣнія о двухъ видахъ яхонта: червленаго и лазореваго. Червленый яхонтъ, говорится въ алфавитѣ, отго-

[1]) Пропускъ: *Τοῦτον τινὲς χρυσόφυλλον καλοῦσι.*

[2]) Пропускъ: *ὅτι φασὶν, ὁ πατὴρ Κύρου τοῦ βασιλέως, Ἀχαιμένης ἐκαλεῖτο.*

[3]) Алфавитъ № 18 л. 470. Хронографъ гл. 98 л. 220 об.

[4]) Алфавитъ № 19 л. 98. Космографъ гл. 61. Изборникъ Святослава. См. въ истор. христоматіи Буслаева стр. 265.

[5]) Алфавитъ № 18 л. 54. Космографія гл. 40 л. 148.

[6]) Тамъ же л. 66. Космографія гл. 24 л. 118.

нлеть страшные и лихие сны, подаетъ глазамъ свѣтлость, укрѣпляетъ сердце. Вотъ что разсказывается о немъ въ 71 главѣ Космографіи. Въ Великой Индіи, на островѣ Пробанѣ, есть большая гора, подъ коей и находятъ червленый яхонтъ. Другой цвѣтъ яхонта, лазоревый, ясенъ и свѣтелъ, какъ небо. Лазоревый яхонтъ носитъ и другое названіе — сертитесъ, по мѣсту его нахожденія на берегу рѣки Сертиты. Цѣлебныя свойства яхонта: онъ очищаетъ тѣло, усмиряетъ тѣлесную похоть, гнѣвъ, уничтожаетъ страхъ, сохраняетъ отъ повѣтрія[1]). *Целенитесъ.* Существуетъ разсказъ, что целенитесъ вынимаютъ изъ желвы (черепахи). Цвѣтомъ целенитесъ походитъ на жемчугъ. Сила этого камня заключается въ томъ, что при помощи его волхвы могутъ предсказывать будущее. При этомъ волхвы кладутъ целенитесъ подъ языкъ, выполоскавши предварительно ротъ чистой водой. Волхвованіе совершаютъ отъ солнечнаго восхода до шестого часа; при мѣсячномъ зарожденіи въ продолженіе всего дня, при ущербѣ — чрезъ день. Камень целенитесъ въ огнѣ не горитъ[2]). *Магнитъ* родится въ индійскихъ горахъ, близъ морского берега. Магнитъ цвѣтомъ походитъ на желѣзо и имѣетъ свойство притягивать послѣднее. Отсюда, когда корабль приблизится къ горѣ, имѣющей въ себѣ много магнита, то всѣ гвозди выдергиваются изъ корабля и примыкаютъ къ магнитамъ. Уничтожить силу магнита можно лукомъ и чеснокомъ. Натертый этими злаками магнитъ снова получитъ свою силу, если продержать его цѣлую ночь въ крови козла. Магнитъ лѣчитъ водотечную болѣзнь[3]). *Янтарь* добывается въ Пруссіи. Родится янтарь въ морѣ отъ солнечныхъ лучей; полезенъ въ глазныхъ болѣзняхъ. Янтарь былъ особенно любимъ Нерономъ. Послѣдній посылалъ за янтаремъ въ Германію рыцаря, который и вывезъ его такое множество, что Неронъ сдѣлалъ изъ янтаря блюда, тарелки и ложки, кубки, рукоятки сабель. Честь открытія янтаря принадлежитъ итальянцамъ. Они первые нашли этотъ камень на берегу Адріатическаго моря, подъ городомъ Падуа, близъ Венеціи. Гречанки первоначально умывались виноградны́мъ сокомъ, но потомъ начали выдѣлывать изъ янтаря водку съ при-

---

[1]) Алфавитъ № 18 л. 509. Космографія гл. 24, л. 243.

[2]) Алфавитъ иностр. рѣчей № 18 л. 481 об. — 482.

[3]) Тамъ же л. 291.

мѣсью магнита и этимъ составомъ умываетъ, съ наговоромъ, свое лицо, вѣря, что какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо и теплый янтарь все, такъ и составъ, коимъ умываются онѣ, имѣетъ свойство привлекать къ женщинамъ мужчинъ. Арабы называютъ этотъ составъ *карамбе* — привлеченіе [1]).

Изъ приведенныхъ нами описаній камней видно, что всѣ они составлены по одной формѣ: всѣ они касаются внѣшняго вида камня, мѣста, нерѣдко способа добыванія его и цѣлебныхъ свойствъ. Въ такомъ же видѣ являются и описанія растеній. Изъ растеній въ алфавитахъ описываются сахарный камышъ (тростникъ), перецъ, табакъ, корица, корольки, индѣйскіе орѣхи, мамврійскій дубъ и др. Вотъ, напр., какъ описываются сахарный тростникъ и перецъ. *Камышъ сахарный* родится въ испанскихъ владѣніяхъ въ Индіи, на островѣ ап. Ѳомы. Сахаръ находится въ срединѣ камыша и составляетъ его сердцевину. Сѣмянъ у камыша нѣтъ. Обыкновенно садятъ вѣтви камыша, изъ коихъ вырастаютъ новые камыши. Изъ камышей вынимаютъ сердцевину, наполняютъ ею чапы и выжимаютъ сокъ. Выжатый сокъ варятъ до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлается чернымъ, какъ смола. Дабы сваренный сокъ имѣлъ бѣлизну, для этого кладутъ въ него яичный бѣлокъ. Послѣдній, уничтожая черноту, нисколько не смѣшивается съ сахаристымъ сокомъ. Сахарный камышъ растетъ также въ Іерусалимѣ. Сахаръ изъ него выдѣлываютъ такъ же, какъ и на островѣ св. Ѳомы, съ тѣмъ только различіемъ, что въ сваренный сахарный сокъ не кладутъ яичнаго бѣлка [2]). *Перецъ* рождается въ Индіи. Люди, живущіе въ той части Индіи, гдѣ родится перецъ, малаго роста и малосильны. Жилищемъ ихъ служатъ пещеры съ низкими и узкими отверстіями. Когда перецъ созрѣетъ, то жители выходятъ изъ своихъ пещеръ, складываютъ въ одну кучу множество соломы и дровъ и зажигаютъ ихъ. Это дѣлается для того, чтобъ очистить то мѣсто, гдѣ родится перецъ, отъ множества змій и ядовитыхъ гадовъ. Послѣдніе стараются укрыться отъ огня въ ямахъ и собираются туда въ громадномъ количествѣ. Жители накладываютъ въ ямы дровъ и сожигаютъ ихъ вмѣстѣ съ гадами. Очистивъ землю, жители начинаютъ собирать перецъ.

---

[1]) Тамъ же л. 509.

[2]) Алфавитъ № 18 л. 495. Космографія гл. 25 л. 119.

Зоологическія свѣдѣнія азбуковниковъ взяты изъ Шестоднева Іоанна, экзарха болгарскаго, поэмы Георгія Писидійскаго, Палеи, Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова, сочиненій Максима Грека, путешествія Трифона Коробейникова, хронографовъ и космографій и др. Въ азбуковникахъ описываются: верблюдъ, змѣя, эхидна, звѣрь индрикъ, левъ, глухой аспидъ, онагръ, ехинъ, касторъ, саламандра, дельфинъ, крокодилъ, онокентавръ или китоврасъ, химера, морской скиллъ, свѣтящійся червь, шелковистый червь. Вотъ, напр., какъ описываются эхидна, индрикъ, аспидъ, дельфинъ, китоврасъ, скиллъ, свѣтящійся червь. Эхидна змѣя весьма велика, отъ головы до пояса какъ дѣвица, остальная часть змѣина съ длиннымъ хвостомъ. Когда настанетъ время рожденія змѣятъ, послѣднія прогрызаютъ чрево матери, выползаютъ въ отверстіе и пожираютъ мать[1]). *Индрія* или *Индрикъ* — маленькій звѣрокъ, похожій на пса, живетъ въ рѣкѣ Нилѣ и убиваетъ крокодила[2]). *Аспидъ глухой*. Свѣдѣнія алфавитовъ о глухомъ аспидѣ не вездѣ одинаковы. Сказаніе объ аспидѣ въ алфавитѣ № 19 буквально сходно съ текстомъ Палеи, между тѣмъ сказаніе въ алфавитѣ № 18 представляетъ большое различіе. Дабы нагляднѣе видѣть разности сказаній объ аспидѣ, имѣющихъ, впрочемъ, въ основѣ одно общее преданіе всѣхъ народовъ, выпишемъ ихъ буквально.

По алфавиту № 19.

Аспида есть змія крылата; носъ имѣетъ птичей и два хобота; а въ коей земли вселится, ту землю пусту учинитъ; живетъ въ горахъ каменныхъ; не любитъ же трубнаго гласа. Пришедше же обаянницы обаяти ю, и копаютъ ямы и садятся въ ямы съ трубами, и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываютъ сунъклитомъ, и ста-

По алфавиту № 18.

Аспидъ глухій составомъ до колѣнъ во всемъ подобенъ крылатой дѣвицѣ, а съ колѣнъ обѣ ноги свилися, а на концы зміева глава, а на задѣ на спинѣ крылѣ велицы остры, яко желѣзо и камень пресѣцающе на полы. А жилище имѣетъ на морѣ и на горѣ высоцѣ на камени, и опрочь (кромѣ) горы и камени не ложится ни гдѣ; лѣтаетъ по виноградомъ, тѣмъ питается,

[1]) Алфавитъ № 18 л. 191. об. — 192.

[2]) Алфавитъ № 18 л. 231. Шест. Іоан. екз. болг. ст. 5.

вятъ у себе угліе горящее, да разжизають клещи, и егда вострубятъ, тогда она засвищетъ, яко горѣ потрястися, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое положитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ и нашедъ диру малу начнетъ битися, человѣцы же ухвативше ея клещами горящими и держатъ крѣпце. Отъ ярости же ея сокрушатся клещи не едины, но двои или трои, и тако сожжена клещами, умираетъ. А видомъ она пестра всякимъ цвѣтомъ; а на земли не садится, токмо на камени. Сему аспиду уподобишася жидове, отъ зависти бо не терпяще душеспасительна поученія слышати, затыкаху уши своя, яко же о нихъ предглаголетъ пророкъ Давидъ вопія: яко аспидъ глухій затыкаяй уши свои, еже не слышати гласа обавающихъ, обавается отъ премудраго и прочее [1]).

и напитався, прилетевъ спитъ на камени въ пустомъ мѣстѣ. Ловцы же, егда ощутятъ, яко отлетѣлъ есть питатися по винограду, приходятъ и ископаютъ себѣ въ земли яму велику, и повелятъ себе сверху землею же засыпать накрѣпко и сровняютъ съ землею и возмутъ съ собою четыре трубы и сдѣлаютъ на всѣхъ четырехъ странахъ по окну. И какъ аспидъ, насытився, прилѣтитъ изъ винограда, и ляжетъ на камени почивати, и ловцы въ то время затрубятъ изъ одного окна въ трубу, и онъ на трубный гласъ бросится къ окну; и они вострубятъ на другой странѣ, и онъ туды бросится, и тако творятъ, дондеже не утомятъ. И какъ онъ утомится, и онъ взыдетъ на тотъ же камень, и они начнутъ трубити отъ всѣхъ четырехъ оконъ въ трубы, и онъ, не терпя гласа трубнаго слышати, хоботомъ своимъ провертитъ свои уши на сквозь, и свіется въ кольце, и отъ того треснетъ, и своею кровію камень весь обольетъ, яко и внутренняя вся каменю обагрится кровію его, и напіется камень крови аспидовы, и будетъ яко темно осѣненъ, и пришедше ловцы тотъ камень разбиваютъ, и

[1]) Алфавитъ № 19 л. 24 об. — 25. См. Палев. рук. Солов. библ. № 711 л. 26 об. — 27.

отвозатъ его по многимъ государствамъ. А иные глаголютъ аспидъ змей, не высоко летаетъ, аще ли бы высоко лѣталъ, то бы-де погубилъ всю страну ту, гдѣ живетъ; а камень-де аспидъ вынимаютъ у него изъ головы, и дорогъ велми есть[1]).

Саламандра звѣрь, изъ породы ящерицъ, съ телячьей головой и телячьими ушами, живетъ на островахъ подъ горою Этной и на островѣ Пробанѣ, въ огнѣ, которымъ и питается. Огонь не только не вредитъ саламандрѣ, но, напротивъ, составляетъ необходимое условіе для ея существованія. Волна на саламандрѣ желта, невелика и мягка, какъ шелкъ. Полотна, выдѣланныя изъ волны саламандры, облитыя масломъ, кладутся на часъ въ огонь, откуда вынимаются совершенно чистыми и какъ бы новыми. Такое свойство полотенъ изъ саламандровой волны собственными глазами видѣли всѣ, пріѣзжающіе изъ иностранныхъ государствъ[2]). Въ Греціи саламандры спадаютъ на землю вмѣстѣ съ дождемъ изъ облаковъ. Величиною они бываютъ съ пядь; ногъ у нихъ четыре, какъ у мыши; хвостъ мышиный. Если бросить саламандру въ огонь, то не причинимъ ей никакого вреда. Іоаннъ, экзархъ болгарскій, разсказываетъ, что они спадаютъ съ дождемъ въ Өивахъ Египетскихъ[3]). *Дельфинъ,* морское животное, если увидитъ утопающаго человѣка, то подплываетъ къ нему и выноситъ его на сушу. Весной, предчувствуя тишину, дельфинъ плещется водой и играетъ. Мясо дельфина, по Индикоплову, какъ свиное и съ дурнымъ запахомъ[4]). *Онокентавръ* — звѣрь китоврасъ, имѣющій до пояса станъ человѣческій, а отъ пояса лошадиный. Онокентавра изображаютъ съ натянутымъ лукомъ, но это ложь: не имѣетъ онъ ни лука, ни стрѣлъ[5]). *Хи-*

1) Алфавитъ № 18 л. 66.

2) Алфавитъ № 18 л. 246. Хронографъ гл. 10 л. 232.

3) Хронографъ гл. 101 л. 232. Космографія гл. 10 л. 46.

4) Алфавитъ № 18 л. 395. Шестодневъ Іоанна экз. болг. сл. 6. л. 401. Смотр. Вас. Вел. въ рус. переводѣ Ч. I. стр. [illegible]. Греч. под. Homil. IX. pag. 189.

5) Тамъ же л. 470. Поученія Григорія Богослова 9 сл. 24 ст.

мера — „спереду левъ, а сзади змiи, а въ срединѣ коза. Богословъ же отъ Омира веемъ таковую рѣчь, онъ бо глаголетъ, еже огнемъ дыхати ему“ [1]). *Морской скиллъ* (сцилла) — звѣрь о шести песьихъ головахъ, грудь дѣвичья, остальная часть змѣиная. Скиллъ водится въ морскихъ омутахъ и пожираетъ корабли [2]). *Свѣтящiйся червь*. На островѣ Шпанiолѣ есть червь величиною съ суставъ пальца, имѣющiй четыре крылышка. Червь блеститъ ночью такъ свѣтло, что при немъ можно читать и писать безъ свѣчи. Кто повеситъ ночью червяка на рукѣ, у того свѣту будетъ столько же, сколько было бы отъ большой свѣчи или фонаря.

Изъ птицъ въ азбуковникахъ описываются: ласточка, стергъ или неясыть, алконостъ, феликсъ, харадръ и строфокамилъ. Ласточка весело щебечетъ въ продолженiе всего лѣта и, когда приблизится зима, улетаетъ въ лѣсъ, залѣзаетъ за кору дерева и здѣсь, теряя перья, умираетъ. Съ наступленiемъ весны, она облекается въ перья, оживаетъ и снова щебечетъ цѣлое лѣто. Воскресенiе ласточки указываетъ и на будущее возстанiе отъ мертвыхъ [3]). *Стергъ* или *неясыть*. Дѣла стерговъ, говорится въ азбуковникѣ, недалеки отъ разумнаго совѣдѣнiя. Всѣ они въ одно время прилетаютъ въ страну Болгарскую — „вси придутъ на мѣста болгарскiя“ [4]) — и всѣ, какъ подъ однимъ знаменемъ, улетаютъ. Ихъ окружаютъ и сопровождаютъ наши вороны, которыя подаютъ имъ помощь противъ неприязненныхъ птицъ. Доказательствомъ этого служитъ, съ одной стороны, то, что около этого времени вовсе не видно воронъ, а съ другой стороны то, что вороны возвращаются съ ранами, — ясными знаками ратоборства [5]). Состарѣвшiеся стерги вотъ какимъ попеченiемъ пользуются отъ своихъ дѣтей. Молодые стерги, обступивъ отца, у котораго отъ старости вылиняли

[1]) Алфавитъ № 18 л. 404 об.

[2]) Алфавитъ № 18 л. 273. Выписано изъ 69 гл. Георгiя Писида. См. Шестодневъ Iоанна, экз. болгар. № 341 л. 507 об. — 508. Греч. подлин. См. у Migne Patr. curs. comp. Tom. XCII pag. 1534—1536. Georgii Pisidae Hexaemeron. Vers. 216—217.

[3]) Алфавитъ № 18 337 об. л. Поуч. Григор. Бог. сл. 9.

[4]) Въ Шестодневѣ Iоанна экз. болгар., откуда взяты свѣдѣнiя о стергахъ, это мѣсто читается просто: „прiидутъ на сiя мѣста“.

[5]) Далѣе пропущено мѣсто, въ коемъ Iоаннъ экз. болгар. пускается въ разсужденiя касательно страннопрiимства.

перья, согрѣваютъ его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, поддерживая съ обѣихъ сторонъ своими крыльями [1]). Птица неясыть, говоритъ другое сказаніе, подобна журавлю. По-славянски называется она стергомъ, или буселемъ или же бѣлымъ журавлемъ. Неясыть питается зміями. Чтобы сохранить дѣтей своихъ отъ враговъ — змій, неясыть вьетъ свое гнѣздо на высокихъ каменныхъ скалахъ и деревьяхъ. Змѣи въ то время, какъ неясыть оставляетъ птенцовъ своихъ, не имѣя возможности вползти на скалу или дерево, выбираютъ болѣе удобное мѣсто, прилегающее къ гнѣзду неясыти. Чаще всего змѣи влѣзаютъ на смежное съ гнѣздомъ неясыти дерево и ждутъ, пока сильный вѣтеръ наклонитъ вѣтвь къ гнѣзду. Въ это благопріятное для нихъ время змѣи выпускаютъ изъ себя противъ вѣтра ядъ, который уносится вѣтромъ въ гнѣздо и отравляетъ молодыхъ птенцовъ. Родители послѣднихъ, увидѣвъ, по возвращеніи своемъ, дѣтей мертвыми, простираютъ надъ ними крылья, носомъ пробиваютъ себѣ грудь и проливаютъ на отравленныхъ птенцовъ свою кровь, отъ которой они и оживаютъ. Птица неясыть есть образъ Христа. Птенцы это мы, умерщвленные смертоноснымъ жаломъ змія — діавола; біеніе неясыти въ грудь и источеніе крови для оживленія птенцовъ — это пробожденіе копьемъ ребра Христова и наше избавленіе отъ смерти — грѣха [2]). *Алконосъ* или *алконостъ* вьетъ себѣ гнѣздо у самыхъ береговъ моря и здѣсь кладетъ яйца. Дѣтей выводитъ въ зимній годъ (въ зимнее время). Когда станетъ приближаться время вывода дѣтей, алконостъ вынимаетъ яйца изъ гнѣзда, ввергаетъ ихъ въ морскую глубину, а сама садится на поверхности моря. Въ это время умолкаютъ вѣтры, и морская вода не движется до тѣхъ поръ, пока, въ теченіе седми дней, алконостъ сидитъ на гнѣздѣ и пока не выведутся птенцы и не познаютъ своихъ родителей. Смотри, говоритъ сказаніе, какъ всемогущій Богъ промышляетъ о безсловесныхъ животныхъ и ради нихъ удерживаетъ великое и страшное море. Неужели не совершитъ Богъ чудесъ

---

[1]) Алфавитъ № 18 л. 401. Шестодневъ Іоанна экз болгар сл. 5 л. 306. См. Твор. Вас. Вел. въ рус. п. Ч. 1 стр. 145—146 греч подл. Homil. VIII. pag. 176

[2]) Алфавитъ № 18 л. 317. См. сочин. препод. Максима Грека, изд. при Каз. духов. акад. Ч. III стр. 272—273.

для человѣка, созданнаго по Его образу[1]). *Фениксъ* птица великой Индіи, неимѣющая подобной пары и никогда не рождающая дѣтей. Питается она кедрами ливанскими. Когда фениксъ состарѣется, то взлетаетъ на воздушную высь, захватываетъ своими перьями часть небеснаго огня и сгараетъ вмѣстѣ съ гнѣздомъ. Изъ пепла ея является червь, который со временемъ вырождается въ птицу фениксъ[2]). Есть фениксъ и въ Аравіи, близъ Индіи. Живетъ она на кедрахъ ливанскихъ. Чрезъ 500 лѣтъ, въ то время, какъ въ солнечномъ городѣ священникъ зазвонитъ въ церкви, фениксъ сама сожигаетъ себя, снова чрезъ 500 л. возрождается и опять сожигается[3]). *Харадръ* бѣлая птица, неимѣющая на себѣ пестроты. Внутренностями этой птицы лѣчатъ глазныя болѣзни. По полету харадра судятъ объ исходѣ болѣзни. При этомъ наблюдаютъ, если харадръ отворотится отъ больного, то, значитъ, его ожидаетъ смерть; если же весело полетитъ противъ солнца, то больной выздоровѣетъ. Въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно предполагаютъ, что харадръ уноситъ съ собой болѣзнь и развѣваетъ ее по воздуху. Харадръ прообразуетъ собою солнце праведное — Христа, происшедшаго, согласно пророчеству Іакова (Быт. 49 гл.), отъ колѣна іудина. Христосъ, принявъ на себя плоть, сошелъ съ небесъ въ родъ еврейскій, но отвратилъ отъ нихъ свое Божество и даровалъ прозрѣніе язычникамъ. Онъ принялъ на себя прежнее невѣріе язычниковъ, вознесъ его на пречестный крестъ, источилъ кровь и воду, дабы со-

---

1) Взято изъ Палеи. См. Палею № 653, рук. Солов. библ. л. 26. Шестодневъ Іоанна экз. болгар. сл. 5, л. 308. Твор. Вас. Великаго въ рус пер. Ч. I, стр. 117. Греч. подл. Homil. VII. pag. 177.

2) Свѣдѣнія эти буквально взяты изъ Палеи съ небольшимъ измѣненіемъ начала, которое въ Палеи читается такъ: „Есть же въ велицей Индіи птица фениксъ, о ней же и Давидъ пророкъ въ 91 псал. рече: праведникъ яко фениксъ процвѣтеть". Авторъ Палеи смѣшиваетъ птицу фениксъ съ финиковымъ деревомъ, которое разумѣется у пророка Давида. Палейныя сказанія въ общемъ сходны съ свѣдѣніями, предложенными св. Епифаніемъ кипрскимъ въ Физіологѣ. См. Epiphami Physiologus Cap. XI. См. у Migne, patr. curs. comp. Tom. XLIII p. 524.

3) Алфавитъ № 18 л. 459. Конца свѣдѣній, предложенныхъ алфавитомъ о фениксѣ аравійскомъ, въ Палеѣ нѣтъ. Свѣдѣнія о птицѣ фениксѣ ведутъ свое начало съ незапамятныхъ временъ. Еще древними египтянами признавалась она миѳическою птицею, сгоравшею при приближеніи смерти въ своемъ гнѣздѣ и потомъ опять выходившею изъ золы обновленною. Сохранилась въ памяти народа, миѳологическія сказанія о фениксѣ перешли и въ литературные памятники.

вершенно очистить родъ человѣческій отъ грѣха[1]). *Струфокамилъ.* Свѣдѣнія о немъ взяты азбуковниками изъ соч. преп. Максима Грека и путешествія Трифона Коробейникова. По Максиму Греку, струфокамилъ, животное ливійскихъ странъ, величиною съ собаку, имѣетъ кожаныя крылья и голое тѣло. Струфокамилъ ходитъ, а не летаетъ. Большое, бѣлое и гладкое яйцо его вѣшаютъ въ церквахъ подъ паникадиломъ не для красоты, а для назиданія: дабы очи наши всегда простерты были къ Господу. По Трифону Коробейникову, струфокамилъ водится около синайскаго монастыря. Вышиною струфокамилъ будетъ человѣку по плечи; голова телячья (утиная по сп. Сахарова); ноги долги, какъ у журавля, съ раздвоенными копытами; крылья кожаныя. Струфокамилъ больше ходитъ по землѣ, чѣмъ летаетъ по воздуху.

Карповъ.

Западныя школы въ XVII столѣтіи.[2])

Въ настоящее время задачи школы опредѣляются различно: кто видитъ эти задачи въ гармоническомъ развитіи способностей, кто преимущественно въ формальномъ развитіи ума, кто въ сообщеніи систематическихъ свѣдѣній главнымъ образомъ реальнаго содержанія и т. д. Почти всѣ опредѣленія имѣютъ свѣтскій характеръ и стоятъ на почвѣ антропологіи, психологіи, науки объ обществѣ и т. п. Опредѣленія цѣлей школы и образованія съ точки зрѣнія богословія и религіи встрѣчаются сравнительно рѣдко, такъ какъ предполагается, что религіозная сторона не можетъ обнимать и заключать въ себѣ всего существа человѣка, всей жизни. Поэтому чисто религіозное опредѣленіе задачъ школы представляется недостаточно широкимъ. ово уже своего предмета. Не такъ смотрѣли на дѣло въ XVII вѣкѣ.

[1]) Алфавитъ № 1º л. 466—467. Палея № 653 л. 131. Палейныя свѣдѣнія о характерѣ въ общемъ сходны съ свѣдѣніями св. Епифанія. S. Epiphanii Physiologus. Cap. XXIII. См. у Migne patr curs. comp. Tom. XLIII pag. 532—533.

[2]) Въ виду обилія переводовъ сочиненій Коменскаго, мы предполагаемъ воспользоваться этими переводами, чтобы набросать общую картину положенія школъ и школьниковъ XVII вѣка. Кромѣ сочиненій Коменскаго, мы воспользуемся для этой цѣли и нѣкоторыми другими произведеніями того же времени.

Въ то время религія и религіозность цѣнились выше и имѣли болѣе обширное значеніе, педагогическія разсужденія основывались на богословіи, догматы христіанской религіи о первородномъ грѣхѣ и объ искупленіи человѣка Христомъ составляли основу педагогики, бывшей простымъ примѣненіемъ богословскихъ данныхъ. Поэтому педагогическіе трактаты, какъ „Великая Дидактика“ Коменскаго, начинались разсужденіями чисто богословскаго характера о богоподобіи человѣка, первородномъ грѣхѣ и другихъ богословскихъ предметахъ. Сообразно съ этимъ и главнѣйшею задачею школы ставилось не гармоническое развитіе способностей, ума, а укрѣпленіе благочестія. Изученіе наукъ, искусствъ, языковъ не считалось главнымъ дѣломъ школы, а лишь приготовленіемъ къ нему; истинная задача школы полагалась въ насажденіи и укрѣпленіи благочестія.

По мнѣнію Коменскаго, отъ всякаго просвѣщеннаго человѣка нужно требовать трехъ свойствъ: образованія, добродѣтели, или добронравія, и религіозности, или благочестія. Подъ образованіемъ нужно понимать всю совокупность знаній объ окружающемъ, искусствахъ и наукахъ; подъ добронравіемъ не внѣшнюю только вѣжливость, но весь внутренній и внѣшній строй душевныхъ движеній; подъ религіозностью — то внутреннее благоговѣніе, вслѣдствіе котораго душа человѣка сознательно вступаетъ въ тѣсную связь съ Верховнымъ Существомъ. Эти три свойства не соединены необходимою связью, они могутъ разъединяться. Коменскій называетъ несчастнымъ то образованіе, которое не переходитъ въ нравственность и благочестіе. Кто преуспѣваетъ въ наукахъ, а въ нравственности отстаетъ, тотъ скорѣе отстаетъ, чѣмъ преуспѣваетъ. Полное же совершенство получится только тогда, когда къ образованію и добродѣтели присоединится истинное благочестіе.

Высшее изъ указанныхъ трехъ свойствъ просвѣщеннаго человѣка есть благочестіе. „Что можетъ быть первѣе или важнѣе благочестія, безъ котораго всякое другое упражненіе мало полезно, тогда какъ само оно имѣетъ обѣтованіе жизни настоящей и будущей? Это и есть единое на потребу, исканіе царствія Божія; кто къ этому стремится, тому все остальное приложится“. Поэтому отъ жителей требовалось прежде всего, чтобы они были мужи благочестивые, достопочтенные, дѣя-

тельные и ревностные, они должны были быть живыми образцами добродѣтелей, въ которыхъ образуютъ своихъ учениковъ. Они должны были учить прежде всего необходимому благочестію; потомъ добродѣтели надлежащаго обращенія между людьми; наконецъ, внѣшнему украшенію жизни — наукамъ. „Учитель прежде всего пусть остерегается, подъ страхомъ вѣчнаго осужденія, допустить кого-либо уклониться отъ благочестія, но старается всѣхъ образовать боящимися Бога. Если учитель этого не достигаетъ, то пусть считаетъ потеряннымъ все дѣло".

Благочестіе составляло въ XVII вѣкѣ высшую задачу воспитанія и образованія не только обыкновенныхъ смертныхъ, но и высокопоставленныхъ лицъ, даже самихъ принцевъ. Инструкція для воспитанія Георга III саксонскаго (родился 1647 года), гласитъ слѣдующее: „въ семь часовъ принцъ долженъ вставать, произнося: „Господи помилуй"; во время его одѣванія окружающіе должны пѣть духовную пѣснь; потомъ принцъ съ находящимся на лицо придворнымъ штатомъ отправляется къ заутренѣ, затѣмъ въ свой покой для особой молитвы, а въ проповѣдные дни — въ церковь; отъ 8 до 10 часовъ слѣдуютъ два урока, имѣющіе начинаться короткою молитвою о Божией помощи и заканчиваться благодарственнымъ псалмомъ. Время отъ 10 до 11 часовъ назначается для игръ и увеселеній, затѣмъ обѣдъ, послѣобѣденные урочные часы, наконецъ, одинъ свободный часъ для танцмейстера. Отъ 4 до 5 часовъ урокъ, отъ 5 до 6 час. для игръ и ужина, въ 8 часовъ общая молитва со всѣмъ придворнымъ штатомъ, послѣ чего принцъ удаляется въ свой покой, раздѣвается, совершаетъ свою особую молитву и ровно въ 9 часовъ ложится въ постель".

Въ приведенныхъ взглядахъ на задачи школы заслуживаетъ вниманія тотъ пунктъ, что благочестіе и нравственность считались различными вещами; что предполагалось возможнымъ быть нравственнымъ, но неблагочестивымъ, и обратно. Коменскій прямо говорилъ, что образованіе, добродѣтель и нравственность не соединены между собою необходимо; правила о развитіи нравственности и вопросъ о развитіи благочестія онъ разсматриваетъ въ различныхъ главахъ своей „Великой Дидактики". Съ другой стороны, поведеніе школьниковъ, ихъ нравы, образъ жизни вполнѣ подтверждали фактически теоретическое раздѣленіе нравственности и благочестія. Благочестія

въ школахъ XVII вѣка было весьма довольно, но хорошаго поведенія было мало: школьники, какъ только выходили за стѣны своихъ суровыхъ и съ виду благочестивыхъ школъ, какъ только чувствовали себя на свободѣ, предавались всякимъ излишествамъ.

Чему и какъ учили школьниковъ XVII вѣка въ общеобразовательныхъ школахъ?

Сообразно главной цѣли школъ — укрѣпленію благочестія въ школахъ много времени отдавалось религіознымъ упражненіямъ: ежедневному присутствію въ церкви, совершенію молитвъ и т. д. Кромѣ того, учащіеся въ самой школѣ занимались изученіемъ молитвословій, церковныхъ пѣснопѣвій, чтеніемъ библіи. Такъ какъ языкъ церкви былъ латинскій, и библія читалась въ латинскомъ переводѣ, то отсюда возникла необходимость въ знаніи латинскаго языка. Церковно-религіозная потребность совпадала въ данномъ случаѣ съ общеобразовательною, такъ какъ латинскій языкъ, будучи языкомъ церкви, былъ въ тоже время языкомъ ученыхъ, а знакомство съ римскими классиками въ подлинникѣ считалось однимъ изъ самыхъ главныхъ и существенныхъ средствъ образованія. Въ школахъ латинскій языкъ былъ разговорнымъ, говорить же на отечественномъ языкѣ воспрещалось. Новичкамъ или плохо знавшимъ латинскій языкъ было трудно, имъ приходилось молчать и всю энергію сосредоточивать на запоминаніи латинскихъ словъ и выраженій, такъ какъ за разговоръ на отечественномъ языкѣ полагался штрафъ. Былъ установленъ особый латинскій знакъ, который и вручался замѣченному въ разговорѣ на родномъ языкѣ. Каждый, у кого побывалъ такой знакъ, обязывался въ наказаніе выучить нѣсколько латинскихъ словъ и сентенцій. Ежедневно утромъ учителю докладывали, у кого былъ наканунѣ латинскій знакъ и онъ спрашивалъ штрафныя слова и сентенціи.

Этотъ обычай — допускать въ школѣ разговоръ только на латинскомъ языкѣ, а за разговоръ на отечественномъ наказывать — былъ особенно тягостенъ для новичковъ. Вотъ что говоритъ о своемъ положеніи при поступленіи въ школу одинъ изъ школьниковъ XVII вѣка: „законъ, подъ властью котораго мнѣ было наиболѣе обидно себя чувствовать, состоялъ въ обязанности никогда не говорить иначе, какъ по-латыни, я же никакъ не могъ отучиться отъ привычки произносить нѣкото-

рыя слова на моемъ родномъ языкѣ, за что мнѣ постоянно давали знакъ, влекшій за собой наказаніе. Мнѣ казалось, что я сдѣлался какъ бы однимъ изъ учениковъ Пиѳагора, о которыхъ я довольно слышалъ разсужденій, и что я, какъ и они, семь лѣтъ долженъ былъ хранить молчаніе, потому что лишь только я открывалъ ротъ, какъ меня сурово обвиняли, такъ сурово, какъ будто я былъ величайшимъ злодѣемъ въ мірѣ. Но чтобы заставить меня молчать, мнѣ слѣдовало бы отрѣзать языкъ, потому что разъ я былъ имъ снабженъ, я не могъ оставить его неплѣсневѣть. Въ концѣ концовъ, чтобы удовлетворить желанію поболтать, я былъ вынужденъ произносить всѣ латинскія слова, которыя я выучилъ, прибавляя къ нимъ исковерканныя французскія, чтобы вести разговоръ".

Оффиціально признаннымъ курсомъ школы былъ старинный средневѣковой курсъ, такъ называемыхъ, семи свободныхъ искусствъ. На практикѣ онъ сокращался и расширялся, сообразно съ постановкой школы и качествами ея руководителей. На практикѣ онъ часто состоялъ изъ Закона Божія и церковно-религіозныхъ упражненій, латинскаго языка и латинскихъ авторовъ, логики, ариѳметики и геометріи, — послѣднихъ двухъ въ ограниченномъ объемѣ. Въ лучшихъ школахъ, напримѣръ, руководимыхъ Коменскимъ, курсъ расширялся. По Коменскому. — общеобразовательный (гимназическій) курсъ школы долженъ слагаться изъ слѣдующихъ предметовъ: 1) грамматики — латинскаго и родного языковъ въ полномъ совершенствѣ, греческаго и еврейскаго, насколько необходимо; 2) діалектики — опредѣленія и различенія понятій, приведенія и опроверженія доказательствъ; 3) реторики — искусства изящнаго разсужденія о любомъ данномъ предметѣ; 4) ариѳметики, 5) геометріи — въ виду необходимости этихъ предметовъ для различнаго рода потребностей и вліянія ихъ на изощреніе духа къ изученію другихъ предметовъ; 6) музыки — практики и теоріи; 7) астрономіи — основныхъ свѣдѣній изъ области сферическаго ученія и вычисленія. Это и былъ обычный курсъ семи свободныхъ искусствъ. Коменскій же хотѣлъ его расширить и усовершенствовать; онъ хотѣлъ сдѣлать своихъ учениковъ еще: 8) физиками, которые бы понимали устройство міра, силу элементовъ, различіе животныхъ, свойства растеній и металловъ, строеніе человѣческаго тѣла и т. п.; 9) географами, имѣющими въ умѣ ясный образъ земного шара, морей, острововъ, рѣкъ,

государствъ; 10) хронологами, которымъ были бы извѣстны перевороты вѣковъ отъ начала времени; 11) историками, могущими перечислить наиболѣе важныя перемѣны въ родѣ человѣческомъ, разные обычаи и случаи въ жизни племенъ; 12) моралистами, которые умѣли бы въ совершенствѣ наблюдать роды и различія добродѣтелей и пороковъ, избѣгать послѣднихъ и слѣдовать первымъ и 13) наконецъ, богословами, которые могли бы доказывать основанія своей вѣры изъ св. Писанія. Курсъ предполагался шестилѣтній съ шестью классами; классы должны были слѣдовать въ такомъ порядкѣ: грамматическій, физическій, математическій, моральный, діалектическій, риторическій.

По облегченному и усовершенствованному методу Коменскаго обученіе нужно было вести слѣдующимъ образомъ: въ утренніе часы учитель при всеобщемъ вниманіи читалъ и перечитывалъ урокъ на данный часъ и объяснялъ, что требовало объясненія, какъ можно проще. Затѣмъ же приказывалъ читать самимъ ученикамъ по порядку, и пока одинъ читаетъ ясно и раздѣльно, остальные, молча, слѣдятъ за нимъ смотря въ свои книжки. Когда такое чтеніе продолжится около получаса или больше, тогда даровитые ученики пытаются повторить прочитанное безъ книги, а за ними болѣе медленные. Пройденное повторялось и укрѣплялось въ послѣобѣденные часы, въ которые ничего новаго не проходилось, путемъ списыванія съ тѣхъ же печатныхъ книгъ и посредствомъ соревнованія, кто лучше другого и раньше усвоилъ пройденное и можетъ повторить это, кто тверже и красивѣе пишетъ, поетъ, считаетъ и т. п.

Расписаніе учебныхъ занятій было, конечно, различно въ различныхъ школахъ. Коменскій въ этомъ отношеніи выставлялъ слѣдующій принципъ: серьезнымъ занятіямъ ежедневно отдаются только четыре часа, съ прибавкою еще утромъ часа на упражненія въ благочестіи, послѣ завтрака на занятія музыкой или математическими играми, послѣ же школы на повтореніе пройденнаго за весь день. Все же прочее время должно было оставаться свободнымъ для домашнихъ дѣлъ, отдыха и частныхъ занятій. Болѣе подробное распредѣленіе школьныхъ занятій представлялось въ такомъ видѣ: вставали въ 4 часа утра. Обыкновенно одинъ изъ старшихъ учениковъ будилъ учащихся, ходя по комнатамъ и въ зимнее время за-

жигая свѣчи; отъ 5 до 6 часовъ былъ урокъ; въ 6 часовъ обѣдня; отъ 7 до 8 отдыхъ; отъ 8 до 10 часовъ — урокъ; отъ 10 до 11 споръ и аргументація, т. е. диспутъ; въ 11 часовъ — обѣдъ, во время котораго читались житія святыхъ или библія; отъ полудня до двухъ часовъ — разныя работы, подготовленіе уроковъ; отъ 2 до 3 часовъ — отдыхъ; отъ 3 до 5 часовъ — урокъ; отъ 5 до 6 часовъ — диспутъ; въ 6 часовъ — ужинъ; въ $6^{1}/_{2}$ час. — провѣрка дневной работы; въ $7^{1}/_{2}$ час. — вечерня; въ 8 час. зимой и 9 часовъ лѣтомъ — ложились спать.

Раздѣляя общеобразовательную среднюю школу на шесть классовъ, Коменскій желалъ распредѣлить четыре обычныхъ часа классныхъ занятій такимъ образомъ, чтобы два утреннихъ (послѣ утренней молитвы) были посвящены тому знанію или искусству, отъ котораго весь классъ заимствовалъ свое названіе; первый послѣобѣденный часъ должна была занимать исторія, второй — упражненіе стиля, голоса, рукъ, сообразно съ учебнымъ матеріаломъ каждаго класса.

Изъ приведеннаго расписанія видно, что въ школьной жизни весьма видное мѣсто занимали диспуты; они происходили каждый день два раза. Диспутировали не только ученики, но и учителя, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, въ присутствіи учащихся. Вивесъ писалъ въ 1531 году: „спорили до обѣда, спорили въ теченіе обѣда, спорили послѣ обѣда; спорили публично, частнымъ образомъ, во всякихъ мѣстахъ, во всякое время“. Для такихъ безконечныхъ диспутовъ не всегда можно было найти достаточно серьезныя матеріи; по неволѣ приходилось ударяться въ тонкости и распутываніе различныхъ софизмовъ. Такъ, напримѣръ, спорили о томъ, кто держитъ свинью, ведомую на рынокъ продавать, человѣкъ или веревка? Для счета доводовъ pro и contra на диспутахъ пользовались горошинами и бобами. Диспуты бывали часто бурными; изслѣдованіе истины отходило на задній планъ, старались защитить только свое положеніе.

На ряду съ диспутами весьма виднымъ явленіемъ въ школьной жизни были экзамены. Коменскій раздѣляетъ ихъ на часовые, дневные, недѣльные, мѣсячные, третные и годовые. Часовыя испытанія производились учителемъ, дневныя — декуріономъ, недѣльныя — самими учениками, мѣсячныя — ректоромъ, третныя и годовыя сходархомъ. Часовыя испытанія заключались въ томъ, что учитель спрашивалъ урокъ учениковъ въ классѣ,

ежедневныя — въ спрашивании и повтореніи всего пройденнаго за день декуріономъ; недѣльныя — въ состязаніяхъ учениковъ о мѣстѣ. Эти состязанія происходили по субботамъ послѣ обѣда и состояли въ томъ, что ученикъ, занимающій низшее мѣсто, вызывалъ на состязаніе занимающаго высшее мѣсто, и если побѣждалъ его въ спорѣ, превосходилъ знаніями и сообразительностью, то занималъ его мѣсто; ежемѣсячно ректоръ обходилъ всѣ классы и провѣрялъ, всѣ ли мѣсячныя работы исполнены и насколько внимательно; третной экзаменъ производился схолархомъ вмѣстѣ съ ректоромъ и имѣлъ цѣлью выборъ наиболѣе способныхъ и прилежныхъ учениковъ для представленія публикѣ при раздачѣ публичныхъ наградъ; самый же важный экзаменъ былъ годовой, происходившій при переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ. На этомъ экзаменѣ спрашивались не всѣ ученики, такъ какъ это было бы очень долго, а лишь нѣкоторые, и по ихъ отвѣтамъ дѣлалось заключеніе объ успѣхахъ цѣлаго класса.

Каковы были школьныя начальства и власти въ XVII вѣкѣ? Начнемъ съ меньшихъ властей.

Нѣкоторые изъ учениковъ были уже облечены властью по отношенію къ своимъ товарищамъ. Таковы были прежде всего декуріоны, или десятники, называвшіеся позднѣе авдиторами. Классы разбивались на десятки, и во главѣ каждаго десятка ставился декуріонъ. Онъ выбирался изъ учениковъ, удовлетворительно прошедшихъ курсъ класса, достойныхъ перевода въ слѣдующій, но оставленныхъ въ томъ же классѣ для исполненія декуріонской должности. Декуріоны были такимъ образомъ учительскими помощниками. Обязанности декуріоновъ были слѣдующія: каждый декуріонъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы всѣ, довѣренные его надзору ученики, своевременно приходили въ школу и занимали свои мѣста до прихода учителя. Кому изъ учениковъ по порядку приходилось читать молитву, тотъ, по извѣщенію декуріона, долженъ былъ приготовиться. Если декуріонъ не находилъ кого-либо изъ своего десятка на мѣстѣ, то извѣщалъ объ этомъ учителя при входѣ его въ классъ. Декуріонъ же сообщалъ учителю, по окончаніи молитвы, у кого остались на ночь знаки латинскій и поведенія, и у кого они вообще были, чтобы учитель могъ прослушать заданныя въ наказаніе выучить латинскія фразы. Во время чтенія, письма и другихъ классныхъ упражненій

декурionъ долженъ былъ наблюдать за сотоварищами своего десятка, и если замѣчалъ, что кто-либо затрудняется, то помогалъ ему. Внѣ школы декурiонъ также долженъ былъ наблюдать за учениками своего десятка, чтобы они вели себя прилично, провинившихся усовѣщивалъ, а непослушныхъ отводилъ къ учителю. Особенно же декурiонъ заботился о томъ, чтобы всѣ ввѣренные ему ученики присутствовали при церковномъ богослуженiи и надлежащимъ образомъ вели себя при пѣнiи священныхъ гимновъ и во время богослуженiя. Декурiоны наблюдали за открытiемъ классной комнаты до начала школьныхъ занятiй и закрытiемъ ея по окончанiи уроковъ, а равно заботились о содержанiи ея въ чистотѣ, что и исполнялось попеременно однимъ ученикомъ въ теченiе недѣли. Декурiоны пользовались почетомъ со стороны своихъ товарищей, но за то, если они сами замѣчались въ проступкахъ, то, въ примѣръ прочимъ, подвергались наказанiю вдвойнѣ. Если декурiонъ не могъ по какой-либо причинѣ присутствовать въ классѣ, то онъ передавалъ свои обязанности своему помощнику. Декурiоны каждаго класса, по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ недѣлю, собирались въ своей учебной комнатѣ для обсужденiя вопроса о томъ, не нарушенъ ли въ чемъ-либо установленный порядокъ; если замѣчались нарушенiя или обнаруживались между товарищами споры и несогласiя, то они устраняли безпорядки и водворяли миръ собственными средствами; чего же не могли сдѣлать сами, о томъ сообщали учителю. За учениками, облеченными властью, слѣдовали учителя. Коменскiй старался внушить имъ высокое мнѣнiе объ ихъ профессiи. Онъ предостерегалъ ихъ отъ низкой оцѣнки и презрѣнiя къ самимъ себѣ. Нѣкоторые учителя, говорилъ онъ, считаютъ учительство унизительнымъ занятiемъ и идутъ въ учителя только изъ-за платы; какъ же скоро находятъ другой, болѣе выгодный родъ занятiй, то бросаютъ учительство. А между тѣмъ учительство есть столь высокая обязанность, что выше ея подъ солнцемъ нѣтъ: учителя полагаютъ своими трудами основанiя церкви и государства, воспитывая надлежащимъ образомъ юношество. Сообразно съ такимъ высокимъ назначенiемъ, учителя должны быть вполнѣ хорошими людьми, служить во всемъ образцами для учениковъ. Руководство, которое состоитъ только изъ словъ и правилъ, мало дѣйствительно, поэтому учителя пусть остерегаются быть подобными тѣмъ

придорожнымъ меркуриямъ, которые простертой рукой только показываютъ, куда нужно идти, но сами не идутъ. Любовь къ ученикамъ, искреннее желаніе имъ успѣховъ и отеческое отношеніе также составляютъ необходимыя качества хорошаго учителя.

Кромѣ классныхъ учителей, были еще домашніе учителя, называвшіеся педагогами, а ихъ уроки — педагогіей. Педагоги должны были помогать общественному школьному обученію, т.-е. учить частнымъ образомъ тому же и тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и чему учитъ и къ чему стремится школьный учитель. Педагогъ проходитъ съ учениками до школы то, что скоро будутъ учить въ школѣ, объясняетъ смыслъ уроковъ, чтобы ученикъ не испугался какой-либо трудности. Если педагогъ замѣтитъ, что есть въ урокѣ что-либо трудное, то долженъ устранить эту трудность предварительнымъ объясненіемъ, чтобы въ общественной школѣ ученики педагоговъ усвояли все быстрѣе. Ученикамъ, возвратившимся изъ школы, педагоги приказываютъ повторить пройденное въ школѣ. Всѣ разговоры педагога съ учениками ведутся по-латыни въ видахъ пріученія учениковъ къ легкому владѣнію латинскою рѣчью.

Во главѣ школы стоялъ ректоръ. Онъ не имѣлъ, какъ учителя, въ своемъ непосредственномъ владѣніи какого-либо одного класса, но наблюдалъ за всѣми, ежедневно посѣщая ихъ. Его надзору подлежали не только школьные учителя, но и домашніе; онъ наблюдалъ за ихъ образомъ жизни и за ихъ занятіями съ учениками. Охрана правилъ и законовъ, поддержаніе установленнаго порядка, исправленіе и предупрежденіе нарушеній школьной дисциплины — все это лежало на обязанности ректора. Онъ же хранилъ школьный архивъ, содержавшій документы объ учрежденіи школы, ея привилегіяхъ, законы и т. п., велъ школьную матрикулу, вписывая въ нее имена всѣхъ вступающихъ и выходящихъ учениковъ, съ указаніемъ года, мѣсяца и дня, заносилъ въ исторію школы всѣ выдающіяся событія, въ самыхъ же важныхъ случаяхъ по совѣщанію съ школьнымъ сенатомъ. Пріемъ учащихся зависѣлъ отъ ректора; онъ же выдавалъ выходящимъ ученикамъ свидѣтельства о прилежаніи и поведеніи и рекомендовалъ учителей школамъ и городамъ.

Надъ ректоромъ стоялъ схолархъ, высшій блюститель школы и ея законовъ, защитникъ ея интересовъ. Онъ стоялъ дальше

отъ школы, чѣмъ ректоръ, не имѣлъ къ ней такого живого и непосредственнаго отношенія, какъ послѣдній. Схолархъ только время отъ времени посѣщалъ школу и присутствовалъ на занятіяхъ. Его надзору подлежали не только учителя, но и самъ ректоръ, которыхъ онъ тайно и дружески долженъ увѣщавать, если замѣчалъ за ними какія-либо погрѣшности. Пріисканіе для школы способныхъ учителей, обезпеченіе ихъ достаточнымъ содержаніемъ, охрана ихъ авторитета предъ учащимися, правильное распредѣленіе наградъ и наказаній, — все это лежало на обязанности схолярха. Надзоръ схолярховъ простирался на юношество всего города и ближайшей окрестности, на родителей и опекуновъ; схолярхи должны были наблюдать, какъ дѣти воспитываются и подготовляются къ школѣ, посылаются ли въ надлежащее время въ школу. Въ случаѣ сопротивленія родителей и опекуновъ въ исполненіи ихъ обязанностей по воспитанію дѣтей, схолярхи имѣли представлять виновныхъ на судъ духовенства и магистрата. Схолярхи же заботились о поддержаніи согласія и единства между школами и учителями, о торжественномъ праздновавіи дня основанія школы. Коменскій особенно предостерегалъ еще схолярховъ относительно извѣстнаго обычая — начинающимъ ученикамъ назначать въ учителя менѣе ученыхъ и способныхъ, тогда какъ для такихъ учениковъ долженъ быть избираемъ ученѣйшій и благоразумнѣйшій мужъ, въ видахъ правильнаго положенія первыхъ основъ образованія. Кто мало знаетъ, тотъ неясно учитъ. Если же первыя усвоенія были неясны, то и все послѣдующее будетъ также неясно.

Кромѣ поименованныхъ отдѣльныхъ начальственныхъ лицъ, существовало еще коллегіальное начальственное учрежденіе — школьный сенатъ, состоявшій изъ публичныхъ профессоровъ и учителей классовъ подъ постояннымъ предсѣдательствомъ ректора. Школьный сенатъ разсматривалъ наиболѣе важныя дѣла — о переводѣ учениковъ изъ класса въ классъ, ихъ оставленіи въ томъ же классѣ, увольненій изъ школы, о наиболѣе важныхъ проступкахъ учащихся и т. п. Кромѣ того существовали еще маленькіе классные сенаты, состоявшіе изъ декуріоновъ и ихъ помощниковъ. Предсѣдательство между ними принадлежало декуріону перваго десятка.

Коснемся бытовой стороны школъ и школьниковъ XVII вѣка. Школы начинали и оканчивали свои занятія осенью. Кромѣ

этого времени, въ школу никто не принимался, чтобы не вызвать безпорядка въ занятіяхъ, впрочемъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда кто-либо высказывалъ желаніе поступить въ школу вскорѣ послѣ начала занятій и обѣщалъ догнать своихъ товарищей по классу. Большихъ перерывовъ занятій или вакацій было четыре въ году: восемь дней до и столько же послѣ праздниковъ Рождества Христова, Пасхи, Пятидесятницы и цѣлый мѣсяцъ во время сбора винограда. Еженедѣльно были маленькія вакаціи въ среду и субботу, въ эти дни послѣ полудня учащіеся освобождались отъ занятій. Свободное время проходило въ играхъ. Нѣкоторые педагоги, напр., Коменскій, стремились урегулировать игры; они считали нужнымъ опредѣлить правила, которыя необходимо соблюдать при играхъ. Нужно заботиться, чтобы ученики привыкали принимать игры не за что либо существенное и важное, а за второстепенное. Играмъ и отдыху давалось мѣсто не ранѣе окончанія серьезныхъ занятій. Игра одновременно должна была служить здоровью тѣла и развитію духа. Поэтому устранялись игры, утомляющія тѣло чрезмѣрнымъ напряженіемъ и разслабляющія духъ сильнымъ возбужденіемъ, каковы сидячія игры, игра въ кости, карты и т. п. Игра ни въ какомъ случаѣ не должна была представлять опасности для жизни, здоровья и благонравія, игра должна быть началомъ серьезныхъ дѣлъ. Поэтому полезно учащимся въ свободное время осматривать фабрики, виноградники, поля подъ руководствомъ свѣдущихъ лицъ. Весьма желательно, чтобы въ играхъ учащихся принималъ участіе учитель, впрочемъ не столько для того, чтобы самому отдохнуть, сколько для наблюденія, чтобы играющими не было допущено чего-либо неподходящаго. Такимъ путемъ пытались сдѣлать игру не просто игрой, но и серьезнымъ дѣломъ.

Отчасти отдыхомъ, отчасти дѣломъ служили для школьниковъ и театральныя представленія. Они представляли весьма видное и важное явленіе въ школьной жизни того времени: они пріучали школьниковъ прилично держать себя въ различныхъ положеніяхъ, владѣть мимикой, голосомъ, быстро отвѣчать, исполнять всякую роль и въ то же время чувствовать себя свободно. Благопріятно дѣйствуя на учениковъ, театральныя представленія возбуждали и учителей; родители, присутствуя на такихъ представленіяхъ, охотнѣе приносили жертвы для воспитанія дѣтей. Нечего говорить уже о томъ, что театраль-

ныя представленія давали прекрасный случай школьникамъ къ упражненію въ разговорной латинской рѣчи.

Относительно школьныхъ театральныхъ представленій Коменскій въ „Законахъ благоустроенной школы“ поставляетъ слѣдующія правила: 1) чтобы ученики каждаго класса появлялись на театральной сценѣ четыре раза въ годъ; 2) чтобы на сценѣ представлялось все пройденное въ теченіе трети года и раздѣленное по дѣйствіямъ на роли; 3) чтобы представленія всѣхъ классовъ заканчивались въ одну недѣлю, причемъ въ низшихъ классахъ представленія происходили бы два раза въ день, — одно до обѣда, другое послѣ обѣда; 4) чтобы самыя торжественныя представленія давались въ концѣ года передъ переводомъ учениковъ изъ класса въ классъ.

Изъ этихъ правилъ видно, что школьныя театральныя представленія были очень часты и стояли въ тѣсной связи со школьнымъ курсомъ. Самъ Коменскій не желалъ, чтобы школьники разыгрывали пьесы древнихъ писателей, такъ какъ въ этихъ пьесахъ часто выводились лица низкаго общественнаго положенія и нравственнаго уровня, вслѣдствіе чего и самыя театральныя представленія не могли благотворно вліять на нравственность школьниковъ. Онъ самъ написалъ восемь пьесъ для школьныхъ драматическихъ представленій подъ общимъ заглавіемъ „Школа игры или живая энциклопедія, т.-е. сценическая практика при началѣ (изученія) языковъ“ (Schola ludus seu enkyclopaedia viva. Hoc est ianuae linguarum praxis scenica.

Основнымъ правиломъ поведенія учащихся ставилось такое: надлежитъ дѣлать не то, что нравится, а что предписываютъ законы и приказываютъ толкователи законовъ — учителя, потому что лучше поступать по чужому усмотрѣнію, чѣмъ по своему, какъ того требуетъ самая сущность христіанства. Во снѣ, пищѣ, питьѣ предписывалась строгая воздержанность: послѣобѣденный сонъ, какъ вредный для здоровья тѣла и духа, безусловно воспрещался. Каждый ученикъ обязывался искренно любить своего учителя, какъ второго отца, и во всемъ ему повиноваться. Къ учителямъ другихъ классовъ онъ также долженъ былъ относиться съ почтительностью. Послѣ учителя ученикъ обязывался почтительностью къ его намѣстнику — своему дежурному. Къ часу, назначенному для занятій и по данному знаку, каждый немедленно отправлялся въ свой классъ

и занималъ свое мѣсто. Если кто-либо, вынужденный необходимостью, не могъ явиться на урокъ, то долженъ былъ сообщить о своемъ отсутствіи и его причинѣ декуріону. За неисполненіе этого правила виновный подвергался наказанію. За проступки, если бы, напр., кто пришелъ въ школу непричесанный, неумытый, неприлично одѣтый, вручался знакъ поведенія, подобный латинскому знаку, за который полагалось учить наизусть латинскія фразы. Разговоры въ школѣ и внѣ школы всѣмъ дозволялись только на латинскомъ языкѣ. Если кто не могъ изложить своихъ мыслей по-латыни, тотъ обязывался къ молчанію или долженъ былъ спрашивать, какъ это говорятъ по-латыни, и тогда говорить.

Школы были съ интернатами и безъ интернатовъ. Для первыхъ, конечно, существовали спеціальныя правила. Каждый, поступавшій въ интернатъ, долженъ былъ пребывать въ отведенной ему комнатѣ и содержать ее въ чистотѣ и добромъ порядкѣ. Отлучаться изъ интерната, не испросивъ напередъ позволенія, воспрещалось; если кому-либо встрѣчалась необходимость уйти, то онъ долженъ былъ возвращаться какъ можно скорѣе. Въ комнату другого воспрещалось входить, не постучавшись предварительно. Входить ночью въ спальню другого воспрещалось совсѣмъ, кромѣ старшаго, на стукъ котораго, ночью или днемъ, сейчасъ же нужно было открывать дверь. Вечеромъ въ 8 часовъ всѣ должны были быть въ постели и никогда не заниматься вечеромъ долѣе 9 часовъ, а утромъ вставать въ 4 часа и во всякомъ случаѣ никакъ не позже пяти. Каждый, какъ только вставалъ, прибиралъ свою постель, потомъ приводилъ въ порядокъ себя, мылся, чесался, одѣвался и въ полчаса приготовлялся къ молитвѣ и занятіямъ. Отсутствовать при общихъ молитвахъ безъ важныхъ причинъ никому не дозволялось.

Одѣвшись, нужно было спѣшить въ школу, „какъ на игру, никогда не мѣшкая". Каждому, кто встрѣтится, слѣдовало желать добраго утра. Школьныя принадлежности, нужныя при занятіяхъ, — книги, бумагу, перья, чернильницу, — слѣдовало брать съ собой. Только худой ученикъ одолжается у другихъ подобными вещами. По прибытіи въ школу, „сейчасъ же иди на свое мѣсто, а не куда-либо еще. Болтовней и шумомъ не безпокой другихъ, веди себя хорошенько, пока не придетъ учитель. Для поддержки памяти имѣй дневникъ, въ который

и вноси, что долженъ выучить и что тебѣ извѣстно. Кто не имѣетъ дневника или небрежно ведетъ его, тотъ — лѣнтяй, заслуживающій порицанія. Тотъ день или часъ, въ который ты ничему не научился, считай потеряннымъ. Какъ скоро ученіе кончилось, немедля ступай домой; по улицамъ не бѣгай; не останавливайся; не дѣлай ничего не подобающаго. Если долженъ сдѣлать что-либо для своихъ родителей или родственниковъ, то дѣлай быстро; если посланъ куда-либо внѣ дома, то пунктуально исполни порученіе и спѣшно возвращайся домой, чтобы видѣли, что занятіе науками для тебя полезно. Если у тебя остается свободное время за исполненіемъ домашнихъ дѣлъ, то посвяти его повторенію изученнаго. Ничто въ жизни такъ не цѣнно, какъ время; кто теряетъ время, тотъ теряетъ жизнь. Говорить нужно для того, чтобы учить или учиться; иначе лучше молчать“.

Между учащимися въ школахъ XVII вѣка былъ особый разрядъ воспитанниковъ, такъ называемыхъ фамулянтовъ (отъ famulus — слуга, рабъ, подвластный), т.-е. бѣдныхъ учениковъ, которыхъ брали себѣ для услугъ богатые и знатные, и которые, служа своимъ господамъ, въ то же время и учились въ школахъ. Фамулянты обязывались всегда присутствовать при классныхъ занятіяхъ; если же какія-либо необходимыя службы вынуждали ихъ отсутствовать, то они должны были представлять объ этомъ свидѣтельства отъ своихъ господъ, и при этомъ наверстать все пройденное, списавъ нужное у товарищей. При еженедѣльномъ экзаменѣ должны были присутствовать всѣ фамулянты неукоснительно, и потому всѣ свои дѣла справляли напередъ. На фамулянтахъ лежала обязанность мести и чистить школу, гдѣ и сколько разъ нужно, по указанію учителя или декуріона. Этотъ любопытный разрядъ учащихся слугъ въ настоящее время исчезъ, и нѣкоторые слѣды его сохраняются лишь въ англійскихъ колледжахъ и въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ.

Дисциплина того времени была, какъ извѣстно, весьма суровая, — битье во всѣхъ видахъ считалось самымъ главнымъ и вполнѣ необходимымъ воспитательнымъ средствомъ. Ни самый нѣжный возрастъ, ни самое высокое будущее общественное положеніе, ни полъ не спасали отъ розги. Вотъ два факта. Локкъ, стоявшій вообще противъ розогъ, — и тотъ въ своемъ трактатѣ „Мысли о воспитаніи“, явившемся въ 1693 году,

допускаетъ ихъ въ случаѣ упрямства и неповиновенія: онъ разсказываетъ, что одна знакомая ему, благоразумная и добрая мать высѣкла свою маленькую дочь, только что взятую отъ кормилицы, восемь разъ сряду въ одно и то же утро за ея упрямое непослушаніе. Локкъ находитъ, что эта добрая и умная мать поступала прекрасно, что, прекрати она наказаніе на седьмомъ разѣ, дитя было бы испорчено навсегда, и его строптивость была бы неизлѣчима. Продолживъ же наказаніе, вынудивъ дочь на подчиненіе, мать утвердила свой авторитетъ (стр. 77).

Король французскій Генрихъ IV писалъ въ 1607 году гувернанткѣ своего сына, дофина, чтобы она за его проступки наказывала его хорошенько розгами, что его самого въ дѣтствѣ сѣкли, и онъ по собственному опыту знаетъ, что розги — прекрасное воспитательное орудіе. Изъ дневника, ведешаго врачемъ дофина Людовика XIII, видно слѣдующее: Людовикъ родился 26 сентября 1601 года; 9 декабря 1603 года (двухъ съ небольшимъ лѣтъ) онъ былъ высѣченъ въ первый разъ; 22 декабря того же года его снова сѣкли; 22 февраля 1604 года еще сѣкли; 4 марта 1604 года сѣкли очень больно. Затѣмъ въ томъ же 1604 году дофина сѣкли 5 и 18 марта, 27 и 29 апрѣля, 4, 8, 13 и 17 мая, 11, 12 и 13 іюня, 28 августа, 5 сентября и 23 октября. 15 мая 1610 года Людовикъ XIII былъ объявленъ королемъ, былъ въ парламентѣ, произнесъ рѣчь, а 17 сентября того же года его высѣкли; 17 октября 1610 года его короновали въ Реймсѣ, а 10 марта 1611 года его высѣкли. Въ ночь на 15 марта король грезилъ о томъ, что его собираются сѣчь; 30 марта онъ вскакивалъ съ постели въ три часа утра, перепуганный тѣмъ, что его хотятъ сѣчь.

Факты слишкомъ краснорѣчивы, чтобы нуждались въ какихъ-либо объясненіяхъ и дополненіяхъ.

Каптеревъ.

Начальный курсъ обученія до начала XVIII столѣтія и его характеръ.

Характеръ древней педагогіи былъ таковъ, что нельзя было выучиться читать, не выучивъ вмѣстѣ съ тѣмъ наизусть и всего содержанія азбуки; этому особенно способствовало непрестанное повтореніе *задовъ,* безъ твердаго знанія которыхъ

нельзя было и заглянуть въ новую страницу. Ученье происходило обыкновенно вслухъ и нараспѣвъ, какъ слѣдовало читать во время церковной службы, что также можетъ свидѣтельствовать, что первоначальною цѣлью книжнаго ученія было собственно приготовленіе церковнослужителей. Да и вообще и въ самомъ гражданскомъ быту церковныя книги въ то время иначе и не читались, какъ нараспѣвъ, съ соблюденіемъ всѣхъ особенныхъ тоническихъ удареній. Въ древнихъ рукописныхъ Псалтиряхъ встрѣчается даже особенный *указъ*, или правило, какъ читать Псалтирь. „Зри, внимай", говорится въ этомъ указѣ, „разумѣй, разсмотряй, памятуй, какъ Псалтырь говорити. Первое, что̀ говорити; второе, всяко слово договаривати; третіе, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса, что̀ говорити; пятое, пословицы знати да и памятовати, ка̀къ которое слово говорити: сверху слово ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити. А всякое слово почати духомъ: ясно, чисто, звонко; кончати духомъ, потомужъ, слово чисто, звонко, равнымъ голосомъ, ни высоко, ни ниско, ни слабѣти словомъ, ни на силу кричати, ни тихо, ни борзо, а часто отдыхати, а крѣпко по три или по четыре строки духомъ; а равно строкою говорити. А весь сей указъ умомъ, да языкомъ, да гласомъ сдержится и красится во всякомъ человѣкѣ и во всякихъ пословицахъ книжныхъ. А умъ и гласъ и языкъ требуетъ помощи сея, молитвы, воздержанія и чистоты".

Тотъ же характеръ преподаванія съ твердымъ заучиваніемъ наизусть переходилъ съ азбуки на Часовникъ и потомъ на Псалтирь. Дѣти обыкновенно такъ заучивали эти книги, что могли свободно читать ихъ наизусть. По свидѣтельству Крекшина, Петръ Великій „книжное ученіе толико имѣя въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизустъ могъ прочитати".

Въ народномъ быту первоначальное ученіе оканчивалось Псалтиремъ; въ быту же государей дѣти послѣ Псалтиря учили „апостольское дѣяніе" и наконецъ Евангеліе. Такъ, царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ сентября 1635 года, послѣ азбуки, на седьмомъ уже году, началъ учить *Часовникъ*, за этимъ почти чрезъ шесть мѣсяцевъ слѣдовалъ *Псалтирь*, потомъ чрезъ три мѣсяца *апостольское дѣяніе*.

При такомъ характерѣ древней педагогіи, безъ сомнѣнія,

выучиться грамотѣ было не совсѣмъ легко. это былъ такой сухой и тяжелый трудъ, о которомъ въ настоящее время едва ли можно составить надлежащее понятіе. Старинная грамота являлась дѣтямъ не снисходительною и любящею нянею, какъ теперь, въ возможной простотѣ и доступности, съ полнымъ вниманіемъ къ дѣтскимъ силамъ, а являлась она сухимъ и суровымъ дидаскаломъ, съ книгою и указкою въ одной рукѣ и съ розгою въ другой [1]). Въ старинной педагогіи наказаніе вообще признавали неразлучнымъ спутникомъ науки. Азбука Бурцова начинается даже изображеніемъ „Училища", гдѣ одинъ изъ учениковъ стоитъ на колѣнахъ предъ строгимъ дидаскаломъ, который готовится наказать его розгою. Азбука 1679 года заключается *увѣщаніемъ* вообще о пользѣ наказанія въ отроческихъ лѣтахъ. Мы приводимъ здѣсь это любопытное увѣщаніе вполнѣ, какъ образчикъ древняго стихосложенія:

Хощеши чадо благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны ну́жда есть терпѣти
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича болшимъ требѣ,
А жезлъ подраститимъ при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничто же вреждаютъ.
Розга умъ остритъ память возбуждаетъ
И волю злую въ благу прелегаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити

[1]) Тяжелая сторона старинняго обученія грамотѣ, особенно въ низшихъ слояхъ тогдашняго общества, весьма рѣзко обозначена въ запискахъ маіора Данилова. «Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго (пономарь — учитель) и поднесь (говоритъ умный маіоръ), по той, можетъ-быть, причинѣ, что часто сѣкли лозою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безысходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока, ввечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. «Записки артиллеріи маіора Данилова».

И рано въ церковь на службы ходити.
Бичь возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ
Рождшихъ слушати во всемъ поучаетъ.
А злобы творцы страхомъ си спасаетъ
Егда болѣзнми душу провицаетъ.
Не вредитъ костей, тѣлу болѣзнь родитъ,
Но злыя нравы отъ юныхъ отводитъ.
Душу отъ огня вѣчно сохраняетъ,
Въ небесную же радость водворяетъ.
Ты убо отче, такожде и мати
Научитеся чада поучати!
Аще хощете утѣху имѣти
А не срамъ за ня, въ старости терпѣти.
Не на плотскую красоту чадъ зрите,
Но души красны да будутъ, смотрите.
Красота плоти многихъ погубляетъ,
А язва тая душу удобряетъ.
Лѣпота души велми есть спасенна
Создавшему ю Богу возлюбленна:
Ту же обычно ученіе вводитъ,
А умный дѣтищъ въ чести мновѣй ходитъ
Вы же, о чада! трудъ честный любите,
Еже полезно тою ся держите,
Знающе, яко аще ся трудити
Тяжко, но легко труды плодовъ жати.
И раны, яже добро содѣваютъ,
Вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ да бываютъ.
Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте:
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
Дѣлеса злая весьма отрѣвайте,
Ко добрымъ сердца ваша прилагайте.
Сіе же слово за даръ благъ возмите
Не злословьте ми, но благословите:
Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю,
Конча, къ благости всяцѣ увѣщаю.

Въ то время, когда проходили этотъ курсъ *словеснаго ученія*, дѣти, обыкновенно лѣтъ семи, садились учиться писать. *Скорописныя азбуки*, которыя служили въ этомъ случаѣ руководствомъ, были писаны всегда *столбцомъ*, свиткомъ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ. Въ составъ ихъ входили сначала прописныя и строчныя буквы, выписанныя съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ, съ разными вычурными украшеніями; каждая буква, для обозначенія различныхъ почерковъ, писалась во множествѣ образцовъ, начиная съ самыхъ большихъ и оканчивая самыми малыми. Каждый рядъ буквъ начинался вычурною и нерѣдко весьма красивою *заставкою*, то-есть большою прописною буквою, въ которой травы и узоры переплетались съ изображеніями птицъ и звѣрей. Въ нѣкоторыхъ азбукахъ помѣщалась также *азбука толковая*, то-есть разныя изреченія и апоѳегмы, расположенныя въ алфавитѣ по начальнымъ буквамъ, по содержанію своимъ эта азбука совершенно отличается отъ толковой азбуки, находящейся въ букварѣ Василія Бурцова, въ которой, какъ мы сказали ужъ, всѣ изреченія относятся только къ ученію и жизни Спасителя. Здѣсь же эти апоѳегмы касаются вообще нравоученія. Такъ, напримѣръ, подъ буквою *ж* читаемъ: „Желаемъ христіане спастися, желаемъ и неправду дѣлать“; подъ буквою *ф* — „Фараоновыхъ твореній не чини, и другихъ на то не учи“; подъ буквою *х* — „Храни свѣщу твою отъ вѣтру, сирѣчь душу отъ лѣности“; подъ буквою ѿ — „Отврати лице твое отъ жены чужія и много съ нею не бесѣдуй“; подъ буквою *ш* — „Шатанія и плясанія діавольскаго удаляйся; плясаніе бо уподобися смертному убивству“; подъ буквою *кси* — „Ксанѳъ и философъ былъ, а у раба своего Есопа въ посрамленіи много находился“ и проч.

Послѣ буквъ слѣдовали *прописи и склады;* подъ этимъ заглавіемъ помѣщены также нѣкоторыя апоѳегмы и даже *загадки*, собственно *книжныя*.

Статья эта начиналась всегда слѣдующею молитвою: „За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь. За молитвъ Пречистыя Твоея Матери и всѣхъ святыхъ Твоихъ Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ, аминь. По милости Божией и великихъ святителей Петра и Алексѣя и Іовы и Филиппа кіевскихъ и московскихъ и всея руссіи чудотворцевъ.“

Потомъ слѣдовали изреченія и загадки, то именно, что мы теперь называемъ вообще *прописями*.

„Не ищи человѣче мудрости, ищи прежде кротости: аще обрящеши кротость, тогда познаешь и мудрость.

„Не тотъ милостивъ, кто всегда милостыню творитъ; тотъ милостивъ, кто никого не обидитъ и зла за зло никому не воздаетъ.

„Стоитъ море на пяти столпѣхъ. Царь речетъ потѣха моя, а царица речетъ погибель моя. Царь есть тѣло, а царица — душа.

„Стоитъ градъ пустъ, а около его кустъ. Идетъ старецъ, несетъ ставецъ, въ ставцѣ взварецъ, въ взварцѣ перецъ, въ перцѣ горечь, въ горечи сладость, въ сладости радость, въ радости смерть.

„Стоитъ градъ на пути, а пути къ нему нѣтъ, идетъ посолъ нѣмъ, несетъ грамоту неписавую, а дастъ читать неученому.

„Стоитъ человѣкъ въ водѣ по горло, пить проситъ; а напиться не можетъ.

„Когда синица орла одолѣетъ, тогда безумніи ума научатся. Замокъ воденъ, ключь древянъ, зайцы перебегли, а ловецъ утопе.

„Аще кто хощетъ много знати, тому подобаетъ мало спати, а *мастеру* угождати.

„Человѣкъ Божій боіся Бога, стоитъ смерть у порога, труба и коса ждетъ смертнаго часа, гдѣ колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать.

„Виноградъ зеленъ несладокъ, младъ человѣкъ умомъ некрѣпокъ.

„Кто тя можетъ убѣжати, смертный часъ.

„Якоже мертвыи не можетъ на конѣ храбровати, тако и клеветникъ не можетъ зла слова во устѣхъ своихъ удержати.

„Бодро мудрыи мужъ, аще и въ бѣды вѣкія впадетъ, то и худымъ покорятся дондеже желаніе свое исполнитъ.

„Человѣкъ мудръ, а не книженъ, аки птица безъ крылъ, не можетъ мудра и тверда разума имѣти.

„Человѣче предъ множествомъ народа не буди на слова скоръ да не исторгнеши дѣло свое всуе и послѣ не всужиши.

„Аще кто не упивается виномъ, тотъ бываетъ крѣпокъ умомъ.

„Умнаго учить, аки кладезь копать, потомъ изъ него источницы бываютъ; а безумнаго учить, аки въ мѣхъ воду лить, въ конецъ льешь, а другимъ и вышло.

„Стоитъ древо, имѣетъ на себѣ красные цвѣты; а подъ древомъ корыто, а на древѣ сидитъ птица и щиплетъ со древа

красные цвѣты и мечетъ въ корыто; цвѣты со древа не умаляются, а корыто цвѣтовъ не наполнится. Древо глаголется свѣтъ міра сего, а вѣтвіе — родовѣ, а цвѣты — человѣцы, а корыто — земя, а птица — смерть...“

Впослѣдствіи, кромѣ этихъ *прописей*, въ азбучкахъ стали помѣщать „бесѣду тріехъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго“, въ вопросахъ и отвѣтахъ, и особую статью, „какимъ образомъ писать къ кому писма“: содержащую. впрочемъ, одни только титулы писемъ къ патріарху, къ митрополиту, къ боярину, къ отцу родному и проч.; но въ одной скорописи мы нашли и форму письма, которая служитъ образцомъ старинныхъ нашихъ писемъ [1]).

---

[1]) Скорописная азбука (прописи).

Божіею милостію Великіе Государи Цари и Великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа Великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы Московскіе, Кіевскіе, Владимірскіе, Новгородскіе, Цари Казанскіе, Цари Астраханскіе, Цари Сибирскіе, Государи Псковскіе, Великіе Князи Смоленскіе, Тверскіе, Болгарскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Вологоцкіе и Бѣлоозерскіе, Вятскіе и Великопермскіе и всѣхъ градовъ Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и всеа Великія и малыя и бѣлыя Россія Самодержцы и обладатели.

Азъ.	Б.	В.	Г.	Д.	Е.	Ж.	Ѕ.
З.	И.	І.	К.	Л.	М.	Н.	О.
П.	Р.	С.	Т.	У.	Ф.	Ѿ.	Ц.
Ч.	Ш.	Щ.	Ъ.	Ы.	Ѣ.	Ю.	Я.
Ѵ.	Ѯ.	Ѳ.					

(*Каждая буква выписана въ нѣсколькихъ образцахъ; нынѣ числомъ около 50*).

За молитвъ Святыхъ Отецъ нашихъ Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ. Аминь.

По милости Божіи Великихъ Святителей Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа Московскихъ и всеа Росіи Чудотворцевъ и молитвенниковъ.

Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу и всеа Великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцемъ бьетъ челомъ холопъ вашъ имркъ. Милосердые Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержцы. Пожалуйте меня холопа своего велите Государи меня отпустить въ Троицѣ въ Сергіевъ Монастырь по обѣщанію помолитца. Великіе Государи смилуйтеся.

Удивится всякой мудрости человѣкъ, аще Бога на помощь призоветъ и всякая мудрость откровенна будетъ.

Вообще нужно замѣтить, что составъ древнихъ *скорописей, или прописей,* былъ весьма-разнообразенъ; общія черты его мы привели выше, но въ подробностяхъ каждая азбучка имѣла свои особенности; такъ, напримѣръ, въ иныхъ *азы* писаны отдѣльно отъ прописей, какъ мы уже сказали, а въ иныхъ подъ каждою буквою помѣщалась и пропись, начинающаяся съ этой буквы. Въ этомъ отношеніи весьма любопытна азбучка, въ которой каллиграфъ, вмѣсто общеупотребительныхъ, самъ сочинилъ прописи, наполнивъ ихъ разсужденіями о самомъ же себѣ.

Въ такомъ, или подобномъ этому, составѣ скорописныя азбуки служили общимъ и единственнымъ руководствомъ въ обученіи писать, не только въ XVII столѣтіи, но даже и послѣ преобразованія, особенно въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Съ этого времени къ нимъ стали присовокуплять еще *ариѳметическое ученіе*, то-есть таблицу умноженія и четыре правила ариѳметики; въ нѣкоторыхъ встрѣчаются, кромѣ того, нѣмецкія вокабулы, писанныя русскими буквами, напримѣръ: Богъ — Готъ, Богъ отецъ — Готъ фатеръ и т. д. Азбуки эти сохраняются даже до сего времени въ лубочномъ изданіи, но въ сокращенномъ и измѣненномъ видѣ.

Были, впрочемъ, скорописныя азбуки и другихъ составовъ. Таковъ, напримѣръ, „*Букварь* славенороссійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ, греческихъ же, латінскихъ и полскихъ, съ образованми вещей и со нравоучителными стихами" — сочиненный въ 7199 (1691) году іеромонахомъ и царскія типографіи справщикомъ (корректоромъ) Каріономъ Истоминымъ, и посвященный царицѣ Наталіи Кирилловнѣ для наученія внука ея царевича Алексѣя Петровича. Въ 1693 году Каріонъ сію книжицу устроилъ *второе*, то-есть написалъ второй экземпляръ и поднесъ царицѣ Парасковіи Ѳеодоровнѣ, супругѣ царя

Государю моему милостивому пріятелю имрку милости у тебя Государя проситъ и рабскій имркъ челомъ бьетъ, какъ тебя Государя моего Господь Богъ милостію своею сохраняетъ, а про меня Государь изволишь милостію своею воспомянуть и я на Москвѣ Апрѣля въ 9 день по воли Великаго Бога обрѣтаюсь въ живыхъ, а впредь его жъ Всещедраго Бога воля; да изволь Государь писать ко мнѣ о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ, и мнѣ бъ слышачи о Бозѣ радоватися. **Писавый рабскій имркъ челомъ бьетъ.**

Іоаннъ Златоустъ рече: добро человѣку пити вода, да не мутитъ у человѣка ума.

Что есть человѣкъ стоитъ въ водѣ по горло, проситъ пити, а напитися не можетъ.

Великаго Бога помощію да открывается умъ учащимъ сіе *скоропись*.

Іоанна Алексѣевича, вѣроятно, для наученія ея дочерей. Этотъ экземпляръ, прекрасно написанный, съ красками и золотомъ, сохранился до нашего времени и принадлежалъ библіотекѣ И. Н. Царскаго, пріобрѣтенной графомъ А. С. Уваровымъ. Въ 1694 году букварь Каріона Истомина граверъ Леонтій Бунинъ „изобрази на дщицахъ ваяніемъ — имущимъ учитися отрокомъ и отроковицамъ, мужемъ и женамъ писати". Кромѣ буквъ, писанныхъ разными почерками, въ этой азбукѣ „подъ всякимъ письменомъ, ради любезнаго созерцанія отрочатомъ учащимся, предложены *виды* (рисунки) во удобное званіе въ складѣ: да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ письмени достолѣпнаго начертанія тѣхъ. Яко: *А* — Адамъ, алекторъ (пѣтухъ), афродита (звѣзда), аспидъ (драконъ); *Б* — брань, брада, бичъ" и т. п.; а подъ этими изображеніями помѣщены нравоучительные стихи, большею частью относящіеся къ изображеннымъ же предметамъ. Стихи эти были собственно прописями. Напримѣръ, подъ буквою *Б* изображены: брань или война, баранъ, буйволъ, бритва, брада, барабанъ бердо, бичъ; внизу помѣщены слѣдующіе стихи:

„Бытность изъ Бога стихіи пріяша,
Учащимъ буквы знакъ складъ обѣщаша
Изначала *брань* въ мірѣ обитаетъ
Юныя люди жити обучаетъ.
Барабанъ въ полкѣхъ время даетъ звати,
Животна (то-есть баранъ и пр.) умнымъ могутъ помогати,
Человѣкомъ есть *брада* совершенство.
Младымъ слушати старыхъ людей девство.
Ткати поставъ добръ; юныхъ наказати
Бичемъ, не умрутъ, имутъ успѣвати".

Букварь Каріона Истомина отличается отъ другихъ старинныхъ букварей и тѣмъ еще, что онъ писанъ *книгою*, а не столбцомъ, какъ большею частью стали писать скорописныя азбуки ужъ въ XVIII столѣтіи. Но замѣчательнѣйшій памятникъ нашей древней каллиграфіи — скорописная азбука въ столбцѣ, длиною нѣсколько аршинъ, принадлежавшая извѣстному древлехранилищу г. Погодина и находящаяся нынѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Она относится къ концу XVII-го столѣтія; все каллиграфическое искусство этого вре-

мени представляется здѣсь въ такой полнотѣ и въ такомъ разнообразіи, что едва ли гдѣ можно встрѣтить подобный памятникъ въ этомъ родѣ. Вначалѣ идутъ великолѣпнѣйшія *заставицы* или *заставки*, на которыя, безъ сомнѣнія, потрачено и много времени и еще болѣе труда, и, нужно замѣтить, потрачено недаромъ, потому что все это исполнено красиво, вычурно и обличаетъ вкусъ своего времени. Среди узоровъ этихъ заставицъ, въ кругахъ, написаны *вязью* разныя рѣчи и вначалѣ заглавіе азбуки — *Буквица Словенска*. Эта вязь, то-есть особый способъ письма, весьма часто употреблявшійся для заглавій книгъ и надписей на вещахъ, названъ здѣсь *дробными вязями*. Одинъ изъ образцовъ этой дробной вязи представляетъ верхъ искусства и трудолюбія нашей древней каллиграфіи: въ небольшомъ кругу начертаны тонкія линіи, похожія скорѣе на узоръ, нежели на буквы. Мы съ большимъ трудомъ могли разобрать здѣсь извѣстную пѣснь „Достойно есть, яко воистину" и въ концѣ „Все упованіе мое къ Тебѣ возлагаю". Послѣ дробныхъ вязей помѣщены *связи двойныя съ титлы*, собственно монограммы. Вторая половина азбуки заключаетъ въ себѣ *заставныя*, прописныя и строчныя буквы, написанныя весьма красиво и съ разными вычурными украшеніями.

Азбука эта — собственно пропись, непредставляющая ничего цѣлаго въ отношеніи содержанія, подобно азбукамъ, описаннымъ нами выше. Здѣсь единственно только для прописи выбраны *рѣчи*, отрывки, или просто слова. Самое заглавіе по этому случаю въ ней повторено, для упражненія три раза. „Буквица Словенска, Буквица языка Словенска, Азбука Словенская, хотящимъ разумѣти истиннаго слогу". Вообще эта замѣчательная азбука — трудъ по преимуществу каллиграфическій, неимѣющій никакихъ другихъ педагогическихъ цѣлей; трудъ, который заслуживаетъ полнаго любопытства по своему исполненію. Составитель, употребившій много времени и много труда на всѣ эти заставицы, вязи, связи и буквы, могъ справедливо закончить свою азбуку слѣдующими словами: „Аще горести не вкусити, то и конечныя сладости не видати". Конечно, сладость есть сладость конца упорной, тяжкой работы. Древніе наши писцы весьма часто оканчивали свои рукописи подобными же строками. „А какъ радъ заецъ изъ тенегъ избѣгши, а птица изъ клѣтки излетѣвъ, такъ радъ писецъ, списавъ сію книгу" — восклицали они, оканчивая послѣднюю строку

своего труда: „Сильно есмь радъ, коли кончаль строку последнюю!“

Въ царскомъ быту скорописныя азбуки всегда украшались съ большимъ великолѣпіемъ красками и золотомъ. Такъ былъ украшенъ упомянутый выше букварь Каріона Истомина, поднесенный имъ, какъ мы говорили, первоначально царицѣ Наталии Кирилловнѣ для ея внука царевича Алексѣя Петровича, а потомъ, въ другомъ экземплярѣ, царицѣ Парасковіи Өеодоровнѣ, для ея дочерей. У царевича Ивана Михайловича, умершаго въ 1639 году, была также „азбука велика на столбцахъ, писана золотомъ съ красками. Письмо золотописца Павла“.

Кромѣ чтенія и письма, въ составъ первоначальнаго обученія входило также и *церковное пѣніе*. Царь Алексѣй Михайловичъ на восьмомъ году „началъ учити *Охтой*, Октоихъ или Осмогласникъ, заключающій въ себѣ вседневныя церковныя службы, а на десятомъ году *страшное пѣнье*, то-есть стихи и пѣсни Страстной седмицы. Его учили *пѣвчіе дьяки* Лука Ивановъ, Иванъ Семіоновъ, Михаила Осиповъ“. Въ казнѣ царевича хранились, кромѣ того, *стихирали и тріоди знаменныя*, то-есть церковной службы пѣсни и стихиры, писанныя *подъ знамя*, подъ *крюками или крюковыми нотами*. Эти стихирали и тріоди царевичъ, безъ сомнѣнія, также разучивалъ или, по-старому, *распѣвалъ* при помощи пѣвчихъ дьяковъ. Извѣстно также, что Петръ Великій особенно любилъ церковное пѣніе, которому учился, безъ сомнѣнія, въ отроческихъ лѣтахъ. Въ Оружейной Палатѣ и теперь еще сохраняется нѣсколько нотныхъ книгъ, по которымъ государь пѣвалъ въ дворцовыхъ церквахъ, на клиросѣ.

Начальное обученіе царевенъ велось въ томъ же порядкѣ и въ такомъ же объемѣ, но только съ тою разницею, что ихъ обучали женщины, *учительницы-мастерицы*. Учительница состояла въ дворцовомъ штатѣ царицы и получала въ годъ по окладу жалованья восемь рублей и кормовыхъ по шести денегъ на день. Въ 1642 году царевну Татьяну Михайловну обучала грамотѣ *мастерица Марья*. Въ концѣ XVII столѣтія, въ 1675—1691 году, учительницами были Варвара Львова и Өедора Петрова. Въ отношеніи предметовъ обученія, еще въ предыдущей статьѣ мы видѣли, что царь Михаилъ Өеодоровичъ пожаловалъ въ 1634 году шестилѣтней царевнѣ Иринѣ

Михаиловнѣ турской кафтанъ, *какъ она государыня начали учить часы,* то-есть часовникъ.

Въ расходныхъ запискахъ 1643 года (приложеніе V.) упомянуто, что семилѣтняя царевна Татьяна Михайловна 19 іюня слушала молебенъ — *въ ту пору, какъ ей государынѣ начали учить заутреню.*

Вотъ полный курсъ начальнаго обученія, существовавшій у нашихъ предковъ до начала XVIII столѣтія. Онъ заключалъ въ себѣ, какъ мы видѣли: 1) *словесное,* то-есть чтеніе, 2) *письмо* и 3) *пѣніе* и былъ распространенъ въ совершенномъ единообразіи по всѣмъ сословіямъ московскаго государства, начиная съ грамотнаго земледѣльца и восходя къ первому бояриву.

Дальнѣйшее образованіе въ гражданскомъ быту не составляло уже существенной, неизбѣжной потребности и принадлежало, такъ сказать, къ роскоши; поэтому оно не имѣло еще ничего опредѣленнаго и всегда условливалось бо̀льшею или мѐньшею любознательностью лица, которое, не удовлетворяясь первоначальнымъ курсомъ книжнаго ученія, само ужъ избирало тотъ или другой путь своего самообразованія, тѣ или другія книги для удовлетворенія своей любознательности. Впрочемъ, въ царскомъ быту описанное начальное обученіе было пополняемо другими предметами, имѣвшими чисто-гражданскій и притомъ практическій характеръ. Дѣти государя, проходя описанный курсъ ученія, въ то же время знакомились посредствомъ картинокъ съ отечественною исторіею и со многими предметами вседневной жизни, то есть съ полезными занятіями селянина, ремесленника, промышленника и проч., какъ увидимъ ниже. Вообще нужно замѣтить, что обученіе посредствомъ картинокъ было весьма обыкновеннымъ пріемомъ нашей древней педагогіи и составляло лучшую и единственную ея сторону, которая своимъ практическимъ, дѣйствительнымъ смысломъ выкупала всю односторонность и всѣ недостатки остальной *науки.* Такой методъ, какъ извѣстно, былъ употребленъ и въ первоначальномъ обученіи Петра Великаго. Крекшинъ пишетъ, что „Зотовъ, усмотрѣвъ остроту разума и охоту къ ученію государя царевича, доносилъ великой государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ, что государь царевичъ одаренъ отъ Бога разумомъ и охотою ученія и въ праздное время имѣетъ забаву къ слу-

шанію исторіи, и часто изволилъ смотрѣть книги съ кунштами зданій и взятіе городовъ и боевъ и прочихъ наукъ, чтобъ соблаговолила искусныхъ мастеровъ и знающихъ истину опредѣлить, а государь царевичь въ праздные часы вмѣсто забавъ, по природной своей остротѣ разума, охотою можетъ обучиться. Великая же государыня рада сему бысть, и повелѣ отдать всѣ историческія книги съ кунштами, опредѣлила искусныхъ учителей и вручи все Зотову. Зотовъ же книги и училища распредѣли въ разныхъ покояхъ и приказалъ мастерствомъ драгимъ, красками, грады и палаты, зданія и дѣла военныя и великіе корабли и исторіи лицевыя съ прописьми самымъ лучшимъ мастерствомъ писать. Егда же блаженный сей отрокъ, государь царевичь въ ученіи книжномъ утрудится, что Зотовъ искусно наблюдалъ и книгу изъ рукъ у государя царевича бралъ и въ увеселеніе сказывалъ о блаженныхъ дѣлахъ родителя его великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, царя и великаго князя Іоанна Васильевича, храбрыя ихъ и военныя дѣла и дальные нужные походы, бои, взятье городовъ, и колико претерпѣвали нужду и тяготу больше простаго народа, и тѣмъ коликія благополучія государству пріобрѣли и государство Россійское распространили. Такъ повѣдалъ дѣла великаго князя Дмитрія Донскаго и дѣла князя Владимира и Александра Невскаго и о прочихъ. И отхождаше съ государемъ царевичемъ для увеселенія въ разныя *ученія*, по разнымъ покоямъ, объявляя, яко безъ сихъ наукъ державнымъ монархомъ невозможно быть".

Изъ словъ Крекшина вообще можно заключить, что Зотовъ первый употребилъ эту методу обучать дѣтей посредствомъ картинокъ. Такъ многіе и думали. Но встрѣчаются извѣстія объ этомъ предметѣ, относящіяся еще ко времени Михаила Ѳеодоровича. По свидѣтельству г. Снегирева. „наставникъ царя Алексѣя Михайловича, Морозовъ, училъ своего порфиророднаго питомца посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ, какъ доказываетъ собраніе ихъ, принадлежавшее Морозову и хранящееся нынѣ у П. А. Муханова". Очень жаль только, что г. Снегиревъ ограничился однимъ лишь этимъ указаніемъ, ничего не упомянувъ о самомъ любопытномъ, то-есть о содержаніи этихъ картинокъ, или о тѣхъ предметахъ. которые изображены на нихъ: это было бы весьма важно и интересно во многихъ отношеніяхъ. Такое указаніе,

хотя и основанное, вѣроятно, на одномъ только преданіи, подтверждается современными, даже офиціальными свидѣтельствами. Въ расходныхъ книгахъ царицыной Мастерской Палаты находимъ записки о покупкѣ въ 1634 и 1637 годахъ для царевича Алексѣя Михайловича и царевенъ его сестеръ „нѣмецкихъ и фряжскихъ", а также и русскихъ печатныхъ потѣшныхъ листовъ. Здѣсь мы снова должны повторить сожалѣніе, что ничего не знаемъ о содержаніи этихъ любопытныхъ нѣмецкихъ листовъ.

Въ царскомъ быту обученіе картинками имѣло свой правильный составъ; оно заключалось въ *царственныхъ* и *потѣшныхъ* книгахъ. Отечественную исторію дѣти узнавали изъ *царственныхъ книгъ*, которыя заключали въ себѣ изложеніе отечественныхъ лѣтописей, составленное преимущественно для картинокъ и украшенное ими во множествѣ, такъ что самый текстъ царственныхъ книгъ въ сущности составлялъ только подписи къ рисованнымъ изображеніямъ. Царственныя книги, хотя и не вполнѣ, сохранились до нашего времени и были изданы въ прошедшемъ столѣтіи княземъ Щербатовымъ подъ названіемъ собственно *Царственной книги*, Спб. 1769, *Царственнаго лѣтописца* Спб. 1772 и *Древняго лѣтописца*, въ 2 частяхъ, Спб. 1774. Все это составляло нѣкогда одно цѣлое и служило, какъ „книга царственная", превосходнымъ руководствомъ для дѣтей, которыя по картинкамъ наглядно изучали здѣсь русскую исторію, знакомились съ замѣчательными событіями, съ лицами нашей древности, какъ можно ужъ было видѣть изъ приведеннаго выше сказанія Крекшина объ ученіи Зотовымъ Петра Великаго. Основываясь на этомъ сказаніи, и князь Щербатовъ догадывался, что изданныя имъ „Лѣтописцы", во множествѣ украшенные рисунками, могли быть употреблены для науки Петру Великому; но не должно думать, что они въ это же время и составлены. Такія царственныя книги упоминаются еще въ 1639 году, во время ученія царя Алексѣя Михайловича. Въ этомъ году, мая 1-го, изъ казеннаго приказа отдано было въ оружейный приказъ „пять книгъ царственныхъ знаменные въ лицахъ", и въ томъ числѣ первая часть, вторая, четвертая, шестая, седьмая.

Можетъ быть, книги эти отданы были для возобновленія иконописцамъ, которые находились въ вѣдомствѣ Оружейнаго Приказа.

Такимъ же образомъ въ 1677 году, марта 24, „Приказу серебряныхъ дѣлъ дьякъ Андрей Юдинъ принесъ въ Оружейную Палату книгу царственную въ лицахъ, писана на александрѣйской бумагѣ въ десть, была переплетена, и изъ переплету вывалилась и многіе листы ознаменены, а не выцвѣчены, *шестьсотъ тринадцать листовъ,* а на тѣхъ листахъ *тысяча семдесятъ два мѣста,* а приказалъ тое книгу росцвѣтить жалованнымъ московскимъ и кормовымъ иконописцомъ; а которые драные листы въ той книги и тѣ листы переписать вновь; а сказалъ тое книгу выдалъ ему отъ великаго государя (Ѳеодора Алексѣевича) изъ хоромъ бояринъ и дворецкой и оружейничей Богданъ Матвѣевичъ Хитрово“. Книга была отдана иконописцу Филиппу Павлову съ товарищи на подрядъ, по уговору за дѣло со всякаго мѣста по шести денегъ.

Безъ сомнѣнія, это та самая книга, по которой Зотовъ читывалъ наши древнія лѣтописи Петру Великому и которая потомъ въ безпорядкѣ найдена княземъ Щербатовымъ и издана въ разное время подъ именемъ „Лѣтописцевъ“. Теперь, какъ извѣстно, она принадлежитъ Патріаршей ризницѣ.

Къ этому же отдѣлу живописныхъ книгъ должно отвести и нѣкоторыя сочиненія духовнаго и церковно-историческаго содержанія, которыя также великолѣпно украшались картинками, безъ сомнѣнія, для назидательнаго чтенія какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ.

Въ 1663 году царевичу Ѳеодору Алексѣевичу была написана книга, „а въ ней писаны житія Алексѣя человѣка Божія, да Маріи Египетскіе, да житіе царевича Іосафа въ лицахъ, въ десть“. По счету, въ этой книгѣ написано девяносто мѣстъ житія святыхъ въ лицахъ. Въ 1668 году съ этой книги сняты двѣ копіи, также въ лицахъ, и поданы въ хоромы царицы Маріи Ильичны. Въ 1670 году царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ иконописцамъ Троицкаго монастыря снять копію съ живописной книги о *Душевномъ Лѣкарствѣ,* для чего и посланы были въ монастырь двѣ книги, одна оригиналъ — въ лицахъ, другая „новописана безъ лицъ“; въ этой послѣдней велѣно лица, то-есть изображенія, написать золотомъ и красками слово въ слово, самымъ добрымъ мастерствомъ; большія слова всѣ золотомъ, также вѣнцы и ризы въ изображеніяхъ Спасителя, Богородицы и гдѣ прилучится у ангеловъ и святыхъ.

Въ 1674 году въ хоромы царевны Ирины Михайловны расписана была книга „Начатокъ о Сотвореніи Свѣта“.

Въ числѣ книгъ первоначальнаго чтенія находимъ также и библейскія притчи. Такъ въ 1693 году иконописецъ Тихонъ Ивановъ писалъ для царевича Алексѣя Петровича въ тетрадехъ, въ полдести, притчи изъ Библіи *о Царѣ Давыдѣ и Вирсавіи, да о Едемѣ сладости.*

Но еще болѣе любопытны, такъ называемыя, *Книги Потѣшныя*, которыя были двухъ родовъ.

Такъ, однѣ потѣшныя книги представляли нѣчто похожее на живописную энциклопедію, содержаніе которой условливалось небогатыми средствами тогдашняго образованія; но по своему практическому, здравому направленію эти книги занимаютъ, по нашему мнѣнію, первое мѣсто въ кругу тѣхъ скудныхъ пріемовъ древней педагогіи, которые употреблялись въ первоначальномъ обученіи. Изъ этихъ книгъ малолѣтные царевичи почерпали простыя, но въ высшей степени полезныя свѣдѣнія о самыхъ простыхъ, ежедневныхъ предметахъ, даже о такихъ, которые, можетъ-быть, не всегда могли бы и встрѣтиться имъ въ жизни. Напримѣръ, о томъ, какъ пашутъ, боронуютъ, сѣютъ, жнутъ, какъ мѣсятъ и въ печь сажаютъ хлѣбы и т. п. Разумѣется, духъ тогдашняго образованія отражался и здѣсь и вносилъ въ эти книги, вмѣстѣ съ изображеніями *морскаго человѣка* и морской *дѣвицы*, разныя басни и разсказы о чудесахъ, которыя почерпались изъ древнихъ космографій.

До насъ не дошли подлинники этихъ потѣшныхъ книгъ, или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ они еще не открыты; но за то мы можемъ имѣть самое подробное свѣдѣніе о нихъ изъ описанія одной такой книги, приготовленной для одиннадцатилѣтняго сына царя Алексѣя Михайловича, царевича Алексѣя Алексѣевича, въ 1664 году. Это описаніе есть не что иное, какъ оффиціальная роспись тѣхъ предметовъ, которые должны были составить „Потѣшную Книгу“, и приготовленіе которыхъ было распредѣлено по этой росписи между нѣсколькими иконописцами, съ означеніемъ, кому именно и что писать. Приводимъ здѣсь эту роспись вполнѣ, какъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ царскаго домашняго быта:

„173 (1664) декабря въ 8-й день, по указу великаго государя, велѣть писать иконописцамъ *Потѣшную книгу*, чтобъ

передъ *прежнею* была болши вдвое, и писать въ ней *инымъ образомъ, иные прибылыя статьи...* —

Орла пластовово въ клеймѣ.

—

Прапорщикъ съ знаменемъ пѣшей.

Барабанщикъ и другой. Два трубача.

Пѣшей съ пратазаномъ. Два съ мушкеты.

—

Съ большимъ знаменемъ пѣшей. Барабанщикъ. Трубачъ. Два съ пратазаны. Два съ мушкеты. Два съ топорками.

—

Два съ копьи. Два пушку тащатъ. Два съ списами. Два съ мушкеты долгими. Два пушку огненку тащатъ. Два съ копьи.

—

На конѣ съ значкомъ. На конѣ съ литаврами. На конѣ трубачи. На коняхъ съ карабины. На коняхъ съ копьи. На коняхъ въ латахъ.

—

Коньми пушку тащатъ долгую. Коньми пушку тащатъ верховую огненку. Пѣшіе идутъ съ рычагами. Плетутъ шанецъ. Землю копаютъ. Осыпь дѣлаютъ.

—

Городъ надъ рѣкою. Подъ городомъ люди. Пасутъ кони. Пасутъ коровы. Воду носятъ. Воду возятъ.

—

Озеро съ рыбами. На озерѣ рыбу ловятъ. На берегу рыбу пекутъ. Варятъ ѣства. За столомъ сидятъ, обѣдаютъ. Съ кубками стоятъ.

—

На озерѣ птицы плаваютъ. По птицамъ на озерѣ стрѣляетъ. По птицамъ на дерево стрѣляетъ. Птицы ловитъ тенеты. Собачка на озерѣ плыветъ по птичку. Дрова на огонь кладутъ.

—

На озерѣ по берегу сокола пущаютъ. Вверху соколъ со птицею деретца. Птица орелъ. Птица попугай. Птица неясыть. Птица ѳиниксъ.

—

Птица сиринъ. Птица гамаюнъ. Птица строѳокамилъ. Птица попугай зеленой. Птица соколъ. Птица ястребъ.

—

Птица лебедь. Гусь. Журавль. Лебеди на озерѣ. Утята на озерѣ. Избы подъ деревами.

—

Звѣрь левъ. Единорогъ. Грифъ. Львица. Слонъ. Вепресловъ. Медвѣдь. Волкъ.

—

Лисица и заецъ. Собака меденская. Собака гончая. Собачки малые. Вѣкши на деревѣ. Обезьяны.

—

Коркодилъ. Ехидна. Василискъ. Змѣй полозъ. Черепаха. Ежъ звѣрокъ — подъ деревами.

—

Бобръ. Соболь. Ежъ болшой — подъ деревами. Елень. Лось. Козы дикіе.

—

Рыба китъ. Рыба бѣлуга. Звѣрь моржъ. Звѣрь медвѣдь бѣлой. Человѣкъ морской. Дѣвица морская.

—

Корабль на морѣ. Съ корабля изъ пушки стрѣляютъ. Рыбу бьютъ большую. Рыбу ловятъ большую. Изъ моря глядятъ морскіе звѣри. Нерпы бьютъ.

—

Бочки дѣлаютъ. Въ бочки сало льютъ. На возы кладутъ. Люди кита сѣкутъ. Въ рѣкѣ жемчугъ ищутъ. Раковины на берегу перебираютъ, жемчугъ смотрятъ.

—

Коркодилъ свинью ѣстъ привязанную. Коркодила бьютъ. Коркодилу бревно ъъ челюсти кладутъ.

—

Каторга турская на водѣ. Насадъ. Карбасъ съ лоткою. Судно съ людьми. На суднѣ стоятъ люди съ знаменемъ. На суднѣ съ мушкеты.

—

Въ коретѣ ѣдутъ. Въ рыдванѣ ѣдутъ. Въ телегѣ ѣдугъ

—

Снявъ шапку, въ кафтанѣ стоитъ. Снявъ шапку, въ одноряднѣ стоитъ. Въ епанчѣ стоитъ. Въ шапкахъ.

—

Въ ферезее стоитъ. Въ турскомъ кафтанѣ стоитъ.

—

Нѣмчинъ въ шляпѣ. Нѣмчинъ въ епанчѣ безъ шляпы. Нѣмчинъ на пушкѣ. Нѣмчинъ съ мушкетомъ.

—

(Въ подлинникѣ *зачеркнуто:* Кизылбашенинъ въ чолмѣ. Арапленинъ въ чолмѣ. Турчинъ въ малой чолмѣ. Литвинъ...)

—

Арапленинъ на верблюдѣ. Арапленинъ на слонѣ. Верблюдъ со вьюкомъ. На слонѣ городъ.

—

Медвѣдь пляшетъ. Медвѣдя собаки ѣдятъ. Лося собаки ѣдятъ. Собаки зайца гонятъ.

—

На коняхъ рысь колютъ копьи. Льва кизылбаши колютъ копьи. Медвѣдя колютъ копьи. Обезьянъ бьютъ палками. Обезьяны обуваются. Левъ обезьяну ѣстъ.

—

Псарь собакъ ведетъ. Псарь собакъ кормитъ въ корытѣ. Собаки волка травятъ. Мужики волка бьютъ цѣпами.

—

Птица пава. Курица и пѣтухъ индѣйскіе.

—

Пѣтухъ русской и курица. Свиньи въ корытѣ ѣдятъ, пастухъ глядитъ.

—

Сѣно косятъ. Сѣно возятъ. Пашутъ землю. Боронуютъ землю. Сѣютъ хлѣбъ. Жнутъ хлѣбъ.

—

Возятъ рожь въ снопахъ. На овинѣ сушатъ хлѣбъ. Молотятъ хлѣбъ. Изъ вороху вѣютъ хлѣбъ. Въ мѣшкахъ въ житницу носятъ хлѣбъ.

—

Мелница на рѣкѣ. Мелница вѣтреная. Въ жерновы человѣкъ мелетъ. Мѣситъ хлѣбы. Въ печь сажаетъ хлѣбы. Раздаетъ людямъ хлѣбы. Нищимъ даетъ милостыню.

—

Дѣти учатся грамотѣ. Дѣти предъ мастеромъ стоятъ. Дѣти мастеру кланяются. Дѣти за столомъ ѣдятъ. Дѣти въ саду гуляютъ. Дѣти яблоки и виноградъ щиплютъ.

—

Дѣти въ корѣтѣ ѣдутъ. Дѣти въ рыдванѣ ѣдутъ. Дѣти на

конахъ. Дѣти пѣши бѣгутъ отъ звѣря. Дѣти въ телѣгѣ ѣдутъ. Дѣти кругъ катаютъ.

—

Такимъ образомъ эта потѣшная книга была составлена полнѣе прежнихъ и нельзя не замѣтить въ ней нѣкоторой системы, по крайней мѣрѣ въ расположеніи и выборѣ изображеній.

Здѣсь мы отчасти можемъ угадать и намѣреніе древней педагогіи — наглядно познакомить ребенка съ тѣми предметами, знаніе которыхъ ему было нужнѣе въ жизни, нежели знаніе множества безплодныхъ апоѳегмъ и изреченій. Поэтому она сначала представляетъ рисунки *военнаго быта* съ его подробностями, которыя распространяются даже до того, „какъ плетутъ шанецъ, осыпь дѣлаютъ“ и пр. Затѣмъ она переходитъ къ *городу* и указываетъ нѣкоторые предметы гражданскаго быта и птичью охоту, за которою идетъ рядъ изображеній птицъ и звѣрей, замѣчательныхъ въ естественномъ отношеніи или полезныхъ въ быту человѣческомъ. Потомъ изображается море съ кораблями и китовымъ промысломъ, рѣка и ловля жемчугу и, наконецъ, судна военныя, дающія понятіе о флотѣ. Далѣе слѣдуетъ этнографическій отдѣлъ, въ которомъ однакожъ большая часть рисунковъ составлена, можетъ-быть, только для изображенія нарядовъ или одежды. Въ картинкахъ, помѣщенныхъ послѣ этого отдѣла, представлена звѣриная и псовая охота. Книга заключается изображеніями, относящимися къ сельскому хозяйству, и статьею о дѣтяхъ, ихъ ученьи и забавахъ.

Безъ сомнѣнія, всѣ любители русской древности весьма пожалѣютъ о томъ, что не дошелъ до насъ подлинникъ этой любопытной потѣшной книги. Утрата невознаградимая, особенно въ томъ отношеніи, что описанные рисунки представили бы нашу старину самымъ нагляднымъ образомъ, въ ясности и полнотѣ, которыя при настоящихъ нашихъ средствахъ даются намъ только послѣ долгихъ, кропотливыхъ и упорныхъ разысканій и соображеній.

Подобнымъ же образомъ, хотя и сокращеннѣе, составлялись и другія потѣшныя книги этого разряда. Въ концѣ той же росписи мы находимъ слѣдующую записку:

„Писать иконописцамъ въ книгахъ:

Птицы. Древеса. Людей на конехъ рускихъ. Птицы сороки. Птицы неясыти. Птица птицу бьетъ. Орла одноглаваго. Двоеглаваго. Звѣрей единороговъ. Лебедей на водѣ. Гусей. Мужи-

ковъ съ собаками. Елсвей. Пѣшей человѣкъ у знамени. Собаки за зайцомъ. Мужика на верблюдѣ. Орелъ птицу ухватилъ. Мужикъ рыбу ловитъ. Птицъ павлиновъ. Медвѣдя собаки грызутъ. Мужики обиваютъ виноградъ. Люди борются. Отъ волковъ мужикъ боронитца. Волки ѣдятъ свинью. Мужикъ съ вилами идетъ на медвѣдя. Мужикъ по птицамъ стрѣляетъ. Мужикъ по обезьянамъ стрѣляетъ изъ лука. Собаки елена (оленя) обсочили. Человѣка со вьюкомъ. Птицу гриѳъ. Человѣкъ стрѣляетъ по медвѣдѣ на деревѣ. Медвѣдь пляшетъ. Медвѣдь человѣка ѣстъ. Волкъ овечку ѣстъ. Люди пушку тащатъ въ кораблѣ. Люди рыбу ловятъ въ морѣ. Человѣкъ съ знаменемъ. Птица со змѣемъ деретца. Корова пришла пить. Козелъ. Левъ зайчика несетъ. Левъ же сидитъ за рѣшеткою. Человѣкъ съ собаки, за охотою. Два козла бьютца. Стада овецъ да козловъ. Гриѳъ со змѣемъ деретца. Левъ свинью ѣстъ. Льва собаки обсочили да человѣкъ за ними".

Надъ этими потѣшными книгами, изготовленными, какъ мы уже сказали, для царевича Алексѣя Алексѣевича, трудились, то-есть рисовали, расписывали ихъ красками и украшали золотомъ, жалованные и кормовые иконописцы: Симонъ Ушаковъ, Степанъ Резанецъ, Ѳедоръ Евтихеевъ съ товарищами, всего семнадцать человѣкъ. Подъ каждою статьею они подписывали также, *уставомъ,* добрымъ мастерствомъ, *рѣчи,* то есть объясненія изображенныхъ предметовъ, что и составляло текстъ этой древней живописной дѣтской энциклопедіи. Нужно упомянуть также, что большая часть рисунковъ въ этихъ книгахъ заимствована была, безъ сомнѣнія, изъ упомянутыхъ выше нѣмецкихъ и фряжскихъ печатныхъ листовъ или гравюръ, которыя также назывались потѣшными.

Потѣшныя книги этого разряда отъ употребленія, разумѣется, приходили въ ветхость, дѣти ихъ грязнили и рвали; поэтому они весьма часто или возобновлялись, или составлялись вновь. На это мы имѣемъ много указаній въ дѣлахъ Оружейнаго Приказа, который завѣдывалъ всѣми иконописными и живописными работами. Весьма рѣдко, однакожъ, такія указанія упоминаютъ о содержаніи книгъ. Такъ въ 1664 г. изготовлены были четыре книги потѣшныхъ для царевенъ меншихъ; въ 1665 году иконописецъ Ѳедоръ Тимоѳеевъ съ товарищами, всего 10 человѣкъ, писали царевичу Ѳеодору Алексѣевичу „Потѣшную книгу въ четверть листа". „Въ 1672 году въ генварѣ, иконо-

писецъ Петръ Афонасьевъ писалъ царевичу еще двѣ потѣшныя книги: *люди съ боемъ*. Почти въ то же время иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ написалъ памятную книгу въ хоромы меньшимъ царевнамъ. Въ 1675 г. писана *потѣшная книжка* царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ. Въ томъ же году иконописцу Тимоѳею Резанцу велѣно написать въ хоромы къ царицѣ Наталіи Кирилловнѣ *двѣ книги потѣшныя* въ осьмушку, а писать *дѣвицы и птицы и бабы разными переводы*, то-есть образцами, царевнамъ меншимъ. Въ 1676 г. иконописецъ Ѳедоръ Матвѣевъ писалъ потѣшную книгу царевичу Петру Алексѣевичу, а въ 1680 году иконописецъ Тимоѳей Резанецъ писалъ и расцвѣчивалъ шафраномъ царевичу Петру *потѣшныя тетради*. Для царевича Алексѣя Петровича изготовлены были въ 1693 году иконописцемъ Иваномъ Афонасьевымъ „потѣшная книга въ тетрадехъ въ десть, то-есть въ листъ, *строй служивыхъ и иныхъ и звѣрей и птицъ*, и другая *люди, звѣри и птицы*. Въ 1695 году иконописцы Петръ Ѳедоровъ, Ларіонъ Сергѣевъ и Иванъ Афонасьевъ написали царевичу еще потѣшную книгу „*птицъ и звѣрей разными образцы*". Къ тому же разряду учительныхъ картинокъ могутъ относиться и особые листы съ разными изображеніями, напримѣръ: зодіака или *небесныхъ бѣговъ*. Въ 1680 г. такой листъ „*двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные* былъ написанъ живописцемъ Карпомъ Золотаревымъ для царевича Петра Алексѣевича. Въ 1694 году для царевича Алексѣя Петровича написаны иконописнымъ письмомъ, на четырехъ листахъ, *четыре стихіи да двѣнадцать мѣсяцевъ*. Извѣстно также, что для ученія царевича Алексѣя Петровича была составлена книга *Градъ царства небеснаго* съ раскрашенными рисунками „со вмѣщеніемъ краткаго понятія о разныхъ наукахъ, кои лучшею тогдашнею живописью представлены въ аллегорическихъ фигурахъ".

Другого рода потѣшныя книги имѣли цѣлію доставить дѣтямъ легкое и интересное чтеніе. Поэтому сюда входили разныя исторіи и повѣсти, извѣстныя подъ именемъ сказокъ; повѣсти эти были написаны почти всегда въ лицахъ, то-есть съ картинками. Образцами ихъ могутъ служить такъ-называемыя лубочныя сказки. Едва ли не всѣ эти сказки были въ XVII ст. потѣшными книгами и составляли въ царскомъ быту одно изъ самыхъ обыкновенныхъ развлеченій, не только для дѣтей, но и для взрослыхъ.

Въ концѣ XVII столѣтія и, большею частью, въ началѣ XVIII эти потѣшныя книги, украшенныя рисунками, написанныя уставомъ, стали гравировать на мѣдныхъ доскахъ и, безъ сомнѣнія, съ совершеннымъ подобіемъ древнимъ оригинальнымъ рукописямъ, что вполнѣ подтверждается теперешними ихъ изданіями, весьма ужъ потерпѣвшими отъ разныхъ перемѣнъ и передѣлокъ. Многіе рисунки теперешнихъ лубочныхъ сказокъ, особенно изображенія городовъ и палатъ и самый почеркъ текста, во многомъ напоминаютъ еще старину XVII-го столѣтія.

Къ сожалѣнію, записки XVII ст., упоминая о потѣшныхъ книгахъ этого разряда, весьма рѣдко проговариваются о ихъ содержаніи. Встрѣтившіяся намъ подробности объ этомъ любопытномъ предметѣ относятся къ 1693 году.

Вотъ подлинныя записки:

„202 (1693) года октября во 2 день въ хоромы къ великому государю благовѣрному царевичу и великому князю Алексѣю Петровичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи окольничей Иванъ Юрьевичъ Леонтьевъ приказалъ написать въ тетратѣхъ въ десть *въ лицахъ* потѣшную книгу *Петра Золотые Ключи*, незамотчавь, и подписать рѣчи уставомъ. И тогожъ числа тое книгу велено знаменить и писать иконописцу Ивану Афанасьеву".

„Декабря въ 4 день изъ хоромъ великаго государя благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи дьякъ Кирила Тихановъ снесъ потѣшную книгу *въ лицахъ* въ десть (то-есть въ листъ) *о Бовѣ Королевичѣ*, многіе листы выдраны и попорчены, а приказалъ тое книгу починить заново. И тогожъ числа для починки та книга отдана иконописцу Ѳедору Матвѣеву".

Лица или рисунки этихъ потѣшныхъ книгъ были раскрашены яркими красками, по мѣстамъ съ золотомъ и серебромъ, что, безъ сомнѣнія, особенно и нравилось царевичу, который въ это время былъ еще только четырехъ лѣтъ и едва ли зналъ читать. Въ потѣшной книги „Петра Золотые Ключи" *рѣчи* (то-есть текстъ) были написаны *уставомъ*, добрымъ мастерствомъ; рѣчи эти, всего тридцать два листа, писалъ Никитскаго монастыря псаломщикъ Павелъ Перфильевъ, вѣроятно, отличный каллиграфъ того времени. Черезъ мѣсяцъ въ этой же самой книгѣ снова подписывалъ *рѣчи* дьячекъ церкви Василья

Блаженнаго Яковъ Григорьевъ, „для того, что многіе листы были выдраны, всего 20 листовъ“; за каждый листъ ему выдано по алтыну съ деньгою. Переплетали эти книги въ бархатъ и атласъ съ шелковыми тесьмами или завязками.

Лубочныя сказки о „Петрѣ Золотые Ключи“ и о „Бовѣ Королевичѣ“ переводныя; онѣ до сихъ поръ пользуются въ народѣ огромною извѣстностью.

Основываясь на приведенныхъ запискахъ, мы снова можемъ повторить, что всѣ извѣстныя старинныя лубочныя сказки и исторіи были нѣкогда *потѣшными книгами* и служили для дѣтей забавою, игрушками, развлекавшими ихъ среди трудовъ „книжнаго наученія“.

Совершенно неизвѣстно, входили ли въ составъ первоначальнаго образованія грамматика, счетная или цифирная мудрость, называвшаяся также ариѳмословіемъ, всеобщая исторія (въ хронографахъ), географія (въ космографіяхъ) и языки иностранные. Свѣдѣнія о полномъ составѣ тогдашней науки, то-есть о *седми свободныхъ художествахъ,* появились у насъ, кажется, не ранѣе конца XVII столѣтія[1]). Около этого времени переведена была небольшая статья, или *книга, избранная въ кратцѣ о девяти мусахъ и о седми свободныхъ художествахъ,* въ которой излагаются общія понятія о сущности ученія каждаго художества, или, лучше сказать, представляется характеристика этихъ художествъ, соотвѣтственно тогдашнимъ понятіямъ о нихъ.

„Философи древніи хотяще показати яко всякое ученіе подобаетъ въ память быти и содержатися единому отъ другаго; понеже аще не въ память пребываетъ ученіе, всуе труждаемся; аще и безчисленныя книги прочитаемъ, и аще единаго ученіе познаваемъ, другаго же несвѣмы — хромое таковое ученіе явится. Сего ради сице изобразиша девять мусъ во образъ девяти дѣвъ, яже другъ друга рукою содержатся и на различное ученіе относятся и ликъ составляютъ. Между ихъ сликовствуетъ Аполлонъ сирѣчь солнце, знаменуя, яко ученіе свѣтъ есть и міру сіяетъ. Сего ради сице изобразиша девять

[1]) *Мудрость, или описаніе седми свободныхъ художествъ, кая что въ себѣ содержитъ. Изъ Еллинскаго діалекта изслѣдованны на славенскій языкъ чрезъ Николая Спафарія лѣта Господня 167[illegible].* — *Книга избранная въ кратцѣ о девяти мусахъ и седми свободныхъ художествахъ.* — Описаніе Рукописей гр. Толстова. Отд. II, №№ 118 и 223.

мусъ во образъ девяти дѣвъ, яже различнымъ ученіямъ подобятся... имъ же имена сице положена суть: 1) *Кліо* сирѣчь славная, нарѣченная отъ славныхъ дѣлъ, яже воспѣвается и историка именуется. 2) *Калиопи* сирѣчь доброгласная, ради сладкаго ея доброгласія. 3) *Ерато* сирѣчь желаемая или возлюбленная, или отъ пѣнія любвѣ или яко отъ всѣхъ желается. 4) *Өалиа* сирѣчь цвѣтущая, отъ цвѣтущихъ слышателей. 5) *Мелпомена* сирѣчь воспѣваемая, понеже воспѣваетъ. 6) *Терпсихора* сирѣчь ликовеселящая, понеже ликъ веселитъ, яже нарицается и гусленица. 7) *Евтерпи* сирѣчь благоукрасительная яже благоукрашаетъ; нарицается сія и трубительница, яже предстоитъ трубамъ. 8) *Полимнна* сирѣчь многопѣсненная или многопамятная. 9) *Уранія* сирѣчь небесная, понеже о небесныхъ дѣлахъ учитъ"...

Описавъ такимъ образомъ девять музъ, авторъ переходитъ къ обозрѣнію свободныхъ художествъ. „Первое свободное художество *грамматика,* имя свое получи отъ греческаго грамма сирѣчь писмо, отъ грамма же грамматика наречеся, сирѣчь *писменица.* Есть грамматика славенски изрядное художество глаголати и писати учащее и пр. Второе свободное художество *риторика* есть художество яже учитъ слово украшати и увѣщавати... Конецъ риторики есть учити красно глаголати и увѣщевати... Третье — *діалектика,* яже и логика нарицается, имянуется отъ греческаго рѣченія діалегоме, сирѣчь истязаюся или любопрюся или скоро обрѣтаю и изобрѣтеніе чиновне сочиняю... Діалектика конецъ есть еже благое отъ зла и ложь отъ истины раздѣляти... Четвертое — *ариөметика* сирѣчь *числительница.* Пятое — *мусика* сирѣчь *пѣснъствованіе,* имя свое отъ мусы богини пѣнія получи; есть же мусика свѣденія благо яже и армонія сирѣчь согласія нарѣчеся... Шестое — *геометрія* сирѣчь *земномѣріе*... отъ нея, яко отъ корени состоятся начальство остpологіи, географіи и иныхъ художествъ... Седьмое — *астрологія* сирѣчь звѣздословіе... есть же астрологія ученіе, толкующее силу и движеніе звѣздамъ"...

Подобными истолкованіями и вообще только характеристикою этихъ художествъ ограничивается все содержаніе упомянутой книги, избранной вкратцѣ. Полнаго изложенія всѣхъ этихъ художествъ предки наши не имѣли; первоначально принята была одна грамматика, какъ необходимое *орудіе* къ разсужденію высокаго во св. книгахъ лежащаго разумѣнія.

Затѣмъ, если не вполнѣ, то частями были переводимы и нѣкоторыя другія изъ этихъ художествъ, напримѣръ, мусикія, ариѳметика; иныя же были даже отречены, напримѣръ, геометрія, астрологія. Притомъ и самая грамматика не входила въ составъ общаго образованія, а была спеціальнымъ ученіемъ, необходимымъ только для духовныхъ лицъ, посвящавшихъ себя ученымъ занятіямъ, напримѣръ: исправленію книгъ, переводамъ.

Такимъ образомъ, свободныя художества въ полномъ ихъ составѣ не были у насъ водворены и большею частью предки наши знали ихъ только по именамъ. Кромѣ того, иныя науки или художества смѣшивались въ тогдашнихъ понятіяхъ съ эллинскими языческими таинствами, да и вообще слово *эллинскій* обозначало все языческое, а свободныя художества шли отъ эллиновъ, слѣдственно были языческія...

По свидѣтельству иностранцевъ, науки не были приняты въ этомъ составѣ и въ царскомъ быту, то-есть въ первоначальномъ образованіи царскихъ дѣтей.

Рейтенфельсъ дѣлаетъ слѣдующій очеркъ первоначальнаго образованія въ царскомъ быту: „Изящными (то-есть свободными) науками царскія дѣти не занимаются, кромѣ энциклопедическихъ познаній о предметахъ политическихъ: за-то весьма тщательно изучаютъ (кромѣ чтенія и письма на отечественномъ языкѣ) состояніе своего государства и сосѣдственныхъ державъ, духъ и потребности подвластныхъ народовъ, различающихся языкомъ и нравами; пріучаются любить и уважать отечественные обычаи и неуклонно слѣдовать правиламъ религіи. Долгъ справедливости требуетъ сказать, что этотъ скромный и, повидимому, простой образъ воспитанія царскихъ дѣтей въ Россіи даетъ имъ прекрасное направленіе и гораздо полезнѣе, нежели изученіе всѣхъ тайнъ философіи и уроки самыхъ глубокомысленныхъ учителей“ [1]). Въ отношеніи иностранныхъ языковъ, Кошихинъ говоритъ положительно, что, кромѣ русскаго, „никакимъ инымъ языкамъ наученія въ Россійскомъ государствѣ не бываетъ“.

Есть, впрочемъ, данныя, по которымъ можемъ заключать, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и иностранные языки, и нѣкоторыя изъ свободныхъ наукъ не были изъяты изъ перво-

[1]) «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1839. Іюль, стр. 10.

начальнаго образованія его сыновей. Примѣромъ служитъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, подававшій блестящія надежды и такъ рано похищенный смертью. Онъ умеръ шестнадцати лѣтъ. Имѣя отличныя дарованія, онъ, по свидѣтельству современниковъ, съ особенною любовью занимался книжнымъ ученіемъ, чему, безъ сомнѣнія, много способствовало и то, что дядькою его былъ Өедоръ Михаиловичъ Ртищевъ, любитель и покровитель просвѣщенія въ тогдашнее время, который „прилежнымъ своимъ къ государю царевичу служеніемъ наипаче себе изнури, бодрствуя, и смотря, и поучая его благочестно“[1]). Въ числѣ книгъ, принадлежавшихъ библіотекѣ царевича, мы находимъ, кромѣ многихъ книгъ духовнаго содержанія, грамматики печатныя и письменныя, лексиконы, между которыми одинъ словенскій съ греческимъ, а другой латинскій съ словенскимъ, потомъ сто тридцать семь книгъ на разныхъ иноземскихъ языкахъ, книгу Аристотелеву, книгу Монархію, Собраніе патріарха Никона (можетъ быть Лѣтопись?), книгу цифирную (ариөметику), книгу размѣрную (геометрію), одиннадцать книгъ — *описаніе земель*, то-есть книгъ географическихъ, четырнадцать листовъ — *описаніе разныхъ земель* (ландкарты), *два яблока — описаніе земли* (глобусы) и проч.[2]). Если не всѣ изъ этихъ книгъ были употреблены въ первоначальномъ обученіи царевича, то во всякомъ случаѣ онѣ могутъ свидѣтельствовать, что именно назначалось для его дальнѣйшаго образованія, которое съ этого времени становилось обширнѣе или, по крайней мѣрѣ, полнѣе, нежели какъ было въ началѣ XVII-го столѣтія, именно при обученіи царя Алексѣя Михайловича, въ отроческой библіотекѣ котораго, кромѣ духовныхъ книгъ, встрѣчаемъ только славянскую грамматику — литовская печать въ 8-ю д. л., лексиконъ — литовская печать также въ 8-ю д. л., и письменную космографію, въ листъ[3]).

Забѣлинъ.

[1]) «Древ. Вивл.» Ч. XVIII, стр. 410.

[2]) Приложеніе III.

[3]) Приложеніе II.

Элементарный курсъ образованія въ XVII и началѣ XVIII вѣка.

Что понималось подъ элементарнымъ образованіемъ въ XVII и въ началѣ XVIII вѣка?

Вопросъ этотъ отчасти можетъ быть рѣшенъ на основаніи понятія „элементарный" (азбуковниковъ, букварей). Подъ этимъ именемъ разумѣется не одна азбука, т.-е. обученіе чтенію и даже письму, но цѣлая энциклопедія элементарнаго образованія (дидактики) и нравственныхъ дисциплинарныхъ наставленій (педагогики).

Въ концѣ XVII вѣка составленіе букварей обратилось почти въ манію. Одинъ іеродіаконъ Истоминъ сочинилъ до 4-хъ букварей. Всѣ эти азбуковники и буквари до безконечности разнообразны; начиная съ простого алфавита буквъ и изложенія слоговъ и кончая энциклопедіею 7 свободныхъ наукъ, — буквари представляютъ непрерывную цѣпь постепенно расширяющихся системъ элементарнаго образованія. Эта разнообразная система руководствъ можетъ представить довольно убѣдительныя свидѣтельства, какъ для тѣхъ, кто ограничиваетъ кругъ древняго ученія однимъ только чтеніемъ, такъ и для тѣхъ, кто растягиваетъ предѣлы его до границъ философскаго знанія: стоитъ только избрать для своего наблюденія тотъ или другой предѣлъ элементарныхъ знаній, тотъ или другой кругъ азбуковниковъ.

Между тѣмъ это есть необходимое послѣдствіе системы, естественно развивающейся, причемъ становится весьма затруднительнымъ указать границы именно элементарнаго образованія.

Печатные буквари какъ XVII вѣка (до-Петровскіе), такъ и временъ Петра указаны у Пекарскаго; но несравненно большее количество обращалось письменныхъ словарей (да и печатные распространялись главнымъ образомъ черезъ переписку); можно съ увѣренностію сказать, что почти каждый школьный учитель составлялъ самъ или, по крайней мѣрѣ, сокращалъ печатные буквари. Этимъ объясняется множество азбукъ въ каждой мѣстности Россіи особенныхъ, сохранившихся донынѣ.

Въ содержаніе печатныхъ букварей, кромѣ уроковъ грамотности, входили: а) статьи по ученію вѣры (молитвы, символъ вѣры, изложеніе о православной вѣрѣ) при чемъ спеціально обращалось вниманіе на тѣ пункты вѣроученія, которые подвергались спору въ той или другой мѣстности: о Св. Троицѣ въ западныхъ, о перстосложеніи въ восточныхъ букваряхъ, творенія св. отцовъ въ отрывкахъ и житія святыхъ; б) краткіе словари; в) статьи педагогическаго содержанія; г) образцовые письмовники.

Изъ этого можно вывести приблизительно болѣе вѣрное опредѣленіе круга элементарнаго обученія, въ его нормальныхъ общепринятыхъ границахъ, потому что составитель печатнаго руководства во всякомъ случаѣ, разсчитывалъ на возможно большой сбытъ своей книги и, слѣдовательно, приспособлялъ ее къ установившимся и извѣстнымъ требованіямъ большинства, между тѣмъ какъ составитель письменнаго руководства могъ разсчитывать иногда только на свою собственную школу. Далѣе, при отсутствіи всякой регламентаціи элементарнаго обученія и его круга, естественно предположить, что печатныя руководства не только примѣнялись къ господствующимъ понятіямъ и границамъ ученія, но сами служили указателями этихъ границъ для учителей, менѣе образованныхъ, менѣе самостоятельныхъ, дѣйствовавшихъ въ глухихъ маленькихъ общинахъ.

Однако и рукописные никакъ не могутъ быть устранены изъ виду, при опредѣленіи сферы обученія въ элементарныхъ школахъ.

Изъ письменныхъ обращаетъ на себя особенное вниманіе вѣроятно предназначенный для печати букварь, приписываемый Лихудамъ: „Преднаказанье дѣтей“, описанный Извѣковымъ (Рукоп. Спб. Д. Ак.). Въ немъ обученіе грамотности предупреждается педагогическими наставленіями родителямъ о преимуществахъ образованія предъ невѣжествомъ. „Алфавитарь“ свой составитель считаетъ „дверью или введеніемъ къ пожеланію писаній вѣдѣнія“, такъ что дѣти, начавши учиться грамотѣ, по крайней мѣрѣ, сколько-нибудь научатся правописанію и грамматикѣ; а уже послѣ желающіе могутъ удобно перейти къ полному грамматическому знанію и, наконецъ, къ познанію разума св. Писанія.

Самые уроки грамотности убѣждаютъ г. Извѣкова, „что

звуковой прiемъ былъ извѣстенъ въ зачаткѣ и рекомендованъ на Руси еще въ исходѣ XVII вѣка" — „Подобаетъ коеждо писмя глаголати, яко оно гласъ свой творитъ, и якоже гласъ его есть, сице и звати тое по гласу его.... ѣ глаголати достоинъ яко іе, а не ять...." Звуковой методъ примѣняется, впрочемъ, къ однимъ гласнымъ. Въ ученiи о слогахъ сообщаются свѣдѣнiя о частяхъ рѣчи („яже суть сiя: имя, мѣстоименiе, глаголъ, причастiе, нарѣчiе, предлогъ, союзъ, междометiе"), о падежахъ (именит., родительн., винит., звательн., творительный, сказательный), о числахъ (единств., двойств. и множествен.), родахъ (муж., женск., средн., общiй и предобщiй), временахъ глаголовъ (настоящее, преходящее, прошедшее, мимошедшее, неопредѣленное, будущее). „Суть же и на послѣдующая иными частемъ требовательна, но ради *малымъ дѣтемъ* неудобства оставлена, яко: залози, начертанiя, виды, наклоненiя, супружества; о сихъ въ граматицѣ хотяй да чтетъ".

Отсюда ясно заключаемъ, что букварь предназначенъ былъ для самыхъ элементарныхъ школъ, для малыхъ дѣтей.

Затѣмъ сообщаются правила орѳографiи.

„*Новоначальнiи ученики*, по свидѣтельству азбуковниковъ XVII вѣка, послѣ азбуки проходили граммагику, глаголемую адаватосъ".

Эту трудную науку „Предназанiе" облегчаетъ съ тѣмъ, чтобы ученикъ „*самоохотно* и безтрудно въ малое время" усвоилъ себѣ ея основныя начала. Хрестоматическая часть азбуковника состоитъ изъ „Отче нашъ, символа вѣры, Богородице Дѣво".... Въ заключенiе изложены правила школьной дисциплины, гдѣ заключается и обычная похвала розгѣ.

Границы элементарныхъ знанiй, указанныхъ букваремъ Лихудовъ, не составляютъ изобрѣтенiя этихъ авторовъ. Множество другихъ письменныхъ азбуковниковъ, по своду г. Мордовцева, указываютъ на такiя же точно границы, утвердившiяся въ XVII вѣкѣ. Въ самой азбукѣ подъ объясненiемъ разныхъ буквъ сообщались свѣдѣнiя изъ грамматики, весьма удовлетворительныя, а именно: а) фонетика съ раздѣленiемъ звуковъ на звательные, полузвательные, возразительные и кончательные (оба послѣднiе рода суть наши полугласные ъ и ь); б) исторiя письменнаго изображенiя буквъ въ Римѣ, Грецiи, у славянъ (Кириллъ и Константинъ) и у пермяковъ (Стефанъ Пермскiй); в) правописанiе и ударенiе, — послѣднее требовало

особеннаго вниманія и усилія со стороны учителей и учениковъ, при многочисленности надстрочныхъ и строчныхъ знаковъ въ старомъ правописаніи; г) этимологическій разборъ, причемъ объяснялись: „паденія“ (падежи), роды именъ, „проименія“ (мѣстоименія), „супружества“ (спряженія глаголовъ). Всѣ эти свѣдѣнія разсѣяны въ азбуковникахъ подъ разными буквами и не составляютъ систематической грамматики.

Какъ на отдѣльную систематическую науку, на грамматику въ самыхъ азбуковникахъ иногда дѣлаются ссылки. Но могла ли она преподаваться во всѣхъ приходскихъ школахъ, — это остается вопросомъ, который для мелкихъ школъ, особенно сельскихъ, придется, конечно, рѣшить отрицательно; зато азбуковники въ концѣ представляютъ указаніе на всѣ семь свободныхъ наукъ (trivium и quadrivium) и въ томъ числѣ на грамматику. Значеніе этихъ указаній Мордовцевъ удовлетворительно опредѣляетъ тѣмъ, что они уясняли школьникамъ путь ихъ будущаго сомообразованія, возбуждая въ молодыхъ умахъ фразами высокопарившими и иногда таинственными высокое уваженіе къ этимъ наукамъ.

Однако азбуковники въ концѣ представляютъ и краткій обзоръ нѣкоторыхъ изъ семи свободныхъ искусствъ; такъ, подъ именемъ геометріи сообщались достаточныя свѣдѣнія изъ географіи математической, физической и политической, хотя сами азбуковники ссылаются на космографію, гдѣ ученику обѣщается болѣе подробное изложеніе знаній этого рода.

Хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ 7 наукъ преподавались тогда въ первоначальныхъ, какъ самостоятельныхъ, школахъ, но надо предполагать (судя по очеркамъ ихъ въ азбуковникахъ), что въ городахъ, особенно въ Москвѣ, были школы, кромѣ Славяно-греко-латинской академіи, гдѣ сообщалась далеко не одна грамотность.

Всѣ азбуки XVII в., до нынѣ обнародованныя, несомнѣнно содержали въ себѣ болѣе или менѣе обширное изложеніе ариѳметики (Вл. Губ. Вѣд. 1862 г. № 30). Обыкновенно въ этихъ старинныхъ ариѳметикахъ ариѳметическія дѣйствія выводились изъ умственныхъ задачъ безъ предварительныхъ общихъ и трудныхъ для ученика объясненій.

Часословы и псалтири открывали собою ту область знаній, въ которой такъ сильна была допетровская Русь.

Конечно, что основная часть первоначальнаго обученія за-

ключалась и въ XVII вѣкѣ въ азбукѣ, часовникѣ, псалтирѣ, письмѣ и пѣнія, а подъ конецъ и въ счисленіи.

Это мы могли бы изучать на живыхъ примѣрахъ недавней дѣйствительности во всѣхъ углахъ Россіи. Но вопросъ состоитъ въ томъ, признавались ли эти предметы обученія конечными дѣлами его, или только средствами для пріобрѣтенія знаній или нравственнаго развитія?

Только въ послѣднемъ случаѣ элементарное образованіе заслуживаетъ имени образованія. И дѣйствительно, только невѣжественные преподаватели могли ограничиваться азбукою, а потомъ неосмысленнымъ чтеніемъ псалтири и часослова (какъ это сдѣлалось обычнымъ послѣ, когда лучшія педагогическія силы уже отвлечены были къ среднимъ училищамъ). Азбуковники показываютъ, что учитель XVII вѣка, подъ скрытою формою азбуки, преподавалъ массу разнообразныхъ, но самыхъ необходимыхъ свѣдѣній. Сверхъ того, педагогическая часть азбуковниковъ — нравственныя наставленія и религіозныя, для котораго часословъ и псалтирь первоначально служили средствомъ, а не цѣлію — даетъ истинное содержаніе элементарному образованію.

Владимирскій-Будановъ.

Отношеніе образованія къ воспитанію по школьнымъ уставамъ XVII в.

Обращаясь къ исторіи образованія нашего народа, находимъ, что, судя по школьнымъ уставамъ XVII вѣка, воспитанію съ элементарнымъ образованіемъ не предавали тѣсной связи. Взаимныя отношенія, какъ они были тогда установлены, представляются намъ довольно нормальными (за исключеніемъ тѣхъ педагогическихъ мѣръ, которые соотвѣтствовали духу эпохи). Общія воспитательныя требованія школы заключаются въ слѣдующемъ: внѣ училища ученикъ обязанъ „не ходить въ неприличныя собранія, или пирушки, не имѣть обращенія и товарищества съ тѣми, которые тому преданы; ибо человѣкъ, какъ съ преподобнымъ преподобенъ бываетъ, такъ со строптивымъ развращается“; быть учтивымъ при встрѣчѣ съ людьми достойными, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, открывая предъ ними голову и отдавая поклонъ. Равно и къ мѣстамъ, посвящаемымъ Богу, какъ-то: монастырямъ, кладбищамъ,

училищамъ преимущественно предъ другими мѣстами должны имѣть почтеніе. „А сіе они сдѣлаютъ, какъ находясь въ тѣхъ мѣстахъ, станутъ воздерживаться отъ лишнихъ поступковъ, непристойныхъ словъ и нескромныхъ шутокъ“.

Внутри школы воспитательное значеніе ея поддерживалось, прежде всего, требованіями отъ учителей такихъ отношеній къ ученикамъ, которыя напоминали бы отношенія родителей къ дѣтямъ. Требовалось „чтобы учитель, по своей небрежности, зависти, и лукавству, не остался виновенъ ни за одного ученика предъ Богомъ Вседержителемъ, а также передъ родственниками ученика и передъ нимъ самимъ, если бы отнялъ у него время и занялъ его чѣмъ инымъ. Ибо сказано: лукавый рабе и лѣнивый, подобаше ти вдати сребро мое торжникомъ и пришедъ азъ взялъ бы свое съ лихвою“. „Учитель долженъ и учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ, убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія, учить, сколько кто по силамъ научиться можетъ; только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ... а Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истинный пріити. При надлежащихъ отношеніяхъ учителя къ ученикамъ школьный порядокъ возникнетъ самъ собою. Ученикъ долженъ каждый день приходить въ школу, потому что если онъ перестанетъ ходить, то увольняется отъ школы, какъ тратящій напрасно время. Ученики должны приходить во время и вести себя тихо, потому что должны слушать, уразумѣвать и замѣчать все, что будетъ читано, сказываемо и диктуемо учителемъ, стараясь всѣми силами, чтобы все слышанное могъ выразить подобно учителю“. Ученики должны сидѣть на мѣстахъ, назначенныхъ учителемъ, по успѣху каждаго. „Кто будетъ больше знать, долженъ сидѣть выше, хотя бы и весьма былъ бѣденъ“. „Богатые передъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по внѣшности равны всѣ, ибо всѣ мы братья о Христѣ; всѣ мы члены одной главы Христа и ни одинъ членъ, напримѣръ, глазъ рукѣ и рука ногѣ, не можетъ сказать: ты мнѣ не нужна“.

Къ надзору за соблюденіемъ педагогическихъ правилъ привлечены сами ученики. Эта мѣра, какъ извѣстно, обоюдоострая; ею можно, при извѣстныхъ условіяхъ, сдѣлать столько же вреда, сколько, при другихъ, пользы. Вредъ достигается, если наблюденіе производится тайно, или если оно возлагается постоянно

на одно привилегированное лицо. Въ уставѣ Луцкой школы надзоръ устроенъ иначе: лица для наблюденія избираются каждую недѣлю новыя, по два или по четыре мальчика, „отчего ни одинъ не можетъ отказываться, когда до него дойдетъ очередь“; они вовсе не привилегированныя лица; на ихъ обязанность возлагается: „пораньше приходить въ школу, подмести ее, затопить и печку и сидѣть у дверей“. Это временные хозяева школы, сызмала пріучающіеся къ домоводству и чистоплотности: они, какъ хозяева, должны „знать обо всѣхъ, кто выходитъ. Они должны записывать и доносить о тѣхъ, которые бы не учились, шалили, или въ церкви безчинно стояли, или, домой идучи, вели себя непристойно“.

Конечно, ни духъ времени, ни цѣль школы, не позволяли обойтись безъ наказаній. По мнѣнію устава (приводящаго слова Писанія), „аще безъ наказанія есте, убо прелюбодѣйчища есте, а не сынове“. Мы не знаемъ характера и мѣры наказаній; уставъ говоритъ, однако, что учитель долженъ „за непослушаніе наказывать не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо, не только мірски, но и выше мірскаго“, то-есть, не по формальному соотвѣтствію проступка съ наказаніемъ, а по нравственной мѣркѣ.

Особенныя воспитательныя мѣры заключались въ обращеніи преподаванія въ орудіе воспитанія. Какъ книги для чтенія, такъ и отрывки для письма избирались съ цѣлями нравственнаго наставленія; выборъ для письма опредѣляется, слѣдовательно, началомъ св. Писанія: „Елика бо предписана быша, въ наше наказаніе предписашася“. Наконецъ нравственныя наставленія составляли особый, спеціальный предметъ въ кругѣ школьныхъ занятій: „Послѣ обѣда въ субботу учитель обязанъ не мало время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви передъ Богомъ, въ домѣ передъ родными своими и какъ имъ вездѣ сохранять добродѣтель и цѣломудріе, то-есть передъ Богомъ и святыми Его, почитаніе и страхъ передъ всѣми вообще, покорность и уваженіе, а сами въ себѣ чистоту и добродѣтель. И сіи наставленія должны быть заново внушаемы дѣтямъ; для чего не будетъ имъ мѣшать и памятнаго во школьной чашѣ испивать. Ибо писано: „любяй сына прилежнѣе наказуетъ“.

Изъ этого учрежденія, не имѣвшаго въ своемъ началѣ ничего нераціональнаго, впослѣдствіи, въ великорусскихъ духовныхъ школахъ, выработали возмутительные субботники, то есть весьма не педагогическую мѣру наказывать или за проступокъ, давно уже совершенный, о которомъ самъ шалунъ забылъ, или даже наказывать впередъ — въ запасъ.

Утро воскресенья посвящалось также религіозно нравственнымъ наставленіямъ. Передъ литургіею въ воскресные и праздничные дни „учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ въ томъ праздникѣ или святомъ днѣ и учить ихъ волѣ Божьей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ". Эти-то наставленія, записываемыя потомъ самимъ учителемъ или учениками, служили вмѣстѣ съ тѣмъ значительнымъ дополненіемъ образованія; они составляли даже особую литературу, съ которою мы встрѣтимся въ правилахъ великорусскихъ приходскихъ школъ. Руководясь тѣми же азбуковниками, которые послужили намъ для опредѣленія круга элементарнаго образованія, мы можемъ опредѣлить и связь его съ воспитаніемъ въ великорусскихъ приходскихъ школахъ.

Согласно съ постановленіями Стоглава, въ училищахъ того времени дѣло воспитанія сливалось съ дѣломъ обученія и даже преобладало надъ нимъ. Сами азбуковники — эти энциклопедіи школьнаго ученія — были столько же учебниками, сколько книгами нравственно-назидательнаго содержанія, практическихъ житейскихъ наставленій.

Школьная дисциплина была далеко отъ форменныхъ безсодержательныхъ требованій послѣдующихъ временъ; ея цѣль — пріученіе дѣтей къ опрятности и благопристойности, какъ относительно себя самихъ, такъ и относительно школы.

„Хракавія и иныя волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и среди школы да не повержеши,
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но непорѣчно и умное всякое реченіе имѣйте".
или:
„Шумъ и крикъ неполезный здѣ да не явится,
Любяй сіе съ нами да не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдь да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.

Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуда паки бережно взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
Подметена же и безпорошна и изчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдь не износите.
Школьные недостатки 3-й староста да знаетъ
И для потребы прилежно да смотряетъ.
Школу нагрѣвайте и метите повседневно;
Староста же сему наряжаетъ почередно.
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристроенъ".

Работы въ школьномъ домѣ, возложенныя, какъ отсюда видно, на самихъ учениковъ, простирались на всѣхъ равно и приучали къ физическому труду:

„Сосуды, прилучающіеся въ школѣ, ставляйте и кладите тихо,
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносити,
Лахань же съ настоянною водою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да моются,
Да приходящимъ въ школу не гнусно видются.
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота".

Книги, по которымъ учились въ школѣ, составляли предметъ особой заботливости: онѣ не брались учениками домой, но оставлялись по окончаніи урока въ школѣ, — сдавались школьному старостѣ, который полагалъ ихъ на особомъ „стольцѣ" и на утро опять выдавалъ школьникамъ. Было запрещено разгинать книги и класть печатно внизъ, равно оставлять въ согнутой книгѣ „указательное деревцо" (указку) въ видѣ замѣтки.

Вообще

„Книгъ аще кто не бережетъ,
Таковый души своея не стережетъ".

Слѣдуетъ замѣтить, что школьные порядки того времени проникнуты религіозною обрядностію и отчасти монастырскою строгою важностію. Тутъ ничто не считалось мелочнымъ.

Если излишнее уваженіе къ мелочной обрядности въ жизни привело древнюю Русь къ извѣстнымъ, довольно грустнымъ послѣдствіямъ, то относительно школы этого сказать нельзя; здѣсь, дѣйствительно, слѣдовало принять за принципъ, что для воспитывающагося не должно быть мелочей; иначе дѣло воспитанія въ глазахъ дитяти теряетъ всякій авторитетъ.

Обращаясь къ нравственному воспитанію, мы находимъ, какъ выше уже замѣтили, въ азбуковникахъ свидѣтельство о томъ, что практика исполняла предписанія Стоглава, который, какъ мы знаемъ, обратилъ главное вниманіе на страшный порокъ — недугъ, такъ однако не нерѣдкій въ дѣтскомъ возрастѣ. Противъ него и сродныхъ ему пороковъ направлены въ азбуковникахъ сильныя и разнообразныя увѣщанія. Но и пороки болѣе тонкіе, свойственные молодости, не ускользали отъ вниманія педагоговъ того времени. Г. Мордовцевъ выражается такъ: „по нѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ можно видѣть, что между юношествомъ училищъ до-петровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостію никто не осмѣливался“. Зато былъ учрежденъ открытый надзоръ между товарищами.

Цѣль его — не поддержаніе внѣшней тишины въ школѣ, а помощь учителю въ его нелегкой задачѣ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока“. „Имѣй у себя въ остереганіе изъ добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ тебя оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ“. Это „старосты“, изъ которыхъ одинъ выслушивалъ уроки учениковъ и смотрѣлъ за книгами, другой, вѣроятно, наблюдалъ за нравственнымъ поведеніемъ учениковъ, третій — за чистотою и вообще хозяйствомъ школы. Какъ дисциплина и нравственность, такъ рвеніе къ занятіямъ поддерживалось наказаніями, свойственными вѣку:

„Лоза дѣтей всякимъ добротамъ научаетъ,
И злый обычай удобь отлучаетъ“.
или:
„Егда кто другъ друга здѣсь уличитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ“.

Однако не одна угроза тѣлесныхъ наказаній поддерживала школу; значительную роль играетъ въ этомъ стыдъ предъ

товарищами, не сдѣлавшими проступка. Ученики такъ говорятъ своему наставнику:

„Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не предъ многими деньми была,
Виновніи, слышавъ сіе лицемъ рдятся,
Понеже они нами смиренными гордятся“.

При устройствѣ общественныхъ школъ отношеніе воспитанія и образованія можетъ быть установлено трояким образомъ: или а) образованіе и воспитаніе дѣлаются исключительнымъ достояніемъ школы (закрытыя заведенія, что было испытано у насъ особенно со времени Екатерины II, когда разрывъ семьи и школы оказался столь глубокимъ, что признано было совершенно необходимымъ оторвать дѣтей отъ семейства и родной среды, чтобы создать новую породу людей); или б) образованіе падаетъ на долю школы, а воспитаніе оставляется за семьею, или наконецъ в) и то и другое продолжаютъ быть обязанностію и семьи и школы. Два первыхъ способа были испытаны безъ успѣха одинъ за другимъ. Школа мѣстной общины, при нормальныхъ отношеніяхъ къ семьѣ, удобнѣе могла притти къ третьему рѣшенію задачи (для котораго, кажется, наступаетъ очередь нынѣ въ нашихъ казенныхъ училищахъ).

Владимирскій-Будановъ.

Школьное воспитаніе въ XVII столѣтіи.

Въ настоящее время можно пользоваться нѣсколькими драгоцѣнными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе „*азбуковника*“ и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то „*первостраннико мъ*“, и отчасти списанныхъ имъ съ другихъ тогдашнихъ изданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанію и имѣютъ особенный счетъ листовъ. Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первона-

чальныхъ учебниковъ, въ которыхъ помѣщались — весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, повидимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что̀ въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ *„Уставовъ объ училищахъ“*; затѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что̀ теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письмовникахъ.

Одна половина этого азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе, и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ *розгѣ,* которою, будто бы, самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище; въ немъ есть даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя азбуковника, самая лучшая розга „черемховая двоюлѣтняя“ для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

„Въ предисловія мѣсто сіе полагаемъ.
Розгою Духъ Святый дѣтище бити велитъ,
Розга убо ниже мало здравія вредитъ.
Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
Учитъ молитвѣ и злыхъ всѣхъ встягаетъ.
Розга родителемъ послушны дѣти творитъ,
Розга Божественнаго писанія учитъ.
Розга аще и біетъ, но не ломитъ кости,
А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
Розгою аще отецъ и мати часто біютъ дѣтище свое,
Избавляютъ душу его отъ всякаго грѣха.
Розга учитъ дѣлати вся присно ради хлѣба,
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба.
Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
Розга и злыхъ дѣтей въ преблагія претворяетъ.
Розгою отецъ и мати еже дѣтище не біютъ,

Удаву на выю его скоро увіютъ.
Вразуми, Боже, матери и учители,
Розгою малыхъ дѣтей быти равители.
Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрые родятъ на долгія времена.
Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюлѣтняя,
Сверстнымъ же брезовая къ воумленію,
Черемховая же къ страхованію ученія,
Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
Младъ бо безъ розги не может ся воумити,
Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще ли же безъ розги изъ млада возраститься,
Старости не достигъ, удобь скончится".

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ *печатной* азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ „глупыхъ" и лѣнивыхъ дѣтей; между прочимъ, увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

„Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!"

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первый разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ ученію и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавливается слѣдующими словами: „Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:"

„Хотящимъ Божественныхъ книгъ навыкати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,
Учителево приказаніе опасно соблюдати.

Не покарающимся полагаемъ клейнотъ
Учителевъ ременъ плетной".

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

„Младоумный и маловозрастный отрочà,
Въ дѣтскихъ глумленіяхъ борзо скачà:
Въ сердцы своемъ скрый словеса сія,
Да насладится сердце твое беседы сея;
Еще азъ тебѣ хощу сказати,
Тебе младаго отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взимай,
И добрѣ сохраняй".

Содержаніе самихъ азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юношества, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разсѣянныя въ этихъ азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось русское юношество для наученія „книжному дѣлу". Были ли для этого устроены особенныя зданія на обществен-

ный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потомъ расходились по домамъ, это достовѣрно доказывается очень многими мѣстами азбуковниковъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же азбуковникахъ.

Весь день, по правиламъ азбуковниковъ, распредѣленъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

„Въ дому своемъ, отъ сна воставъ, умыйся,
Прилучившагося плата краемъ добрѣ утрися,
Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
Отцу и матери низко поклонися.
Въ школу тщательно иди,
И товарищи своего веди,
Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи“.

Въ другомъ азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ „*въ Словенороссіи сіе зазорно мнится*“. Все же остальное почти дословно сходно съ правилами перваго азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ азбуковникъ. „Прилѣпляющійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано востаютъ, и умывся, образу Божію нижайшимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюетъ ко мнѣ, си есть порану ко учителю

приходить... Въ храмъ учителевъ, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божію поклоненіихъ, учителю достодолжнымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго пѣнія говорити повелѣваютъ и тако расходитися и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словенороссіи сіе зазорно мнится".

Это значитъ, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что, сказавъ старый урокъ, ученикъ принимался за изученіе „новаго стиха" до самаго „вечерняго пѣснопѣнія", съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: „Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божіимъ ставъ помолитися молитвою сею: „Господи Іисусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь". И поклонився трижды съ молитвою Іисусовою, начинай стихъ тихо, а не борзяся".

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ азбуковникахъ:

„Молитвы ваши со умѣреннымъ гласомъ купно
да бываютъ,
Кричаніе же и верещаніе ползы и умиленія отнюдъ не подаваютъ".

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, при чемъ, какъ видно, садились по достоинству, т.-е. каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ въ азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

„Малія въ васъ и велицыи вси равни,
Ученій же ради вящшихъ мѣстомъ да будутъ званни".

Далѣе, въ другомъ мѣстѣ:

„Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего".

Или:

„Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеся,
Колѣнямя и лядвіями не присвояйтеся".

Въ другомъ мѣстѣ:

„Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣсняй".

Тѣ же самые совѣты даетъ „Мудрость" юношеству въ другомъ азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ „Мудрость": „Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не празднослови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полуименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй".

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простого приличія мѣшаются здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

„Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не износи.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарыщи своего накажи".

Въ другомъ мѣстѣ:

„Доброты ближняго страстнѣ не зри,
И близъ единъ другаго не спи".
„*Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
Таковая отъ того страсть біеніемъ ся да отгонитъ.*
Данный урокъ кійждо васъ изъучивъ,
И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
Двери школы, входяй и исходяй,
Тихо и благоискусно отворяй и затворяй.
Деннаго ли урока кто не изъучитъ,
Таковый отъ біенія свободы не получитъ."

Надо замѣтить, что два азбуковника, совершенно различные, и по содержанію, и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведенія учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потомъ, какъ въ прозаическомъ азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣсниться къ товарищамъ, глазами „не намизать", не давать товарищамъ кличекъ, такъ точно и въ риѳмованномъ азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

„Егда кто ближняго будетъ назирати
И очима своима страстнѣ *намизати*,
Ему же біеніе будетъ нещадно,
Да инымъ къ тому будетъ не повадно."

Или:

„Не *потѣсняй* мѣстомъ ближняго твоего
И не называй *прозвищемъ* товарыща своего."

Насчетъ обращенія съ книгами въ риѳмованномъ азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, „замкнувъ" книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь „указательнымъ древцомъ"; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ „старостѣ" (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украше-

ніями, „паволоками“, а старались бы понять написанное въ нихъ.

„Книги ваши добре храните
И опасно на мѣсто свое кладите;
Книгу, замкнувъ, печатію къ высотѣ полагай.
Указательнаго же древца въ ню отнюдъ не влагай:
Книги къ старостѣ въ соблюденіе съ молитвою приносите.
Тако же и заутро пріимая съ поклоненіемъ относите;
Книги своя не вельми разгибайте,
И листовъ въ нихъ туне не пребирайте;
Книгъ на сѣдалицкомъ мѣстѣ не оставляйте,
Но на уготованномъ столѣ добрѣ поставляйте.
Книгъ аще кто не брежетъ,
Таковый души своея не стрежетъ.
Книжными паволоками не забавляйтеся,
Но написанными въ нихъ вразумляйтеся“.

То же самое выражено въ другомъ азбуковникѣ, чѣмъ еще больше доказывается, что эти школьные обычаи были во всеобщемъ употребленіи и вошли въ правила школьной дисциплины, выражаясь въ разныхъ учебникахъ одними и тѣми же фразами, какъ видимъ изъ слѣдующихъ отрывковъ: „Аще гдѣ пойдеши, книгу твою вышшею страною, внизъ не клади, ниже горнею, си есть вышшею страною, яко бы стремоглавно поставивши, но долнею страною во обоихъ и ставляй и полагай: оно бо есть незнающихъ и невѣжествующихъ дѣло. Древца указательнаго въ книгу не клади, но тако просто, или чимъ тончайшимъ преложивъ, замкни, и на уготованномъ мѣстѣ честно полагай.“ 1)

Самая одинаковость выраженія этихъ мѣстъ въ томъ и другомъ азбуковникѣ, тожество фразъ и повтореніе ихъ въ разныхъ мѣстахъ одинаковымъ образомъ, все доказываетъ, что фразы эти имѣли полное гражданство въ правилахъ нашей древней школьной дисциплины и, по всей вѣроятности, составляли часть, если можно такъ сказать, цѣлаго уложенія объ училищахъ до-Петровской Руси, которое, если и не было писано, то, по крайней мѣрѣ, въ полномъ составѣ сохранялось въ памяти самихъ наставниковъ, и частью изустно, частью

1) Въ другомъ мѣстѣ [illegible]

въ рукописныхъ учебникахъ, передавалось юношамъ въ назиданіе. Такъ, строжайшее приказаніе ученикамъ не пересказывать внѣ школы того, что говорилось имъ семейнымъ образомъ, или вообще *не выносить за порогъ школы словеснаго сору*, повторяется одинаковымъ образомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и не въ одномъ азбуковникѣ, а въ разныхъ; напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ сказано:

„Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же *словеснаго сору не износи*.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи".

Въ другомъ мѣстѣ:

„Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите".

Не останавливаясь долго на каждомъ изъ такихъ мѣстъ, отдѣльно взятыхъ, я буду продолжать указывать на тѣ правила учебниковъ, которыя сами приведутъ насъ, хотя отчасти, къ результатамъ, которыхъ мы ищемъ и которыхъ въ правѣ ожидать. Азбуковники велятъ ученикамъ бережно обращаться съ школьной посудой; на нихъ обязанности возложено было попеченіе, чтобы приносить въ школу свѣжую воду и выносить вонъ лахань съ водою настоялой; они должны были мыть столъ и лавки своей школы и пр., что выражено въ слѣдующихъ осьми стихахъ:

„Сосуды прилучающіяся въ школѣ ставляйте и кладите тихо,
Да небреженія ради приключится вамъ малое лихо;
Сосудъ воды свѣжія въ школу приносити,
Лахань же съ настоялою вонъ износити;
Столъ и лавки часто вами да моются,
Да приходящимъ въ школу не гнюсно видится,
Симъ бо познается ваша личная лѣпота,
Аще у васъ будетъ школьная чистота".

О значеніи этой обязанности — мыть и выносить лахани и пр., которая въ наше время кажется такою странною, мы не будемъ теперь разсуждать, а лучше взглянемъ на другія, подобныя же правила и обязанности, возлагаемыя на учениковъ до Петровской Руси, и увидимъ, что онѣ были, по тогдашней

порѣ, современны и нисколько не странны, какъ не странны слѣдующія, напримѣръ, требованія:

„Храканія и плюя волглости вонъ да исплюеши,
Предъ ближнимъ и среди школы да не повержеши;
Хрипленія горлянаго и сопѣнія носоваго не имѣйте,
Но яснорѣчно учимое и всякое реченіе имѣйте".
Или эти правила:
„Отнюдъ не обнажай при товарыщахъ руки и ноги твоея.
Тако же и самъ не зри страстнѣ наготы своея.
. . . .
. . . .
Отнюдъ не прикасайтеся къ чесому любосластнѣ,
И доброты ближняго не зрите любострастнѣ".

Строго запрещается шумъ и крикъ, чтобы, де, сосѣди не подумали о васъ дурно; шапки велѣно класть на *грядку;* велѣно мести школу и выносить „соръ", только не „словесный", на обязанности учениковъ лежало поочередно топить школу. и „школу кто нагрѣваетъ, той и все въ ней пристрояетъ" Впрочемъ, приведемъ и это мѣсто:

„Школьнымъ ученикомъ всѣмъ приказъ,
Ослушникомъ же и огурщикомъ будетъ указъ:
Шумъ и крикъ не полезный здѣ да не явится,
Лубай сіе, съ нами таковый не водворится,
Шутка и глумленіе въ васъ отнюдъ да не услышится,
Да не ближними нѣкоими зло о насъ помыслится.
Шапки и одежды на грядку да полагаете,
И оттуду паки бережено взимаете;
Школа всегда у васъ чиста да пребываетъ,
модеШтена же и безпорошна и исчищена да бываетъ;
Школьный соръ вонъ износите,
Бытностей же и рѣчей отнюдъ не износите.
Школьныя недостатки третіи староста да знаетъ
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно;
Школу кто нагрѣваетъ,
Той и все въ ней пристрояетъ;
Школу кто хощетъ нагрѣвати,

Всякое дѣло съ молитвою начинати;
Школы двери и окна напрасно не отворяйте,
Но паче тепло въ ней зберегайте".

Затѣмъ ученики предостерегаются отъ воровства, отъ неприличнаго обращенія съ „дружиной", т.-е. съ товарищами; запрещается класть руки на книгу; *ради нужди гдѣ кому отходити* — позволено только четырежды на день, и не иначе какъ съ позволенія старосты; затѣмъ велѣно вымыть руки и садиться за ученье:

„Руки своя храните отъ краденія
И на книги ваша кладенія;
Рукою ближняго отнюдъ не ухващай
И льстивымъ словомъ отнюдъ не увѣщай.
. . . .
. . . .
Ради нужды кому отходити,
Къ старостѣ для отпуску съ молитвою приходити;
Ради того четырежды днемъ ходите,
Немедленно же паки оттуду приходите;
Руки для чистоты да измываете,
Егда тамо когда бываете".

То же самое есть и въ нериѳмованномъ азбуковникѣ: „аще камо ходиши, не долго медли, но скоро возвращайся, и измывъ руцѣ, настоящему ученію касайся".

Пить позволялось три раза на день, и позволеніе это зависѣло также отъ старосты:

„Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ молитвою бываете".

Наконецъ, относительно наказанія лѣнивыхъ въ древнихъ учебникахъ находимъ довольно много указаній, потому что *лоза, розга* и *жезлъ* были любимыми темами, надъ которыми изощряли свое остроуміе словоохотливые въ этомъ случаѣ предки; ни одна статья школьныхъ уставовъ до-Петровской Россіи не развита такъ подробно и не изукрашена всѣми хитрословесными вымыслами, какъ статья о наказаніяхъ. Но изъ этого мы не въ правѣ заключать, что въ древнерусскомъ обученіи преобладала жестокость и неумѣренно-суровое обращеніе съ учениками: суровость, съ необходимыми спутниками

жезломъ, ремнемъ, плетью, лозою и *розгой*, и, вдобавокъ, съ ужасающимъ *школьнымъ козломъ*, выражалась искусно сплетенными виршами, и каждый „списатель“ учебника фантазировалъ на эту тему, сколько его душѣ угодно; это было простое словесное устрашеніе, которое, конечно, *не всегда и не во всей мѣрѣ* выполнялось, но все-таки выполнялось, хотя и не такъ часто, какъ оно встрѣчается въ учебникахъ при всякомъ удобномъ случаѣ и почти на каждой страницѣ; не говорю уже о томъ, что предисловія и послѣсловія рѣдко забывали эту словесную угрозу и всегда почти были исполнены указаніями на страхъ жезла и учителя. Но какъ бы то ни было, г. Забѣлинъ гораздо прямѣе взглянулъ на способъ обученія нашего юношества въ древней Руси, чѣмъ г. Купріяновъ и Лавровскій, по мнѣнію которыхъ, въ обращеніи съ дѣтьми у нашихъ предковъ господствовали въ высшей степени гуманныя начала: первый изъ нихъ опирается на выраженіе Стоглава, что велѣно, де, учить дѣтей „не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ, и сладкимъ поученіемъ, и ласковымъ утѣшеніемъ“, а больше никакъ; по мнѣнію второго, педагогъ древней Руси никогда не былъ суровъ, а чрезвычайно ласковъ и всегда *младенцы сладостно кутіею кормляше*. Можетъ быть, дѣтей и кормили кутьей, но зато и сѣкли такъ же, какъ предполагаетъ г. Забѣлинъ, особенно въ той Руси, въ которой необходимы были *правежи* и *батоги*, и гдѣ и въ наше еще время воспитаніе дѣтей, какъ домашнее, такъ и общественное, по большей части, не обходится безъ розогъ.

Выше мы видѣли уже предисловіе, гдѣ говорится, что будто бы самъ Духъ Святый велитъ бить дѣтище розгою, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ до неба, и тому подобные доводы; видѣли также и другія указанія на то, что юношеству нашему часто повторялось увѣщаніе о розгѣ и ремнѣ, о уваженіи къ бичу и жезлу. Это въ предисловіяхъ. Но и въ самыхъ учебникахъ, между серіознымъ содержаніемъ, посвящалось довольно много страницъ предмету о наказаніяхъ, и всѣ такія разглагольствованія очень забавны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ мы видимъ нашихъ предковъ, съ ихъ взглядами на вещи и привычками, съ ихъ понятіями о воспитаніи и обученіи. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ риѳмованнаго азбуковника говорится, что лѣнивыхъ писаніе велитъ бить лозами, и вслѣдъ

затѣмъ самой лозѣ посвящается почти такое же похвальное слово, какъ и розгѣ въ приведенномъ выше предисловіи:

„Лѣнивыхъ писаніе велить бити лозами,
Отъ нихъ же то изводится бываемыми слезами;
Лѣнивымъ здѣ является лоза,
Его же налагается имъ гроза.
Лѣниві внимайте,
Наказаніе мое пріимайте.
Лоза дѣтемъ разумъ во главу вгоняетъ.
И отъ злыхъ на добрая дѣла возставляетъ,
Лоза родителемъ дѣти послушными сотворяетъ,
Божественнаго разума премудрѣ научаетъ;
Лоза дѣтей всякимъ добратамъ научаетъ
И злый обычай удобь отлучаетъ;
Лозою кая мати дѣтище не бьетъ,
Удава на шію скоро ему свіетъ“.

Изъ этого отрывка всякій можетъ видѣть, что даже правила о наказаніяхъ такъ дословно сходны въ разныхъ мѣстахъ учебниковъ, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ прочности тѣхъ положеній касательно училищной дисциплины, которыя разсѣяны по тогдашнимъ учебникамъ и которыя мы отчасти привели въ возможномъ порядкѣ: выраженія какъ въ тѣхъ, такъ и въ этихъ послѣднихъ правилахъ о наказаніи, ясно говорятъ, что они переходили изъ устъ въ уста, какъ пословицы, какъ нравственныя сентенціи, не чуждыя для всякаго русскаго. Выпишемъ еще нѣсколько такихъ правилъ о наказаніи учащихся.

Въ одномъ мѣстѣ говорится:

„Естьли кто ученіемъ облѣнится.
Таковый ранъ терпѣти не постыдится“.

Въ другомъ:

„Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинни ранамъ мучительскимъ“.

Сами ученики говорятъ учителю:

„Бываемъ всегда страшни тебе,
И тѣмъ отъ побой соблюдаемъ себе.

Безъ наказанія ли твоего пребудемъ,
Воистину чести нигдѣ не будемъ".

Учитель говоритъ ученикамъ:

„Аще въ наказаніяхъ моихъ пребудеши,
То вездѣ честенъ будеши;
Аще въ данныхъ тебѣ урокахъ облѣнишися,
То и ранъ терпѣти не постыдишися.
. . . .
. . . .
Аще хощеши ранъ избыти,
Всегда надобно учливу быти;
Аще въ написанныхъ сихъ словесѣхъ не пребудеши,
Вѣстно буди, яко безъ побой не пробудеши".

Въ азбуковникѣ персиомованномъ нѣтъ такихъ обильныхъ разглагольствованій о наказаніяхъ, и о нерадивыхъ „Мудрость" говоритъ очень немного, именно: „*посѣщати имамъ таковаго жезломъ наказанія и ранами смирити имамъ даже до плача и слезъ*", и пугаетъ лѣнивыхъ тѣмъ, что они не только „въ настоящемъ семъ ученіи *множицею біени* будутъ", но „и вся дни живота своего въ злостраданіи и убожествѣ поживутъ и, злѣ дни своя скончавъ, мучими будутъ".

Въ числѣ наказаній, бывшихъ въ употребленіи у нашихъ предковъ, упоминается и обыкновенный въ настоящее время способъ оставлять лѣниваго безъ обѣда:

„Егда кто урока даннаго не изъучитъ,
Таковый изъ школы свободнаго отпуста не получитъ".

Не забыта также и скамейка, этотъ „школьный козелъ", на которомъ „посѣщали лѣнивыхъ жезломъ наказанія и ранами смиряли даже до плача и слезъ", какъ сказано:

„Егда кто другъ друга злѣ уничижитъ,
Таковый съ терпѣніемъ на школьномъ козлѣ полежитъ".

Упоминается еще одно наказаніе, но признаться, мы его рѣшительно не можемъ понять:

„Школьныхъ всѣхъ жителей утробное испражненіе
Вступающимъ на лавку ученикомъ будетъ устрашеніе".

Догадываться можно, однако, что извѣстное мѣсто, въ то время, исправляло должность карцера.

Въ азбуковникахъ нѣтъ никакихъ доказательствъ на то, чтобы школьные фискалы пользовались почетомъ: но если товарищамъ и приходилось выдавать проступокъ одного какого-либо шалуна, то это дѣлалось сообща и такъ, что самъ учитель находилъ виновнаго. Напримѣръ, ученики такъ говорятъ своему наставнику:

Въ нѣкоторыхъ изъ насъ есть вина,
Которая не предъ многими деньми была;
Виновніи, слышавъ сіе, лицемъ рдятся,
Понеже они нами смиренными гордятся.

И дѣйствительно, по нѣкоторымъ отрывкамъ азбуковниковъ, можно видѣть, что между юношествомъ училищъ до-Петровской Руси товарищество считалось дѣломъ похвальнымъ и благороднымъ, и возстановить противъ себя товарищей наушничествомъ и подлостью никто не осмѣливался. Зато изъ числа самихъ учениковъ учитель избиралъ надсмотрщиковъ за нравственностью и поведеніемъ товарищей; насмотрщики эти назывались *старостами,* что, кажется, вполнѣ соотвѣтствуетъ школьному выраженію нынѣшнихъ среднеучебныхъ заведеній, именно слову *старшій.* Старосты избирались изъ воспитанниковъ прилежныхъ и самой безукоризненной нравственности; правила требовали, чтобъ старосты „*не были къ ядѣнію любосластны:* таковія бываютъ и къ воззрѣнію любострастни". По словамъ одного азбуковника, избирались они на томъ основаніи, что такъ какъ пастыри безсловесныхъ скотовъ сзываютъ свое стадо голосомъ и словомъ устрашаютъ его и „отвращаютъ отъ пути, амо же не лѣпо имъ ходити", да кромѣ того имѣютъ и „псовъ добрѣйшихъ, могущихъ олаяти стадо, да гласъ его нѣцыи отъ звѣрей слышавъ, не внидутъ во стадо, во еже восхитити что и стадо разнудити": такъ какъ еще „множицею и пастырь отъ труда усыпаетъ, или отходитъ", а бодрый песъ единъ стережетъ добрѣ", то тѣмъ болѣе пастырю словесныхъ овецъ, учителю, подобаетъ блюсти учениковъ и „хранити ихъ, яко зѣницу ока" *(много бо несмысльства и всякого неразумія привязано сутъ къ души отрочати),* и для этого, говоритъ къ учителю Мудрость: „имѣй у себе, въ остерегание ихъ, добрѣйшихъ и искусныхъ учениковъ, могущихъ и безъ

тебе оглашати ихъ пастырскимъ твоимъ словомъ... Аще суть добри приставы, да не по твоемъ отшествіи, или снѣ, ученицы твои уклонятся въ развращенія и бесѣды пустошныя, и не точію ученіе оставятъ, но и на ина нѣкая злая діаволъ научитъ".

О количествѣ старостъ можно предполагать различно. Есть указанія на то, что староста былъ одинъ, по словамъ азбуковника: „единаго изъ васъ въ старосты изберу". Но вѣроятнѣе всего, что ихъ избиралось *трое*, какъ говорятъ многія мѣста азбуковниковъ: „тріехъ старостъ вамъ устрояю, коему коемуждо особное приказаніе уставляю".

Касательно обязанности старостъ есть много указаній въ азбуковникахъ. Прежде всего и главнѣе обязанность ихъ была наблюдать за нравственностью товарищей во время отсутствія учителя, почему они имѣли право даже наказывать виновныхъ, по своему усмотрѣнію; старосты должны были прослушивать уроки прочихъ учениковъ, слѣдовательно, исполняли должность нынѣшнихъ *авдиторовъ* въ нашихъ духовныхъ училищахъ; они должны были смотрѣть за книгами учащихся, отпускать учениковъ пить и для другихъ нуждъ, должны были наблюдать, есть ли въ школѣ вода для питья, вытоплена ли печь, подметена ли комната, для чего назначался отъ старосты одинъ изъ учениковъ поочередно; наконецъ, на одного старосту возложена была обязанность, *ради нужди*, учениковъ *на дворъ отпущати и зловоннаго духа ощущати*. Но я постараюсь всѣ обязанности старостъ передать, сколько возможно, словами самихъ азбуковниковъ. Главное мѣсто слѣдующее:

Тріехъ старостъ вамъ устрояю,
Коемуждо особное приказаніе уставляю:
Тіи вся бывающая въ васъ да смотряютъ,
Виноватыхъ, по винѣ смотря, безъ мене да смиряютъ;
Тіи должны суть: единъ книги пріимати и отдавати,
Другій недостатки воды досмотряти и пить отпускати:
Третій нужди ради на дворъ отпущати
И зловоннаго духа долженъ есть ощущати.
Тіи должны быть безпристрастни,
Да не, на нихъ зря, иніи будутъ страстни.

Нѣсколько ниже, въ этомъ же азбуковникѣ, учитель, обращаясь къ одному изъ старостъ, говоритъ ему о надсмотрѣ за книгами и велитъ чаще прослушивать учениковъ:

Часто тѣбе, староста, приказываю,
И всѣмъ вамъ прилежно наказываю:
Честно книги всегда пріимай,
И на уготованное мѣсто благоискусно полагай,
Честно же и за утро взимай
И съ молитвою всѣмъ отдавай;
Часто безъ мене учениковъ прослушай,
И всякому благоискуству ихъ поучай.
Чинно въ приказаніихъ моихъ пребудете,
То никогда отъ мене біени будете.

Еще ниже:

Школные недостатки третій староста да знаетъ,
И вся потребы прилѣжно да сматряетъ;
Школу нагрѣвайте и метите повсядневно,
Староста же сему нарежаетъ почередно, и т. д.

Слѣдующее мѣсто говоритъ въ пользу того, что могъ быть и одинъ староста въ школѣ, и тогда онъ или исполнялъ, вѣроятно, свою обязанность за троихъ старостъ и былъ представителемъ учителя, или, можетъ быть, онъ уже не исполнялъ вовсе обязанностей трехъ старостъ, а былъ только представителемъ учителя:

Единаго изъ васъ въ старосты изберу,
Ему же васъ въ повиновеніе приведу,
Ему же вси вы покоряйтеся
И ученіи своими у него прослушайтеся;
Егда же самъ азъ буду въ дому,
Не лѣнивъ буду и азъ къ тому.

Наконецъ, послѣднее мѣсто:

Жажди ради по трижды днемъ да испиваете,
И сихъ ради у старосты съ любовію бываете, и т. д.

Такими правилами руководствовались педагоги до-Петровской Руси, въ отношеніи нравственнаго наставленія своихъ питомцевъ и въ отношеніи школьныхъ обычаевъ, которые отчасти высказались въ приведенныхъ нами отрывкахъ. Изъ нихъ мы нѣсколько узнаемъ, какіе обычаи приняты были въ тогдашнихъ школахъ, какъ должны были вести себя ученики

въ школѣ и дома, какія лица наблюдали за нравственностію юношества и проч. Еще надо прибавить къ этому, что правила тогдашнихъ училищъ строго слѣдили за религіознымъ направленіемъ учащихся, и училищная дисциплина тѣсно была связана съ ученіемъ о вѣрѣ, съ уваженіемъ догматовъ православной религіи: хожденіе въ церковь для слушанія божественной литургіи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность обучающемуся юношеству, и нерадѣніе къ догматамъ вѣры наказывалось въ юношахъ гораздо строже, чѣмъ въ другихъ возрастахъ. Можно думать, что ученики обязаны были непремѣнно ходить въ церковь, не только въ воскресенье и въ праздничные дни, но и въ простые дни слушать вечернюю службу: благовѣстъ къ вечерни возвѣщалъ имъ окончаніе классовъ. Передъ этимъ окончаніемъ ученія воспитанники прослушивались старостами и учителемъ. Затѣмъ, говоритъ Мудрость, „егда отпущени будете, вси купно воставше и книги своя книгохранителю вдавше, умѣреннымъ возглашеніемъ вси купно и единогласно воспѣвайте всегда молитву преподобнаго Симеона Богопріимца. „Нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко", и пр.[1]), и Пресвятѣй Богородицѣ о пріятіи ученія и молитвъ вашихъ глаголите: „Преславная присно Дѣво" и пр.

Звонъ къ церковной службѣ былъ знакомъ окончанія классовъ; ученики должны были итти къ вечернѣ, и учитель въ этомъ случаѣ предостерегаетъ ихъ, чтобы они стояли въ церкви благопристойно, „*потому что*, прибавляетъ онъ, *всѣ знаютъ, что вы учитесь въ школѣ!*" Не только въ церкви ученики должны были вести себя пристойно своему званію, но училищныя правила требовали, чтобъ и по улицамъ они ходили тихо и прилично, какъ говоритъ Премудрость: „Егда же учитель отпуститъ васъ въ подобное время, со всякимъ смиреніемъ до дому своего идите; шутокъ и кощунствъ, пханія же другъ друга и біенія, и рѣзваго бѣганія, и каменоверженія, и всякихъ неподобныхъ дѣтскихъ глумленій да не водворится въ васъ: творяй бо таковая нѣсть отъ овецъ моихъ, но отъ непотребныхъ и смрадныхъ козлищъ, любящихъ строптотное хожденіе, отъ нихъ имъ бываетъ паденіе и сокрушеніе... И егда минуете

---

[1]) Въ рвомованномъ азбуковникѣ:

Хощете ли при вечерѣ въ домы свои отходити,
Молитву: «Нынѣ отпущаеши» дѣловозгласно проговорити.

святую церковь и узритъ кто образъ Христовъ, не мни, еже не помолитися со изреченіемъ симъ: „Пречистому Твоему образу покланяемся, Благій“, и ту стоя, или идя, точію скончай. Аще ли не умѣеши первое, доволно ти есть, дондеже изучиши. Такожде и Пресвятыя Богородицы образу помолишися со изреченіемъ: „Подъ Твое благоутробіе прибѣгаемъ, Богородице Дѣво“, и прочее. Вѣдый буди, яко скорая на помощь всѣхъ насъ умолитъ Сына своего, Христа Бога нашего, еже дати тебѣ истинное позваніе во святыхъ писаніихъ“. Запрещено было также ученикамъ ходить безъ надобности по улицамъ, въ особенности же бѣгать туда, гдѣ по какому-либо случаю собирается народъ.

На обрѣтающееся позорище отнюдь не ходите,
Но паче въ домы своя со смиреніемъ ходите.

Оканчивая объясненіе школьныхъ обычаевъ, какими находимъ ихъ въ азбуковникахъ, мы должны еще прибавить, что въ воскресные и праздничные дни ученики собирались утромъ въ школу, но уже не учились, а должны были „точію выученное изговорити и настоящій стихъ трижды“, и до начатія литургіи слушали разныя поученія и объясненія праздниковъ, затѣмъ отходили въ церковь. Этотъ обычай сходенъ съ существующимъ еще въ настоящее время обыкновеніемъ въ окружныхъ (т.-е. уѣздныхъ) училищахъ Войска Донского, гдѣ воспитанники по воскресеньямъ обязаны собираться въ заведеніе и слушать чтеніе Евангелія, которое должно читаться въ тотъ день въ церкви; а учитель объясняетъ имъ значеніе и смыслъ сказаннаго въ Евангеліи. Послѣ того всѣ учащіеся и наставники идутъ въ церковь.

Училищныя правила въ до-Петровской Россіи требовали непремѣннаго исполненія еще нѣкоторыхъ обычаевъ, которые въ наше время сохранились не вездѣ. Мудрость, совѣтуя учителю не возноситься *борзоучащимися* учениками и не оскорбляться *грубоучащимися,* велитъ ему заставлять тѣхъ и другихъ ежедневно прославлять мудрость, призывать на помощь Бога и „любезный много стихъ купно глаголати: „Премудрости наставниче и смыслу Давче“, и прочее до конца. Потомъ ученики должны читать слѣдующую ученическую молитву: „Господи помози, Господи поспѣши, Господи вразуми рабъ своихъ *грамотѣ учитися и добрѣ писати.* Даруй намъ, Гос-

поди Боже, разумъ истинный, очима прилѣжное зрѣніе, помыслъ не мятеженъ и умъ достаточенъ, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь". Если же который-нибудь изъ учениковъ лѣнится, или, какъ говоритъ азбуковникъ, „болитъ грубоученіемъ и невниманіемъ учимаго", то учитель долженъ призвать священника и прочитать молитвы, какія обыкновенно читаются надъ *неудобоучащимися грамотѣ;* но кромѣ молитвы онъ долженъ читать ему разныя полезныя наставленія „отъ писаній", или разсказывать „просторѣчнымъ сказаніемъ" о тѣхъ лѣнивыхъ, о которыхъ говорится въ житіяхъ святыхъ, какъ напримѣръ, у Сергія Радонежскаго, Александра Свирскаго и другихъ; преимущественно же онъ долженъ разсказывать ему о томъ отрокѣ, который каждый день читалъ молитву Пресвятой Богородицѣ, прося ее о дарованіи ему памяти, вниманія и способностей къ ученію, и которому она явилась и сказала: „Не точію грамотѣ отсюду будеши умѣти, но и главу твою скорбную улѣчу". Такъ же точно учитель долженъ передавать лѣнивымъ ученикамъ разсказъ о нѣкоемъ Удонѣ, которому тоже Богородица въ видѣніи сказала: „Отселе будеши грамоте умѣти". Цѣлью этихъ разсказовъ, конечно, было приохотить нерадиваго къ ученію и возбудить въ немъ ревность и охоту къ наукамъ, и, намъ кажется, въ этихъ разсказахъ гораздо больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ выдуманныхъ сказкахъ, которыми наполнены нынѣшнія дѣтскія книжки, или еще болѣе — въ подаркахъ и игрушкахъ, которыми нынѣшняя педагогика обыкновенно возбуждаетъ въ дѣтяхъ желаніе учиться, и учиться больше изъ-за того, что въ перспективѣ ожидаетъ ихъ, за каждую выученную букву алфавита, или пушка, или барабанъ.

Святые, покровительствующіе книжному наученію, считались у насъ Косьма и Даміанъ, пророкъ Наумъ и тотъ святой, въ честь котораго дано имя учащемуся при крещеніи. Относительно двухъ первыхъ покровителей ученія у насъ достовѣрно до сихъ поръ не было извѣстно; по крайней мѣрѣ г. Лавровскій, въ разсужденіи своемъ: „О древне-русскихъ училищахъ", говоритъ, что письменнаго свидѣтельства о призываніи учащимися этихъ святыхъ онъ не находитъ нигдѣ, а по аналогіи съ греческими школьными обычаями заключаетъ, что, вѣроятно, и у насъ почитались эти святые, какъ патроны учащихся. Предположеніе г. Лавровскаго оправдывается на-

шими азбуковниками, въ которыхъ прямо сказано, что „есть обычай многимъ (учащимся) совершати любезная святымъ Безсребренникомъ Косьмѣ и Даміану, и святому пророку Науму, и ангелу своему, его же святаго тезоименитство имать". Относительно пророка Наума нашъ азбуковникъ открываетъ новый фактъ, именно то, что и въ древней Россіи учащіеся призывали на помощь этого святого, какъ покровителя наукъ, чѣмъ и объясняется существующее даже до сихъ поръ обыкновеніе у нашего простонародія и въ среднихъ сословіяхъ передъ началомъ ученія молиться пророку Науму, такъ же какъ объ успѣшномъ ученіи молятся Іоанну Богослову (въ азбуковникахъ о немъ же упомянуто, какъ о покровителѣ собственно письма); въ семинаріяхъ же въ день сего святого всѣ *богословы* отъ ученія свободны.

Наконецъ, самый послѣдній школьный обычай, изъ котораго мы можемъ отчасти усмотрѣть состояніе тогдашняго ученаго сословія, т.-е. класса учащихъ и его отношенія къ другимъ классамъ, это — обычай *кормить* учителя, показывающій зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ тѣхъ сословій, которыя вручали ему дѣтей своихъ для наученія книжному разумѣнію. Такъ, изъ азбуковниковъ мы видимъ, что учители нуждались иногда въ самыхъ необходимыхъ предметахъ жизни, и ученики должны были по праздникамъ приносить своему дидаскалу съѣстныхъ припасовъ, кто что могъ, какъ говоритъ къ нимъ самъ учитель:

Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите,
И отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите.

Или:

Честь достойную учителю воздавайте,
И отъ домовъ своихъ брашна и питіа ему приношайте.

Эти приношенія натурой, впрочемъ, очень естественны въ такомъ обществѣ, которое еще не имѣло низшихъ учебныхъ заведеній, устроенныхъ на общественный счетъ, и потому между учителемъ и учениками, по необходимости, должны были дѣлаться договоры относительно платы за ученіе, и эта плата была отчасти натурой, отчасти деньгами; приношеніе же съѣстныхъ припасовъ въ праздничные дни было, вѣроятно, школьнымъ обычаемъ, который и записанъ въ правилахъ

училищъ. Что эти приношенія были добровольныя, какъ приношенія, освященныя обычаемъ и временемъ, видно изъ нѣкоторыхъ образцовыхъ писемъ, въ которыхъ педагоги обращаются за помощью къ родителямъ своихъ воспитанниковъ. Эти письма также помѣщены въ азбуковникахъ. Въ одномъ изъ нихъ, которое начинается словами: *Государю* такому-то (т.-е. имя рекъ) *бьетъ челомъ и плачется работничишко твой* такой-то и пр., говорится, между прочимъ: „Помяни благоутробіе свое ко мнѣ, работничишку, Господа ради и благоцвѣтущія отрасли благонаслажденнаго древа, единороднаго своего и любезнѣйшаго сына, и пресладкаго ради божественнаго ученія, благоцвѣтущія ради отрасли твоей наученія, а тебѣ, Государю, на душевное утѣшеніе: *пожалуй мнѣ, работничишку твоему, на школьное строеніе, мнѣ же съ домашними на пропитаніе, благоутробне смилуйся!*" Мы не выписали всѣхъ любезностей, которыми наполнено письмо отъ первой до послѣдней строчки: всѣ его высокія выраженія клонятся единственно къ тому, чтобъ въ концѣ письма попросить на пропитаніе и на „школьное строеніе". Въ чемъ состояло это „школьное строеніе", мы не знаемъ. Еще одно изъ такихъ писемъ до того оригинально, что мы никакъ не можемъ удержаться, чтобъ не выписать изъ него нѣсколько любопытныхъ выраженій. Послѣ великолѣпнаго предисловія, проситель говоритъ такими словами:

Прикажи, Государь, намъ отъ класорасленыхъ плодовъ
запасцу дати,
И отъ пресвѣтлыя твоея трапезы говядъ и тинолюбящія
свиніи преподати;
Со всѣми же сими желаемъ и птахъ водоплавныхъ,
Иже обрѣтаются въ домѣхъ вашихъ преславныхъ,
Отъ млекъ згущеннаго и отъ семенъ изгнетеннаго масла,
Да въ приходящій праздникъ усладятъ наша брашна.
Возъодари происходящимъ сквозѣ огнь и воду,
Да благопотребно будетъ нашему дому.
Высокорасленнымъ огорченнаго пива добрѣйшаго,
Пчелодѣлнаго меду сладчайшаго.
Молимъ Бога, дабы о сихъ всѣхъ тебѣ, Государю, извѣстилъ,
Насъ же, богомолцовъ своихъ, всѣми сими посѣтилъ.

Мордовцевъ.

Школьное обученіе въ XVII столѣтіи.

Въ азбуковникѣ, который въ сборникѣ слѣдуетъ за вторымъ, есть статьи, относящіяся до обученія юношества каллиграфіи, что у насъ принято теперь называть прописями и что въ азбуковникѣ названо *Надписями*.

Въ то время, конечно, прописи существовали рукописныя, за неимѣніемъ литографированныхъ, и состояли изъ краткихъ двустишій нравственно-религіознаго содержанія. Изъ нашего руководства видно, что учитель долженъ былъ прежде самъ писать эти прописи, а ученики уже списывали съ нихъ, примѣняясь къ его почерку. Это руководство каллиграфіи носитъ особое названіе „Азбуковника наказательнаго“, и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, или „наказаній“; въ каждомъ такомъ наказаніи заключается по четырнадцати сентенцій или двустишій, по два двустишія на каждую букву алфавита. *Наказаніе первое о чести родителей и о воспоминаніи добра своихъ благодѣтелей* вмѣщаетъ въ себѣ двустишія на первыя семь литеръ азбуки, т.-е. до *ж* включительно. *Наказаніе второе о непочитающихъ своя родители въ настоящемъ семъ житіи, и о небрегущихъ благословеніе ихъ въ своемъ зломъ бытіи* заключаетъ въ себѣ двустишія на слѣдующія семь буквъ; въ остальныхъ двухъ наказаніяхъ остается тоже по семи буквъ, чѣмъ и оканчивается руководство каллиграфіи. Но передъ началомъ этого алфавита помѣщенъ родъ предисловія, которое, вѣроятно, также служило ученикамъ образцомъ для списыванія, и изъ этого-то предисловія можно видѣть, что прописи писались для образца учителями, и что располагались онѣ въ алфавитномъ порядкѣ, и даже очень часто состояли изъ стихотворныхъ сентенцій (писались *виршею*).

Надписи по азбуцѣ виршею положены,
И строки нравоучительнѣ главизнами расположены.

Прибавимъ къ этому, что патронами каллиграфіи, или какъ въ азбуковникѣ сказано, *руководствія*, были Іоаннъ Богословъ и пророкъ Наумъ: первый изъ нихъ, какъ видно, признавался патрономъ письма, на основаніи преданія, а послѣдній уже и потому, что былъ главнымъ покровителемъ всѣхъ учащихся. Въ прописяхъ къ этимъ двумъ лицамъ относятся такъ:

Святый Апостоле и Евангелисте Іоанне Богослове.
На Тайной Вечери возлегій на перси Христовѣ.
Вразуми мя и научи добрѣ писати,
Яко же онаго Гусаря на песпѣ образъ твой изображати.
Святый Пророче Божій, Науме, вразуми мя и накажи своею
Милостію и благодатію, добрѣ руководствію навыкати

До сихъ поръ покуда мы познакомились нѣсколько съ содержаніемъ трехъ только азбуковниковъ, а ихъ въ нашемъ сборникѣ находится еще нѣсколько, и содержаніе этихъ послѣднихъ гораздо богаче и разнообразнѣе, чѣмъ азбуковниковъ, уже извѣстныхъ намъ. Такъ, въ сборникѣ нашемъ есть одинъ полный азбуковникъ, довольно разнообразный и занимательный по содержанію. Этотъ азбуковникъ нѣсколько болѣе поясняетъ нашъ взглядъ на объемъ и способъ обученія въ до-Петровскихъ школахъ.

Въ общемъ оглавленіи сборника упомянутый азбуковникъ носитъ названіе: „Азбуковникъ *полный*, имущій въ себѣ увѣщанія ученія, наказанія ученикомъ отъ многихъ книгъ, множае же отъ грамматики". Самое названіе даетъ знать, что здѣсь содержаніе выходитъ уже изъ круга обыкновенныхъ азбуковниковъ, какіе мы до сихъ поръ видѣли: что здѣсь говорится о другихъ предметахъ, кромѣ наставленій, касающихся нравственности и приличій, именно здѣсь содержаніе касается уже положительныхъ знаній. Просмотримъ же содержаніе этого азбуковника.

Кромѣ заглавія въ общемъ оглавленіи сборника, самый азбуковникъ называется еще иначе. На первомъ листѣ его значится: *Азбуковникъ, его же должно есть добрымъ учителемъ повседневно прочитовати въ наказаніе ученикомъ.* Значитъ, учитель обязанъ былъ ежедневно читать этотъ азбуковникъ для своихъ учениковъ.

Весь азбуковникъ состоитъ изъ главъ, которыхъ число соотвѣтствуетъ числу буквъ славянскаго алфавита, кромѣ тѣхъ, коими не можетъ начинатся слово, какъ ъ, ь, и др. Надъ каждой главой выставлена большая киноварская буква алфавита: надъ первой *а*, надъ второй *б* и т. д.; но, кромѣ того, какая буква выставлена надъ главой, той же самой буквой и глава начинается. Сверхъ этого каждая глава снабжена чѣмъ-то въ родѣ стихотворнаго предисловія, состоящаго изъ четырехъ двустишій, въ которыхъ сокращенно излагается содер-

жаніе главы; самыя же главы писаны прозою, изукрашенною всѣми риторическими хитростями и вычурною до крайности. Только передъ нѣкоторыми главами не достаетъ стихотворнаго предувѣдомленія; но для нихъ оставлено мѣсто, какъ будто бы авторъ. или переписчикъ, намѣревался добавить ихъ послѣ. Азбуковникъ написанъ такъ, что въ немъ говоритъ отъ своего лица сама мудрость, называя себя *Софіею и Словесницею*: „Софія же азъ есмь премудрость: тако бо нарицаюся Греческимъ языкомъ, *Словенскимъ же, въ немъ же вы нынѣ живете* (говоритъ она къ русскимъ ученикамъ), нарицаюся мудрость“: въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о своей особѣ такими словами: „*Се азъ прехитрая словесница мудрость*“. Именуясь мудрой, словесница эта старается оправдывать свое названіе. и въ самомъ дѣлѣ говоритъ очень хитро и затѣйливо: отъ этого много теряетъ содержаніе азбуковника, потому что мудрость, прежде чѣмъ скажетъ дѣльное слово, наговоритъ столько пустыхъ фразъ, такъ разбавитъ водой свои поученія, что за фразами съ трудомъ можно понять, что дѣйствительно она желаетъ сказать. Въ этомъ, конечно, виновато отчасти общее направленіе того времени, когда фраза, распространенная приличными словесы и достойно украшенная, дѣлала честь своему творцу; но главная причина такого явленія въ языкѣ — бѣдность идей, недостаточность знаній: потому что нищету мысли мы всегда стараемся прикрыть фразой, и если ничего не имѣемъ сказать положительнаго, хоть, напримѣръ, объ ариѳметикѣ, то говоримъ о ней такъ, какъ говоритъ мудрость: „Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюся, *сладчайшимъ же мнѣ, рекше Русскимъ языкомъ*, Числительница, понеже многочисленныя науки разумѣти научаю... на высоту небесную воспаряю, и тамо превыспренняя исчитаю, въ широту земли сія простираю и заочная дѣла исправляю, во глубину моря снисхожду и водныя пучины прямо измѣряю. и путь къ шествію кораблемъ безъ претыканія излагаю“ и пр. Конечно, такими словами она не научила учениковъ сложенію и вычитанію, а наговорила много.

Азбуковникъ начинается стихотворнымъ предисловіемъ къ тому содержанію, которое находится въ главѣ подъ буквою *а*. Рѣчь обращена здѣсь къ ученикамъ, собравшимся въ школу для ученія. Для образца выпишемъ это первое предисловіе:

Духовніи мои о Господѣ и любезная братіа,
Собравшіися здѣ духовнаго ради наказанія,
Ушеса ваша усердно ко мнѣ приклоните,
О мудрости слову прилѣжно внемлите,
Которая изначала дній съ Богомъ бѣ и есть и будетъ.
Сія въ чистыхъ душею и тѣломъ человѣцѣхъ пребудетъ;
Сія хощетъ въ ваша благочестивыя сердца вселитися,
Въ вѣчное селеніе со Отцемъ и Сыномъ и Духомъ Святымъ водворитися.

За тѣмъ изображено большое А, а подъ нимъ начинается самый азбуковникъ: „Азъ есмь альфа и Ѡ, начатокъ и конецъ, глаголетъ Господь, сый, и бѣ, и грядый, Вседержитель. Всяка Премудрость отъ Господа и съ нимъ есть во вѣки. Прежде всѣхъ создася премудрость, и разумъ мудрости отъ вѣка: самъ Богъ превѣчный созда ю, и видѣ, и почте ю, и проліа ю на вся дѣла своя со всякою плотію по данію Его и дарова ю любящимъ Его". Въ такомъ духѣ написана вся глава — великолѣпный панегирикъ мудрости. Мудрость здѣсь на первомъ планѣ, и нѣтъ ничего больше, какъ желаніе видѣть учениковъ мудрыми. Всѣ похвалы мудрости, конечно, взяты больше изъ священнаго Писанія и какъ нарочно подобраны мѣста, самыя лестныя для мудрости и преимущественно для мудрыхъ: „Премудрому глава въ народѣхъ и честь предъ старцы, юноша остръ обрящется въ судѣ и вѣщающему внимаютъ; сею Царіе царствуютъ" и проч.

Кто не захочетъ послѣ этого быть мудрымъ? Все это въ одномъ тонѣ повторяется и въ другихъ главахъ, и отъ того теряетъ свою силу, становится натянутымъ, скучнымъ, и, естественно, не всякій могъ рѣшиться искать мудрости такой утомительной, дорогой. Свѣдѣній здѣсь не передано никакихъ; въ слѣдующихъ трехъ главахъ опять то же, опять похвала мудрости, но уже похвала, какъ видно, сочиненная у насъ, на Руси, нашими учеными предками; здѣсь взываютъ къ дѣтямъ, чтобъ они звали къ себѣ мудрость, какъ госпожу и любезную невѣсту, чтобъ любили ее выше всего. Во второй главѣ приложена и молитва, которую ученики должны были почаще прочитывать, прося у Бога мудрости. Это молитва Соломона, въ которой онъ молилъ Бога о дарованіи ему мудрости.

Въ четвертой главѣ, подъ буквою Г, ученики якобы обращаются къ мудрости и просятъ ее объяснить имъ свое начало.

Она любезно объясняетъ имъ свое начало и источникъ въ Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви; затѣмъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. Для XVII-го вѣка, и притомъ для дѣтей, подобныя объясненія мудрости и ея началъ очень удовлетворительны: по крайней мѣрѣ. мы видимъ желаніе заохотить дѣтей къ слушанію и пониманію того, что имъ будутъ объяснять въ слѣдующихъ главахъ. Здѣсь мы замѣчаемъ что-то въ родѣ системы; здѣсь есть переходъ отъ легчайшаго къ труднѣйшему, отъ общихъ мѣстъ къ знаніямъ положительнымъ. Этотъ азбуковникъ, какъ дѣтская книга, или вообще какъ учебникъ для русскаго юношества XVII-го вѣка, не безъ достоинствъ, какъ мы увидимъ, разбирая постепенно его содержаніе.

Послѣ объясненія началъ мудрости и того источника, изъ котораго она проистекаетъ, вниманіе дѣтей обращали къ другому предмету, передавая имъ важность первоначальнаго обученія и послѣдствія, могущія произойти отъ пріобрѣтенія тѣхъ или другихъ знаній. Все это пока можно назвать, нѣкоторымъ образомъ, введеніемъ въ науку, по крайней мѣрѣ, въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимали ее наши предки въ общей массѣ, исключая тѣ немногія личности, которыя ярко свѣтятъ въ Руси XVII-го вѣка, т. е. въ Руси, не видѣвшей еще Петра Великаго; повторяю, это ни больше, ни меньше, какъ введеніе, приспособленное притомъ къ понятіямъ дѣтей и. не забудемъ, писанное лицомъ духовнаго сана. Итакъ, въ этомъ введеніи мало-по-малу развивали взглядъ дѣтей на предстоящее ученіе, потомъ уже давали имъ понять значеніе и важность науки (опять таки какъ понимали ее предки). Здѣсь-то давали имъ знать, что наука — общее достояніе, и какъ пріятно знаніе само по себѣ, такъ же точно полезно и необходимо примѣненіе знаній въ практической жизни и на службѣ государственной; здѣсь-то именно говорится, что ученіе необходимо для всѣхъ, какъ для дѣтей богатыхъ родителей и даже *тысящна отца*, такъ и для бѣдныхъ и самыхъ нищихъ, для дѣтей изъ хорошихъ фамилій и для дѣтей послѣдняго мужика, и что единственный расходъ для этихъ бѣдняковъ будетъ цѣна азбуки — пенязь, на который можно было бы мальчику пріобрѣсти себѣ учебникъ; здѣсь же говорится, что за изученіемъ азбуки слѣдуетъ изученіе часослова и псалтири, *безъ знанія которыхъ и ученія не бываетъ;* потомъ взору учащагося представляется все богатство свѣдѣній и книгъ

тисненыхъ и писменныхъ, великихъ и малыхъ, славныхъ и неславныхъ; затѣмъ, все относящееся до царской власти, все что касается службы гражданской и судебныхъ дѣлъ „во всѣхъ судебныхъ палатахъ"; все, что относится до дѣлъ духовнаго вѣдомства, до народа и „до поселянъ": всѣ „дѣла и крѣпости," ихъ порядокъ и производство, ко всему этому ведетъ азбука, „юже ты единѣмъ пѣняземъ купилъ еси", какъ преддверіе къ тѣмъ обширнымъ знаніямъ, которыя предстоитъ познать обучающемуся юношеству.

Повторяю снова, что изо всего этого нельзя заключать, чтобъ въ до-Петровской Руси цѣлью обученія дѣтей было желаніе сдѣлать изъ нихъ церковнослужителей, могущихъ свободно читать службы и каноны, и только. Достойно замѣчанія, что въ это же самое время, когда открывали передъ глазами юношества то широкое поле дѣятельности, которое предстоитъ имъ въ общественной жизни, если они будутъ образованы, въ это же самое время ихъ предостерегали различать въ ученіи и во всѣхъ книгахъ пшеницу отъ плевелъ, истину отъ лжи и раскола. „Есть", сказано въ азбуковникѣ, „во всѣхъ книгахъ и въ писаніи, *кромѣ тисненіемъ изданныхъ,* (?) посреди доброй духовной пшеницы насѣянъ непотребный плевелъ, какъ *куколь* въ пшеницѣ; не плевелъ, глаголю, Римскій", т.-е., отступленіе отъ Православно-Каѳолическія вѣры, „но другой, внесенный къ намъ еще мудреными, безумными людьми, иже во многихъ градѣхъ и весехъ, *паче же рещи въ царствующемъ великомъ градѣ, Москвѣ,* елико за таковая плевела *двояко*, си есть, *душевнѣ и тѣлеснѣ стражоутъ*". И вотъ, во избѣжаніе всего этого, дѣтямъ совѣтовали убѣгать отъ такихъ неблагонамѣренныхъ людей. Если, продолжаетъ мудрость, и скажетъ кто нибудь тебѣ, что вотъ это для юноши хорошо и полезно, то ты отвѣть тому совѣтнику, что я, де, еще глупенькое дитя, ничего не смыслю и не знаю, полезно ли для меня, или вредно то, что ты предлагаешь: „но аще хощеши, да даси мнѣ сіе, и азъ шедъ, покажу моему учителю", и онъ мнѣ объяснитъ все.

Въ самомъ дѣлѣ, для обучающейся молодежи это было необходимое предостереженіе, особенно въ то смутное время, когда дѣло исправленія священныхъ книгъ, начатое Никономъ, произвело такой разладъ между мнѣніями приверженцевъ старыхъ книгъ и книгъ исправленныхъ, обвинительныя воззванія

противныхъ партій находили себѣ ревностныхъ защитниковъ. и юношество, особенно нѣсколько развившееся, могло быть увлечено всѣмъ, потому что и тогда молодость не жила безъ увлеченій. Вотъ почему необходимо было учителю предостеречь госпитанниковъ, начинавшихъ свое образованіе подъ его присмотромъ.

Знаніе своихъ обязанностей и школьныхъ уставовъ считалось также необходимою принадлежностью первоначальнаго образованія. Хотя въ предлежащемъ азбуковникѣ все это изображено очень кратко, однако, сличая его съ другими учебниками того времени, намъ удалось собрать довольно фактовъ относительно этого предмета; другіе азбуковники пополняютъ то, чего не достаетъ въ разбираемомъ нами учебникѣ. Мы разобрали выше все, относящееся до школьной дисциплины, такъ что изъ всѣхъ выписокъ составился довольно полный уставъ, которымъ руководствовались наши до-Петровскіе педагоги. Въ настоящемъ азбуковникѣ училищныя правила помѣщены послѣ разсмотрѣннаго нами введенія и слѣдуютъ какъ разъ за объясненіемъ важности и обширности знаній, какія предлагала тогдашняя письменность, и за предостереженіемъ юношества не вѣрить всему и не увлекаться всѣмъ, что есть въ книгахъ. Я считаю излишнимъ передавать читателю всѣ правила, которыя преподавались нашему юношеству, тѣмъ болѣе, что они уже отчасти извѣстны изъ тѣхъ отрывковъ, которые приведены въ началѣ статьи. Въ настоящее время, въ нашъ XIX-й вѣкъ, училищныя правила входятъ въ особенное руководство, преподаваемое дѣтямъ, или, по крайней мѣрѣ, преподававшееся лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ нашихъ уѣздныхъ училищахъ, подъ названіемъ „Правила для учащихся"; въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ, напр., въ университетахъ, правила другія, и суть не что иное, какъ извлеченія изъ Свода Росс. Законовъ, изъ Устава объ училищахъ; въ XVII-й же вѣкъ правительство еще не касалось въ своихъ законоположеніяхъ этой отрасли народнаго образованія (въ 1682 только дана была привилегія московской Славено-греко-латинской академіи, но больше ничего), и потому народъ самъ, а особенно духовенство, понимая необходимость образованія, каково бы оно ни было, сами о себѣ заботились и въ своихъ школахъ руководствовались своими правилами, семейнымъ или домашнимъ образомъ, и правила эти были — простой обычай,

руководимый здравымъ смысломъ нашихъ доморощеныхъ педагоговъ. Спасибо имъ и за это.

Выучивъ школьныя правила, дѣти переходили постепенно къ принятію другихъ свѣдѣній. Ихъ начинали знакомить, хотя энциклопедически, съ тѣмъ, что вообще отличаетъ образованнаго человѣка отъ неуча. Такъ какъ, конечно, ученіе распредѣлялось по днямъ недѣли, а воскресные и праздничные дни посвящались отдохновенію, то естественнѣе всего было объяснить имъ происхожденіе и значеніе недѣли. Здѣсь ученики узнавали, что седмица установлена еще издавна философами (т. е. вообще учеными), сообразно съ солнечнымъ теченіемъ, что ею мѣряются мѣсяцы, мѣсяцами годы, а годами вѣка; что у разныхъ народовъ и названія дней различны. Здѣсь же истолковано было дѣтямъ, что значило у евреевъ „во едину отъ субботъ", что значило у нихъ „предсубботіе", и какъ назывались остальные дни. Такимъ образомъ ученики знакомились уже съ предметами, которые были внѣ ихъ понятій. Затѣмъ, послѣ объясненія субботы и дня успокоенія, имъ опять напоминали о дисциплинѣ и о томъ, что они должны были дѣлать въ праздничные дни.

Съ объясненіемъ значенія дней недѣли натурально связаны были первыя начала Священной исторіи; дѣтямъ разсказывалось изъ книги Бытія, сотвореніе міра и человѣка. Надо думать, что на названіе Священной исторіи обращали у насъ преимущественное вниманіе, потому что значеніе священнаго Писанія было не послѣдней цѣлью образованія до-Петровской Руси. Но посмотримъ лучше, какимъ путемъ шли наши педагоги въ послѣдующемъ обученіи своихъ воспитанниковъ, и на что еще обращали вниманіе учащихся.

Объясненіе дней недѣльныхъ влекло за собою знакомство съ происхожденіемъ календаря и исторіей лѣтосчисленія. Впрочемъ, знакомство было очень не важное. Дѣти узнавали только, что съ воскресеніемъ Христа отложено празднованіе субботы, а принятъ день воскресный, какъ память искупленія; что все это сдѣлано Сильвестромъ, папою римскимъ, „украшеннымъ всякою премудростію еллинскою и римскою"; что онъ назвалъ дни греческими именами: *киріакинъ, воскресенье, девтеринъ, тритинъ* и т. д. Но очень занимательно здѣсь обращеніе къ ученикамъ. Разсказывая исторію перемѣны названія, какія имѣли прежде дни недѣли, учитель убѣдительно проситъ воспитанниковъ слушать

его съ любовію и усердно внимать, „да добрѣ навыкнувъ. довольни будете, и въ домѣхъ вашихъ рождшимъ васъ и прочимъ всѣмъ знаемымъ и незнаемымъ разумно сказати", потому что, если вы „отъ сицевыя юныя и дѣтскія вереты превеликія сія таинства остроумне, начасте слышавше навыкнете и въ домѣхъ вашихъ и индѣ гдѣ прилично сказовати будете, кто васъ не похвалитъ или кто не ублажитъ, таковая любомудрая таинства отъ тебе малаго дѣтища слышавъ: мнози бо отъ человѣкъ и совершеніи возрастомъ и сѣдинами цвѣтущіи не *вѣдятъ* сего, еже вамъ, любимицы мои, днесь туне даруется. *Хотѣлъ быхъ азъ къ сицевому любомудрію до толика себѣ по вся дни изнурити, еже бы и хлѣбъ мой снѣсти забывати* и пр. Конечно, эти „превеликія таинства", переданныя ученикамъ, не такъ велики, но и то хорошо, что ихъ передавали дѣтямъ, желаніе же принести пользу своимъ питомцамъ истинно похвальное.

Пропуская нѣсколько главъ азбуковника, въ которыхъ объясняются ученикамъ разные предметы относительно мудрости и знаній, но въ которыхъ все это разсѣяно безъ всякой системы, я обращаюсь прямо къ тому, что необходимо для всякаго грамотнаго и тѣмъ болѣе для ищущаго образованія, именно къ тому, въ какой степени являются намъ изъ азбуковниковъ успѣхи въ обученіи юношества грамматикѣ родного языка или, вѣрнѣе, церковнаго, то-есть, если у насъ до Петра были училища, то преподавалась ли въ нихъ грамматика и въ какой мѣрѣ, и преподавались ли, кромѣ нея, еще и другіе предметы? Вопросъ этотъ естественно возникаетъ самъ по себѣ, когда мы обращаемся къ рѣшенію того, на какой степени развитія стояли наши училища до Петра.

Существованіе въ Россіи грамматикъ съ самыхъ древнихъ временъ не подвержено никакому сомнѣнію; но это еще не даетъ права заключать, что у насъ были свои грамматики, тѣмъ менѣе можно предполагать, что если въ XI-мъ вѣкѣ была у насъ въ переводѣ грамматика Дамаскина, то въ училищахъ она преподавалась. Но если мы находимъ толкованіе въ дѣтскомъ учебникѣ, который учили въ школахъ наизусть, то само собою надо полагать, что въ нашихъ училищахъ преподавалась и грамматика. Да и изъ самаго азбуковника видно, что ее учили дѣти: въ немъ прямо и положительно говорится объ этомъ. Намъ только остается разсмотрѣть, какова была

эта грамматика, что узнавали изъ нея воспитанники, однимъ словомъ, какъ преподавалась она въ Россіи до преобразованія Петровыхъ. Само собою разумѣется, что мы не коснемся здѣсь ни грамматики Смотрицкаго, ни Зизанія, хоть, можетъ-быть, ими отчасти и руководствовались наши педагоги; но то были не учебники, не для школъ: а намъ нужно знать, что именно узнавали дѣти на школьныхъ скамьяхъ, хотя послѣ они могли знать прекрасно и грамматику Зизанія, и Смотрицкаго, и даже греческую грамматику братьевъ Лихудовъ.

Прежде всего надо замѣтить, что системы въ преподаваніи грамматики почти не было или очень мало; правила излагались такъ, какъ казалось удобнѣе для учителя, и потому объясненіе значенія и важности грамматики помѣщалось послѣ правилъ правописанія; склоненія и падежи очень сбивчивы: прочія части рѣчи почти вовсе не принимались въ соображеніе. Зато внѣ этого азбуковника есть довольно большой трактатъ о силлогизмахъ, потомъ о правописаніи, гдѣ разобраны подробно всѣ буквы алфавита и употребленіе каждой изъ нихъ; затѣмъ большой отрывокъ о стихосложеніи съ объясненіемъ стопъ, метровъ, родовъ стихотворныхъ, начиная отъ ироическаго и проэлегійскаго до ямвійскаго и сафійскаго съ приведеніемъ примѣровъ изъ тогдашнихъ русскихъ поэтовъ.

Но обратимся къ грамматикѣ азбуковника.

Сначала, въ главѣ подъ буквою м, находятся фонетическія объясненія славянской азбуки, объяснено значеніе буквъ, письменъ и ихъ значеніе. Число буквъ въ славянскомъ языкѣ принято сорокъ два. Вся эта глава состоитъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ: ученикъ спрашиваетъ, а учитель объясняетъ. На вопросъ ученика, всѣ ли буквы алфавита имѣютъ равную силу, учитель говоритъ, что не всѣ „по разньству кийждо въ своемъ *изложеніи* пребываетъ“, и объ изложеніи говоритъ, что это — особая часть *слогини;* а слогиня толкуется имъ: „отъ всея буквы составленіе писменъ по вѣщаніямъ всякаго реченія“ — и это толкованіе не совсѣмъ понятно. На вопросъ ученика: сколько „изложеній въ слогинѣ“, отвѣчаетъ, что четыре: *звательство, полузвательство, возразительство и накончаніе,* и объясняетъ смыслъ этихъ четырехъ названій. Но это не что иное, какъ раздѣленіе буквъ на гласныя, согласныя и полугласныя; но въ азбуковникѣ очень мудреное объясненіе звательства и полузвательства, т.-е. гласныхъ и согласныхъ, и

мы не передаемъ его, какъ не важное. *Звательныхъ* буквъ считается четырнадцать: а, є, и, ї, ѹ, оу, ѡ҆, ы, ѣ, э, ю, ѫ, ѧ, ѿ, и три изъ нихъ *прикладніи*, и ихъ собственно нѣтъ въ азбукѣ, а узнать ихъ можно въ книгахъ по связи съ другими; это суть: а, оу, и ѵ. Здѣсь же прибавлено, что *слогомъ* называется то, когда послѣ одного, или двухъ, или трехъ полузвательныхъ стоитъ звательное „писмя“; а если звательное стоитъ передъ полузвательнымъ, то будетъ *предложеніе;* если звательное послѣ звательнаго, то это значитъ *приложеніе;* если же полузвательное послѣ полузвательнаго, то это *утѣсненіе.*

Полузвательныхъ насчитано двадцать четыре: б, в, г, д, ж, ѕ, ꙁ, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ, ѳ; изъ нихъ *грубыя:* б, в, г, д; *шепетливы:* ж, ч, ш; *синавы:* ѕ, ꙁ, ц, с; *нѣмы:* л, м, н; *громны:* к, р, т, ц; *натужливы:* ф, х, ѳ; *ясны* щ, ѱ, ѯ.

Возразительныхъ и *накончательныхъ* *овъ:* ъ-*толстое* и ь-*тонкое.*

Потомъ ученикъ спрашиваетъ о *количествѣ гласныхъ*, и получаетъ отвѣтъ, что ихъ одиннадцать; оказывается, что это тѣ самыя гласныя, которыя на предыдущей страницѣ онъ назвалъ звательными, именно: а, є, и, ї, о, оу, ѣ, ѫ, ѡ, ѵ, и раздѣляетъ ихъ на *долгія:* и, ѣ, ѡ, ы; *краткія:* є, о, ѵ, и *двовременныя:* а, ї, ѫ, ѵ. Замѣтно, что здѣсь многое перепутано, потому что между гласными не поименованы всѣ, а потомъ оказались лишнія буквы. Видно, что у писавшаго были сбивчивыя понятія о фонетикѣ и особенно о раздѣленіи буквъ. Кромѣ того, кстати или не кстати, замѣчено, что если въ концѣ слова встрѣтится ꙗ, то надо писать ꙗ̀ съ варіею (т.-е. съ тяжелымъ удареніемъ), или безъ нея; также пиши: ꙗ, жю, а послѣ ї всегда ставь а.

Итакъ, это были первыя знанія, какія пріобрѣтало наше юношество въ школахъ и первое его знакомство съ грамматикою родного языка. Можетъ-быть, эта сбивчивость въ изложеніи зависитъ отъ писца, который самъ не былъ силенъ въ филологіи, — но это все-таки не мѣшало дѣтямъ знать по возможности грамматику языка, на которомъ они должны были излагать свои мысли. Впрочемъ, мы увидимъ дальше, что филологическія свѣдѣнія въ до-Петровскихъ училищахъ были очень хороши для того времени, особенно для дѣтей, имѣвшихъ воз-

можность развить свои знанія и внѣ школьныхъ стѣнъ. Только системой и стройностью въ своихъ изложеніяхъ не могли похвалиться наши педагоги.

Послѣ правилъ фонетики слѣдуетъ передача дѣтямъ свѣдѣній касательно исторіи изобрѣтенія письменъ, какъ и везде. Передъ этой главой тоже есть стихотворное предувѣдомленіе, въ которомъ, между прочимъ, говорится:

О первобытной азбуцѣ отъ Сива, сына Адамля, сложенной,
Отдревле и до нынѣ извѣстіемъ нигдѣ же ей явленной,
Истинною жъ отъ Моисея пророка зачало ей пріемлемъ,
Подобнѣ и о Латинстѣй и Еллиногречестѣй начало вземлемъ,
О Словенстѣй Святымъ Кирилломъ сложенной вѣщати починаемъ,
И отъ Свягаго Стефана Епископа сложенной Пермскою азбукою совершаемъ.

Сказавъ, что первобытная азбука была изобрѣтена Сифомъ, но что объ этомъ событіи не упомянуто ни въ какихъ достовѣрныхъ книгахъ, азбуковникъ переходитъ къ сказанію объ изобрѣтеніи римской азбуки нѣкоею царевною Арфаксадою, которая царствовала „во странахъ западныхъ съ своимъ братомъ, убившимъ отца; за отцеубійство они были прогнаны своимъ народомъ и поселились на Тигрѣ (не Тибрѣ ли?), основавъ тамъ городъ. Азбука изобрѣтена Арфаксадою въ 4735 г. отъ сотворенія міра, или въ 773 году до Рождества Христова. Греческая азбука изобрѣтена семидесятью двумя философами. „Нашу же Христіанскую и Словенороссійскую азбуку сочини и сложи... Константинъ“ и т. д.,—повторяется извѣстное всѣмъ мѣсто, записанное и въ лѣтописяхъ, и въ житіяхъ. Событіе это означено годомъ 7366 или 866 по Р. X.

Кромѣ всего этого, дѣтямъ разсказывали объ изобрѣтеніи у насъ, у славянъ, другой азбуки — пермской, для пермскаго языка, „иже бѣ грубѣйше еще отъ насъ рѣчію“: что изобрѣлъ ее Стефанъ, епископъ Пермскій, начавъ отъ перваго слова *а*, какъ у римлянъ; вторую же букву, вмѣсто латинскаго *бе*, назвалъ *бур*[1] и т. д. Всѣхъ буквъ Пермской азбуки двад-

[1] См. Описаніе рукописей Румянц. Музея [illegible] N [illegible] CLIX ч., гдѣ [illegible] Пермская азбука и гдѣ вторая буква не *буръ*, а *букъ*, и т. д. стр. 514.

пать четыре. Книгъ же, писанныхъ на этомъ языкѣ, въ Россіи не обрѣтается, развѣ точію въ Пермской странѣ."

Конечно, всѣ эти свѣдѣнія имѣли свое достоинство, особенно будучи переданы дѣтямъ въ ихъ обыденномъ руководствѣ, которое, какъ кажется, было ихъ настольною книгою. Подобные матеріалы, помѣщенные и въ нынѣшнемъ учебникѣ, не повредили бы его достоинству. Но мы посмотримъ далѣе, что еще передавалось дѣтямъ относительно грамматики.

Въ слѣдующей главѣ рѣчь снова идетъ о правописаніи, объ удареніяхъ и пр. Особенно требовалось знаніе, какъ „*ять съ естемъ различати*", чтобы никакъ не писать вмѣсто *пѣніе* — *пеніе*, *сѣсти* — *сести* и пр. „*Сіе бо*, прибавлено, *вельми зазорно и укорно*, еже ять вмѣсто ести глаголати, такоже и есть вмѣсто яти. *Отъ сего бываетъ веліе несмысльство ученію*". Потомъ отъ учителя требовалось, чтобы научалъ своихъ воспитанниковъ, гдѣ и какія ставить ударенія: гдѣ *оксія*, или острая, гдѣ *варія*, или тяжкая, а гдѣ *камора*—облеченная; затѣмъ еще два знака: *краткая и исо*. Кто учился грамотѣ по церковнославянскому букварю, тотъ, вѣроятно, помнитъ эти знаки въ концѣ букваря, употребляющагося и теперь у простонародія: тамъ есть *и оксія, и исо, и варія*. Въ азбуковникѣ истолковано, когда употребляется каждый изъ этихъ знаковъ, и приведены примѣры, но тутъ же прибавлено, что объ этомъ говорится и въ грамматикѣ. Значитъ, кромѣ грамматическихъ правилъ, помѣщенныхъ въ азбуковникѣ, ученикамъ были извѣстны, хотя отчасти, самыя грамматики—отдѣльныя сочиненія, изъ которыхъ заимствовались, или которыми руководствовались, преподаватели, и съ которыми, вѣроятно, знакомили своихъ воспитанниковъ.

Между этими грамматическими толкованіями опять вставлена цѣлая глава, которой содержаніе нисколько не соотвѣтствуетъ ни предыдущей, ни послѣдующей. Глава эта, по какому-то случаю, обращается къ русской исторіи и передаетъ дѣтямъ свѣдѣнія о томъ, что до крещенія Руси имена давались у насъ по произволу, т.-е. какъ хотѣли родители назвать свое дитя, такъ и называли: отъ того у насъ существовали имена: Богданъ, Бажѣнъ, Ждавъ, Второй, Третьякъ, Мѣсоѣдъ, Подрогъ и другія, которыя въ настоящее время обратились *въ прозвища*. Но потомъ В. К. Владиміръ, „который всею страною, въ ней же мы нынѣ жительствуемъ, владѣлъ", принялъ христіан-

скую вѣру и крестилъ свой народъ, и съ тѣхъ поръ имена у насъ давались въ честь угодниковъ. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе многихъ собственныхъ именъ, взятыхъ съ греческаго и съ еврейскаго языковъ. Конечно, всѣ подобныя свѣдѣнія очень поверхностны и лишены ученой формы, даже такое изложеніе нисколько не систематично; но все же, хоть разсѣянно и не въ порядкѣ, а передавались юношеству понятія о самыхъ необходимыхъ вещахъ, и того довольно. Этотъ азбуковникъ вообще представляетъ что-то въ родѣ энциклопедіи, сообразной съ понятіями нашихъ предковъ и не лишенной интереса для дѣтей, только начинающихъ свое образованіе; такъ, послѣ этой главы, вниманіе учащихся снова переносили къ грамматикѣ и снова объясняли имъ особенности языка славянскаго.

О верхней просодіи и строчномъ препинаніи.
Приглашаю всѣхъ васъ со умными вниманіи.
Въ тисненой азбуцѣ любомудро положенныхъ,
Многими книжными реченіи разведенныхъ.
Вся же со извѣстіемъ разумно явленно,
Краткимъ сведеніемъ вельми удивленно.
Должни суть учители сами сія знати
И всѣхъ учимыхъ у себе добрѣ научати.

Здѣсь прежде всего останавливаетъ наше вниманіе то, что содержаніе послѣдующей главы взято изъ печатной азбуки, въ которой все это, какъ видно, *разведено* многими книжными реченіями; а здѣсь, въ азбуковникѣ, какъ сказывается, это же самое „краткимъ сведеніемъ вельми удивленно“, т.-е. сокращено и упрощено. О существованіи печатныхъ азбукъ въ въ XVII-мъ вѣкѣ мы знаемъ. Но здѣсь, оказывается, старались примѣняться къ дѣтскимъ понятіямъ, и эта обязанность лежала на учителяхъ. Такимъ образомъ, изо всего, что находилось въ печатныхъ азбукахъ и другихъ „тисненыхъ“ книгахъ, напримѣръ, относительно знаковъ строчныхъ и надстрочныхъ, изо всего этого дѣлался краткій сводъ, и имъ-то руководствовались воспитанники, при помощи учителя. Замѣтно, что на *знаки*, и вообще на правописаніе, было обращаемо большое вниманіе, и потому дѣтямъ поясняли всѣ знаки надстрочные и строчные, не только славянскаго письма,

во и книгъ иностранныхъ и *языческихъ* (вѣроятно, греческихъ?). Достаточно выписать одни названія этихъ знаковъ, чтобы видѣть, сколько труда стоило мальчику понять значеніе каждаго изъ нихъ, особенно когда объясненія этихъ значеній такъ темны и сбивчивы. Вотъ знаки, которые были тогда приняты „во Словенороссійстѣй азбуцѣ печатно“, и сохранились еще до сихъ поръ въ нашей церковной печати и въ букваряхъ: *оксія, исо, варія, камора, краткая, звательцо, титло, словотитло, апостровъ, кавыка, ерокъ, запятая, двоеточіе, точка, вопросительная, удивительная, вмѣстительная*. Не стану выписывать толкованій, гдѣ каждый изъ знаковъ ставится, но замѣчу, что касательно титла сказано: „титло сіе есть покрытіе или взметъ; пишется надъ святыми рѣчьми, величества ради, славы и святбы“ и т. д.; ерокъ иначе называется *ертица;* вопросительная или *подіостолія* (вѣроятно, *иподіастола?*); удивительная иначе называется *прибылица,* а вмѣстительная „въ Кіевскихъ переводѣхъ“ именуется *клямра.* Но это еще не все: эти знаки приняты были въ печатныхъ славянскихъ книгахъ; но сколько еще было такихъ знаковъ (взятыхъ изъ древнихъ, изъ иностранныхъ и изъ языческихъ книгъ, — слова азбуковника), которыхъ „аще и не нужно кому мнится угодно быти, но обаче вѣдомости ради должно есть вѣдети и знати“ И вотъ, вѣдомости ради, ученики должны были знакомиться съ этимъ безконечнымъ рядомъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ; однако, со стороны учителя въ этомъ видна хорошая цѣль: знать эти подробности необходимо всѣмъ „*хотящимъ преписовати святыя книги*“, и потому онъ совѣтуетъ своимъ воспитанникамъ на всякій случай помнить ихъ значеніе и употребленіе. Эти знаки суть: *раздвижка* (не буду передавать ихъ начертаній, потому что для напечатанія они не удобны), *атрикаль, слоіа, вторая, стяга* или *кекоима, чашка, оасія, статія* и *сквады.* Далѣе, учитель передаетъ дѣтямъ значеніе *просодій*, взятыхъ имъ изъ *осмочастной книги*, т.-е. изъ грамматики. Просодіи были слѣдующія: *оксія, варія, перисномени, макра, врахія, оасія, псили, апострофосъ, уфенъ, уподіастоли.* Относительно макра, врахія, апострофосъ и уфенъ замѣчено, что они „у насъ Русовъ никакоже потребны“, у грековъ же „потребны зѣло, подобнѣ и у Латинъ“; но иподіастола „у Русовъ потребна“. Кромѣ этихъ просодій, учитель прибавляетъ отъ себя о нововводимомъ знакѣ, котораго въ прежнихъ славянскихъ руко-

писяхъ не было. Кто знакомъ съ рукописными памятниками древней Руси, тотъ, вѣроятно, помнитъ, что наши писцы не употребляли переноснаго знака (-, или –, или нѣмец. =) и переносили часть слова въ другую строку, не означая ничѣмъ переноса. Такъ вотъ относительно этого предмета и говоритъ азбуковникъ: „*недотяга* или *недоступка* =, которая ставится въ концѣ строки, недокончаной ради рѣчи, которая во второй строкѣ скончатися имать: ея же прежде Словяне, или вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ, точію отнюдъ не пологаху въ строкахъ: *нынѣ же благодатію Христовою радостно пріемлютъ и исправляютъ, навыкше зрѣніемъ въ иноязычныхъ, си есть во Еллиногреческихъ и латинскихъ, паче же Кіевскихъ книгахъ*".

Что касается другихъ частей грамматики, то, какъ оказывается изъ азбуковника, ихъ передавали довольно кратко, больше практически объясняя грамматическія особенности, нежели уча грамматикѣ теоретически. Такъ въ азбуковникѣ дѣлали разборъ фразъ, и по этому разбору воспитанники навыкали въ грамматическихъ правилахъ. Падежи назывались *паденіями*, которыя были: *именовательное, родственное, дательное, виновное, звательное* и *отрицательное*, употреблявшееся съ предлогомъ *отъ* и *о*. Средній родъ назывался *посреднимъ*, мѣстоименія назывались *прошеніями*, къ которымъ, кажется, причислялись и прилагательныя; спряженія поименованы *супружествами*. Склоненія въ азбуковникѣ состоятъ изъ вопросовъ и отвѣтовъ, и на каждый родъ приведены особые примѣры. Я не намѣренъ разбирать достоинства и недостатки грамматики, преподававшейся въ нашихъ древнихъ школахъ; тогдашнія руководства, конечно, были хуже нынѣшнихъ. Но для насъ довольно одной увѣренности въ томъ, что эти руководства — были, что грамматику въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ знали, и что ученикамъ ставилось въ непремѣнную обязанность — знать составъ и строй своего языка, по крайней мѣрѣ, такъ, какъ смотрѣли на него въ свое время. Свѣдѣніями этими обязаны мы азбуковнику, который разбираемъ въ настоящее время. Эти свѣдѣнія очень утѣшительны и бросаютъ новый свѣтъ на исторію нашего развитія до начала Петровскихъ преобразованій.

Не вдаваясь въ болѣе подробное обозрѣніе азбуковника, я умолчу о содержаніи прочихъ его главъ, изъ боязни, чтобъ статья моя не показалась единственно разборомъ содержанія

учебниковъ, которыми руководствовались воспитанники въ нашихъ школахъ XVII-го вѣка; для насъ довольно знать, чему и въ какой степени обучалось наше юношество въ частныхъ школахъ. Но я не могу не сказать нѣсколько словъ о томъ, что передавалось въ школахъ ученикамъ относительно личности извѣстнаго Максима Грека, и добавлю еще извѣстіемъ о томъ, что въ этихъ же школахъ давалось дѣтямъ понятіе *о семи мудростяхъ*, о такъ называемыхъ Septem artes liberales, которыя въ школахъ западной Европы и въ ея университетахъ входили въ кругъ ихъ знаменитыхъ наукъ *Trivium* и *Quadrivium*.

Въ главѣ подъ буквою X учитель обращается къ ученикамъ и говоритъ, что намѣренъ показать имъ истиннаго и совершеннаго философа, именно Максима Грека, „иже бѣ у насъ въ Россіи пресловущій философъ и изящный преводникъ Божественнымъ книгамъ“. „Этотъ Максимъ Грекъ, — продолжаетъ, — оставилъ по себѣ память Словенороссійскому роду, какимъ способомъ можно узнать настоящаго философа“. Онъ говоритъ: „мнози убо обходятъ грады и земли. овы убо куплею, овы же художествомъ всякимъ, ремествомъ и книжнымъ искуствомъ, Греческимъ и Латинскимъ; есть же и Ерусалимскимъ (значитъ и тогда тоже было, что теперь дѣлается); изъ этихъ-то гостей, одни совершенны суть, другіе отчасти, иніи же отнюдъ не вкусивше художнаго вѣденія книжнаго, рекше грамматикійскаго и риторскаго, и прочихъ чюдныхъ учительствъ Еллинскихъ, *обаче хвалятся вѣдети вся, користоватися желающе и кормитися*“. И потому Максимъ Грекъ оставилъ по себѣ „мало строкъ списанныхъ Еллинскимъ образомъ мудрымъ на искушеніе всякаго хвалящагося“. Этими строками онъ завѣщалъ испытывать всѣхъ иностранцевъ, всѣхъ chevaliers d'industrie, которыхъ и тогда уже можно было встрѣтить на Руси, хотя, вѣроятно, не такъ много, какъ теперь; испытаніе это должно было состоять въ слѣдующемъ, какъ говоритъ самъ Максимъ Грекъ въ нашемъ азбуковникѣ: „*Аще нѣкто по моемъ умертвіи пріидетъ къ вамъ въ Афетороссію... первѣе вопросите его: коею мѣрою сложени суть строки тѣ: и аще речетъ иройскою и елигійскою мѣрою, истиненъ есть и лсти въ немъ нѣсть. Еще рцыте ему: коликими ногами обоя мѣра совершается. И аще отвѣщаетъ, яко иройская убо шестію, а елегійска пятію, ничто же прочее сумнитеся о немъ:*

предобръ есть! Пріимите его съ любовію и честію, и елико у васъ живетъ, жалуйте его нещадно. И егда хощетъ возвратися во свое, отпустите его съ миромъ, силою не держите у себе таковыхъ: нѣсть бо похвально... яко же и Омиръ глаголетъ премудрый, законополагая страннолюбію: лѣпо есть любити гостя у насъ живущаго, и хотящаго отъити пустите. Простая же рѣчь глаголется: „то есть гостю почесть, что воля; аще неволя гостю, то есть плѣнникъ, а не гость". Еще потому можно было узнать *совершеннаго философа*, если кто къ нашей азбукѣ могъ прибавить хоть одну еще новую букву, какъ Кириллъ прибавилъ ихъ четырнадцать противъ греческаго алфавита. Дѣйствительно, не трудно доставался и тогда пришельцамъ дипломъ совершеннаго философа. А это доказываетъ только скудость нашихъ познаній въ то время, съ одной стороны, а съ другой, можетъ быть, наше всегдашнее гостепріимство.

Толкованіе семи свободныхъ мудростей помѣщено въ концѣ азбуковника, въ семи отдѣльныхъ главахъ. Это не что иное, какъ предисловія къ каждой мудрости, но предисловія такія, въ которыхъ кратко излагается сущность и значеніе самаго предмета. По обыкновенію, все это написано въ высшей степени высокопарно, потому что каждая изъ семи мудростей старается высказать ученикамъ свои достоинства и хвалитъ обширность своихъ примѣненій, т.-е. гдѣ, и какъ, и почему каждая мудрость полезна и необходима.

1. Первая изъ семи свободныхъ мудростей — *Грамматика*. Такъ какъ мы уже отчасти познакомились и съ содержаніемъ и съ способомъ преподаванія грамматики, то здѣсь и не будемъ останавливаться долго на этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе еще, что все предисловіе исполнено общихъ мѣстъ и витіеватыхъ фразъ, которыхъ содержаніе, однако же, клонится къ одной мысли, что грамматика полезна сама по себѣ и важна для учащихся. „Много вси мудрыи витіи, — говоритъ она, — ритори же, ребу, и философи, достойныя славы и великіе почести себѣ достизаютъ, яко же и древній Паламидъ и мудрый Промефусъ, съ ними же и Комодъ, сіи бо мя начертаніемъ во Еллинѣхъ составиша" и пр. Вотъ потому-то всякій, желающій быть мудрымъ и ученымъ, долженъ знать грамматику: „кто книжная писмена устраяетъ или *стихи соплетаетъ*, или повѣсти изъясняетъ, или послания посылаетъ, или что

таковыхъ составляетъ: то все мною, грамматикою, снискаетъ. Понеже на времена развожду и на числа разочту, и на лицо роскажу, и на паденіа уклоню (т.-е. просклоняю) и на супружества сведу (т.-е. проспрягаю), степени разсужду и роды разберу“ и пр.

2. Вторая изъ семи мудростей — *Діалектика*, которая обращается къ юношеству съ такими словами: „Что чюдитеся и на мя зряще помышляете, и ко мнѣ мнимаго ради строптивства не приступаете? Не есмь такова, еже вы мните мнительствомъ, но есмь мудрая зрительствомъ, есмь бо велика и честна и естествомъ свободна, едина отъ седми мудростей Діалектика по Еллинѣхъ, *по сладчайшему же ми Словенскому языку Словесница нарицаюся*, селеніе же имамъ и соузъ общаго рачительства со премудрою грамматикою и со красовитою риторикою: одесную мене первая и ошуюю другая. Егда убо согласимся уставы, тогда чинно всяку стихамъ красоту полагаемъ, реченіе же и ученіе приличнымъ подобіемъ и ямвійскою мѣрою украшаемъ“ и пр. Вообще назначеніе Діалектики, по ея собственнымъ словамъ, очень важное; ни одна высокая мысль, ни убѣжденіе, ни совѣтъ, ничто ни можетъ имѣть настоящей силы безъ участія Діалектики. Она во всемъ: „Мудрый отъ Еллинъ Омиръ, и Платонъ, и похвалный во вратѣхъ (*ἐν στοαῖς?*) Аристотель и прочии вси о мнѣ Діалектицѣ познашася въ мірѣ.“ Въ жизни практической, и преимущественно въ кругу общественной дѣятельности, Діалектика едва ли не важнѣе всѣхъ прочихъ семи мудростей: она необходима въ народныхъ собраніяхъ „на соборѣхъ людскихъ“; если на нихъ приметъ участіе Діалектика, всѣ ей внимаютъ, и жалѣютъ, если замолчитъ она; если кто имѣетъ тяжбу въ судѣ, то съ помощью Діалектики ни правый не обвинится, ни „виноватый не потягнется, ниже судяй погрѣшити въ чесомъ можетъ“; спорщикъ и суесловъ откажутся отъ своей привычки спорить и туне глаголати, потому что Діалектика научаетъ истинѣ. Вотъ почти такого содержанія всѣ фразы, влагаемыя въ уста второй изъ семи мудростей. Дѣти узнавали только, что есть какая то Діалектика, и что учитъ она такимъ-то и такимъ-то хитростямъ, но какъ учитъ, какъ пріобрѣтается знаніе этой мудрости, того они не вѣдали.

3. *Риторика* объясняетъ свое значеніе еще болѣе высокими словами: „Есмь бо отъ седми честная и великая свобод-

ная мудрость, Риторика нарицаюся, сирѣчь хитрорѣчія источникъ. Тѣмъ пріимите мя съ любовнымъ вожделѣніемъ, азъ же дамся вамъ съ быстрымъ свѣтлорѣчіемъ: азъ бо есмь мудрость сладкогласнаго рѣченія, азъ сладость дивнаго сказанія, азъ доброта неоскудѣваемаго богатства, азъ сокровище некрадомаго стяжательства, азъ велерѣчіе не отягчающее ушеса" и пр. и пр. Конечно, эти фразы кажутся до того высокопарными, что какъ будто въ нихъ нельзя подозрѣвать и смысла, кромѣ разглагольствованій; но смыслъ есть, и очень понятный, хотя тонъ самаго объясненія и напоминаетъ что-то въ родѣ акаѳиста. Но въ этомъ опять таки виновато общее риторическое направленіе въ письменности того времени, направленіе, надъ которымъ не всегда возвышаются и самые великіе умы. Риторика говоритъ о себѣ такъ: „селеніе и удобное совокупленіе имамъ съ Діалектикою; похвальная же и златострунная Грамматика съ нами же и начало намъ". Этимъ, разумѣется, хотѣли выразить связь и взаимную между собой зависимость этихъ мудростей, и выразились свысока; тѣмъ не менѣе были поняты учениками, привыкшими и къ тому языку, и къ способу тогдашняго выраженія. Ученикамъ давали знать, что Риторика, по понятіямъ того вѣка, была необходима во всякомъ писавіи, и въ стихахъ, и въ посланіяхъ, и въ бесѣдахъ, и въ сочиненіяхъ, имѣющихъ разговорную форму, что ее изучали всѣ знаменитые люди и ученые. „Мною, говоритъ, Риторика и Димостенъ, древній онъ честный философъ, славенъ ся учини, той бо мя исперва поиска, и обрѣте, и по немъ прочіи Ритори, которіи чюдни разумомъ въ человѣцѣхъ явишася и хитрорѣчію начальницы быша и Риторику мя нарекоша" и пр. Но это только объясненіе Риторики, собственно ея предисловіе; а какъ она преподавалась и въ какомъ объемѣ, да и преподавалась ли даже, изъ азбуковника рѣшить невозможно. Конечно, въ нашемъ сборникѣ есть и риторическіе отдѣлы, есть довольно пространная метрика славянскаго, или русскаго, стихосложенія, есть образцовыя письма и посланія, для составленія по нимъ какихъ-угодно сочиненій въ стихахъ и прозѣ: но какъ положительно нельзя рѣшить, преподавалось ли все это въ нашихъ школахъ для начальнаго обученія, то и не смѣю сказать, что преподавалось: основываться же на однихъ предположеніяхъ не слѣдуетъ, хотя и можно бы предположить, что безполезно было бы говорить о значеніи предмета,

не имѣя въ виду объяснить послѣ и его сущность. Но оставимъ предположенія и воспользуемся пока тѣми немногими матеріалами относительно преподаванія въ нашихъ школахъ свѣдѣнія о семи свободныхъ художествахъ, которыя мы находимъ въ азбуковникахъ, и обратимся къ изъясненію слѣдующаго свободнаго художества.

4. Четвертое свободное художество — *Музыка.* Къ предисловію о Музыкѣ прибавлено почти двѣ страницы объясненій о значеніи и происхожденіи Музыки, что, вѣроятно, считали необходимымъ пояснить юношеству. Это вступленіе начинается такъ: „Щедраго и Преблагаго Бога, давшаго намъ разумъ, познаніе своея истины, восхвалимъ вси не въ варганы, и тимпаны, и мусикіи, въ нихъ же *беззаконный онъ Папа Петръ Гугнивый повелѣ въ церкви играти и есть начальникъ богомерзкому сему гуденію и игранію;* мусику же и азъ предлагаю, но не руками человѣческими, ниже теслы и ножами устроени (у?), но гласомъ изъ гортани нерукотворенныя происходящимъ восхвалимъ Господа, и поемъ Ему разумно во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, не отъ Петра онаго начинаемую, но отъ Іоавава, бывшаго въ первыхъ родѣхъ, изобрѣтеную и составленую, яко же бытейскія книги повѣдуютъ, во дни же Іисуса, сына Навина, паки Епимфеусомъ, философомъ Еллинскимъ, обрѣтеную. Сія мудрость, или муза, или музыкія имя есть нарицательное, рода женска, числа единственнаго, образа единороднаго, еже есть простаго, паденіа именовательнаго и звательнаго, и отрицательнаго. И по философіи деветь музы, си есть деветь угодій, или деветь сосудовъ или органовъ ко глаголанію, еже есть двѣ губы или устнѣ, четыре зубы начальные, послѣдняя, си есть конечная часть языка, горло дыхателное, гортани тщина и паючи, и сіи деветь угодіа глаголются музы, амоисъ, еже есть вода, зане безъ волготы онѣхъ, еже есть безъ мокротъ, не можетъ родитися гласъ. паки музикіа глаголется нѣкогда пѣтіе, и нѣкогда мудрость, и отъ музы глаголется музика, си есть умѣтель тоя хитрости“. И вотъ. только послѣ этого предварительнаго вступленія, начинается предисловіе: „Утверждайте очи, отверзите слухи. ускоряйте духи. егда убо возшумлю, тогда вси умы возбужду“ и т. д. Предисловіе это довольно пространно и занимательно по тѣмъ понятіямъ о музыкѣ, какія господствовали между нашими предками, хотя бы. напримѣръ, *о пѣніи неуставнымъ гласомъ невѣждъ и поселянъ.*

5. *Ариѳметика* имѣетъ такое же пространное предисловіе, въ которомъ перечислены случаи, гдѣ знаніе Ариѳметики необходимо, и чему собственно научаетъ эта мудрость. О своемъ имени она говоритъ, что „*Еллинскимъ языкомъ Ариѳметика нарицаюси, сладчайшимъ же мнѣ, рекши Русскимъ языкомъ, Числительница.*“ Она исчисляетъ широту земли и высоту небесъ, измѣряетъ пучины моря, назначаетъ вѣрный и безопасный путь кораблямъ, управляетъ всѣми дѣлами, царскими и болярскими, уставляетъ всему правильную мѣру и всѣ *чиновныя* числа, и мѣры, и вѣсы соединяетъ и раздѣляетъ, слагаетъ, вычитаетъ, на доли раздѣляетъ, долю къ долямъ прилагаетъ, и все въ дроби раздробляетъ; она имѣетъ неразрывную связь съ Геометріей и Астрономіей, а въ музыкѣ устанавливаетъ степени, стоянія, стопы и движенія; она необходима для Грамматики, Риторики и Діалектики. Изобрѣлъ ее *отъ Еллинъ мудрый Пиѳагоръ.* Цѣль ея — счисленіе всѣхъ возможныхъ величинъ и измѣреній: пространства она считаетъ локтями, пшеницу мѣрами, вино чашами, полки тысячами и сотнями. Важность Ариѳметики очень хорошо понимали наши предки, знали ее довольно основательно и дѣлали вычисленія, почти невозможныя для того времени. Это подтверждаютъ громадныя вычисленія Кирика еще въ XII-мъ вѣкѣ. Послѣ того странно думать, чтобъ въ нашихъ школахъ не преподавалась Ариѳметика въ XVII-мъ вѣкѣ, когда въ XII-мъ мы могли похвалиться знатоками этого предмета, и когда знаемъ, что уже въ XVI-мъ вѣкѣ были у насъ свои руководства по этому предмету.

6. *Геометрія,* шестое изъ свободныхъ художествъ, имѣетъ въ нашемъ азбуковникѣ то значеніе, какого уже въ настоящее время не имѣетъ: въ объясненіи ея сбиваются то на космографію, то на математическую географію, то на географію политическую, однимъ словомъ, здѣсь понимаютъ буквально, что Геометрія есть землемѣріе во всѣхъ отношеніяхъ. Отъ того вступленіе въ предисловіе къ Геометріи начинается такъ: „Юже видиши землю, отъ нея же и ты созданъ еси, по писанному, яко земля еси и въ землю паки пойдеши, амо же вси тлѣнніи отходимъ, помысли, кто сію измѣри и предѣлы положи, точію одинъ Богъ. Той бо измѣривый пядію небо и дланію землю, намъ же созданію Своему — человѣкомъ тлѣннымъ, даде сея широту, и долготу, и толстоту доброумѣрен-

ною вервію любомудрыя Геометріи измѣряти и тѣмъ комуждо данныя предѣлы познавати, ей же нынѣ предисловіе полагаю, на видѣніе доброты ея васъ призываю." И послѣ этого предварительнаго вступленія раскрывалось самое значеніе Геометріи, ея важность и предметъ, т.-е. польза и цѣль ея званія. Званіе этой мудрости свойственно одному человѣку; хотя и между животными есть *владѣтельныя* породы, какъ орелъ между птицами и левъ между звѣрями, но они безсловесны и не *землемѣрительны*; одинъ человѣкъ, хотя такое же животное, но разумное и словесное, а потому онъ *животное землемѣрительное* и не отъ того, что можетъ все измѣрить ногами и руками, но по существу своему человѣкъ есть *животное геометрическое*, или землемѣрительное: голова и сердце его изображаютъ востокъ, нижняя часть тѣла — западъ, правая рука — югъ, лѣвая — сѣверъ; середина земли есть середина тѣла человѣческаго: „высока бо есть и плоска, и на все случившееся пріятелна и отвсюду помыслами населяема, аки водами обливаема и наводняема." Высказавъ нѣсколько мыслей относительно стихій, предисловіе входитъ въ область математической и полититической географіи: оно говоритъ, что греческіе ученые, по обращенію солнца и луны, измѣрили *кругъ земли*, который равенъ 20,601 *Италъянской миль;* что изъ *Едема* исходитъ источникъ въ четыре страны и отсюда греки раздѣлили землю на-четверо. Впрочемъ, гораздо лучше будетъ выписать остальную часть предисловія, какъ она есть въ азбуковникѣ, и тогда всякій будетъ въ правѣ вывести заключеніе о познаніяхъ нашихъ предковъ въ географіи, если только можно, на свидѣтельствѣ одного дѣтскаго руководства, дѣлать заключеніе о невѣжествѣ нашемъ по этой части. Вотъ конецъ предисловія: „Ова отъ сихъ Африка, ова же Асіа, и ина Европа, каяжда бо отъ дѣйства своего вину званія пріятъ. Асіа бо первая часть земли студености ради тако именуема, отъ Европы бо къ Сѣверному морю рѣкою Доломъ отдѣляется, а къ Средնему морю рѣкою Истьмою; къ ней прилегъ великій кругъ Акіяна-моря. *Въ той убо части Асіи великаго благочестія свѣтлосіятелное государство Россійскаго царства,* пресвѣтлая и Богомъ снабдимая великая держава, ея же кто и Востокомъ обыкнувши нарицати не погрѣшитъ: солнце бо правильное Христосъ Богъ нашъ не точію на всякъ день еже чювственное, но присно всѣхъ вѣрныхъ сердца теплотою Духа

Божія просвѣщаетъ всѣхъ; *край же царства того въ Европстѣй части*, еже къ западу и полунощію достизаше, идеже Студенымъ моремъ, отъ Странскихъ Королей предѣлъ, рекше рубежъ, полагается, и паки отъ другихъ странъ еже къ востокомъ и полудни, внизъ Катаинскія рѣки и Хвалижскимъ моремъ до Истьмы рѣки, въ той же части обону страну тоя же *Катаинскія рѣки, рекше Волги,* прилегли рубежи Татарскихъ царей, а къ тѣмъ Татарскимъ рубежамъ прилегло Арапское море, что Сенфанъ атаманъ обладалъ и Казылбашемъ назвался, оттого же и донынѣ государство Кизылбаское именовася; пятая доля Асіи, что осталося за четвертыми государствы и тою долею владѣетъ Шпанской Король, а по потопѣ та часть была Сима, сына Ноева, юже нарицутъ Асіа. Африка же теплоты ради великія прозвася, предѣлъ же размѣру ея сказуется Среднимъ моремъ и Аглинскимъ, и Ефіопскимъ, и рѣкою Ниломъ; въ той части Африкѣ государство Палестинское, идѣже Авраамовы наслѣдницы быша, и Египетъ и Ееіопіа и Пустыня великая, которая пошла отъ рѣки Нубы къ восточной странѣ, и оттуда ко Атланскому морю, еже противу запада и мало погнувшися къ сѣверу; а по потопѣ та часть земли Африка была Хама, сына Ноева, юже нынѣ Африку нарицутъ. Европа же третіа часть земли отъ дщери Агенаря царя именовася, юже *Юпитеръ волхвъ, Зевсовъ сынъ*, въ Критѣ на поли восхити. Сія Европіа мѣстомъ своимъ по размѣренію моему, рекше Геометріи, и по числу степенемъ потескотнѣйши Асіи, людми же и всякими плоды зѣло изъобилна есть: и та Европа отдалася къ полунощи и западу; отъ полунощи же обошло Акіянъ-море, и отъ запада Среднимъ моремъ Африкіи отдѣлися, а отъ Востока Понтскимъ моремъ и рѣкою Дономъ и Истмою, которая въ то же Понтское море вошла. Въ сей Европіи великія государства, которые въ древнихъ лѣтехъ всею землею владѣли: Римское, реку, и Македонское, и преславное Седмохолміе еже есть великій градъ Констянътинъ, и прочая мѣста государствъ, *ихъ же описуетъ Козмографіа*. А по потопѣ та Европа часть земли была Афета, сына Ноева... Море глаголется всѣмъ водамъ общее имя его же Латини фретумъ (fretum) нарицаютъ, Греки же *портфмолъ:* а гдѣ разливается по мѣстомъ, тогда иная имена пріемлютъ, якоже убо и первая узина отъ источника Еллеспонтъ именуема; гдѣ же паки во другія узится, Трати-

босфоръ именуется, а гдѣ во другія мѣста въ ширину разливается, Понтъ Евксиновъ именуется. Егда же ко озеру пріидетъ, Аймерикъ (?) Бофоръ (Босфоръ ?) именуется, само же то езеро Меотисъ зовется и двѣма великими рѣками Дономъ и Ниломъ во всѣ три части вселенныя раздѣляется; Донъ убо отъ полунощи къ полудни течетъ, всреди Меодета езера вливается; супротивъ же тому Нилъ отъ полудни къ полунощи въ море вливается. А что земли лежитъ отъ моря къ тѣмъ рѣкамъ, отъ единыя страны Африка именуется, а отъ другія Европа къ Нилу, прочее же что ни есть Асіа именуется, а *Америка во Асіи же и во Европѣ*. Таковымъ размѣреніемъ моимъ геометрійнымъ по всему лицу земли вся мѣста и предѣлы Государствъ размѣряемы и раздѣляемы и се все мною могутъ разумѣти: чѣмъ которое Государство больше или меньше, такоже и градовомъ всѣмъ разстояніе, и сихъ основаніе, и домовное по межамъ огражденіе, и всякихъ нивъ и поль, горы же и долы, и вся винограды и вертограды, и всѣ пути и дубравы, и все что ни есть даже до послѣдніа хлѣвины сограждѣнія и премѣреніа, все моимъ геометрійскимъ досужествомъ и наукою совершается. Тако есмь въ шестомъ мѣстѣ учиняема мудрость свободная.“ На этомъ предисловіи нельзя основывать предположенія, что въ древней Россіи ошибочно понимали значеніе геометріи: такъ понимала ее тогда и вся Европа. Геометрія отъ начала прежде то, что въ настоящее время называется геодезіею, или просто землемѣрствомъ; до извѣстнаго времени и землемѣрство и отвлеченная геометрія смѣшивались въ понятіяхъ ученыхъ, потому что послѣдняя, казалось, не имѣла другой цѣли, кромѣ измѣренія земли; когда же открыты были многія неизмѣнныя правила или истины, на которыхъ утверждается всякое измѣреніе, то геометрія стала достояніемъ отвлеченнаго разума, какъ и чистая математика, а то, что прежде считали геометріей, перешло въ вѣдѣніе отдѣльной науки—геодезіи. Въ XVII-мъ вѣкѣ у насъ на геометрію смотрѣли еще съ старой точки зрѣнія и потому смѣшивали ее съ геодезіей и съ географіей, свѣдѣнія географическія вертѣлись все еще около Меркатора, переводы котораго были въ большомъ ходу въ до-Петровской Руси: тутъ мѣшались и географія и космографія, орбисъ террарумъ и чертежъ свѣта. Дѣтямъ, конечно, преподавались только начальныя понятія объ этой мудрости, какъ мы и видимъ изъ азбуковника.

7. „Послѣдняя мѣстомъ, первая же дѣйствомъ“ свободная мудрость есть *Астрономія* „по Еллинѣхъ, Звѣздозаконіе же по Словянехъ“. Предисловіе ея интересно въ такой же степени, какъ и предисловіе прочихъ мудростей, т.-е. въ немъ поверхностно и съ своей точки зрѣнія показана цѣль Астрономіи и опредѣлена ея важность. Конечно, все это очень недостаточно и поверхностно, но для дѣтской книги, для школьнаго учебника XVII-го вѣка, и этого довольно: азбуковникъ не преподаетъ дѣтямъ Астрономіи, а только говоритъ о ней и возбуждаетъ желаніе заняться этой высокой мудростью; Астрономія сама сознается, что не здѣсь, не въ азбуковникѣ, можно найти ея содержаніе, но гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, въ какой-то „*въ книзѣ своей* шествіемъ и дѣйствомъ явлюся всяко“. Что это за книга, рѣшить трудно: можетъ быть, здѣсь намекаютъ о какой-нибудь Астрономіи, о руководствѣ, или просто объ астрономическомъ сочиненіи, изъ котораго взято содержаніе предисловія. Можетъ быть, и тѣмъ больше достовѣрно это предположеніе, что сей часъ же за этимъ упоминаніемъ о какой-то *своей книгѣ*, Астрономія какъ будто заимствуетъ содержаніе изъ этой книги, говоря о знакахъ зодіака: „Овенъ мой хребтомъ на полнощь, главою же на востокъ; къ солнцу восходитъ и *Левъ*, да восходитъ и заходитъ обращаяся; *Стрѣлецъ* же восходитъ право и заходитъ стремглавъ, яко низверженный“, и прочая... Содержаніе этой науки, разумѣется, солнце, луна, *планеты и звѣзды* (какъ видно, понималось различіе между *звѣздами и планетами*); затѣмъ предметы ея — счисленіе времени по солнечному и лунному обращенію. Періодъ обращенія луны въ азбуковникѣ опредѣленъ въ 29 дней и въ полдня и въ пять часовъ, и еще съ получасомъ и съ пятой частью часа (т.-е., 29 дн. 17 час. и $42^{6}/_{7}$ мин.). Въ предисловіи, кромѣ того, есть ссылка на извѣстнаго древняго астронома Атланта („премудрый Атланъ, иже въ небо біетъ“).

Здѣсь оканчиваются объясненія семи свободныхъ художествъ и, послѣ небольшой главы, въ которой находится обращеніе къ дѣтямъ и желаніе пользы отъ пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, оканчивается самый азбуковникъ.

Какъ видимъ, содержаніе этого учебника довольно разнообразно и имѣетъ свои достоинства, которыя выигрываютъ въ нашихъ глазахъ еще больше, когда мы примемъ во вниманіе, что азбуковникъ этотъ служилъ только вспомогательной

книгой при другихъ руководствахъ, преподававшихся въ школахъ; что свѣдѣнія, собираемыя въ немъ, не были окончательными итогами обученія юношества, а оно пріобрѣтало познанія болѣе обширныя, училось еще многому, чего нѣтъ въ азбуковникѣ, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣста его. Азбуковникъ этотъ читался ученикамъ, что называется, *между дѣломъ*, какъ читались и другія книги разнообразнаго содержанія, и читались *во всякое свободное отъ ученія время* (во время, напр. „*хлѣбоядьнія и отъ ученія престатія*)". читался и учителемъ, и *старостами*, за отсутствіемъ учителя. А ученіе шло своимъ чередомъ, и юношество въ урочные часы училось письму, славянской грамматикѣ, риторикѣ и стихотворному искусству: занималось силлогизмами со всѣми хитростями тогдашняго обученія; изучало *целя́бы*, знаніе которыхъ считалось необходимымъ для *виршеслагательства;* знакомилось съ нововведеннымъ тогда *риѳмомъ*, находя его у *досконалаго казнодѣя Симеона Полоцкаго;* узнавало „степени стихотворныя мѣры" и „единъ на десять родовъ стиха" и ироїскій, и ямвійскій, и сафійскій, и гликонскій и пр.; наконецъ, какъ надо полагать, *училось сочинять* сначала сентенціи и двустишія, потомъ „привѣтства", преимущественно же посланія въ стихахъ (*по краеграненію*) и въ прозѣ, что все подтверждается разнообразными статьями нашего сборника и находящимися въ немъ азбуковниками, которыхъ можно насчитать до десяти.

Въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ преимущественное вниманіе обращалось, по всѣмъ вѣроятіямъ, на изученіе правилъ и свойствъ славянскаго языка, и вообще на то, что мы называемъ словесностью въ обширномъ смыслѣ, т.-е. собственно какъ понимали это слово въ нашей старой Руси; конечно, на первомъ планѣ были божественныя книги; но и знаніе грамматики сильно занимало умы. Не надо забывать при этомъ, что объемъ грамматики былъ гораздо обширнѣе того, въ какомъ принято понимать ее въ настоящее время: извѣстно, что чѣмъ больше развивается какая-либо наука, тѣмъ болѣе дробится она на отдѣльныя части, и каждая часть, въ свою очередь, становится почти самостоятельной наукой. Изъ семи свободныхъ искусствъ, изъ семи, если можно такъ выразиться, наукъ, которыя были въ древности достояніемъ человѣческаго разума, развилось теперь столько отдѣльныхъ отраслей, столько

независимыхъ наукъ, что число ихъ становится даже невѣроятнымъ. Наши отцы подъ словомъ „*грамматика*" разумѣли очень многое и требовали отъ грамматики всего, чему учитъ теперь вся теорія словесныхъ наукъ; и потому съ изученіемъ грамматики соединяли они и реторику, и стилистику, и даже піитику. Я сказалъ, что, по всей вѣроятности, на грамматику обращали преимущественное вниманіе, — и это очень естественно, оттого въ нашемъ сборникѣ, между разными азбуковниками и руководствами, попадается очень много грамматическихъ отдѣловъ, и при томъ очень различнаго содержанія. Въ числѣ ихъ видимъ мы большія выписки изъ грамматики Смотрицкаго, съ означеніемъ, на поляхъ, листовъ ея изданія. Хотя имя автора и не названо здѣсь, но по содержанію можно удостовѣриться, что это отрывки изъ Смотрицкаго. Такъ, между прочимъ, въ отдѣлѣ стихосложенія находится его знаменитый гекзаметръ:

Сарматски новорастныя Мусы стопу перву.
Тщащуюся Парнасъ въ обитель вѣчну заяти, и пр.

На основаніи этихъ выписокъ можно полагать, что руководство грамматики Смотрицкаго не было чуждо и нашимъ школамъ. Я говорю о школахъ великороссійскихъ. Что же касается до училищъ Югозападной Россіи, то къ нимъ нельзя примѣнять того, что говорится о великорусскихъ школахъ; въ Югозападной Россіи образованіе шло инымъ путемъ, и училища ея стояли на высшей степени развитія: тамъ, конечно, грамматика Смотрицкаго была на своемъ мѣстѣ, потому что тамъ и ея родина. Но я говорю относительно того, что она не была чужда и для школъ Великой Россіи, особенно если примемъ во вниманіе то, что собраніе азбуковниковъ, которыми я теперь пользуюсь, сдѣлано въ Соловецкой обители, на самомъ дальнемъ сѣверѣ Великороссіи.

Кромѣ Смотрицкаго, въ азбуковникахъ находятся отдѣлы изъ грамматикъ неизвѣстныхъ сочинителей. Такъ, напримѣръ, здѣсь есть еще цѣлый азбуковникъ однозвучныхъ словъ и синонимовъ, которые всѣ истолкованы помощью грамматическихъ правилъ и объяснены примѣрами въ родѣ слѣдующихъ: *рака* имѣетъ три значенія, и какъ Сирское *рака* значитъ *ты*, *плюю на тя*, а *ракъ* — животное, какъ говорится, *поималъ рака*, и *рака* въ значеніи гроба; *шила* тоже: „*шила* жева портище",

или „*шила* сапожнаго дѣла“; „*шилъ* сапоги“ и „*шилъ* подшивалныхъ или начальныхъ кузнецъ“. Есть здѣсь *Азбуковникъ неудобоворазумѣваемымъ рѣчемъ*, которые въ другихъ рукописяхъ носятъ названіе „*Алфавитовъ*“ и замѣняютъ наши *словари*. Этотъ азбуковникъ довольно пространный и вмѣщаетъ въ себѣ слова не только стараго славянскаго языка, но греческаго, латинскаго, слова южнорусскія и польскія (по Памвѣ Берындѣ, какъ кажется), чешскія, сербскія, болгарскія и другія. Въ особенности для учащихся эти словари были необходимыми руководствами. Есть, наконецъ, правила и толкованія *силлабическаго* стихосложенія, сочиненныя, какъ видно, нашимъ составителемъ и списателемъ сборника.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что объемъ преподаванія въ нашихъ до-Петровскихъ школахъ очень достаточенъ для того времени. По азбуковникамъ нельзя рѣшить положительно, преподавались ли еще какіе-либо другіе предметы; но для школъ, имѣвшихъ цѣлію *первоначальное обученіе* юношества, довольно очень и того, что преподавалось, т.-е. что отыскали мы въ азбуковникахъ. Наше юношество возвращалось изъ школъ въ домъ родительскій съ такими познаніями, которыя дѣлаютъ честь имъ самимъ, ихъ педагогамъ и школамъ, въ которыхъ они воспитывались; а это лучшее мѣрило степени нашего развитія въ періодъ, предшествовавшій Петровымъ преобразованіямъ. Такимъ образомъ, XVII-й вѣкъ еще нѣсколько выигрываетъ въ нашихъ глазахъ и пріобрѣтаетъ новыя права на вниманіе.

Достойно замѣчанія, что въ азбуковникахъ есть образцовыя посланія въ стихахъ и прозѣ и разныя привѣтственныя двустишія. которыя можно говорить и наизусть, и писать кому-либо. Съ какой цѣлью прилагалось это къ азбуковникамъ? И надо прибавить, что самыя „привѣтства“ и посланія носятъ тоже названія азбуковниковъ. Еще бы оно было понятно въ какомъ-нибудь сборникѣ разнообразнаго содержанія, и притомъ въ особенномъ отдѣлѣ, а то, напротивъ, эти посланія составляютъ какъ бы часть школьныхъ учебниковъ, необходимую принадлежность этихъ руководствъ; и сверхъ всего, этихъ образцовыхъ сочиненій въ нашемъ сборникѣ нѣсколько: письма занимаютъ больше ста листовъ и „привѣтства“ столько же. Не были ли эти сочиненія образцами для учащихся? Не училось ли по нимъ само юношество сочинять подобныя посланія и „привѣтства“? Положимъ, „привѣтства“ учились воспитан-

викамп наизусть, тогда остается неразгаданною цѣль, съ которой помѣщались въ азбуковникахъ образцовыя письма. Развѣ съ такой, съ какой издаются въ настоящее время „Письмовники" и „Опытные Секретари"? Можетъ быть. Тогда дѣйствительно воспитанники могли учиться по нимъ *сочинять*. Намъ кажется, что это предположеніе не лишено вѣроятія.

Образцовыя „привѣтства" разсѣяны по разнымъ отдѣламъ нашего сборника. Многія изъ нихъ чрезвычайно наивны и характеризуютъ эпоху, въ которую мы еще нуждались въ такихъ вспомогательныхъ средствахъ; большая часть „привѣтствъ" есть не что иное, какъ *комплименты* и bons-mots тогдашняго русскаго общества. Такъ, напримѣръ, если я хочу сказать комплиментъ имени моего знакомаго, или благодѣтеля, то азбуковникъ совѣтуетъ писать риѳмы: «*Прохору:* во отвѣтехъ тихому говору"; или: „любящему житіемъ пустынную гору"; — „*Данилу:* не любящему весма рѣчь гнилу"; — „*Давиду:* на неправыхъ жестокому виду"; — „*Марку:* готовящемуся къ небесному браку", или: „разрушающему злобную драку", и проч. Знакомыхъ же свѣтскаго званія учили привѣтствовать риѳмой „на отеческое имя"; напримѣръ: *Сидору Павловичу:* „небеснаго и нерукотвореннаго Іерусалима гражданичю!" Конечно, это очень забавно, но въ свое время считалось остроумнымъ и деликатнымъ, а главное — необходимымъ для всякаго свѣтскаго образованнаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, вѣроятно, и для всякаго обучающагося книжной мудрости. Въ нашихъ азбуковникахъ есть „привѣтства" на всевозможные случаи въ жизни. Для примѣра приведу изъ одного азбуковника образцовыя фразы, которыя говорятся къ гостямъ:

Хлѣбомъ и сему подобными Бога ради кормитеся,
Отъ прилучившихся говядъ и баранъ, или водоплавныхъ посилйтеся,
Цѣжденнымъ двоякимъ или трояким питіемъ прохладитеся,
Ради утренняго похмълья не скорбите,
Скоро пораву до здѣ приходите,
Тѣми же избытки заутро мы уготовимся,
Утро съ приходящими во славу Божію *опохмелймся*.
Хотяй кто пресѣкати чюжія рѣчи,
Отсылаемъ таковаго къ теплой печи,
Целбы мѣсто грѣть плечи,
Чтобъ не пресѣкалъ чюжія рѣчи;

Рядовое же питіе всѣмъ въ подносѣ,
Стоящій тамо не будетъ въ обносѣ;
Тамо ему егда прискучитъ,
Узнавъ себе, не будетъ инѣмъ докучить.

Въ подобныхъ произведеніяхъ всего живѣе рисуется характеръ времени, удаленнаго отъ насъ двумя, или болѣе, столѣтіями. Всѣ эти фразы сами по себѣ очень забавны. Изъ образцовыхъ привѣтствій мы видимъ, что когда наши предки собирались къ кому на пиръ и послѣ пира приходили опохмеляться, то соблюдали должную благопристойность: перебивающаго чужія слова, въ наказаніе, лишали мѣста и ставили къ печи, чтобъ онъ, говоря иронически, грѣлъ тамъ плечи; впрочемъ, угощеніемъ его не обносили, а потчевали наравнѣ съ другими гостями. Притомъ надо сказать, что всѣ „привѣтства" азбуковниковъ имѣютъ свой интересъ, и иныя изъ нихъ не глупы, иныя же очень поучительны. Надо думать, что на подобныхъ фразахъ юношество въ первый разъ упражнялось въ сочиненіяхъ, переходя отъ легкаго къ болѣе трудному и важному.

Всякій согласится, что матеріалы, представляемые азбуковниками, относительно объема обученія въ Россіи XVII-го вѣка, не очень сильное свидѣтельство въ пользу нашего образованія; но всякій знаетъ, что предки наши были много образованнѣе и знали гораздо больше того, что пріобрѣтали въ школахъ: все-таки школьное ихъ обученіе было очень ограниченно, и если было нѣсколько пространнѣе того, какъ мы находимъ въ азбуковникахъ, то развѣ только ариѳметикою, т. е., *цифирью,* географіею, т.-е., космографіею, и исторіею, имѣвшею лѣтописный, или хронографическій, характеръ. Всего же того, что представляетъ намъ наша богатая письменность XVII-го вѣка, всего, что знали *спеціалисты*-предки (а у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ были и спеціалисты), всѣхъ познаній, обращавшихся тогда въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, конечно, не преподавали въ школахъ, особенно въ школахъ для первоначальнаго обученія.

Мы знаемъ изъ нашихъ памятниковъ только одно, что объемъ преподаванія въ школахъ до-Петровской Руси былъ довольно ограниченъ, — и только. Но чрезъ это до Петровская Русь не должна ничего терять въ нашемъ мнѣніи: она стояла на очень высокой степени развитія умственныхъ силъ своихъ, но только

не со стороны школъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ Россія вступала въ новую колею своего образованія и успѣла пройти уже много къ высокой цѣли развитія; а школы шли медленнѣе ея, хотя тоже начинали жить новою жизнью. Однимъ словомъ, Россія развивалась быстрѣе, чѣмъ тѣ источники, изъ которыхъ должно было проистекать ея развитіе.

Мордовцевъ.

Педагогическія элементарныя училища Южной Руси.

Интересно будетъ сравнить нѣкоторыя статьи азбуковниковъ съ подобными положеніями въ Уставѣ Луцкой школы. Это сравненіе необходимо и тѣмъ, что, несмотря на неодинаковость состоянія училищъ въ Великой Россіи и училищъ въ Южной ея части и на Волыни, все же эти послѣднія были отчасти наши училища, русскія, и потому само по себѣ интересно знать ихъ устройство, которое, можетъ быть, нѣсколько объяснитъ намъ состояніе нашихъ великорусскихъ школъ и покажетъ новыя стороны, еще неизвѣстныя изслѣдователямъ старинной русской педагогики.

Прежде всего надо сказать, что Луцкая школа была не частнымъ, а общественнымъ заведеніемъ, и потому правила ея имѣли особыя статьи, не могущія итти въ сравненіе съ правилами частныхъ школъ, какія были въ то время въ Великороссіи. Вслѣдствіе этого, разумѣется, въ азбуковникахъ мы не нашли статьи относительно пріема воспитанниковъ, что въ южнорусскихъ училищахъ дѣлалось съ разными предварительными условіями. Уставъ говоритъ: „Каждый кто поступаетъ въ наши школы для обученія, долженъ, явившись *Ректору,* съ его дозволенія, присматриваться сначала три дня къ ученію, порядку, а бѣдный (въ подлинникѣ: „нищій“) и къ содержанію, не бывъ еще допущенъ вполнѣ ни къ какому занятію школьному. Сіе для того, чтобы, поспѣшно начавъ, скоро не раскаялся и не оставилъ предпріятія: ибо каждый долженъ ходить въ школу не одну четверть и не годъ, но пока не окончитъ наукъ: и только съ такимъ условіемъ принимаемъ будетъ.“ Присмотрѣвшись, если не захочетъ вступить въ школу, то отходитъ съ благословеніемъ; а если согласится, то долженъ объявить *старшему* и, внесши въ школьную кружку четыре

гроша, зачисляемъ былъ отъ *пенитарха* въ число учениковъ и вносился въ большой школьный списокъ.

Какъ въ нашихъ азбуковникахъ, такъ и здѣсь, есть *старшіе,* которымъ воспитанники обязаны были повиноваться, какъ и самому *учителю*, потому что, прибавляетъ Уставъ, „если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ, даже самыхъ низкихъ, имѣетъ мѣсто, и притомъ первѣйшее, тѣмъ болѣе *въ наукахъ свободныхъ* („въ наукахъ вызволенныхъ"), которыя всѣ прочія науки, искуства и ремесла далеко превышаютъ.

Но такъ какъ въ школѣ обучали „разнымъ діалектамъ," и опредѣлены были осóбые часы, въ какіе чему должно учиться, то воспитанникъ, поступившій въ школу и „не могучи и наукъ, которыи ся тутъ традуютъ, и себе до которои есть способенъ рыхло зрозумѣти," долженъ посовѣтоваться съ начальникомъ школы, „за якую науку взятися маетъ". И что присовѣтуетъ ему начальникъ (сообразивши его лѣта, наклонности и способности), за то онъ и долженъ приняться съ охотою, если только сами родители не назначили уже его къ извѣстной отрасли науки; да и тѣмъ, говоритъ, нужно совѣтовать полезнѣйшее.

Вотъ предварительныя условія, которыхъ мы не встрѣчали въ правилахъ великорусскихъ школъ, или, можетъ быть, не встрѣтили только въ нашихъ азбуковникахъ.

Затѣмъ всѣ другія статьи Устава болѣе или менѣе сходны съ правилами, помѣщенными въ азбуковникахъ. Въ числѣ самыхъ первыхъ статей помѣщены правила о наказаніяхъ, которыя такъ подробно изображены въ азбуковникахъ; здѣсь они написаны болѣе спокойнымъ тономъ: за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо; не только мірски, но и выше мірскаго. Въ другой статьѣ добавлено, что для внушенія дѣтямъ хорошихъ правилъ,

„И памятного маетъ не боронити,
По чаши школнои испити".

Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ извѣстныхъ въ малороссійскихъ школахъ *субитокъ*,—когда каждую субботу сѣкли школьниковъ, что называется, въ запасъ, чтобы они были умны и на будущее время; вѣроятно, *памятное* и было въ этомъ случаѣ запаснымъ предостереженіемъ отъ дурныхъ поступковъ.

Слѣдующія за симъ статьи имѣютъ также много общаго съ правилами „Школьнаго благочинія“ азбуковниковъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы знаемъ, что ни богатство, ни знатность происхожденія не давали воспитанникамъ правъ на предпочтеніе ихъ передъ дѣтьми бѣдныхъ родителей; что ученики сидѣли въ классахъ по достоинству, на мѣстахъ, указанныхъ учителемъ. Въ Уставѣ Луцкой школы выражено то же самое, что каждый ученикъ долженъ садиться на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ, назначенномъ *по мѣрѣ* его *успѣховъ:* „Который болшей умѣти будетъ, сидѣти вышшей маетъ, бы и *барзо нищъ былъ;* который меншей умѣти будетъ, на подлѣйшомъ мѣсцу сидѣти будетъ. Богатый надъ убогихъ у школѣ нѣчимъ вышшіи не маютъ быти, толко самою наукою: плотію же равно вси“. Учителю же вмѣнялось въ обязанность одинаково заботиться о своихъ воспитанникахъ, какого бы званія и состоянія ни были они, и каждому удѣлять своихъ трудовъ поровну: „Учити *даскалъ* и любити маетъ дѣти всѣ за ровно, якъ сыновъ богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ, и *которые ходятъ по улицамъ живности просечи*“.

Собираться въ школу положено было къ 9-му часу. Каждое утро учитель обязанъ былъ наблюдать, чтобы собирались всѣ воспитанники; а если который изъ нихъ не приходилъ, то посылали узнать о причинѣ: или „забавилъ ся инде игранемъ, или дома ся облѣнилъ, или надъ потребу спалъ“. Обязанность смотрѣть за приходящими возложена была на тѣхъ изъ учениковъ, которые въ азбуковникѣ называются „старостами“, и которые должны были сидѣть у дверей школы и наблюдать за входящими и выходящими, записывая тѣхъ, которые позволяли себѣ шалости и непристойные поступки. Собравшись въ классъ, ученики до тѣхъ поръ не начинали учиться, пока не были прочтены *молитвы и предисловіе обычны.* То же самое видѣли мы въ азбуковникахъ. Мы знаемъ, что въ великорусскихъ училищахъ положено было прослушивать уроки утромъ, въ противность обычаямъ заграничныхъ школъ; въ Славенороссіи заграничная школьная дисциплина считалась *зазорною.* Въ Южной Россіи это дѣлалось такъ же, какъ и въ Великороссіи, именно: прочитавъ обычныя молитвы, ученики прослушивались, показывали затѣмъ свое писанье, что каждый успѣлъ написать дома, и *дѣлали выкладъ науки своей,* то-есть, вѣроятно, истолковывали то, что было имъ задано. Потомъ, ко-

нечно, должны были учиться по частямъ псалтири или грамматикѣ съ разборами и „*инымъ многимъ потребнымъ наукамъ*“. Послѣ обѣда каждый долженъ списывать для себя *на таблицу* свой урокъ, а малолѣтнымъ обязанъ былъ писать самъ учитель. Выучивъ въ школѣ „трудныя слова“, ученики должны были другъ друга спрашивать, отходя домой, или собираясь въ школу; дома же обязаны были говорить свои уроки или родителямъ, или хозяину, у кого живутъ на квартирѣ. Это мѣсто Устава Луцкой школы даетъ намъ возможность рѣшить недоумѣніе г. Лавровскаго, который *ни въ какихъ древнихъ памятникахъ* не находитъ свидѣтельства о томъ, диктовалъ ли учитель своимъ воспитанникамъ назначенный урокъ, или давалъ имъ готовыя тетрадки, съ которыхъ они списывали, что имъ было задано. Хотя рѣшеніе этого вопроса не принесетъ большой пользы наукѣ, однако, по Уставу Луцкой школы, можно догадываться, что уроки, по крайней мѣрѣ въ Южной Россіи, диктовались учителемъ и записывались учениками *на табличкахъ; малолѣтнымъ же писалъ самъ* учитель. Можетъ быть, то же самое было и въ великорусскихъ школахъ, за неимѣніемъ печатныхъ руководствъ.

Въ правилахъ азбуковниковъ строго запрещалось ученикамъ разсказывать то, что происходило въ школѣ, то-есть *не выносить сору изъ избы*, или, какъ сказано въ азбуковникѣ, „не выносить за порогъ школы словеснаго сору“. То же самое помѣщено и въ Луцкомъ Уставѣ: „*Въ школѣ што ся колвекъ мовити, албо дѣяти будетъ, жаденъ за порогъ школный выносити не маетъ*“.

Что запрещалось азбуковниками въ отношеніи правилъ благопристойности — не толкаться, не подмигивать глазами, не перешептываться, то же самое видимъ мы и въ Луцкомъ Уставѣ: сидѣть въ классѣ смирно, „безъ розмовъ и шептовъ, миговъ, и до себе прехажокъ“ и пр.

Въ великорусскихъ школахъ назначалось поочередно нѣсколько учениковъ, на которыхъ возлагали обязанность мести школу, топить печь, носить воду и пр.; воспитанники южнорусскихъ школъ также не были избавлены отъ подобныхъ обязанностей. Въ „артикулѣ“ 16-мъ постановлено избирать поочереди двухъ или четырехъ мальчиковъ въ слѣдующія должности: „дѣло ихъ будетъ *ранѣй до школы прійти, школу помести, въ печи запалити, и у дверей сидѣти;* а которые

выходятъ и входятъ, о всѣхъ вѣдати, и которые бы ся не учили, пустовали, или въ церкви не рядне стояли, или до дому идучи обычайне бы ся не заховали, написовати и оповѣдати ихъ маютъ".

По правиламъ азбуковниковъ полагалось въ субботу заниматься повтореніемъ всего выученнаго въ продолженіе недѣли; въ этотъ же день учитель читалъ въ школѣ разныя поучительныя наставленія о благопристойности, о почитаніи родителей, о праздникахъ и пр.: въ воскресенье утромъ воспитанники собирались снова въ школу и слушали толкованіе литургіи, Евангелія и проч. до той поры, пока звонъ колокола не призывалъ ихъ къ слушанію Божественной службы. Тѣ же самыя правила изложены и въ Уставѣ: „Въ субботу должны повторять все, чему учились въ продолженіи недѣли. Послѣ же обѣда учитель обязанъ не малое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божію и чистымъ юношескимъ нравамъ: какъ они должны быть въ церкви предъ Богомъ, въ домѣ предъ родными своими, и какъ имъ вездѣ сохранить добродѣтель и цѣломудріе" и т. д. Потомъ: „Въ воскресенье и въ праздники господскіе, пока пойдутъ къ литургіи, учитель обязанъ со всѣми бесѣдовать и наставлять ихъ о томъ праздникѣ, или святомъ дѣлѣ, и учить ихъ волѣ Божіей. А послѣ обѣда долженъ всѣмъ изъяснить праздничное Евангеліе и Апостолъ."

Не вдаваясь въ излишнія подробности о школьныхъ порядкахъ и сходствѣ ихъ, замѣчу, что объемъ обученія въ Луцкой школѣ былъ гораздо обширнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ школахъ, какъ мы знаемъ о нихъ изъ азбуковниковъ и другихъ памятниковъ старины. Это снова доказываетъ, что элементарныя южнорусскія школы стояли гораздо на высшей степени развитія, чѣмъ школы Великой Россіи. Составъ наукъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ, былъ слѣдующій: такъ какъ школа носила названіе Греко-Латино-Словенской, то, конечно, воспитанники ея не были чужды знанія этихъ языковъ; но, кромѣ языковъ, преподавались и другіе предметы, о чемъ говоритъ самъ Уставъ: „Напервѣй, научившися складовъ, литеръ, потомъ Грамматики учатъ, притомъ же и церковному чину учатъ, читанію, спѣванію; также учатъ на каждый день, абы дѣти единъ другаго пыталъ по Грецку, абы ему отповѣдалъ по Словенску, и ты жъ пытаются по Словенску, абы имъ

отповѣдали по простой мовѣ. И ты жъ не маютъ зъ собою мовити простою мовою, ено Словенскою и Грецкою, а такъ нынѣ тому учатся, до болшихъ приступаючи, *къ Діалектице и реторице, которые науки по Словенску переведенные, Рускимъ языкомъ списано, Діалектику и Реторику и иные философъскіе писма школь належачіе*". Это свидѣтельство о нашихъ школахъ очень важно. Въ другомъ мѣстѣ Устава говорится о предметахъ, преподававшихся въ Луцкой школѣ: „Повиненъ будетъ даскалъ учити и на писмѣ подавати отъ святого Евангелia, отъ книгъ Апостольскихъ, отъ Пророковъ всѣхъ, отъ Отецъ Святыхъ ученія, *отъ философовъ, отъ поетовъ, отъ гисториковъ и прочая*". Только какіе это были „философы, поэты, историки", мы не знаемъ: всего скорѣе латинскіе, потому что Горацій и Тацитъ — любимые авторы, которыхъ знала старая образованная Малороссія. Затѣмъ учились *пасхаліи*, *лунному теченію*, *личбѣ* (т.-е. счисленію), *рахованю* (почти то же счисленіе: не ариѳметика ли?) и *мусикѣ* церковнаго пѣнія" (Уставъ, стр. 106—107).

Какъ видимъ, составъ школьнаго образованія въ элементарномъ училищѣ Южной Россіи былъ далеко не бѣденъ, и если прочія школы хоть сколько-нибудь были похожи на Луцкую, то юношество того края было довольно хорошо образовано по своему времени. Не смѣю утверждать, что такое же образованіе давалось и въ великорусскихъ школахъ до-Петровскаго времени: этого не видно изъ дошедшихъ до насъ памятниковъ; но всего вѣроятнѣе, что Великая Россія и въ этомъ отношеніи далеко уступала Малороссіи.

Мордовцевъ.

Старинные учебники для первоначальнаго обученія дѣтей грамотѣ и отношеніе ихъ къ букварямъ Петра Великаго.

Въ 1596 г., въ друкарнѣ православнаго братства, въ Вильнѣ, былъ напечатанъ букварь, подъ заглавіемъ „Наука ку читаню и розумѣню писма словенского, тутыжъ и о святой троици и о вочеловѣченіи Господни". Здѣсь, кромѣ азбуки, складовъ, молитвъ (въ Символѣ вѣры въ членѣ о св. Духѣ нѣтъ прибавленія слова истиннаго) и лексиса, или толкованія нѣкоторыхъ реченій, прибавлены статьи: а) Стефана Зизанія изло-

женіе о православной вѣрѣ (въ вопросахъ и отвѣтахъ изложены понятія о таинствахъ и св. Троицѣ); б) о вчеловѣченіи Господни и в) о знаменіи крестномъ. Эти статьи были вызваны тогдашними событіями въ юго-западной Руси: въ концѣ XVI вѣка начала тамъ дѣйствовать католическая пропаганда, и братья, Стефанъ и Лаврентій Зизаніи, извѣстные противники папства, старались въ разсматриваемомъ букварѣ, за неимѣніемъ еще тогда катихизиса, истолковать главнѣйшіе догматы, принимаемые православною Церковію и отличающіе ее отъ прочихъ христіанскихъ исповѣданій.

Другой букварь изданъ въ Вильно же, 1621 года: „Грамматика албо сложеніе писмена хотящымъ ся учити словенскаго языка младолѣтнимъ отрочатемъ", съ картинкою на заглавномъ листѣ, изображающею классъ и учителя, который наказываетъ розгами ученика. Въ этомъ букварѣ предполагалось, при обученіи азбуки, знакомить ученика и съ грамматикою, почему въ началѣ сказано: „а сія азбука, отъ книги осмочастныя, сирѣчь грамматикіи". Азбука изложена такъ: азъ, буки, буди онъ, будеши ты, будетъ той, будива мы два, будимо со мною и т. д.; въ концѣ примѣры для объясненія страдательнаго залога; о просодіи дано понятіе въ примѣрахъ: буди и будй, варите и варите и проч.; ореографія показана въ собраніи словъ по алфавиту, писанныхъ подъ титлами. Послѣ молитвъ слѣдуютъ разныя наставленія сначала къ дѣтямъ о благочестіи, кротости и повиновеніи, а потомъ къ родителямъ: „къ вамъ же, отцы и учители, тако глаголемъ: не отымай отъ дѣтища твоего казни: безуміе-бо есть привязано въ сердцы отрочате. Жезломъ же наказанія ижениши его; дѣтищу, иже даютъ волю его, напослѣдокъ посрамитъ матерь свою, аще ли накажеши его жезломъ, не умретъ отъ того. Ты бо жезломъ біеши его, душу же его отъ ада избавиши; аще ты въ юности накажеши его, а онъ упокоитъ тебѣ на старость твою. Тѣмъ же и апостолъ сице глаголетъ: чада, послушайте своихъ родителей о Господи, еже есть первая заповѣдь во обѣтованіи, да благо будетъ вамъ и будете долголѣтны на землѣ". Эти совѣты о строгомъ обращеніи съ дѣтьми приняты были потомъ какъ неопровержимыя аксіомы, во многихъ изданіяхъ и начала XVIII вѣка (въ букваряхъ, Поликарпа и др.) За наставленіями помѣщены притчи Соломона, изреченія изъ Іисуса Сираха, поученія Товія сыну своему, а въ заключеніи „сказаніе,

како состави св. Кириллъ философъ азбуку по языку словенску и книги преведе отъ греческихъ на словенскій языкъ", которое попадается въ рукописяхъ XIV столѣтія.

Первый букварь въ Москвѣ вышелъ въ 1634 году „трудами и тщаніемъ, какъ сказано въ послѣсловіи, Василья Ѳеодорова Бурцева и прочихъ сработниковъ". Здѣсь нѣтъ предисловія, стиховъ и изображеній, а въ Символѣ вѣры—въ 6 членѣ есть уже прибавленіе „истиннаго". Трудъ и тщаніе Бурцова въ этомъ изданіи состояли въ томъ, что онъ, перепечатавъ въ своемъ букварѣ предыдущій виленскій, добавилъ послѣсловіе, которымъ отчасти объясняется, почему у насъ въ старину было такое презрѣніе къ иноземцамъ и въ то же время высокое мнѣніе о себѣ: „невѣрніи языцы... отъ праваго пути отступиша и св. крещенія и апостольскаго ученія не пріяша, но въ слѣдъ чюждихъ боговъ поидоша, и сами себѣ законы, и обычая, и грамоты изложиша; иніи же отъ еретикъ научени быша, и божественное писаніе развратиша, того ради и до днесь, яко во тмѣ невѣдѣнія, ходятъ. Нашъ же христіанскій родъ помилова Господь своею милостію и почте насъ славою и честію, паче всѣхъ языкъ, аще прежде и языцы бѣхомъ, но его, творца нашего и владыки всѣхъ, паки помилованы быхомъ и сподобихомся отъ него истинному богоразумію и пріяхомъ сѣмя благочестія"...

Изданный въ 1652 г. букварь въ Вильно не замѣчателенъ по содержанію, такъ какъ кромѣ молитвъ, заповѣдей, псалмовъ и азбуки, нѣтъ ничего.

Послѣ букваря Бурцова вышелъ въ Москвѣ букварь же другой редакціи, который намъ извѣстенъ только во 2-мъ изданіи 1664 года; первое же было не ранѣе патріаршества Никона, такъ какъ въ букварѣ отразились тѣ перемѣны, которыя были начаты этимъ іерархомъ: здѣсь Символъ вѣры безъ прибавленія въ 6 членѣ „истиннаго", и есть „Главизны отвѣщательны отъ посланія Паисія архіепископа Константинополя и вселенскаго патріарха къ св. патріарху Никону, кими персты подобаетъ всякому христіанину на лицѣ своемъ изображати образъ креста и како достоитъ архіерею или священнику благословляти христіанъ", съ изображеніями, какъ слѣдуетъ при крестномъ знаменіи слагать персты.

Въ томъ же 1664 г. изданъ букварь въ Кіевѣ: извѣстно, что тогда Малороссія не была еще совершенно подчинена по

духовнымъ дѣламъ московскому патріарху, а потому тамъ занимались иными вопросами, нежели въ Москвѣ. Кіевъ, по близкому сосѣдству съ Польшею, часто испытывалъ столкновенія съ католиками, и въ кіевскомъ православномъ букварѣ находимъ наставленіе, излишнее въ московскихъ: „книгъ геретецкихъ не читати и ихъ блюзнерскихъ мовь (богохульныхъ рѣчей) не слухати; а не будучи выцвичонымъ (просвѣщеннымъ), въ жадныи (никакія) контроверсіи не вдаватися, такъ тежъ на ихъ казаніяхъ (проповѣдяхъ) и сборискахъ не бывати". Это наставленіе тѣмъ болѣе любопытно для насъ, что почти дословно заимствовано кіевскими педагогами у враговъ ихъ, польскихъ іезуитовъ, для учениковъ которыхъ было поставлено: a libris perniciosis et inutilibus legendis prorsus abstineant. Neque ad publica spectacula, commoedias, ludos, neque ad supplicia reorum, nisi forte haereticorum, eant etc... Въ 1671 г. львовское братство издало букварь, гдѣ, кромѣ азбуки и складовъ, помѣщены обычныя молитвы, пятидесятый псаломъ, гимны на недѣлю на утрени, символъ Аѳанасія александрійскаго, исповѣданіе вѣры Амвросія медіоланскаго и Августина гиппонскаго, заповѣди. Въ концѣ, „для цвѣченя дѣтей по греческу, летерами русскими" напечатаны Отче нашъ, Царю небесный и Достойно есть.

Московскій букварь 1679 г., хотя по содержанію своему и полнѣе всѣхъ предыдущихъ, однако по духу и направленію съ ними одинаковъ. Здѣсь прибавлено: 1) „Благословеніе отроковъ, во училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ"; 2) Бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросами"— перепечатка статьи Стефанія Зизанія изъ виленской азбуки 1596 г. 3) „Привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе св. Духа и новое лѣто". Г. Забѣлинъ справедливо замѣчаетъ, что они „не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать, и заключаются въ однихъ только риторическихъ фразахъ".

Въ этомъ букварѣ воспѣты въ стихахъ розга, бичъ и жезлъ, рекомендованные въ виленскомъ букварѣ на картинкѣ и въ отеческомъ наставленіи:

Розга умъ востритъ, память возбуждаетъ
И волю злую къ благу прелагаетъ:
Учитъ Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службу ходити.

Бичь возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивые къ дѣлу побуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ научаетъ.

Въ обращеніи къ учащимся заключается утѣшеніе въ горечи таковой методы образованія:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте:
Та суть безвинна; тѣхъ не проклинайте
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.

Наконецъ въ 1696 году напечатанъ въ Москвѣ, въ 4°, „Букварь языка славенска хотящымъ дѣтемъ учитися чтенія писаній. Начало всѣхъ писменъ достолѣпное начертаніе; къ сему и иныя главизны потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою“. Здѣсь, послѣ стихотворнаго поученія учащимся, — азбука, склады. молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Съ 66 л. стиха: „Въ день св. Алексіа, человѣка Божія, на рождество благороднѣйшаго государя царевича и великаго князя Алексіа Петровича, марта мѣсяца въ 17 день“, гдѣ за похвалами св. Алексѣю говорится:

Ему (т. е. святому) съ именемъ государь царевичь
И великій князь Алексій Петровичь,
Всеросска царства господинъ преславный,
Въ бытности лѣтъ си родителемъ явный.
О немъ же отецъ, царь нашъ, веселится
Петръ Алексѣевичь о сынѣ свѣтлится.
Великій онъ князь, Россіи обладатель,
Сына своего въ любви обиматель.
Мати царица, великая княгиня
Сына пѣстуетъ, руками окиня,
Евдокіа днесь въ совѣсти си свѣтлѣй
Ѳедоровна во радости крѣплѣй.
Дѣвы царевны царевича любятъ,
Молитвы о немъ въ возрастъ благъ сугубятъ.
Вси сродственніи, народъ весь ко Богу
Вопіетъ: да дастъ здравость ему многу.
И крайвій пастырь, господинъ святѣйшій
Адріанъ, блаженъ патріархъ добрѣйшій.

Со всѣмъ соборомъ мольбы сотворяетъ,
Царстѣй свѣтлости всѣхъ блаженствъ желаетъ...

Тамъ же, на л. 69 „Благороднѣйшему великому государю царевичу и великому князю Алексію Петровичу въ перволѣтіе рожденія его 7198 привѣтство сотворися, іунія мѣсяца въ 29 день“, гдѣ говорится, что Богъ

Хранитъ и въ россахъ царевича красна,
Князя младенца, Алексіа ясна,
Господина всѣмъ Петровича блага,
Отцу, матери въ любви сына драга.
Праотцово бо онъ имя имѣетъ,
Зовомый память радостну содѣетъ.
Его же взрасти, Боже нашъ и творче,
Всея си твари премудрый обзорче:
Къ тебѣ бо есмы, къ тебѣ прибѣгаемъ,
Мольбы о царѣ Петрѣ приношаемъ,
Алексѣевичѣ, господарѣ россkомъ.
Спасай и съ сыномъ въ твоемъ кровѣ божскомъ.

Изъ всѣхъ этихъ стихотвореній видно, что букварь предназначался для царевича Алексѣя, и, быть можетъ, онъ по этой книгѣ учился грамотѣ. На л. 88, въ статьѣ „О ученіи привѣтство“ прописныя буквы въ началѣ и потомъ въ срединѣ стиховъ раскрываютъ имя составителя букваря — Каріона, іеромонаха Истомина:

Ко Богу юный въ молитвѣ прострися:
Азу племене въ любви присмотрися;
Разумомъ прочихъ научися склада,
Ісраильскаго насытишся сада.
О всѣмъ разумѣй добрѣ, всѣмъ привѣтствуй,
Наученіемъ вездѣ многолѣтствуй.
Іисусъ господь Ему Рабовъ Оныхъ
Возметъ си МОльбы НАукъ всѣХъ свободныхъ,
Иже Сія здѣ ТОщнѣ навыкаютъ
МИлости любве всѣхъ благъ Научаютъ...

Каріонъ Истоминъ составлялъ и другіе учебники, предназначавшіеся для царевича Алексѣя Петровича: такъ, въ мартѣ 1692-го года, онъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ писанный красками и золотомъ „Букварь славеноросcійскихъ

письменъ со образованми вещей и со нравоучительными стихами". Въ посвященіи, между прочимъ, говорится: „Да яко же ты, государыня благочестивая царица, внука твоего, благороднѣйшаго государя царевича Алексія Петровича любиши, такожде въ возрастъ временно пріятный пришедши, христіанскому благочестію, и благородному нраву и письменныя науки научити имаше: и аще ли тогда въ потребѣ имать сія книжица быти, молю и прошу тя, великую государыню, благослови сію днесь въ новости отъ мене, худаго вашего рабичища, пріяти и ему, государю царевичу Алексѣю Петровичу, сохранити до вразумляемаго въ возрастѣ ученія". Весь букварь состоитъ изъ изображеній, заимствованныхъ, судя по многимъ признакамъ, изъ какихъ-нибудь западныхъ изданій: „подъ всякимъ же писменемъ, говоритъ Истоминъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены виды во удобное знаніе въ складѣ: да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ писмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ, яко А — Адамъ, алекторъ, аспидъ и т. д. И на тѣ видообразныя вещи, приличны юнымъ людямъ, метафоричнѣ, сіесть преноснѣ, еже отъ вещей слово къ дѣлу потребну вземлется, стихи нравоучительны суть... А идѣ же въ вещѣхъ и словахъ букваря сего недосталость узрится, яко въ перводѣланіи, благоразумнѣ, неосуднѣ же, изволь каждый въ приличество исправити; ибо въ новости съ трудомъ и иждивеніемъ собрася и издася"...

Другой трудъ Каріона, оставшійся въ рукописи, называется „Малая грамматика", гдѣ изложена ореографія, научающая „естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ", и изображены весьма затѣйливо киноварью всѣ буквы славянскаго алфавита. Этотъ букварь съ грамматическими объясненіями посвященъ Алексѣю Петровичу: „Господь нашъ Іисусъ Христосъ во св. евангеліи зѣло похваляетъ учащихся книгамъ сице: всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая (Мате. 13). Сокровища есть сердца новая: св. евангеліе, апостолъ; ветхая — вся пророческія книги, яже воспріяла Церковь святая, и индѣ глаголетъ (Іоан. 5): испытайте писанія, въ нихъ же есть животъ вѣчный. Сицевыя ради вины надежно дерзнухъ и азъ малую сію грамматику истолковати, еже есть ореографію, яко подобное подобному, вашему царскому пресвѣтлому величеству, во юности сый успѣвающу,

бо та есть наказательница до всѣхъ мудростей. По апостолу, мужъ, совершенный возрастомъ, требуетъ твердыя пищи; младымъ же потребнѣйшая есть млеко, млеко же утѣшаетъ тѣло: письмо же умудряетъ душу, яко же философи повѣдаютъ десять чювствъ быти у человѣка — пять тѣлесныхъ, пять же душевныхъ; тѣмъ же млекомъ утолстѣютъ тѣлесныя чювства, душевная же именуются и духовная, яже ученіемъ писанія просвѣщаютъ умныя очи и даютъ знати по части видимая и невидимая, настоящая и будущая, поелику мощно человѣческому естеству воспріяти, аки даръ отъ Бога чрезъ ученіе мудрость. Наипаче же младые отроки воспріемлютъ во младости младое, еже есть ученіе грамматики; тако да воспріиметъ и пресвѣтлѣйшій нашъ монарховичъ таковое мое привѣтство: трудолюбіемъ властнымъ истолкованную, сію малую грамматику приносимую свѣтъ нашъ благорастворенною и высокою десницею да благоволитъ вселюбезно воспріяти, а мене, всегдашняго своего молитвенника, во своей си милости хранити. Послѣдній рабъ и всегдашній молятвенникъ іеромонахъ Каріонъ Зауменскій".

Вотъ букварь извѣстные намъ до начала XVIII вѣка; содержаніе ихъ достаточно показываетъ главную цѣль, которая имѣлась при обученіи грамотѣ въ Россіи до-Петровской, это — приготовленіе учащихся изъ духовныхъ къ занятію церковнослужительскихъ должностей и ознакомленіе міранъ съ молитвами и обрядами церковнослуженія.

Въ 1701 году въ Москвѣ напечатанъ „Букварь славенскими, греческими, римскими письмены учитися хотящимъ, и любомудріе, въ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся".

Составитель его, Өедоръ Поликарповъ, лицо довольно извѣстное въ письменности той эпохи: прилежный ученикъ грековъ Лихудовъ, онъ, послѣ удаленія ихъ, былъ учителемъ Славяно-греко-латинской школы, переводилъ съ греческаго труды своихъ наставниковъ (Акосъ, Мечецъ духовный), писалъ извѣстія о Московской духовной академіи и трудахъ своихъ учителей, управлялъ московскою типографіею. Поликарповъ, кромѣ того, занимался переводами и составленіемъ книгъ разнохарактернаго содержанія; такъ его трудомъ изданы: нѣсколько словъ Ефрема Сирина (въ переводѣ), Географія (въ переводѣ же), Словарь треязычный, предисловія и незначительныя дополненія къ грамматикѣ Смотрицкаго. Поликарповъ, какъ

и Копіевскій, обязанъ былъ браться за все, что требовалось тогда въ Россіи для дѣла просвѣщенія.

Онъ былъ, подобно Симеону Полоцкому, большой любитель слагать силлабическія вирши: во многихъ изъ изданій московской типографіи, когда она находилась подъ его управленіемъ, встрѣчаются эти вирши, то какъ подписи къ приложеннымъ тамъ изображеніямъ, то какъ объясненія въ назиданіе и услажденіе читателямъ. Въ одномъ стихотвореніи кн. А. Кантемира, обращенномъ къ Ѳеофану Прокоповичу съ хвалами его произведеніямъ, досталось и Симеону Полоцкому, и Ѳедору Поликарпову.

Сенька и Ѳедька, когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазаны двери скрипѣли
Ветчиною.

Этотъ ученый воспитывался въ Московской школѣ, „идѣже, по собственному его выраженію, нѣкоторый талантецъ славено-греко-латинскихъ наукъ, божіею помощію, пріобрѣтохъ“, и сначала смотрѣлъ подозрительнымъ окомъ на то, что напоминало Западъ: въ предисловіи къ своему букварю онъ говоритъ неодобрительно о произведеніяхъ классической древности, и это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Петръ вообще былъ неохотникъ до намековъ противъ того, что онъ одобрялъ. Въ началѣ предисловія разсказывается о сошествіи Св. Духа на апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ, далѣе слѣдуютъ похвалы царю, который, посредствомъ изданія книгъ въ московской типографіи, прославляетъ имя Божіе и умножаетъ вѣру святую греческую, а въ заключеніе сообщено, что въ Треязычномъ букварѣ умъ найдетъ не повѣствованія или рѣчи Солона, Ликурга, Цицерона, Виргилія или Овидія, но заповѣди Божіи или творенія Григорія Назіанзинина, „*не Есопа фригійскаго* (изданнаго, какъ извѣстно, Копіевскимъ) здѣ смѣхотворныя узрити *басни типографско зримы;* но обрящете себѣ предложенъ стостепенный въ небо восходъ (т.-е. стословецъ патріарха Геннадія). Прочее сію нынѣ, яко кринъ бѣлый, отъ всякія иновѣрныхъ враски чистъ въемше, смотрите“...

Служа въ царствованіе Петра Великаго, Поликарповъ имѣлъ достаточно времени, чтобы измѣнить свое мнѣніе, и въ предисловіи къ грамматикѣ 1721 говоритъ уже о необходимости

переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ сочиненій. Впрочемъ, московская типографія долго послѣ Поликарпова отличалась ревностью къ старинѣ, чему служатъ подтвержденіемъ замѣчанія въ 1757 г. товарища директора той типографіи Пельскаго, также ученика славено-греко-латинскихъ училищъ, на сочиненіе въ стихахъ Тредьяковскаго „Ѳеоптія". Въ числѣ „сумнительствъ" этой книги Пельскій отмѣтилъ стихи, въ которыхъ шла рѣчь о неподвижности солнца, обращенія около него земли и т. п. Тредьяковскій, возвратясь изъ-за границы, враждовалъ противъ старины и былъ непріятелемъ московской типографіи, но онъ не смѣлъ нападать на живыхъ, а потому съ особеннымъ задоромъ ратовалъ противъ автора Треязычнаго букваря, давно уже умершаго тогда. Тамъ, на основаніи греческой орѳографіи, считались необходимыми буквы ѯ, ѱ, ѵ, ѳ, и о послѣдней говорилось: „вмѣсто ѳ не глаголи ф, ниже т, яко Ѳеодоръ, а не Федоръ, ни Теодоръ, ни Хфедоръ: противно бо разуму по произведенію реченія, зане чрезъ ѳ — Ѳеодоръ = Богодарь, а чрезъ ф — Федоръ = Зміодаръ". Тредьяковскій, въ разговорѣ о правописаніи, возсталъ противъ ѳ Поликарпова: „отъ того времени, какъ Ѳеодоровскій триязычный букварь вышелъ на свѣтъ, всѣ гремятъ только что ею: нѣтъ у нихъ Ѳеопомпа, ни Ѳіопемта, ни Ѳеодота; одинъ токмо Ѳеодоръ подъ руками, Ѳеодоромъ вездѣ и отъ всѣхъ себя защищаютъ. Сіе жъ для того подлинно, что оный триязычный букварь Ѳеодоромъ изданъ".

Что касается до содержанія букваря, то въ немъ должно считать новыми шрифтами греческій и латинскій, которыхъ до того въ московской типографіи не было, также и склады и собраніе словъ на этихъ языкахъ, что, впрочемъ, заимствовано изъ вокабулъ, изданныхъ въ Амстердамѣ тѣмъ же Копіевскимъ, на котораго за изданіе басенъ Езопа намекалъ Поликарповъ, какъ на еретика. Изъ оглавленія прочихъ статей букваря видно, что многія изъ нихъ перепечатаны изъ старинныхъ букварей; добавлены же: Стихи нравоучительные Григорія Назіанзинина, Поученія Василія Великаго къ юнымъ, О жизни Григорія Богослова и т. п.

Поликарповъ не считалъ себя въ правѣ обойтись безъ старинныхъ поученій въ лицахъ: въ букварѣ есть двѣ картинки на одной изображена классная комната, около окна четыре ученика и по сторонамъ два учителя: напротивъ перваго —

школьникъ на колѣняхъ, а передъ лѣвымъ — мальчикъ, клавяющійся въ ноги; на полкѣ книги, и съ ними рядомъ двѣ плетки. Изображеніе снабжено стихами:

Хвалите Бога человѣку всяку:
Долгъ учитися письменъ словесъ знаку.
Ученіемъ бо благо разумѣетъ,
Въ царство небесно со святыми успѣетъ.
Тѣмъ же, юніи, въ трудѣ семъ бывайте,
Временъ и часовъ въ гульбѣ не теряйте.

На другой картинкѣ — тѣ же ученики и наставники: одинъ изъ послѣднихъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго передъ нимъ, а второй дидаскалъ сѣчетъ огромнымъ пукомъ розогъ разложеннаго на скамьѣ школьника. Стихи:

Всякій человѣкъ въ тишѣ поучайся:
Во службу Богу измлада отдайся.
Кто бо учится слогомъ съ охотою,
Языки ины речетъ добротою.
Угодство людемъ въ мудрости содѣетъ.
Пріятство оный вездѣ возымѣетъ:
Лѣнивіи же за праздность біются,
Грѣховъ творити всегда да блюдутся!

Въ 1704 и 1705 годахъ напечатанъ, также въ Москвѣ, „Букварь языка славенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію писаній". По составу своему онъ сходенъ съ старинными изданіями этого рода; въ него вошли заповѣди церковныя, изд. отдѣльно въ 1702 г. Предисловіе же рѣзко отличается отъ прежнихъ: здѣсь много сильныхъ выходокъ противъ неучей и доводовъ въ пользу просвѣщенія, и все это написано непремѣнно подъ вліяніемъ царя, который, по свидѣтельству Вебера, высказывалъ подобныя мысли своимъ придворнымъ.

„Горе нынѣшнимъ временамъ развращеннымъ, сказано въ томъ предисловіи, въ ня же обрѣтаются мнози, иже сія дражайшіе бисеры (т.-е. знанія) ногами безумнѣ попираютъ и, уповающе на свое погибающее богатство, о снисканіи некрадомаго и неистощимаго мудрости сокровища не радятъ ничто же. И еже есть паче тысящь злата и сребра, паче злата и

топазія дражайше: сіе у буихъ, тьмою невѣжества помраченныхъ, есть въ презрѣніи — вяще же реку, яко у нѣкіихъ есть въ поруганіи и ненависти: оле безумія! оле юродства, слезъ достойнаго! Нѣмцыи же хвалять мудрость: со множицею слышемъ глаголющихъ „ученье — свѣтъ, а неученье — тьма“; обаче и тіи исполняютъ мѣру отцевъ своихъ: хвалимаго бо удаляются и, яко же вранове, нощный мракъ невѣдѣнія любяще, свѣта боговѣдѣнія уклоняются, яко исполнится на нихъ онымъ словесамъ евангельскимъ: возлюбиша человѣцы паче тьму, нежели свѣтъ, бяху бо дѣла ихъ злая. И сій убо порокъ невѣжества елико мощно терпѣти въ мірянахъ, церкви святѣй на службу не причтенныхъ, но како мощно толико зло терпѣти въ лицахъ духовныхъ, на служеніе тайнамъ святымъ пріобщитися хотящихъ? Кто не вознегодуетъ, зря тьму невѣжества во іереяхъ, ихъ же Христосъ имѣти свѣтъ міру, глаголаше: вы есте свѣтъ міру! Кто христіанскимъ не поболитъ сердцемъ, зря слѣпыхъ отъ слѣпаго водимыхъ и къ ямѣ погибельной грядущихъ?... Веще во истину страха исполнена и ужаса — невѣжество въ начальникахъ! Горе кораблю, влающемуся посредѣ волнъ пучины морскія, правителя же невѣжду, управленія неискусна имущу. Горе болѣзнми одержиму и цѣлитеся хотящу, враче же проста и въ хитрости врачевной буя стяжавшу! Имѣяй уши слышати, да слышитъ!“ Заключеніе обращено къ духовенству: „А наипаче вы, іереи Господни, вы, священнослужители страшныхъ Христовыхъ Таинъ, иже рожденныхъ вами и сродныхъ, неученыхъ закону Господню, убѣждаете въ наслѣдство служенія вашего. Зрите опасно, каковыхъ хощете имѣти наслѣдниковъ и тайнамъ божественнымъ служителей. Аще бо простый міранинъ, о дѣтяхъ не пекійся, съ дѣтоубійцы вмѣняется по Златоустову ученію: кольми паче иже предстояти хотяй престолу владычнію (его же небесныя силы со страхомъ обстоятъ) не радяй о духовномъ сыновствѣ, дерзнетъ невѣжду вчинити тому въ служеніе...“

Въ 1717 году издано въ Петербургѣ „Юности честное зерцало“; въ началѣ этой книги есть азбука, слоги, цыфры и краткія нравоученія изъ Св. Писанія, затѣмъ все остальное переведено изъ какого-нибудь нѣмецкаго руководства и содержитъ въ себѣ правила, какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и т. п. Зерцало это должно считать

первымъ букваремъ, который предназначался для мірянъ, и потому не имѣетъ ничего общаго съ прежними изданіями этого рода.

Въ Духовномъ регламентѣ (1721 г.) говорилось, что для распространенія въ народѣ христіанскаго ученія прежнія книги, какъ по темнотѣ языка, такъ и рѣдкости ихъ, не могутъ быть доступны большинству; между тѣмъ духовенство не въ состояніи проповѣдывать въ церквахъ о догматахъ вѣры, почему и постановлено сочинить три „книжицы": первую „о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры нашей, тако жъ и о заповѣдяхъ Божіихъ, въ десятословіи заключенныхъ"; вторую — „о собственныхъ всякаго чина должностяхъ"; третью „таковую, въ которой собраны будутъ съ разныхъ святыхъ учителей ясныя проповѣди, какъ о главнѣйшихъ догматахъ, такъ и наипаче о грѣхахъ и добродѣтеляхъ и собственно о должностяхъ всякаго... Первую и вторую книжицу могутъ и дѣти учить изъ начала букварнаго своего ученія. А хотя овыя книжицы будутъ числомъ три, обаче могутъ въ одной небольшой книги всѣ три вмѣститься, чтобы малымъ иждивеніемъ могли быть купованы, и не токмо въ церквахъ, но и въ домѣхъ всякаго охотника безъ труда употребляемы".

Это намѣреніе приведено въ исполненіе было нѣсколько ранѣе изданія самого регламента, именно напечатаніемъ въ 1720 г., въ Петербургѣ: „Первое ученіе отрокомъ, въ ней же букви и слоги; таже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы господней, символа вѣры и девяти блаженствъ". Въ предисловіи „къ благочестивымъ родителямъ, воспитателямъ, приставникамъ, господамъ и всѣмъ прочимъ, имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ" читаемъ, что отъ воспитанія въ юношествѣ зависитъ вся жизнь человѣка, что подтверждается не только въ отдѣльныхъ лицахъ, но и въ народахъ: „въ которомъ народѣ многія свары, ненависти, коварства, татьбы и разбои, и прочія злонравія — не усумнѣвайся, что въ немъ нѣтъ добраго наставленія дѣтямъ". Наклонность ко злу у насъ отъ грѣхопаденія, но она еще болѣе усиливается отъ обращенія со злыми и входитъ въ привычку. „Какова же добра надѣется, гдѣ нѣтъ добраго дѣтямъ воспитанія? А воспитаніе таковое въ Россіи—кто не видитъ?—какъ скудно: мнози и благовѣстніи у насъ и богобоящіеся человѣцы, не вѣдая силы Закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣ-

даютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Не многіе ли обрѣтаются книгочіи, которые заповѣдей божіихъ, и символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ?.. Чѣмъ же таковый за книгопечатаніе свое лучшій отъ прочихъ? Ей, многажды хуждшіе и злѣйшіе бываютъ! Не паче бо страха божія за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научилися, глухое тое искусство обращаютъ себѣ на орудіе злобы, и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пасквили, портятъ записи, договоры, духовницы, притворяютъ указы. Нѣціи же, помышляя о себѣ, что, понеже читать умѣютъ, вельми мудры суть, дерзаютъ вымышлять плевельная ученія, мнимая имъ богословская, и въ народѣ расколъ дѣлаютъ".

Прежнія сочиненія для первоначальнаго обученія писались „славенскомъ высокомъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ", отчего и оставались непонятнымъ для дѣтей, а потому царь повелѣлъ издать для народнаго употребленія книгу, гдѣ истолкованы Законъ Божій, символъ вѣры, молитва Господня и десять блаженствъ евангельскихъ, съ тѣмъ, чтобы „отроцы, читать учащіеся, по буквахъ и слогахъ, во утвержденія чтенія своего, не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися"...

Изъ этого можно видѣть, что способъ обученія, предлагаемый въ Первомъ ученіи отрокомъ, былъ для своего времени нововведеніемъ. Книга возбудила толки и недовольство, чему служитъ доказательствомъ сохранившаяся въ рукописи современная обширная рецензія, подъ заглавіемъ „Мѣста примрачная, иже отъ безъименнаго автора (въ заглавіи не выставлено имени Ѳеофана Прокоповича: разумѣется, критикъ зналъ, кѣмъ написанъ букварь, однако, чтобы свободнѣе дѣлать нападки, показываетъ видъ, что ему сочинитель неизвѣстенъ) на славенскомъ языкѣ изданъ и Первое ученіе отрокомъ именованъ есть". Разборъ написанъ въ духѣ старинной полемики съ намѣреніемъ доказать, что Первое ученіе отрокомъ будто бы несогласно съ ученіемъ православной Церкви и можетъ быть вредно.

Не касаясь здѣсь этого разбора, такъ какъ по содержанію своему онъ относится собственно къ исторіи нашей духовной литературы, замѣтимъ, что въ немъ находятся также

возраженія и противъ того, что въ букварѣ заставляли дѣтей учить не псалмы и молитвы, а толкованіе заповѣдей и проч.

„Всякій во правду чинъ обученія письменъ, говоритъ критикъ, во еже изъ тѣхъ поняти законъ господень, благъ есть, токмо да будетъ съ добрымъ намѣреніемъ и чистою совѣстью предложенъ христіанскому отрочеству; обаче промышляющая мати церковь соборная (которую православные, раздѣленія ради отъ другихъ или неправославныхъ, или схизматическихъ церквей, восточною и греческою нарицати обыкоша), можетъ быть отъ самыхъ пріемши апостоловъ (яко же древность употребленія показуетъ), христіанскимъ же паче своимъ чадамъ, ученію письменъ приложитися имущимъ, образъ и правила показала и уставила, т.-е. что имъ первѣе, что же послѣжде слушати; таже, каково имъ брашно по ихъ понятію предъявляти и отъ каковаго реченія, знаменія благочестія являющаго, начинати подобаетъ; потомъ же, яже крѣпчайшему въ далечайшее поступку и неспѣлымъ ихъ разумомъ удобнѣйшая и полезнѣйшая, суть тщательно расположила и научила, которое ученіе правило даже до сего дне вездѣ содержится, гдѣ сирѣчь восточныя Церкве процвѣтаетъ ученіе". Затѣмъ критикъ пишетъ, что ученіе четырехъ или пятилѣтняго ребенка должно начинаться произнесеніемъ и призваніемъ святого и животворящаго креста: „Егда убо мы, православные христіане, ничтоже древнѣе, ничтоже первѣе и ничтоже потребнѣе имамы паче святаго и спасительнаго креста, не мало кто удивитеся можетъ, что во всемъ ономъ катихизисѣ нигдѣ же о немъ не воспоминается. Азъ мню быхъ, яко для вящшей краткости оставлено, что же иные разумѣютъ—они знаютъ". Далѣе исчислены молитвы, которымъ слѣдуетъ научать ребенка; послѣ нихъ онъ долженъ начать октоихъ, псалмы, апостолъ и, наконецъ, переходить даже „къ художеству грамматическому". Въ псалмахъ, продолжаетъ критикъ, „нечестивыхъ безуміе, гордость и бѣдное кичене, яко прахъ предъ лицомъ вѣтра!.. Тѣмъ же жестоко и отъ обычая (паче же должности) православнаго ученія, яко мню, зѣло чуждо покажется оное „не псалмовъ и молитвъ, но сихъ толкованіе да учатся"... Аще бы кто нынѣ инымъ, кромѣ сего, ученіемъ отроковъ усиловался привести чинъ, хотя бы благочестивымъ и ревностнымъ сіе началъ бы тщаніемъ, обаче едва или никакоже могъ бы избыти порока подозрѣнія, кольми паче новоизобрѣ-

татель, или древняго обычая истребитель мнимъ и призираемъ былъ бы“.

Въ разбираемой рукописи есть и отвѣтъ на эту критику, съ надписью въ началѣ его „Отъ Прокоповича“. Возраженія рецензенту изложены въ письмѣ къ духовной особѣ: „Преподобнѣйшій отче! Не мало дивно мнѣ, что нѣціи усумнѣваются (какъ я отъ вашего преподобія оногда слышалъ) о нашемъ словѣ въ наставленіи отроческомъ“... Послѣ объясненій и доказательствъ о служеніи духомъ и истиною и т. п. заключеніе такое: „Зри, преподобнѣйшій отче, какъ не добрѣ дѣется, что не сильно у насъ слово св. апостола Іакова (не мнози учители бывайте, братія моя, вѣдяще, яко большее осужденіе пріимемъ). Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти, но искусный долженъ есть долго и прележно и слова, и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства и вся оной, тако рещи, утробы разбирать, разсуждать и проницать, когда хощетъ произвести судъ свой о чуждемъ ученіи и мнѣніи. И понеже не мнози обрѣтаются такъ искусніи и такъ прилежніи, ово за невеликое остроуміе, ово же за несильное въ богословіи обученіе (иногда и обѣ скудости сія случаются въ единомъ человѣцѣ), того ради глаголетъ Духъ святый, да не мнози касаются дѣла учительскаго, боящеся большаго учительскаго осужденія. Что бо слѣдуетъ таковому легкомысленному учительству? Первѣе — распри, таже въ народѣ сумнительства, потомъ и расколы, и ереси, и факціи. И сколько погибнетъ душъ таковыми бѣдствіи! Взыщется на вся тыя на судѣ божіи отъ таковыхъ любопрѣтельныхъ совопросникахъ. Въ нашемъ семъ съ прекословіями дѣлѣ не слѣдуетъ ли сіе, что слышавшіе оныхъ прекословіе человѣцы простіи не похотятъ отрокамъ своимъ толь полезнаго давать наставленія? И тако многіе отроцы въ грубости и не наставленіи останутся, и желаніе царскаго величества, и желаніе всѣхъ нелицемѣрно благочестивыхъ вотще пойдетъ за положенное ученію сему препятіе прекословеніемъ, толь неискуснымъ и неправеднымъ, ибо вся прекословія сего сила виситъ на двоихъ невѣжествахъ—на одномъ грамматическомъ, а на другомъ богословскомъ.

Первое ученіе отрокомъ при Петрѣ было введено во всеобщее употребленіе при обученіи не только духовныхъ, но и міранъ. Въ 1723 г. состоялось повельніе, чтобы эту книгу

читать въ церквахъ по великимъ постамъ, вмѣсто творенiй Ефрема Сирина и Соборника.

Петръ Великiй замышлялъ, кромѣ этого руководства, о составленiи еще катехизиса, о чемъ написалъ собственноручную записку и передалъ ее въ синодъ, для исполненiя, чрезъ Феофана Прокоповича 19 апрѣля 1724 года.

„Святѣйшiй синодъ! Понеже я разговорами давно побуждалъ, а нынѣ письменно, дабы краткiя поученья людемъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ божiй, и что совѣты, и что преданiя отеческая, и что вещи среднiя, и что только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть".

„О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ и поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленiяхъ — что есть прямый путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знають и не прямо что и знаютъ: а о средней и не слыхали, понеже всю надежду кладутъ на пѣнiе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное, въ нихъ же строенiе церквей, свѣчи и ладонъ. О страданiи Христовомъ толкуютъ только за одинъ первородный грѣхъ, а спасенiя дѣлами своими получать какъ вышеписано".

„О второмъ же, чтобъ книгу сочинить — мнѣ кажется, не лучше-ль овую катихизисомъ, къ тому и прочiя вещи послѣдовательно, что въ церкви обрѣтается, внесть съ пространнымъ толкомъ; также приложить: когда и отъ кого и чего ради въ Церковь что внесено?"

При Екатеринѣ I, въ 1727 г., поступилъ въ синодъ изъ кабинета ея величества запросъ, что сдѣлано по этому повелѣнiю царя? Было отвѣчено: „всего того еще не исполнено за скорымъ въ то время изъ Москвы въ Петербургъ отъѣздомъ, а и въ проѣздѣ продолжилось время не малое; къ тому же, по прiѣздѣ въ Петербургъ, въ недолгомъ времени приключилась его императорскому величеству кончина, и тогда не малое же время произошло въ печали (!). То дѣло весьма не малое, и требуетъ, чрезъ справки многихъ книгъ, труда превеликаго". Дальнѣйшихъ свѣдѣнiй о приведенiи въ исполненiе мысли Петра Великаго не встрѣчается. *Пекарскiй.*

Букварь Василія Бурцева.

До сихъ поръ самою первою со времени изданія можетъ считаться азбука, изданная въ 1634 году Василіемъ Бурцевымъ и передѣланная имъ, можетъ быть, изъ грамматики, или собственно азбуки, изданной въ Вильнѣ въ 1621 году. Годъ изданія этого букваря совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, въ которое царевичъ Алексѣй Михайловичъ, достигнувъ пятилѣтняго возраста, сталъ учиться грамотѣ.

Въ предисловіи эта азбука названа *Лѣствицею* къ изученію *часовника, псалтири* и прочихъ божественныхъ книгъ. Въ немъ, между прочимъ, говорится, что „Рустіи сынове младыя дѣти, первіи починаютъ учиться по сей составнѣй словеньстѣй азбуцѣ, по ряду словамъ, и потомъ узнавъ писмена и слоги и изучивъ сію малую книжицу азбуку, начинаютъ учити часовникъ и псалтырю и прочая книги. И преже тіи сами младыя дѣти младенца быша и отъ матерень сосецъ млеко ссаху и питахуся. По возвращеніи же тѣлеси къ твердѣй и дебелѣй пищи прикасахуся и насыщевахуся. Тако же и нынѣ начинающе учитися грамотѣ, первѣе простымъ словесемъ и и слогамъ учатся, потомъ же яко же и выше рѣхомъ яко по лѣствицѣ къ прежереченнымъ тѣмъ книгамъ и къ прочимъ божественнымъ догматамъ касаются на ученіе и на чтеніе простираются“. Самый составъ этой азбуки вполнѣ соотвѣтствуетъ религіозному направленію древней нашей грамотности. Поэтому и самое заглавіе собственно къ азбукѣ, то-есть предъ началомъ буквъ, выражено здѣсь въ слѣдующихъ весьма знаменательныхъ словахъ: „Начальное ученіе человѣкомъ, хотящимъ разумѣти божественнаго писанія“. Не ясно ли отсюда, что русскій человѣкъ до Петра Великаго признавалъ грамотность только въ той мѣрѣ, въ какой она могла служить средствомъ къ достиженію главной цѣли тогдашняго образованія, то-есть къ изученію вѣры и книгъ св. Писанія. Предисловіе азбуки заключается стихотворнымъ обращеніемъ къ дѣтямъ: „Вы же младыя отрочата слышите, и разумѣйте, и зрите у сего:

Сія зримая малая книжица,
По реченному алфавитица,
Напечатана бысть по царскому велѣнію
Вамъ младымъ дѣтямъ къ наученію...

Ты же благоумное отроча сему внимай
И, отъ нижнія степени на вышнюю выступай.
И не лѣностнѣ и не нерадивѣ учися
И дидаскала (учителя) своего всегда блюдяся"...

Послѣ разныхъ учительныхъ наставленій, стихотвореніе снова обращается къ дѣтямъ и говоритъ:

Первіе начинается вамъ отъ дидаскала сей зримый азъ,
Потомъ и на прочая пойдетъ вамъ указъ.

Затѣмъ слѣдуютъ буквы, склады, названія буквъ, числа до 10.000, знаки надстрочные и знаки препинанія, также съ ихъ названіями, далѣе расположены по алфавиту образцы измѣненія глаголовъ, глаголы и имена, сходныя по начертанію, но различныя по смыслу, который получаютъ они отъ ударенія; склоненія именъ, преимущественно тѣхъ, которыя въ церковномъ языкѣ пишутся подъ титлами. Все это составляетъ значительную часть букваря и вполнѣ соотвѣтствуетъ тому требованію, какое представлялъ еще въ началѣ XVI столѣтія архіепископъ Геннадій, говоря, чтобъ азбука была истолкована совсѣмъ да и подтительныя слова. Потомъ слѣдуетъ *азбука толковая*, то-есть изреченія, относящіяся къ ученію и жизни Христа Спасителя, расположенныя въ алфавитѣ по своимъ начальнымъ буквамъ. Такъ, напримѣръ, буква *а* начинается текстомъ „азъ есмь всему міру свѣтъ" и проч.

Послѣ толковой азбуки помѣщены заповѣди и другія статьи, составляющія краткое катехизическое ученіе о вѣрѣ, за которыми слѣдуютъ выписки изъ св. Писанія, притчи и наставленіе Товіи своему сыну. Азбука оканчивается сказаніемъ: „Како св. Кириллъ философъ состави азбуку", и послѣсловіемъ, гдѣ означено и время изданія азбуки.

Другая редакція азбуки, напечатанной въ 1679 году въ Верхней, то-есть дворцовой типографіи, имѣетъ многія отличія отъ этой первой. Вначалѣ, послѣ такъ называемаго *выхода*, то-есть обозначенія времени изданія книги и послѣ стихотворнаго предисловія, въ ней находится „благословенія отроковъ во училище учитися священнымъ писаніемъ идущимъ", то-есть молитвы, которыя давались іереемъ при началѣ ученія, и послѣ которыхъ, по выраженію букваря, „отходитъ съ миромъ отроча во училище; іерей же во-свояси".

Потомъ, послѣ буквъ, складовъ и именъ подъ титлами въ алфавитѣ: ангелъ, ангельскій, архангелъ, архангельскій и т. д., слѣдуютъ опять молитвы: Царю Небесный, Отче нашъ, псаломъ „Помилуй мя, Боже", Слава въ вышнихъ Богу. Символъ вѣры и проч. Далѣе „Бесѣда о православной вѣрѣ, краткими вопросы и отвѣты удобнѣйшаго ради познанія, дѣтемъ христіанскимъ: „странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ"; десять заповѣдей и прочія катехизическія статьи, о которыхъ мы упоминали выше.

Молитвы: Отъ сна воставъ, утренняя, предъ обѣдомъ, по обѣдѣ, предъ вечерею, по вечери и на нощь. Далѣе, знаки ударенія и препинанія, опять молитва 2 ко Пресвятой Богородицѣ, числа, и. наконецъ, *привѣтства* къ родителю и благодѣтелю на Рожество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе, Сошествіе св. Духа и на Новое лѣто. Привѣтства эти однакожъ не столько любопытны, какъ бы слѣдовало ожидать: всѣ они заключаются въ однихъ только риторическихъ фразахъ. Букварь оканчивается *увѣщаніемъ* въ стихахъ о пользѣ наказанія. Кромѣ того, при этой редакціи букваря находится *Измарагдъ* или *Стоглавъ* о Вѣрѣ св. Геннадія, патріарха константинопольскаго, состоящій изо ста параграфовъ катехизическаго содержанія, и Тестаментъ, или Завѣтъ Василія царя греческаго къ сыну его Льву-философу, съ стихотворнымъ *увѣщеваніемъ къ читателю* и съ послѣсловіемъ, подъ заглавіемъ „Тупографомъ Избранное". Въ этомъ послѣсловіи, кромѣ историческихъ свѣдѣній о царѣ Василіи, обозначено и содержаніе его *Завѣта*, который „воистину достоинъ всякому или царю, или князю, или властелину, или домовиту ко управленію житія своего, и чадъ своихъ, вящше же страстей своихъ". Двѣ эти статьи, Стоглавъ и Тестаментъ, составляютъ какъ бы особыя книжки, каждая съ особою цифраціею страницъ: Тестаментъ же имѣетъ свой особенный *выходъ*, изъ котораго видно, что онъ изданъ мѣсяцемъ позже букваря, именно въ январѣ 1680 года; букварь же изданъ въ декабрѣ 1679 года. Но, судя по внѣшнимъ признакамъ, по шрифту, бумагѣ и проч., обѣ эти статьи, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ описанному нами букварю. Вотъ составъ древнихъ печатныхъ букварей, по которымъ учились наши предки до Петра Великаго.

Забѣлинъ.

Заглавіе букваря слѣдующее: „Букварь языка Словенска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учитися чтенію писаній". Далѣе сказано, что онъ печатанъ въ великомъ градѣ Москвѣ въ типографіи Верхней, 1679 года, въ царствованіе Өеодора Алексѣевича, и при святѣйшемъ Киръ Іоакимѣ, патріархѣ Московскомъ и всея Россіи.

Предисловіе начинаетъ почтенный Бурцевъ сими словами:

Къ юношамъ учитися хотящимъ.
Отроче юный отъ дѣтства учися,
Письмена знати и разумъ, потщися:
Не возленися трудовъ положити,
Имать бо тебѣ польза многа быти.
Аще ся видитъ досадно труждати,
Но сладко плоды трудовъ собирати.
Иже въ юности труды полагаетъ,
Во дни старости въ покоѣ бываетъ.
Наипаче, иже книгамъ научится,
О трудѣхъ честныхъ превозвеселится.
Даръ писанія великій отъ Бога.
Тайна письмены является многа:
Что серце, мысли и умъ разсуждаетъ,
То писаніе удобь извѣщаетъ,
Безгласно убо: во зѣло явственно,
Далѣе гласа бываетъ несенно.
Гласъ близъ сущему слово возвѣщаетъ,
Писаніе же далекимъ являетъ,
Что кто далече сый напишетъ тебѣ,
То познаеши о всяцѣй потребѣ.
Письмены воля всѣхъ Царя явися,
Во писаніи мудрость заключися.
Юже аще кто имѣти желаетъ,
Писаніи мудрыхъ да употребляетъ,
Божіе слово есть во писаніи
Священномъ, яко въ его посланіи.
Умиленная суть въ немъ моленія,
Добродѣтелей всякихъ ученія.
То вѣрѣ учитъ, любовь завѣщаетъ,
Злая вся хулящъ, грѣшныхъ обличаетъ:
Хранитъ отъ ада, водворяетъ въ небѣ,
Тѣмъ же читати писанія требѣ.

Яко зерцало зрящему являетъ,
Каково лице его пребываетъ:
Или есть черно или убѣленно,
Или блѣднѣетъ или почерменно.

Послѣ сихъ нравственныхъ и весьма умныхъ стиховъ слѣдуетъ воззваніе къ родителямъ.

„Благословенія отроковъ во училище учитися священнымъ писаніемъ идущимъ. Вѣстно буди, яко аще начатки всѣхъ дѣяній вашихъ отъ божественныхъ молитвъ, и отъ источника всѣхъ благихъ, и помощника Бога быти имутъ, кольми паче начатокъ творити хотящіи, иже ученіемъ премудрости получити, ей же начало есть страхъ Божій: и ни отъ кого же податися можетъ, развѣ отъ премудрости совершенныя, источника Бога. Тѣмъ же вси родителие, чада своя ученію божественныхъ писаній хотящіи вдати, должны суть отъ церковныхъ молитвъ начинати: о благословеніи бо сѣющіи, съ благословеніемъ и жнутъ. Сицевому столѣтному и полезному обычаю, іереи своя парохіаны должны суть научити.

Приведену убо сущу сицевому отрочати ко іерею въ церковь: Іерей somемъ на себе эпитрахиль и фелонь, начинаетъ обычно: благословенъ Богъ нашъ и пр.“.

Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько молитвъ, по прочтеніи коихъ, говоритъ Бурцовъ: „отходитъ отроча съ миромъ во училище: а іерей во свояси“.

Итакъ, предки наши слѣдовали мудрому правилу: испросить прежде благословеніе Божіе, а потомъ отослать уже отрока въ училище.

Послѣ сего начинается букварь, въ коемъ встрѣчаемъ мы буквы юсъ и ипсилонъ, кои уже во времена Карпова Истомина вышли изъ употребленія.

Послѣ азбуки, складовъ и словосоставленія, слѣдуютъ опять молитвы: Царю Небесный, Отче нашъ, псаломъ: Помилуй мя Боже, Символъ Вѣры и Тебѣ Бога хвалимъ.

Бурцевъ, желая, чтобъ учащіеся имѣли основательное понятіе о вѣрѣ христіанской, помѣщаетъ послѣ сихъ молитвъ разговоръ о православной вѣрѣ. Вотъ краткій примѣръ:

Вопросъ.

Кто еси ты?

Отвѣтъ.

По естеству человѣкъ, благодатію же Божію сынъ Его есмь

Вопросъ.

Каковымъ убо образомъ еси ты сынъ Божій?

Отвѣтъ.

Понеже крестихся банею паки-бытія, сирѣчь породихся отъ воды и духа и причастихся Тѣла и Крове Христовы.

Бурцевъ, представивъ учащемуся основательное понятіе о вѣрѣ, которую онъ долженъ исповѣдывать, помѣщаетъ также въ книгѣ своей десятословіе Моисеево и заключаетъ оное двумя слѣдующими Господа Іисуса Христа поученіями.

1.

„Любите Господа Бога своего всѣмъ сердцемъ, всею душою своею, всею крѣпостію своею и всѣмъ помышленіемъ своимъ".

2.

„Любити ближняго своего, яко самого себе".

За симъ слѣдуетъ: шесть совершенствъ Новаго завѣта, десять блаженствъ Іисуса Христа, три добродѣтели богословія, седмь таинъ Новаго завѣта, седмь даровъ Духа Святаго, девять плодовъ духа человѣка, отъ Духа Святаго благодати въ немъ рождающіеся, седмь грѣховъ тягчайшихъ, грѣхи, ожидающіе отъ Бога присно отмщенія, седмь дѣлъ милосердія, три добродѣтели добротворенія, три совѣты Господни, правда естественная, правда законная, пять чувствъ тѣлесныхъ, пять чувствъ душевныхъ и четыре вещи послѣднія: смерть, судъ, геенна и царство небесное.

Послѣ сего помѣщены въ букварѣ Бурцева разныя молитвы: „Отъ сна возставъ", молитва св. Макарія великаго, молитва утренняя, молитва, внегда захочетъ отроча ясти, благодареніе по обѣдѣ, молитва предъ вечеріею, благодареніе по вечери, молитвы на нощь.

За сими молитвами слѣдуютъ „просодія верхняя, или удареніе гласа, яже употребляютъ славяны. Напримѣръ: *оксія* или острая, *варія* или тяжкая, *дасіа* или густая, *периспомéни* или облечéнная, *ксили* или тóнкая, *Ерикъ* поѣркъ, *сматная* мягкая". Строчныя препинанія: „черта, запятая, двоеточіе, точка, „разятвая, единитная, вопросная, удивная, вмѣстная, отложная". Послѣ сихъ знаковъ помѣщены славянскія цыфры, кои, какъ извѣстно, составлялись изъ буквъ, и за симъ слѣдуютъ

рѣчи, коими обучающіеся должны привѣтствовать родителей своихъ и благодѣтелей: на Рождество Христово, на Богоявленіе, на Воскресеніе Христово, на Сошествіе св. Духа, и на Новое лѣто.

Для примѣра школьнаго краснорѣчія тогдашняго времени, мы выписываемъ два привѣтствія: къ родителю и благодѣтелю на Новый годъ.

КЪ РОДИТЕЛЮ.

„Богъ, ветхій денми начала и конца неимущій, вчера ветхому лѣту конецъ, днесь же новому начало даровалъ есть, родителю мой прелюбезный и благодѣтелю премилостивый. Благоденствіе ему Церковь мати наша о прешедшемъ пѣсненно возсылаетъ, а о начатомъ теплыя молитвы проливаетъ, яко да благоволитъ дати мирное въ немъ пребываніе, здравое жительствованіе и всяческихъ плодовъ изобиліе. Азъ же привѣтствуя тебѣ благодѣтелю моему о началоположеніи новаго сего лѣта, молю Обновившаго кровію своею родъ естества человѣческа, да благоволитъ тя обновити благодатію своею отъ немощей душевныхъ и тѣлесныхъ, во крѣпость и силу: отъ одѣянія обветшавшаго во брачную одежду: изъ ветхаго въ новаго человѣка; да въ новости духа жительствуя, угоденъ явишися ему самому, яко Царю всяческихъ и Творцу: и его Божественною десницею, да здраво въ мирѣ, въ благодати, и доброденствіи хранимъ чрезъ все поприще настоящаго, и чрезъ ина многая лѣта, честнаго достигнеши престарѣнія, и по окончаніи временныя жизни, да въ новый Іерусалимъ Небесный водворишися, и вѣчно ему поеши пѣснь нову въ безконечномъ веселіи, сыновнимъ усердіемъ желаю".

КЪ БЛАГОДѢТЕЛЮ.

„Ходатай Новаго Завѣта, Христосъ Господь, новаго намъ лѣта нынѣ начало благоволилъ есть дати, благодѣтелю мой прещедрый, ея же милости благодарни мы суще, благодарственная его человѣколюбію радостно восписуемъ, веселіемъ же исполняющеся духовнымъ, другъ другу привѣтства дѣяти и всяческихъ благъ усердно желати тщимся. Изряднѣе благодѣяній причастницы благотворящихъ аки долгомъ связуеміи, прилежатъ съ привѣтствіемъ не умедлити: преступленіе быти неищуще, и малу черту укосненія. Въ таковыхъ сословіи азъ

предъ лицемъ пречестнымъ вмѣняяся по сильному тщахся, не косно предстати усердый привѣтственникъ господству твоему. Всеблагорачительно убо привѣтствую твоей пречестности, о алфѣ новаго лѣта, моля Христа Господа, алфа и омега, еже есть начатокъ и конецъ именуемаго, да по своимъ щедротамъ Божественнымъ дастъ ти и омега его прочести, въ здравіи и благоденствіи и многая подобная въ его благословеніи и благодати совершати и по довольномъ въ подобнѣй пребываніи, во премирныхъ на Небеси водворится кровѣхъ, и тамо во свѣтлостѣхъ святыхъ въ присномъ ликованіи безконечно жительствовати. Тѣхъ благъ комуждо желаемыхъ твоей милости яко мнѣ самому желая, милостивому твоему призрѣнію всесмиренно ся вручаю".

Букварь свой заключаетъ Бурцевъ слѣдующимъ увѣщаніемъ:

„Хощеши чадо благъ разумъ стяжати,
Тщися во трудѣхъ выну пребывати;
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подрастшимъ, при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже вреждаютъ.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ,
И волю злую въ благо прелагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити;
И рано въ Церковь на службы ходити.
Бичь возбраняетъ скверно глаголати,
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу побуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ, поучаетъ.
А злобы творцы страхомъ ся спасаетъ,
Егда болѣзнми душу проницаетъ.
Не вредитъ костей, тѣлу болѣзни родитъ.
Но злые нравы отъ юныхъ отводитъ,
Душу отъ огня вѣчна сохраняетъ,
Въ небесную же радость водворяетъ.
Ты убо, отче, такожде имати,
Научитеся чада поучати.
Аще хощеше утѣху имѣти,

А не срамъ за ня, въ старости терпѣти.
Не на плотскую красоту чадъ зрите,
Но души красны да будутъ, смотрите
Красота плоти многихъ погубляетъ,
А язвы тоя душу удобряютъ.
Лѣпота души весьма есть спасенна,
Создавшему ю Богу возлюбленна;
Туже обычно ученіе вводитъ,
А умный дѣтищъ въ чести многѣй ходитъ.
Вы же, о чада, трудъ честный любите,
Еже полезно того ся держите.
Знающе, яко аще ся труждати
Тяжко, но легко труды плодовъ жати.
И раны юже добро содѣваютъ,
Вамъ не мерзостны въ дѣтствѣ да бываютъ,
Цѣлуйте розгу, бичь и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,
И рукъ, яже вамъ язвы налагаютъ,
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ.
Дѣлеса злая весьма отрѣвайте,
Ко добрымъ сердца ваша прилагайте.
Сіе же слово за даръ благъ возмите,
Не злословте ми, но благословите.
Иже вамъ благихъ всяческихъ желаю,
Конча, къ благости всяцѣй увѣщаю".

Оканчиваетъ же оный симп словами: „Царю вѣковъ, Нетлѣнному, Невидимому, Единому, Премудрому Богу, да будетъ честь и слава во вѣки вѣковъ аминь.

„Конецъ и Богу слава".

По окончаніи букваря помѣщаетъ сочинитель онаго: Св. Генадія Патріарха Константинопольскаго о вѣрѣ: „еже убо православную Вѣру имѣти, основаніе добрыхъ дѣлъ есть. Тѣмъ же отъ Вѣры начнется слово". Статья сія состоитъ изо ста параграфовъ: вотъ для примѣра нѣкоторые:

§ 35.

„Славы земныя ни въ коемъ же дѣлѣ похощи: слава бо земная угасаетъ любящимъ ю, возвѣявши во время человѣку, яко буря вѣтренная, плодъ добрыхъ дѣлъ его отъемши, вскорѣ отшедши посмѣется неразумію его.

§ 16.

Поклоняй главу твою всякому старѣйшему тебѣ: смиреннымъ разумомъ смиренныя воздвигнеши.

§ 18.

Меньшия тебе и малыя верстою, любовію воспріимай и помилуй.

§ 19.

Царя бойся всею силою твоею; не есть бо страхъ его на пагубу души; но паче научатся отъ того боятися Бога.

§ 20.

Небреженіе бо о властехъ, небреженіе о самомъ Бозѣ, еже на власть земную учиненнаго; видимаго бо владыки не боайся, како можетъ боятися невидимаго Бога.

§ 31.

Кротко ступаніе, кротко сѣданіе, кротокъ взоръ, кротко слово. Вся сія тебѣ да будутъ: отъ сихъ бо истинный Христіанинъ явишися.

§ 57.

Червь смиренъ зѣло и худъ, ты же славенъ и гордъ: но аще разуменъ еси, то самъ уничижи гордость твою, помышляя: яко крѣпость твоя и сила, червемъ снѣдь будетъ".

(Сѣв. Арх. 1823 г.)

Букварь 1704—1708 г.

Рѣзко обличительный тонъ „предисловія" придаетъ букварю колоритъ произведенія Петровской эпохи, — но духъ и цѣль букваря, а также взглядъ автора на книжное просвѣщеніе принадлежатъ до-Петровской Руси, которая смотрѣла на образованіе народа глазами католиковъ. Кіевскіе ученые, размножая свои буквари (посредственно и непосредственно) въ Великороссіи, болѣе и болѣе освояли великорусскихъ грамотниковъ съ фальшивою и злокачественною мыслію папистовъ, что просвѣщеніе, т.-е. знаніе св. Писанія, исключительно нужно для духовныхъ лицъ, а народъ можетъ пребывать въ глубокомъ невѣжествѣ. Эта мысль явственно проводится въ преди-

словіи букваря, который, всего вѣроятнѣе, принадлежалъ одному изъ южно-русскихъ ученыхъ, наводнившихъ собою при Петрѣ сѣверную Русь и взявшихъ въ свои руки научное и учебное дѣло ея. Указанный недостатокъ букваря много выкупается искреннимъ и живымъ сочувствіемъ автора книжному просвѣщенію. Во мракѣ невѣжества одно сочувствіе просвѣщенію имѣло громадное значеніе. Симпатизируя книжному образованію, сочинитель букваря энергично и толково доказываетъ нужду и важность его въ своемъ „предисловіи къ юношамъ, учитися хотящимъ“.

„Отроча юный отъ дѣтства учись
Письмена знати и разумъ потщись...
Не возлѣнись трудовъ положити
Имать бо тебѣ польза многа быти...
Иже въ юности труды полагаетъ,
Во дни старости въ покои бываетъ,
Наипаче, иже книгамъ научится,
О трудѣхъ честныхъ превозвеселится.
Даря писаніе великой отъ Бога
Тайны письмены является многа...
Глазъ близь сущему слово возвѣщаетъ,
Писаніе же далекимъ являетъ.
Что кто далече сый напишитъ тебѣ,
То познаеши о всяцѣй потребѣ
Письмена *воля всѣхъ царя* явися,
Во писаніи мудрость заключися,
Юже аще кто имѣти желаетъ,
Писаній мудрыхъ да употребляетъ“.

Стихи написаны складно, толково и выразительно. Живымъ духомъ проникнуто и содержаніе ихъ. Составитель стиховъ здраво и основательно разъясняетъ и доказываетъ необходимость образованія въ жизни религіозной, гражданской и домашней. Доводы его, на разные лады, повторяются передъ народомъ и въ наше время. Въ составъ букваря вошелъ „чинъ благословенія отрокомъ во училище учитися священнымъ Писаніемъ идущимъ“ (Перепечатка изъ Московскаго букваря, издав. въ 1679 г.). Онъ ясно напоминаетъ собою древній благочестивый обычай нашихъ предковъ начинать ученіе, какъ самое святое и важное дѣло, съ благословенія церкви. Чину

благословенія предшествуетъ небольшое назиданіе родителямъ духовнаго званія, чтобы они учили своихъ дѣтей церковнымъ молитвамъ, послѣдуя „столѣпному и полезному обычаю". Въ длинномъ „чинѣ благословенія отроковъ" находятся такія молитвы, въ которыхъ обращаются къ Богу съ умильнымъ прошеніемъ, чтобы Онъ подалъ новому школьнику „силы и крѣпость, во еже скоро пріяти и успѣшно навыкнути божественнаго закона Его наказаніе и вся добрая и полезная ученія; — и сотворилъ его къ созиданію и украшенію церкве Своея святыя". По окропленіи водою и по прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ священникомъ „отроча съ миромъ отходилъ во училище".

Въ букварѣ помѣщены двѣ азбуки въ нисходящемъ и восходящемъ порядкѣ буквъ алфавита, за ними двоеписьменніи и троеписьменніи склады, безъ звуковыхъ сочетаній: бь, въ, вь, рь, сь, бръ, брь и проч. Послѣ буквъ и складовъ написаны различныя слова подъ титлами, но опущены просодія, знаки препинанія и правила произношенія. Опускъ важный и непозвинительный. Но самый ощутительный недостатокъ этого отдѣла — это — помѣщеніе двухъ азбукъ въ нисходящемъ и восходящемъ порядкѣ буквъ. Выходитъ, что дѣти сначала учили буквы въ одномъ порядкѣ — съ аза до ижицы, — а потомъ — въ другомъ, совершенно обратно; при такомъ способѣ изученія азбуки они переносили неимовѣрный трудъ и уподоблялись несчастному Сизифу, возившемуся съ тяжелымъ камнемъ. Дѣло въ томъ, что твердое механическое заучиваніе буквъ въ извѣстномъ алфавитномъ порядкѣ основывается на ассоціаціи слѣдовъ по закону послѣдовательности. Но если мы постоянно разрываемъ сливающіяся въ извѣстномъ порядкѣ воспріятія: то никогда не пріобрѣтемъ отчетливыхъ, механически-точныхъ свѣдѣній (усвоенія азбучнаго алфавита) и умѣнья. Такимъ образомъ составитель букваря задавалъ дѣтямъ невыполнимую работу, — они постоянно разрушали то, что пріобрѣтали. Если дѣти сначала твердо заучили азбуку въ одномъ порядкѣ, а потомъ начинали заучивать ее въ обратномъ: то они принуждены были итти противъ навыка голосового аппарата, а это почти невозможно: мы никакъ не можемъ прочитать въ обратномъ порядкѣ твердо усвоенныя (ассоціированныя) вокабулы. Авторъ букваря, предлагая для дѣтей двѣ азбуки, вѣроятно желалъ получше ознакомить ихъ съ очертаніями буквъ (которыя заучивались вмѣстѣ съ буквами, а не

усвоялъ зрѣнемъ), но онъ горько ошибся. Если очень трудно, по его рецепту, заучить буквы: то, вмѣстѣ съ тѣмъ трудно было усвоить и формы ихъ, — одно отъ другого неотдѣлимо.

Вслѣдъ за азбукой и складами напечатаны главнѣйшія молитвы, гимнъ утренній ко Пресв. Богородицѣ, Слава въ вышнихъ Богу, Символъ вѣры, Богородице Дѣво, радуйся, Символъ пресвященнаго Аөанасія патріарха александрійскаго, Исповѣданіе православныя вѣры Амвросія медіоланскаго, Бесѣда о православной вѣрѣ съ краткими вопросы и отвѣты „удобнѣйшаго ради познанія дѣтемъ христіанскимъ". Всѣ эти статьи заимствованы изъ южно-русскихъ букварей, издан. въ XVII вѣкѣ. „Бесѣда о православной вѣрѣ", принадлежащая Стефану Зизанію и раскрытая въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ „ради удобнѣйшаго познанія дѣтемъ", на самомъ дѣлѣ отличается темнотою и схоластичностію. Вотъ какъ напр. опредѣляется здѣсь существо: „Существо есть *вещь* самобытная, нѣкоея *вещи* требующая ко своему составленію". Катехизическая форма изложенія нимало не уясняла дѣтямъ предлагаемаго знанія. Въ ряду статей для чтенія находятся „заповѣди Божія и церковныя, и иная нѣкая виновная спасенію словеса, яже нуждно подобаетъ вѣдѣти въ наказаніе всѣмъ христіаномъ". Тутъ же стоглавное ученіе о вѣрѣ Геннадія, патріарха константинопольскаго; въ немъ встрѣчается одно прекрасное воспитательное правило: „Меньшыя тебе любовно воспріимай и помилуй, и къ Богу воздохни о нихъ, яко ново начинающихъ познавати Бога".

Въ заключеніи предложено „увѣщаніе къ родителямъ о воспитаніи дѣтей". Сочинитель доказываетъ нужду и важность воспитанія дѣтей, ибо „и птицы защищаютъ птенцы своя отъ всякія пропротивности и всяко животно по закону плоти прилежное имать попеченіе о своемъ рожденіи". Любить и воспитывать дѣтей обязываетъ насъ прямое ученіе св. Писанія (общеизвѣстные отрывки изъ Притчей Соломона и книги сына Сирахова) и примѣръ древнихъ благочестивыхъ родителей: Товіи, Маттаөана, Соломоніи. Въ концѣ авторъ возвращается къ своей любимой темѣ: „аще хощеши да будетъ сынъ твой благоугоденъ и *санъ духовнаго достоинъ*, направляй его отъ младыхъ лѣтъ къ ученію, къ премудрости, въ знаніи закона Господня".

Разсмотрѣнный нами букварь не внесъ ничего новаго вкладъ въ систему тогдашняго алфавитарнаго обученія. Онъ въ сокращенномъ видѣ повторялъ зады своихъ предшественниковъ и прибавилъ нѣсколько неудачныхъ варіацій въ расположеніи азбучнаго матеріала. По своему содержанію и направленію букварь очень похожъ на краткій часословъ. За исключеніемъ здравыхъ, хотя и одностороннихъ воззрѣній автора на книжное образованіе, букварь не заслуживаетъ никакого одобренія, какъ компиляція чужихъ трудовъ, и компиляція, во многихъ случаяхъ, неудачная. Компиляторъ совсѣмъ выкинулъ изъ букваря весь грамматическій отдѣлъ и тѣмъ лишилъ учениковъ элементарнаго грамматическаго образованія, не обратилъ вниманія на картинки, которыя были тогда въ модѣ и доставляли дѣтямъ развлеченіе, составилъ безъ всякаго объясненія и толкованія молитвы, хотя по духу и направленію букваря и по требованію времени такія объясненія оказывались необходимыми. Всѣ эти недостатки букваря ясно говорятъ, что онъ былъ дешевымъ казеннымъ издѣліемъ, слишкомъ слабо отвѣчающимъ на живые вопросы эпохи и разумные запросы и требованія геніальнаго преобразователя-царя.

Извѣковъ.

Букварь Каріона Истомина.

Чудовской іеродіаконъ Каріонъ Истоминъ былъ извѣстенъ, какъ усердный ревнитель просвѣщенія и трудолюбивый виршеплетъ, составившій нѣсколько букварей для начальнаго обученія. Въ 1682 г. онъ представилъ просьбу царевнѣ Софьѣ о водвореніи наукъ въ Россіи, гдѣ говоритъ:

„До днесь наука не окрѣпѣваше,
Случайми бо здѣ много преставаше,
И не диво, что доброе дѣло,
Не является въ скорости спѣло.“

Въ концѣ просьбы іеродіаконъ Истоминъ усерднѣйше проситъ царевну, чтобы она умолила царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, дабы они „позволили наукамъ быти совершеннымъ и учителемъ людемъ извѣщеннымъ.“ Въ 1692 году онъ поднесъ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ писанный красками и золотомъ „Букварь славенороссійскихъ письменъ съ образо-

ванми вещей и со нравоучительными стихами". Не довольствуясь этимъ букваремъ, Истоминъ въ 1696 г. напечаталъ въ Москвѣ „букварь языка словенска дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію писаній: начало всѣхъ письменъ достолѣпное начертаніе: къ сему и иныя главизны, потребныя во обученіе должности христіанскія съ душеспасительною пользою". Здѣсь послѣ стихотворнаго поученія учащимся слѣдуютъ азбука, склады, молитвы, заповѣди, привѣтствія въ прозѣ и стихахъ. Все это содержаніе заимствовано изъ прежнихъ букварей, за исключеніемъ „достолѣпнаго всѣхъ письменъ начертанія", — о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи, — и нѣкоторыхъ привѣтствій, посвященныхъ Алексѣю Петровичу. Изъ различныхъ стихотвореній букваря видно, что онъ предназначался для Алексѣя Петровича. Въ угоду царевичу Истоминъ составилъ и еще букварь, подъ названіемъ „Малая грамматика", который остался въ рукописи. Въ „малой грамматикѣ" изложена ореографія, научающая „естеству письменъ, ударенію гласа и препинанію словесъ" и весьма затѣйливо изображающая киноварью всѣ буквы славянскаго алфавита. Грамматика называется въ букварѣ „наказательницею до всѣхъ мудростей", особенно пригодною для „младыхъ отроковъ". Въ 1717 г. снова появился букварь Истомина. Но онъ извѣстенъ только по библіографическимъ указаніямъ. Перечисленные нами труды Каріона Истомина, взятые вмѣстѣ, довольно широко охватываютъ курсъ начальнаго обученія грамотѣ. Но къ сожалѣнію мы имѣли у себя подъ руками только первый рукописный букварь, носящій такое заглавіе въ рукописи: „Букварь славенороссійскихъ письменъ, уставныхъ и скорописныхъ, греческихъ же, латинскихъ и полскихъ со образованми вещей и со нравоучителными стихами". Надѣемся, что этотъ букварь значительно охарактеризуетъ намъ содержаніе и направленіе тогдашнихъ кунштованныхъ азбукъ.

„Букварь славенороссійскихъ, греческихъ, латинскихъ и польскихъ письменъ" состоитъ, главнымъ образомъ, изъ различныхъ изображеній, выгравированныхъ Леонтіемъ Бунинымъ. „Подъ всякимъ письменемъ, говоритъ Истоминъ, ради любезнаго созерцанія, отрочамъ учащимся предложены виды во удобное знаніе въ складѣ: да что видитъ, сіе и назоветъ слогомъ письмене достолѣпнаго начертанія тѣхъ, яко А — Адамъ, алекторъ, аспидъ и т. п. И на тѣ види образныя вещи,

приличны юнымъ людемъ. метафоричнѣ бо есть пріяснѣ. ес-ть вещей слово къ дѣлу потребну вземлется. стихи нраво-учительны суть.... А идѣже въ вещѣхъ и словахъ букваря сего недостатолость узрится, яко въ перводѣлании, благоразумнѣ не осуднѣ же, изволь каждый въ приличество исправити: ибо въ новости съ трудомъ и иждивенiемъ собрася и издася ...

Въ основѣ обученія положено прекрасное правило Коменскаго: прежде вещь, потомъ слово". Но примѣненіе этого плодотворнаго правила выполнено очень уродливо и безтактно. Авторъ довольствуется однимъ случайнымъ подборомъ видообразныхъ вещей, напоминающихъ собою звукъ извѣстной буквы, отсель — смѣсь, безпорядокъ и разнохарактерность въ кунштахъ, безсвязный наборъ виршъ, разъясняющихъ смыслъ видообразныхъ вещей и буквъ, и прямое уклоненіе отъ азбучнаго дѣла — произношенія буквъ и сочетанія ихъ въ слоги и слова.

На заглавномъ листѣ изображенъ Іисусъ Христосъ, сидящій на тронѣ и окруженный дѣтьми, которые держатъ тетради въ своихъ рукахъ съ подписями уважаемыхъ тогда наукъ: феологіи, реторики, астрономіи, философіи, геометріи, грамматики. Подъ гравюрой помѣщено, между прочимъ, такое четверостишіе.

„Какъ пишутся тыя (буквы) скорописно,
Добрѣ Уставомъ, зри всякъ очевисно,
Писмена сложны дадутъ реченіе
Изъ оныхъ словъ во все ученіе".

Легко понять, что это дидактическое наставленіе ничему не могло научить. Сила вопроса не въ томъ, что изъ письменъ составляются реченія и слова, а въ томъ — *какъ* составляются. Узелъ остался не развязаннымъ. Впрочемъ, сочинитель и не обращалъ вниманія на выработку произношенія буквъ и процессъ слогосоставленія. Онъ заботился преимущественно о стихотворныхъ, красивыхъ фразахъ.

Въ самой азбукѣ изображаются, въ различныхъ видахъ и весьма затѣйливо, буквы. Каждый рядъ буквъ начинается заставкою т.-е. большою прописною буквою; за ней слѣдуютъ буквы уставныя и скорописныя, а вмѣстѣ съ ними, или, лучше, подъ ними находятся куншты, изображающіе предметы, которые напоминаютъ собою звукъ буквы. Подъ кунштами и.-

щены стихотворенія, изреченія и апофегмы, кратко объясняющія или свойства извѣстной буквы, или изображенные предметы, и вмѣстѣ иногда нечто передающія нравственныя сентенціи. Чтобы лучше понять характеръ буквъ, изображеній и нравоучительныхъ стиховъ, остановимся хотя на первой страницѣ букваря: буква а передается въ двѣнадцати видахъ печатнаго и скорописнаго славянскаго шрифта, — тутъ же находится греческое и латинское изображеніе буквы съ разнообразными варіантами въ начертаніи. Для удостолѣпнаго начертанія письменъ, подъ буквою а изображены, съ подписями, слѣдующіе предметы: Адамъ, Априлій, Афродита, Арея — планета, Арометика, Антраксъ — камень, Аналогій, Араната — коза, Аспидъ, Алторъ. Подъ буквами и изображеніями написаны стихи:

„Начало азъ письмене достолѣпнаго знати.
Бытность во Адамѣ людей всѣхъ смотряти.
Земля есть въ частѣхъ, въ мѣсяцѣхъ измѣна.
Отрока зрѣти стадцѣ въ смыслъ одѣина"...

Не трудно убѣдиться, что и форма буквъ, и изображенные предметы, и самые нравоучительные стихи подобраны безъ ясной руководящей мысли. Формы буквъ очень причудливы и неуловимы для дѣтской памяти: одна и та же буква имѣетъ двѣнадцать начертаній только въ славянскомъ языкѣ, да еще нѣсколько начертаній въ латинскомъ и греческомъ діалектахъ. Предметы перемѣшаны съ удивительною пестротою и заимствованы изъ самыхъ разнородныхъ сферъ, такъ что отъ нихъ рябило въ глазахъ юнаго ученика и кружилась голова. Онъ одновременно разсматривалъ и усвоялъ изображенія Адама, Априлія, Аналогія, Аранаты — козы, и проч. Какой хаосъ картинъ и представленій возникалъ и царилъ въ головѣ ученика! Нравоучительные стихи нисколько не уясняли произношенія буквы и значенія изображенныхъ предметовъ, а только забивали дѣтскую голову своею нескладицей и путаницей въ изложеніи мыслей. Такимъ характеромъ отличаются изображенія и стихи подъ буквами г, д, е, ж, з, к, л, м, н, п, р, т. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, стихахъ кратко истолковывается значеніе буквы и упоминаются тѣ предметы, поименованные и отгравированные въ букварѣ.

Подъ буквою z изображены: звѣзда, звѣздозаконникъ, зѣница, заяцъ, змій, зелье:

„Зѣло письмене въ слогахъ земля полнитъ
Въ числѣ знакъ шесть онаго не волнитъ.
Число шесть требно во вещахъ и во лѣтѣхъ.
Звѣзда блистаетъ въ своей мѣрѣ всяка.
Зѣлъ беззаконникъ смотритъ въ небѣ знака.
Зеліе ясти, змій тебѣ не вредитъ.
Зѣница воду въ мѣру пить да вѣдитъ“.

Есть также стихи, въ которыхъ кратко намекается и на произношеніе и правописаніе нѣкоторыхъ буквъ:

„Право писати письмяно *i* нуждно.
Повѣстописцевъ слушай неутруждно
Іорданъ рѣка, Іерусалимъ градъ
Описаны суть, и ты будь хвалимъ...“

Или: „Письмено здѣ *еръ* тако образъноситъ,
Въ слогахъ реченій, въ письмѣ мѣста проситъ.
Еръ въ словѣ дебелъ мѣсто занимаетъ...
Въ началѣ *еры* въ рѣчи не ставаетъ;
Обаче въ требствѣ склада словъ бываетъ...
Ерь тонкословитъ въ произносъ гласа
Въ реченіяхъ же знанство и украса.
Ъ впереди не стоитъ въ концѣ послѣдствуетъ...“
„*Ѳиту* потребно съ *фертомъ* въ письмѣ знати.
Гдѣ во именахъ и числахъ писати.
Сиплива ѳита въ произносѣ гласа,
А юный уменъ, любезна украса...
Въ письменахъ славянъ *ижица* держится
Въ греческихъ разумъ того разнѣ явится“.

Хотя фонетика и графика указанныхъ буквъ раскрыты очень блѣдно и слабо, но при чтеніи этихъ стиховъ ученики, по крайней мѣрѣ, могли выносить хоть какую-нибудь пользу для своего обученія грамотѣ. Что же касается остальныхъ буквъ, то онѣ только упоминаются въ началѣ текста стиховъ. Авторъ обыкновенно начинаетъ каждый отдѣлъ своихъ апоѳегмъ извѣстной буквой, названной по имени, потомъ наудачу подбираетъ какую-либо рифму, связывающую первый стихъ со вторымъ; затѣмъ нанизываетъ рядъ виршъ, упоминающихъ объ изображенныхъ въ текстѣ предметахъ или вяло и неграмотно излагающихъ мертвыя наставленія. Вотъ какъ подбирались для буквъ стихи:

„*Вѣди* письмено въ слозѣ преизрядно,
Изученному писать не досадно,
Виды сіи вси человѣкомъ требны,
Смотрѣти должно, чтобы не были вредны..
Како кто хощетъ видомъ познати,
Въ первыхъ вещѣхъ сихъ будеть то писати
Мысля юноше и пиши *мыслъте*
Како бы жити въ благомъ тебѣ лѣтѣ...
Нашъ напишетъ кто, и въ пріятствѣ знаветьо
Душа въ небесно спѣется гражданство...
Покой отъ труда всякому есть знати,
Еда будеши и перомъ писати.
Рцы письмяно се и глаголъ рцы творитъ
Рука щедрая добро всѣмъ говоритъ(?)...
Твердо слово дѣлаетъ постоянство
Труба гласъ даетъ людемъ вѣсть и знанство.
Въ слозѣ *икъ* и *оу* однако гласуютъ,
Чиномъ и видомъ въ письмѣ различуютъ.
Хѣрь въ письменахъ знай херувимъ писати.
По семъ узриши и хлѣбъ гдѣ собрати...
Каковы суть *ци* въ письмяномъ зри слозѣ.
Въ благодарствѣ всякъ, буди Богу мнозѣ...
И человѣкъ *червъ* псаломски назвася.
Червь пишя мысли, гдѣ быти создася...
Въ славянороссскомъ письмя *ша* языцѣ,
Имѣетъ дѣло писатися въ лицѣ...
Сама *ять* гласитъ и въ глаголѣ ѣду
Гдѣ и въ подчинствѣ не теряетъ слѣду".

Замѣчательно, что буква ѣ читается и пишется, какъ двугласное — *ie*. Также читаются ю — іу, я — іа. Самая форма этихъ буквъ двусложная, показывающая двогласность буквъ. Это звуковое различие буквъ ѣ, ю, я, замѣчаемое и въ другихъ азбуковникахъ и букваряхъ тогдашняго времени, ясно говоритъ, что наши предки обращали вниманіе на звуковую сторону языка.

Въ концѣ азбучныхъ, нравоучительныхъ стиховъ авторъ замѣчаетъ:

„Вся письмена кто изучитъ писати,
Разумѣй, како во изрядствѣ стати,

Потребны тѣми все доброе пиши,
Въ соблазнъ же и вредъ тѣ всегда лиши.
Будеши честенъ, за трудъ твой и службу
Вездѣ возмеши даръ тебѣ и дружбу".

Обозрѣнный нами букварь Каріона Истомина относится къ категоріи куншованныхъ (иллюстрированныхъ) азбукъ и представляетъ собою выразительный типъ ихъ. Но въ немъ опущенъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ азбукъ, въ которомъ помѣщались буквы, склады и нѣкоторыя изреченія (*азбука толковая*). Этотъ опускъ составляетъ существенный недостатокъ букваря и неизвинительный недосмотръ автора. Безъ складовъ дѣти были какъ безъ рукъ; безъ нихъ дѣти не могли разбирать апоѳегмъ и принуждены были безсмысленно твердить и заучать ихъ вслѣдъ за учителемъ. Указанный недостатокъ скоро усмотрѣлъ и самъ авторъ — въ новое изданіе букваря онъ внесъ *толковую азбуку*, со многими складами, молитвами, заповѣдями и проч. Другой не менѣе важный недостатокъ букваря — это отсутствіе въ немъ сколько-нибудь своснаго матеріала для чтенія.

Изъ нравоучительныхъ, нескладныхъ и почти безсодержательныхъ стиховъ дитя ничему не научалось, оно привыкало только къ безсмыслицамъ и безхарактернымъ присловьямъ. Букварь Истомина можно назвать *послѣсловіемъ* азбуки, безъ которой онъ представлялся для отроковъ іероглифической загадкой. Много несообразностей и нелѣпостей можно усмотрѣть въ самой графикѣ и кунштировкѣ букваря. Начнемъ съ *заставокъ*, или большихъ буквъ, многія изъ нихъ выгравированы очень фантастично и причудливо: буква *б* изображается, напр., въ видѣ стоящаго рыцаря, который поднялъ на голову правой рукой что-то въ родѣ сабли, а лѣвой опирается на дугообразную палку. При видѣ такой картинки дитя интересовалось, конечно, не буквой, да ее очень и трудно угадать по рисунку. Есть такія фигуры буквъ, которыя живо напоминаютъ собою „виды" рыцарскаго эротизма: буква *к* изображается въ образѣ нѣжно-ласкающейся молодой четы, — буква *о* фигурируетъ двухъ наклонившихся и обнявшихся молодыхъ существъ (тоже буква *ю*), — буква *и* представляется въ видѣ двухъ молодыхъ женщинъ, стоящихъ на одной доскѣ, съ растрепанными волосами, — буква *ѫ* рисуется въ образѣ

[illegible] разныхъ чел... и безобразныхъ существъ, имѣющихъ одинъ общій характеръ. Всякій согласится, что эти фигуры буквъ уродливы, нелѣпы и далеки отъ изящества начертанія буквъ. Не разумѣю и то, что авторъ помѣстилъ нѣсколько очертаній печатныхъ буквъ, отличающихся другъ отъ друга только величиною: ненужное и тяжелое для дѣтскаго глаза и памяти разнообразіе. Что же касается буквъ скорописныхъ, то онѣ отличаются другою крайностью, — излишнимъ и затѣйливымъ разнообразіемъ графики: тутъ предлагается нѣсколько неодолимыхъ трудностей заразъ: ребенокъ долженъ цѣлые дни изучать начертанія одной и той же буквы, и притомъ безъ всякой для себя пользы, — усвоить и выразить на письмѣ эти буквы нѣтъ возможности даже опытному глазу и привычной рукѣ. Итакъ, формы и начертанія буквъ, по которымъ дѣти научались читать, очень неудачны. Нельзя одобрить и тѣхъ безобразныхъ вещей, на которыя отроки смотрѣти должны, „чтобъ не были вредны". Между ними мы встрѣчаемъ напримѣръ: аравату козу (совершенно похожую на обезьяну), *мурино* змія (?), ипокентавра — человѣка съ лошадинымъ туловищемъ и ногами, феникса — баснословную птицу, возраждающуюся изъ своего праха. Разсматривая и запоминая эти рисунки, дѣти пріобрѣтали сбивчивыя и фальшивыя понятія о предметахъ и могли воображать, что существуютъ люди съ лошадиными ногами, самораждающіяся птицы и т. п. Старорусская педагогія придавала серьезное значеніе изображеніямъ и строго требовала, чтобы ученики не забавлялись „паволоками, но вразумлялись ими". Хорошо вразумленіе! Впрочемъ, большая часть иллюстрированныхъ предметовъ заимствована изъ обыденной и доступной дѣтямъ сферы: ножъ, пила, молотъ, ведро, вѣсы, крыло, лебедь, щука, козелъ, бобръ, соловей, свирѣль и проч. При пособіи отчетливыхъ изображеній подобныхъ предметовъ ученики знакомились съ окружающими ихъ вещами и предметами, и, такимъ образомъ, расширяли свои свѣдѣнія по міровѣдѣнію и отечествовѣдѣнію. Къ достоинствамъ букваря нужно отнести отчетливость и выразительность изображеній, которыя и донынѣ сохранили эти качества.

Лопковъ.

Букварь Каріона Истомина 1692 года.

Книга состоящая изъ 43 страницъ, отпечатанныхъ мѣдными досками, гравированными извѣстнымъ граверомъ Леонтіемъ Бунинымъ, въ книжный листъ.

Полные и хорошо сохранившиеся экземпляры этого художественно выполненнаго букваря очень рѣдки.

Листъ 1-й. Вверху картинка: Христосъ, сидящій на престолѣ съ развернутою книгою на колѣнахъ; въ книгѣ написано „Азъ премрость вселихъ совѣт“.

По бокамъ по три ученика со свитками, на которыхъ находятся надписи:

„астрономіа — ѳеологіа — риторика — философіа — грамматіка — геѡметріа“.

Кругомъ листа: съ боковъ — горшки съ цвѣтами и букеты, внизу — заставка изъ акантовыхъ листьевъ.

Текстъ:

„Всетворцу Бг҃у, Буди честь и слава,
Онъ бо люде⁽ᵐ⁾ всѣмъ, В' дѣла Вся управа.
Писменъ Когда ли, Кто хощетъ учися,
бг҃у моляся, За дѣло имися.

Еллински Граммата,
славенски писма та.
Здѣ ся образуютъ,
званство си сказуютъ.

Какѡ пишутся, Тыя скорописнѡ,
добрѣ уставомъ, Зри Всякъ очевиснѡ.
Писмена сложны, дадутъ Реченіе,
из' оныхъ слово, Во все ученїе.
Іеромонахъ, Счини се Карїѡнъ,
Желающь В' вышнь весь, успѣти Градъ сїѡнъ,
Пріяти Разумъ, В' букварѣ успѣшный.
посемъ В' нбѣ Вѣ. Всладости утѣшны.

Міроздания ҂зрч Лѣта. Ѿвоплощенія же Бг҃а Слова ҂ахчв. Мца марта. в царствующемъ градѣ москвѣ“.

Листъ 2-й. Вверху заставка съ крестомъ въ срединѣ.

Текстъ:

„Букварь.

славенороссійскихъ писменъ уставныхъ и скорописныхъ. Греческихъ же Латинскихъ и полскихъ. со ѡбразованми Вещей. и со нравоучителными стихами: Во славу всетворца Гда Бга и вчесть престыя влчцы Бцы мрїи, и всѣхъ стыхъ. Изобразися на дцицахъ Ваянїемъ, имущимъ учитися отрокѡмъ, и отроковицамъ мужемъ и женамъ писати. Видѣ бо славенская Греческагѡ же и Латинскагѡ и полскагѡ языка писмена или слова вънемъ напечаташася.

По всякимъ же писменемъ. ради Любезнагѡ созерцанїя отрочатѡмъ учащымся предложены виды во удобное званїе всклад: дачто видитъ. сїе и назоветъ слогомъ писмене Долголѣпнагѡ начертанїя тѣхъ.

Яко А адамъ. алекторъ. Аспидъ. и про: Б брань, Брада, бичь. В вѣнецъ. виноградъ. воинъ. Градъ, гробъ. И весь букварь такѡ изявленъ. Зане Сими писмены вещей вскл или слогъ имутъ начало".

Листъ 3-й. Текстъ:

„Инїи же. якѡ Ъ. и Ь. инїи, не начинаютъ вещи названїа, но припрягаются къ другимъ писменемъ. И тѣхъ словъ всякъ смотри всрединѣ, или вконцѣ реченїй всвоемъ ихъ порядкѣ. по Азбуки славенской, Яко сїе Бабръ, багоръ, Верви, селдь. лебедь. и прочее. И натѣ видоѡбразныя вещы. приличны юнымъ людемъ метафоринѡ сїесть преносиѣ. Еже Ѿ вещей слово кдѣлу потребну вземлется, стїхи нравоучителны суть.

Да вползу свою всякая Дша во имени Гдни пишущи оная и чтущи спасенїе ѡгорестить, и получитъ Блгословенїе бжїе взаповѣдаванномъ дѣланїи своемъ наземли и на небеси. Сегѡ бо ради и дѣлаемо есть сїе. А идѣжеввещехъ и словахъ букварѧ сегѡ недосталость узрится. яко вперводѣланїи, блгоразумнѣ. неѡсуднѣ же. изволь кождый вприличество исправити. Ибо вновостиструдомъ. и иждивенїемъ собирася и издася. Всякъ же пиши и чти сїе вползѣ, буди здравъ испасенъ влѣтѣ долзѣ, желаю. ѡ всемъ славу возсылая человѣколюбивому Бгу нинѣ и присно и во вѣки вѣкѡмъ аминь. Писавый. исправленїя и прощенїя проситъ кланялся худо Карїѡнъ Іеромонахъ Истоминъ".

Далѣе слѣдуетъ на листахъ 4—41 самая азбука. На каждомъ листѣ въ верхнемъ лѣвомъ углу находится лицевое изображеніе одной изъ букъ азбуки въ видѣ одного или двухъ

людей въ разныхъ позахъ и затѣмъ та же буква — уставнаго и скорописнаго почерка, по-славянски, по-гречески и по-латыни; ниже помѣщены изображенія различныхъ предметовъ, названія которыхъ начинаются съ той буквы, а въ самомъ низу — стихи.

Листъ 4, буква А. Изображенія: „Апрілій мцъ (въ видѣ солнца въ облакѣ, изъ котораго дуетъ вѣтеръ). — Афродита. — Арея планета. — Апера̃ъ камень. — Алекторъ (пѣтухъ). — Адамъ. — Аналогій. — Аранага коза (обезьяна). — Аспидъ (въ видѣ крылатаго дракона). — Ареѳметіка (раскрытая книга съ цыфрами). — Часть а земли асıа. — Часть в африка. — г. америка. — Агкура (якорь)".

Внизу вирши:

„Начало аза, писмене долгъ знати,
бытность в адамѣ, Людей всѣхъ смотряти.
Земля есть в частѣ, в мѣсяцахъ измѣна,
отроча зрѣти, сладцѣ в смыслъ ѡдѣнна.
вся в мірѣ вещи, всякъ да назираетъ,
в кгу же мысль всю, присно ѡбращаетъ.
во время свое, всяко дѣло проситъ,
вещи потребны, во ползу приноситъ.
Из начала лѣтъ, юнъ в семъ ѡбучайся,
вездѣ ѡ жизни, мудрѣй утѣшайся."

Листъ 5-й, буква Б. Изображенія: „брань или война. — боранъ. — буйволъ. — бритва. — брада. — барабанъ — бердо. — бичъ".

Подъ изображеніями вирши:

„Бытность из бга, Стихіи пріяша,
учащымъ буквы, Знакъ скла ѡбѣщаша.
Из начала брань, в мірѣ ѡбитаетъ,
юныя люди, Жити ѡбучаетъ.
барабанъ в полкѣхъ, в рема даетъ знати.
Животна умнымъ, могутъ помогати.
Человѣкомъ Есть, брада совершенство.
младымъ слушати, старыхъ людей действо
Ткати поставъ добръ, юныхъ наказати,
бичем, не умрутъ, имутъ успѣвати.

Листъ 6-й, буква В. Изображенія: „воронъ. — вѣтръ. — вѣбій — вѣнецъ. — ведро. — вретено. — виноградъ. — воинъ. — врата. — верпги. — вѣтвь. — вилы. — весло. — верблюдъ".

Стихи подъ изображеніями:

„Вѣди писмено, в слозѣ преизрядно,
изъученому, писать недосадно.
виды сіи вси, человѣкωмъ требны.
смотрѣти должнω, чтоб не были вредны.
віноградъ ясти, людемъ Есть полезенъ,
вина пить многω, невсякъ будь любезенъ.
Гулякамъ юнымъ, несладка наука,
За своеволю. в веригахъ имъ мука.
Войну имѣти, всегда человѣку,
Какω прейдетъ, путь к иному вѣку“.

Листъ 7-й. Буква Г. Изображенія: „голубь. — гамаюнъ (ежь). — [illegible]. — гора. — гусли. — гробъ. — грабли — гребень. — грибъ“.

Внизу вирши:

„Глаголь писмено, добрѣ изучай,
Явственѣ в словѣхъ рѣчь, всяку извѣщаяй
Разумѣй юный, Ѡ всякомъ Глаголѣ.
в правдѣ небудешь, в грѣховнои ты долѣ.
Съ Глаголя вещи, Комули смотрѣти,
в прикладах ползу, возможетъ имѣти.
Лети в Блаженство, восходи на Гору,
причтешися ты, Небесну собору.
Никомуже здѣ. Смерть и Гробъ не страше.
аще кто добрымъ. Жителствомъ оукрашенъ“.

Листъ 8, буква Д. Изображенія: „дверь. — древо. — длань — [illegible]. — діадима. — делва. — вогра дорога. — дуброва. — дуга“.

Стихи подъ изображеніями:

„Добра учитися, Кому Есть охота,
постигнетъ того, Райская Доброта.
И въ Діадимахъ. в блгой жизни славни.
Разсмотрителствомъ. Аще благонравни.
Домомъ ли жити. требнω домостройство.
всякому знати, своих вещей свойство.
Сегω бо ради. Люди разумъ стяжутъ,
да лести в мірѣ, Ѕлобою не свяжутъ.
Дороги спрашай, Обычаемъ внемли,
ходяй по всюду, всякъ никогда дремли“.

Листъ 9-й. буква Е. Изображенія: „еуліе. — епитрахи[illegible] — [illegible]. — елень. — ефіопъ. — ел[illegible]. — ехидна (змѣя)“.

Внизу вирши:

„Что вещей в мирѣ, Есть бытность ѿ бга,
и есть писмяно. потребно до слога.
въ есть добродѣтель, кому воз имѣти,
в еклїе, долгъ тому смотрѣти.
Добродѣтель же, юна в десных ставитъ,
с старыми люми, в бесѣдахъ прославит.
В комъ доброта есть, вся вещы не в диво,
яко оуспѣетъ, всякъ в небесно живо.
Юнымъ и старым, ѡ ести тщатися.
зло[б] грѣхѡв всегда, тѣмъ ѡпасатися“.

Листъ 10-й. буква Ж. Изображенія: „женихъ. — жена. — [illegible] — жужелица. — жаворонокъ. — жезлъ. — жребій — житница. — журавль. — жаба. — жолудь. — жукъ“.

Стихи подъ изображеніями:

„Женихъ и жена, животно словесно.
спрягшися блзѣ. да водя[т] жизнь десно.
Родяще чада, люди оумножаютъ.
на хвалу бгу. землю населяютъ.
Съ блгими люми, бе[з]бѣно есть жити.
злыя же многѡ, имѣютъ вредити.
Оусерднѡ жилу, натягай в благое,
жезло[м] проговяй. все в мірѣ семъ злое.
Пріимешь благій, жребій тебѣ всюду.
прейдешь в житницу, небесну ѿсюду“.

Листъ 11-й. буква S. Изображенія: „звѣздозаконникъ — звѣзда — sѣница. — заецъ — sмій — sелвы. — sелie“

Стихи подъ изображеніями:

„Sѣло писмено, в слога[х] земля полнитъ,
в числѣ знамя шесть, онаго не волнитъ.
Число шесть требно, во вещехъ и лѣтѣхъ,
за sлобу в казни, на старыхъ и дѣтехъ.
Sвѣзда блистаетъ, в своей мѣрѣ всяка,
sвѣздозаконникъ. смотри[т] в небѣ знака.
Когда что будетъ, в бжїей то воли.
задѣла всяка, намѣряетъ доли.
Sеліе ясти, sмій тебе невредитъ,
sѣница воду, в мѣру пить да бѣдит“.

Листъ 12-й, буква З. Изображенія: землевина. — замокъ. — звонецъ. — златица. — знамя — забрало. — завѣса. — земля".

Стихи подъ изображеніями:

„Земля вещь крѣпка, Бгомъ сотворена,
иначемъ словомъ, егѡ оукрѣплена.
Забрало людемъ, в потребахъ оугодно,
аи гдѣ замокъ, не всякому входно.
Звонецъ глашаетъ, движимь вещь и время.
златица легчитъ, в случаяхъ ѕлыˣ бремя.
Знамя в полкаˣ, свойство даетъ знати,
завѣса ѿ глазъ, чуждъ вещь заслоняти.
Орати землю, въ покорѣ оучися,
людемъ служити, в должествѣ пелѣпися.

Листъ 13-й. буква И. Изображенія: иготь. — игла. — икона — ихвилатъ. — идолъ. — игра. — изба. — источникъ.

Стихи подъ изображеніями:

„Писмяноиже, в слозѣ подчинися,
чью икону зрѣвъ, памятнѡ ведися.
Из млада иго, в добромъ всяк понеси,
чистоту храни, в твоемъ тѣлеси.
Иготь потребна, идолъ попираемь,
источником благ, буди напаяемь.
Во избѣ живутъ, иглою же шїютъ,
в ползѣ людїе, вездѣ воспочїютъ.
В мѣстѡ имене, прїемлется иже,
стрегися ѕлобы, не свергнетъ тя ниже".

Листъ 14-й, буква І. Изображенія: Іппокентавръ. — Іегоргіограть — Іота. — Іерлимъ грд. — Іѡрданъ рѣка.

Стихи подъ изображеніями:

„Правѡ писати, писмяно ї нуждиѡ,
повѣстописцевъ, слушай неутруждиѡ,
Іѡрданъ рѣка, градъ іеросалимъ,
ѡписаны суть, и ты будь хвалимъ.
Добродѣтель бо, хвалы всѣхъ доводить,
в чцѣхъ смыслъ, чистъ в вещехъ породи.
Звѣрь іппокентавръ, создавно животно.
ѿ твари творца, слави всякъ ѡхотно.
Новое лѣто, індїктъ ѡбрящеши,
в нбѣ по смерти, здѣшниˣ не взалчеши".

Листъ 15-й, буква К. Изображенія: „кипарисъ. — клобукъ. — китъ. — колоколъ. — ключь. — кушиѣ. — кокошь (птица). — конь. — корабль. — колесница. — кречетъ. — корова. — копіе. — кладезь“.

Стихи подъ изображеніями:

„Какѡ кто хощетъ, видомъ си познати,
в первыхъ вещей сиˣ, будешъ то писати.
Киты суть в морях, кипарисъ насуши,
юный ѿверзай, в разумъ твоя уши.
В колесницу сядь, копіемъ борися,
конемъ поѣзжай, ключемъ ѡтоприся.
Корабль на водѣ, а в дому корова,
и кокошь в требу, и людемъ здорова.
Ѿложи прискѡ, тщеты недосуги,
кололѡлъ слушай, твори в вебѣ други“.

Листъ 16-й, буква Л. Изображенія: „левъ. — левтїонъ. — ладіа. — ложка. — лукъ. — лещъ. — ложе. — лилїа. — лѣствица. — лагвица. — лукъ (растеніе). — лопата“.

Стихи подъ изображеніями:

„Люди в согластвѣ, добрыя бываютъ,
в любви жителство, в людехъ оустрояютъ.
Ладїю прави, и себе самаго,
лву не являйся, без ѡруженъ наго.
Лещъ и лукъ ясти, из лука стрѣляти,
лѣствицею же, блгъ ходъ сотворяти.
Лошка, левтїонъ, в надобье творятся,
лагвицы полны, пити пригодятся.
Лилїа трава, цвѣтоᵐ преизрядна,
юноше недѣй, грѣхоᵐ дѣла смрадна“.

Листъ 17-й, буква М. Изображенія: „мечь. — митра. — медвѣдь. — мошна. — мохоръ. — монисто. — мѣра. — мрежа. — мышь. — мравій“.

Стихи подъ изображеніями:

„Мысли юноше, ипиши мыслѣте,
какѡ бы жити, в бл͠гомъ тебѣ лѣтѣ.
Митру здѣ носятъ, чести достойнїи,
меча боятся, в мѣрилѣхъ злобнїи.
Нетолкѡ медвѣдь, но в мрежи и люди,
грѣхомъ ловимы, ты ѡпасенъ буди.

Мравій в трудѣ сп. | девегъ полнить мошны.
мышь да непроѣсть. | окрадутъ все нощны.
Мониста мохоръ, | людемъ во оукрасу,
слѣдуй оучащымъ, | тебе добру гласу".

Листъ 18-й. буква Н. Изображенія: „носило. — носъ. — ножъ — ночвы. — нога. — натопырь".

Стихи подъ изображеніями:

„Нашъ напише кто, | и в пріятствѣ знаєть,
душа в небесно, | спѣшися граждавство.
Бгъ нашъ вездѣ сый, | Всѣхъ блгъ исполняетъ.
человѣкъ оумомъ. | чрезъ носъ обоняетъ.
Здравъ кто ногама. | будь болну носило.
ножемъ н дерзай, | в требу онъ есть дѣло
Ночвы в домъ возми, | в требствѣ пригодятся,
но топыри же, | злобъ да истребятся.
Гдѣли идеши, | смотри гдѣ суть нашы,
люди в блженствѣ, | рая села вашы".

Листъ 19-й, буква О. Изображенія: „ово. — осва. — овца — орелъ. — око. — окунь. — околяры (очки). — оселъ. — органы — овощникъ. — орало".

Внизу вирши:

„Овъ зри окомъ тѣлесным, | инъ вѣ онъ мысль умым.
очки очамъ, книги же | в ползѣ суть разумным
Орлово зрѣнство емли. | овцы смиреніе,
умъ твой на ослу стирай | в книжно ученіе.
Яко оселъ здѣ всяка | душа не лѣнися,
вземши орало в дѣлѣ | из млада трудися.
Окунь в водѣ поимаеть. | на одрѣ поспиши,
по трудѣ сл҃ко с плоды | овощникъ узриши.
Окна чувствъ стреш, | ово осва недокучит,
уменъ чл҃къ всѣмъ блгъ | яко органъ звучит".

Листъ 20-й, буква П. Изображенія: „палата. — перо. — перстень. — потиръ. — парусъ. — пищаль. — поясъ. — пугвица. — птицы. — пелынь. — плинѳа. — праща. — пиѳикъ (обезьяна)".

Стихи подъ изображеніями:

„Покой от труда, | всякому есть знати,
егда будеши, | и перомъ писати.
Парусъ желанный, | людемъ в добро пущай.

палату сердца, в пость тѣло усушай.
Стрѣляй ко бгу, мыслїю твоею,
онъ ѡпояшетъ, силою своею.
Чистому в любви, пугвица застегнет,
аще плинфъ грѣха, кто свободъ ѿтбѣгнет.
Пращею молитвъ, враги побѣждати,
пѣвки бѣси, неимутъ стужати“.

Листъ 21-й, буква Р. Изображенія: „ракъ.—риза.—рипида.—рыба.—рукавица.—рогъ.—рука.—рубаха.—рѣпа.—ретка.—розга.—рогатина.—решето“.

Стихи подъ изображеніями:

„Рцы писмено се, и глъ рцы творит,
рука щедрая, добро всѣмъ говорит.
Ризу вздень, рыбу яждь, рогъ не возноси,
смиренны блженствъ, оу бга си проси.
Рубаха бѣла, праздникъ есть младому,
душевна бѣлость, небоится грому.
Врешето потребъ, с бери ретку рѣпу,
сѣй в наро млть, богату и слѣпу.
Въ правдѣ походишь, и безрукавицы,
вездѣ бо в любви, оусрѣтятъ тя лицы“.

Листъ 22-й, буква С. Изображенія: „сердце.—сапогъ.—свѣщникъ.—соловей.—слонъ.—стручецъ.—сабля.—сосецъ.—скворада.—стопа.—скляница.—спурида.—свирѣль.—снопъ

Стихи подъ изображеніями:

„Во всякомъ словѣ, юнъ зри твое срце,
да в двоедушствѣ, не будетъ в немъ дверце.
Сапоги босый, в крѣпость обувает,
в сѣть грѣховную, ногъ да не впутаетъ.
Сосцемъ оученьемъ, в словесѣхъ питайся,
скляницы сковра, в излишествѣ ѡшайся.
Свирѣль чрезъ людей, славїй самъ в спѣваетъ,
а слонъ безъ дѣла, в гулбѣ оунываетъ.
Свѣщникъ поставль, снопъ дай рукояти,
небудешь стручца, в старость занимати“.

Листъ 23-й, буква Т. Изображенія: „труба.—торѣль.—тарель.—токмакъ.—тыква.—топоръ.—тетеревъ.—томаръ.—тесла.—тазъ“.

Стихи подъ изображеніями:

„Твердо слово, дѣетъ постоянство,
труба гла даетъ. людем вѣсть и зна ство.
Торѣль на столѣ, тарель пред тобою,
топоръ и теслу, юнъ имѣй с собою.
Въ дому потребенъ, то"макъ томарь стрѣлный,
не буди в людехъ. тетеревъ бездѣлный.
Пристары твердω, научишся жити,
такω и иныхъ, имаши оучити.
Небесны кровли, присмотряй тверди,
гдѣ аггли ти, в прiязнь мирди".

Листъ 24-й буква У. Изображенія: „ухо. — оусерязь (серьга). — узда. — устнѣ. — удила. — оужище (веревка). — узолъ — убрусецъ. — удица".

Внизу вирши:

„В слозѣ икъ и оу, ωднакω гласуютъ,
чиномъ и видом, в писмѣ разликуют.
Оусерязь женамъ, оузда и языку,
кто невоздержен, престанеши крику.
Оудицы грѣха, ω душе стрегися,
оужемъ соблазнω, прошу не свяжися.
Слово закона, стави в твоемъ оусѣ,
держи вся оуды, в мудростно оубрусѣ.
Б҃ъ человѣки, таковыя любитъ,
терпящы в правдѣ, вездѣ мзду сугубит".

Листъ 25-й буква Ф. Изображенія: „финиъъ. — фелонь. — фонарь. — фіалки".

Стихи подъ изображеніями:

„Фертъ пишемъ есть, в языку словенском,
знать строителство, в дѣлѣ деревенскомъ.
фертомъ неходятъ, землю ωрющіи,
г҃подвъ зри гдѣ, кормлю пасущіи.
фіні҃ъ есть древо, фіні҃ же и птица,
в разумъ сотвори, господня десвица.
Въ філософіи, взирай вся вещи,
свободишися, гордостныя пещи.
фонарь добрый смыслъ, носи в дни и нощи.
фелωнь, фіялки, фіалъ в радость мощи".

Лисгь 26-й, буква Х. Изображенія: „хоругвь. — херувимъ. — хартія. — хлѣбъ. — холстъ. — холмъ. — хомутъ. — хортъ.

Стихи подъ изображеніями:

„Хѣръ в писменахъ знай, херувімъ писати,
посемъ оузриши, и хлѣбъ гдѣ собрати.
При хлѣбѣ и холстъ, людемъ ѡдѣяніе,
хомутъ конемъ, хвостъ въ употребленіе.
Холмъ добродѣтель, в полку ставь хоругвь,
поморю земли, ищи си всякъ другѡвъ.
Животны разный, видъ, хортъ есть собака,
в досужствѣ своемъ, и та не однака.
Вся вещи в тре^б^ство, далъ бг҃ъ человѣку,
да в семъ и славит, течя к сущу вѣку".

Листь 27-й, буква Ѿ. Изображенія: „ѡкринъ. — ожерелие. — ости. — обручь. — обязало. — остенъ".

Стихи подъ изображеніями:

Ѿ с твердомъ в рѣчи, ра^з^ность межь имѣют,
ѿ кого и охъ, печаль в людех дѣют.
Ѿ бг҃а милость, ѡ ней благодари,
какѡ пре^д^ни^м^ жить, гдѣ, всегда говори.
Обручь готовъ, любве нетерзанны,
ѡжерелья ти, честь слава избранны.
Вѣчна бл҃женства, ѿ юнъ да чаеши,
прïятство гдѣ взе^м^, да величаеши.
Остенъ лѣниву, ослу содѣлася,
оумну в станливу, тобѣ не годилося".

Листъ 28-й, буква Ц. Изображенія: „цвѣты. — церковь. — цата. — цѣвница. — цепъ".

Стихи подъ изображеніями:

„Каковы суть цы, в писмяномъ зри слозѣ,
в бл҃годарствѣ вся^к^, буди бг҃у мнозѣ.
Въ ц҃рковь оучащай, та небо земное,
в цвѣта^х^ жителство, ра^з^смотряй травное.
Какова есть цепь, с цѣпляй добродѣтель,
будеши небомъ, с ст҃ыми владѣтель.
Въ цѣвницу д҃ха, мощно ти играти,
аще мудру пѣснь, имаше слагати.

Не красны пѣсни, ѿ члкъ грѣшныхъ,
егда не имутъ, оучевій оутѣшныхъ".

Листъ 29-й, буква Ч. Изображенія: „черемха. — чванъ. — чернилница. — часы. — чаша. — чпагъ. — черепъ. — черта. — чеснокъ. — челнъ. — черпало. — чешуя".

Стихи подъ изображеніями:

„И человѣкъ червь, ѳаломски назвася,
червь пиша мысли, гдѣ быти создася.
Чашу оученій, юнымъ почерпати,
Словесъ бл҃ги^х долгъ, черту соблюдати.
Въ чолну разума, в книгахъ проѣ^зжайся,
людемъ избраннымъ, вездѣ пріѡбщайся.
Чеснока грѣховъ, всякъ не вкушай смрада,
чпагъ полнъ добра^{го}, свободитъ ѿ глада.
Черемха древо, ягоды раждаетъ,
пріиме^т в ястіе, кто въ смыслъ успѣвае^т".

Листъ 30-й, буква Ш. Изображенія: „ширинка. — шишакъ. — шапка. — шуба. — шило. — шаръ. — шахматы".

Стихи подъ изображеніями:

В славянорѡскомъ писмя ша языцѣ,
имѣетъ дѣло, писатися в лицѣ.
Шапка потребна, и женѣ и мужу,
ширинка всяку, ѡтирати нужу.
Шило в домоствѣ, шишакъ в полка^х нуженъ,
юноше бывай, людем всѣмъ услуженъ.
Яко шаръ вездѣ, в службѣ ти катайся.
в игрѣ шахматѡ^в, не велми считайся.
Без того мощно, имѣти забаву,
токмѡ все твори на бж҃ію славу".

Листъ 31-й, буква Щ. Изображеніе: „щипцы. — щегленокъ. — щитъ. — щеть. — щука".

Стихи подъ изображеніями:

„Кромѣ щ щита, нѣсть мощно вѣщати,
оученьем может, всякъ ся защищати.
Щипцами свѣщы, в ясность ѡтираютъ,
юнія свѣтли, в чистотѣ бываютъ.
При оумны^х людех, прищитахъ сѣдѣти,

не велятъ щети,	в гордости имѣти.
Словеса мудрыхъ,	и старыхъ смиряютъ,
ва всяка дѣла,	в мѣрность поучаютъ.
Всѣмъ оумным дшам,	требенъ щит законный,
цвѣтъ иму быти,	в раи сладковонный".

Листъ 32-й, буква Ъ. Изображенія: „стрелецъ.— козелъ.— багоръ.—коробъ.—котелъ.—бабръ".

Стихи подъ изображеніями:

„Писмяно здѣ еръ,	такω образъ носитъ,
в слогахъ реченій,	в писмѣ мѣста проситъ.
Гдѣ бгъ в началѣ,	кую вещь оустроилъ,
ты бо юноше,	все смотрством ωкроилъ.
Всякой бо вещи,	и время дается,
но какω кому,	добрѣ поведется.
Поведется же,	якω еръ в присяжных,
под началом бывъ,	в дѣлахъ непродажных.
Еръ в словѣ дебелъ,	мѣсто занимаетъ,
смиренъ члкъ,	в небо поступаетъ".

Листъ 33-й, буква Ы. Изображенія: „вѣсы.—часы.—власы. крыло.—выдра.—тынъ".

Стихи подъ изображеніями:

„Ерь с Іωтою,	в слозѣ, еры творитъ,
трудно без еры,	многихъ словъ говорить.
Ѡ человѣче,	смотри вездѣ мѣры,
исполнишися,	чесности и вѣры.
Вѣра наслѣдство,	дастъ небесны горы,
воистиннѣ ти,	вси люди подпоры.
Въ началѣ еры,	в рѣчи неставаетъ,
ωбаче в требствѣ,	сглада словъ бываетъ.
Въ небо хотѣти,	буди всякъ воздерженъ,
небудеши бо,	мѣста си ѿверженъ".

Листъ 34-й, буква Ь. Изображенія: „лебедь.—купѣль.—рукоять.— корень. — линь".

Стихи подъ изображеніями:

„Ерь тонкословитъ,	в произносѣ гласа,
въ реченіяхъ же,	знавство и оукраса.
Въ преди не стоитъ,	в концѣ послѣдствуетъ,
ωбаче в мѣстѣ,	своемъ та дѣйствуетъ.

Тѣмъ млада дша, | егда ерь пишеши,
тонкости в смыслѣ, | всегда да взыщеши.
Будеши вездѣ, | мѣсто си имѣти,
с умомъ и в преди, | не стыдно сѣдѣти.
Точію носи, | трудъ твой в наущѣ,
частѡ возноси, | в млтвах ти рущѣ".

Листъ 35-й, буква Ѣ. Изображенія: „лѣсъ.—пѣна.—ѣду в санякъ.—сѣно.—слѣдъ.—хрѣнъ".

Стихи подъ изображеніями:

„Ѣхати кому, | по жизни сей полю,
размышляй прно, | здѣ бжію волю.
Въ началѣ ли кто, | иныхъ потребуетъ,
в средствѣли. в концѣ, | начала взыскуетъ.
Въ купность бгъ связа, | оуды во тѣлеси,
распри не быти, | и писмянъ в словеси.
Сама ять гласитъ, | и в глаголѣ ѣду,
гдѣ и в почиявствѣ, | нетеряетъ слѣду.
Въ лѣпотѣ вездѣ, | человѣче буди,
возвеселится, | сердце ти и груди".

Листъ 36-й, буква Ю. Изображенія. „юноша.—юнотка.—юзы.—юнона богиня поганская".

Стихи подъ изображеніями:

„Юности труды, | лѣпѡ есть давати,
в старости будет, | всякъ ѡпочивати.
Пречинно ю в слог | и в почиявствѣ служит,
юный быв празден. | во вѣки погужитъ.
Что ли потребно, | онъ пренебрегаетъ,
добра быти в нем, | никто оуповаетъ.
О юный старыхъ, | людей ты держися,
в забавах вездѣ, | с ними быти тщися.
В почиствѣ быт юнъ, | в преди засѣдаетъ,
притчи словеса, | вещь и время знаетъ".

Листъ 37-й, буква Я. Изображенія: „яблоко.—яблонь—яицо.—ягоды.—ястребъ.—яхонтъ.—языкъ.—язь.—ящурка".

Стихи подъ изображеніями:

„Кто ѿтзоветься, | я в каковомъ дѣлѣ,
и писмя зрѣвъ я, | познаютъ вси смѣлѣ.

Языкъ удъ в̓ слово,	созданъ, умъ носити.
языцы разны,	въ странахъ говорити.
Держати языкъ,	ѿ ѕлобныя страсти,
яблоко, яицо,	в̓ требу добро ясти.
Ястребъ воздухо̓м,	язь водою ходитъ,
ящурки в̓ дому,	да никто же плодитъ.
Оубо пишай я,	всякъ вѣренъ скажися,
чл҇къ здѣ сущь,	рая не лишися".

Листъ 38-й. буква Ѯ. Изображенія: „ѯенія. — ѯенофонтъ — алеѯандръ. — алеѯій. — ѯанфъ фїлософъ".

Стихи подъ изображеніями:

„С еллїногрецка,	ѯи писмя славеномъ,
в̓ правописанствѣ.	то онѣхъ именомъ.
ѯенофонтъ с҇тый,	ѯенія святая,
и алеѯій святъ,	ѯи в̓ слоги в̓мѣщая.
Юный писати,	ѯи не ѿтрицайся,
в̓ па^мяте^х с҇тх̓,	в̓ небо оуправляйся.
Заве в̓ житїе,	свято ты оустроенъ,
ходи разумнѡ,	в̓ мудрости оузброенъ.
Сущо надежды,	в̓ вѣкъ не ѿпадеши,
еще и другихъ,	къ б҇гу приведеши".

Листъ 39-й. буква Ѱ. Изображенія. „ѱалтирь. — ѱалмы. — мусика пѣніе сладкое.

Стихи подъ изображеніями:

„Видъ писмено ѱи.	сицевь показуюгъ,
греческихъ именъ.	в̓ слозѣ ѡбразуютъ.
Славяне пишутъ,	и греки то в̓ счетѣ,
с̓бирай с̓читай вся^х.	ползы в̓твоемъ лѣтѣ.
Душа съ плотїю,	всякѡ разлучится,
и паки имать,	навѣкъ единится.
Въ добродѣтелныхъ.	вещехъ искусися,
ѿ случаявъ злыхъ.	в̓ молитвѣ крѣпися.
Б҇гъ же благая,	готовъ есть давати,
молящыяся,	скорбей из̓имати".

Листъ 40-й. буква Ѳ. Изображенія: „Ѳеона. — Ѳеопентъ. — Ѳеофилактъ. — Ѳеодѡръ".

Внизу вирши:

„Ѳиту потребнѡ, | с̑ фертомъ в писмѣ знати,
гдѣ во именахъ, | и числахъ писати.
Сиплива ѳита, | въ произносѣ гласа,
а юный оумевъ, | любезна оукраса.
Навыкнетъ ли кто, | жити здѣ в̑ покорствѣ,
всякїя вещи, | хощетᵀ быть в̑дозорствѣ.
Паче самъ себѣ. | восхощи смотрѣти,
чего хощеᵀ бг҃ъ, | ѿ тебѣ имѣти.
Сотворенъ еси, | ты оумнословесенъ,
прославляй творца, | врай буде несенъ“.

Листъ 41-й. буква Ѵ. Изображенія: „Ѵтихъ. — ѵакинѳъ — іпполѵтъ. — ѵпатій. — ѵмїней. — Еѵдокія“.

Стихи подъ изображеніями:

„В̑ писменахъ славянъ, | ѵжица держится,
в̑ греческихъ разумъ, | того разнъ явится.
Ѵѳилонъ оувихъ, | предчиннѡ поᵈчиннѡ.
в̑ слозѣ речевїй, | и въ числѣ истиннѡ.
Вся писмена кто, | из̑учитъ писати,
разумѣй какѡ, | во изряᵈствѣ стати.
Потребы тѣми, | все добрыя пиши,
в̑ соблазн̑ же и вреᵐ, | тѣ всегда лиши.
Будеши честенъ, | за труᵈ твой и службу,
вездѣ возмеши, | даръ тебѣ и дружбу“.

Листъ 42-й. Вверху заставка съ изображеніемъ благословляющаго Спаса, у котораго въ лѣвой рукѣ евангеліе съ надписью:

„рече г҃ди иже аще исповѣс̑“.

Текстъ:

бл҃годареніе: бгу.

Бж҃е единый, | в̑ трїехъ ѵпостасѣхъ,
буди честь и слава, | присно ти во гласѣхъ.
Ѿ всея твари, | еси покловяемь,
оч҃е и с҃не, | с̑ д҃хомъ прославляемь.
Дѣло се в̑ползу, | людемъ, тебѣ вошу,
даждь сп҃сенїе, | всѣмъ желаннѣ прошу.
Азъ земля пепелъ, | рабъ твой припадаю,
помилуй ц҃рю, | датя в̑ вѣкъ в̑спѣваю.

аллилуіа.

Бгородице, — ѿ дѣва святая,
Мріе мати, — помощь всѣмъ блгая.
Блженнѡ люди, — оуправляй ты жити,
еже бы бга, — и тя в вѣкъ хвалити.

Радуйся невѣсто не невѣстная.

Небесны чины, — вы намъ помогайте,
ѿ бѣд напастей, — вездѣ сохраняйте.
ѿ вси стіи, — в млтвѣ вы мнозѣ,
за вся хртіаны, — радуйтеся в бзѣ.

аллилуіа.

Сій букварь счини, — Іеромонахъ Каріонъ,
азнамени и рѣзалъ, — Леонтей Бунинъ ѧскъ".

Листъ 43-й. Посвященіе:

„Блаженнѣйшій ѻче и Гдние мой Пречестнѣйшій,
Во Гдѣ бзѣ здравствуй, и Радуйся.

Извѣстная знаменія В человѣцѣхъ бжія любве, В них же премудрость домъ себѣ устрои, и Витаетъ блгодатнѣ. Еюже взякія добродѣтели непрестаннѡ, яко премудріи архітектоны. бгоизбранніи люди, и сотворяютъ милостивѡ отеческѡ В Господствѣ своемъ пріятство всякому чл̃ку. Чесогѡ ради многая блгодаренія ѿ многих устъ повсюду всетворцу бгу В прославленіе стагѡ имене Его воздаются. И таковое блгодати гдни знаменіе и достояніе. В бголюбивѣй дши твоей всесовершеннѣ зрится умнословоглаголивыми. И блгодѣянія ѿческихъ твоихъ исправленій бгоугодныхъ вездѣ, не токмѡ на кровѣхъ круга земнагѡ проповѣдаются, нои аггелскими чины В премірномъ ѡризонѣ восхваляются пред спасителемъ нашим бгомъ. Тѣмже мздоводатель Гдь, мзду твоему ѿческому труду, и дшеспасителному В Бодрости подвигу, стократными мѣрами воздарствитъ. Азъже меншій за твое Господское ко мнѣ пріятство, и любезное во хртѣ бзѣ блгодѣяніе всегда Гду бгу блгодаренъ премногу. и тебѣ Гдрю моему Во блговременствѣ здѣ на премногая лѣта пребыванія, и полученія В пресвѣтлыхъ нбсѣхъ присносущныя нескончаемыя радости со Всѣми стыми прискреннѡ желаю

Твоегѡ блгословенія и млтвъ
стыхъ всегда требующій".

Ровинскій.

„Преднаказаніе дѣтей" — букварь братьевъ Лихудовъ[1]).

Букварь Истомина, характеризующій собою кунштованныя азбуки XVII вѣка, представляется слабымъ произведеніемъ. Но въ утѣшеніе наше тотъже вѣкъ даетъ намъ такое букварное сочиненіе, которое заслуживаетъ одобреніе во многихъ отношеніяхъ. Мы разумѣемъ рукописное „Преднаказаніе дѣтей", приписываемое ученымъ грекамъ Лихудамъ. Такъ какъ этотъ букварь совсѣмъ неизвѣстенъ въ нашей литературѣ, то мы сообщимъ о немъ подробныя свѣдѣнія.

„Преднаказаніе дѣтей" — *Παίδων προπαιδεία* — располагаетъ учебный матеріалъ въ такомъ порядкѣ:

Въ началѣ „Преднаказанія" помѣщено нѣсколько двустишій, содержащихъ въ себѣ общія нравственныя тенденціи, касающіяся дѣтей. Такъ какъ эти двустишія живо напоминаютъ собою безцвѣтныя, отвлеченныя педагогическія наставленія нашихъ азбучниковъ XVII вѣка, то мы для образца приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ:

„Богу дающу, зависть ни мало спѣетъ.
Не дающу же, всякъ трудъ вотщеся дѣетъ.
Цвѣти бываютъ дѣти благихъ родителей
Цвѣти и ученицы мудрыхъ учителей:
Идѣже дѣти веселятъ своя родители,
Яко и ученицы своя учители.
Иже хощетъ яко цвѣтъ любезенъ всѣмъ быти,
Тщится таковый присно благонравно жити
Яко бо любезни всѣмъ прекрасніи цвѣти,
Тако пріятни будутъ ученіи дѣти.
Цвѣтъ любезенъ вонею и со лѣпотою,
Отцемъ дѣти, радостьни нравомъ, добротою".

За этими общими и вялыми разглагольствованіями слѣдуетъ стихословное наставленіе юношамъ, относительно школьнаго образа жизни и ученія ихъ. Наставленія отличаются большою типичностію и выразительностію.

[1]) Рукопись букваря хранится въ библіотекѣ Спб. Дух. Акад. [illegible] 1295.

Юноша не почивай на постланномъ ложи,
да не удебелиши съ плотію и кожи.
И изъ подъ главы пуховикъ на страну отложи,
но вмѣсто же онаго черствие что подложи,
и тя самаго голо на одрѣ поверзи.
И такъ яко либо тѣло утомиши,
и сладко немечтанно, и бодро поспиши.
Случився же одра, Богу помолися,
и абіе за дѣло любезно имися.
Всегда тако житія препроводи время,
отлагая всякое грѣховъ твоихъ бремя.
Не хотяй трудолюбно юный учитися,
презѣлно о томъ старъ сый будетъ стыдѣтися.
Благочестиво переходя жизнь сію человѣкъ,
присно да размышляетъ пресуетный сей вѣкъ.
Никогда забывая послѣдняго конца,
да некако лишится пресвѣтлаго вѣнца".

Для теперешняго читателя странно и непонятно, зачѣмъ въ началѣ букваря помѣщены наставленія, которыхъ неграмотныя дѣти не въ состояніи прочитать и усвоить. Но въ старинной школѣ все прочитывалъ учитель, а дѣти дословно учили и зубрили читанное, хотя и „не сладостно". Въ томъ превратномъ убѣжденіи, что общія наставленія прежде и болѣе всего необходимы для дѣтей, какъ заправительныя начала ихъ домашней и школьной жизни, составитель букваря и помѣстилъ ихъ во главѣ своего „*Παίδων προπεδεία*".

Отъ наставленій дѣтямъ сочинитель букваря переходитъ къ родителямъ. Въ обращеніи къ „тщаливому читателю", онъ усердно доказываетъ преимущество образованія предъ невѣжествомъ, основываясь на свидѣтельствѣ І. Златоустаго о воспитаніи дѣтей, на примѣрѣ языческихъ ученыхъ, которые для пріобрѣтенія мудрости обходили разныя страны, и на жизни великихъ столповъ православія, которые искусны были въ наукахъ богословскихъ, философскихъ, грамматическихъ и „самыя ороографіи (сирѣчь правописанія) вѣдѣнію коснулись". Указавши затѣмъ горькіе плоды неученья и невѣжества, дурно отразившіеся въ церковной жизни русскихъ, авторъ разъясняетъ необходимость и ближайшую цѣль своего сочиненія. „Сихъ убо ради всѣхъ сочинися нынѣ сей *алфавитарій* (или

букварь) съ малою и нуждною орѳографіею словенскою, отчасти же греческою, аки *дверь и введеніе* къ пожеланію писаній вѣдѣнія, яко да начевше писменамъ учитися дѣтищи, по не мало пріобучатся правописанію и частѣмъ грамматическимъ, и оттуду хотящіи къ совершенству грамматическаго званія осми частей и сочиненія, (имже все писаніе, и всякое къ Богу и ко другъ другу бесѣдованіе и глаголаніе состоится) удобно возретятся. Вѣдѣніе же и разумъ святаго писанія познаютъ и погрѣшенія въ книгахъ обрѣтающаяся ясно проразумѣвати будутъ".

Авторъ задался широкимъ планомъ при составленіи своего алфавитаря и понималъ его, какъ пропедевтику элементарнаго обученія. Этимъ и объясняется довольно разнообразное содержаніе букваря и внесеніе сюда грамматическихъ свѣдѣній. При недоступности, а равно схоластичности и путаницѣ тогдашней грамматики Смотрицкаго букварь могъ быть очень пригоднымъ подспорьемъ для толковаго пониманія родной рѣчи.

Въ концѣ своего объясненія съ читателемъ сочинитель обращается съ наставленіемъ и просьбою къ родителямъ: „Тѣмъ убо родителіе словесъ аще что и не удобопонятно вамъ въ семъ алфавитарѣ покажется, не стужите, но по приточнику исправивше разумъ въ вѣдѣніи, примите съ любовію и о недоумѣнныхъ вамъ вѣдущихъ (?) вопрошайте, и сами навыкайте, и врученныя вамъ дѣтищи прилежно научайте знанію слоговъ, и правописанію, и верхострочно полагаемымъ просодіамъ, и частей осми слова чинному раздѣленію и сочиненію, и прочимъ подобающимъ, да отъ Господа Бога милость и грѣховъ оставленіе, отъ преимущихъ же духовныхъ и мирскихъ подобающую честь воспріимите: трудящіися бо во словѣ и ученіи сугубыя чести да сподобляются"... Если авторъ не разумѣетъ подъ *родителями словесъ* тогдашнихъ учителей, то представленное увѣщаніе, по меньшей мѣрѣ, наивное. Самъ же онъ упрекаетъ родителей въ невѣжествѣ, но въ то же время поручаетъ имъ обученіе дѣтей. Букварь требуетъ знакомства съ греческимъ языкомъ, съ грамматическими формами и оборотами славянской рѣчи. Слѣдовательно, толково обучать дѣтей по этому букварю могли только опытныя и, во всякомъ случаѣ, грамотныя лица.

Между наставленіями дѣтямъ и родителямъ и самимъ букваремъ помѣщенъ отрывокъ изъ „Слова Епифанія Славинецкаго";

въ немъ доказывается превосходство греческаго языка предъ другими языками и указывается несправедливое отношеніе къ нему нѣкоторыхъ латиномудровъ, не видящихъ „яснаго еллинскомудраго наказанія свѣта“. Въ концѣ Слова указанъ предлагаемый Епифаніемъ Славинецкимъ и распространенный тогда сложный буквосочетательный способъ обученія грамотѣ. „Внятно требствуетъ учити: сице, первое сложи два писмена, гласное съ согласнымъ и рцы, *буки азъ*; таже сотвори препятіе гласомъ, или отдохновеніе, и рцы слогъ *ба*; паки и на два писмена совокупи, сице *вѣди азъ*, и паки содѣлай препинаніе гласа, таже рцы слогъ: *ва*; сице и триписменные слоги слагай, *слово люди азъ*, и стани, таже рцы слогъ: сла; паки слагай, *вѣди люди ю*, и отдохнувъ, рцы слогъ: *влю*. По семъ глаголи все реченіе купно, *славлю*, тако и прочая по сему учи“. Симпатичное отношеніе составителя букваря къ Епифанію Славинецкому и греческому языку ясно показываетъ, что авторомъ букваря нужно считать одного изъ Лихудовъ, или, по крайней мѣрѣ, кого нибудь изъ нихъ учениковъ. Представленный образчикъ слогосоставленія съ соблюденіемъ всѣхъ ходячихъ тогда пріемовъ, живо воскрешаетъ передъ нами умирающую систему обученія въ нашихъ начальныхъ школахъ.

Самый „*Алфавитаръ* ради ученія малыхъ дѣтей“ начинается „увѣщаніемъ учителемъ“: Аще кто хощетъ отроча учити писменемъ славенскимъ и слогамъ: первѣе да прочтетъ здѣ лежащее, и да вонметъ убо себѣ самому опасно, и да увѣсть первѣе самъ добрѣ имена и гласы писменъ славенскихъ, и тако учащагося да научитъ“. Правило въ высшей степени необходимое, и не всегда выполняемое на практикѣ и теперешними учителями. Многіе изъ нашихъ учителей зауряды съ учениками проходятъ учебныя пособія, не прочитавши и и не осмысливши ихъ предварительно. По древнему выраженію такіе учители „слѣпые вожди слѣпыхъ“.

Начальное обученіе очень трудное и самое серьезное дѣло. Отъ него „аки отъ корене“ зависятъ ходъ и успѣхи всего дальнѣйшаго обученія. Поэтому начальный учитель обязанъ внимательно разсмотрѣть предлагаемыя ему пособія и отчетливо усвоить „имена и гласы письменъ“. Необходимы для практики учителя самоуглубленіе и самоизученіе. На языкѣ букваря это значитъ: „да вонметъ самому себѣ опасно“ каждый учитель дѣтей.

Въ алфавитарѣ дѣлается ясное, фонетическое различіе въ чтеніи и произношеніи гласныхъ буквъ. Вотъ нѣкоторыя, достойныя вниманія, замѣчанія о чтеніи гласныхъ буквъ: „v писмя есть греческое, имя же его ѵпсилой, а не ижица, еже *неприлично* гласу глаголется. Паки ȣ или ꙋ, обоя сія начертанія едино писмя и имя имутъ ȣ, а неяко неискусніи писмя сіе ѡ обыкоша гласить *икъ*. Подобаетъ убо каждо писмя глаголати, яко оно *гласъ свой творитъ*, гласъ же писмене сего не *и*, но *у*: и якоже гласъ его есть, сице и *звати тое по гласу его* ꙋ, или сложно укъ, но *гласа не измѣняя*: слагается же писмя сіе изъ двухъ точію писменъ гласныхъ: она и ѵпсилова. Еще ѣ, гласное же мягко, глаголати достоитъ, яко *е*, точію дебело ѣ, а не ять, и учити глаголати тое яко *гласъ свой творитъ*, не прилагая писменъ, согласнаго *т* и припряжно гласнаго ъ, *ниже гласъ его измѣняя во инъ гласъ*". Авторъ старается возстановить правильное звуковое чтеніе гласныхъ буквъ, искаженныхъ невѣжествомъ старыхъ букваристовъ. Взглядъ совершенно вѣрный, а въ то время и совершенно новый. Но, къ несчастію, рутина не воспользовалась прекраснымъ и плодотворнымъ совѣтомъ почтеннаго алфавитарника и до послѣдняго времени игнорировала звуковое произношеніе гласныхъ буквъ. „Подобаетъ коеждо писмя глаголати, яко оно гласъ свой творитъ, и якоже гласъ его есть, сице и звати тое, по гласу его". Если бы это правило было приложено къ чтенію согласныхъ, то мы имѣли бы полное право сказать, что звуковой способъ обученія грамотѣ, недавно появившійся и еще не вездѣ распространенный у насъ, былъ извѣстенъ нашимъ древнимъ, до-Петровскимъ букваристамъ. Но и то немногое, что сдѣлалъ составитель алфавитаря для чтенія гласныхъ буквъ, достойно сочувствія и уваженія со стороны современныхъ представителей начальной школы. Какъ отрадно убѣждаться, что звуковой пріемъ, родственный нашему языку, былъ въ зачаткѣ извѣстенъ и рекомендованъ на Руси еще въ исходѣ XVII вѣка! Мы не намѣрены превозносить геніальность и изобрѣтательность нашихъ предковъ, но считаемъ священнымъ долгомъ, во имя исторической правды и глубокаго уваженія къ родному слову, отдать полную справедливость трудолюбію, смышлености и педагогической проницательности составителя алфавитаря. Рекомендуя звуковое чтеніе гласныхъ, онъ старался, по-возможности, избѣжать обыч-

наго названія согласныхъ буквъ и затруднительнаго слогосочетанія и слогопроизношенія: „Паки учитель да вѣсть, како ученика учити слогомъ не раздѣльно подобаетъ учити (яко обыкоша не искусніи, *букиаз-ба, вѣдиаз-ва, глагольаз-га* и проч., не тако убо подобаетъ слоги учити): но раздѣльно и учащемуся“. Сложная операція складыванія — *вѣдиаз-ва*, безъ различія слоговъ и звуковъ, спутывала и обременяла дѣтскую память, а потому неизбѣжно требовала разграниченія слова на части, или на отдѣльные слоги, которые потомъ и сливались вмѣстѣ. Такой способъ обученія проще и нѣсколько понятнѣе для дѣтей. Указаніе его, или, по крайней мѣрѣ, намекъ на него, дѣлаетъ честь составителю алфавитаря.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи своего букваря авторъ переходитъ къ самымъ „письменамъ, греческимъ и славянскимъ“, но почему-то не перечисляетъ ихъ (въ рукописи оставленъ пробѣлъ); затѣмъ онъ не у мѣста вставляетъ заимствованную изъ прежнихъ букварей молитву предъ входомъ въ училище, потомъ опять говоритъ „о писменахъ греческихъ и славянскихъ и ихъ раздѣленіи“. Въ этомъ отдѣлѣ, между прочимъ, указываются замѣчательные пріемы отчетливаго произношенія и графики нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ: „к убо налящаемое имать подобное себѣ г или греческое среднее γ, яже образуются въ *гортани*. Т убо налящаемое имать подобное себѣ д среднее, яже образуются въ *небеси со языкомъ*; θ же подобное яко т, точію образуется *во язицѣ и зубахъ сипливо*. П убо налящаемое имать подобное себѣ б среднее, иже образуются въ *устнахъ* токмо. Ф паки налящаемое имать подобное себѣ в среднее, яже образуются во *устнахъ и зубахъ*“. Тонкое фонетическое различеніе подобозвучныхъ буквъ, представленное въ букварѣ, сдѣлано для избѣжанія смѣшенія звуковъ и означающихъ ихъ начертаній — буквъ, — и сдѣлано вполнѣ раціонально. Смѣшеніе звуковъ и обозначающихъ ихъ буквъ ведетъ къ неточной фонетикѣ и несоотвѣтствующей пріемамъ и требованіямъ звуковой системы графикѣ. Смѣшеніе это вошло въ нашъ языкъ со введеніемъ гражданскаго шрифта. Не менѣе раціонально указаніе букваря на произнесеніе извѣстныхъ буквъ въ такой или иной полости нашего члено-раздѣльнаго аппарата. Этотъ совершенно необходимый пріемъ при обученіи глухонѣмыхъ признается очень полезнымъ и при обученіи всѣхъ дѣтей вообще.

Представивши рядъ двухсложныхъ и трехсложныхъ слоговъ, авторъ внесъ сюда звуковое сочетаніе и чтеніе согласныхъ: бъ, въ, гъ, — дь, жь, мь, нь, — бръ, дръ, — брь, нрь и проч. При изъясненіи этихъ слоговъ, дѣти неизбѣжно выдѣляли звуковое чтеніе согласныхъ буквъ, безъ прибавленія къ нимъ лишнихъ окончаній, и такимъ образомъ невольно знакомились съ чистыми звуками согласныхъ буквъ. Вслѣдъ за складами идетъ трактатъ о различіи греческихъ и славянскихъ буквъ, о раздѣленіи буквъ на гласныя, согласныя и припряжногласныя (ъ, ь). „Припряжногласныя зовутся, поневе гласа чрезъ себе самыя издати не могутъ, яко ъ, ь; согласнымъ же писменемъ припряжена окончанія реченій творятъ: ъ убо дебело яко: кровъ, перстъ, ядъ; ь же тонко яко: кровь, персть, часть, ядь и проч.“. Это правило буквально повторялось и въ позднѣйшихъ букваряхъ Петровскаго вѣка. Гласныя раздѣляются на дебелогласныя (а, е, и, о, у, ы) и мягкогласныя (я, ю, ѣ). Подраздѣленіе согласныхъ буквъ представлено запутанно и не отчетливо. Гораздо удовлетворительнѣе, въ отношеніи къ фонетикѣ, раздѣлены согласныя буквы у другихъ тогдашнихъ азбуковниковъ. Одни дѣлятъ согласныя буквы, по способу произношенія ихъ, на губныя (б, в, г), шепетливыя (ш), сиплывыя (п, с), нѣмыя (л, н, м), громкія (к, р, т), натужливыя (ч, х) и ясныя (щ, з). Здѣсь въ основаніе дѣленія буквъ принятъ ихъ звукъ.

Указавши различіе въ чтеніи дебелогласныхъ и мягкогласныхъ буквъ, составитель переходитъ къ слогамъ и тутъ же знакомитъ учениковъ съ грамматическими частями и формами рѣчи: „Еще учитель да поучитъ дѣтей, яко все писаніе, глаголаніе человѣковъ состоится осмію частями, яже суть сія: имя, мѣстоименіе, глаголъ, причастіе, нарѣчіе, предлогъ, союзъ, междометіе“. Опредѣленіе этихъ частей рѣчи представлено краткое, но довольно точное, понятное и уясненное примѣрами. „Мѣстоименіе: часть мѣсто имени пріемлемая: азъ, ты, овъ, той, иже и проч. Причастіе часть слова, свойства имене и глагола причащающаяся: глаголющій, творяй, глаголюще, творяще, глаголющій, творящій. Междометіе есть часть слова, содержащая въ себѣ словеса, страсть являющая и между иными частями слова вмѣщаемая, яко: се, ахъ, увы“. Такъ точно опредѣлены и другія части рѣчи. При опредѣленіи ихъ авторъ старался удержать названіе слова и изъ него выводилъ опре-

дѣленіе его. За частями рѣчи перечисляются, опредѣляются и уясняются примѣрами падежи (именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный, сказательный), числа (единственное, двойственное и множественное), роды (мужескій, женескій, средній, общій и предобщій), времена глаголовъ (настоящее, преходящее, прошедшее, мимошедшее, непредѣльное, будущее). Стараясь сообщить ясныя и вразумительныя понятія о всѣхъ частяхъ и формахъ рѣчи, составитель букваря вездѣ строго держится буквальнаго смысла слова и на немъ построяетъ свои опредѣленія: „Падежъ дательный, имже даемъ кому что; — винительный, имже кого винимъ; — сказательный, имже что сказуемъ; время преходящее, имже несовершенно прошлое что знаменуемъ; — мимошедшее, имже древле совершенное знаменуемъ...“ Въ концѣ грамматическихъ свѣдѣній сочинитель, съ свойственною ему педагогической сообразительностью, оговаривается: „Суть же и на послѣдующая инымъ частемъ требовательна, но *ради малымъ дѣтемъ неудобства оставлена*, яко залози, начертанія, виды наклоненія, супружества; о сихъ въ грамматицѣ хотяй да чтетъ“.

Въ букварѣ кратко, но отчетливо излагаются также правила ороографіи. Вотъ наиболѣе характерныя ороографическія замѣчанія: „Учай да накажетъ дѣтище, егда имать чести, или писати, соузы и предлоги хранити опасно и въ слозѣхъ со реченьми не слияти, но раздѣльно куюждо часть полагати, и яже въ строцѣ пишемая верху строкъ не полагати: писати раздѣльно въ строцѣ; писати раздѣльно отъ глагола союзъ: — и спасе, а не съединено — испасе. Паки, писати въ строцѣ и раздѣльно соузъ и предлогъ отъ имене сице, и къ Богу, а не верхострочно и ᵏБогу и слиянно — и кБогу. Подобнѣ и окончанія реченій хранити, не писати, ниже глаголати *е* мѣсто *ѣ*, ни *ѣ* мѣсто *е*: противно бо яко вѣдѣніе, рекше знаніе, не веденіе, видѣніе рекше зрѣніе, не виденіе. Ниже измѣняши *ы*, или *и* мѣсто *ѣ*, ни *ѣ* мѣсто *и*, ниже *и* мѣсто *ы*, ниже *ы* мѣсто *и* — противно бо; лѣпотствуетъ же сице писати чрезъ иту: отъиду, предъиду, а не чрезъ ы, — отыду, предыду; *невѣжно* бо сіе, рекше *грубо и не учено*“. Тутъ же указываются различные случаи употребленія о малаго и ѡ большого, чтеніе *сч* вмѣсто *щ* и обратно *щ* вмѣсто *сч* (счастіе, счетъ, а не щастіе, щетъ, — щитъ, нищь, а не считъ, нисчь), различіе въ чтеніи ф и ѳ, употребленіе ѯ вмѣсто кс, *и* вмѣсто *і* и *ы* и

31*

обратно. Изъ указанныхъ ороографическихъ правилъ автора могло быть особенно пригоднымъ и полезнымъ для дѣтей правило объ устраненіи верхострочнаго письма, которое затрудняло неопытную руку и само чтеніе написаннаго. Авторъ букваря является знатокомъ не только греческаго и славянскаго, но и еврейскаго языка. „Еще опасно научити дѣтище знати, яко имена еврейская вся кончающаяся на *илъ* пріемлютъ варію, полагаему на кончаемомъ слозѣ, яко еммануилъ, израиль и прочая, зане всѣхъ сихъ въ окончаніи лежащее — *илъ* является имя Божіе; не сице же пишемо и читаемо злѣ и растлѣнно будетъ, и не тожде знаменованіе, рекше толкованіе возъиметъ“. Какъ грекъ, сочувствовавшій основной графикѣ своего языка, перенесенной на русскую почву, авторъ букваря обстоятельно разъясняетъ различныя ударенія и титла „яже обычай издревле удержа“. Въ число просодій, перечисляемыхъ и довольно просто и ясно опредѣляемыхъ, входятъ: оксія, варія, периспомени, псили и дасіа, слитная, ерикъ и паеркъ; къ числу строчныхъ знаковъ относятся: черта, запятая, двоеточіе, вопросная, удивная, вмѣстная, отложная. Хотя всѣ эти знаки, при точномъ выполненіи ихъ въ чтеніи и письмѣ, давали очень трудный матеріалъ для дѣтской „воскоподобной“ памяти; тѣмъ не менѣе, при знакомствѣ съ этими знаками, дѣти отчетливо уразумѣвали звуковые оттѣнки и графику родного, славянскаго языка. Въ разбираемомъ нами букварѣ упоминается неизвѣстный въ XVI вѣкѣ переносный или единственный знакъ (—) (недотяга, недоступка).

Принимая во вниманіе всѣ дробныя и иногда мелкія грамматическія правила, передаваемыя и объясняемыя въ букварѣ, нельзя не пожалѣть тогдашнихъ дѣтей, рано подпадавшихъ тяжелому гнету схоластически - изложеннаго грамматическаго искусства. Но эти свѣдѣнія нельзя признать лишнимъ и непроизводительнымъ балластомъ; дѣти, знакомясь съ основными оборотами и графикой своей родной рѣчи, подготовлялись къ дальнѣйшему образованію и самообразованію. Къ чести букваристовъ XVII столѣтія нужно отнести то, что они старались, по мѣрѣ силъ и знанія, сообщить ученикамъ важныя грамматическія правила. „Новоначальніи ученики, по свидѣтельству азбуковниковъ XVII вѣка, послѣ азбуки проходили грамматику, глаголемую адаватосъ“. Въ ней говорилось объ „осми частѣхъ и вѣщаніи, сирѣчь: о имени, оромени, о словѣ, пред-

лозѣ слова, о причастіи слова и союзѣ". Грамматика считалась тогда „подошвою (субстратомъ) всѣмъ свободнымъ хитростямъ" (наукамъ). Современная метода обученія родной рѣчи не можетъ, конечно, одобрить порядка и формы, въ которыхъ изложенъ грамматическій матеріалъ „Предназанія". Для насъ должно быть важно и поучительно одно то обстоятельство, что наши „темные" предшественники, какъ привыкли ихъ величать, ясно сознавали потребность и необходимость ознакомленія дѣтей съ родною рѣчью на первыхъ же порахъ ихъ ученія, — о чемъ не было и помину въ букваряхъ позднѣйшаго издѣлья. Изложивши главныя грамматическія правила, составитель букваря дѣлаетъ такую замѣтку: „Аще изначала изучится отроча добрѣ знати писменъ имена, лица, гласы, и кая писмена гласная и согласная, къ семуже слоги, и части и раздѣленія тѣхъ, и писменъ мѣста, гдѣ кое писмя полагается: и многое удобливо вскорѣ получитъ, еже разумѣти грамматическаго чина расположеніе, имже все писаніе содержится, и тако проходя внятію и разсужденію, въ писаніи глаголемыхъ, *самохотно и безтрудно въ малое время* навыкнетъ паче многа лѣта неискусно учащихся". Ясно, что авторъ букваря понималъ всю тяжесть и непроизводительность существовавшей тогда системы обученія и старался, сколько могъ, облегчить и правильнѣе организовать начальный курсъ ученія.

Послѣ азбуки и грамматическихъ свѣдѣній въ букварѣ излагаются, какъ важнѣйшій матеріалъ для чтенія и ученія, молитвы: Отче нашъ, Символъ вѣры и архангельское привѣтствіе Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Молитвы написаны очень правильно и раздѣльно. Для изученія ихъ предлагается такое дидактическое правило: „Вся три сія заповѣдати дѣтищу повтрищи безотрочно на нощеденство прочитати чинно, и не сліяти, ниже смѣшавати часть съ частію: но раздѣляти совершенными отдохновеньми въ молитвѣ прошеніе отъ инаго прошенія и, въ символѣ, членъ отъ инаго члена. И вся вездѣ точками совершенными разумъ писанія распредѣленный раздѣляти...". Совѣтъ автора вполнѣ разумный и практичный. Слитное и монотонное чтеніе молитвъ, безъ должныхъ удареній и паузъ, соотвѣтствующихъ смыслу рѣчи, составляетъ самое прискорбное явленіе въ теперешнихъ школахъ. По обыкновенной рутинѣ и спячкѣ мы воспользовались даже и тѣмъ, что было извѣстно и рекомендовано еще въ исходѣ XVII

вѣка. Не излишне присоединить здѣсь, что всѣ церковныя молитвы, по правиламъ древне-русскихъ азбуковниковъ, „изучались во школѣ со умѣреннымъ гласомъ, безъ крычанія и верескания ползы и умиленія“. Замѣчательно, что въ букварѣ упоминаются только три молитвы. Смѣемъ думать, что составитель его преслѣдовалъ не однѣ религіозныя, но и общеобразовательныя цѣли въ своемъ сочиненіи.

За молитвами въ букварѣ слѣдуютъ правила школьной дисциплины, обычаи во училищѣ, панегирикъ розгѣ, названной „подаркомъ учащимся дѣтямъ во младости“, который нужно хранить „опасно“. Эти интересные пункты букваря уже извѣстны въ нашей литературѣ, а потому мы и не станемъ останавливаться на нихъ. Впрочемъ, панегирикъ розгѣ имѣетъ своеобразныя варіаціи, которыхъ намъ не приходилось еще встрѣчать въ печати.

„Розгою, яже мати дѣтища не біетъ:
удавъ скоро ему на выю увіетъ.
Разумныя матери и соучители:
малыхъ дѣтей бываютъ часты дручители.
Уплоди Боже древа на долга времена:
отъ нихъ же собираютъ многа розгъ бремена.
Малымъ розга *брезова* ко воумленію
Старымъ же жезлъ дубовый ко подкрѣпленію.
Младъ убо не можетъ безъ розги учити:
той же безъ жезла не можетъ ходити.
Аще изъ младенства небитъ возрастится:
старости неудостигъ безгодно скончится“.

Въ обозрѣваемой нами рукописи приводятся также стихи на стяжаніе нравовъ сложенные и, вѣроятно, составлявшие первоначальные уроки для чтенія.

„Добродѣтели мудрости, плодъ бываетъ красный:
яже иный плодъ родитъ всякій нравъ изрядный.
Кромѣ убо доброты, мудрость есть прелестна:
яко мгла, и мракъ, и дымъ, — отнюдь не полезна.
Тще такова доброта всячески бываетъ:
ея же благонравство не украшаваетъ.
Хотяй же добронравство святыхъ навыцати:
во нравоповѣсти ихъ долженствуетъ вницати.

И благимъ имать мужемъ всегда ревновати:
и тако удобь оныхъ благий нравъ стяжати.
О сыве благодарне юноудобренный:
благихъ нравовъ стяжатель буди всеусердный.
Отрини-же отъ тебе всякій нравъ безчестный:
да не како обычай побѣдитъ тя вредный.
Иже свѣтлую славу и честь помрачаетъ:
всю красоту и юность свою погубляетъ.
Научися изъ млада добронравно жити:
и всѣми имашися честно любенъ быти.
Возрасти твою юность нравами благими:
да цвѣтетъ твоя старость дѣлами святыми.
Еще чистоту тѣла тщательно пристяжи:
и кротость неразлучну всячески приложи.
Да тако во мірѣ семъ поживъ долголѣтно:
блаженство получиши со святыми вѣчно.
И Богъ возвеселится со ангелы купно:
егда будеши во вѣкъ зрѣти того умно.
Аще видятся сіи стиси малословны:
обаче великія пользы весьма полны.
Во тринадесять слогинь кійждо сихъ сочиненъ:
по числу апостоловъ со Христомъ сочлененъ".

Недовольствуясь указанными стихами, которые, кстати сказать, отличаются довольно складнымъ и чистымъ языкомъ, алфавитарникъ предлагаетъ еще „иное нравонаказаніе стихами сложенное". Вотъ нѣкоторые изъ этихъ нравоучительныхъ стиховъ:

„Наказаніе давай и непраздство сыну:
да поучается онъ дѣлу благу выну.
Идѣже нравы благи не стяжаваются:
тамо злообычности возгнѣждаваются.
И вси благонравна тя зрящіи похвалятъ:
и Бога добродавца во вѣки прославятъ.
Часто паче же присно сіе прочитавай:
и всѣхъ написанныхъ здѣ никогда забывай".

Въ послѣднихъ стихахъ авторъ невольно напоминаетъ собою тогдашнихъ азбуковниковъ, которые ставили во главу ученія, какъ догматъ, зубреніе всего написаннаго въ книгѣ, и если

дѣти „отъ грубости разума не сладостно слушали, ниже внимали", а скорѣе всего — очень плохо понимали: то учитель, какъ сѣятель, обязанъ былъ нѣсколько разъ „прочитывать" написанное, пока дѣти буквально усвояли его. Учитель понимался, какъ поставщикъ знанія, а дѣти — какъ пассивныя орудія его. Вообще педагогическіе идеалы букваря стояли въ уровень съ направленіемъ и характеромъ вѣка и не вносили новыхъ, свѣжихъ и живительныхъ идей воспитательной науки.

Послѣ стиховъ составитель букваря кратко перечисляетъ важнѣйшіе грѣхи, которыхъ всемѣрно должны избѣгать юноши, и главныя христіанскія добродѣтели, къ которымъ они должны стремиться. Букварь оканчивается стихами:

„Богу кійждо воздавай сущу въ Тройцѣ славу.
Обучився измлада благу всяку нраву".

Обозрѣвши содержаніе букваря, считаемъ не лишнимъ представить общую характеристику его съ исторической и педагогической точки зрѣнія. Букварь значительно выдѣляется изъ ряда тогдашнихъ азбуковниковъ своею раціональною постановкою начальнаго обученія грамотѣ. Онъ настаиваетъ на звуковомъ чтеніи гласныхъ буквъ, старается избѣгнуть обычнаго названія согласныхъ, даетъ звуковое сочетаніе ихъ съ буквами ъ и ь и заботится объ устраненіи тяжелаго и слитнаго произношенія слоговъ — *вѣдилюдиазга*. Все это показываетъ въ составителѣ „Преднаказанія" человѣка, толково понимавшаго методику начальнаго обученія и усердно заботящагося о поднятіи школьной учебы. Онъ смотрѣлъ на дѣло гораздо серьезнѣе и разумнѣе своихъ современниковъ и, такимъ образомъ, подвигалъ школьное образованіе впередъ. Особенную честь дѣлаетъ составителю букваря стремленіе его къ разъясненію законовъ и правилъ фонетики и графики славянской рѣчи. Разумно понята авторомъ и цѣль обученія грамотѣ,—какъ подготовка дѣтей къ „самоохотному" и дальнѣйшему образованію. Для достиженія этой цѣли предложено и разумное средство — ознакомленіе школьниковъ съ важнѣйшими грамматическими правилами и формами родного языка. Такое ознакомленіе давало возможность грамотникамъ правильно читать книги, а равно правильно писать прочитанное, — иначе сказать — полагало твердыя основы для ихъ

самоусовершенствованія въ пониманіи и изученіи родного языка. Грамматика справедливо считалась и выразительно называлась „подошвою и наказательницею всѣхъ свободныхъ хитростей“.

Довольно складно и толково обработаны авторомъ букваря нравоучительные стихи, предназначавшіеся для упражненія дѣтей въ чтеніи славянской рѣчи и замѣнявшіе собою начальную учебную книжку послѣ букваря. Нравоучительные стихи во всякомъ случаѣ были ближе къ дѣтскому пониманію, чѣмъ разныя извлеченія и компиляціи изъ отеческихъ твореній, помѣщавшіяся въ тогдашнихъ букваряхъ. Прекраснымъ пособіемъ для учителя того времени могли служить многіе, уясненные примѣрами, дидактическіе совѣты автора, которые, къ ущербу дѣла, были совсѣмъ устранены изъ нашихъ позднѣйшихъ азбукъ и замѣнены отвлеченными, ничего не говорящими моральными сентенціями. Къ числу несомнѣнныхъ достоинствъ букваря нужно отнести самостоятельный подборъ матеріала и самостоятельное воззрѣніе автора на школьное обученіе. Онъ не увлекался южно-русскими букварными произведеніями и избѣжалъ той тавтологіи, которая замѣчается въ содержаніи и изложеніи букварей его велико-русскихъ предшественниковъ и преемниковъ. Но вмѣстѣ съ указанными достоинствами въ букварѣ замѣчается много и недостатковъ. Въ немъ нѣтъ стройнаго плана и порядка въ расположеніи матеріала. Въ началѣ букваря совершенно некстати помѣщены нравоучительные стихи, относящіеся къ юношамъ. Они должны быть въ концѣ букваря на ряду съ другими находящимися тамъ стихотворными наставленіями. Не указавши буквъ азбуки, авторъ трактуетъ о произношеніи ихъ. Отъ буквъ переходитъ къ молитвѣ предъ входомъ въ училище, отъ молитвы снова возвращается къ буквамъ и раздѣленію ихъ; послѣ буквъ и слоговъ опять начинаетъ говорить о произношеніи. Не къ дѣлу внесены въ букварь чуждые ему, по своему содержанію, правила школьной дисциплины и училищные обычаи: букварь — не инструкція. Нельзя не отнести къ недостаткамъ букваря — отсутствія въ немъ необходимыхъ объясненій молитвъ, а равно картинъ и изображеній, интересныхъ и питательныхъ для дѣтскаго смысла и чувства. Впрочемъ, послѣдній недостатокъ букваря вполнѣ оправдывается печальною судьбой составителя его. Если авторомъ „Предназаніа“ нужно

призвать одного изъ братьевъ Лихудовъ, или обоихъ Лихудовъ, то нельзя винить букварь за отсутствіе картинъ. „Добрые, вѣрные, трезвые и бодрые въ наученіи“, Лихуды находились въ заточеніи, — вдали отъ всякихъ типографическихъ и литографическихъ пособій. Потомки должны отдать имъ честь и за то, что они не упали духомъ подъ бременемъ тяжелыхъ обстоятельствъ своей жизни и неустанно посвящали свои силы на пользу и славу русскаго просвѣщенія. Можно думать, что букварь Лихудовъ въ свое время принесъ немаловажную пользу. Лихуды пріобрѣли себѣ почетный авторитетъ въ московскихъ школахъ, — значитъ, — и букварь ихъ уважался тамъ. Лихуды пользовались огромнымъ вліяніемъ въ Новгородѣ и имѣли у себя не менѣе ста учениковъ, которые становились учителями въ различныхъ мѣстахъ. Итакъ, есть основаніе предполагать, что разобранный нами рукописный букварь имѣлъ значительное и, болѣе или менѣе, благотворное вліяніе въ школьной практикѣ того времени.

Извѣковъ.

Букварь Ѳедора Поликарпова.

Первый букварь, относящійся къ XVIII столѣтію, принадлежитъ даровитому ученику Лихудовъ, Ѳедору Поликарпову. Букварь отпечатанъ въ Москвѣ въ 1701 году. Полное заглавіе его таково: „Букварь славянскими, греческими, римскими письмены учитися хотящимъ, и любомудріе, въ пользу душеспасительную, обрѣсти тщащимся“.

Подъ виньеткой, на заглавномъ листѣ букваря, указываются польза и значеніе его:

„Руководитъ букварь сей треязычный,
Агнцы младыя, гдѣ гласъ въ школахъ зычный
Тройцу въ Бозѣ знати научающъ,
Разумъ къ наукамъ вольнымъ отверзающъ.
Убо се пчелеки дѣти облетайте,
Добротныхъ наукъ цвѣти собирайте“.

Послѣ „оглавленія вещей, обрѣтающихся въ книжицѣ сей“ и картины, изображающей сошествіе Св. Духа на апостоловъ, предпосылается „предисловіе благочестивому читателю“; въ немъ доказывается божественное происхожденіе дара премудрости,

восхваляется государь Петръ Великій, какъ столпъ православія, желающій „книгами разноязычными, аки щитами, въ защиту Церкве оградити и предпоставити средиземно въ созерцаніе мудролюбивому русскому народу. Яко да чрезъ таковыя книги Богъ прославляется, вѣра святая, греческая умножается, ученіе процвѣтаетъ и его царское достойновѣчныя славы имя... Убо его царскимъ благочестивымъ повелѣніемъ сію краткосочленную (?) книжицу, *алфавитарь*, рекше букварь словено-греко-латинской, *новопервопечатно* на свѣтъ произнесше, яко первоначальное дѣтскому воскоподобному уму руководство... яко даръ богодаровитый, еже огорстивъ кіиждо благочестивый, благоволи, читая, пользоватися и пользовати, соувѣряяся и умудряяся о писавшихъ во спасеніе“. Авторъ сразу заявляетъ себя изуродованнымъ схоластикомъ того времени, а вмѣстѣ и скромнымъ пропагандистомъ своихъ воззрѣній. Онъ крѣпко убѣжденъ, что его алфавитарь содержитъ въ себѣ ученіе: „зѣло вѣрѣ нашей включимое“, убѣжденъ также, что „и не нашея вѣры суще кіиждо народи сія книги читающе, православной нашей вѣрѣ *прицѣпятся*“. Высказавши такой прозелитическій взглядъ на свое произведеніе, Поликарповъ счелъ долгомъ оговориться: „Аще и римская, просто латинская письмена симъ припечатана зрятся, и та не ко вреду“. Рекомендуя свой букварь, какъ полезное и православное руководство, составитель прибавляетъ еще также замѣчаніе: „Здѣ укрѣпитеся законами, не отъ *Соломона и Ликурга* преданнымъ, но отъ всетворца Бога другу его Моисею, дарованными десятословно; не отъ *Цицерона и Сократа*, но отъ церковныхъ украсителей цвѣтословіями воспутеводствитеся. Здѣ осяжете стихи не *Овидіевы, ниже Виргиліевы*, но крайнѣйшаго ума богословіи Григорія... Не *Езопа фракійскаго*, здѣ смѣхотворныя узрите басни типографски зримы (намекъ на переводъ басней Езоповыхъ при Петрѣ), но обрящете стоглавъ Геннадія, патріарха святаго... Здѣ обрящете и реченій по вещамъ различныхъ къ познанію греко-латинска языка не мало, къ *поощренію* бесѣдъ и на высшее къ наукамъ *восшествіе*“. Затѣмъ, по обычаю всѣхъ старыхъ букваристовъ, авторъ проситъ снисхожденія къ своимъ ошибкамъ: „Аще гдѣ кія либо за новость дѣло и за *необыкность* художниковъ погрѣшенія случися, яко плотоносцевъ немощи уступающе, прощенія сподобляти просимъ смиренно“.

Составитель букваря видитъ въ своемъ произведеніи самое лучшее и безопасное средство для религіознаго просвѣщенія россіянъ и одно изъ вѣрныхъ орудій для привлеченія къ православной вѣрѣ иновѣрцевъ; поэтому онъ старается наполнить букварь статьями религіознаго содержанія. Взглядъ старорусскій и односторонній! Отрывки отеческихъ твореній недостаточно знакомили и русскихъ и иновѣрцевъ съ православнымъ ученіемъ Церкви,—самый же букварь, въ глазахъ образованныхъ иностранцевъ, представлялся обычнымъ, если не слабымъ, произведеніемъ, которое потому и не могло дѣйствовать на нихъ увлекательно. Что же касается пропагандическихъ мечтаній сочинителя, то онъ еще болѣе ронялъ въ глазахъ иноземцевъ его твореніе. Въ своемъ пренебреженіи къ классическимъ писателямъ сочинитель обнаруживаетъ и поддерживаетъ грубую антипатію старорусcовъ ко всему иноземному. Странное дѣло: Поликарповъ — одинъ изъ видныхъ и образованнѣйшихъ дѣятелей Петровской эпохи и приверженецъ греческаго образованія — всѣми силами защищаетъ обособленность и исключительность старорусскаго просвѣщенія и становится въ разрядъ противниковъ Петровской реформы. Откуда же могъ ожидать себѣ поддержку и сочувствіе геніальный преобразователь Россіи? Сочинитель самоувѣренно считаетъ свой букварь первоначальной элементарной книгой, которая даетъ матеріалъ учителю для бесѣдъ съ учениками и подготовляетъ послѣднихъ къ усвоенію „высшихъ" наукъ. Содержаніе букваря, дѣйствительно, отличается разнообразіемъ. Но это разнообразіе состоитъ только въ сухомъ перечнѣ разныхъ предметовъ и словъ, а они не могли возбудить живыхъ учительскихъ бесѣдъ. Авторъ букваря находился въ невинномъ самообольщеніи, касательно значенія своего произведенія.

За предисловіемъ слѣдуетъ статья: *правильное обученіе чинно чтенія и писанія*. Въ ней очень коротко опредѣляются „свойства произношенія, препинанія, ударенія и правописанія". *Произношеніе:* „Книги читати достоитъ рѣчь отъ рѣчи раздѣльно". Правило слишкомъ общее, неопредѣленное, а для того времени и не безвредное: старорусcы любили пѣвучесть и занимательность при обученіи дѣтей чтенію: эти недостатки слѣдовало искоренять, а не поддерживать. *Препинаніе:* „За запятыми отдыхати, а точками цѣлъ разумъ опредѣляти". И это грамматическое правило (буквально списанное у Лиху-

довъ) отличается неопредѣленностію. Сочинитель ни однимъ словомъ не намекнулъ, какъ-сколько нужно отдыхать при запятой и точкѣ, и совсѣмъ не упомянулъ о другихъ знакахъ препинанія, употреблявшихся въ тогдашней письменной рѣчи.“ *Ударенie:* „Просодіи, или удареньми чинно разумъ речений являти; ино бо му́ка ино мука̀, ино буди ино буди и проч. Правило это опирается на звукъ, какъ основу ударенія; но въ немъ не высказано никакихъ законовъ для постановки удареній, которыя существовали въ тогдашнихъ книгахъ, не указаны и различные виды удареній. *Правописанie:* Здѣсь предлагаются эмпирически-годныя, но не оформулированныя правила чтенія нѣкоторыхъ буквъ. „Вмѣсто е не глаголи ѣ, яко егда, а не ѣгда, ниже ѣ вмѣсто е, яко веду, а не вѣду, овесъ, а не овѣсъ. Вмѣсто хв не глаголи ф, яко хвала, а не фала, — вмѣсто ф не глаголи хв, яко филинъ, а не хвилинъ“. Эта замѣтка и доселѣ удерживаетъ свое значеніе, такъ какъ нашъ простой народъ не умѣетъ соблюсти правильной фонетики при чтеніи словъ, начинаюжихся со звуковъ хв и ф. „Вмѣсто ѹ не пиши ѵ, понеже ѵ въ началѣ рѣчи, а ѹ въ срединѣ и по концѣ полагается, яко уставъ, уже. Вмѣсто ъ не глаголи, ниже пиши ь, ибо дѣлитъ разумъ: яко ино ядъ, и ино ядь, ино перстъ, и ино персть“. Букварь называетъ буквы ъ и ь припряжно-гласными. Далѣе онъ предлагаетъ короткія правила о чтеніи и правописаніи ѣ и ѳ, у и ѹ. Весь грамматическій трактатъ цѣликомъ заимствованъ изъ букваря Лихудовъ. Поликарповъ только сократилъ нѣкоторыя правила и примѣры, и чрезъ то самое затемнилъ надлежащее пониманіе и толковое приложеніе грамматическихъ правилъ. Уважая воззрѣнія своихъ учителей, грековъ-Лихудовъ, Поликарповъ подробно перечисляетъ правила, необходимыя для правильнаго чтенія греческихъ словъ, и поставляетъ въ догматъ, что „намъ греческихъ правилъ обыкновенію въ словѣ и слозѣ должно по всему подражати“. Подобно своимъ учителямъ, онъ заканчиваетъ свой грамматическій отдѣлъ замѣчаніемъ: „Сія убо малая малымъ, хотящимъ же большая о сихъ познати довольно писать коегождо языка грамматики сказати“. Видно, что Поликарповъ крѣпко держался по отношенію къ „самоременнымъ самобратіямъ“ Лихудамъ присловутаго пиѳагорейскаго принципа: „αὐτὸς ἔφα“. Но эта беззавѣтная преданность учителямъ не спасла ученика отъ крупной ошибки. „Предназаніе“ сва-

чала знакомитъ дѣтей съ азбукой, а потомъ съ грамматикой, а букварь Поликарпова наоборотъ. Это новшество въ букварѣ неразумно; прежде азбуки ученики никакъ не могли и не должны были знакомиться съ отвлеченными и непонятными грамматическими правилами. Сначала предлагается легкое, а потомъ трудное.

Послѣ отдѣла: „Правильное обученіе чиннаго чтенія и писанія“, помѣщено изображеніе „начальныхъ словенскихъ письменъ“. Буквы написаны очень кудревато, съ различными узорами въ срединѣ и особенно внизу. За большими буквами (въ составъ которыхъ вошли всѣ юсы) слѣдуетъ другая азбука меньшая по объему и безъ узоровъ за ней въ нисходящемъ порядкѣ, — все мельче и мельче написаны еще семь азбукъ. Авторъ думалъ, что дѣти лучше выучатся по девяти азбукамъ, чѣмъ по одной, хотя этого не можетъ допустить самая нетребовательная педагогія. Еще Аристотель замѣтилъ, что безполезно изучать одну и туже вещь въ нѣсколькихъ одинаковыхъ видахъ. Тутъ непроизводительно затрачивается время и гибнетъ дорогой трудъ. Тѣмъ прискорбнѣе, что такое неблагоразуміе вносилось въ школьную практику и невыгодно отражалось на дѣтяхъ, требующихъ освѣжительныхъ и разнообразныхъ впечатлѣній.

Въ „Раздѣленіи письменъ словенскихъ вкратцѣ по грамматицѣ“ перечисляются буквы: гласныя, припряжногласныя (ъ и ь), двоегласныя (я, ю, ы; ѹ), согласныя; согласныя раздѣляются на безгласныя — труднопроизносимыя (б, в, г, д, з, т, ф, ѳ) и полугласныя — легкопроизносимыя. Послѣ раздѣленія буквъ помѣщены слози двописьменніи, триписьменніи, знаменательніи, (тма, гдѣ, чту, мню и проч). Не понимая значенія звуковыхъ сочетаній, Поликарповъ упустилъ склады (бъ, въ, бръ, гръ, вь, дь, щь, ирь), которые находятся въ букварѣ Лихудовъ. Въ концѣ складовъ поименованы названія буквъ. Можно думать, что дѣти обучались произносить буквы предварительно съ голоса, и вся процедура букво-сочетанія была подготовкой къ отчетливому усвоенію названія буквъ. Пріемъ этотъ не лишенъ смысла; но всѣ буквы усвоялись тогда механически на память, и склады вырабатывались изъ буквъ при помощи тяжелаго буквосочетанія — *вѣди люди азъ* и пр. При такомъ характерѣ обученія становится непонятнымъ и безцѣльнымъ помѣщеніе азбуки съ названіями буквъ въ концѣ

складовъ; дѣти на первыхъже порахъ слышали, учили и заучали эти названія.

„*Во исправленіе языка отрочате* сочинитель предлагаетъ слози именъ по азбуцѣ подъ титлами". Сокращенные слоги заимствованы изъ южно-русскихъ букварей и размѣщены безъ соблюденія градаціи въ титлахъ; тутъ встрѣчаются труднопроизносимыя слова (эпископство, богаблагодатный) и такія сокращенія, которыя трудно угадать и прочитать при знакомствѣ съ титлами. За титлами слѣдуетъ „*просодія вирхняя*, или удареніе гласа, яже употребляютъ словяне". Въ числѣ просодій поименованы: оксія, варія, периспомени, псили, дазія, слитная, ерикъ, паеркъ, а также „строчная препинанія". Перечисляемыя ударенія и препинанія оставлены безъ всякаго объясненія, такъ что школьники заучали одни пустые звуки, безъ понимавія ихъ значенія и употребленія въ рѣчи. Поликарповъ опять сократилъ трактатъ Лихудовъ о просодіяхъ,— и неудачно; выпущенные примѣры, разъяснявшіе опредѣленія просодій, затруднили пониманіе послѣднихъ. За славянской азбукой помѣщена греческая, предшествуемая картинкой. На картинкѣ изображены два учителя и четыре ученика. Противъ одного учителя стоитъ школьникъ на колѣняхъ, а противъ другого — мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на полкѣ лежатъ книги и двѣ плетки, какъ необходимыя орудія ученія. Картинка наглядно рисуетъ суровый характеръ древне-русской школы. Подъ картинкой написаны стихи:

„Хвалити Бога человѣку всяку;
Долгъ учитися письменъ словесъ знаку.
Ученьемъ бо благо разумѣетъ,
Въ царство небесно съ святыми успѣетъ.
Сѣмъ же юніи въ трудѣ семъ бывайте,
Временъ и часовъ въ гульбѣ не теряйте".

Затѣмъ сочинитель букваря сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о гласныхъ, согласныхъ, двоегласныхъ буквахъ, просодіи, числительныхъ письменѣхъ, двоеписьменнихъ, треписьменнихъ, четвероописьменнихъ и пятероописьменнихъ слогахъ греческаго языка. По окончаніи стиховъ опять представлена та же картинка, при чемъ валявшійся у ногъ учителя школьникъ является разложеннымъ на скамейкѣ, и усердный дидаскалъ сѣчетъ его огромнымъ пукомъ розогъ. Другой ученикъ

находится также въ колѣнопреклонномъ положеніи: остальные два ученика видимо напуганы и озадачены совершающеюся вокругъ нихъ катастрофой и, разумѣется, не понимали того, что читали. Такимъ образомъ процентъ школьной учебы равнялся 1/2. Картинка даетъ самую велицемѣрную и язвительную критику надъ старой школой и ея обученьемъ. Подъ картинкой опять помѣщены нравоучительные стихи:

„Всякій человѣкъ въ тиши поучайся,
Во службу Богу измлада кидайся,
Кто бо учится слогинь съ охотою,
Языки ины речетъ съ добротою.
Угодство людемъ въ мудрости содѣетъ,
Пріятство оный вездѣ возымѣетъ.
Лѣнивыя же за праздность біются,
Грѣховъ творити всегда да блюдутся“.

Отъ греческихъ письменъ букварь переходитъ къ латинскимъ, большимъ и малымъ, со „изъясненіемъ словенскихъ письменъ“, съ подраздѣленіемъ латинскихъ буквъ на гласныя, двоегласныя и согласныя, и перечисленіемъ различныхъ слоговъ. За азбуками и слогами красиво отпечатаны на трехъ діалектахъ молитвы: „Царю небесный“, „Отче нашъ“, 50-й псаломъ, Символъ вѣры, „Богородице Дѣво, радуйся“. Молитвамъ предшествуетъ картинка, изображающая Іисуса Христа среди книжниковъ. На бокахъ картины написаны стихи: „Потребна и юнымъ и старымъ наука. Ибо въ мудрости всѣмъ быти не скука“. Въ концѣ молитвъ буквально повторено то же общее дидактическое замѣчаніе относительно изученія ихъ, какое встрѣчали мы въ „Предваказаніи дѣтей“. Кромѣ молитвъ въ букварѣ напечатаны, на трехъ языкахъ, заповѣди десятословія (прямо заимствованныя изъ Библіи, безъ всякаго сокращенія ихъ), перечисляются седмь таинствъ Церкви (въ лицахъ), три добродѣтели богословскія, четыре добродѣтели евангельскія, седмь даровъ Св. Духа, седмь дѣлъ милости тѣлесныхъ, седмь дѣлъ милости духовныхъ, седмь грѣховъ смертныхъ, грѣхи противъ Духа Святаго, грѣхи вопіющіе на небо, девять блаженствъ евангельскихъ, пять чувствъ тѣлесныхъ, пять чувствъ душевныхъ (умъ, смыслъ, *мнѣніе*, *мечтаніе*, чувство) — нравственныя обязанности христіанина въ отношеніи къ Богу, ближнему и са-

мому себѣ. Этотъ отдѣлъ обнимаетъ собою почти весь кругъ богословскихъ понятій, оставленныхъ безъ всякаго объясненія.

Новый отдѣлъ начинается картиной, изображающей св. І. Дамаскина; подъ ней подпись: „о Бозѣ и всей твари Дамаскинъ писаше. — сихъ разна званства знаши тщися сердце ваше“. На этомъ основаніи сочинитель вноситъ въ свой букварь: „краткое собраніе именъ, по главизнамъ расположенное, треми діалектами въ пользу хотящимъ вѣдѣти свойство еллиногреческаго и латинскаго діалекта“. Въ главизнахъ, въ формѣ вокабулъ, перечисляются слѣдующіе предметы: о Бози и дусѣхъ, о мірѣ, небеси и стихіяхъ (тутъ упоминаются — комета, или метла на небеси, громовой камень); о водахъ, мѣстѣхъ и земляхъ; о человѣцѣхъ и его частѣхъ (карло нерость — недоросль, — мохъ брады, брада козляя, зайцеустный); о болѣзнѣхъ (надменіе при гортани, огневица — горячка); о брашнѣхъ и питіи (пиво тонкое); о животныхъ четвероногихъ, птицахъ, червѣхъ и насѣкомыхъ, рыбахъ, древесѣхъ, разныхъ овощахъ, житахъ и сѣменахъ, травахъ и цвѣтахъ; о церкви и о чинѣхъ церковныхъ, о чинѣхъ мірскихъ, о наукахъ, училищѣ и книгахъ, — имена царствъ и земель, имена градовъ, о воинствѣ и яже приличествуетъ сему, о сродствѣ, судебныхъ дѣлѣхъ, — о каменіяхъ и рудахъ, — о корабли, домѣ и яже приличествуетъ сему, объ одѣяніи, о деревнѣ. Всѣ эти трехъязычныя вокабулы заимствованы Поликарповымъ, съ нѣкоторыми перемѣнами и перестановками, изъ сборника иностранныхъ словъ, составленнаго переводчикомъ Копіевскимъ. Изъ одного перечня заглавій легко понять, какъ широко знакомилъ составитель букваря школьниковъ съ различными отраслями знанія. Но это знакомство для нихъ было только тяжелымъ бременемъ. Мертвый и очень дробный перечень указанныхъ предметовъ забивалъ дѣтскую память, не давая ей свѣжаго и образовательнаго матеріала и притупляя ея воспріимчивость. Иное дѣло, если бы авторъ не удовольствовался „вокабульнымъ“ энциклопедизмомъ и, хоть немного, разъяснилъ то, что входило въ его рубрики. Тогда дѣти пріобрѣли бы много элементарныхъ свѣдѣній въ разныхъ отрасляхъ знанія. Впрочемъ, хорошо и то, что авторъ не ограничился одними молитвами и выдержками изъ разныхъ отеческихъ твореній и осмѣлился говорить предъ дѣтьми о томъ, о чемъ не заикались его предшественники-букваристы.

За перечнемъ разныхъ предметовъ помѣщены: „стоглавное слово Геннадія, патріарха Константинопольскаго, о вѣрѣ: краткое поученіе Василія Великаго къ юнымъ: извѣщеніе Григорія Богослова къ юнымъ въ пользу; отрывокъ изъ бесѣды І. Златоустаго „какъ учитися полезно“. Три послѣднихъ отрывка впервые внесены въ букварь Поликарпова. Они наполнены общими разсужденіями о пользѣ для дѣтей вѣры, добрыхъ дѣлъ, благочестія, о возможности ученія и проч. Поэтому мы не дѣлаемъ изъ нихъ извлеченій. На послѣднемъ полулистѣ букваря указаны и исправлены типографскія погрѣшенія.

Треязычный букварь Өедора Поликарпова немногимъ отличается отъ предшествующихъ ему изданій по своему характеру и направленію. Онъ сохранилъ въ цѣлости тѣ же пріемы обученія, ту же дробность и сухость въ изложеніи учебнаго матеріала, тотъ же тяжелый языкъ, ту же любовь къ палочнымъ аргументамъ и то же неуваженіе къ иноземному образованію, какія заключались въ прежнихъ букваряхъ. Сравнительно съ „Преднаказаніемъ дѣтей“ букварь Поликарпова во многихъ отношеніяхъ слабѣе. Въ немъ не обращено ни малѣйшаго вниманія на звуковую сторону языка, совсѣмъ опущены фонетика и графика буквъ, не разъяснены и не на мѣстѣ поставлены грамматическія правила. Въ букварь Поликарпова находились нѣсколько отчетливо иллюстрированныхъ, но зато и привлекательныхъ для дѣтей картинокъ. Новый отдѣлъ букваря — это „краткое собраніе именъ, по главизнамъ расположенное“. Но и этотъ отдѣлъ не придаетъ достоинства букварю. Сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія лишены образовательнаго элемента — они переданы безъ всякой системы и объясненій — per simplicem enumerationem. Немного вносили новыхъ знаній въ школьное обученіе и отрывки изъ твореній Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, помѣщенные въ букварѣ. Они сухи и общи, а потому мало понятны для дѣтей. Букварь Поликарпова слишкомъ обширенъ и нисколько не приспособленъ къ короткому курсу начальнаго обученія. Дѣти могли пройти объемистый букварь въ 3 — 4 года и, такимъ образомъ, затрачивали очень много времени на свое начальное образованіе. Выдающаяся особенность букваря та, что онъ изданъ при Петрѣ *ново, первопечатно*, и въ первый разъ знакомилъ русскую школу съ новымъ шрифтомъ латинской и греческой азбукъ. Но эта особенность имѣетъ историческій, а не педагогическій интересъ. *Извѣковъ.*

„Первое ученіе отрокомъ" — букварь Ѳеофана Прокоповича.

Сѣверная Русь постоянно обогащалась приливомъ новыхъ и свѣжихъ силъ, которыя являлись „правою рукою царя". Они внесли свѣтъ и въ букварную систему обученія. Мы поведемъ рѣчь о даровитѣйшемъ сотрудникѣ Петра — Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и его букварѣ.

Замѣчательная личность Ѳеофана Прокоповича настолько извѣстна въ нашей современной литературѣ, что мы не имѣемъ нужды сообщать біографическія свѣдѣнія о сподвижникѣ Петра. Наша задача — подробно обозрѣть букварь Ѳеофана, который доселѣ не встрѣчалъ еще подробнаго разбора. Въ 1720 году Прокоповичъ писалъ другу своему Марковичу, что онъ приготовилъ къ печати „краткое изложеніе десяти заповѣдей, съ толкованіемъ никейскаго символа и молитвы Господней". Въ томъ же году въ Петербургѣ отпечатано „Первое ученіе отрокомъ, въ немъ же буквы и слоги, тоже: краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господни, символа вѣры и десяти блаженствъ". Это „Ученіе отрокомъ" написано по повелѣнію и подъ непосредственнымъ вліяніемъ самого Петра. По свидѣтельству автора букваря, государь „началъ прилежно разсуждать, какъ бы установить въ Россіи дѣйствительное и необходимое правило отроческаго воспитанія. И вдохнулъ ему Богъ, по его желанію, таковый премудрый совѣтъ, повелѣти сочинить книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія и символа вѣры и девяти блаженствъ: и напечатать оную съ букваремъ, дабы отроцы читать учащися по буквахъ и слогахъ, во утвержденія чтенія своего не псалмовъ и молитвъ, но сего толкованія училися. И се повелѣніемъ его императорскаго величества сочинена и напечатана книжица, на которой учимів отроцы могутъ познати волю Божію". Букварь вполнѣ отвѣчалъ видамъ и требованіямъ Петра, а потому былъ очень скоро и обязательно распространенъ по всѣмъ школамъ и церквамъ, гдѣ его читали „вмѣсто книгъ Ефрема Сирина, соборника и прочихъ чтеній". Придавая большое воспитательное значеніе букварю Прокоповича, государь обязалъ священниковъ познакомить своихъ прихожанъ съ этимъ букваремъ въ четверть года, и съ этою цѣлью велѣлъ побольше отпечатать экзем-

пляровъ „Перваго ученія отроковъ“. Расходъ на него былъ неимовѣрный. Г. Пекарскій представляетъ убѣдительныя, статистическія данныя на это. У насъ было подъ руками 7-е изданіе букваря въ 1723 г. Въ три года букварь разошелся въ 7-ми изданіяхъ. Но это сочиненіе, пользовавшееся огромнымъ вліяніемъ и блестящею постановкою на Руси, пріобрѣло себѣ почтенную популярность и въ заграничномъ мірѣ. По свидѣтельству Ант. Кантемира „Катехизмъ православныя вѣры Ѳ. Прокоповича на многіе чужестранные языки печатанъ и въ европейскихъ разныхъ школахъ читается“. Все это придаетъ особенный интересъ „Первому ученію отроковъ“ и заставляетъ насъ представить подробный обзоръ его, какъ новаго Петровскаго букварнаго произведенія.

„Первое ученіе отрокомъ“ рѣзко отличается отъ всѣхъ предшествующихъ букварей по своему новому взгляду на первоначальное обученіе и книжное просвѣщеніе въ Россіи. Въ предисловіи „Къ благочестивымъ родителямъ, воспитателямъ, приставникомъ, господіамъ и всѣмъ прочимъ имя отеческое надъ малыми отроками носящимъ“, Ѳеофанъ выясняетъ значеніе просвѣщенія, неправильное воззрѣніе на него старорусовъ и неправильную постановку его въ Россіи. „Всего житія человѣческаго правное состояніе, на воспитаніи, о христолюбцы, отроческаго возраста виситъ: каковъ кто отрокъ есть, таковъ и мужъ будетъ. И толикій искусъ утверждаетъ намъ сію истину, что не точію образы ея на собственныхъ лицахъ, но и на всецѣлыхъ народахъ видимъ. Доброе ли есть въ народѣ жительство, знатно, что въ немъ есть доброе дѣтемъ наставленіе... А воспитаніе таковое въ Россіи, кто не видитъ, какъ скудно; мнози и благосовѣстніи у насъ, и богобоящіися человѣцы, не вѣдая силы и закона Божія, многихъ своихъ грѣховъ не вѣдаютъ, и въ безстрашіи пребываютъ. Какъ же таковіи могутъ дѣтей воспитывать: что же иніи мнози, которіи въ такой тмѣ и грубости пребываютъ, что ниже когда слышали о законѣ Божіи, все благочестіе полагаютъ во *внѣшнихъ обрядахъ* и *тѣлесныхъ обученіяхъ*, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи... Суть же нѣціи мнящіи самое лучшее быти дѣтей наставленіе, научать ихъ читать и писать: и сіе мнѣніе ложное есть: что бо *пользуетъ умѣть только чести*, когда чтущій не разумѣетъ чтомыхъ, или ниже тщится разумѣти, или не точію четъ, что полезно есть ко по-

правленію. Не мнози ли обрѣтаются книгочіи, которіи заповѣдей Божіихъ и символа вѣры, и силы молитвъ не знаютъ, и весма не разумѣютъ. Чимъ же таковіи за книгочтеніе свое лучшіи отъ прочихъ; еи многажды худшіи и злѣйшіи бываютъ. Не имуще бо страха Божія, за лишеніемъ добраго воспитанія, когда читать и писать научилися, *глухое* тое *искусство* обращаютъ себѣ на орудіе злобы: и пишутъ клеветы, ябеды, соблазны, хулы, пашквили, портятъ записи, договоры, духовницы, притворяютъ указы". Слова Прокоповича дышатъ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ о судьбѣ начальнаго обученія въ Россіи и выражаютъ свѣтлый взглядъ его на значеніе грамотности. Воспитаніе есть основа и корень общественнаго благосостоянія. Несмотря на свою очевидность, эта истина игнорировалась въ древней, до-Петровской Руси, которая смотрѣла на обученіе, какъ на удѣлъ и принадлежность однихъ церковниковъ, и относилась къ наукѣ, отчасти какъ къ излишней роскоши, отчасти какъ къ опасной ереси. Вѣрно и то, что невѣжды не могутъ быть воспитателями дѣтей, и одно умѣніе читать и писать не есть еще грамотность. Эта блестящая и геніальная въ свое время мысль къ стыду оспаривалась въ недавнее время. Научная педагогія пришла къ окончательному убѣжденію, что умѣнье читать и писать есть только подготовка, средство къ образованію, что это умѣнье, при невѣжественности граматника, можетъ сопровождаться дурными результатами и иногда приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Опытъ жизни древнерусскихъ начетчиковъ показалъ, что ихъ грамотность, состоявшая въ изученіи однѣхъ моральныхъ сентенцій, при низкомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго образованія, часто обращалась или въ краснобайство, или въ пошлый ригоризмъ и прозелитизмъ, прикрываемые фирмою грамотности. Въ Петровскую эпоху грамотеи оказывались самыми сильными противниками просвѣщенія, а также ябедниками, пашквилянтами и контрафакторами. И это неизбѣжно. Почтенный педагогъ нашъ Ушинскій признаетъ, что „моральная сентенція въ дѣлѣ воспитанія едва ли не хуже наказаній. Пріучая дѣтей слушать высокія *слова* нравственности, смыслъ которыхъ непонятъ, а главное, не прочувствованъ дѣтьми, вы приготовляете лицемѣровъ, которымъ тѣмъ удобнѣе имѣть пороки, что вы дали имъ ширмы для закрытія этихъ пороковъ". Итакъ, авторъ букваря вы-

сказалъ сущую правду, и его слова имѣютъ цѣну не одного историческаго документа.

Указавши на неудовлетворительное положеніе первоначальнаго обученія въ Россіи, Прокоповичъ, съ свойственною ему мѣткостію и полновѣсной ироніей, оцѣниваетъ и прежніе буквари русскіе. „Понеже мнози у насъ чинъ отеческій имущій, и сами мало что знаютъ о законѣ Божіи, настала нужда общая сочинить книжицу съ толкованіемъ десятословія законнаго, отъ Бога преданнаго. Но и сіе не много еще пользовано, ибо въ Россіи были таковыя книжицы, но понеже славенскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ написаны, да и не учено книжицамъ тымъ отроковъ, того ради лишалися доселѣ отроцы подобающаго себѣ воспитанія". Замѣчаніе Прокоповича, при представленномъ нами обзорѣ прежнихъ букварей, не нуждается въ комментаріяхъ. Но оно невольно вызываетъ уваженіе къ автору букваря. Мысль о *просторѣчномъ* языкѣ начальнаго учебника, только теперь и понемногу осуществляющаяся на дѣлѣ, ясно говоритъ, что Петръ и Ѳеофанъ глубоко понимали не только задачи народнаго образованія, но и необходимыя средства для поднятія его. Умѣнье учить и писать на народномъ языкѣ составляетъ первую и существенную принадлежность народнаго учителя. При изысканныхъ и витіеватыхъ букваряхъ отроки ничего не усвояли толково и, по меньшей мѣрѣ, „лишались подобающаго себѣ воспитанія" (обученія).

Въ заключеніи „предисловія" Прокоповичъ предлагаетъ общія и здравыя наставленія родителямъ касательно воспитанія дѣтей. „Да будетъ убо извѣстно всѣмъ вамъ, на которыхъ лежитъ долгъ добраго дѣтей воспитанія, то безотвѣтны станете на судъ Божій, аще отселѣ дѣти ваши, или вашему попеченію вданіи, лишатся добраго наставленія. Того ради должни есте учити ихъ, или пещися, дабы учими были отъ сей книжицы, *и часто ихъ вопрошать:* вѣдаютъ ли и памятуютъ ли, что въ сей или во оной заповѣди повелѣваетъ Богъ; и что вѣруемъ во исповѣданіи святаго сумвола; и чего просимъ у Бога въ молитвѣ Господней. Должни же есте и *истязывать отъ дѣтей вашихъ дѣла,* сему ученію согласнаго и смотрѣть, дабы отрокъ *такъ обходился, какъ учимъ есть* отъ закона Божія, и аще согрѣшитъ въ чемъ, сказывать ему, противъ которыя заповѣди согрѣшилъ. Аще тако творити потщитеся, имате надѣятися отъ дѣтей вашихъ яко отъ богомудрыхъ ра-

дости и веселія". Здѣсь нѣтъ сухихъ, безцвѣтныхъ и высокопарныхъ фразъ о мудрости и ея плодахъ, но высказана зрѣлая воспитательная мысль, что ученіе должно вести къ сообразной его требованіямъ жизни, что „отрокъ долженъ такъ обходиться, какъ учимь есть отъ закона Божія". Рознь теоріи и практики, школы и жизни, необращавшая на себя должнаго вниманія въ древней Руси, впервые замѣчена и ясно высказана даровитымъ сотрудникомъ Петра. Школьникъ древней Руси, безъ смысла и пониманія заучивавшій молитвы и разныя моральныя сентенціи, оказывался въ сущности круглымъ невѣждой, не умѣющимъ отличить, по характерному выраженію Петра, и „праваго отъ лѣваго". Для школьника Петровскаго времени предлагалось простое и жизненное толкованіе того, что онъ училъ. Мы увидимъ, что Ѳеофанъ внесъ въ свой букварь много свѣжихъ живительныхъ и плодотворныхъ идей для образованія русскаго человѣка.

Понимая начальное обученіе, какъ ближайшее средство къ образованію или ясному и жизненному усвоенію христіанскихъ началъ вѣры и нравственности, Ѳеофанъ естественно не обратилъ большого вниманія на методику обученія грамотѣ. Въ его букварѣ предложены только азбука и нѣсколько видовъ двусложныхъ и трехсложныхъ складовъ, гдѣ встрѣчаются сочетанія съ буквами ъ и ь „слози именъ подъ титлами, число церковное и имена просодіамъ", заимствованныя изъ прежнихъ букварей. О грамматическихъ правилахъ препинанія и произношенія и не упомянуто. Ѳеофанъ сознавалъ, что грамматическое искусство само по себѣ не разовьетъ и не воспитаетъ человѣка, а та грамматика, которая была въ ходу, можетъ забить дѣтскую голову туманомъ схоластическихъ дефиницій, дивизій, конклюзій и высокимъ діалектомъ, непонятнымъ для дѣтскаго ума. Но начальная методика должна однакожъ пожалѣть о томъ, что Прокоповичъ обошелъ грамматическіе вопросы, потому что все, вышедшее изъ подъ его пера, отличалось свѣжимъ и яснымъ пониманіемъ дѣла, отчетливымъ и выразительнымъ изложеніемъ. Дѣльный очеркъ грамматики былъ очень умѣстнымъ и необходимымъ пособіемъ по отечественному языку для тогдашнихъ учителей.

Въ „Первомъ ученіи отрокомъ" Прокоповичъ обратилъ исключительное вниманіе на толкованіе заповѣдей десятословія, символа вѣры, молитвы Господней и десяти евангельскихъ бла-

женствъ. Объясненія просты, понятны, живы, по мѣстамъ сатиричны и рѣзки. Доказывать это — значитъ переписывать весь букварь. Достаточно замѣтить, что Ѳеофановы объясненія молитвъ не хуже многихъ теперешнихъ пособій по закону Божію (объясненія молитвъ Чемены). Мы обратимъ вниманіе на тѣ мѣста Ѳеофановыхъ толкованій, гдѣ онъ касается больныхъ сторонъ старорусской жизни и школы, и направляетъ свои разсужденія къ точному раскрытію и врачеванію этихъ сторонъ. Здѣсь откроется для насъ двойной интересъ — педагогическій и историческій.

Предлагая въ катехизической формѣ толкованіе десяти заповѣдей, Ѳеофанъ на первыхъ же порахъ обличаетъ русскихъ суевѣровъ, при отвѣтѣ на вопросъ: „Кто грѣшитъ противъ первой заповѣди: Суевѣрцы, яковіи и междо христіаны обрѣтаются, которіи силу нѣкую вредную или полезную воописуютъ вещамъ или лицамъ нѣкіимъ, таковыя силы не имущимъ. Напримѣръ: разсуждаютъ, который день къ начинанію дѣла щасливый есть, кто въ стрѣчу добръ, и кто не добръ; волхвуютъ же, или волшебствамъ вѣруютъ, сны толкуютъ, и прочая; просто сказать: что-либо веуе вѣруется, все то сей первой заповѣди противно есть". Насколько правдивы эти реплики автора букваря, это знаетъ всякій, мало-мальски знакомый съ бытомъ древнерусскаго и современнаго простонародья. Въ толкованіи второй заповѣди Ѳеофанъ иронично характеризуетъ и рѣзко обличаетъ суевѣрный взглядъ русскихъ на иконы. „Не трудно можешь разсудить, кто неправильную и запрещенную честь иконамъ творитъ. Напримѣръ: нѣкіи въ церковь приносятъ свою икону, и къ ней покланяются; иніи икону больше почитаютъ, когда видятъ златомъ обложенную, нежели когда была она безъ оклада: иніи и молитися Богу не хотятъ, гдѣ иконы не видятъ; вси таковіи, и симъ подобніи, знатно не простымъ любленіемъ иконы объемлютъ, яко творити учитъ соборъ седмый вселенскій, но вѣрою и духомъ говѣютъ къ иконамъ, то-есть упованіе на иконы возлагаютъ: что запрещаетъ помянутый соборъ святый". Придерживаясь языческихъ воззрѣній въ религіозной сферѣ, старорусы не понимали внутренней основы догмата объ иконопочитаніи и обоготворяли почти иконы. Нѣкоторые изъ нихъ приносили въ церковь свои иконы и имъ предпочтительно покланялись, другіе воздавали особенную честь иконамъ своихъ патроновъ, иные чествовали

богато-убранныя и разукрашенныя иконы. Эти обычаи двоевѣрныхъ старорусcовъ обличаютъ и другіе защитники Петровской реформы. „Что же когда пойдемъ, говоритъ Симонъ Кохановскій въ церковномъ словѣ 1720 года, до окаянной мужицкой, а паче бабской богословіи, сирѣчь, до буесловія и смѣхотворныхъ вопросовъ: которую икону почитать, а которую не почитать?.. яйцомъ или масломъ письмена, старая или новая, — на доскѣ ли, на холстѣ ли, или на бумагѣ". Составитель „Перваго ученія отрокомъ" касался самаго больного мѣста современниковъ, и его слова носятъ на себѣ печать жизненной правды.

Въ толкованіи третьей заповѣди Ѳеофанъ обличаетъ другія суевѣрія старорусcовъ. „Лгутъ на Бога оніи проклятіи лестцы, которіи иконамъ святымъ, или мощамъ, или мѣсту нѣкоему притворяютъ чудеса, и откровенія или ложныя обносятъ мощи по именемъ святыхъ угодниковъ Божіихъ: или и самихъ себя окаянніи славятъ провидцами и чудотворцами. Подобнѣ и оніи на Бога лгутъ, которіи ложныя, или суевѣрныя догматы учатъ за истинныя, съ вѣдѣніемъ своимъ, противъ совѣсти своея". И это обличеніе, при всей своей рѣзкости, полно горькой истины. Петровскіе ханжи поддерживали слухи о мнимыхъ чудесахъ, выдумывали чудотворныя иконы и мощи, и ставили на пьедесталъ святыхъ ловкихъ лицемѣровъ.

Въ толкованіи четвертой заповѣди Ѳеофанъ наглядно и правдиво раскрываетъ неправильное отношеніе старорусcовъ къ церковному богослуженію и проповѣдничеству. „Аще чтется въ церкви или наизусть проповѣдуется поученіе, которому быть весьма должно, слушай съ усердіемъ и вниманіемъ, безъ гордости и презорства, помышляя, что самъ Богъ усты служителя своего глаголетъ къ тебѣ: и прилѣжно смотри, чтобы не безъ ползы твоей было твое слушаніе. Въ дому твоемъ честными бесѣдами наставляй дѣти и прочія домашнія твоя къ страху Божію, унимай ихъ отъ шатанія и безчинія, и что самъ слышалъ ты въ церкви на поученіи, тое и домашнимъ сказывай, такъ и онымъ сдѣлаешь ползу и самъ слышанное лучше въ памяти затвердишь. Грѣшатъ противъ заповѣди сея священницы и прочіи причетницы, которіи или оставляютъ пѣніе и ученіе, или творятъ то съ небреженіемъ, не чинно, не благоговѣйно, вельми спѣшно, и потому и не полезно. Сугубый грѣхъ имъ есть, ибо и сами не прославляютъ, но паче раздражаютъ Бога, и людей лишаютъ прославленія Божія. Наипаче

противенъ заповѣди сей есть злый обычай въ народѣ, день праздничный препроводить пьянствомъ, боемъ кулачнымъ и иными безчиніи и соблазнами: то ли есть прославляти Бога". Здѣсь авторъ букваря является самымъ достовѣрнымъ и тонкимъ нравоописателемъ своихъ современниковъ. Подъ вліяніемъ упадка и схоластичности проповѣдей и грязной жизни самихъ проповѣдниковъ, въ простомъ народѣ сложилось убѣжденіе, что поученія безполезны, особенно, если они произносятся недостойными проповѣдниками. На это жаловался орловскій священникъ, жившій въ XVII вѣкѣ, и одинъ изъ упомянутыхъ нами современниковъ Ѳеофана — Симонъ Кохановскій. „Не смотримъ того, митрополитъ ли, епископъ ли, или простой попъ проповѣдуетъ, но смотримъ, что̀ онъ проповѣдуетъ; будетъ ли его проповѣдь согласна слову Божію, то пріемлемъ; аще будетъ противна слову Божію, то отмещемъ; аще проповѣдникъ будетъ и презрѣнный, и худой, и паче прочихъ грѣшнѣйшій, да въ проповѣди своей согласуетъ слову Божію, того слушай и пріемли его". Въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго и Посошкова встрѣчаются извѣстія о томъ, что невѣжественные священники и причетники не старались о благолѣпіи церковнаго богослуженія, о внятности и раздѣльности чтенія и пѣнія, но спѣшили кое-какъ окончить службу, вслѣдствіе чего на православную Церковь постоянно и открыто предъявлялись нареканія и укоризны отъ раскольниковъ. Совершенно справедлива замѣтка Ѳеофана о пьянствѣ и грубыхъ развлеченіяхъ народа въ праздничные дни, который и доселѣ измѣряетъ качество праздника количествомъ водки.

Раскрывая смыслъ и значеніе пятой заповѣди въ жизни христіанина, Прокоповичъ, между прочимъ, высказываетъ свѣтлый и новый взглядъ на отношенія родителей и дѣтей, господъ и рабовъ. „Родители обязаны наставлять дѣтей отъ младыхъ ногтей въ страсѣ Божіи, благочестіи и добронравіи: промышлять имъ ученіе доброе, не противъ силы ума ихъ, и по склонности ихъ, чтобъ и своимъ промысломъ возмогли исполнять нужды своя". Древнерусскіе педагоги не давали никакого значенія индивидуальнымъ особенностямъ ребенка и совсѣмъ не радѣли о приспособительности ученія къ способностямъ и склонностямъ его. Дальновидный новаторъ Петровскаго вѣка ясно понялъ фальшь и непроизводительность подобной учебы, безплодно затрачивающей время и высказалъ такое свѣжее воз-

зрѣніе на дѣло, до котораго не додумались еще многіе педагоги нашего времени... Дѣти, по мнѣнію Прокоповича, должны отдавать почтеніе родителямъ, „благоговѣйно обходиться съ ними", а въ случаѣ нужды и учить ихъ. „Аще сынъ получитъ здравое ученіе и лучше отъ родителей уразумѣетъ путь спасенія, долженъ будетъ родителей наставлять, но кротко и снисходительно, яко мудрый врачъ, а не яко властитель". Ѳеофанъ понималъ, что рекомендуемое имъ правило идетъ совершенно въ разрѣзъ съ древнерусскимъ идеаломъ воспитанія, по которому дѣти признавались безмолвными рабами родителей, а потому, предлагая небывалое требованіе въ семейной жизни, очень умѣстною сдѣлалъ оговорку, что дѣти должны наставлять родителей „кротко и снисходительно". При господствовавшей грубости нравовъ дѣти могли кичиться предъ отцами своимъ знаніемъ, — поэтому имъ предложено наставлять „яко мудрымъ врачамъ, а не яко властителямъ". Раскрываемое нами правило заключало въ себѣ и другую плодотворную цѣль. Старое поколѣніе смотрѣло недовѣрчиво и даже презрительно на новое школьное обученіе. Поэтому новое вино вливалось въ новые мѣхи. Но это вино могло окиснуть и испортиться въ удушливой житейской атмосферѣ. Ѳеофанъ зналъ и чувствовалъ, что лучи просвѣщенія, зажженные у школьнаго очага, померкнутъ и загаснутъ въ невѣжественной семьѣ, которая неотразимо парализуетъ благое вліяніе школы. Въ виду того онъ не забываетъ и стараго поколѣнія, рекомендуя дѣтямъ „яко мудрымъ врачамъ кротко и снисходительно" наставлять своихъ отцовъ. Какая трезвая и плодотворная мысль! Указывая нормальныя отношенія дѣтей къ родителямъ, Ѳеофанъ правильно разъясняетъ взаимныя отношенія учениковъ и учителей. „Пятый чинъ отечества суть учители: которіи или книжныхъ ученій или рукодѣльныхъ хитростей учатъ и должни они учить прилѣжно, не завистно, и какъ могутъ *скоро, безъ суетной проволоки*. А ученики должны имъ, наипаче когда учатся, любовь и честь, и послушаніе аки родителемъ, хотя они и на мздѣ учатъ: а колми паче, когда учатъ туне: ибо таковіи учители суть отъ чина четвертаго великихъ благодѣтелей". Въ этихъ словахъ мы видимъ выдѣленіе и замѣтное возвышеніе учительскаго сословія и точное опредѣленіе учительскихъ и ученическихъ обязанностей. Учители обязывались учить „какъ могутъ скоро, безъ суетной проволочки". Имѣя въ виду, что

Россія далеко отстала отъ образованнаго Запада и крайне нуждалась въ элементарномъ образованіи, а между тѣмъ старорусская школа вовсе не спѣшила обученіемъ, легко понять серьезные мотивы, историческій смыслъ и практически-пригодное значеніе указаннаго правила. Разумно обозначены въ букварѣ права господъ и положеніе слугъ. „Господа должны учить и наставлять своихъ слугъ и не наказывать ихъ для *насыщенія сердца сыирѣпаго:* не отягощать безмѣрно должности ихъ службами или работы, съ крестьянъ лишней подати не имать, а слугамъ достойнаго награжденія не удерживать". Слуги же должны повиноваться господамъ и оберегать ихъ имѣніе, какъ свое собственное. При необузданномъ деспотизмѣ и гнетѣ владѣльцевъ, весьма тягостно отзывавшихся на жизни слугъ, слова Прокоповича были лучшимъ, смѣлымъ и въ то же время гуманнымъ врачествомъ.

Въ толкованіи шестой заповѣди авторъ весьма подробно исчисляетъ и истолковываетъ различнаго рода убійства. „И тотъ убійца есть, который дѣлаетъ то, съ чего смерть другому быти можетъ. Напримѣръ, когда бы кто на рѣкѣ пролубь въ нощи сдѣлалъ поперекъ дороги: такъ зажигатели домовъ, сверхъ обиды, и убійцы суть: ибо въ такомъ бѣдствіи можетъ каковый человѣкъ претерпѣть смерть. Тутъ заключаются поединки, бои кулачные, измѣны, „бунты, войны неправедныя". Всѣ эти роды убійства были очень распространены на Руси и потому указаніе на нихъ имѣло очевидное практическое значеніе. Съ обычною ясностью и наблюдательностью Ѳеофанъ объясняетъ и разнаго рода кражи, употребительныя въ народѣ, но не принимаемыя имъ въ смыслѣ незаконныхъ хищеній. „Многая суть хищенія, которыхъ *простой* народъ за хищенія не ставитъ. Подобаетъ же вѣдати послѣдующія роди хищенія и на различни образы въ разныхъ обстоятельствахъ"; тутъ же перечисляются и истолковываются пять видовъ хищенія „тайнаго", десять видовъ хищенія „явнаго" и шестнадцать видовъ хищенія „прелестнаго".

Въ толкованіи девятой заповѣди Ѳеофанъ разъясняетъ различныя клеветы: къ числу ихъ относятся: и „письма подметная злословительныя, и образы на безчестіе лицъ нѣкихъ написуеми, и иная какая-либо поносная знаменованія. Есть же и коварный способъ клеветанія: когда кто другого будто хвалитъ, или нѣчто среднее о немъ сказуетъ, да таковая об-

стоятельства о немъ приводитъ, съ которыхъ является оному безчестіе". Надо замѣтить, что вѣкъ Петра не скупился на анонимныя подметныя письма, ложные устные доносы, на распространеніе подпольныхъ тетрадокъ, обличающихъ тогдашнихъ дѣятелей. По истолкованіи десяти заповѣдей авторъ букваря кратко суммируетъ требованія каждой заповѣди, дѣлаетъ различіе между ними и, такимъ образомъ, обобщаетъ и сводитъ въ сознаніе учениковъ то, что они проходили и усвояли доселѣ почастно, въ деталяхъ. Этотъ аналитическій пріемъ толкованій имѣетъ неоспоримое дидактическое достоинство.

Въ дальнѣйшихъ трактатахъ своего букваря Ѳеофанъ кратко и довольно отвлеченно, но точно и обстоятельно разъясняетъ существенный смыслъ прошеній молитвы Господней, членовъ символа вѣры и каждаго евангельскаго блаженства.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ Ѳеофанъ снова представляется знатокомъ и тонкимъ аналитикомъ своихъ современниковъ; его рѣчь отзывается правдивостью, но вмѣстѣ и ядовитою насмѣшливостью. „Кротки тѣ, — по замѣчанію букваря, — которые съ человѣки сладко и снисходительно обходитися тщатся, покоряются властемъ, не презираютъ равныхъ, не гнушаются меньшими отъ себе, не чванятся, не проповѣдаютъ о себѣ высокая и славная, не возносятъ брови, чуждаго добра не завидятъ, грѣховъ ближняго не наблюдаютъ, но о всѣхъ помышляютъ, что лучшіи отъ нихъ суть предъ Богомъ. Просто рещи, кротость истинная есть предъ Богомъ купно и человѣки смиреномудріе, отъ разсужденія нищеты своея духовныя происходящее".

Въ заключеніи Прокоповичъ объясняетъ характеръ своего букваря, какъ произведенія, назначеннаго для начальной школы и обѣщаетъ удовлетворить болѣе взыскательныя и притязательныя требованія отъ него, какъ богослова, въ другомъ сочиненіи. „Сія вся о законѣ Божіи, о молитвѣ Господни, о символѣ вѣры православныя и о девяти блаженствахъ написашася краткимъ толкованіемъ безъ доводовъ священнаго писанія, ради наставленія перваго малымъ отрокомъ. А церковники отроковъ учащіи, сами должны суть сія толкованія *наизусть изучити*, дабы могли лучше учити отроковъ, и научивъ ихъ, вопрошати отвѣта. Аще же кто возъимѣетъ сомнѣтельство о сихъ толкованіяхъ той да вѣсть, что будетъ *другая книжица*, содержащая въ себѣ всѣхъ злѣ положенныхъ

толковъ, ясные доводы и свидѣтельства отъ священныхъ писаній, до тоея убо книжицы всякъ сумнящійся отсылается". По обычаю сильныхъ міра, Ѳеофанъ настаиваетъ, чтобы его букварь былъ выученъ наизусть самими учителями; но это высокомѣрное требованіе не было одною прихотью. Малограмотные учителя должны были употребить не мало времени и досуга на толковое усвоеніе новаго для нихъ произведенія, чтобы освоиться съ его воззрѣніями и пріемами.

Предложивши краткое, элементарное и жизненное объясненіе основныхъ истинъ вѣры и нравственности христіанской, Ѳеофанъ не замедлилъ выпустить въ свѣтъ болѣе обширное и ученое толкованіе блаженствъ евангельскихъ. Сочиненіе это напечатано въ 1722 году. Подобно „Первому ученію отрокомъ" оно въ одинъ годъ выдержало три изданія и слѣдовательно расходилось очень успѣшно. Такъ какъ это сочиненіе назначалось для народа и составляетъ какъ бы „continuum" букваря, то мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о немъ.

Во введеніи Ѳеофанъ указываетъ причину написанія своего сочиненія. „Понеже мнози кривотолки блаженства оная не прямо разсуждаютъ и не въ своей ихъ силѣ разумѣютъ: и потому самихъ себе и прочіихъ, именемъ точно, а не вещію, обѣщаннаго блаженства прелщающе, аки воздухъ біюще подвизаются и слѣпо идутъ въ вѣчную погибель. Того ради, продолжаетъ сочинитель, истотную словесъ Господнихъ силу и разумъ здѣ вкратцѣ предлагаемъ во исправленіе".

Имѣя въ виду серьезную цѣль своего сочиненія, Прокоповичъ указываетъ и тѣ главныя руководительныя начала толкованія, которыя сообразны съ существомъ дѣла; — затѣмъ пространно и убѣдительно разъясняетъ евангельскія блаженства, на основаніи многихъ мѣстъ св. Писанія, твореній св. отцовъ и учителей Церкви, приводитъ и опровергаетъ мнѣнія различныхъ еретиковъ, неправильно понимавшихъ смыслъ евангельскихъ заповѣдей и, что всего главнѣе, мастерски рисуетъ ханжество и приверженность къ обрядовой буквѣ, грубыя, несправедливыя отношенія русскихъ къ иноземцамъ.

„Многіе лестцы, говоритъ онъ о современныхъ ханжахъ, являютъ на себѣ кожу овчую, суть же волцы хищніи. Суть же нѣцыи отъ нихъ такъ хитро кротость себѣ притворяющіи, что и умному человѣку познать трудно, развѣ дѣломъ обличатся. Но суть и таковіи, которыхъ опасный человѣкъ не

трудно познаетъ, сіе же наипаче потому, что или преизлишне смиряются или дѣйствія нѣкая природѣ своей противная, показуютъ. Голову, напримѣръ, на едино плечо преклоняютъ, голосъ отончеваютъ, осклабляются безвременно, воздыхаютъ часто и безъ причины и прочая. Далъ бы Богъ дабы умудрился иногда *простый народъ*, и хотя бы отъ нихъ удобопознаваемыхъ лестцовъ оберегалъ себе. Зѣло вредни спасенію суть вышепомянутіи искустніи лестцы, но и сіи простая сердца уловляютъ". Здѣсь артистически обрисованы старорусскіе святоши и мнимо-юродивые, которые обманывали народъ, поддерживали суевѣріе и распространяли невѣжество. Ѳеофанъ питаетъ къ такимъ людямъ, какъ противникамъ образованія, непримиримую вражду и не щадитъ своей сатиры для изобличенія ихъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ возстаетъ противъ духовныхъ лицъ, которыя поддерживали невѣжество. „Таковіи суть отъ духовнаго чина оніи, которіи оберегая себе, да не стыдно имъ будетъ, яко невѣжди суть, и въ своемъ званіи нерадивіи, еще и искуснѣйшей отъ нихъ братіи завидя, обыкли на дѣло учительское прерѣцати: на что намъ учители, и ученія; на что проповѣди: православніи христіане есмы, сіяетъ благочестіе, церковь святая процвѣтаетъ. Таковыя ихъ рѣчи мнятся быти мирныя, не велятъ ничего опасатися, вводятъ въ совѣсти человѣческія безпечаліе и тишину. Но мнимый се и мечтанный миръ проповѣдуете, о друзи! лицепритворное, а не сущую вещь показуете. Что бо ползуетъ, что въ книгахъ православные догматы, аще оные намъ невѣдоми суть: что ползуетъ, что въ писаніи заповѣди, аще ихъ или не вѣдаемъ, или не творимъ". Отвергая мертвое исполненіе обряда и проповѣдуя живую и дѣятельную вѣру, которая производитъ миръ, согласіе въ обществѣ, Ѳеофанъ вооружается противъ неразумныхъ обличителей раскола. „Творятъ съ нами распри, нынѣшніи въ Россіи расколщики, о сложеніи треперстномъ, и двоеперстномъ, о четвероконечномъ и осмоконечномъ крестѣ, о двойственной и тройственной аллилуи, о числѣ просфоръ, о брадобритіи, о писмѣ иконномъ, и прочихъ безчисленныхъ, яже вся суть вещи среднія, словомъ Божіимъ не опредѣленныя, ко спасенію весьма не нужныя, свободѣ христіанстѣй подлежащія. Должны убо суть искусніи учители, аще великаго сего миротворенія участницы желаютъ быти, *искустно*, *ясно* и *доводно* показывати народу, что помянутыя и имъ подобныя

вещи весма суть средняя. и прѣніе о оныхъ есть суетное: но и сіе внушати имъ подобаетъ, что аще кто вещь среднюю упрямствомъ своимъ поставитъ въ догматъ, той уже самъ еретикъ есть". „И не правильная оговорка. замѣчаетъ далѣе Ѳеофанъ, если кто скажетъ: съ еретиками и раскольниками дѣло мнѣ, злыхъ злѣ подчую: но помнити долженъ, что дѣло твое не казнити бо, но *врачевати злыхъ* хощеши, лаями же и укоризнами не уврачуеши". Совѣтъ вѣрный, гуманный и вполнѣ благотворный для того времени. Раскольники Петровскаго вѣка, отличавшіеся особеннымъ упорствомъ и непріязнію къ новымъ порядкамъ, по преимуществу требовали мягкихъ и разумныхъ увѣщаній. Но ихъ вовсе не существовало. Тогдашніе обличители раскола: Стефанъ Яворскій („Знаменіе пришествія антихриста"), Питиримъ нижегородскій („Пращица") и отчасти святитель Димитрій ростовскій („Розыскъ о брынской вѣрѣ") нещадно обличали своихъ враговъ и подливали масла въ огонь. Увѣщанія ихъ не вразумляли, а ожесточали грубыхъ суевѣровъ. Мѣра, рекомендуемая и одобряемая Прокоповичемъ, въ книгѣ, назначенной для народа, вполнѣ нравственная и жизненная, но ее, къ сожалѣнію, не приводили въ исполненіе.

Еще подробнѣе, разумнѣе и цѣлесообразнѣе обличаетъ и устанавливаетъ Прокоповичъ отношеніе русскихъ къ иноземцамъ. „Многіи клеветы въ прѣніи со иновѣрными употребляютъ, помышляюще, что изрядное то оружіе на сопротивныхъ, но дѣло погрѣшаютъ во мнѣніи своемъ. не токмо бо клеветою не обратимъ противника и еще вящше раздражимъ, но и вельми утвердимъ его въ своемъ развращеніи, и ученіе наше истинное опорочимъ предъ ними яко ложное, и тако одолѣти тщащеся, сами таковымъ прѣнія образомъ дадимъ противному силу на насъ, и весма одолѣнни явимся. Ибо противный, видя ложныя отъ насъ налагаемыя на себе клеветы, тотчасъ помыслитъ, что не имѣемъ истинныхъ нашего ученія доводовъ и на его мнѣніе обличеній, и развѣ клеветами хощемъ одолѣти ему, и тако свое крѣпко, а наше ученіе ложное быти осудитъ, и не точію утвердится въ своемъ заблужденіи, но и яко побѣдитель торжествовати будетъ. Таковъ есть плодъ клеветы въ прѣніи со иновѣрными. И того ради блюстися клеветъ должествуемъ, аще бы и *инако рады были на руку*: что когда простый народъ православный увидитъ с

вымышленной отъ учителей своихъ клеветѣ на иновѣрныя, усомнѣватися начнетъ о истинѣ своего исповѣданія, помышляя, что учители ихъ лжу содержатъ, понеже лжею и клеветами побѣждаютъ противниковъ своихъ. Наконецъ, и сего ради удерживатися отъ клеветанія весма должни мы, что божія истина сама собою крѣпка есть, и отъ всѣхъ обстоятельствъ своихъ имѣетъ сильные доводы, а лжи къ защищенію своему не требуетъ. И не честь, но безчестіе Богу творитъ, аще кто истину его хощетъ заступати бѣсовскимъ оружіемъ, яковыя суть клеветы лживыя: неугодно есть къ миротворенію церковному, то-есть насильное на противныхъ наступательство, когда кто иновѣрныхъ разграбленіемъ имѣнія, узами и темницами, и смерти угроженіемъ хощетъ понудити къ обращенію. Таковыми бо лютостми паче раздражается, нежели преклоняется сердце мучимаго. И хотя онъ, не стерпя мученій, и явитъ себе аки обратившася, но обращеніе оное притворное будетъ, по внѣшнемъ токмо лицѣ, а не по духу: Богъ же внутренняго, сердечнаго обращенія требуетъ". Ѳеофанъ намѣренно остановился на рѣшеніи деликатнаго и серьезнаго вопроса объ отношеніи русскихъ къ западнымъ иновѣрцамъ. Русскіе издавна ненавидѣли иностранцевъ, обозвавши ихъ „нехристями и зловѣрными еретиками". Этотъ антагонизмъ, основанный на слѣпой исключительности и обособленности до-Петровской Руси, старались поддержать тогдашнее духовенство и большая часть ученаго сословія. Исторія московскихъ еретиковъ при Петрѣ, подробно раскрытая въ нашей литературѣ, свидѣтельствуетъ, что русскіе съ ожесточеніемъ относились къ Тверитинову и его сообщникамъ, постоянно враждовали съ Кукуевской слободой, гдѣ жили иновѣрцы,— а многіе изъ нихъ искренно желали погибели и казни иновѣрцевъ. Самъ знаменитый представитель тогдашней іерархіи Стефанъ Яворскій пространно и витіевато доказывалъ въ своемъ обширномъ „Камнѣ вѣры", что еретиковъ, „ново отъ церкви отскичущихъ", полезно и необходимо умерщвлять. Такой же мысли держались и многочисленные сообщники его. Праздное сплетничество и ученое недомысліе чернили и клеветали на жизнь и вѣрованія иновѣрцевъ. Какъ представитель и защитникъ новыхъ порядковъ въ Россіи, которая понемногу втягивалась въ общее русло европейской жизни, и вслѣдствіе того неизбѣжно нуждалась въ живомъ и непосредственномъ общеніи съ иновѣрцами,— Ѳеофанъ всѣми

силами своего ума и остроумія возстаетъ противъ ложнаго взгляда противной ему партіи и старается въ обозрѣваемомъ нами сочиненіи смыть черную клевету на иноземцевъ, внушить русскому народу довѣріе къ нимъ. Какая настойчивость и ловкость въ проведеніи новыхъ преобразовательныхъ идей!

Букварь Ѳеофана Прокоповича замѣтно отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему азбуковниковъ и букварей и по *формѣ* и по *содержанію*. Питая презрѣніе къ схоластической рутинѣ, Прокоповичъ не вплетаетъ въ свое сочиненіе мертваго и механически расчлененнаго матеріала, состоящаго изъ общихъ трактатовъ о мудрости, и нѣсколькихъ однообразныхъ видовъ азбукъ и складовъ, нѣсколькихъ молитвъ, отрывковъ изъ отеческихъ твореній и кусковъ „грамматическаго искусства". Эта обычная форма, почти всѣхъ до Петровскихъ и Петровскихъ букварей, совершенно чужда „Первому ученію отрокомъ". Избѣгаетъ Ѳеофанъ въ своемъ сочиненіи витіеватыхъ и напыщенныхъ фразъ и словъ и дурно склеенныхъ виршъ, а также вычурныхъ и пестрящихъ въ глазахъ фигуральныхъ изображеній. Ѳеофанъ старался отбросить всѣ схоластическіе узоры и тряпки старинныхъ букварей, которые, подобно паутинѣ, затемняли, а не просвѣщали юныхъ отроковъ. Поставивши своею ближайшею цѣлью просто и понятно выяснить простому народу смыслъ основныхъ истинъ христіанской вѣры и нравственности, Ѳеофанъ настойчиво преслѣдуетъ свою задачу, т.-е. ясно, довольно общепонятно и убѣдительно раскрываетъ сущность и значеніе въ жизни заповѣдей десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и евангельскихъ блаженствъ. Чтобы эти объясненія имѣли самое очевидное, фактическое приложеніе, онъ беретъ изъ живой дѣйствительности темныя стороны народной жизни, противопоставляетъ ихъ ясному ученію православной Церкви и тѣмъ старается ослабить и искоренить ихъ. Ѳеофанъ въ своихъ объясненіяхъ отвѣчаетъ на жгучіе вопросы и требованія времени. Поэтому отъ его букваря вѣетъ новымъ и свѣжимъ духомъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ сухую и безплодную мораль, которая предлагалась или въ отрывочной и непонятной формѣ апоѳегмъ, или въ нескладно риѳмованныхъ, длинныхъ стихахъ. Нѣтъ у него ни панегирика розгѣ, ни диѳирамбовъ въ пользу безусловнаго послушанія и „усладительныхъ наказаній". Все это ставитъ „Первое ученіе отрокомъ" неизмѣримо выше другихъ букварей.

Тѣмъ не менѣе, въ букварѣ Прокоповича можно найти не мало и недостатковъ. Авторъ не обратилъ никакого вниманія на методику начальнаго обученія грамотѣ и совсѣмъ опустилъ изъ виду основныя правила преподаванія родной рѣчи, безъ которыхъ невозможно толковое начальное обученіе. Это тѣмъ прискорбнѣе, что онъ широко и основательно былъ знакомъ съ положеніемъ и движеніемъ европейской науки и, при своей находчивости легко могъ привнести что-нибудь новое въ темную и вовсе не разработанную область. Не отчетлива и катехизація въ букварѣ: на одинъ вопросъ дается или нѣсколько отвѣтовъ, или одинъ, но очень длинный и сложный. Не выдѣлены изъ рѣчи и не уяснены для дѣтей неудобовразумительныя славянскія слова. Ѳеофанъ обыкновенно концентрируетъ цѣлое предложеніе (заповѣдь, прошеніе, молитвы и т. п.) и объясняетъ его смыслъ, рѣдко останавливаясь на отдѣльныхъ предложеніяхъ. Не вездѣ соблюдены простота и естественность въ изложеніи мыслей: по мѣстамъ встрѣчается много утомительныхъ рубрикъ и мелкихъ дивизій, по мѣстамъ — много непонятныхъ, шутливыхъ и неосторожныхъ словъ. Нельзя одобрить насмѣшливый, часто доходящій до желчной ироніи, тонъ букваря. Въ начальномъ руководствѣ для тогдашнихъ простонародныхъ дѣтей этотъ тонъ походилъ на рѣжущій непривычныя уши дисгармоническій звукъ. Много можно найти и другихъ недостатковъ, но при указаніи ихъ мы не можемъ разстаться съ мыслью, что букварь Прокоповича принадлежитъ началу XVIII столѣтія и написанъ на тему Петра: „сочинить книжицу съ яснымъ толкомъ закона Божія". Въ этомъ отношеніи произведеніе Прокоповича блестяще отвѣчаетъ намѣреніямъ царя и своей цѣли. Итакъ sapienti sat.

„Первое ученіе отрокомъ", вполнѣ согласное съ преобразовательными видами и требованіями Петра, какъ мы сказали, рельефно отличалось отъ ходячихъ тогда и бывшихъ въ модѣ витіеватыхъ и схоластическихъ букварей. Ѳеофанъ отрицательно относится къ старорусскому святошеству и приверженности ко внѣшней мелочной обрядности. Онъ старается провести въ своемъ букварѣ новыя воззрѣнія. Естественно было ожидать, что его „букварь" не понравится закоренѣлымъ приверженцамъ старины. Это сознавалъ и самъ дальновидный авторъ. Въ заключеніи „Перваго ученія отрокомъ" онъ предполагаетъ, что его произведеніе можетъ вызвать „сумнитель-

ство о сихъ толкованіяхъ". Сумнящихъ открылось не мало. Всѣ противники Θеофана сдѣлались противниками его букваря. Жизнеописатель Прокоповича замѣчаетъ: „Rutheni nonnulli Catechismum hunc improbarunt, quod de cultu S. imaginum aliter docuerit, quam Jaworsky in Petra fidei". По достовѣрнымъ извѣстіямъ, противъ букваря вооружилась и организовалась цѣлая партія. Справщикъ Абрамовъ приносилъ самому ярому врагу Θеофана Мартину Радышевскому „отъ архимандрита Варлаама деньги на расходы" для написанія начерно и набѣло возраженій противъ сочиненій Θеофана. Дюкъ Люрійскій, испанскій посолъ, подговаривалъ Радышевскаго написать доносъ на букварь „Первое ученіе отрокомъ". Радышевскій, не имѣя силъ и средствъ сражаться съ своимъ врагомъ на ученомъ поприщѣ, рѣшилъ довести государю Петру II, что „обрѣтаются у насъ въ Россіи книги, новоизданнія и новопечатаніи въ разныхъ годѣхъ, таковы: толкованія на блаженства Христовы, буквари съ толкованіемъ десяти заповѣдей ветхаго Завѣта; въ которыхъ книжицахъ преисполненно странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и люторскихъ. И таковымъ новоизданнымъ книгамъ, съ прискорбіемъ восклицаетъ доносчикъ, велѣно указомъ обучаться и въ церквахъ читать, — а таковымъ ученіемъ, паче же когда кто протолкуетъ, многіе имутъ кальвинскою и лютерскою повредитися ересію и отъ церкви святой отпасти". Тотъ же Радышевскій, въ другомъ протестѣ, 1731 года, сообщаетъ, что „имѣются на книги его (Θеофана) новоизданніи возраженія, а именно на букварь — возраженіе покойнаго валахскаго господаря Кантеміра". И дѣйствительно. Исторія сохранила намъ возраженіе Д. Кантемира на „Первое ученіе отрокомъ", подъ фирмой: „Мѣста призрачная въ катехизисѣ, иже отъ безъименнаго автора на славенскомъ языкѣ изданъ и „Первое ученіе отрокомъ" именованъ есть". Возраженіе написано въ скоромъ времени, по горячимъ слѣдамъ. Какъ человѣкъ „зѣло разумный и въ совѣтѣ способный", какъ литераторъ, сочувствующій древней школѣ и греческому образованію, Д. Кантемиръ (отецъ А. Кантеміра, сатирическаго писателя) легко и скоро могъ изготовить возраженіе на такое сочиненіе, которое шло въ разрѣзъ съ его убѣжденіями и не отличалось ученостію. Общая канва возраженій Кантемира та, что Θеофанъ сочувствуетъ въ своемъ букварѣ лютеранамъ и кальвинистамъ, невѣрно и еретически истолковы-

жетъ православное ученіе и предлагаетъ для юныхъ отроковъ вредныя толкованія и наставленія. Оставаясь въ предѣлахъ своей задачи, мы обойдемъ богословскія возраженія Кантемира и коснемся тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ защищаются старинный порядокъ ученья и старорусскій взглядъ на школьную учебу.

Защищая книжицы, написанныя „высокимъ славенскимъ діалектомъ", Д. Кантемиръ доказываетъ, что Ѳ. Прокоповичъ въ своемъ букварѣ отступилъ отъ установленнаго Церковію и вездѣ принятаго обычая въ ученіи христіанскихъ отроковъ. „Всякій во правду чинъ обученія письменъ, во еже изъ тѣхъ поятн Законъ Господень, *благъ есть,* токмо да будетъ съ добрымъ намѣреніемъ и чистою совѣстію предложенъ христіанскому отрочеству". Здѣсь высказывается совершенно индифферентный взглядъ на способъ обученія: *всякій* во правду чинъ обученія письменъ *благъ* есть. Возражатель, очевидно, не даетъ никакого значенія самымъ пріемамъ обученія. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ возражаетъ?.. Затѣмъ, что Прокоповичъ отступилъ отъ укоренившагося *обычая* Церкви въ обученіи дѣтей. Тутъ опять противорѣчія: гдѣ господствуетъ безразличіе въ отношеніи къ „чину обученія письменъ", тамъ не можетъ быть и *обычая* въ обученіи, твердаго и укоренившагося. Но послѣдуемъ за обличителемъ Ѳеофана. „Промышляющая мати церковь соборная, продолжаетъ онъ, можетъ быть пріемши отъ самыхъ апостоловъ (якоже древность употребленія показуетъ) своимъ чадомъ, ученію письменъ приложитися имущимъ, образъ и правила показала и уставила, что имъ первѣе, что же послѣжде слушати, таже, каково же имъ брашно, по ихъ понятію, предъявляти и отъ каковаго реченія, знаменіе благочестія являющаго, начинати подобаетъ". Критикъ впадаетъ въ преувеличенія. Церковь не ставила и не ставитъ въ догматъ, какъ и по какому способу обучать дѣтей и какія *реченія* употреблять при обученіи. Она смотритъ на ученіе шире и свободнѣе. Церковь желаетъ только, чтобы обученіе совершалось въ духѣ вѣры и благочестія и чтобы отрокамъ предлагалось *млеко ученія,* чего и не соблюдала старая, схоластическая школа, не умѣвшая и не желавшая говорить *просторѣчнымъ* и понятнымъ языкомъ. Относя къ апостольскимъ временамъ „образъ и правила" обученія, критикъ доказываетъ, что церковь „тщательно расположила и научила, которое ученія правило даже до сего дне вездѣ содержится, гдѣ восточныя церкве

процвѣтаетъ ученіе... Когда отрокъ 4—5 лѣтъ, или больше, Христовымъ Евангеліемъ уже отрожденный, прилагается къ ученію письменъ, долженствуетъ отъ учителя своего во-первыхъ слышати имя и призваніе святого и животворящаго креста;— второе: во имя Отца и Сына и Св. Духа; третіе: алфавиту, или азбукѣ учимы бываютъ; четвертое: изучаютъ молитву, яже глаголется св. отецъ, т.-е. „За молитвы св. отецъ“ и проч.; пятое: Богородице, дѣво радуйся. Такъ бо отъ низшаго степени возводятъ къ высшимъ умъ отроковъ... Шестое: Царю небесный; седьмое: Трисвятое; восьмое: Слава Отцу...; девятое: Пресвятая Троице; десятое: Отче нашъ; одиннадцатое: Пріидите поклонимся; двѣнадцатое: Вѣрую во единаго Бога... Сія бо суть основанія, или (да мочь будетъ рещи) стихіи катихизиса, яже мати св. церковь сыномъ своимъ во первыхъ къ наученію предложила. Сямъ же *на память изученнымъ* бывшимъ, абіе *присланные* отроки къ ученію вечернихъ и утреннихъ молитвъ, также и всего церковнаго чина проходятъ. Потомъ ученія бываютъ, да паче удобно читати могутъ октоиха; потомъ къ ученью царскихъ и пророческихъ псалмовъ приступаютъ. Далѣе изучаютъ апостолъ и наконецъ приступаютъ „къ художеству грамматическому“. И сей убо *чинъ* и наставленіе...толико возъимѣ употребительство, яко (свидѣтельствующей греческой, арабской, великороссійской, малороссійской, молдовлахійской, угровлахійской, славянской, за Дунаемъ сущей болгарской, иллирійской, албанской, далматской, трансильванской и всей купно православной, восточной церкви), аще бы нъ нынѣ иный, кромѣ сего ученія, отрокомъ, усиловался привести чинъ, никакого могъ бы, яко мню, избыти порока подозрѣнія, кольми паче изобрѣтатель, или *древняго обычая* истребитель мнимъ и презираемъ былъ бы“. Сочинитель во всей наготѣ являетъ себя завзятымъ приверженцемъ старины, традиціи и обычая. Но въ его словахъ скрывается важное для насъ свидѣтельство о господствовавшихъ тогда въ восточныхъ и славянскихъ земляхъ обычаяхъ и пріемахъ обученія. Кантемиръ зналъ нѣсколько восточныхъ языковъ, отлично знакомъ былъ съ исторіею и географіей, и имѣлъ непосредственныя связи съ южными славянскими землями. Поэтому онъ могъ сообщить вѣрныя свѣдѣнія о положеніи учебнаго дѣла въ славянскихъ земляхъ. Оказывается, что они ни на шагъ не подвинулись впередъ въ методѣ обученія, хотя имѣли

право гордиться великимъ педагогомъ Амосомъ Коменскимъ. Оказывается, что старинная букварная система обученія, состоявшая въ изученіи первыхъ страницъ Часослова, Октоиха, Псалтири, съ присоединеніемъ (для нѣкоторыхъ лицъ) Апостола и отрывковъ „грамматическаго художества“ — была повсюду распространена и какъ бы удокументована. Это явленіе тѣмъ печальнѣе, что трудно-варимый матеріалъ начальнаго обученія предлагался четырех- и пятилѣтнимъ дѣтямъ. Что могли вынести они изъ своей учебы, которая вовсе не походила, по своей формѣ, на *млеко* ученія? А между тѣмъ обычай этотъ издавна держался на Руси, — самъ Петръ Великій обучался у Зотова пяти лѣтъ. Возраженія Кантемира, человѣка, въ свое время очень образованнаго, ясно показываютъ, какъ трудно было ввести въ Россію новыя и освѣжительныя педагогическія воззрѣнія и какъ легко трактовалось всякое нововведеніе за отступничество и ересь. Христіанскіе идеалы воспитанія, оберегаемые противникомъ Прокоповича, внѣ всякаго сомнѣнія, достойны высокаго уваженія; но отъ перемѣны пріемовъ обученія они нисколько не страдаютъ. Критикъ придирался къ автору букваря съ завѣдомо-составленнымъ о немъ мнѣніемъ и во многихъ случаяхъ угадывалъ своего противника, сочувствующаго протестантскимъ идеямъ. Но это не давало права рецензенту фанатически отстаивать старину и въ каждой свѣжей мысли видѣть ересь. Д. Кантемиръ до того простираетъ уваженіе къ обычаю и рутинѣ, что считаетъ грѣхомъ даже переводъ греческихъ словъ на славянскій языкъ, потому что „въ нѣкоторыхъ богословскихъ реченіяхъ славянскій языкъ страждетъ и грѣшитъ, между тѣмъ какъ по-гречески они просты и ясны“. Вѣдь послѣ того невозможенъ и ненуженъ переводъ Библіи? Вотъ что значитъ предразсудочное и нелѣпое „буквоѣдство“.

Въ нѣкоторыхъ трактатахъ возраженія встрѣчаются, впрочемъ, дѣльныя, искреннія и мѣткія соображенія. Въ своемъ „букварѣ“, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, Прокоповичъ былъ несдержанъ и неостороженъ въ выраженіяхъ, которыя и давали поводъ къ недоумѣніямъ и сомнѣніямъ для обучающихся. Авторъ „Перваго ученія отрокомъ“ называетъ идолы „образниками“, ставитъ свои толкованія выше „молитвъ и псалмовъ“, высказываетъ презрительное отношеніе къ обрядности, двусмысленно выражается о почитаніи мощей и т. п. Стараясь доказать, на осно-

ванія св. Писанія, соборныхъ опредѣленій и отеческихъ твореній. колеблемыя истины. критикъ сознается, что въ простонародіи (in obscuro vulgu) дѣйствительно существуетъ много предразсудковъ и суевѣрій (о люлькѣ Божіей Матери, о крови, бородѣ и волосахъ Спасителя, о почитаніи Нептуна вмѣсто св. Спиридона). но это суевѣріе слѣдуетъ обличать сдержанно, а о самыхъ св. предметахъ надо говорить съ уваженіемъ: народъ мало виновенъ въ томъ, что его обманываютъ льстецы. что онъ не способенъ отличить правду отъ лжи. При обличеніи народныхъ суевѣрій во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ выражаться объ иконахъ, мощахъ и чудотворныхъ мѣстахъ „*какъ будто святыхъ*". Эта фраза выражаетъ недовѣріе къ священнымъ предметамъ и можетъ поколебать отроческій умъ. Учитель дѣтей, написавшіи для нихъ руководственную книгу, долженъ былъ раскрыть и позснить: 1) что святыя мощи и иконы творили и творятъ чудеса, когда съ вѣрою обращаются къ нимъ. — 2) что для вѣрующихъ въ Бога возможны откровенія свыше. — 3) что въ Церкви было много святыхъ, обладавшихъ даромъ пророчества и чудотвореній, и наконецъ — 4) что въ православныхъ земляхъ были и могутъ быть свящ. мѣста, въ которыхъ проявляется благодать Божія. Что же касается различныхъ обманщиковъ, то они всегда преслѣдовались въ Церкви, какъ враги вѣры и благочестія. Въ этихъ сужденіяхъ критикъ является выше своихъ темныхъ современниковъ-старорусcовъ, которые безусловно и плотно держались своихъ суевѣрій и тверже своего противника. Өеофанъ, неосторожно выражаясь о чтимыхъ предметахъ, невольно вносилъ сомнѣніе и разъѣдающій анализъ въ юныя головы школьниковъ и тѣмъ колебалъ ихъ „воскоподобный умъ" въ отношеніи къ священнымъ предметамъ вѣры. Неразумно и то, что авторъ „букваря" нещадно и очень насмѣшливо поражалъ суевѣріе отцовъ и чрезъ то вносилъ рознь и раздоры между старымъ и молодымъ поколѣніемъ. Өеофана можетъ оправдать исторія, а не педагогія. Педагогія требуетъ, чтобы новый и преобразовательный элементъ вносился въ школу постепенно, чтобы молодое поколѣніе безъ презрѣнія относилось къ старому, оставляя темныя стороны его жизни. Педагогія признаетъ, что суевѣрія падаютъ и ослабляются не отъ частныхъ и энергичныхъ порицаній ихъ, не отъ сатирическихъ репликъ противъ нихъ, но отъ возвышенія и облагороженія всей си-

стемы образованія и цѣлой личности воспитанника. „Надо помнить“, говоритъ почтенный педагогъ нашего времени г. Водовозовъ, „что уничтоженіе суевѣрій болѣе достигается общимъ развитіемъ, чѣмъ отдѣльными (и тѣмъ болѣе — неумѣренными) объ нихъ толкованіями“...

Ѳеофанъ, имѣвшій у себя не мало досужихъ клеотовъ и никогда ни въ чемъ не спускавшій своимъ врагамъ, скоро освѣдомился о возраженіи на его букварь и, на имя одной духовной особы, написалъ антикритику. Въ ней онъ говоритъ о богословскомъ и грамматическомъ невѣжествѣ возражателя, о непониманіи имъ основныхъ религіозныхъ вопросовъ, о дурныхъ плодахъ невѣжества и о задачѣ критики. „Многое искусство въ томъ имѣти подобаетъ, въ чемъ кто учителемъ хощетъ быти. Но искусный долженъ есть прилежно и долго, и *слова и вещь, и вещи самой естество и обстоятельства* и вся оной, тако рещи, *утробы разбирать, разсуждать и проницать*, когда хощетъ произнести судъ свой въ чуждемъ мнѣніи и ученіи. Не многи же обрѣтаются такъ искусніи и такъ прилежніи, ова за невеликое остроуміе, ова за несильное во богословіи обученіе“. Нельзя не отдать уваженія такому серьезному, тонкому и проницательному воззрѣнію на задачи литературной критики. Въ то время критика состояла или въ несдержанной брани, или клеветѣ. „Критика наша по большой части“, замѣчаетъ Тредьяковскій“, почитай, безъ узды туда скачетъ, куда ее влечетъ устремленіе. Наша самохвалка, прежде наукъ усплившаяся, грозна хотя неосновательному, въ чемъ прямая и состоитъ ея должность, однако будучи сама чаще неосновательна, не допускаетъ смѣть являться иногда и доброму“. Эти слова отчасти приложимы и къ критикѣ Кантемира, который вооружился противъ Ѳеофанова букваря и тѣмъ преграждалъ всякое новое слово и благое начинаніе. „Отъ таковыхъ любопретельныхъ совопросниковъ въ нашемъ семъ съ прекословцами дѣлѣ“, съ горестію сознается Прокоповичъ въ своей антикритикѣ, „не слѣдуетъ ли, что слышавше овое прекословіе, человѣцы *прочіи* не похотятъ отрокамъ своимъ сего *столь полезнаго* давать наставленія, и тако многіе отроки въ грубости и ненаставленіи останутся, и желаніе царскаго величества и желаніе всѣхъ *нелицемѣрно* благочестныхъ вотще пойдетъ за положенное сему ученію препятіе прекословіемъ толь *неискуснымъ* и *неправеднымъ*... съ тако-

вымъ невѣжествомъ какъ дерзать къ учительскому дѣлу и судить ученія богословская? Дерзая же, какъ не бояться большаго осужденія? Дивлюся всѣмъ таковымъ и довольно удивиться не могу". Видно, что Ѳеофанъ глубоко былъ убѣжденъ въ достоинствѣ своего букваря, что онъ серьезно и ревностно заботился о просвѣщеніи *простыхъ* отроковъ, поддерживаемый и одобряемый геніальнымъ царемъ — преобразователемъ и соучастниками его реформы „*нелицемѣрно*" благочестивыми".

Приводя все сказанное нами о букварной системѣ обученія въ до-Петровской и Петровской Руси къ одному знаменателю, мы получаемъ такіе общіе выводы:

Букварная система обученія оформилась и получила опредѣленный характеръ въ Великороссіи вмѣстѣ съ организаціей училищъ во второй половинѣ XVII столѣтія.

Великорусскіе буквари XVII столѣтія заимствовали свое содержаніе изъ юго-западныхъ изданій и почти нисколько не подвинули впередъ постановку школьнаго обученія. Въ частности:

Иллюстрированный букварь Каріона Истомина отличается вычурностію и сложностію графики, отвлеченностію и скудостію содержанія (апоѳегмы) и тяжелымъ и нескладнымъ языкомъ (вирши).

„Предназаніе дѣтей", при разработкѣ фонетики, графики, основныхъ элементовъ грамматики и отчасти — диктики, дало слишкомъ мало учебнаго матеріала и нисколько не разъяснило дѣтямъ элементарныхъ истинъ вѣры и нравственности христіанской, на чемъ сосредоточивалось тогда школьное обученіе.

Не улучшилась букварная система и въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія, хотя Петръ Великій и заботился о поднятіи школьнаго обученія, именно:

„Треязычной" букварь Ѳ. Поликарпова, при сложности заимствованнаго и непереработаннаго содержанія и обширности объема, оставилъ нетронутыми недостатки прежнихъ букварей, внесъ въ курсъ начальнаго обученія сухой, вокабульный матеріалъ, вовсе неудобный для дѣтскаго воспріятія, и оставилъ безъ всякой обработки основныя стихіи родной рѣчи.

Букварь, изданный въ 1704 и 1705 г., выражая искреннее сочувствіе грамотности, ограничился однимъ новымъ „винеретнымъ" введеніемъ и стихотворнымъ воззваніемъ къ юношамъ, а все остальное буквально заимствовалъ изъ прежнихъ бук-

варей, при чемъ некстати опустилъ полезный грамматическій отдѣлъ.

Настойчивыя и энергичныя мѣры Петра Великаго въ пользу *народнаго* образованія, школьной организаціи и обученія, нашли себѣ надлежащее выраженіе и твердую опору только въ „Первомъ ученіи отрокомъ“, принадлежащемъ даровитому перу Ѳ. Прокоповича. Отрѣшаясь отъ схоластической рутины прежнихъ букварей, онъ внесъ въ свое сочиненіе много новыхъ, гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей. Букварь Ѳ. Прокоповича — первый и лучшій въ ряду всѣхъ тогдашнихъ руководствъ для народнаго обученія. При этомъ букварѣ жалкіе „россійстіи отроцы уже не лишались подобающаго себѣ воспитанія“...

Д. Извѣковъ.

Толковыя азбуки.

По житію св. Стефана Пермскаго, Кириллъ философъ не только составилъ азбуку и перевелъ книги, что признаетъ и современная наука, но и сложилъ еще какую-то грамоту. О грамотѣ, какъ о произведеніи славянскаго первоучителя, говорятъ и другіе памятники, но въ такомъ смыслѣ, что подъ это названіе можно подвести тотъ или другой изъ общеизвѣстныхъ трудовъ первоучителей: азбуку или книги. Напр., въ Начальной русской лѣтописи читаемъ подъ 6406 г.: „Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни, иже сѣдяху по Дунаеви, ихъ же пріяша Угри, и Марава, Чеси, и Ляхове, и Поляве, яже нынѣ зовомая Русь. Симъ бо первое преложены книги Маравѣ, *яже прозвася грамота Словѣньская, яже грамота есть въ Руси въ Болгарѣхъ Дунайскихъ* (П. С. Р. Л., т. I, стр. 11). Здѣсь, очевидно, названіе словѣнской грамоты относится къ переведеннымъ въ Моравіи книгамъ. Русскіе мѣсяцесловы XV—XVII вѣковъ, утверждающіе, что Кириллъ философъ „преложи *русскую грамоту* съ греческія“, вѣроятно выражаютъ ту же самую мысль, что и „Начальная лѣтопись“, только въ русскомъ освѣщеніи. Повидимому, другой смыслъ придавъ слову грамота въ исторіи крещенія Руси, гдѣ говорится, будто славянскіе первоучители „*грамоту* словенскимъ языкомъ *составиша* и преложиша книги греческія на словенскій языкъ. „Подобное же свидѣтельство читаемъ еще въ извѣстныхъ псковскихъ хронографахъ 1494 и 1518 г.: „въ лѣто 6303 (вѣрнѣе 6373, какъ

въ другомъ спискѣ) Константинъ философъ, нарицемый Кирилъ, створилъ грамоту словеснымъ (словенскимъ) языкомъ, глаголему литицу, во дни Михаила царя Греческаго и во дни князя Люрика Невгородскаго, его же сыномъ Руская земля преиде".

Послѣднее свидѣтельство своимъ непонятнымъ выраженіемъ „литица" обратило на себя вниманіе изслѣдователей. Пока сдѣлано двѣ попытки къ уясненію значенія загадочнаго слова. По мнѣнію однихъ, оно представляетъ испорченное названіе глаголитицы — глаголицы; другіе видятъ въ немъ общее понятіе письменъ и производятъ отъ латинскаго слова littera. Оба толкованія, такимъ образомъ, относятъ названіе грамоты-литицы къ изобрѣтенной Кирилломъ философомъ азбукѣ, нисколько не разъясняя вопроса, возбуждаемаго вышеприведеннымъ отрывкомъ изъ житія св. Стефана. Между тѣмъ ключъ къ рѣшенію вопроса находится именно въ извѣстіи хронографа, только понимать его, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ иначе. Во-1-хъ, замѣтимъ, что въ смыслѣ письменъ азбуки, слово грамота въ старой письменности встрѣчалось очень рѣдко, а теперь и совсѣмъ не встрѣчается. Во-2 хъ, чтобы правильно понять извѣстіе хронографа о происхожденіи грамоты-литицы, надо разбирать его въ связи съ послѣдующимъ текстомъ.

Начатый въ хронографѣ разсказъ о происхожденіи грамоты-литицы продолжается такимъ образомъ: „(греческую грамоту сотвориша 7 мужъ: Палимидъ, Кадмилисіи, Сімонъ, Опихарій, Дионисъ). Сице рече святый Кирилъ: Азъ симъ словомъ молюся Богу. Боже, всеа твари Зижителю, Видимаа и невидимаа" и т. д., до конца выписано извѣстное стихотвореніе ученика славянскихъ апостоловъ, епископа Константина, представляющее азбучный акростихъ. Слова, заключенныя нами въ скобки, составляютъ позднѣйшую вставку; они были приписаны сначала на полѣ рукописи, но послѣдующимъ переписчикомъ внесены въ текстъ, — разумѣется, не безъ ущерба для логической послѣдовательности разсказа. Чтобы возстановить первоначальный ходъ мысли автора статьи, надо читать извѣстіе о составленіи грамоты-литицы въ непосредственной связи съ дальнѣйшимъ текстомъ: „сице рече Кириллъ"... и т. д. То, что „рече Кириллъ", и составляетъ его произведеніе, названное выше грамотою-литицею. Названіе „литица" не имѣетъ отношенія ни къ славянской глаголицѣ, ни къ латинскимъ литерамъ, а

представляетъ искаженіе греческаго прилагательнаго λιτήσιος — молитвенный — значитъ по-русски — молитва. Дѣйствительно, такъ и называется стихотвореніе Константина въ нѣкоторыхъ древнихъ его спискахъ; да и въ самомъ хронографѣ, въ видѣ заголовка къ разбираемой статьѣ, сдѣлана слѣдующая приписка: „*молитва св. Кирилла* о сотвореніи Словенскія литицы и грамоты литеры". Намъ представляются совершенно напрасными старанія Бодянскаго проникнуть во внутренній смыслъ этого заголовка. На первыя слова (подчеркнутыя) мы ссылаемся въ подтвержденіе своей мысли, что стихотвореніе Константина въ старину было извѣстно подъ названіемъ молитвы; что же касается продолженія, то оно свидѣтельствуетъ лишь о полномъ непониманіи авторомъ заголовка названія: „литица".

Стихотвореніе Константина, епископа болгарскаго, по недоразумѣнію приписываемое первоучителю славянскому Кириллу-Константину философу, съ большимъ правомъ можетъ назваться грамотою, чѣмъ изобрѣтенная послѣднимъ азбука. Въ хронографѣ къ общему названію грамота присоединяется еще частное опредѣленіе — литица, характеризующее произведеніе Константина со стороны содержанія, но, по всей вѣроятности, два слова эти въ приложеніи къ разсматриваемому памятнику не составляли нераздѣльнаго цѣлаго, а могли быть употребляемы и каждое въ отдѣльности. Такъ это и дѣлается, когда стихотвореніе называется молитвой (литицей); подъ названіемъ грамоты (просто) списковъ его мы не встрѣчали, тѣмъ не менѣе догадываемся, что въ большей части памятниковъ, а прежде всего въ житіи Стефана Пермскаго, — когда приписывается Кириллу философу составленіе „грамоты", подъ грамотой подразумѣвается азбучная молитва еп. Константина.

Стихотвореніе Константина въ древности пользовалось извѣстностью; по крайней мѣрѣ, оно дошло до насъ въ довольно значительномъ количествѣ списковъ. Едва ли можно признать его происхожденіе вполнѣ самостоятельнымъ. Въ спискѣ XII в. сохранился славянскій переводъ подобнаго же стихотворенія Григорія Богослова, въ подлинникѣ представляющаго также азбучный акростихъ. По всей вѣроятности, литица Константина и составлена по образцу греческихъ стихотвореній. Въ свою очередь, она сама впослѣдствіи послужила образцомъ для подобныхъ же произведеній, во множествѣ распространенныхъ въ русской письменности XV—XVII вв., подъ названіемъ толковыхъ азбукъ.

Азбуки толковыя составляютъ обычную принадлежность прописей и букварей. Напр., въ азбукѣ Бурцева напечатано въ азбучномъ порядкѣ сокращенное ученіе о Спасителѣ: „А. Азъ есмь всему міру свѣтъ. Б. Богъ есмь прежде всѣхъ вѣкъ. В. Вижу всю тайну человѣческую. Г. Глаголю же вамъ сыномъ человѣческимъ. Д. Добро есть вѣрующимъ во имя Твое“ и т. д. „Сіе сочиненіе, — замѣчаетъ Калайдовичъ въ описаніи букваря, — въ нѣкоторыхъ спискахъ библіотеки Іосифа Волоколамскаго монастыря названное азбуками толковыми, тамъ же приписывается Славянскому учителю Кириллу“. Та же самая толковая азбука находится въ виленской „Граматикѣ“ 1621 г., съ которою бурцевскій букварь находится въ тѣснѣйшей связи. Другого содержанія азбука помѣщалась въ прописяхъ. Въ этихъ послѣднихъ нашъ памятникъ занимаетъ болѣе видное положеніе, чѣмъ въ азбукѣ и грамматикѣ. Такъ, напр., въ прописяхъ, описанныхъ г. Ровинскимъ въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“ подъ №№ 680—682 толковая азбука составляетъ всю суть учебника, занимая въ немъ около половины книжки. Каждому стиху предшествуетъ его начальная буква, написанная нѣсколько разъ разными почерками.

Отмѣченная связь азбуки толковой съ древне-русскими школьными книгами, повидимому, должна была бы давно быть изслѣдована, въ виду недостатка данныхъ для выясненія способа преподаванія грамоты въ древне-русской школѣ; на самомъ дѣлѣ покамѣстъ она остается незамѣченною въ литературѣ. Причина такого невниманія къ интересному памятнику кроется въ одномъ недоразумѣніи, которое теперь и постараемся разъяснить.

До XVII вѣка буквари были рукописные, но пока намъ они неизвѣстны. Въ извѣстныхъ букваряхъ (печатныхъ) азбука толковая занимаетъ очень скромное мѣсто, послѣ буквъ, складовъ и прочаго букварнаго содержанія. Видное положеніе она занимаетъ, какъ сейчасъ было замѣчено, въ прописяхъ, но прописи не буквари: онѣ, „безъ сомнѣнія, во многомъ отличались отъ букварей“. Стало быть, отъ прописи къ букварю заключеній нельзя дѣлать. Это мнѣніе о значительномъ отличіи букваря отъ прописи намъ и кажется недоразумѣніемъ. Охотно присоединяемся къ нему, какъ къ предостереженію противъ неосторожныхъ аналогій между извѣстными прописями и неизвѣстными букварями, но отказываемся принять его въ смыслѣ

сужденія, устанавливающаго нѣкоторое, хотя-бы только отрицательное, понятіе о неизвѣстномъ памятникѣ. Вѣдь, если букварей старше XVII вѣка мы не знаемъ, то мы не можемъ знать и того, насколько они отличались отъ извѣстныхъ намъ прописей. Положимъ, о нѣкоторыхъ буквицахъ, представляющихъ лишь образцы каллиграфическаго письма безъ всякаго содержанія, можно сказать a priori, что съ букварями у нихъ общаго мало; но мы не имѣемъ никакого права говорить это о такихъ прописяхъ, какія, напр., изданы г. Ровинскимъ. Если ко всему сказанному прибавить общее соображеніе, что всякая спеціализація составляетъ продуктъ болѣе или менѣе развитой жизни, что Россія XVI вѣка не была еще готова къ предполагаемому г. Забѣлинымъ раздѣленію начальныхъ учебниковъ письма и чтенія, то можно будетъ сдѣлать обратное даже предположеніе, что древняя пропись и древній букварь имѣли между собою много общаго. Первая отличалась отъ второго только большей каллиграфіей, большимъ изяществомъ, а по содержанію своему представляла то же, что и букварь. Если отнять образцы почерковъ отъ упомянутыхъ прописей Ровинскаго — получится букварь. Сущность его заключается въ азбукѣ толковой, съ буквою славянскаго алфавита передъ каждымъ стихомъ азбуки, въ послѣдовательномъ алфавитномъ порядкѣ. Дальнѣйшія прибавленія къ этой основѣ, какія мы видимъ у Ровинскаго въ его прописяхъ, уже не составляютъ существеннаго содержанія букваря.

Подтвержденіе своего предположенія мы находимъ въ древнемъ названіи букваря азбукою-границею. Въ извѣстномъ посланіи къ митрополиту Симону архіепископъ новгородскій Геннадій даетъ такой „совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ: первое азбука-граница истолкована совсѣмъ, да и подтителные слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ накрѣпко: и коли то изучятъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати и чести всякыя книги". Названіе азбуки-границы нигдѣ больше не встрѣчается, такъ что для объясненія его приходится обратиться къ словопроизводству. Мы думаемъ, что загадочное слово происходитъ отъ существительнаго грано, гранъ — строчка, стихъ и находится въ ближайшемъ родствѣ съ существительнымъ краегранесіе — текстъ, составленный изъ начальныхъ буквъ акростиха. По такому словопроизводству названіе „азбука-граница" можно перевести на современный языкъ: азбука-стихо-

твореніе. Что же, какъ не толковую азбуку, разумѣлъ архіепископъ Геннадій подъ этимъ названіемъ?

По свидѣтельству Геннадія, такимъ образомъ, азбучный акростихъ „истолкованъ совсѣмъ" и составлялъ въ древности первое руководство къ обученію грамотѣ. Знакомство съ нимъ было необходимымъ условіемъ усвоенія грамотности. Въ томъ же посланіи къ Симову Геннадій пишетъ: „а инымъ вѣдь силы книжные не мощно достати, только-же азбуку-границу и съ подтителными словы выучитъ, и онъ силу познаетъ въ книгахъ велику". Невозможность получить „книжную силу" помимо азбуки-границы и приводила русскихъ грамотеевъ къ тому убѣжденію, будто грамота-букварь составляетъ какъ бы нѣчто цѣлое съ азбукой-письменами, такъ что и составленіе первой, повидимому, не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ составителя второй. Эту мысль можно замѣтить въ житіи Стефана Пермскаго; она же сказывается въ готовности переписчиковъ присвоить Кириллу философу каждую толковую азбуку.

Какъ же производилось обученіе по толковой азбукѣ? Облегченіе способовъ усвоенія грамотности съ давнихъ уже поръ составляло одну изъ главныхъ цѣлей развитія педагогіи; и нельзя сказать, чтобы старанія педагоговъ были безрезультатны: въ два-три мѣсяца нынѣшнія дѣти шутя постигаютъ „книжную силу", пріобрѣтеніе которой въ прежнія времена стоило, быть можетъ, нѣсколькихъ тяжелыхъ, мучительныхъ лѣтъ. Въ ряду постепенныхъ усовершенствованій методики грамоты педагоги-историки ставятъ на первомъ мѣстѣ введеніе въ букварь изображеній предметовъ, которые въ какомъ нибудь отношеніи напоминали ту или другую букву алфавита. Поставленная рядомъ съ этой буквой картинка должна была, по ассоціаціи смежности, помогать ученику въ запоминаніи формы, названія и, наконецъ, произношенія буквы. Но, конечно, до изобрѣтенія книгопечатанія снабженіе букваря политипажами должно было представлять иногда непреодолимыя трудности: потому-то буквари съ иллюстраціями могли появиться въ школѣ только въ XV ст., когда сдѣлалась извѣстна ксилографія. Мы думаемъ, что введеніе въ азбуку рисунковъ не было первою мѣрой къ облегченію труднаго дѣла первоначальнаго знакомства съ грамотой. Древнія названія буквъ, обыкновенно заключавшія въ себѣ, во-1-хъ, опредѣленный смыслъ, а во-2-хъ, тѣ звуки, которымъ они соотвѣтствовали, сами по себѣ служили

къ облегченію заучиванія порядка и произношенія письменъ. Съ теченіемъ времени названія буквъ стали дополняться (а можетъ быть, и замѣняться?) цѣлыми изреченіями, начинавшимися съ этихъ буквъ. Написанныя въ одинаковомъ стихотворномъ размѣрѣ и расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ, такія изреченія составляли азбучный акростихъ, иначе называемый толковой азбукой или азбукой-границей и служившій первымъ руководствомъ къ обученію грамотѣ. Въ методическомъ отношеніи такое руководство можно поставить въ параллель съ иллюстрированнымъ букваремъ. Вся разница между тѣмъ и другимъ заключается только въ томъ, что въ основѣ перваго лежатъ ассоціаціи слуховыхъ ощущеній, а второй построенъ на ассоціаціяхъ ощущеній зрительныхъ. Въ иллюстрированномъ букварѣ представленіе о буквѣ связывается съ изображеніемъ стоящаго рядомъ предмета, въ азбукѣ толковой — съ содержаніемъ заученнаго наизусть изреченія. Всѣ подъ рядъ изреченія заучивались начинающими школьниками со словъ учителя, сопровождавшаго передачу текста какими-то толкованіями. На первыхъ порахъ эти толкованія дѣлались устно и записаны не были. Можно предполагать, что они сохранились отчасти въ позднѣйшихъ букваряхъ, но выдѣлить ихъ отсюда будетъ не легко; не легко, слѣдовательно, будетъ возстановить и древнюю методику грамоты.

На основаніи того, что Геннадій переходитъ отъ азбуки-границы прямо къ подтительнымъ словамъ, можно догадываться, что азбука-граница доводила школьниковъ до чтенія отдѣльныхъ словъ безъ титлъ. Отсюда можно, пожалуй, вывести заключеніе, что во времена Геннадія азбука-граница состояла не изъ одного только азбучнаго акростиха, а представляла уже болѣе или менѣе развитое руководство. Какими путями шло ея развитіе? Въ настоящее время не имѣется данныхъ для рѣшенія этого вопроса. Надѣемся, что они найдутся въ такъ-называемыхъ азбуковникахъ-учебникахъ, описанныхъ г. Мордовцевымъ въ статьѣ „О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII в.". По крайней мѣрѣ, на основаніи этой статьи должно предположить тѣсную генетическую связь азбуковниковъ съ азбукой-границей. Но, конечно, болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса требуетъ непосредственнаго знакомства съ рукописью, давшей г. Мордовцеву матеріалъ для его работы.

Грамота-литица епископа Константина не встрѣчается ни въ

прописяхъ, ни въ букваряхъ, однако мы не сомнѣваемся, что эта первая славянская толковая азбука, или азбука-граница, была вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ учебникомъ славянской грамоты. Повидимому, довольно скоро въ славянской письменности появились подражанія ей, которыя не замедлили вытѣснить ее изъ школьнаго употребленія, вѣроятно, потому, что по содержанію представляли больше интереса. Лирическое стихотвореніе-азбука болгарскаго святителя скоро смѣнилось азбуками догматическаго, назидательнаго, историческаго содержанія. Когда, кѣмъ онѣ составлены — эти вопросы едва ли дождутся рѣшенія; но слѣдовало бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, возможное — выяснить историко-литературное значеніе нашихъ памятниковъ. По содержанію своему, толковыя азбуки — по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя — представляютъ популяризацію древне-русской „научной" письменности. Въ этомъ отношеніи представляютъ интересъ азбуки, находящіяся въ погодинскомъ сборникѣ Имп. П. Б-ки, XVII ст. № 1615 (у г. Бычкова въ „Описаніи сборниковъ И. П. Б." т. 1, подъ № LXXXVII). Здѣсь ихъ собрано десять редакцій, историческаго содержанія, направленнаго противъ евреевъ. Первыя четыре азбуки и по изложенію составляютъ одно связное цѣлое, съ предисловіемъ (азбука первая), заключеніемъ (окончаніе четвертой) и общимъ заголовкомъ. (Мы думаемъ, что заголовокъ, относимый г. Бычковымъ ко всѣмъ азбукамъ, находящимся въ сборникѣ, къ 5—10 азбукамъ не относится). Чтобы дать возможно ясное представленіе объ интересующемъ насъ памятникѣ, мы предлагаемъ полный текстъ упомянутыхъ четырехъ его редакцій.

Сия азбуки истолкованыя святыми отцы и святыми апостолы и святыми пророки сложены. Азбука первая начало о Бозе:

А. Азъ прежде о Господѣ Бозѣ начинаю вѣщати.

Б. Бога чту, Бога Сына славлю, Бога Духа Святаго проповѣдаю.

В. В' двѣ лицы разделяемъ, но божествомъ не растлимъ.

Г. Глаголатя нарекаю, мысля отъ сердца простирая.

Д. Добро отъ Бога благодарно начати и скончати.

Є. Есть бо начало и совершение всѣмъ глаголемымъ отъ Него.

Ж. Живущии по Бозѣ бесконечны оукраются (sic) лѣпотами.

Ѕ. Ѕело бо законное свѣтъ стезямъ моимъ.

Ꙁ. Землю и воздухъ многому естеству поручилъ есть.

И. Иже о Божиихъ оумышляють, глубокъ имъ разумъ дасть.

І. И всяку мудрость помыслѣ ихъ простирается.

К. Како Владычня любовь человѣколюбие присвояется.

Л. Люди вся азбуковны словесы оумудрилъ есть.

М. Мыслити о Божескихъ вразумиихъ почитаніи божествеными.

Н. Нашъ бо смыслъ оуглубочилъ есть.

О. Онъ глаголъ онъ истинный вѣрныхъ послушествовася.

П. Покой всей твари принесе отъ Отца посылаемъ.

Р. Речение Духа Свята вселенную исполни.

С. Слово пророкъ сбыстьея и апостолъ проповѣда.

Т. Твердость Святая Троица оувидѣхомъ воплощениемъ Владычнимъ.

Ѵ. И кто не исповѣдаетъ Родившагося отъ Дѣвы, врагъ и супостатъ есть.

Ѳ. Ѳеосъ, а реку Богъ, божеская сверши.

Х. Херувимскій престолъ оставивъ, а къ намъ сниде къ нищимъ.

Ѿ. Отъ небесныхъ пришедъ спасе погибшее человѣчество.

Ч. Червь вселяется во тлѣние мое. Богъ жи (sic) во греховное ваше естество.

Ш. Шаровидно обагривъ честною кровію плоть нашу.

Щ. Щедродарение его мои оустнѣ отверзаетъ.

Ъ. Ерихонскихъ трубъ паче проповѣдателя мя сотвори.

Ы. Ерданскихъ быстринъ струю да излиетъ ми.

Ь. Ерусалимъ предивныя дѣтели возглашати

Ѣ. Явился еси чюдесенъ благодарю и величаю его.

Ю. Юду прославн первое заколение людие примениши.

Ѫ. Юду возвысися послѣднимъ оумудри Ѧ.

Ѧ. Яже прежде, евреи, къ вамъ возглаголю словомъ Божиимъ.

Азбука в. имущи главы азъбуковны трисоставны, имиˋ прѣти жидовина.

А. Азъ отъ начала повѣствую съ тобою, еврѣянине.

Б. Богъ испервa всю тварь сотвори рукою отъ небытие в бытие.

В. Вѣдый же, человѣче, естество отъ Него многи.

Г. Глагола Сифовн о бытіи мира и мудростно изъяви.

Д. Добро Божие приемше. а на злыя дѣтели помысливше.

Є. Есть бо но (Ной?) единъ во правде пребывъ.

Ж. Живяху бо отъ него сущіи безчисленно грѣхолюбие наполнишаˋ.

Ѕ. Зело бо безумство ваше высокою оумною гордынею обдержими.

Ꙁ. Земля Сенарска тяготою безстудства ихъ возопи къ Богу.

И. Иже шедъ сотре дѣла рукъ ихъ и раздели ꙗзыки ихъ.

І. І неверие пріиде во свѣтъ ихъ, тѣ и ꙗзыкъ є не пременися.

К. Како любовь имяше Богъ къ вамъ, вы ѿтоле многобожие возлюбисте.

Л. Людие ваши серухове прелести идоломъ его воспѣдоваше.

М. Мысль отъ сердца простросте на злую дѣтель подвизающеся.

Н. Нашь же Владыка и Творецъ повѣда Аврааму, хотя васъ казнемъ предати.

О. Овное работы египетцкия нестерпимую тяготу изъяви.

П. Покоя доброго лишившеся, безъоупокоини бысте в земли чюждей.

Р. Речение божие свершися на васъ казнию, но паки моудроствуетъ о твари своей.

С. Словеснаго Моисѣя воставляетъ, фараоню силу истяити хотя.

Т. Твердую злобу Фараонъ простре на дѣти еврейския немилостивно.

ОУ. И Мосѣя рѣчныя быстрины негодоваху, соблюдающе ихъ не вредно.

Ѳ. Фемꙋ дщи царева воспита ю в велице люблении.

Х. Херувиму подобникъ Гаврилъ и всю мудрость ему отъ Бога простре.

Ѿ. Ѿ него наоуче слову и дѣлу бы чюде.

Ц. Царя небеснаго глаголъ ѿвнизи фараоне величество и гордыню.

Ч. Червие пущу на казнь посла на Египетъ рукою моисѣевою.

Ш. Шесть казней сугу принятъ Египетъ и свободися Ізраиль.

Щ. Щедроты божия на вы пріидоша, и мучителя отъ руки оубежасте.

Ъ. Егда отпусти вы, и ожесточися, видя оумаление властное.

Ы. Его Богъ раною смертною васдела осуди.

Ь. Егда гна во слѣдъ ва смерть и немилостивно обрете.

Ѣ. Ꙗко толики тмы потреби Богъ, вамъ путь протворяя.

Ю. Юду идосте, щедроты божия предваряху, но ваше злоба не измѣнишеся.

Ѫ. Иже первую работу повѣдахъ ти азбучную, а другое, жидовине, послушай.

Азбука г҃. о исхоженіи вашемъ изъ Египта и о вавилонстемъ племени (sic) и о работе ихъ при Антисе (sic). Глаголетъ Господь ко Израилю:

А. Азъ есмь, Іизраиля, изведыи тя изъ дому работна,

Б. Богъ твой, сподобивый тя отъ руки льстиваго.

В. Въ двѣ столпомъ облачномъ (sic) въ днь, а огнемъ в нощи.

Г. Глаголя с тобою вся оугодникомъ моимъ Моисѣемъ.

Д. Добре шествовасте, не вредно проидосте сквозѣ непроходимое море.

Є. Есть бо словесъ моихъ послушающихъ і всяческая.

Ж. Животъ и силу подахъ вамъ.

Ѕ. Земнаго (зело?) возлюбихъ васъ и любимое подахъ вамъ.

З. Землю благу обещавъ, ею́ кляхся отцемъ вашимъ.

И. Иже идосте на ню, тѣсная мѣста непроходимая пройдосте.

І. И брани крѣпкия и лютыя избавихъ васъ.

К. Како Аммалика безчисленнаго силу его низложихъ.

Л. Людие мои и о имени моемъ побѣдами оукрѣпляхъ.

М. Мысль сердецъ вашихъ исполнихъ, и желание любви моеи получисте.

Н. На что помышляете, вся оугодная дарова.

О. Обещахъ вамъ нердаⁿ проидосте страшная мѣсто ратныхъ.

П. Покоихъ васъ и заступихъ брани Іерихона твердаго.

Р. Реченіемъ и дѣйствомъ ангела основание его твердое разрушихъ.

С. Словомъ солнце составихъ, доняждеже иноплеменнымъ преодолѣсте.

Т. Твердыя полки ратныхъ сокрушивъ, в землю обетованную приведохъ васъ.

ОУ. И судии крѣпки и дерзы дахъ вамъ, отъ врагъ иноплеменныхъ заступая.

Ф. Ѳоло́вы доблесте й гедеоне мужство й самсоновы крѣпости васъ оудивляху.

Х. Хотѣсте царя черезъ волю Мою и дахъ вамъ злаго и немилостиваго аоула (sic).

Ѿ. Ѿголе простреся паче злоба и власть вашихъ премени.

Ц. Царство вав ше (sic) преселики (sic) в вавилоⁿ й весь Іерусалимъ вашь пустъ сотворихъ.

Ч. Червей хужьдше бысте въ плененіи вавилонсте.

Ш. Шествия ваша паки оуправихъ въ Іерусалимъ по благосердию Моему, но вы огорчистеся.

Щ. Щедродария моего забысте и пророческихъ глъ не внимасте.

Ъ. Ерусалимъ вамъ опять сотворихъ и церковь преславнее оустрои^х.

Ы. Елико добрыхъ отъ мене прияласте, сугу^бми опять злая воздасте.

Ь. Ездру книгочия дахъ вы, и законная в писмена поновите.

Ѣ. Іхти вы избити злому и лютому Антіоху, не покаястеся.

Ю. Юду^ потомъ оущедрихъ вы, добра моего не разумѣсте.

Ж. Ю^ вину отдахъ вамъ, и опять пущьшая сотвористе.

Ѧ. А^ж ѿтоле предахъ васъ римляномъ, и да имъ работаете и до вѣка.

Азбука д. о ѿверженіи вашемъ, и на васъ новыхъ людеи призванпе. Господь же вещаетъ:

А. Азъ любяи васъ и без числа ѿдая, не познахъ. жидове. добра вашего.

Б. Бгъ твои. Іизлю, но за многия твоя злая, оуже не пощадѣхъ тебе.

В. Вѣдыи жестосердие (sic) твое, лишихся и паки не помилую тебе.

Г. Гла^х пре Аврамъ: порабощу племя твое — и ѿдаяние повѣда^х.

Д. Доброю землю опять наслѣдисте и паки ко идоломъ обратистеся.

Є. Есть второи работе проповѣдавикъ Іеремия пррк.

Ж. Житие ваше скверно вещая, предасть васъ і въ плѣнъ крѣпость.

S. Зело пострaждете о лѣтъ в вавилоне, и паки васъ помилуетъ.

Z. Землю свою потомъ наслѣдисте.

И. И^ж на неи суще, паки безчинная содѣясте и къ болваномъ приступисте.

І. И потомъ пророкомъ Даниломъ вещахъ ва^м, обличая злобу вашу.

К. Како толика добра Моего не поменете и ѿдаявиия щедрого забысте.

Л. Людемъ вашимъ повѣдахъ лютую работу, ю^ж при антисе (sic).

М. Милость^м свою и ту простро^х к вамъ, яко причастпия і еще земли своеи.

П. На что надѣющися, не послушасте Мене, толика добра вамъ содѣявшу.

О. Ону работу египетскую отдахъ вамъ и послуха поставихъ Авраама.

П. Покои въ той работе повѣдахъ, послушествуя Иеремѣемъ пророкомъ.

Р. Рѣхъ и третие Даниломъ пророкомъ.

С. Слово мое совершися, но ваше идольство паче простираше.

Т. Твердую злобу вашу источихъ, Титомъ сковчахъ васъ за безаковие ваше.

Ѹ. .... (пропускъ въ рукописи).

Ф. Фарисе просия свѣтовидно, а Заровавель возлюбленный остави Меня.

Х. Херувими воспѣша на земли пришествие Мое.

Ѿ. Ѿ вышнихъ родитися отъ Дѣвы изволихъ.

Ц. Црьство Мое приближися, еже Даниль пррче, и власть Моя до века ста.

Ч. Червь не оумирающій ждетъ васъ, жидовине, со тмою вѣчвою.

Ш. Шуеѣ страны огнь неугасимый со проклятиемъ чаетъ васъ.

Щ. Щедродарения Мое на новыя люди простираю, милость имъ обилную даю.

Ъ. Ермогена апостола молитвами оущедряю.

Ы. Еразма свтля благословениемъ оудобряю.

Ь. Ермократа мчнка терпѣниемъ венчавса.

Ѣ. Ако Богъ силенъ есть, могїи вся спсти и миловати.

Ю. Юже любовь имѣть къ вамъ, на новыя люди простроихъ.

Ѫ. Ючть на васъ положихъ, тѣм же ю дахъ за окоиⁿство ваше.

Ѧ. Языкъ новъ да славитъ Мя присно, а не вашъ, жидове. Разумѣи, иновѣрниче, о житїи: сїе не человѣкъ молвитъ, но самъ Богъ. Горе ти есть и болѣ и нѣту ти отдаяния а ни помилования; по семъ никто бо отъ пророкъ по титове пленеиіи отдаяня ти повѣда.

Петровъ.

Толковая азбука 1801 года.

Гравирована на мѣди, на восьми полулистовыхъ перенумерованныхъ страницахъ. Подлинникъ, единственно извѣстный экземпляръ, находится въ Московскомъ публичномъ музеѣ.

Страница 1-я. Въ срединѣ картинка, на которой представленъ столъ. За столомъ сидятъ и пишутъ два учителя: изъ нихъ одинъ въ шляпѣ. Подлѣ два ученика: одинъ стоитъ передъ учителемъ въ шляпѣ, другой сидитъ за столомъ. По бокамъ картинки подпись:

„Азбука скорописная для малолѣтних дѣтеи 1801 года".

Затѣмъ слѣдуютъ: ряды буквъ разнаго письма и послѣ каждаго изъ нихъ — нравоученія, слѣдующимъ образомъ: буква „А (5 разъ) — Азъ — А" (еще два раза). „Азъ Есмь богъ прежде всехъ векъ"

„Б (8 разъ) — Буки — Б" (одинъ разъ). „богъ Есть прежде всехъ векъ и всему Миру Светъ"

„В (7 разъ) — Вѣди — В", „видитъ господь всю таину человеческую и твореніе Его"

„Г (8 разъ — глаголь — Г", „глаголетъ господь сыновамъ человѣческимъ"

„Д (7 разъ) — Добро — Д". „Добро есть верующимъ во имя мое"

„Е (9 разъ) — Есть — Е", „Ежели чего себе нежелаешь то инымъ не твори"

„Ж (6 разъ) — Живетъ — Ж", „Житіе стежи благочестно"

„З (9 разъ) — Земля — З". „заступи при старости отца своего и не опечали Его"

Страница 2-я. „И (6 разъ) — Иже — И", „Иже имать усердіе ко господу и дастся"

„І (11 разъ). „Імей Покаяніе Чистое и вдаль неогладывайю"

„К (7 разъ) — Како — К", „Книги божественныя чести прилежно"

„Л (7 разъ) — Люди — Л". „Летитъ время часами в даль и вноши яко крылами"

„М (6 разъ) — Мыслете — М". „Мзду чюжую не могя удерживать отдаваи снагражденіемъ"

„И (5 разъ) — Нашъ — Н“, „Никакому человеку обиды не чини а будь своимъ доволенъ что богъ тебе далъ“

„О (8 разъ) — Онъ — О“, „Отбрави отсоръ и отпрочихъ непотребныхъ делъ отступай прочь“

„П (7 разъ) — Покой — П“, „Помышляй О томъ Еже есть праведно“

„Р (6 разъ) — Рцы — Р“, „Радость Препебрегаи а впечали не ослабеваи“

„С (8 разъ) — Слово — С“, „Собою ничемъ Не хвались и непревозносисъ“

„Т (7 разъ) — Твердо — Т“

3-я Страница:

„Твори милостыню нищимъ по силѣ своеи“

„У (6 разъ) — Ф (4 раза) — Фертъ — Ф“

„Х (3 раза) — Херъ — Х — Ц (4 раза) — Цы — Ц“

„Ч (4 раза) — Червь — Ч — Ш (3 раза) — Ш — Ш“

„Щ (3 раза) — Ща — Ъ (6 разъ) — Еръ — Ъ“

„Ы (4 раза) — Еры — Ы — Ь (6 разъ) — Ерь — Ь“

„Ѣ (5 разъ) — Я то Ѣ — Ю (6 разъ)“

„Я (6 разъ — Ѳ (3 раза) — Ѳита — Ѳ“

Краткое правоученіе.

Начало всякои премудрости страхъ господень

бога боися государя своего почитаи

Имѣи попеченіе не окрасотѣ своеи но одобротѣ своего сердца вѣдаи что одѣяніе души твоеи Есть тѣло твое того ради берегп его отъ сквѣрности

Лѣнивые никогда не наживаются а непроворные сидятъ часто голодныи

Страница 4-я.

„За великое важное дело принимаися рачително

зло есть господни заповѣди нетворити за что повѣлѣваетъ и воадъ затворити.

Непосягаи на нещастливыи ибо щастіе всемъ общее

Неищи человече мудрости ищи крѣпости аще об(р)ящеши крѣпость тогда одолееши мудрость

При упаденіи древа всякои человекъ дровами доволствуется

Кто сплутами водится и самъ таковъ же будетъ.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Таблица умножительная.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2	4	6	8	10	12	14	16	18	20
3		9	12	15	18	21	24	27	30
4			16	20	24	28	32	36	40
5				25	30	35	40	45	50
6					36	42	48	54	60
7						49	56	63	70
8							64	72	80
9								81	90
10									100

Сложеніе.

4214
6735
2369
13318 (8)

Вычитаніе.

68442 *7 (?)
54230
24512

Деленіе.

10|6482547|64824|10
60
48
40
82
80
24
20
47
40
7
10

Умноженіе.

6245
2
12490

Ащѣ кто сію таблицу твердо знаетъ тотъ человекъ въ щетѣ твердъ умомъ бываетъ“.

Здѣсь сдѣланъ однимъ непрерывнымъ почеркомъ соколъ.

Страница 5-я. Картинка, представляющая комнату. Справа стоитъ столъ и стулъ; на столѣ бумага, чернильница и песочница, перья и угольникъ. Слѣва ученикъ молится Богу на колѣнахъ. Вверху изъ облаковъ простираетъ къ нему руки Саваоѳъ, отъ котораго нисходитъ голубь въ сіяніи.

„Молитва предъ начинаніемъ всякаго дѣла.

Господе іисусе христе сыне единородныи безначалнаго твоего отца реклъ еси пречистыми усты твоими яко безъ мене не можете творити ничтоже господи мои. господи верою объемь въ души моеи и сердце тобою реченная приподаю твоеи благости помози мнѣ грешному сие дело мною начинающееся о тебе самомъ совершити воимя отца и сына и святаго духа аминь.

Бонся бга почитай родителеи скроменъ буть къ друзьямъ живи какъ законы велятъ“.

Страница 6-я.

„Наставленіе какъ писать писма къ разнымъ особамъ.

Къ архіепископу

Щедраго и великаго бога призывателю и его непостижнымъ милосѣрдіемъ почтенному и страшному престола божія достоиному предстоятелю и во всехъ и во вся тріосвятую песнь приносителю имрокъ

Къ архимандриту

во много славящую и твердеименистую богомо построенную ко спасенію идущему и желателю не изъ глаголанныя радости вышняго Іерусалима имрокъ

Къ игумену

О христе собраннымъ иноческаго пребыванія евангельскаго гласа ревнителя и пространнаго пути уклонителю молитвою своею яки копіемъ дьявола побеждавши имрок

Къ игуменіи

божественная и бгомъ снабдивыя равноангелская небесе подобныя старицы имрокъ

Къ священнику

Господня престола со страхомъ предстоятелю пастырю I учителю словеснаго стада христа и бога нашего и народа на хвалу божію возбудителю имрокъ"

Страница 7-я.

„Къ дьякону

Приходящему непрестанно ко престолу божію и просящему молитвами своими за вся христіаны господа нашего и послушному въ повеленіяхъ пресвитерскихъ имрокъ.

Къ старцу

Горняго Іерусалима и пустыннаго житія подражателю ангелскихъ силъ ревнителю имрокъ

Къ генералу фелдмаршалу аншефу

ваше высокопревосходителство милостивыи государь имрокъ (.) на конце (:) вашего высокопревосходителства покорны слуга имрокъ

Къ генералъ маiору

ваше превосходителство милостивыи государь имрокъ (.) на концѣ (:) вашего превосходителства покорныи слуга имрокъ

Къ полковнину и подполковнику

ваше высокоблародiе милостивы государь имрокъ

Къ графу

ваше сiятелство милоствыи государь имрокъ (.) на конце (:) вашего гравскаго сiятельства покорныи слуги имрокъ

Къ князю

ваше сiятелство милостивыи государь имрокъ (.) на конце (:) вашего сiятелства покорныи слуга имрокъ

Къ капитану и поручтику и къ прапорщику"

Страница 8-я.

„ваше благородiе милостивыи государь имрокъ (.) на концѣ ( ) вашего благородiя покорныи слуга имрокъ.

Къ отцу и къ матери

Милостивыи государь имрокъ (,) также матери (.) вмилости божескои и вчистливомъ пребыванiи здравствовать вамъ желаю (.) на конце (:) сынъ или дочь имрокъ прошу вашего заочнаго родителскаго благословенiя и нижаише клавiюсь

Къ брату и сестре

Любезному моему имрокъ такожь и ксестре здравiе ваше да сохранитъ десница вышняго бога на лета многа

Къ прiятелю

Государю моему имрокъ желаю я вамъ всякаго благополучiя

Отжены кмужу

Любезному моему имрокъ желаю я тебе всякаго благополучія и щастія на вѣкъ твоя нерушима

Отъ мужа кжене

Любезнеишеи моеи имрокъ желаю я тебе всякаго благополучія и щастія на векъ твои не рушимъ

Царь видитъ редко а мы видимъ завсегда а богъ невидитъ никогда

Ответъ

Царь царя видитъ редко а мы другъ друга завсегда а богъ равнаго себе невидитъ никогда"

Ровинскій.

Старинныя грамматики.

Когда Максимъ Грекъ приступилъ къ исправленію въ нашихъ книгахъ ошибокъ, вкравшихся, по большей части, отъ незнанія грамматики не только переписчиками, но и переводчиками, то ученаго судили, какъ еретика, подвергали тяжелымъ испытаніямъ и, наконецъ, сослали въ заточеніе. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ статей Максимъ Грекъ говоритъ о грамматикѣ, какъ наукѣ, неслыханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ. Пострадавъ за то, что зналъ болѣе, нежели его современники, этотъ ученый имѣлъ право грамматику представлять врагомъ невѣжества: „сія, говоритъ онъ, ражаетъ души неизслѣдная благоразумѣнія": сей прогоняется отъ тоя любящихъ не всякое мраковидное неразуміе; сія вождь къ боговидному смотрѣнію, и предивному и неприступному богословію; сія лѣствица горѣ периваго и небожелаемаго шествія; сія опаснѣйшій и твердостойный немечтаемый умъ; сія копіе и мечь на чюженменное еретичествующихъ бляденіе. Вкупѣ реку: сія зерцало пресвѣтлѣйшее всяческимъ, еже въ насъ и въ нашихъ всѣхъ; сицевая есть винообразная грамматикія и тоя уставъ же и чинъ нѣсть бо точію сей, яже есть въ свѣтѣ. Велика убо и преславная вещь и дивна ми бываетъ и слышаніемъ, коль же паче тоя разумѣніемъ"!..

Почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти Максима Грека, т.-е.

въ 1645 г., въ Москвѣ была перепечатана грамматика Мелетія Смотрицкаго, изданная сначала въ Эвю, 1619 года. Вѣроятно, при изданіи въ свѣтъ этого труда въ Москвѣ, ожидали толковъ и соблазна, а потому сочли нужнымъ снабдить грамматику особеннымъ введеніемъ и словомъ Максима Грека о пользѣ ея. Все это придало оригинальный видъ труду Смотрицкаго въ московскомъ изданіи и рисуетъ состояніе наукъ въ Россіи XVII столѣтія. „Здѣ въ предисловіи вписахомъ, говорится въ началѣ, къ люботрудне тщатися хотящимъ къ разуму ученія грамматическаго и прочихъ, яже христіанства законъ обдержитъ, не сами собою, но вину веземъ отъ многихъ святыхъ отцевъ житій, яко и сіи духовосніи святіи отцы мнози грамматики и прочихъ книгъ философскаго ученія люботрудне во ученія упражняхуся и отъ страны въ страну, и отъ града во градъ пути шествія, ученія ради творяху. Сицевъ образъ любомудріа и намъ оставиша искати, якоже на преди писаніе явитъ“.

Затѣмъ слѣдуютъ выписки изъ св. отцовъ о необходимости ученія, также поименованы святые, занимавшіеся науками и сдѣланы извлеченія изъ сочиненій Максима Грека, гдѣ говорится о грамматикѣ и книжномъ исправленіи. При этомъ напечатанъ отзывъ Максима грека о его гонителяхъ: „понеже убо, рече (Максимъ), нѣціи — не вѣмъ что ся имъ случившееретика мене, неповинна человѣка, называти не страшатся и врага, и измѣнника богохранимыя державы русскія. Явимися нужно и праведно малыми о себѣ отвѣщати и яже о себѣ научити оклеветающихъ мене неправеднымъ сицевымъ оклеветаніемъ, яко благодатію истиннаго Бога нашего Іисуса Христа и правовѣренъ христіанинъ есмь по всему и богохранимыя державы русскія доброхотенъ и прилеженъ богомолецъ“... Въ заключеніи же помѣщены хвалы грамматикѣ, гдѣ она говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ.

Послѣ 1648 г. русской грамматики не выходило до 1706 г., когда въ Голландіи напечатано „Руковеденіе“ въ грамматику. Копіевскаго, замѣчательное только, какъ библіографическая рѣдкость.

Въ 1721 г., наконецъ, издана въ Москвѣ грамматика опять того же Смотрицкаго, съ предисловіемъ и незначительными перемѣнами Ѳедора Поликарпова. Эта перепечатка доказываетъ лучше всего, что знаніе грамматики у насъ и въ началѣ

XVIII столѣтія оставалось на той же степени, какъ при Мелетіи Смотрицкомъ — измѣнился только взглядъ на нее, что видно изъ предисловія Поликарпова. Тамъ сначала сказано что излишне уже говорить о пользѣ, силѣ и дѣйствіи этой науки, а слѣдуетъ только указать на причины къ изданію ея въ свѣтъ. Первая причина состояла въ томъ, что царь старается обогатить и украсить свое государство знаніями, утвердивъ семь свободныхъ наукъ въ училищахъ греко-латинскихъ въ Москвѣ, „а славянская грамматика въ тѣхъ училищахъ не преподаяшеся за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая, ибо аще оная грамматика и издана бяше не единожды печатію, но всеядца времени продолженіемъ егда гдѣ обрѣтается аки искра, въ пеплѣ сокрываема“. Второю причиною было отправленіе за границу многихъ русскихъ для образованія. Они должны заниматься переводами сочиненій, а между тѣмъ не имѣютъ основательнаго руководства къ познанію отечественнаго языка. Третья причина: „яко издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть учити дѣти малыя въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословицу и псалтири, также писати; по сихъ же нѣции преподаютъ и чтеніе Апостола. Возрастающихъ же препровождаютъ ко чтенію и священныя библіи, и бесѣдъ евангельскихъ и къ разсужденію высокаго въ оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія, а истаго на таковое разсужденіе орудія, еже есть грамматика, онымъ впредъ не показуютъ...“ Далѣе Поликарповъ приводитъ мнѣнія Полидора Виргилія и Іоанна Дамаскина, также Мелетія Смотрицкаго о важности грамматики.

Грамматика эта имѣла авторитетъ даже у современниковъ Тредьяковскаго. Послѣдній не преминулъ задѣть и ее въ Разговорѣ о правописаніи (С.-Пб. 1748 г.). Но профессоръ при этомъ случаѣ счелъ нужнымъ сдѣлать такія оговорки: „новость или перемѣна въ ортографіи не церковная татьба: за нее не осуждаютъ на смерть; также новость оная и не еретичество: проклятію за сіе не могу быть преданъ, что я буду употреблять, утвердившись на правости ея. Вся распря ортографическая есть распря токмо грамматическая, а не теологическая, которая толь много упрямыхъ произвела еретиковъ..“ Затѣмъ такое признаніе, что предпріятіе опровергнуть старинную ороографію есть дѣло нелегкое: „ежели бы вы знали р дъ нашихъ безхитростныхъ критиковъ, а другой лицепріят-

ныхъ пренебрегателей, то бы сказали, что мои обстоятельства нѣжнѣе и опаснѣе. Первые изъ сихъ, безъ всякія злости и умысла, не такъ какъ доброхоты, станутъ язвить насмѣшками для того, что они всегда почитать имѣютъ предпріятый трудъ о буквахъ смѣшнымъ, не видавши у насъ о семъ, кромѣ азбуки.... Критика наша по большей части, почитай, безъ узды туда скачетъ, куда ее влечетъ устремленіе. Сія твердая просвѣщаетъ, но у насъ не такая: наша самохвалка, прежде наукъ женившаяся, грозна хотя неосновательному, въ чемъ прямая и состоитъ ея должность, однако будучи сама часто неосновательна, не допускаетъ смѣть являться иногда и доброму"...

Всѣ подобныя оговорки указываютъ на трудности въ тѣ времена вводить писателю что-либо новое и порицать обветшалое и несовременное. А между тѣмъ Тредьяковскому нужно было только доказать несостоятельность нѣкоторыхъ правилъ грамматики Смотрицкаго, изд. Поликарповымъ, напр., что ненадобны нѣкоторыя ударенія, что слова съ еврейскаго, греческаго и латинскаго должны писаться по-русски не такъ, какъ принято это въ тѣхъ языкахъ, что титлы, буква ѡ и т. п. безполезны.

Грамматика, составленная иподіакономъ Ѳедоромъ Максимовымъ и напеч. въ 1723 г., въ исторіи этой науки у насъ заслуживаетъ большаго вниманія, нежели предыдущее руководство: здѣсь видны, по крайней мѣрѣ, попытки объяснить правила не только книжнаго, но и разговорнаго, слѣдовательно русскаго языка.

Въ предисловіи Максимовъ, изложивъ кратко о необходимости грамматики при переводахъ съ иностранныхъ языковъ, говоритъ, что въ заведенной митрополитомъ Іовомъ школѣ въ Новгородѣ, гдѣ учили братья Лихуды, не было руководства къ грамматикѣ, такъ какъ пространный учебникъ этой науки (конечно Мелетія Смотрицкаго), расположенный въ вопросахъ и отвѣтахъ, затруднялъ память и пониманіе учениковъ. Поэтому-то „наста нужда собрати отъ различныхъ вкратцѣ сію грамматику, съ приложеніемъ простыхъ реченій, понеже въ ней (т.-е. въ прежней) обдержатся славянскія реченія, россійски вмалѣ разумѣваема".

Максимовъ, для краткости, откинулъ вопросы, изложилъ только то, что, по его мнѣнію, было необходимымъ и, нако-

вецѣ. сдѣлалъ добавленія, о которыхъ говорится: „въ сочиненіи же тоя присовокупишася нѣкая правила, ибо многая употребленія обносима зрятся, а правилъ себѣ въ славенстѣй грамматицѣ не имѣютъ; отъ нихъ же едино на прикладъ здѣ предлагается: Давидъ роди Соломона отъ Уріины. Се полагается едино имя прилагательное со отъятіемъ существительнаго, еже прислышимо бываетъ сіе: жены; но и простѣ употребляется посему правилу, яко же сіе: держи обѣма, приразумѣвается сіе — рукама. Положишася же и свойства нѣкая еврейская и греческая, яже въ св. Писаніи на славянскомъ діалектѣ премногая зрятся, а како правилами употребляются — не объяснено, къ вѣдѣнію же въ грамматицѣ весьма нужная, ибо невѣдущему сихъ въ писаніи разсуждати и разбирати вельми трудно и смущенно; что въ припоказъ единаго еврейскаго свойства правила предлагается: будутъ два въ плоть едину, и аще имать по славенстѣй грамматицѣ разбиратися, будетъ неправильно, понеже глаголъ существительный и предъ собою и по себѣ взыскуетъ падежа именительнаго, а здѣ по глаголѣ лежитъ винительный со предлогомъ — во, а не именительный; славенски же употребляется сице: будутъ два плоть едина... Таже стихотворная просодія славяномъ, яко не нужна и едва употребляема, оставися, а яко и зрятся нѣкіе стихи, равносложнѣ и подобоокончательнѣ славяны употребляемые, но сіи токмо содержатъ роды піитическіе, а мѣра въ нихъ весьма не хранятся... На конецъ же всѣхъ приложися и другое сочиненіе, въ немъ же первѣе зрится согласіе, таже виды или чинъ глаголовъ обдержащійся, и сіе къ понятію младымъ дѣтемъ зѣло удобно есть". Максимовъ, слѣдуя Смотрицкому, выключилъ, впрочемъ, изъ своей грамматики членъ и прибавилъ междометіе; нарѣчіе названо у него надглаголіемъ.

Такимъ образомъ грамматика, составленная Мелетіемъ Смотрицкимъ по образцу греческой въ началѣ XVII вѣка, служила въ свою очередь прототипомъ для Копіевскаго и Максимова и даже перепечатана вполнѣ Поликарповымъ спустя болѣе ста лѣтъ послѣ изданія ея въ первый разъ. Въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка Тредьяковскій первый возсталъ противъ несовременности и обветшалости правилъ, заключавшихся въ трудѣ Смотрицкаго. Въ 1755 году вышла грамматика Ломоносова, который однако многое заимствовалъ у послѣдняго.

Пекарскій.

Греко-славянская грамматика Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна, экзарха болгарскаго.

Вотъ изложеніе грамматики Дамаскина въ переводѣ екзарха болгарскаго. *Восемь* частей рѣчи имѣютъ слѣдующія названія: 1. *имя* — *ὄνομα*, 2. *рѣчь* (глаголъ) — *ῥῆμα*, 3. *причастіе* — *μετοχή*, 4. *различіе* (членъ) — *ἄρθρον*, 5. *мѣстоименіе* — *ἀντωνυμία*, 6. *предлогъ* — *πρόθεσις*, 7. *нарѣчіе* — *ἐπίῤῥημα*, 8. *союзъ* — *σύνδεσμος*. Буквальный переводъ съ греческаго сихъ названій осьми частей рѣчи, гораздо древнѣйшій, нежели полагалъ г. Востоковъ (ибо оный принадлежитъ не Максиму Греку, но екзарху болгарскому), остался въ употребленіи и въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ съ переименованіемъ только *рѣчи глаголомъ* и съ исключеніемъ *различія*, или *члена*, коего мѣсто заняла новая часть рѣчи, *междометіе*.

Предложимъ далѣе. *Имя* бываетъ *троякое*: *мужское*, *женское* и *среднее*. Первое удерживаетъ въ окончаніи ъ: человѣкъ; второе *а* (*и я*): душа, земля, и третіе оканчивается буквою *о*: небо. Исключенія: нѣкоторыя имена кажущіяся мужескими, съ приложеніемъ различія являются женскими, хотя не кончатся на *а*, но на ъ: кровь. Равно и въ женскомъ не всѣ имена оканчиваются на *а*, но иногда на *и*: мати, какъ и въ мужескомъ не на ъ, но на *и*: ками, гвозди. Подобно и въ среднемъ иныя вмѣсто *о*, оканчиваются на *е*: солнце. Нѣкоторыя для узнанія требуютъ различія, другія же безъ онаго явны. — Сверхъ сего имена во всѣхъ трехъ родахъ раздѣляются на *общія* и *собственныя*: общее мужескаго: человѣкъ, собственное Петръ; общее женскаго: жена, собственное Анна; общее средняго: существо, собственное желѣзо. — *Паденія* (или падежей) *пять*: *правый* (именительный), *родный*, *виновный*, *дательный*, *звательный*. Склоненіе всѣхъ трехъ родовъ: *прав.* человѣкъ — жена — естество; *родн.* человѣковъ — женина — естествово; *виновн.* человѣка — жену — естества; *дат.* человѣку — женѣ — естеству; *зват.* о человѣче! — о жено! — о естество! — Имена имѣютъ *три числа*: *единствено*, *двойствено*, *множествено*. О единственномъ сказано выше; двойственное же во всѣхъ трехъ родахъ склоняется слѣдующимъ образомъ. *Прав.* человѣка — женѣ — естествѣ; *родн.* человѣку — женинѣ — естеству; падежь *виновній* единаковъ во

всѣхъ родахъ *съ правымъ; дат.* человѣкома — женама — естествома; *зват.* о человѣка! — о жене! о естестве! — Во множественномъ всѣ три рода имѣютъ слѣдующее окончаніе. *Прав.* человѣци — жены — естества; *родн.* человѣкъ — женъ — естествъ; *виновн.* человѣкы — жены (въ среднемъ родѣ *виновн.* падежъ одинаковъ съ *правымъ*); *дат.* человѣкомъ — женамъ — естествомъ; *зват.* о человѣци! — о жены! — о естества! Имена принимаютъ: *роди, види, начрътанія, числа, паденія.* — О родахъ замѣчено: — По *виду* имя бываетъ: *первобытное:* человѣкъ; *дѣйствовое* (взятое отъ дѣйстія): ковачь; *повѣстное* (заимствованное отъ событія): обѣшеникъ; *рододатное* (отъ страны полученное): *Маніакъ* (?), *Шюмякъ* (Шумадија, по словарю Вука Стефановича, часть Сербіи, между Колубарою и Моравою). — *Начертанія* бываютъ однѣ *любомудръства хитрости* (философіи), другія *рѣчеточества* (краснорѣчія) и третьи писменныя. Раздѣляются же начертанія: на *простыя, сложныя* и *пресложныя.* Милошь, Драгошь суть *простыя* начертанія, изъ одной части слова состоящія; Доброславь, Родославь, (или Радославь), Добромиръ (или Драгомиръ), будутъ *сложныя*, ибо изъ двухъ частей составлены: а благоповѣстихъ, благопроизволенъ, относятся къ *пресложнымъ*, изъ трехъ и четырехъ словъ соединеннымъ. — Не только имена, но и *рѣчи* (глаголы) бываютъ *сложныя* и *пресложныя.* — О числахъ и падежахъ уже упомянуто выше.

Рѣчь (глаголъ), часть слова несклоняемая, означающая *лице* и *время, дѣйство* и *страсть*, раздѣльно и совокупно. Петръ учаше, *дѣйство мимошедшаго времени*; Петръ учитъ, *настоящаго;* тіи вамъ умущъ судити, *будущаго.* Слѣдовательно время бываетъ трожкое. Приведенные примѣры показываютъ *залогъ дѣйственый*; *страдателнаго* же во всѣхъ трехъ временахъ суть слѣдующіе: солнце помрьче, солнце помръцаетъ, солнце помрькнетъ. О совокупномъ залогѣ дѣйствія и страсти будетъ показано въ своемъ мѣстѣ. — Глаголы имѣютъ: *изложенія, залоги, виды, начрътанія, числа, образы* (лица), *времена* и *супружества. Изложеніе* (наклоненіе) является въ слѣдующихъ пяти видахъ: *повелѣнномъ, молитвеномъ, вопросномъ, звателномъ, повѣстномъ.* Есть еще изложеніе, называемое необъявленнымъ (неопредѣленное), которое одно само по себѣ не означаетъ ни лица, ни времени, ни залога, и бываетъ понятно токмо съ присовокупленіемъ *различія: еже* чести по-

лезно, *еже* играти укорно. О *залогѣ* будетъ сказано ниже. — *Видъ* бываетъ *троякій:* въ *любомудріи*, *рѣчеточествѣ* и *именахъ*. По свойству глаголовъ видъ дѣлится въ *первообразный:* приму и преводный: въспріиму. — Подобно и *начертанія* многоразличны. Посредствомъ оныхъ мы различаемъ глаголы *простые, сложные* и *пресложные*. Вотъ примѣры: дамъ, въздамъ, въздамъ ему (?). — О *числахъ* сказано въ именахъ. Здѣсь же замѣтимъ, что числа дѣйственнаго залога суть: творю, твориши, творитъ, творива, творита, творимъ, творите, творятъ; страдательнаго же слѣдующія: біюся, біешися, біется, біевася, біетася, біемся, біетеся, біются. — Образъ или лице показываетъ отношеніе дѣйствій. Лицъ три: *прѣво, второ* и *третіе:* глаголю азъ, глаголешь ты, глаголетъ онзи (онси). — *Время* измѣряетъ дѣйствія. Оно бываетъ *трoякое: предибывшее, настоящее* и *будущее*. Первое раздѣляется на *четыре* части: *протяженое, непредѣлное, напредиднѣемое* и *предлежимое*. Настоящее недѣлимо. Будущее состоитъ изъ двухъ частей: *по малѣ бывающаго* и *будущаго*. Вотъ спряженіе дѣйственнаго залога: *предибывшее протяженое* біахся, *непредѣлное* бихъ, *напредиднѣемое* и *предлежимое для языки непріятны; настоящее* бію, *помалѣ бывающее* бити хощу; *будущее* бити имамъ. Въ страдательномъ залогѣ слово сіе спрягается слѣдующимъ образомъ: *предибывшее протяженое* біаху мя, *непредѣлное* бпху мя; *настоящее* біютъ мя; *по малѣ бывающее* бити мя хотятъ; *будущее* бити мя имутъ Въ залогѣ же страсть и дѣйство означающемъ времена измѣняются по сему примѣру: *предибывшее протяженое* біахся, *непредѣлное* бихся; *настоящее* біяся; *по малѣ бывающее* битися хощу, *будущее* битися имамъ. — *Супружества* глаголовъ обнаруживаются въ окончаніи словъ съ *силами*, и на тринадцать раздѣляются у Еллиновъ.

Причастіе состоитъ изъ соединенія глагола и имени, отъ чего и получило свое названіе. Примѣръ залога дѣйственнаго трехъ родовъ: пишай, пишущи, еже пишуще. Тоже въ страдательномъ залогѣ: пишемый, пишемая, пишемо. Причастіе пріемлетъ: *роди, види, начрѣтанія, числа, паденія, залози, времена* и *супружества*. Однѣ изъ упомянутыхъ формъ оно заимствуетъ отъ имени, другія отъ глагола.

Различие есть одна изъ частей рѣчи явная по своему измѣненію; *иже* человѣкъ, мужескаго рода, *яже* слава, женскаго

я *сже* небо средняго. *Перемѣна окончаній въ именахъ по падежамъ не требуетъ въ языкѣ Словенскомъ сей части рѣчи,* которая не имѣетъ *предчинныхъ,* но только *подчинныя.* Оныхъ въ единственномъ числѣ мужескаго рода два: *родн.* егоже, *дательн.* емуже; въ женскомъ три: *родн.* ея, *дательн.* ей, *виновн.* юже; средній родъ одинаковъ съ мужескимъ. Множественное число склоняется слѣдующимъ образомъ въ мужескомъ родѣ: *прав* иже, *родн. ихже, дат.* имже, *виновн.* яже; въ женскомъ: *прав.* яже, *родн.* ихже, *дат.* имже, *виновн.* яже; въ среднемъ: *прав.* яже, *родн.* и *виновн.* одинаковы съ родами мужескимъ и женскимъ. *Въ Еллинскомъ языкѣ находится много различій, которыя (кромѣ показанныхъ) несвойственны языку Словенскому.* Онѣ раздѣляются на *предчинныя* и *подчинныя.* Первыя предшествуютъ именамъ; вторыя же имъ послѣдуютъ. Сія часть рѣчи, различающая роды мужескій, женскій и средній, отъ сего самаго получила свое названіе. Различіе имѣетъ *роди, види, числа,* о коихъ сказано въ именахъ.

Сими четырьмя частями рѣчи прерывается грамматика Іоанна Дамаскина, въ переводѣ екзарха болгарскаго, по тремъ моимъ спискамъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о *различіи,* или мнимомъ въ Словенскомъ языкѣ *членѣ,* рабски запмствованномъ изъ греческихъ грамматикъ. Переводчикъ нашъ, въ глубокой древности, примѣтилъ несвойственное онаго употребленіе въ языкѣ Словенскомъ. Въ Львовской (1591 года) *Грамматикѣ доброглаголиваго Еллинословенскаго языка,* буквально переведенной и съ подлинникомъ изданной, дано различію первое мѣсто въ частяхъ рѣчи, подобно и въ *Словенской Грамматикѣ* Зизанія, какъ и въ новѣйшихъ правилахъ греческаго языка. Смотрицкій (1619 г.), исключая сію излишнюю часть рѣчи, вводитъ новую, междометіе. Ему послѣдовалъ неизвѣстный сочинитель *Писменницы языка Словенскаго* (1638 г.). Въ третьемъ, дополненномъ, изданіи грамматики Смотрицкаго (1645 г.) появляется снова различіе (за исключеніемъ междометія), только на пятомъ мѣстѣ. и уже въ послѣдній разъ: ибо Поликарповъ, въ четвертомъ тисненіи сей книги (1721 г.), и Максимовъ, въ краткой *Словенской Грамматикѣ* (1723 г.), совсѣмъ не упомянули объономъ.

Мы уже видѣли, что екзархъ болгарскій въ переводѣ грамматики, примѣненной имъ къ свойствамъ языка отечественнаго,

дѣлаетъ собственныя замѣчанія. Іоаннъ Дамаскинъ не могъ сказать, что *времена напредидѣемое* и *предлежимое, въ глаголѣ бію, для языка непріятны: что безъ различія можетъ обойтись языкъ Словенскій; что формы сей части рѣчи* (если сіе нужно) *только тѣ могутъ быть терпимы, въ языкѣ Словенскомъ, о коихъ замѣчено*. Безъ сомнѣнія, Дамаскинъ, жившій въ VIII вѣкѣ, не могъ сообщать такихъ извѣстій о языкѣ народа, едва обращавшаго на себя вниманіе; не могъ приводить въ именахъ слѣдующихъ примѣровъ: *Милошь, Драгошь, Доброславь, Родославь* (или *Радаславъ*), *Добромиръ* (или *Драгомиръ*). Имя перваго напоминаетъ знаменитаго сербскаго витязя; въ Словарѣ Вука Стефановича, въ числѣ сербскихъ именъ, видны: *Драгош, Добросав, Драгомир*. Далматы имѣли нѣсколько кралей, называвшихся *Доброславами, Родославами* и *Драгомирами*.

Калайдовичъ.

Характеръ и значеніе грамматики Іоанна Дамаскина.

Изъ этого изложенія грамматики Іоанна Болгарскаго мы видимъ, что система въ ней совершенно греческая. Онъ строго держался подлинника, или, лучше сказать, буквально переводилъ съ греческаго, и подъ всякій терминъ, подъ всякое правило старался подвести славянскіе примѣры. Ученіе о именахъ прилагательныхъ у него сливается съ ученіемъ о существительныхъ по причинѣ близкаго между ними сродства по греческой грамматикѣ. Родительный падежъ единственнаго числа имѣетъ слѣдующія формы: человѣкъ — человѣковъ, жена — женина, естество — естествово. Это прилагательныя притяжательныя, которыя на греческомъ языкѣ выражаются родительнымъ падежемъ. Винительный падежъ мужескаго рода у Іоанна Болгарскаго оканчивается на *а*, между тѣмъ какъ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ винительный падежъ былъ сходенъ съ именительнымъ. Множество наклоненій и временъ указываетъ также на подражаніе греческой грамматикѣ. Вообще переводы Іоанна, экзарха болгарскаго, можно назвать подстрочными: для всякаго греческаго слова онъ пріискивалъ славянское, стараясь поставить его въ томъ же падежѣ, въ томъ же родѣ, наклоненіи и времени, какое находилъ въ под

лиянпкѣ. „Находя недостатки въ языкѣ, еще необогащенномъ письменностію, Іоаннъ, — говоритъ Калайдовичъ — замѣняетъ словами греческими словенскія, которыя, можетъ-быть, не существовали, или, по его мнѣнію, были недостаточны для точнаго выраженія мысли". Переводя греческія книги на славянскій языкъ, онъ замѣтилъ, что роды именъ при переводѣ перемѣшивались: родъ женскій, напримѣръ, дѣлался въ славянскомъ мужескимъ и наоборотъ, вслѣдствіе этого онъ и счелъ нужнымъ объяснить сомнѣніе. Въ предисловіи къ *Богословію* Дамаскина онъ говоритъ: „Молю же вы, почитающая книги сія, молити Бога за мя грѣшьника съ добромысліемъ, и вънимания почитанія творити, и пращати мя, идежде мняще мя различь глаголы (т.-е. слова) преложьша: не бо равьнѣ ся можетъ присно полагати Елиньскъ языкъ въ инъ прелагаемъ, и всякому языку въ инъ прелагаему тоже бываетъ. Небо нъ иже глаголъ въ иномъ языцѣ красьнъ, то въ друзѣмь некрасьнъ: иже въ иномъ страшьнъ, то въ друзѣмь нестрашьнъ; иже въ иномъ чьстьнъ, то въ друзѣмъ нечьстьнъ. И еже имя мужьско, то въ иномъ женьско, якоже се Грьчьскыи ватрахосъ и потамосъ (*βάτραχος, ποταμός*). Словеньскы: жаба и рѣка; и пакы: таласа, имера, анатоли (*θάλασσα, ἡμέρα, ἀνατολή*), Грьчьскыи женьская имена, а Словеньскы мужьская: море, день, въстокъ: и пакы глаголемъ Елиньскы: пантъта та езни (*πάντα τα ἔθνη*), а Словеньскы: вси языци. Не бо есть льзѣ вьсьдѣ съмотрити Елиньска глагола, нъ разума нуждя блюсти; придеть бо другоици мужьско имя Грьчьскы, а Словеньскы женьско, да преложьше мужьскомъ именьмъ, якоже лежитъ Грьчьскы, на велику искагу придеть преложенье". Замѣтивъ, такимъ образомъ, большія неудобства при переводѣ, онъ, переводя грамматику, старается уже начертить грамматическія правила, по которымъ можно было бы узнавать роды именъ. Сказавши о томъ, что мужескій родъ въ славянскомъ языкѣ оканчивается на ъ, женскій на а и средній на о, онъ прибавляетъ, что нѣкоторыя имена, кажущіяся мужескими, когда приложить къ нимъ членъ, являются женскими, хотя и не оканчиваются на а, но на ь: кровь, соль, прьсть. Равнымъ образомъ и въ женскомъ не всѣ имена оканчиваются на а, но иногда на и: мати, свекри, дщи, какъ и въ мужескомъ не на ъ, но на и: камы, гвозди, чрьви. Въ среднемъ тоже нѣкоторыя, вмѣсто о, оканчиваются на е: солнце, оружье, копье. Трудъ Іоанна, экзарха

болгарскаго, составляющій первое начало славянской грамматики, тѣмъ въ особенности замѣчателенъ, что въ немъ устанавливается уже номенклатура частей рѣчи, хотя совершенно греческая. Іоаннъ Болгарскій, такимъ образомъ, былъ изобрѣтателемъ грамматической терминологіи, которая осталась въ употребленіи и въ новѣйшемъ языкѣ нашемъ, съ нѣкоторыми только, какъ увидимъ далѣе, измѣненіями. Слѣдовательно, несправедливо въ этомъ отношеніи мнѣніе Каченовскаго, приписывавшаго изобрѣтеніе грамматической терминологіи львовскимъ студентамъ, которые составили „Грамматику доброглаголиваго еллино - словенскаго языка (1591)". Въ своемъ „Историческомъ взглядѣ на грамматику славянскихъ нарѣчій" Каченовскій говоритъ: „не упоминаю объ *Еллино-Словенской грамматикѣ*, изданной студентами Львовской школы: она потому только заслуживала бы наше вниманіе, что творцы ея, буквально переводившіе греческіе слова, *были вѣроятно изобрѣтателями большею части грамматической терминологіи*, которая донынѣ безобразитъ и нашу русскую грамматику". Установленіе грамматической терминологіи гораздо также древнѣе, чѣмъ полагалъ и знаменитый нашъ филологъ Востоковъ, относившій изобрѣтеніе грамматическихъ терминовъ къ XVI вѣку, т.-е. ко времени Максима Грека. Въ „Разсужденіи о славянскомъ языкѣ" онъ, между прочимъ, замѣтилъ слѣдующее: древнѣйшій опытъ терминологіи грамматической на славянскомъ языкѣ, или, лучше сказать, *переводъ грамматическихъ терминовъ* съ греческаго на славянскій, можно *отнести къ началу XVI столѣтія*, т.-е. ко *времени Максима Грека* (умершаго въ 1556 году). Сей опытъ сохранился въ предисловіи къ грамматикѣ 1648 г., выбранномъ изъ словъ Максима Грека, и въ приложенныхъ при той же грамматикѣ *отвѣтахъ* Максимовыхъ къ вопросившему его о грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Тамъ приведены слѣдующія названія частей рѣчи: 1 *имя*, 2 *рѣчь*, 3 *причастіе*, 4 *различие*, 5 *мѣстоименіе*, 6 *предлогъ*, 7 *нарѣчіе*, 8 *союзъ*. Сіе исчисленіе частей рѣчи, взятое, сказано въ предисловіи, изъ сочиненій Іоанна Дамаскина, есть старинное греческое: 1 *ὄνομα*, 2 *ῥῆμα*, 3 *μετοχή*, 4 *ἄρθρον*, 5 *ἀντωνυμία*, 6 *πρόθεσις*, 7 *ἐπίρρημα*, 8 *σύνδεσμος*... Названія частей рѣчи Максимъ буквально перевелъ съ греческаго, и *они остались донынѣ употребительными*, бывъ приняты во всѣ позднѣйшія грамматики (кромѣ рѣчи—

ῥῆμα, которая переименована глаголомъ)⁴. О членѣ (*ἄρθρον*) Востоковъ замѣтилъ, что „сія мнимая часть рѣчи, какъ кажется, Максимомъ Грекомъ введенная въ славянскую грамматику, прилично названа по-славянски *различіемъ;* ибо греческій *ἄρθρον* такъ какъ и французскій article, дѣйствительно служитъ къ различенію родовъ“. Слѣдуя буквально грамматикѣ Дамаскина, Іоаннъ вводитъ и въ свою грамматику терминологію падежей совершенно греческую: у него всего только пять падежей. О падежахъ — творительномъ и сказательномъ онъ ничего не говоритъ, между тѣмъ какъ употребленіе этихъ падежей лежало въ натурѣ славянскаго языка. Это видно изъ того, что творительный падежъ употребляется во всѣхъ новѣйшихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Правда, что въ старинныхъ рукописяхъ творительный падежъ и не допускался ни въ объектѣ, ни въ предикатѣ. Въ евангели есть, напримѣръ, такое выраженіе: **тако да бѫдѫть послѣдьнии пєрвии** (вм. **пєрвыми**, какъ въ печатныхъ книгахъ) **и пєрвии послѣдьнии**. Въ древнемъ славянскомъ языкѣ послѣ **хоштѫ** (**хощѫ**) и **могѫ** употребляется глаголъ **быти** съ именительнымъ падежемъ, вмѣсто творительнаго. Напр. въ О. Е. **єдѧ и вы хощєтє оучєници юго быти** 40 б. Въ Супр. рук. **чрьноризьць хоштѫ быти, чрьньць нє можєши быти**. Еще примѣръ изъ жизнеописанія Климента:

к

Стъи Климєнтъ поставлєнъ бысть єпископъ (вм. **єпископомъ**) **Римꙋ**. Въ древнемъ переводѣ бесѣдъ Кирилла Іерусалимскаго также читаемъ: **и плѣвелъ ѩдитєсѧ: пшєницѫ мьнимъ быти**. Такая конструкція, употребляемая въ старинныхъ памятникахъ и совершенно сходная съ греческою и латинскою, составляетъ неотъемлемое свойство славянскаго языка. Но она не могла долго удержаться. Уже и въ переводахъ Іоанна Болгарскаго мы встрѣчаемъ, напр., слѣдующія выраженія: *„езера не суть прозвана моремъ... Рече Богъ: буди свѣтъ. Тоже повелѣніе ту абіе дѣломъ бысть и естествомъ се створи“*. Такимъ образомъ, старая конструкція была впослѣдствіи замѣнена новою. О мѣстномъ падежѣ Іоаннъ также не упоминаетъ, хотя и этотъ падежъ, подобно творительному, составляетъ неотъемлемое свойство славянскаго языка, тѣмъ болѣе, что его нѣтъ въ греческомъ языкѣ. Въ древнѣйшія времена этотъ падежъ употреблялся въ значеніи мѣста и времени и употреблялся безъ предлога. Въ О. Е., въ Послѣсло-

віи, читаемъ: **самъ же изıаславъ кънязь правлıаше столъ о҃ць своего ıарославѧ въ кыıевѣ, а брата своего столъ поржчи правити близокоу своемоу остромироу новѣгородѣ.** Въ Супр. рукописи: **ıако сѫть съхранены кости наша семь мѣстѣ.** Въ значеніи времени: **исцѣлѣ отрокъ томь часѣ.**

Мы видѣли уже, что Іоаннъ, переводя греческія книги Дамаскина, замѣтилъ, что роды именъ при переводѣ ихъ перемѣшивались: родъ женскій обращался въ славянскомъ языкѣ въ мужескій и наоборотъ, вслѣдствіе чего, при переводѣ грамматики, онъ старается установить грамматическія правила, по которымъ можно было бы различать роды именъ. Если такъ, то значитъ Іоаннъ былъ не переводчикомъ только, но и наблюдателемъ, такъ какъ къ переводу онъ присовокупилъ и свои филологическія наблюденія надъ славянскимъ языкомъ. Потому то грамматику его и нельзя назвать греческой, но она и не славянская, а греко-славянская. Іоаннъ Болгарскій хотя и замѣтилъ, что нѣкоторыя имена для узнанія своего требуютъ различія, другія же и безъ него явны, тѣмъ не менѣе онъ видѣлъ, что различіе, какъ часть рѣчи, совершенно излишне для славянскаго языка. Важно поэтому слѣдующее его замѣчаніе: „паденія именъ различія не требуютъ въ Словенскемъ языцѣ, ниже имуть предчинныхъ, подчинныхъ же имѣютъ двѣ...“ И далѣе: „и убо различія въ еллиньскомъ языцѣ многа суть: въ словенскомъ же множае сихъ, ихже рекохомъ, не вмѣщаются“. При неопредѣленномъ наклоненіи въ смыслѣ члена онъ употребляетъ мѣстоименіе иже: *еже чести полезно, еже пѣти потребно, еже играти укорно.* Говоря о временахъ, онъ замѣтилъ, что времена *напреидѣемое* и *прележимое*, въ глаголѣ бію, „языку непріятнѣ“; при изложеніи существительныхъ онъ приводитъ имена чисто славянскія: Милошъ, Драгошъ, Доброславъ, Родославъ, Добромиръ. Замѣчательно, что еще въ началѣ славянской письменности было обращено вниманіе на понятіе о видахъ, какъ на особенность славянскаго языка, отличающую его отъ другихъ индо-европейскихъ языковъ. Глаголы, говоритъ Іоаннъ, имѣютъ: „изложеніе, залогъ, *видъ* и проч.“... „Видъ многообразнѣ глаголется: въ любомудріи и рѣчеточествѣ и именахъ. Видъ глаголется, рѣчи дѣлимой на двое: въ первообразное: хощю, пріиму и преводное: восхощю, воспріиму“. Но понятіе о видахъ у Іоанна еще неопредѣленное.

Трудъ Іоанна Болгарскаго не остался безслѣднымъ и въ средніе вѣка пользовался большимъ уваженіемъ. Его грамматика была единственнымъ руководствомъ до XVI вѣка, когда появилась первая славянская грамматика Л. Зизанія. Изъ одной рукописи XVII вѣка, открытой Калайдовичемъ, видно, что грамматика эта приготовлена была къ изданію княземъ Константиномъ Острожскимъ. Въ рукописи этой, послѣ 4-хъ частей рѣчи, говорится: „Бога благаго благодатію, а за прозьбою жителей столицы Великаго Княжьства Литовъскаго, града Вилны, сія Кграмотика Словеньскаго языка з газофилакіи славнаго града Острога, властное отчизны ясневелможнаго Княжати и пана Коньстянтина Коньстянтиновича, Княжати на Острогу, пана на Дубнѣ, Воеводы Кіевскаго, Моршалка, земли Волынской, и прочая, з щодробливое его милости ласки выдана, для наученія и выразумѣнія божественнаго писанія; а за помощію Хрістовою на несмертную славу народу дому его Княжатъской милости выдрукована въ мѣсть Вилинъскомъ въ року нарожевія... Ісуса Христа ҂аф҃пѕ (1586), мѣсяца Октяврія и҃ дня..." Въ азбуковникахъ, служившихъ руководствомъ для справщиковъ при исправлении книгъ, равно какъ и въ другихъ грамматическихъ сочиненіяхъ упоминается имя Іоанна Болгарскаго и приводятся отрывки изъ его грамматики. Въ *Грамматикъ Виленской* 1621 г., а затѣмъ и въ азбукѣ Бурцева (1637 г.), который, все существенное, — кромѣ предисловія, стиховъ и заключенія, — къ языку относящееся, заимствовалъ изъ этой грамматики, упоминается и о грамматикѣ Іоанна Болгарскаго и приводятся примѣры изъ этой грамматики. Въ статьѣ о глаголѣ сказано: „а сія азбука отъ книги осмочастныя, сирѣчь Грамматикіи". Примѣры приводятся слѣдующіе: „дѣйственыя рѣчи суть сія: творю, творитъ, страд. біюся... Страдательнаго глагола времена сице глаголются: предибывшее протяженное: біаху мя; непредѣлное: бихху мя; настоящее: біють мя; помалѣ бывающее: бити мя хотятъ; будущее: бити мя имуть". Въ предисловіи къ грамматикѣ М. Смотрицкаго, изданной въ 1648 г., есть указаніе на грамматику Дамаскина и приводится слѣдующее мѣсто изъ ея начала: „По божію образу созданному человѣку, и слова почтенному савомъ, сего части имиже состоится, не безъ ученія оставити потреба. Аще бо и кромѣ сихъ въ души состоится слово, якоже учатъ богоносніи отци, но вовторому рожденію плоти, еже

устнами и гласомъ изъявляему и прочими сего орудми плоти, тогда и частей къ составленію требуютъ, кромѣ бо сихъ изъяснити о нихже слово немощно. Суть же убо слова частей осмь, елика глаголемъ и пишемъ, внѣ сихъ ничтоже есть. Суть же сія: имя, рѣчь, причастіе, различіе, мѣстоименіе, предлогъ, нарѣчіе соузъ. И сихъ осмь частей нѣкія имутъ въ себѣ раздѣленія, якоже се; имя убо дѣлится на трое: въ мужеско, и женско, и средне. Въ алфавитахъ иностранныхъ рѣчей, имѣвшихъ въ виду, подобно словарямъ, объясненіе словъ, такъ какъ „въ святыхъ книгахъ словенскаго языка многи рѣчи неудобь разумѣваеми обрѣтаются", на ряду съ другими христіанскими писателями упоминается и имя Іоанна, а въ числѣ грамматическихъ отрывковъ (черноризца Храбра и др.), помѣщенныхъ въ началѣ этихъ алфавитовъ, встрѣчаемъ указаніе и на грамматику Іоанна Дамаскина подъ заглавіемъ „отъ книги св. Іоанна Дамаскина вкратцѣ о осми частехъ слова". Мы видимъ, такимъ образомъ, что грамматика Дамаскина, въ переводѣ Іоанна Болгарскаго, служила источникомъ свѣдѣній по языку и имѣла весьма важное значеніе въ старину, когда еще не было ни одного грамматическаго руководства, систематически составленнаго. „Какъ ни скудна по своему содержанію эта грамматика, говоритъ Н. Лавровскій, какъ ни рабски держится она Греческаго подлинника, тѣмъ не менѣе могла удовлетворять первымъ потребностямъ привести въ порядокъ рѣчь и разложить ее на составленныя части". Важно уже то, что указанъ былъ путь къ такому разложенію: начало сравненія Славянскаго языка съ Греческимъ не могло остаться безъ послѣдствій, безъ дальнѣйшаго развитія. Обиліе переводовъ съ Греческаго языка на Славянскій, сохранившихся отъ X и XI вѣковъ, необходимо требовало примѣненія правилъ Греческаго языка къ Славянскому и должно было обратить вниманіе на различіе того и другого, заставляло отступать отъ перваго въ пользу послѣдняго, при чемъ, конечно, не обошлось безъ распространенія грамматическихъ правилъ. То обстоятельство, что до насъ не дошло, кромѣ указаннаго, ни одного грамматическаго опыта, ничего не доказываетъ, потому что самый поверхностный взглядъ на состояніе просвѣщенія въ Болгаріи въ X вѣкѣ и на характеръ литературной дѣятельности въ ней оправдываетъ полную возможность подобныхъ опытовъ. Какъ объяснить точность и

послѣдовательность въ правописаніи, правильность въ употребленіи формъ, въ построеніи предложеній и періодовъ? Объясненіе этого явленія одною смѣтливостію переводчика, или однимъ навыкомъ, безотчетнымъ переложеніемъ разговорнаго языка на письменный прежде противорѣчитъ здравому смыслу.

Засадкевичъ.

Грамматическіе труды Максима Грека.

Максимъ Грекъ, когда приступилъ къ исправленію книгъ относительно текста, нашелъ много грубыхъ ошибокъ, которыя произошли, съ одной стороны, отъ древнихъ переводчиковъ, болѣе же всего „отъ преписующихъ ихъ (т.-е. книги) ненаученныхъ сущихъ въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй". Для помощниковъ Максима Грека необходимо должны были быть какія-нибудь постоянныя правила при исправленіи книгъ; и вотъ Максимъ Грекъ, какъ для облегченія труда своимъ помощникамъ, такъ и для ограниченія порчи рукописей на будущее время, составилъ нѣсколько статей, относящихся къ грамматикѣ. Статьи эти слѣдующія: „О Грамматикѣ" и „Бесѣдованіе о пользѣ Грамматики"; сюда также можно отнести и его „Сословіе именъ по азъ вѣди святыхъ, сущихъ въ святцахъ съ толкованіи Словенска языка" и „Грамматическое истолкованіе молитвы Царю Небесный и Отче нашъ". Статья „о Грамматикѣ" находится (и остается въ рукописи до сихъ поръ) въ Румянцевскомъ музеѣ въ рукописи XVI вѣка. Отъ этой статьи мы имѣемъ только отрывокъ (вступленіе), который помѣщенъ въ Ж. М. Н. Пр. (1836 г. № 8, 247) въ статьѣ Терещенка „О трудахъ Максима Грека". „Грамматика есть, — писалъ Максимъ Грекъ одному изъ русскихъ, желавшему познакомиться съ грамматикою, — ученіе зѣло хитро у Еллинехъ: то бо есть начало входа иже къ Философіи, и сего не мощно есть малыми рѣчьми и на мало время разумѣти силу ея, но надобѣ сидѣти у учителя добраго годъ ровенъ, упразднившемуся отъ всѣхъ житейскихъ плищь (хлопотъ) и печалей и любити трезвленіе всегда и воздержатися отъ всякого покоя и угожденія гортаннаго и сна и винопитія. И ученіе то у насъ, у Грековъ, хитро зѣло, а не у васъ: занеже у насъ Философы были изначала великіи премудры и составили себѣ вѣщаніе зѣло ухищ-

ренно и преукрашено пословицами неудобь разумѣваемыми намъ Грекомъ; сего ради требуемъ мы Греки долго сидѣти у учителя добраго со многимъ трудомъ и біеніемъ, доколѣ внидетъ въ умъ нашъ; но понѐже жаловалъ просилъ еси у мене сказати тебѣ письмены, реку тебѣ вкратцѣ" и т. д. Здѣсь онъ говоритъ о 8 частяхъ рѣчи и даетъ имъ слѣдующія названія: 1) имя, 2) рѣчь, 3) причастіе, 4) членъ, 5) вмѣстоимень, 6) предлогъ, 7) прирѣчіе и 8) союзъ. О падежахъ и междометіи онъ ничего здѣсь не говоритъ. Болѣе подробно изложено ученіе его о грамматикѣ въ разсужденіи: „нѣкоего вопросившаго съ люботруднымъ тщаніемъ Максима, инока св. горы, яже о Грамматикіи, и Риторикіи, и Философіи, о еже яко да не не извѣститъ ему о сихъ въ пользу, въ любоученіа, разуму его желающу". Въ третьемъ изданіи грамматики Смотрицкаго (1648), въ концѣ, въ одномъ изъ прибавленій, помѣщено и это разсужденіе, взятое изъ сочиненій Максима Грека, вслѣдствіе чего грамматика эта называлась Максимовой. „Многіе приписываютъ Максиму Греку, — говоритъ митр. Евгеній, — *Грамматику Славенскую*, напечатанную при Патріархѣ Іосифѣ въ въ Москвѣ 1648 г.; но это несправедливо. Грамматика эта не Максимова, а Мелетія Смотрицкаго; а въ концѣ только приложено издателями разсужденіе Максима Грека: *О пользѣ Грамматики, Реторики, и Философіи*, съ азбучною росписью и толкованіемъ именъ святыхъ мужей, въ Мѣсяцесловѣ церковномъ находящихся, и съ грамматическимъ разборомъ двухъ молитвъ: *Царю Небесный* и *Отче нашъ*". Статья эта отдѣльно была издана купцомъ Сыромятниковымъ въ 1782 году, подъ заглавіемъ: „Бесѣдованіе Максима Грека о пользѣ Грамматики съ присовокупленіемъ: 1) сословія именъ по азъ вѣди, съ толкованіемъ Славенскимъ, 2) толкованія грамматическаго двумъ молитвамъ: Царю Небесный и Отче нашъ". „Бесѣдованіе о пользѣ Грамматики" есть разговоръ между вопрошающимъ ученикомъ („вопросивый") и отвѣчающимъ Максимомъ о пользѣ и необходимости грамматики. На вопросъ Максима: „Рци убо ми, боголюбезне, что ти есть отъ ни что же имущаго желая, и кое прошеніе востребовася", „вопросивый" отвѣчаетъ: „Ищу убо сихъ яко слышу любомудріе бывающее въ человѣцѣхъ, многочастно и многовидно сіе въ тѣхъ произносится: овии бо глаголютъ Грамматикіею, друзіи же Риторикіею, иніиже Логікою: глаголютъ же быти винословну сихъ

существословію, и преимѣетжеся во всѣхъ сихъ, всечастнѣйшая Философія, вкупѣ же и вышеестественная богословія... Рци убо ми нетаебвѣ о сихъ всѣхъ". Максимъ долго отказывался непониманіемъ этихъ наукъ, наконецъ попросилъ *вопросившаго* повторить свое требованіе и сказалъ: „возглаголю ти, обаче ими ми вѣру, есть бо се дѣло зѣло любогрудно, и не требованну уму непостижимо, — о Грамматицѣ убо первословіе днесь намъ настоитъ. о ней же и глаголъ предлежитъ. Грамматикія есть начало и конецъ всякому любомудрію; отъ нея же всяко естество творится и естествословится; сей же прилѣжай, благоумнѣйшая вся собираетъ, неудобная же ею познаваетъ и непотребная вся растачаетъ: сію имѣяй, никогда въ разумѣ ея глаголавій погрѣшаетъ; сія руководитель не блазенъ во всякое благочестіе; сею умная наша и душевная чювства состоятся. О сей познавается уставъ нашего естества; сія благоутварная гонящимъ ю красота; сія ражаетъ души неизслѣдная благоразумѣнія: о сей прогоняется отъ тоя любящихъ ю всякое мраковидное неразуміе; сія вождь къ боговидному смотренію, и предивному и не приступному богословію; сія лѣствица, горѣ периваго и небожелаемаго шествія; сія опаснѣйшій и твердостойный не мечтаемый умъ; сіе копіе и и мечь на чюженменное еретичествующимъ бляденіе. Вкупѣ реку: сія зерцало пресвѣтлѣйшее всяческимъ, еже въ насъ и въ нашихъ всѣхъ; сицевая есть живообразная грамматикія и тоя уставъ же и чинъ вѣсть бо точію сей, яже есть въ свѣтѣ. Велика убо и преславна вещь и дивна ми бываетъ и слышаніемъ, коль же паче тоя разумѣніемъ". Такія разсужденія Максима Грека насъ нисколько не удивятъ, если мы припомнимъ, что дѣло печатанія поручалось въ то время людямъ, вовсе къ тому неприготовленнымъ, „мало видѣвшимъ училища", по собственному признанію одного изъ справ[illegible]въ. Они упорно стояли за чтенія поврежденныя; преслѣд[illegible]и тѣхъ, которые исправляли ошибки въ рукописяхъ и первопечатныхъ книгахъ; называли еретичествомъ „грамматическую хитрость и книжное философство"; не знали ни „православія, ни кривославія", какъ отзывался о нихъ инокъ Арсеній Глухой; едва умѣя грамотѣ, не понимали различія между гласными и согласными буквами, а объ значеніи частей рѣчи и ихъ принадлежностей вовсе не имѣли понятія. Въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ Максимъ говоритъ о грамматикѣ, какъ наукѣ, неслы-

ханной его читателями и уразумѣваемой только съ величайшимъ трудомъ. Если такъ, то Максимъ Грекъ имѣлъ право грамматику представлять врагомъ невѣжества, что мы видимъ изъ его только что приведенной тирады о языкѣ.

Далѣе Максимъ подробно излагаетъ ученіе о грамматикѣ. „Оно убо, — говоритъ онъ, — превеличайшее дѣло же и слово, не достижимо ми есть, и зѣло выше силы моея, и тонкословно: и велѣть ми изглаголати о семъ. Но елико мало словоположникъ всѣхъ Господь въ наше недоумѣніе разума преселитъ, и въ производъ мощи да подастъ, тольма потщався паки изречемъ. Сія убо грамматикія состоится и глаголется четверочастнѣйшими концы: сирѣчь, Орѳографіею и Просодіею, Синтаксисомъ и Этимологіею. Слова же въ сей четверицѣ преимѣетъ осмь; развѣ сихъ, ничто же есть. Суть же сія: Имя, Рѣчь. Причастіе. Различіе. Мѣстоимевіе, Предлогъ, Нарѣчіе, Союзъ. Сія же. но иною въ имя, часть, загадка, прозвище, присловіе, случение, сладка. И овы убо отъ сихъ въ себѣ стоятъ: нѣкии же имутъ въ себѣ раздѣленія, и симъ дробнѣйшимъ нынѣ нѣсть время... Состоится убо сія четвероконечная Грамматикія осмеричными словоположеній и пятеричными же паденіи. Подлежатъ же двадесять три подутверждаемыхъ ея, и пятьдесять животворимыхъ и дѣйствуемыхъ ими; отъ нихъ же три царствующихъ и владѣющихъ всѣми ими. Безъ нихъ же ничто же можетъ въ Грамматицѣ состоятися. иже въ насъ произноситися. Сія же вся выше вѣщанная скланяются во вся роды и виды, и въ составы и несѣкомая и во всележащая и соборная всей. Юже бо добрѣ водяй, и риторикійствовати начинаетъ. позпавъ сея нарядное любомудріе, и красоту сличную къ сей присваяетъ. Вся бо мудроплетенія въ томъ суть. Познавъ бо образъ подобающаго быти, преизлишественнѣ, яко благоточивая весна по[illegible]у ухаетъ, и превеизрекомыя и всечюдныя красновидныя ц[illegible] многообразны и не изочтенны показуеть, и всѣхъ зрящихъ я дивитеся творитъ. Риторъ бо не многопытно творити имать совзысканіе; не ищетъ отъ чюжесложныхъ составъ же и глаголъ. но иже восхощетъ, всепреложнѣ вѣсть, красоту всеобразную, хитроплетеніе сложное, и воеже подобающее совокупляетъ. Бахма же съ сими и логичествуетъ. слово бо сложно и удобь пріятовно показуетъ, вездѣ бо и право и хитрокозвено, преслѣдуя же слово словесе, право же и опаки я полагаетъ, яко же волится ему. Количество же и качество всѣмъ

мѣрамъ, и грани подписуетъ, сообразными виды, и сопротивными уставы, и предлоги и сладки, вкупорядны и вкупочинны и воспященны содѣловаетъ; не таится бо ся, еже всякъ союзъ я до тонкорѣчіа, тобо есть всѣмъ слѣдовомъ путіе не блазнени. О сихъ разумѣй, и виждь, яко здѣ безпогрѣшное существословіе и естествословіе, вся различія и мѣсы существа въ существо, или случай въ случай, и образъ въ виды, и виды въ образъ, или предѣлъ въ предѣлъ; не изслѣдимо бо есть и не измѣримо подробну все изглаголати. Се уже и блаженныя и всечестнѣйшія Философіи открытіе, и всеродное тоя проразумѣніе; сія бо есть мати и порода всѣмъ свободнымъ хитростемъ. Видѣніе бо сія преблаженнѣйшія и всепречестнѣйшія чудно, слышаніе же дивно. Сія бо есть высочайшая любомудрію вина, и глубочайшая не изслѣдимая порода; люботочивый корень; не любокичивый помыслъ, не завистливый излiятель; мѣсто божественныя благодати, сладщее всѣмъ; любопытствующимъ ю, душевныя свойства, и украшающая вся тѣлесныя чювства.

Преимѣяй ю, всебожественъ есть, и нетакатель всеродному благоразумію, непогрѣшимое благотеченіе, богосвойственная утварь, не постыдный ко всѣмъ образъ, не завистный любочитель, выше естественныя и всебоженыя богословии родитель. Иже убо сія предостойнѣйшая вземъ воспріятъ любоученія, и свободнѣйшую прошедъ любочитательницу, бохма безъ всякого огреза философити не стыдится; всячески сія чистодѣтелница преобогащаетъ всякъ умъ, и къ превыспреннѣйшему и крайнему богоразумію же и богословію вводитъ, и всеобразныя тоя велемощнѣйшія силы изрицати подаетъ, всѣмъ не изслѣдимымъ, вся пути и слѣды показуетъ. Доблеумнѣ же ходяй по сихъ, не заблуждаетъ. Безумный же, якоже и азъ бохма, отъ сихъ благошественныхъ всѣхъ внеподобы низходитъ. Никто же убо сего паки на сія и возводитъ, якоже богослови [illegible]щаютъ. Сію убо превысочайшую мудрость богоподобною [illegible]ію прошедъ иже кто, всякъ убо вѣщаютъ Святымъ Духомъ, якоже той подаяше имъ; о самомъ вышенебесномъ, яже о искони[?]омъ начало имутъ, яко отъ лица Вышняго богословствуютъ и глаголютъ. Таковъ бо бяше въ первыхъ, Давыдъ, иже и Богоотецъ наречеся; потомъ дѣвствующій, дѣвственный Іоаннъ, и Діонисій небесный орелъ, и Григорій добрый умъ, и Златоустый Іоаннъ, и другій Іоаннъ, Дамасково солнце, иже и край всякаго богословіа достиже, и сѣкира и оскордъ всякому блядению

и ереси показася, и пребезмѣрная и безчисленая отъ присноблаженныя и приснопамятныя своея души многа намъ богословная вѣщанія оставилъ. Тако же и прочіи вси, иже богословія образъ препмущіи, сицевыми богоблагодатными дары преизлишествовани бѣша, и преславныхъ и не постижимыхъ нами по Духу Святому достигше". Наконецъ Максимъ говоритъ о трудности, съ какою достигается изученіе этихъ наукъ. „Тѣмже истинствую ти глаголя, о боголюбезный любораचителю, яко не единовременно убо сія подается искрь желающему, но многихъ временъ коснѣнія сей требуетъ, и премножайшаго и зѣло любораднаго пота же и труда, якоже великая наша свѣтила. Василій и Григорій, до тридесятаго лѣта во Аѳінскихъ учителищахъ продолжиша: тако же и прочіи медленіемъ въ семъ себѣ доволиша, а не прикосомъ ю пріяша". Въ „Бесѣдѣ о пользѣ Грамматики" для примѣра Максимъ представилъ грамматическій анализъ двухъ молитвъ: Царю Небесный и Отче нашъ. Вотъ этотъ разборъ. *Царю* — часть первая, имя собное, по свойству и по естеству, а не по причастію, отъ неуправляемыхъ, рода мужескаго, вида первообразнаго, числа единственнаго, начертанія простаго, падежа звателнаго, склоненія четвертаго. *Небесный* — часть первая, имя отъименное, неуправляемыхъ, третіяго прилагательныхъ раздѣленія, рода мужескаго, вида производнаго, числа единственнаго, начертанія простаго, падежа звателнаго, склоненія пятаго. *Иже* — часть 5-я различіе, рода мужескаго, числа ед., падежа праваго. *Вездѣ* — часть шестая нарѣчіе, знаменованія на мѣстѣ къ вопрошенію, начертанія простаго. *Сый* — часть третія, причастіе, еже во глаголѣ, рода муж., числа ед., падежа праваго, времене настоящаго, залога средняго. *И* — часть осмая, союзъ, начертанія простаго, знаменія сопрягателнаго, чина предлагательнаго. *Исполняя* — часть 3-я глаголъ дѣепричастный, рода муж., числа ед., падежа праваго, времене настоящаго, залога дѣйственнаго. *Пріиди* — часть 3-я глаголъ, залога дѣйственнаго, начертанія сложнаго, вида совершенна, числа ед., лица втораго, наклоненія молительнаго, времене будущаго, рода всякаго, спряженія перваго" и т. д. Въ концѣ грамматическаго анализа этихъ двухъ молитвъ сказано: „Сице вся божественнаго Писанія реченія и слова, и внѣшнихъ бесѣдованія словеса, яже предано отъ Бога уму человѣчю разсуждати, и языку глаголати, частьми сими осмію разводи, и родами разбирай.

и виды указуй, и числа разсказывай, и начертанія объявляй, и падежи узнавай, и склоненія незабывай, и залоги и времена разсуждай, и качества расписывай съ люботруднымъ тщаніемъ. аще хощеши извѣстно вѣдати осмочастный разумъ; внѣ бо сихъ ничтоже есть, и немощно слова изъяснити безъ сихъ, якоже рече Іоаннъ Дамаскинъ".

Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, что Максимъ Грекъ, какъ и Іоаннъ Болгарскій, пользовался грамматикой Дамаскина. Здѣсь грамматика дѣлится на 4 части: орѳографію, этимологію, синтаксисъ и просодію. Названія частей рѣчи Максимъ буквально перевелъ съ греческаго. Правда, въ отвѣтахъ Максимовыхъ показаны и другія названія частей рѣчи, именно: *имя, слово, частъ, загадка, прозвище, присловіе, слученіе, сладка.* По предположенію Востокова, эти второстепенныя части Максимъ Грекъ взялъ изъ Сербской или Богемской грамматики[1]). Падежей у него столько же, какъ и у Іоанна Болгарскаго, но при грамматическомъ разборѣ молитвъ онъ упоминаетъ уже и о сказательномъ, именно: разбирая слово *на небеси,* онъ говоритъ: „*небеси* — часть первая, имя нарицательное отъ неуправляемыхъ, рода средняго, вида первообразнаго, числа единств., начертанія простаго, падежа *дательнаго,* или *сказательнаго,* склоненія втораго". О словѣ *на земли* прямо сказано — „*падежа сказательнаго*". Въ *Бесѣдѣ о пользѣ Грамматики* показана связь между грамматикою, риторикою и философіею и важное значеніе этихъ наукъ, отъ изученія которыхъ не уклонялись и св. отцы: Іоаннъ дѣвственникъ, Діонисій, Григорій, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинъ и др.

Засадкевичъ.

---

[1]) Вотъ подлинныя слова Востокова: „Откуда онъ (М. Грекъ) взялъ сіи названія, изъ коихъ нѣкоторыя вовсе не отвѣчаютъ Греческимъ, и употреблены, какъ кажется, весьма несвойственно? Почему членъ названъ *загадкою?* мѣстоименіе *прозвищемъ?* нарѣчіе *слученіемъ?* Кажется, что въ этомъ исчисленіи перемѣшанъ порядокъ частей рѣчи, и что нѣкоторыя изъ нихъ пропущены, а другимъ приведены по два названія. *Слученіе* и *сладка* означаютъ безъ сомнѣнія *союзъ, σύνδεσμος,* conjunctio? И ежели verbum названо *словомъ* (какъ въ Польскомъ и Богемскомъ), то *присловіе* будетъ означать буквально *adverbium* (въ Польск. *przyslowie, doslowie, pryzslowek,* въ Богем. *prislowce*). Надобно думать, что сочинитель помянутыхъ отвѣтовъ, Максимъ ли Грекъ, или кто другой, имѣлъ передъ собою какую-нибудь Сербскую или Богемскую грамматику, изъ которой ввелъ сіи второстепенныя наименованія частей рѣчи". Труды общ. люб. Рос. Сл. Ч. 17, 1820 г. „Разсужденіе о Слав. языкѣ".

Грамматика Лаврентія Зизанія.

Грамматика эта была напечатана въ Вильнѣ въ 1596 году. — явилась, значитъ, въ то время, когда науки и словесность въ Польшѣ въ особенности процвѣтали, и была, слѣдовательно, плодомъ благотворной дѣятельности Польши въ XVI вѣкѣ. Грамматика Зизанія — опытъ довольно слабый и неполный; изъ многихъ мѣстъ грамматики видно, что авторъ ея слѣдовалъ греческой грамматикѣ; всѣ звуки и слова языка славянскаго онъ старается уложить въ готовыя формы греческой грамматики. Далѣе, несмотря на то что авторъ старался писать чистымъ славянскимъ языкомъ, въ грамматикѣ его замѣтно вліяніе языка польскаго и бѣлорусскаго, и въ особенности въ *истолкованіи молитвы Господней* и въ *лексисъ*. Вотъ образецъ его рѣчи изъ толкованія молитвы Господней: „О духовномъ зась хлѣбѣ мыслячи, то есть о словѣ Божемъ, просимо абы вамъ далъ хлѣбъ нашъ, то есть нашей науки христіанской слухати, а не еретическихъ вымысловъ, анѣ поганскихъ наукъ. Кгдыжъ и они кормятся, але не своимъ хлѣбомъ, анѣ словомъ Божіимъ, але прелестю сатаньскою". Несмотря впрочемъ на всѣ эти недостатки, для насъ важно то, что въ этой грамматикѣ для русской рѣчи указаны надлежащія формы; авторъ не рабски подражалъ подлиннику, но имѣлъ въ виду и отличительныя свойства языка славянскаго, — важно то, что авторъ заботился о правильности и чистотѣ русской рѣчи. Заглавіе его грамматики слѣдующее: Грамматика Словенска съвершеннаго искуства осми частей слова и иныхъ нуждныхъ, ново съставленна Л. Z. Въ Вильнѣ, въ друкарни братской, року Божого афчѕ (1596), а отъ созданія міра з҃ѳ҃г (?), мѣсяца февраля кі. Послѣ этого заглавія слѣдуетъ стихотворная эпиграмма на грамматику, въ которой авторъ, слѣдуя извѣщенію грамматики львовскихъ студентовъ, называетъ грамматику ключемъ къ познанію, первою ступенью на лѣствицѣ прочихъ наукъ:

Грамматика писма всѣхъ научаетъ,
Четырмя частьми латве уразумляетъ,
Ороографіею и Просодіею,
Синтаксисомъ и Этимологіею,

А предуреченное ей опаство
Подаетъ певное искуство,
Которіи прагнутъ быти доскональ,
Въ письмѣ и словахъ абы не партали,
Але извѣстно все познавали
И чего ся учатъ, абы добрѣ знали;
Ключемъ бо есть, отворяючи всѣмъ разумъ
Къ познанію въ преправый разумъ;
По которой власне якъ по всходѣ пойдетъ
Каждый, естьли хочетъ, всѣхъ наукъ дойдетъ.

Грамматика расположена по вопросамъ и отвѣтамъ и начинается просодіей, объясняющей надстрочные знаки, долгіе и короткіе слоги, строчные знаки. Гласныя буквы раздѣляетъ онъ на долгія: и, ѣ, ω и я, короткія: є, о и ꙋ, двоевременныя: а, і, ж и ѵ. На этомъ основано у него и стихосложеніе, въ чемъ слѣдуетъ и М. Смотрицкій въ своей грамматикѣ. ъ и ь находятся между согласными. Малая точка называется здѣсь *срока*, двоеточіе — *двосрóчіе*, точка съ запятой — *подстóлія*. Въ этимологіи считается 8 частей рѣчи, какъ и въ грамматикѣ Дамаскина: различіе (мнимый членъ: иже, яже, еже), имя, мѣстоимя, глаголъ, причастіе, предлогъ, нарѣчіе и союзъ. Междометія здѣсь нѣтъ. Падежей 6: именовный, родный, звательный, дательный, творительный и виновный или винительный. О предложномъ падежѣ не упоминаетъ. Степени сравненія: положенный, разсудный и превышній. Между неправильными степенями сравненія помѣщена форма, неизвѣстная въ церковно славянскомъ языкѣ, именно: золъ, злѣйшій, *наче зльші*. Склоненій именъ существительныхъ и прилагательныхъ (безъ разбору) десять. При склоненіи встрѣчается много неправильностей, въ особенности при двойственномъ числѣ. Залоговъ пять: дѣлательный, страдательный, средній, посредственный и общій. Образовъ (наклоненій) четыре: изъявительный, желательный, молитвенный, неопредѣленный. Супружествъ (спряженій) два: къ первому относятся глаголы, кончащіеся на *аю*, *ѣю*, и *яю*; ко второму — на *у*, *ю* и *ую*. Временъ пять: *настоящее:* являю, *мимошедшее:* явихъ, *протяженное:* являхъ, *пресовершенное:* являахъ, *будущее:* явлю. Въ главѣ о метрѣ изложено стихосложеніе. Онъ совѣтуетъ слѣдовать поэтамъ греческимъ, хотя самъ пишетъ стихи съ риө-

мами. Къ грамматикѣ присоединено толкованіе молитвы Господней (логическое), краткій словарь старославянскаго языка съ переводомъ на *простый Руській діалектъ* и нѣсколько статей догматическаго содержанія.

Засадкевичъ.

Грамматика Смотрицкаго и ея значеніе.

Славянская грамматика М. Смотрицкаго напечатана въ Евю, близъ Вильны, въ 1619 году, подъ заглавіемъ: „Грамматики Словенскія правильное Синтагма, потщаніемъ Мелетія Смотрицкого“ и пр. Образцомъ Смотрицкому въ изложеніи предмета служила грамматика греческая; онъ старался, какъ и Л. Зизаній, подвести славянскій языкъ подъ правила и законы языка греческаго. По образцу греческой грамматики, Смотрицкій раздѣляетъ свою грамматику на четыре части: орѳографію, этимологію, синтаксисъ и просодію. Въ первой части онъ довольно подробно говоритъ о правописаніи, которое заключаетъ въ себѣ 3 отдѣла: „естество писменъ, удареніе гласа и препинаніе словесъ“. Сообразно съ греческою грамматикою. онъ дѣлитъ (по количеству) гласныя буквы на *долгія* (и. ѣ, ѡ), *краткія* (є, о) и *двовременныя* (а, ї, ѵ̒). При этомъ онъ сдѣлалъ такую оговорку: „аще убо и не творятъ Словяне писменемъ своимъ гласнымъ втораго раздѣленія по Грековъ мѣрителнаго въ слогахъ количества раздѣленію, стихотворну по симъ славяномъ художеству не бывшу; обаче поелику намъ и греческаго раздѣленія силу и славянскихъ гласныхъ и двогласныхъ писменъ ко греческимъ пріискренность (сродство) вѣдѣти, искусныхъ мужей по Божіей благодати вѣ́ствомъ дадеся, раздѣляемъ гласная на трое“... Замѣчательно его ученіе о носовыхъ знакахъ. Перечисляя буквы, онъ говоритъ: ю или ѫ, ѧ или ѧ. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что славяне оставили ѫ, такъ какъ эта буква у нихъ не употребляется. Значитъ. М. Смотрицкій не имѣлъ яснаго понятія о значеніи юсовъ въ славянскомъ языкѣ. Буквы ъ и ь онъ называетъ *припряжногласными,* такъ какъ онѣ сами по себѣ *гласа издати не могутъ,* а опредѣляютъ звуки согласныхъ, которыми оканчивается слово или слогъ, напр. частъ и часть, кровъ и кровь, перстъ и персть. Это названіе принялъ и Добровскій въ своей грамматикѣ.

О согласныхъ Смотрицкій говоритъ: „Согласная, ова подгласная, ова безгласная; полгласна соуть: ж, ꙁ, л, м, н, р, с, ц, ѵ, ш, щ, ѯ, ѱ, безгласна соуть: б, в, г, д, к, п, т, ф, х, ѳ“. Буквы, извѣстныя въ грамматикѣ греческой и латинской подъ именемъ liquidae (l, m, n, r), онъ значительно расширилъ. За тѣмъ онъ продолжаетъ: „Согласная суть ова измѣняемая: ж, г, к, х, ц, ж, г, ш“. Въ числѣ измѣняемыхъ онъ не поставилъ ꙁ, є, т. Букву щ Смотрицкій считаетъ не нужной въ славянскомъ языкѣ. Къ страннымъ онъ относитъ буквы: г, ѕ, ф, ѯ, ѱ, ѳ, на томъ основаніи, что онѣ взяты изъ греческаго языка и славянскій языкъ не нуждается въ нихъ. Къ страннымъ онъ отнесъ г и ф, но не сказалъ, какими буквами можно замѣнить ихъ. Слѣдуетъ замѣтить, что Смотрицкій внесъ въ свою азбуку два Г, г для славянскаго звука въ словѣ *благо* и греческое Γ для гаммы. Гамма отличается у него прописнымъ греческимъ начертаніемъ той же буквы Г. На эти два звука обратилъ вниманіе и Ломоносовъ.

Смотрицкій различаетъ Є и є, о и ω. Первыя двѣ буквы, по его мнѣнію, употребляются чаще всего для различія именит. падежа единств. числа отъ родительнаго множественнаго, хотя такого различія и не было въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ. Въ единств. числѣ пишется малое є, во множественномъ Є. Относительно буквъ о и ω онъ думаетъ, что первое начертаніе употребляется въ творит. падежѣ единст. числа, а второе въ дательномъ множественнаго.

Смотрицкій далъ мѣсто въ своей грамматикѣ и акцентуаціи, но акцентуація эта греческая. Замѣтимъ, что въ древнѣйшихъ рукописяхъ славянскихъ не было знаковъ удареній; впервые явилися они у болгаръ уже въ XIV столѣтіи. Книгопечатаніе окончательно ихъ закрѣпило. Ударенія, придыханія и другіе надстрочные знаки ввелъ Смотрицкій и въ свою грамматику.

Изъ разсужденій Смотрицкаго объ орѳографіи мы видимъ, что онъ 1) хотя и удачно назвалъ буквы ъ и ь *припряжногласными*, но не зналъ отношенія ихъ къ гласнымъ буквамъ; 2) не имѣлъ яснаго понятія о значеніи носовыхъ звуковъ въ славянскомъ языкѣ; 3) ввелъ въ славянскій языкъ ударенія, придыханія и другіе надстрочные знаки, по образцу греческой грамматики.

Въ этимологіи Смотрицкій принимаетъ восемь частей рѣчи, но *различіе* у него замѣнено *междометіемъ*. Ἄρθρον: сирѣчь

часть слова различіемъ называемую, славенскому языкови не свойственну оставихомъ. Мѣстоименію долгъ ея доволнѣ исполняющу. Во осмую же слова часть, междометіе, латински interiectio называемую свойственнѣ пріяхомъ". Имена существительныя и прилагательныя составляютъ одну часть рѣчи — имя. Смотрицкій не зналъ еще, что прилагательныя полныя склоняются при помощи мѣстоименія *и, я, е*. Прилагательному имени дано девять видовъ (совершенное, отъименное, числительное, чинительное, вопросительное, отвѣщательное, притяжательное, отечественное и языческое); степени сравненія: *положительный, разсудительный, превосходительный*. Разсудительная, т.-е. сравнительная степень образуется изъ именительнаго падежа положительной степени, со включеніемъ въ послѣдній слогъ буквы *ш* и съ перемѣною слога *ый* на *ій*: *правый, правшій, убогій, убогшій*. Превосходительная же составляется изъ разсудительной, со включеніемъ между послѣднимъ и предпослѣднимъ слогомъ *ѣй*, напр. *правшій, правѣйшій, простшій, простѣйшій*. Родовъ семь, такъ какъ къ четыремъ извѣстнымъ уже (муж., жен., средн., общ.) прибавилось еще три: *всякій*: той, тая, тое, исполнь; *недоумѣнный*: той или тая неясыть: *преобщій*, объемлющій оба пола: той орелъ, тая ластовица. Ко всякому роду относятся тѣ слова, которыя можно принять и за мужескія, и за женскія, и за среднія. Для примѣра Смотрицкій приводитъ слова: исполнь и юродъ. Сюда, значитъ, Смотрицкій относитъ тѣ имена прилагательныя, которыя онъ называетъ *прилагательными одного окончанія*. Но мы знаемъ, что *исполнь* есть собственно прошедшее причастіе дѣйствительное сокращенное отъ глагола исполнити; относительно слова *юродъ* — Смотрицкій не объясняетъ, почему оно не можетъ измѣняться по родамъ. Къ *недоумѣнному* роду относятся имена, о которыхъ мы не можемъ положительно сказать, какого они рода — мужескаго или женскаго. Такихъ словъ, разумѣется, немного. Въ церковно-славянскомъ языкѣ такія имена отнесены къ неправильнымъ, и Смотрицкій неосновательно поступилъ, сдѣлавши изъ такого ограниченнаго числа словъ цѣлый классъ. Относительно *преобщаго* рода замѣтимъ, что введеніе этого рода совершенно излишне, и мы основательно дѣлаемъ, когда относимъ подобнаго рода имена къ тому роду, какой сообщаетъ ему окончаніе: *орелъ* — рода мужескаго, *ластовица* — женскаго. Такимъ образомъ прибавка этихъ трехъ родовъ не имѣетъ

достаточнаго основанія. У Смотрицкаго четыре склоненія по окончаніямъ именъ существительныхъ: 1-е: на а (всѣхъ родовъ) и женскаго рода на а и и (род. ы, дат. пред. ѣ, винит. у, зват. о, твор. ою; исключенія составляютъ имена на жа, ца, ча, ша, ща, на а чистое и на а чистое и нечистое, которыхъ род. един., им. и зват. множ. оканчивается на и, а женскаго на а; зват. на є, твор. єю: вин. множ. муж. род. на ы, и, а, женскаго на а). Сюда же относятся иностранныя слова на *ас, ис*. 2-е: на ъ (муж. рода), о, а (род. є, дат. и), є — средняго рода. 3-е: на ь женскаго рода; 4-е: на ь, ан, єн, єг, ин, їн, он, ѡн, ын, ѣн, ац — мужескаго рода и на ѥ — средн. рода. Пятое склоненіе назначено для именъ прилагательныхъ, которыя, по словамъ Смотрицкаго, бываютъ будто бы трехъ окончаній и одного. Первое, второе и пятое склоненія приняты Ломоносовымъ. Къ шести падежамъ Зизаніевой граматики прибавленъ *сказательный* (предложный). Греческія и латинскія имена удерживаютъ окончаніе падежей греческихъ и латинскихъ, напр. им. сѵнтаѯис, р. сѵнтаѯіос, д. сѵнтаѯі, в. сѵнтаѯин; ѧѵторі-тас, р. д. и ск. ѧѵторітаги, парадигма, парадигмати, и пр. Слова эти онъ склоняетъ даже въ двойственномъ числѣ. Склоненіе прилагательныхъ составлено не по древнѣйшимъ памятникамъ церковно-славянскаго языка, а по памятникамъ позднѣйшимъ; но „это, по словамъ Вышеградскаго, недостатокъ, которымъ страдаетъ все сочиненіе Смотрицкаго, — зло коренное, основное, выразившееся повсюду. Оно въ склоненіяхъ вообще причиною того, что винительный падежъ сталъ клониться къ родительному, межъ тѣмъ какъ въ древнемъ языкѣ онъ почти всегда сходствовалъ съ именительнымъ: оно наклонило родит. падежъ мужескихъ именъ къ дательному (оу вмѣсто а); оно было причиною измѣненія ѣмь въ творительномъ единственнаго на омь, и вслѣдствіе того придуманія ѡ и о, какъ отличія множественнаго числа отъ единственнаго; оно ввело слогъ *овъ* въ родительный множественнаго, межъ тѣмъ какъ въ старомъ языкѣ родительный множественнаго всегда стремился къ сходству съ именительнымъ единственнаго; оно изгнало изъ склоненія прилагательныхъ творительный единственнаго и множественнаго и дательный множественнаго усѣченной существительной формы; оно уничтожило означенія носовыхъ звуковъ, въ винительномъ и творительномъ женскаго рода, замѣнивъ ѫ въ первомъ случаѣ несвойственнымъ *оу*, а во второмъ *ю*.

Оно же склоняя *триста* сказало предложный о *трехъ стохъ* (О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-славянскаго языка, 1847).

Глаголъ бываетъ: *личный*, *безличный*, *стропотный* (неправильный: (ѥсмь, ꙗмь, вѣмь), *лишаемый* (недостаточный: рѣхъ, оусни). Личный глаголъ дѣлится на *существительный* ѥсмь, бываю), *звательный* (нарицаюса, прозываюса) и *прилагательный* (сюда принадлежатъ глаголы, не относящіеся къ существительнымъ и звательнымъ). Личный глаголъ дѣлится еще на *переходительный* (люблю, творю) и *самостоятельный* (стою, сѣжу, сплю). Принадлежности глагола: залогъ, начертаніе, видъ, число, лицо, наклоненіе, время, родъ и спряженіе. Залоговъ пять: *дѣйствительный*, *страдательный* (бїюса, творюса), *среднїй*, *отложительный* (боюса, труждаюса) и *общїй* (каслюса). Замѣтимъ, что страдательнымъ Смотрицкій называетъ тотъ залогъ, который впослѣдствіи назывался отложительнымъ; къ отложительному залогу онъ относитъ тѣ глаголы, которые послѣ были названы общими, а общимъ онъ называетъ тотъ залогъ, который имѣетъ окончаніе страдательнаго, а значеніе вмѣстѣ и дѣйствительнаго и страдательнаго. Въ этомъ случаѣ Смотрицкій руководился латинской грамматикой. Начертаніе глагола бываетъ: *простое* (ѥмлю), *сложенное* (приѥмлю) и *пресложенное* (воспріѥмлю). Смотрицкій указалъ и на особенное свойство славянскихъ глаголовъ, т.-е. на виды, но мысль его о видахъ не приложена къ дѣлу во всей полнотѣ. Глаголы раздѣлены на два вида. *первообразный* иже и *совершенный* (утѣ, стою) и *производный*, раздѣляющійся на *начинательный* (каменѣю, трезвѣю) и *учащательный* (читаю, бѣгаю). Послѣднему дано особое время мимошедшее, которое, по словамъ Смотрицкаго, составляется отъ перваго лица *прешедшаго*, растворяемаго другимъ азомъ: (читахъ, читаахъ). Временъ и наклоненій Смотрицкій насчитываетъ столько и въ такомъ порядкѣ, какъ и въ греческой грамматикѣ, именно: наклоненій шесть: *изъявительное*, *повелительное*, молительное (оуслыши, призри), *сослагательное*, *подчинительное* (да бїю) и *неопредѣленное* (стоати, бити); временъ также шесть. *настоящее*, *преходящее*, *прешедшее*, *мимошедшее*, *непредѣльное* и *будущее*. Мимошедшее у автора то же, что давнопрошедшее въ греческомъ, а непредѣльное — греческій аористъ. Спряженій два, изъ которыхъ первое во второмъ лицѣ оканчивается на

ети, а второе на *ити*. Замѣтимъ, что признаки дѣленія глаголовъ на спряженія у Смотрицкаго основательнѣе, чѣмъ у Зизанія. Дѣленіе Смотрицкаго ввелъ въ свою грамматику и Ломоносовъ.

Въ спряженіяхъ Смотрицкаго, именно въ сослагательномъ и подчинительномъ наклоненіяхъ, мы встрѣчаемъ между прочимъ нѣкоторыя формы глаголовъ изъ польскаго языка. Произошло это отъ того, что онъ изслѣдуетъ не древнѣйшій церковно-славянскій языкъ, а языкъ ему современный, заключающій въ себѣ элементы различныхъ рецензій, и въ особенности русской. Вотъ почему въ его грамматикѣ выставлены формы словъ безъ разбора относительно *времени* и мѣстности. Формы польскія помѣщены впрочемъ только въ заглавіи каждаго времени для объясненія церковно-славянскихъ. Вотъ эти формы:

Наклоненія *подчинительнаго*, вида совершеннаго *настоящее время:*

„Да: абымъ читалъ.

Един. да чту, чтеши, чтетъ и т. д.“.

Время преходящее:

„Да быхъ: абымъ былъ читалъ.

Един. да быхъ челъ, чла, чло, былъ еси, ла, ло, бяше и т. д.“.

Вида *учащательнаго* время *настоящее:*

„Да: абымъ часто чи́товалъ.

Мимошедшее: „Да быхъ: абыхъ бымъ часто читовалъ“.

Един. да быхъ читалъ. ала, ало, былъ еси, ла, ло: бяше и т. д.“.

Здѣсь замѣтимъ кстати, что Смотрицкій ввелъ въ свою грамматику такую форму глагола, которой не было въ древнемъ языкѣ славянскомъ. Мы разумѣемъ дѣепричастіе. Вотъ его опредѣленіе этой формы: „дѣепричастія суть причастія чрезъ усѣченіе или изъятіе сокращеная, и знаменованіемъ отъ причастій (отъ нихъ же составляются) потолику различествующая, поелику прилагательное усѣченное отъ цѣлаго различествовати обыче. — Прочіихъ падежей во всѣхъ родѣхъ и числѣхъ, кромѣ именительна, лишаются.“. По поводу этого справедливо замѣтилъ Востоковъ слѣдующее: „Въ Богемскомъ языкѣ сохранились древнія формы причастія Славянскаго, и нѣтъ вовсе дѣепричастій; но Польскій, Краинскій, Хорватскія и Сербскій утратили древнія окончанія муж. и сред. рода причастій на

я, ая — въ и пр., сохранивъ только женскія на *чи* или *чь*, и *ши*, которыя и обратили въ дѣепричастіе (gerundium). Смотрицкій, нашедъ конечно въ общенародномъ русскомъ и польскомъ языкѣ своего времени сію несклоняемую форму, заключилъ, что она должна быть и въ славянскомъ. Онъ смѣшалъ съ нею усѣченное причастіе церковно-славянскаго которое и внесъ подъ именемъ *дѣепричастія* въ свою грамматику. Дѣепричастіе у него не лишено, какъ въ нынѣшнихъ грамматикахъ, родовъ и чиселъ, а только не имѣетъ другихъ падежей, кромѣ именительнаго. Кромѣ дѣепричастія, Смотрицкій вводитъ въ свою грамматику еще одну форму, совершенно чуждую церковно-славянскому языку, — *причастодѣтіе*, которое, какъ видно изъ правилъ Смотрицкаго, соотвѣтствуетъ латинскому gerundium и греческому отглагольному имени прилагательному (творительно, носительно).

Синтаксисъ у Смотрицкаго дѣлится, примѣнительно къ греческой грамматикѣ, на синтаксисъ *простой* (simplex) и синтаксисъ *образный* (ornata). Синтаксическія правила означаются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они изложены въ учебникахъ древнихъ языковъ: о сочиненіи прилагательнаго съ существительнымъ, объ именительномъ; о родительномъ съ именемъ и глаголомъ, о дательномъ съ именемъ и глаголомъ и т. д. Схимата (образцы) образнаго синтаксиса слѣдующія: приложеніе (*πρόσθεσις*), объятіе (*συνεκδοχή*), сложеніе (*σύνθεσις*), сприженіе (*ζεῦγμα*), осяженіе (*σύλληψις*), предвзятіе (*πρόληψις*), мѣстопадежіе (*αντίπτωσις*), измѣненіе (*εναλλαγή*), еллинисмъ (*ἑλληνισμός*), — совершенно по-гречески. Въ синтаксисѣ вообще Смотрицкій слѣдуетъ греческой грамматикѣ, хотя и самъ сознается, что языкъ славянскій имѣетъ свои особыя свойства, независимыя отъ греческаго. Замѣтимъ, что синтаксисъ у Смотрицкаго сравнительно полнѣе, чѣмъ у Ломоносова.

Въ послѣдней части грамматики (въ просодіи) авторъ также слѣдуетъ греческой грамматикѣ. Замѣтимъ, что при Смотрицкомъ царило у насъ стихосложеніе силлабическое. Русскіе писатели XVI вѣка, за неимѣніемъ грамматики, которая указала бы имъ просодическія особенности языковъ русскаго и церковно-славянскаго, обратились за устройствомъ русскаго стиха къ литературѣ польской и ввели стихосложеніе силлабическое, основанное на числѣ слоговъ. Но „силлабическая

версификація, какъ подражательная, не отвѣчавшая законамъ русскаго слова, вышла прививною, васильственною. Неизмѣнное удареніе на предпослѣднемъ слогѣ, по свойству польской просодіи, сообщало виршамъ непріятную монотонію и принуждало отступать отъ естественнаго выговора словъ. Кромѣ того стихотворный размѣръ шелъ наперекоръ русскому синтаксису. Между ними не было достаточнаго соглашенія: постройка словъ необходимо подчинялась постройкѣ стиховъ. Будучи скована правилами чуждой ей просодіи, церковнославянская и русская рѣчь ложились искусственными, натянутыми предложеніями и періодами, и отступали отъ естественнаго строя ради соблюденія риѳмъ, цезуры и количества словъ"[1]. Л. Зизаний и М. Смотрицкий, замѣтивъ эти недостатки, обратились къ стихотворной просодіи греческой, тѣмъ болѣе, что между славянскимъ и греческимъ языками находили нѣкоторое сходство въ просодіи. Попытка ввести стихосложеніе метрическое, какъ мы видѣли, принадлежитъ Л. Зизанію. За нимъ послѣдовалъ и М. Смотрицкій. Послѣдній считаетъ просодію полезною потому, что славный латинскій стихотворецъ Овидій, по свидѣтельству „дѣй Славенскихъ хронографа достовѣрнаго" Стрійковскаго, писалъ прекрасные стихи на славянскомъ языкѣ. „Матѳій Стрійковскій, дѣй Славенскихъ хронографъ достовѣрный, въ четвертой своея хронологіи книзѣ пишетъ, Овидіе славнаго оваго латинскаго поету въ Сарматскихъ народѣ заточеніи бывша и языку ихъ совершеннѣ навыкша, Славенскимъ діалектомъ за чистое его красное и любопріемное стихи или вѣрши писавша". Въ просодіи, по примѣру Зизанія и греческой грамматики, слоги у него раздѣляются на долгіе, краткіе и общіе по мнимому естеству гласныхъ и согласныхъ, положенія, приращенія и окончанія. Изъ греческихъ стопъ онъ ввелъ въ свою грамматику слѣдующія: *спондей* — —, *пиррихій* ⏑ ⏑, *трохей* — ⏑, *ямбъ* ⏑ —, дактиль — ⏑ ⏑, *анапестъ* ⏑ ⏑ —, *амфивραхій* ⏑ — ⏑, *амфимаркъ* — ⏑ —, *вакхій* ⏑ — —, *палимвакхій* — — ⏑, *тривραхій* ⏑ ⏑ ⏑, *тримаркъ* — — —. Изложивъ правила греческаго стопосложенія, Смотрицкій для примѣра предлагаетъ и стихи, написанные метрическимъ размѣромъ:

---

[1]) Галаховъ, Ист. Рус. сл., т. I, стр. 206.

Сарматски новорастныя мусы стопу перву
Тщащуся Парнассъ въ обптель вѣчну заяти.
Христе царю пріими, и благоволивъ, Тебѣ съ Отцемъ
И Духомъ святымъ пѣти учи россійскій
Родъ нашъ чистыми мѣры словенски имны.

Противъ нововведенія Смотрицкаго ратовалъ въ особенности Ломоносовъ. Въ своемъ письмѣ „О правилахъ россійскаго стихотворства" онъ между прочимъ говоритъ: „Въ Россійскомъ языкѣ тѣ только слоги долги, надъ которыми стоитъ сила: а прочіе всѣ кратки. Сіе самое природное произношеніе намъ очень легко показываетъ. Того ради совсѣмъ худо и свойству Славенскаго языка, который съ нынѣшнимъ нашимъ немного разнится, противно училъ Смотрицкій, когда онъ е, о, за короткія; а, і, ѵ, за общія; и, ѣ, ω, съ нѣкоторыми двугласными и со всѣми гласными, что передъ двумя или многими согласными стоятъ, за долгія почелъ" [1]). Но, вооружаясь противъ нововведенія Смотрицкаго, онъ самъ думалъ подчинить нашу версификацію древнеклассической.

Изъ сдѣланнаго нами обзора грамматики Смотрицкаго мы можемъ сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) мы видимъ, что образцомъ ему служили грамматики древнихъ языковъ, преимущественно греческая грамматика; 2) разбираетъ современный ему церковно-славянскій языкъ, слѣдовательно уже позднѣйшій, усвоившій себѣ слова и обороты русскіе. На какомъ же языкѣ онъ самъ писалъ? Самъ онъ писалъ тоже на современномъ ему церковно-славянскомъ языкѣ, съ небольшою примѣсью польскаго языка и бѣлорусскаго нарѣчія. Вліяніе польское и бѣлорусское въ высшей степени замѣтно только въ предисловіи автора къ грамматикѣ. Мы уже имѣли случай приводить выписки изъ грамматики Смотрицкаго, а потому теперь ограничимся только выпиской изъ предисловія, которая покажетъ намъ, до какой степени входили въ рѣчь Смотрицкаго элементы польскій и бѣлорусскій: „за таковымъ вашимъ пильнымъ стараніемъ въ рихлѣ, въ надѣи помочи Божеи, обецую славному въ народѣ нашемъ языкови подвесеніе, вырозумене его, уживане и пожитокъ: который занедбалый а церкви нашей природный будучи, по не малу народъ нашъ въ набоженство

[1]) Ч. I, стр. LIX.

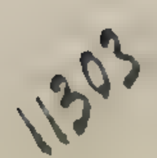
зазябилъ. На одномъ теды только семъ, якомъ реклъ, залежати будетъ, абы дозорови, опецѣ и промыслови вашему повѣреныи дѣтки и младенцы лѣтъ своихъ и часу, обоего сего назадъ вернутися не умѣючого, за обое тое вамъ слово въ день страшного суда Христова отдати повиннымъ будучимъ, надаремне не тратили. Дѣткамъ учитися починаючимъ Букварь, звыкле рекши, Алфавитарь, зъ топжъ грамматики вычерпненый, абы склоненіямъ грамматичнымъ зъ лѣтъ детинныхъ зъ мовою заразъ привыкали, до выученя подаванъ нехай будетъ".

Грамматика Смотрицкаго полнѣе и исправнѣе первой славянской грамматики Зизаніевой: Смотрицкій уничтожилъ членъ, какъ не свойственный славянскому языку, прибавилъ сказательный падежъ, ввелъ въ слав. грамматику ученіе о видахъ, замѣтилъ въ слав. языкѣ супинъ, или, по опредѣленію Востокова, достигательное наклоненіе, довольно удачно означилъ признаки для спряженій, ввелъ дѣепричастіе. Смотрицкому принадлежитъ наша грамматическая терминологія, отчасти измѣненная Ломоносовымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ до сихъ поръ уцѣлѣвшая, не смотря на попытки Ломоносова измѣнить ее; мы говоримъ, напр., *буквы* (по Смотрицкому), а не *письмена* (по Ломоносову), *слогъ*, а не *складъ*, *междометіе*, а не *междуметіе* и пр. Смотрицкій первый систематически изложилъ грамматическія правила, и его грамматика, несмотря на вышеуказанные недостатки, пользовалась большою извѣстностію: нѣсколько разъ была издана (1629 г., въ Вильнѣ, 1648 и 1721 года въ Москвѣ); изъ нея дѣлали извлеченія, сокращенія; долгое время она служила единственнымъ руководствомъ при изученіи славянскаго языка; она, по словамъ Каченовскаго, составляетъ эпоху и въ исторіи образованія нашего языка; она одна была путеводительницею Ломоносова при наблюденіяхъ его надъ свойствами русскаго слова.

На долю немногихъ литературныхъ трудовъ выпадала такая извѣстность, какая выпала на долю славянской грамматики Смотрицкаго. Ей суждено было играть важную роль какъ у православныхъ, такъ и у католическихъ славянъ. Значеніе грамматики Смотрицкаго обусловливается какъ ея научными достоинствами, такъ и обстоятельствами времени, весьма много способствовавшими ея господству. Она имѣла громадное вліяніе на теорію языка и книгопечатаніе въ Россіи, Болгаріи, Сербіи и у глаголитовъ; долгое время служила единственнымъ

руководствомъ при изученіи церковно славянскаго языка; нѣсколько разъ была перепечатываема у русскихъ и у сербовъ; служила прототипомъ не только для грамматики славянской, но и для русской грамматики. По ней, наконецъ, исправлены были церковно-славянскія книги.

Засадкевичъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Козьминъ, К., преподаватель Московскаго учительскаго института. Логико-стилистическіе разборы образцовъ прозы и поэзіи. Пособіе при практическомъ изученіи стилистики, теоріи прозы и поэзіи и при веденіи объяснительнаго чтенія на высшей его ступени. Для среднихъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и старшихъ классовъ городскихъ училищъ. Изданіе 2-е. Одобр. Уч. К. М. Н. Пр. М. 1891 г. Ц. 1 р.

— Орѳографическія прописи. Пособіе при изученіи орѳографіи. Тетрадь первая. М. 1885 г. Ц. 35 к.

— Справочный словарь церковно-славянскаго языка. М. 1889 г. Ц. 5 к.

Козьминъ, К. и *Покровскій, В.* Теорія словесности. Сводъ теоретическихъ положеній, выведенныхъ изъ разбора образцовъ прозы и поэзіи. Изд. 3-е. Одобр. Учен. Комит. М. Н. Пр. М. 1893 г. Ц. 35 к.

— Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей, для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. Изданіе 3-е. Одобрено Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1893 г. Ц. 50 к.

Краткая грамматика французскаго языка по Ноэлю, Шапсалю и др., приспособленная къ примѣрной программѣ, напечатанной въ учебныхъ планахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ М. Н. Просвѣщенія. Одобр. Ученымъ Комитетомъ Мин. Народнаго Просв., какъ руководство для преподаванія французскаго языка. М. 1880 г. Ц. 60 к.

Кругловъ, А. В. За чужимъ горбомъ. Повѣсть для дѣтей съ рисунками въ текстѣ. Одобрена Ученымъ Ком. Мин. Нар. Прос. для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. М. 1890 г. Ц. 80 к., въ папкѣ — 1 р., въ коленкор. перепл. — 1 р. 50 коп.

Литвиненко, К. А. Записки по грамматикѣ русскаго языка. Методическое руководство и учебное пособіе для городскихъ, приходскихъ и сельскихъ училищъ, съ приложеніемъ систематическаго свода матеріала для самостоятельныхъ и письменныхъ упражненій, статей для диктанта и разбора, алфавитнаго указателя словъ, часто употребляющихся въ разговорѣ и письмѣ, и таблицами этимологическаго и синтактическаго разбора. Курсъ 3-го и 4-го года городскихъ училищъ. М. 1887 г. Ц. 75 к.

Любутовъ. Пособіе при изученія теоріи словесности. М. 1883 г. Ц. 25 к.

Млинаричъ, И., инспекторъ Тульской гимназіи. Lucianus Samosatensis. Избранные разговоры боговъ и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Текстъ съ словаремъ и объясненіемъ собственныхъ именъ. Изданіе 3-е, исправленное. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр., какъ учебное пособіе для V класса гимназій. М. 1890 г. Ц. 70 к.

— Этимологія греческаго языка для гимназій. Одобрена Учен. Ком. М. Н. Пр. М. 1881 г. Ц. 1 р.

— Синтаксисъ греческаго языка для гимназій. Изд. 2-е, исправленное. Одобренъ Учен. Ком. М. Н. Пр. въ видѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій. М. 1890 г. Ц. 75 к.

Никитинъ, С. Элементарный курсъ географіи по синтетическому методу. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и элементарныхъ школъ. Выпускъ 3-й — Отечествовѣдѣніе и выпускъ 4-й — Міровѣдѣніе. Изд. 4-е. Одобр. Уч. Ком. М. Н. Пр. М. 1889 г. Ц. 50 коп.

Николаевскій, И., директоръ Несвижской учительской семинаріи. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ М. Н. Пр. Часть I. Дидактическая пропедевтика, курсъ II класса. Изд. 3-е. Одобр. Уч. К. М. Н. Пр., какъ руководство для учительскихъ семинарій и институтовъ и для учительскихъ библіотекъ начальныхъ училищъ. М. 1894 г. Ц. 50 к.

— Тоже. Часть II. Педагогическая пропедевтика, курсъ III класса. Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 50 к. Одобр. Учен. Ком. Мин. Нар. Прос.

Павловъ, А. и *Ивановъ, П.*, преподаватели Моск. учит. института. Курсъ линейной перспективы, съ атласомъ чертежей, для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и другихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается рисованіе. М. 1887 г. Ц. 1 р. 25 к.

Покровскій, В. О педагогическомъ значеніи классьнаго чтенія отрывковъ изъ образцовыхъ писателей въ младшихъ классахъ. Ц. 60 к.

— Поэзія, какъ главный факторъ эстетическаго развитія. М. 1885 г. Ц. 1 р.